

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)

ТРУДЫ ОТДЕЛА
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

XXXIV

КУЛИКОВСКАЯ
БИТВА
И ПОДЪЕМ
НАЦИОНАЛЬНОГО
САМОСОЗНАНИЯ

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1979

Редколлегия:

О. А. Белоброва, Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев (отв. редактор)

8/н

ИССЛЕДОВАНИЯ

Г. М. ПРОХОРОВ

Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы

Во второй половине XIV в. Русь восприняла второе в своей истории и последнее великое по своему значению влияние византийской культуры.

Первое влияние — X—XI вв., когда византийская культура в ее южно-славянской редакции была впервые распространена на Русь. Эти семена взойшли классически ясной и спокойной по своему стилю, величественной в своем достоинстве и тонкой по своему изяществу культурой Руси «киевского», домонгольского, периода.

XIII век был временем тяжелых испытаний и для Византии, и для Руси. На месте Византии возникла Латинская империя; вскоре Русь оказалась частью громадной империи Чингисидов. Возможности возрождения появились в конце XIII—начале XIV в.; у Византии несколько раньше, чем у Руси.

В периоды бедствий культура или уничтожается, или консервируется; в периоды возрождений испытывается в своей жизнеспособности. А существовать исторически культура может, лишь отвечая на вызовы времени. Кем быть, кто мы такие — вот вопросы, на которые надо было ответить самим себе. И ответ далеко не был предрешен инерцией традиции: инерции у нее уже не было.

В истории европейского общественного сознания XIV век завершает тысячелетнее царство средневековых ценностей. Наступал Ренессанс — возрождение языческой античности по своему самосознанию, диалектическое завершение именно европейского Средневековья по внутренней логике его развития. Богочеловека в качестве высшей, «царящей» в обществе ценности теснили Человек, Государство, Народ.

Из восточноевропейских единоверных стран Византия оказалась средоточием, центром напряженного идеологического кризиса, неизбежного в эпохи всяческой реставрации. Русь к этому времени в отличие от Западной Европы и Византии не прожила еще и половины своего христианского тысячелетия. Она едва-едва забыла свое языческое родо-племенное прошлое. Она только начинала оправляться после потрясения от монголо-татарского завоевания и нащупывала свои возможности под иноверной властью, к тому времени (с начала XIV в.) мусульманской. Мы знаем, что ей предстояло стать «святой Русью». Но ведь у нее были тогда и другие возможности, как и в момент «выбора вер» в X в.

Свое второе влияние Византия не смогла бы, не имела бы сил и средств оказать, если бы на Руси не существовала общественная потребность в том, что Византия могла ей дать, и общественная среда, готовая и способная послужить проводником этого влияния. Русь никогда не смирялась с владычеством «беззаконных татар», «поганых сороцин» и т. п., что хорошо видно по ее литературе. Тлевшее подспудно и время от времени прорывавшееся «снизу», чувство это выразилось в середине 70-х гг.

XIV в., в момент раскола в Орде, в открытом «розмирии» московского и владимирского великого князя Дмитрия Ивановича «с тотары и с Мамаем».¹ Это было первым «всероссийским» вызовом монголо-татарам. Этот вызов был обеспечен большой внутренней работой, имевшей результатом культурный и политический подъем страны и рост ее духовных потребностей.

Византию же в это время неуклонно завоевывали турки. И «второй Рим» помог возрождению Руси своим накопленным за тысячу лет и только что подвергшимся строгой ревизии культурным богатством.

Идеологический кризис, в ходе которого произошла в Византии ревизия ее традиционной культуры, являл собой столкновение двух разнонаправленных индивидуалистических течений: рационалистического гуманизма и созерцательского исихазма. В этом все больше интересующем сейчас науку столкновении, «исихастских» спорах 30—60-х гг. XIV в., Византия решила свою духовную судьбу: страна до конца осталась средневековой. Исихасты сумели стать выразителями общественного мнения Византии, дать последний творческий синтез ее традиционной культуры и начать широкое культурно-общественное движение, приведшее к обновлению Средневековья, оживлению православия по всей Восточной Европе.

Фонды сил, потребных для этого обновления, были найдены в глубинах духовной жизни отдельной, каждой личности.

Если главным результатом первого византийского влияния была трансплантация средневековой книжной культуры в новый для нее регион, несколько поверхностная христианизация Руси как страны в целом, то главным объектом второго влияния оказались сознание и духовная жизнь отдельного, каждого человека. Основной корпус переводов этого времени составляют произведения, рассчитанные на индивидуальное чтение. В их числе — собрание сочинений, надписываемых именем Дионисия Ареопагита с комментариями к ним Максима Исповедника, объемистая «Диоптра» Филиппа Монотропа, «Беседование» Григория Паламы «с иконы и турки», полемические сочинения Давида Дисината. Все они несут теоретический, «философский» характер. И это характерно для времени.

Апелляция к личности каждого человека и дала Руси добавочные духовные силы для разрыва, «розмирия» с Ордой и для увенчавшей это «розмирие» победы в битве с Мамаем на Куликовом поле.

Особенностью византийско-русского культурного движения, отличающей его от западного Ренессанса, было то, что обнаруженные и извлеченные силы оказались направлены не на разрушение и перестройку, а на реставрацию и обновление средневекового мировоззрения, средневекового принципа общественной интеграции. Здесь тоже имело место обращение к античности, но христианской, хотя дохристианской тоже, только не в вопросах веры. Христианское Средневековье, обновленное в Византии борьбой с идеологией наступающего Нового времени, продолжилось на Руси.

Именно успех апелляции к личности, к ее сознанию и чувствам, заметный в церковной по своему характеру культуре XIV—XV вв., позволяет говорить применительно к этому времени о Восточноевропейском предвозрождении, типологически родственном Предвозрождению западноевропейскому.² «Предвозрождение не Возрождение, — поясняет эту свою

¹ ПСРЛ, т. XV, вып. 1. Пг., 1922, стб. 106.

² См.: Д. С. Лихачев. 1) Культура Руси времени Андрея Рублева и Епифания Премудрого. М.—Л., 1962; 2) Предвозрождение на Руси в конце XIV—первой половине XV века. — В кн.: Литература эпохи Возрождения и проблемы всемирной литературы. М., 1967, с. 136—182.

мысль Д. С. Лихачев. — Хотя оно и связано с развитием индивидуализма, с эмоциональным развитием человека, с осознанием ценности человеческой личности, но оно еще не знает прямой секуляризации культуры». ³ «В пределах религиозного сознания, — пишет в другом месте Д. С. Лихачев, — культура XIV в. движется к человеку, к его более реалистическому изображению, она в большей мере отражает его интересы, становится человечнее во всех отношениях. Искусство психологизируется. Само христианство, в известной мере рассудочное и схоластическое в предшествующие века, стремящееся к созданию энциклопедического знания и грандиозных теологических построений, получает новую опору в эмоциональных переживаниях личности». ⁴

Риккардо Пиккио предложил явлению свое название — «Возрождение славянского православия», исходя из того что реформа письменности и литературного языка охватила только славянские страны и движение в целом способствовало усилению у славян наднационального «православного сознания». ⁵ Усмотрев в этом подмену качественного определения количественным, Д. С. Лихачев подчеркнул, что его собственный термин указывает не на «количественный» подъем, заметный в творческой деятельности славян XIV в., а на «своеобразие культурного движения XIV—XV вв., на его мировые, наднациональные связи, определяет его типологически». ⁶ Действительно, определение Р. Пиккио «работает» только в рамках истории русской литературы. Но явление в целом охватывало, кроме славян — сербов, болгар и русских, в первую очередь греков, но также румын, в какой-то мере грузин. Слово «славянское» в определении, конечно, излишне.

Концепция Восточноевропейского предвозрождения встретила и некоторые другие возражения. Историк поздневизантийского гуманизма она напомнила, как он пишет, «конфессиональную концепцию „христианского гуманизма“. . . В частности, даже в марксистской литературе, — недоумевает он, — можно встретить точку зрения, усматривающую в мистичизме византийских исихазмов XIV в. начало духовного возрождения человека — черту, которая якобы роднит исихазм с гуманизмом. . . Но можно ли это сугубо конфессиональное понятие сопоставлять с историко-философским понятием гуманизма, скажем, в его классической итальянской и западноевропейской чеканке? Нам представляется такого рода сопоставление исторически неверным». Понятие христианского гуманизма в глазах этого историка, И. П. Медведева, есть продукт «точки зрения, согласно которой гуманизм понимается как свойство имманентное христианству вообще и отождествляемое с религиозной моралью». ⁷ Разумеется, «это сугубо конфессиональное понятие» сближается с понятием внецерковного гуманизма не Д. С. Лихачевым и не мною (И. П. Медведев имеет ведь одновременно в виду и меня), а только самим И. П. Медведевым — с целью довести до абсурда мысль, надобности в которой он не видит. Споры нет, идеалы и духовные устремления у гуманистов и их церковных противни-

³ Д. С. Лихачев. Своеобразие исторического пути русской литературы X—XVII веков. — РЛ, 1972, № 2, с. 17.

⁴ Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 78.

⁵ Riccardo Picchio. 1) «Prerinscimento esteuropeo» e «Rinascita slava ortodossa». — Ricerche Slavistiche. Roma, 1958, vol. 6, p. 185—199; 2) Storia della letteratura russa antica. Nuova Accademia editrice, 1959, cap. «La rinascita slava ortodossa»; 3) Die historisch-philologische Bedeutung der Kirchenslavischen Tradition. — Die Welt der Slaven, Jhrg. VII, H. 1, Juni 1962, S. 21.

⁶ Д. С. Лихачев. Несколько замечаний по поводу статьи Риккардо Пиккио. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 678.

⁷ И. П. Медведев. Византийский гуманизм XIV—XV вв., Л., 1976, с. 88—90.

ков были разными. Но поставить на этом утверждении точку можно, лишь ограничиваясь сопоставлением явлений в пределах средиземноморского южноевропейского мира того времени. Но если раздвинуть рамки так, чтобы в поле зрения попала и северо-восточная Европа, и взглянуть на многовековую перспективу культурного развития? Нелепостью было бы думать, что, поскольку мораль христианства, как она выражена в Новом Завете, неизменна, неизменна и не нуждается в уточненных описаниях и вся культура христианского Средневековья. И разве средневековью не предшествовала христианская античность (подобно тому как завершает его «христианский гуманизм»)? Известно ведь, что сочинения отцов церкви IV в., яростных противников язычества, произведения, являющиеся неотъемлемой составляющей эпохи поздней античности, в позднейшее время, особенно в славянских странах, играли роль хранителей элементов античной культуры и образованности. Подход Д. С. Лихачева к проблеме с точки зрения *функций* явлений в истории культуры — это подход во многом естествоиспытателя.

Концепция Восточноевропейского предвозрождения призвана, как я ее понимаю, прояснить отличия и связь времен в перспективе всей истории русской культуры с учетом ее международных связей начиная с X в., и даже шире — в перспективе мирового культурного развития.

Характерное для ряда историков искусства мнение выражает Г. И. Вздорнов в своей работе о фресках Феофана Грека: «Сколько бы не указывалось на ограниченное содержание термина „Возрождение“ или „Предвозрождение“ в применении к искусству Византии и Древней Руси, на этих понятиях всегда будет отпечаток не условного, а подлинного — итальянского Возрождения. А между тем Константинополь, Москва и Новгород не были художественными центрами, подобными Флоренции, Венеции или Риму в XIV—XVI веках. Это были очаги типично средневековой культуры с характерным засильем церкви и монашества, с теократической государственной властью, с отсталыми формами ремесленного производства и слабо развитым общественным самосознанием». Но исследователь отмечает, что в XIV в. «впервые в истории византийского искусства личность художника заявляет о себе в полный голос», — личность заявляет о себе, оставаясь «типично средневековой», не помышляя даже «раздвинуть тесные рамки церковного искусства и завоевать право на личный выбор предмета изображения и на характер его воплощения».⁸ Но ведь именно эту несколько парадоксальную особенность средневекового направления в культуре XIV в. и призван объяснить несколько парадоксальный термин «Восточноевропейское предвозрождение». Просто отказаться от него — значит или вообще отказаться от попытки теоретически осмыслить явление в перспективе исторического развития, или принять термин Р. Пиккио.

Попробуем принять термин Р. Пиккио, отбросив определение «славянское». Но и в таком случае не остается ли это определение в плоскости «количества», лишая нас возможности типологических, качественных сопоставлений, подчеркивая пусть не связанную с определенным языком, но все же местную особенность? Не замыкает ли оно явление намертво в пределах данного культурного круга? Как же сравнивать его с явлениями из истории других культур, других времен? На какое место ставить его в ряду известных нам всеобщих, мировых (пусть своеобразных в каждом отдельном случае) явлений? Как оценивать его в масштабе и перспективе мирового культурного развития?

⁸ Г. И. Вздорнов. Фрески Феофана Грека в церкви Спаса Преображения в Новгороде. К 600-летию существования фресок. 1378—1978. М., 1976, с. 253—258.

От захватывающих дух возможностей таких сопоставлений, блестяще продемонстрированных Н. И. Конрадом,⁹ вряд ли можно отказаться, не ограничив себя тем самым довольно низким потолком теоретического мышления. В закономерности развития культур, выраженной формулой «античность (или древность) — средневековье — возрождение», точнее слова, чем «предвозрождение», для нашего явления, по-видимому, не подберешь потому именно, что оно выражает интерес к человеку, отражает существование личностей, делающих сознательный выбор между Возрождением и Средневековьем. Есть мировые культуры (китайская, японская и некоторые другие), не знавшие периода развития, подобного европейскому христианскому тысячелетию Средневековья, «перепрыгнувшие» из древности в новейшее время. К ним термин «Возрождение» и «Предвозрождение», а особенно «Средневековье», применим с еще большими, чем в нашем случае, оговорками¹⁰ — к отдельным этапам их развития, каковое у них, конечно же, было, богато и интересно. Некоторое внутреннее противоречие, заключенное в термине «Востоноевропейское предвозрождение», осознается его автором и состоит в том, что за этим «Предвозрождением» не последовало Возрождение. Последовало Средневековье. В чем дело? Мы сбились с пути?

«... Возрождение только готовилось, но в силу ряда обстоятельств не осуществилось, приобретя длительный и „разлитой“ характер, перенеся часть из своих проблем в литературу нового времени».¹¹ Д. С. Лихачев называет возрожденческим, гуманистическим по своему типу движение «к человеку» в русской литературе Нового времени (хотя и не считает XVIII—XIX вв. эпохой русского Возрождения).¹² Относительно же причин, по которым за Предвозрождением на Руси не последовало Возрождение, Д. С. Лихачеву возразил американский исследователь И. Ф. Мейендорф, подчеркнув, что Русь в XIV в. подверглась влиянию как раз противников гуманизма, Предвозрождения и Возрождения как таковых: «Д. С. Лихачев не учитывает того факта, что победа варлаамитов (византийских гуманистов, — Г. П.) несомненно означала бы решительный переход от Предвозрождения к Возрождению и что именно паламизм (подвергнутые в XIV в. новому синтезу традиции православия, — Г. П.), остановив этот переход, решительно способствовал тому, что византийская и восточноевропейская культура осталась культурой „Предвозрождения“».¹³ Одержав победу, церковь стала вести, как пишет И. Ф. Мейендорф, «политику сторожевого пса» (watch dog policy) по отношению ко всякому возможному внедрению в нее «светского гуманизма». Эта политика не была направлена против «светской мудрости» как таковой, но только

⁹ Н. И. Конрад. Запад и Восток. Статьи. М., 1966 (2-е изд. — М., 1972).

¹⁰ Я имею в виду коренное различие между буддизмом, особенно в его хиваянической форме, и христианством европейского средневековья. Здесь — воплощение божества и телесная, кровная сопричастность ему (через причастие) целых народов, активное вмешательство «неба» в историю, там — развоплощение и «обезличивание» людей, увод в Ничто; здесь Вечность внедряется в Настоящее, там Вечность полностью рвет с Настоящим. И роль буддийской церкви в истории культуры, скажем, Китая, конечно же, не может идти в сравнение с ролью христианской церкви в истории Европы. Ср.: Н. И. Конрад. «Средние века» в исторической науке. — В кн.: Н. И. Конрад. Запад и Восток, с. 104—105.

¹¹ Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X—XVII веков, с. 11.

¹² Д. С. Лихачев. Возрождение в Средневековье (ответ В. В. Кожину). — РЛ, 1973, № 4, с. 118.

¹³ И. Ф. Мейендорф. О византийском исихазме и его роли в культурном и историческом развитии Восточной Европы в XIV в. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 297.

против претензий познать с ее помощью Бога.¹⁴ Паламизм в картине мирового исторического развития И. Ф. Мейендорф оценивает как своего рода восточную контрреформацию; будучи осуществлена вовремя, она предотвратила назревавший внутренний кризис византийской церкви.¹⁵ Мне кажется, можно даже сказать шире — внутренний кризис культуры всего православного мира, назревавший в разных странах по разным причинам.

Не подводит ли нас И. Ф. Мейендорф к термину «Православная контрреформация»? Но ведь поскольку она произошла «вовремя», и «восточной реформации» не состоялось. Недостаток у этого определения тот же, что и у «Востоchnоeвропейского предвозрождения». Может быть, недостатки компенсируют друг друга, если термины соединить: «Контрреформаторское предвозрождение» или «Предвозрожденческая контрреформация»? Парадоксальное словосочетание это несколько режет слух, но оно довольно верно, надо заметить, отражает суть дела. Во всяком случае, явление это типологически родственно разом и Предвозрождению, и Контрреформации.

Но, я думаю, у нас есть возможность избежать недостатков обоих терминов и определений типа «противовозрожденческое предвозрождение», взяв то общее, что у них есть, а именно церковность (поскольку и то, и другое движение в отличие от Ренессанса происходили внутри церкви), и добавив то слово, которое все-таки можно добавить если не как термин, то как слово в самом общем его значении, — возрождение. Да, конечно, византийские исихасты и гуманисты были противниками и понимали многие важные вещи по-разному, но они решали одни и те же проблемы, говорили на одном языке, в центре внимания тех и других был человек («В этом смысле, — пишет И. Ф. Мейендорф, — к паламизму можно законно приложить понятие „христианского гуманизма“ или даже „христианского материализма“»),¹⁶ и они дали начало параллельным движениям возрождения. Одно пошло по внецерковному руслу, другое — по церковному. В этом историческое значение исихастских споров, все более осознаваемое сейчас учеными: они были точкой встречи и расхождения двух европейских Возрождений в самом начале их пути.

Можно даже сказать, что церковное возрождение было возрождением в том самом строгом смысле, что и внецерковное, т. е. обращением к античности (была ведь христианская античность). А термин «православие» означает не только восточную ветвь христианства, но и «правомыслие»; и в последнее время редет число ученых, отказывающих паламизму в «правомыслии» в древнем, антично-христианском, смысле слова. Так что, осмысливая оставшуюся от термина Р. Пиккио часть, так сказать, стереоскопически — и в исторически ограничительном, и в изначально расширительном значениях разом, можно, уже не боясь выхватить явление из процесса мирового исторического развития, назвать его не вообще и не просто церковным (церковных движений ведь очень много), а именно Православным возрождением.

Как западный возрожденческий гуманизм был дитя специфически европейского Средневековья, учившего народы в течение тысячи лет, что человек — венец творения, для которого был создан свет, вокруг которого,

¹⁴ J. Meyendorff. Society and Culture in the Fourteenth Century: Religious Problems. — XIVe Congrès international des études byzantines. Rapports I. Bucharest, 6—12 September 1971, p. 55.

¹⁵ J. Meyendorff. 1) Humanisme nominaliste et mystique chrétienne à Byzance au XIV siècle. — Nouvelle Revue Théologique, vol. 79, N 9. Louvain—Paris, 1957, p. 914; 2) Introduction à l'étude de Grégoire Palamas. Paris, 1959, p. 269, 324.

¹⁶ И. Ф. Мейендорф. О византийском исихазме. . . , с. 296.

ради жизни и бессмертия которого происходит вселенская драма-мистерия; так ведь точно и паламизм был дитя и завершение того же самого (если не более культурно изощренного) христианского Средневековья. Они диалектически дополняют друг друга как две антиномии. Оба они — ответ на вызов новых обстоятельств, Нового времени. Ответ, данный сознательно делающими выбор личностями. И если гуманизм как ответ мы уже в общем знаем, то паламизм мы еще должны изучить.

И гуманизм, и паламизм, говоря общо, стимулировали человека к постоянному движению, т. е. как бы «направили» его в бесконечность, указали на нее как на единственное средство выжить, спастись. Гуманистический порыв открыл человеку Америку, Земной шар, полюса, вывел человека в космос. Этот порыв продолжается. Что же дало церковное восточноевропейское возрождение?

Прежде всего оно дало силы грекам, славянам, румынам в течение пятисот лет рабства внутренне противостоять колоссальному турецкому давлению. Оно дало Руси духовные силы пережить своих поработителей, сбросить их иго, воссоединиться и стать величайшей Россией. Да, за Восточноевропейским предвозрождением последовало Средневековье; но уже «новое», возрожденное; «классическое» безвозвратно ушло; разница между ними громадная. Это «Новое средневековье» подвело нас к Новейшему времени. И как гуманистический порыв стал всеобщим и продолжает направлять мировое развитие, так и духовные силы православных или некогда православных народов становятся всеобщим достоянием, тоже направляющим мировое развитие.

Церковное православное возрождение XIV—XV вв. можно считать Предвозрождением на Руси и потому, что русская культура Нового времени, прежде всего литература, своими лучшими качествами, своей человечностью обязана ему в не меньшей мере, чем западноевропейскому Предвозрождению и Возрождению. В XVIII—XIX вв. Россия стала наследницей двух взаимодополняюще-взаимоисключающих традиций; она пережила их столкновение; она дала их синтез. Отсюда — универсализм и удивительная душевная «емкость» Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого. Исихасты в XIV в. нащупали какую-то скважину в глубине человеческой души («Сего же рвение к Богу тако бывает, яко огонь дышает скважню», — сказано в «Слове о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго»);¹⁷ из этой скважины начал бить свет, сделавший бессмертным, в частности, их изобразительное искусство (их лица и лики!); что-то от этой внутренней озаренности стало отличительной чертой новой и новейшей русской литературы.

* * *

Анализируя исихастское движение десять лет назад, я наметил в нем несколько стадий: «келейного развития», «теоретического выражения» и «общественно-политическую». Начавшись в кельях отшельников, практикующих созерцательное «молчание» или «безмолвие» («исихию», давшую название исихазму и исихастским спорам), это движение получило затем, во время споров Паламы с Варлаамом, свою теорию — теорию «божественной энергии», а сделавшись потом главенствующим в византийской церкви, оказало культурное, общественное и политическое влияние на другие православные страны. Имея в виду этот этап движения (и в первую очередь деятельность Иоанна Кантакузина, патриарха Филофея,

¹⁷ Новгородская четвертая летопись — ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 2. Л., 1925, с. 362.

митрополита Киприана), я употребил выражение, взяв его в кавычки, — «политический исихазм».¹⁸

И. Ф. Мейендорф прокомментировал это так: «Историк недавно употребил термин „политический исихазм“, чтобы охарактеризовать выдающуюся деятельность Иоанна Кантакузина и патриарха Филофея во второй половине четырнадцатого века. Нет сомнений во всяком случае, что религиозные и богословские дебаты в Византии имели гораздо большее, чем чисто богословское, значение. Они мало дали для выживания Византии как государства (выживания, которое к тому времени было совершенно невероятным), но оказали решающее влияние на различные аспекты того, что Николай Йорга называл „Византия после Византии“, по всей Восточной Европе».¹⁹ И. Ф. Мейендорф, однако, заметил также, что из-за недостаточно точного употребления слова «исихазм» ученые, работающие над близкими темами, перестают в последнее время понимать друг друга. И, стремясь уточнить смысл термина, он указал на четыре его значения, присутствующие теперь в литературе. Во-первых, это образ подвижничества первых христианских отшельников, противостоящий монашескому общежителю; под влиянием платонической философии цель индивидуального подвижничества иногда понималась в то время как борьба ума с плотью, своего рода «дематериализация» с целью общения к Единственному-идеальному (этой спиритуалистической тенденции не дал восторжествовать христианский догмат «Слово стало плотью»). Во-вторых, это «душевнотелесный» метод молитвы, получивший распространение в Византии XIV в. и послуживший одним из предметов спора Варлаама и Паламы. В-третьих, это «паламизм» — развитая Григорием Паламой теория различения в божестве сущности и энергии, или деятельности. И в-четвертых, — «политический исихазм».²⁰

Ученый высказал при этом пожелание, вызванное, очевидно, моим словоупотреблением, «придерживаться первоначального и точного значения термина „исихазм“ и не расширять произвольно до слишком больших размеров совокупность исторических фактов XIV в. Разумеется, — продолжает он, — реабилитация исихастской духовности византийскими соборами 1341 и 1351 гг.; богословская плодovitость, которую обнаружили Григорий Палама и его ученики; новый динамизм религиозной жизни, который эта реабилитация и эта новая богословская плодovitость породили; художественные, литературные, социальные и политические последствия этого динамизма, инициатором которых в Византии и в Восточной Европе в целом был в первую очередь патриарх Филофей, — все это исторически неразделимо. Но невозможно ни рассматривать эти факты как изолированные феномены, ни покрывать их всеобщей вокабулой „исихазмское движение“. Речь идет на деле о возрастании православного религиозного рвения, направляемого отрядом, состоящим по большей части (но не исключительно) из монахов, воспитанных в великих традициях христианского Востока. Слишком свободное использование слова „исихазм“ для обозначения этого движения в целом вызывает недоразумения, которые несколько не способствуют нашему пониманию исторических фактов».²¹

¹⁸ См.: Г. М. Прохоров. Исихазм и общественная мысль в Восточной Европе в XIV в. — ТОДРЛ, т. XXIII, Л., 1968, с. 86—108.

¹⁹ J. Meyendorff. Society and Culture in the Fourteenth Century, p. 65.

²⁰ J. Meyendorff. 1) L'hésychasme: problèmes de sémantique. — Mélanges d'histoire des religions offerts à H.-Ch. Puech. Paris, 1973, p. 543—547; 2) Byzantine Hesychasm: historical, theological and social problems. Collected Studies. London, 1974, Introduction; И. Ф. Мейендорф. О византийском исихазме..., с. 291—305.

²¹ J. Meyendorff. L'hésychasme: problèmes de sémantique, p. 547.

Реакция эта на парадоксальные, конечно, словосочетания «политический исихазм» и «исихастское общественное движение» мне понятна. Важно то, что сам И. Ф. Мейендорф тоже говорит об имевшем широкие социальные последствия движениях в обществе, возбужденном исихастскими спорами. Не так уж важно, думаю, как его называть; важно быть понятным. Но иного названия придумать не могу. Ободряет то, что об «исихастском движении» пишет и Д. Оболенский.²² Хотя, надо заметить, и он встречает подобного рода возражения (так, Д. М. Никол находит странным, что созерцание несозданного света, способного преобразить мир, смогло оказаться столь заметной интернациональной силой в Восточной Европе).²³ Д. Оболенский замечает, что составлявшие активную часть движения люди — разные по происхождению — были объединены личными отношениями дружбы или ученичества; рассеянные по всей Восточной Европе, они образовывали наднациональную общину (*supra-national community*), связывающую славянские православные страны друг с другом и с Византией.²⁴

И. Ф. Мейендорф так оценивает отношение исихазма и «византийского наследия, оказавшего в XIV в. значительное влияние на Восточную Европу и ее культуру»: «Терминологически понятие исихазма не вполне точно покрывает содержание этого наследия, но несомненно то, что византийское влияние в славянских странах было в своей основе тесно связано с защитой исихастов Григорием Паламой, затем с распространением в славянских странах монашеской литературы и, наконец, с общественной деятельностью таких лиц, как патриарх Филофей и митрополит Киприан».²⁵ Это бесспорно. Сутью дела, связывающей все четыре отмеченные им значения слова (и исихастов во всех четырех смыслах), И. Ф. Мейендорф считает общее для них понимание человека — его природы и конечного назначения, ибо «византийские исихасты и гуманисты спорили не о заумно абстрактных философско-схоластических положениях, но о природе человека. Именно поэтому этот спор и его исход имели столько последствий в самых разнообразных областях жизни византийского и восточноевропейского общества».²⁶ Это тоже бесспорно.

Уже сам перечень значений, отражающий движение смысла слова «исихазм», дает какое-то представление об имевшем место в истории византийской культуры длительном процессе внедрения вечного, божественного как цели стремлений — цели, свойственной, конечно же, не одним лишь язычникам-платоникам, но также и христианам с их жаждой вечной жизни — в настоящем, «моментальное», человеческое-до-самого-дна. Приведу лишь слова Акафиста Богородице: «Странное рождество видевше, устранимся мира, ум на небеса преложше: сего бо ради высокий Бог на земли явися смиренный человек, хотяя привлеци к высоте тому воиющия „Аллилуйя“». Мало было того, что позднеантичное общество и Римское государство, в течение трехсот лет преследовавшие христиан, начали вдруг «вопить» «Аллилуйя», надо было еще «привлеци» их ум «к высоте»; причем не к абстрактной «высоте» платоников, но к вечности с материально-человеческим лицом. Реабилитация плоти в первые века монашества начинает этот процесс, теория Паламы его заканчи-

²² D. Obolensky. *The Byzantine Commonwealth. Eastern Europe 500—1453.* New York—Washington, 1971, p. 301—307.

²³ D. M. Nicol. *Rez.: D. Obolensky. The Byzantine Commonwealth. — Byzantinologische, XXXIII, 1972, p. 237.*

²⁴ D. Obolensky. *Late byzantine Culture and the Slavs. A Study in Acculturation. — XVe Congres international d'études byzantines. Athenes, 1976, p. 8—26.*

²⁵ И. Ф. Мейендорф. *О византийском исихазме. . .*, с. 305.

²⁶ Там же, с. 297.

вает. Где-то в середине (XI в.) — осуждение философа-платоника Иоанна Итала и внесение в Синодик анафемы всем тем, кто не верует, что Христос вознесся и сидит одесную Отца с реальной человеческой плотью. Прямо противоположные, казалось бы, ценностные ориентации — к миру вечного смысла и к ускользающему мигу материального настоящего — оказались совмещены, не поглотив и не уничтожив друг друга. Произошло, можно сказать, постепенное воплощение того живого понимания феномена «человека», какое существовало с античных времен в сердцевине христианской традиции в качестве самоочевидного.

Не все самоочевидное воплощается и тем самым становится достоянием историков культуры (или все?), и уж во всяком случае не все келейное перерастает в социальное. Но, вероятно, всякое культурное и общественное движение имеет в начале свой «келейный», «камерный» период. Вопрос в том, способно ли оно преодолеть порог своей «кельи», привлечь к себе внимание и завоевать умы и сердца своего общества, отвечая каким-то из его насущных потребностей. Возбужденному исихастам движению это удалось. И дело тут было не в потребности бежать в иллюзорный мир от ужасающей социальной реальности. Такого рода «бегство» ведь свойственно было Византии на протяжении всей тысячи лет ее существования и даже предшествовало ему. Исихасты лишь сохранили, отстояли от нападок гуманистов эту форму «бегства». Видные лидеры исихастского движения — такие, как Иоанн Кантакузин, патриарх Филофей, митрополит Киприан — были как раз из числа людей, наиболее серьезно озабоченных социально-политическим положением православного мира.

Тут уместно отметить две особенности, которые резко отличают византийский гуманизм от византийского исихазма. Гуманисты надеялись на спасение от турок с военной помощью западных католических государств и ради этой помощи считали возможным для страны пожертвовать своей верой. И, второе, они философически приветствовали смерть как благодетельницу, которая очищает землю от людей, не заботящихся о своем умственном развитии, а душу людей просвещенных усовершенствует путем устранения ее от тела. Вот как пишет о смерти один из образованнейших византийских гуманистов Димитрий Кидонис, — о смерти, которая косила людей вокруг него и латинским мечом, и турецкой саблей, и чумной заразой, не разбирая старых и молодых, умных и глупых, мистиков и рационалистов: «И если не ради чего другого, то хоть за то можно назвать смерть благодетельною, что она прибирает тех, которым и родиться не подобало бы», тех, кто «заботится только о еде и питии, а небрежет об умственном развитии и знании»; таких людей он приравнивает «к свиньям, которых откармливают на заколение; но они бесполезнее и самих свиней». Сам он как просвещенный разумом человек радостно приемлет смерть, потому что «душа через устранение от тела становится совершеннее»; плоть порабощает душу, «а освобождение от нее есть восхождение к жизни и действительности, постижение священной истины». Смерть в его глазах «не заслуживает бесславия и поношения как нечто вредное», она ограничивает зло, она — «благая часть, хороший жребий. Потому что хорошо поживших она препровождает к блаженству, к наградам за добродетель, а для злых полагает конец злобы их». Он и другим предлагает мудро приветствовать смерть.²⁷ Неоязычник и гума-

²⁷ Не должно страшиться смерти. Рассуждение греческого богослова XIV в. Димитрия Кидония. Перевел с греческого А. А. СПб., 1881, с. 6, 19, 23, 7, 27. Греческий оригинал: Н. Deckelmann. Demetrius Cydones. De contemnenda morte oratio. Leipzig, 1901.

нист XV в. Гемист Плифон в самой возможности самоубийства видел показатель родства человека богам: лучшая часть природы человека, считал он, убивает в таком случае худшую.²⁸

Исихасты же не считали возможным поступиться верой даже в момент смертельной опасности. Глядя более реалистически, чем гуманисты, на возможность действительной помощи Византии против турок со стороны католического Запада, они рассчитывали на внутренние силы самих православных государств и старались сблизить единоверные страны. И выраженное в их молитвах отношение к факту массовой гибели людей говорит о гораздо большей воле к жизни, чем у гуманистов:

... Вемы, яко множицею покаатися обещахомся и слыгахом,
И посечену, по неплодней оной смоковници, осудихомся.
Но еще и еще длготръпи, человеколюбный делателю,
Нехотяи съмръти грешному,
Яко еже обратитися и живу быти ему...²⁹

Страшные, часто потрясающие слова цитируемых здесь литургико-поэтических произведений патриарха Филофея более оптимистичны и жизнеутверждающи, чем рассуждения просвещенного Димитрия Кидониса.

... Виждь смущение, Христе,
И душевную болезнь и плач,
И бесчисленную скорбь,
И яко естеством милостив,
Еже на ны остави
Праведное осуждение
И гнева твоего казнь...³⁰

Нет ничего удивительного в том, что в критический для страны момент не гуманисты с их холодными рассуждениями, а исихасты с их горячими молитвами оказались близки народу, жаждавшему жить. В той мере, в какой они выражали общие чувства, эти произведения делались общим обращением:

Владыко господи Боже наш,
Неизреченным Словом Премудрости
К пользе творения все устрояющий,
И эту нашу скоротечную жизнь
Оружием правосудия справа и слева
Правильно и разумно выправляющий,
И будущих благ надежды верные
Здесь нам дарующий,
Бедственную же эту злоторную силу
Врагов беззаконных словно бич железный,
Или зверя дикого, или гром и молнию
Для обуздания нам посылающий,
Не гневайся, обличая нас, не с яростью нас наказывай,
Да падению нашему и гибели враг не порадуется
И да не скажут: «Где есть Бог их!»...³¹

²⁸ См.: И. П. Медведев. Византийский гуманизм XIV—XV вв., с. 237—238.

²⁹ Из молитвы «В страшную всемирную смертоносную язву»; см.: П. Сырку. К истории исправления книг в Болгарии в XIV в., вып. II. СПб., 1890, с. 80.

³⁰ Из канона «В усобных и иноплемennых бранех» — ЦГИА, ф. 834, оп. 1, № 575. Сборник богослужебный, XV в., л. 132 об.—137.

³¹ Из молитвы «Против врагов» патриарха Филофея. Греческий оригинал см.: Соар. *Ἐυχολόγια, sive rituale Graecorum...*, Paris, 1647, p. 651—652; А. А. Дмитриевский. Описание литургических рукописей, хранящихся в библиотеках православного Востока, т. II. *Ἐυχολόγια* Киев, 1901, с. 290. (Перевод мой, — Г. П.). Эта молитва была переведена на славянский в XIV в., по-видимому митрополитом Киприаном, и встречается в русских рукописях, например в Канонике из библиотеки Троице-Сергиевой лавры (ГБЛ, ф. 304, № 253, л. 242 об.—243 об.) уже с конца XIV в. См.: Г. М. Прохоров. К истории литургической поэзии. Гимны и молитвы патриарха Филофея Коккина. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 147 (№ 3).

Если бы исихасты не нашли поддержки у народа, они не смогли бы стать влиятельной социальной силой в бедственных условиях того времени, когда реальная военная и экономическая сила была у турок и у итальянцев. А византийское правительство императоров Палеологов никого не принуждало следовать за исихастами; в то время больше церковь поддерживала правительство, чем наоборот.

Конечно, борьба с гуманистами сделала монахов настроенными к нападениям с этой стороны. Но, право же, нет оснований говорить, что с момента торжества исихастов «входит в моду сожжение сочинений, физическая расправа с идеологическими противниками».³² Нет известий о такого рода случаях на протяжении всего XIV в. Физические расправы, стоит заметить, в большом числе имели место, когда в Константинополе торжествовали не исихасты, а их ярые противники, патриарх Иоанн Калека и Григорий Акиндин (1341—1347 гг.). Григорий Палама в то время четыре года провел в заключении и был отлучен от церкви. Тюрем не хватало для подозреваемых в «кантакузинизме». А когда Иоанн Кантакузин и исихасты пришли к власти, казней не было. Патриарха Иоанна и Акиндина отлучили от церкви, но не заточили. Только при исихастах и оказалось возможным продолжить «исихастские» споры. И сочинения их противников дошли до нас едва ли не в полном составе. С ними спорили, всерьез спорили, иногда помещая их трактаты перед своими, в тех же рукописях, иногда придавая своим полемическим произведениям форму сократического диалога. Нельзя даже сказать, что исихасты оглуляли своих противников. Они и римским католикам предлагали спорить, всерьез обсуждать вопросы веры, чтобы возможно было воссоединить церкви.³³ И противники исихастов могли существовать в Византии до самых последних ее дней. Так что торжество исихастов над гуманистами — далеко не худший вариант победы в напряженной борьбе с идеологическим противником. Можно не сомневаться, что картина была бы иной, если бы верх взяли западники-гуманисты. Исихасты сразу оказались бы безжалостно гонимыми еретиками.

Для нас, безусловно, важны и интересны устремления горстки византийских гуманистов, не сумевших оказать решающее влияние на направление культурного развития своей страны и нашедших духовную родину в Италии, но нам не могут быть неинтересны и их противники, сумевшие дать самоопределение, которое восторжествовало и оставалось актуальным в ряде стран Восточной Европы, включая Россию, в течение столетий. Оставалось актуальным, но — в общественном плане — неизменным.

В чем состояла суть этого самоопределения? Человек не пожелал признать невозможность общаться с Богом. Речь шла не о встрече в конце времен по всеобщем воскресении и преображении (ее не отрицали и гуманисты), но именно о присутствии действующего Бога во времени и о возможности личных контактов с ним здесь и сейчас. Люди желали не только интеллектуально, но *всем* своим существом, во плоти, проникать в царствие небесное. В миге вмещать вечность. Для этих людей «эсхатологическое будущее было уже присутствующей реальностью, полностью предвосхищенной в церкви и, следовательно, в духовном опыте христиан».³⁴ Предвосхищение это означало освящение материального — как

³² И. П. Медведев. Византийский гуманизм XIV—XV вв., с. 30—31.

³³ См.: J. Meyendorff. Projets de Concile oecuménique en 1367: un dialogue inédit entre Jeane Cantacuzène et le légat Paul. — *Dumbarton Oaks Papers*, 14, Washington, 1960, p. 149—177; Г. М. Прохоров. Публицистика Иоанна Кантакузина 1367—1371 гг. — ВВ, т. XXIX, М., 1969, с. 318—341.

³⁴ J. Meyendorff. Introduction à l'étude de Grégoire Palamas, p. 258.

сферы манифестации вечного и как неизбежного компонента личности, человеческой персоны, индивидуальности, способной стать «богом по благодати». Пожалуй, как никогда прежде и после на протяжении русского средневековья творчески деятельным становится в это время отношение к материи. Об этом свидетельствуют живопись и архитектура этого времени, конца XIV—начала XV в., а в литературе — стиль «плетения словес». Само его развитие показывает, что усилилось внимание к «материи» литературы, слову, что возросла общественная значимость момента чтения; большее общественное признание получило, стало быть, *чувство* слова. Характерно, что именно тогда появились на Руси столь яркие, сильные и смелые по своей жизни люди, как Сергей Радонежский, Дионисий Суздальский, митрополит Киприан и многие другие, составляющие едва ли не большинство всех канонизированных русских святых. Резкий, небывалый и неповторенный рост интереса на Руси к переводным с греческого наставлениям для «священно-бесмолвствующих», для созерцателей, практикующих «телесную» молитву, отражает устремления этих людей.

Именно установка на ценность индивидуального, а значит и материального, позволяет говорить о культуре этого времени как о типологически родственной Предвозрождению. Но если на Западе «личностная» устремленность оторвалась от противоположной ей «вечностной» и миг настоящего приобрел ценность абсолютную, безотносительную к непреходящему, то в Византии и на Руси антиномическое равновесие между этими полюсами в критический момент сохранилось: с большей, чем прежде, силой в преходящем стремились воплотить вечное. Средневековье, преодолев кризис, достигло тогда на Руси своего апогея. Русь в большей чем когда бы то ни было мере стала тогда религиозной общиной, «святой Русью». Споры о ее рамках шли тогда в церковно-административных категориях: митрополия всяя Руси или митрополия Великой Руси.³⁵ В отличие от Италии средневековье на Руси, достигнув своего апогея, перешло не в свое отрицание, а в свое изживание.

Для общественного сознания в Восточной Европе второй половины XIV в. характерно движение монашеских, даже не просто монашеских, а отшельническо-аскетических, идеалов в общество — все призывались к постоянной молитве, всех побуждали становиться причастниками «божественного света». Пропать между монастырем и миром была преодолена. Фигура анахорета-подвижника оказалась не периферийной, но центральной, стержневой в культуре. Беглецы от «мира» взяли на себя задачу говорения миру о мире. Писатели и художники средневековья вообще, а этого времени в особенности — главным образом монахи. Заметим попутно, что конец Средневековья — это не исчезновение из общественного поля зрения Писания. Священное писание, произведение античности, душа средневековой культуры, не исчезает с концом Средних веков, исчезает *плоть* этой культуры — летопись, жития, фрески, говорившие о персти и прахе «с точки зрения вечности». Эпоха Средневековья окончилась тогда, когда вечность оторвалась от настоящего, земля — от неба.

На рубеже XV—XVI вв. Нил Сорский, готовый, чтобы его ради мгновений счастья личной встречи с Непреходящим «в ров» живым закопали, был одним из замыкающих в цепочке русских мистиков-индивидуалистов, завершителем эпохи русского зрелого Средневековья. Если, как я сказал, для XIV в. характерно движение «средств спасения» из монастыря в мир

³⁵ См.: Г. М. Прохоров. Повесть о Митяе (Русь и Византия в эпоху Куликовской битвы). Л., 1978.

(не секуляризация духовного, а скорее спиритуализация мирского), то для конца XV—начала XVI в. характерным становится обратный процесс: монастыри-общежития секуляризуются духовно, вовлекаясь в мирские хозяйственные страсти, а индивидуалисты-созерцатели замыкаются в скитах, полагая, что в мире вообще нельзя спастись. Так, Нил Сорский пишет Бассиану Патрикееву, недавно постриженному в монахи (конечно, пишет это как утешение, но все-таки), что в миру не оторваться от мира, что некоторые из живущих в миру «благоговейнейша быша и събращаху ум свой в помышлениях желаниа спасения души, и имяху борение к страстям, и образы добродетелей по возможному творяху, хотяще разрешитися и отступити мира сего, но не могоша оттръгнутися от сетей его и избегати коварств его. Тебе же възлюбив Бог и изы ти от мира сего...».³⁶

В это время, в начале XVI в., благодаря конфликту «иосифлян»-общественников с пустынноиками «нестяжателями» в едином цельном средневековом «вечностном» общественном сознании Руси образуется трещина: от свойственной Нилу Сорскому чистой исихастской устремленности к вечности-в-настоящем Иосиф Волоцкий, видя недостатки окружающего его общества, начинает уклоняться к будущему как к идеалу, стремясь усовершенствовать окружающее его общество — развить благотворительность и искоренить соблазняющие народ ереси.

Иван Грозный в XVI в. еще чуть-чуть поворачивает от вечности к будущему, разрабатывая теорию, своего рода богословие (эпоха требует еще богословского языка), абсолютно-неограниченной монархии как средства усовершенствования общества. Он осуществляет свою теорию на практике. Необходимое для этого поворота внутреннее отталкивание от «вечностной» направленности выражалось у этого царя в искажениях и пародировании культа, которые позволяют ученым говорить о его антихристианстве.³⁷ Оппонент же Грозного, Андрей Курбский, типологически был представителем уже ушедшей эпохи средневекового соборного персонализма.

В XVII в. культурный авангард Руси делает дальнейший поворот к будущему, что вызывает уже настоящий раскол до сих пор все-таки единого средневекового общественного сознания. Старообрядцы и «никониане», равно тянувшиеся прежде всего к вечности, разошлись в «дополнительных» устремлениях, векторах «второго порядка»; Никон и его сторонники устремились как к идеалу к будущему — будущему всего православного мира (вечность-в-будущем), а старообрядцы — к прошлому — прошлому русской национальной духовности (вечность-в-прошлом). Не в деталях обряда самих по себе — это ясно — состояла суть спора.

Если у Никона будущее как идеал (социальная задача) еще уступает вечности, у Петра Первого политика (будущее) берет решительный верх над религией (вечностью). Самоопределение по вероисповедному принципу (в свое время потеснившее принцип родовой) сдает позиции самоопределению по политической принадлежности, что для русской культуры в целом указывает на конец Средних веков.

Таким образом, в плане истории русской культуры (не экономики, это вопрос особый) своеобразие эпохи Куликовской битвы, конца XIV—на-

³⁶ См.: Г. М. Прохоров. Послания Нила Сорского. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 136.

³⁷ См.: Д. С. Лихачев. Канон и молитва Ангелу Грозному воеводе Парфению Уродивого (Ивана Грозного). — В кн.: Рукописное наследие Древней Руси. (По материалам Пушкинского Дома). Л., 1972, с. 20.

чала XV в., можно, на мой взгляд, оценить как апогей Средневековья, как момент, когда общественная духовная устремленность — устремленность средневековая, «вечностная» по своей сути — достигает ориентации *на настоящее*. Ранее того значительную роль в культуре играло идеальное прошлое; после того заметно возрастает в общественном сознании доля идеального будущего. По мере роста этой устремленности к будущему (за счет сначала устремленности к настоящему, а затем и к самой вечности) русская культура утрачивает приобретенный ею в XIV в. средневековый «личностный» характер, приобретая средневековый же «социологический», — до тех пор, пока вовсе не перестает быть средневековой.

Р. П. ДМИТРИЕВА

Был ли Софоний рязанец автором Задонщины?

В научной литературе давно утвердилось мнение о том, что Задонщина была написана Софонием рязанцем.¹ В настоящее время этого мнения никто не оспаривает, предпринимаются только попытки найти дополнительные сведения, которые помогли бы уяснить творческую биографию писателя. В. Ф. Ржига посвятил Софонию как автору Задонщины специальную статью, в которой собрал все данные, могущие иметь отношение к биографии Софония.² Тем не менее к характеристике творчества писателя ничего нового не прибавилось, единственным произведением, приписываемым ему, остается только Задонщина.

Однако с достаточным ли основанием атрибутируется Софонию Задонщина? Из шести сохранившихся списков Задонщины имя Софония как автора ее упомянуто в заглавии по двум спискам. Если к подобного рода сведениям подходить формально, то с таким же успехом Софония можно считать и автором Сказания о Мамаевом побоище. Дело в том, что в заглавии ряда списков Сказания Основной редакции Софоний тоже назван как автор. Эта рукописная традиция приписывать Софонию или Сказание, или Задонщину, безусловно, имеет под собой какие-то основания и заставляет признать, что Софоний рязанец как автор связан с темой Куликовской битвы. Однако следует ли считать Софония автором именно Задонщины?

Как известно, Задонщина дошла до нас в малом количестве списков, причем в некоторых из них представлены только отрывки текста. Текст Задонщины по всем спискам очень неустойчив, в каждом списке имеются индивидуальные, довольно существенные отличия, которые во многих случаях не позволяют решить вопрос, какой же текст был в их общем оригинале. Сохранившиеся списки принадлежат одной редакции, хотя и делятся на два извода, возникших в результате переписки. Излагаемые ниже наблюдения относительно причастности Софония к Задонщине строятся с учетом результатов текстологического изучения этого произведения.³ При упоминании списков Задонщины сохраняются общепринятые условные обозначения их: 1) ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского монастыря, № 9/1086—*К-Б*; 2) ГИМ, собр. Музейское, № 2060 — *И-1*; 3) ГИМ,

¹ Лишь Ф. И. Буслаев вскользь высказывал мнение, что Задонщина «не принадлежит самому Софонию, а только у него заимствована», см.: Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, стб. 1324.

² В. Ф. Ржига. О Софонии рязанце. — В кн.: Повести о Куликовской битве. Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959, с. 401—405.

³ Р. П. Дмитриева. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 199—263.

собр. Музейское, № 3045 — И-2; 4) ГБЛ, собр. Ундольского, № 632 — У; 5) ГИМ, собр. Синодальное, № 790 — С; 6) БАН, 1.4.1 (собр. Жданова) — Ж.

Имя Софония как автора Задонщины упомянуто в заглавии двух списков — *К-Б* («Писание Софония старца рязанца») и *С* («Сказание Сафона резанца»). Эти списки отличаются рядом общих чтений от остальных, чем и определяется причастность их к одному изводу. В число этих чтений входит и упоминание о Софонии. В другом изводе, к которому относятся остальные списки, о Софонии в заглавии не говорится. Следовательно, или в нем исключили это упоминание, или его не было в оригинале. На основании сохранившихся списков Задонщины трудно судить, каково было заглавие в оригинале, так как в каждом из списков имеются свои особенности, не повторяющиеся в остальных.

Более существенной нам кажется связь Софония с Задонщиной по другой линии. Дело в том, что имя его в трех списках упомянуто в самом тексте Задонщины. Берусь утверждать, что это упоминание о Софонии находилось, по всей видимости, в оригинале или по крайней мере в первоначальном тексте дошедшей редакции.⁴ Привожу соответствующие отрывки Задонщины по спискам, сохранившим упоминание о Софонии.

У: Аз же помяну резанца Софония и восхваляю песнеми гусленными словесы сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, а внуки святаго великаго князя Владимира Киевского. И пение князем руским за веру христианскую.

И-1: И я же помяну Ефония ерея резанца в похвалу песньми и гуслеными и буйни словесы и сего великаго князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Ондреевича, правнука тех князей, зане же отпало мужество их и пение их и князем руским за землю Рускую и за веру крестьянскую.

С: И здеся помянем Софона резанца, сего великаго князя Дмитрея Ивановича и правнука святого князя Володимера Киевского и брата его Володимера Андреевича, их же помянем и похвалим гуслеми и песнеми и буйными словесы, заню же отпало было мужество князем руским.⁵

В списках *И-2* и *Ж* из-за неполноты текста данные отрывки отсутствуют. В списке *К-Б* это место, как и в ряде других случаев, было сознательно переработано. Редактор *К-Б*, считая автором Задонщины Софония, естественно, исключил упоминание его имени в самом тексте, так как это упоминание противоречило сообщению заглавия, и присоединил окончание предложения к предыдущему тексту о том, каким князьям Боян пел славу: «...первому князю Рюрику, Игорю Рюриковичю и Святославу Ярославичю, Ярославу Володимировичю, восхваляя их песни и гуслеными буйными словесы на рускаго господина князя Дмитриа Ивановича и брата его князя Володимера Ондреевича, зане же их было мужество и желание за землю Русскую и за веру христианскую».⁶

⁴ Чтобы согласовать упоминание имени Софония в самом тексте Задонщины с атрибуцией ему этого произведения, исследователи объясняют сообщение о Софонии в самом тексте как правку более позднего редактора. См.: А. В. Соловьев. Автор «Задонщины» и его политические идеи. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 183; О. В. Творогов. О композиции вступления к «Задонщине». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова», с. 531.

⁵ Тексты «Задонщины». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова», с. 536, 541, 551.

⁶ Тексты «Задонщины», с. 548. О нечеткости и нелогичности этого отрывка сказано в статьях О. В. Творогова «О композиции вступления к „Задонщине“» (с. 531) и Р. П. Дмитриевой «Взаимоотношение списков „Задонщины“...» (с. 252—253).

Содержание этого отрывка текста во всех списках недостаточно четкое, но в данном случае важно подчеркнуть, что фраза «помяну (помянем) резанца Софония» читалась в общем оригинале всех этих списков, так как отсутствие ее в трех из шести объясняется или дефектностью списков (*И-2, Ж*), или сокращением (*К-Б*).

Если признать упоминание о Софонии в самом тексте Задонщины принадлежащим оригиналу, то это означает, что Софоний не мог быть ее автором. Последний ссылается на него как на своего предшественника.

Правильность этого логического заключения подтверждается наблюдениями совсем иного рода. Дело в том, что предложение с упоминанием имени Софония тесно связано с контекстом всего отрывка, в котором говорится о Бояне. Само построение предложения о Софонии «Аз же помяну резанца Софония» (*У*)⁷ говорит о каком-то сопоставлении или противопоставлении.

Разберемся сначала в том, почему же в Задонщине понадобилось говорить о Бояне. Безусловно, эта тема в Задонщине возникла только благодаря «Слову о полку Игореве». При своем обращении к «Слову о полку Игореве» автор Задонщины не только заимствует отдельные выражения и обороты, но и сопоставляет и противопоставляет некоторые ситуации «Слова» применительно к своему сюжету. В отрывке, относящемся к Бояну, в Задонщине использован достаточно большой фрагмент текста «Слова». Обращение к «Слову» в данном случае было определено сходной ситуацией. Автор «Слова о полку Игореве» во вступлении, вспоминая о Бояне как о знаменитом предшественнике, противопоставил ему свой стиль повествования. На мысль использовать эту тему вступления «Слова о полку Игореве» автора Задонщины натолкнуло его собственное положение как писателя, подобное автору «Слова»: он тоже имел поэтический образец своего предшественника. Поэтому он вслед за автором «Слова», заимствуя его фразеологию, говорит: «И рцем таково слово: Лудчи бо нам, брате, начати поведати иными словесы от похвальных сих и о нынешних повестех похвалу (в *И-1* — от полку, — *Р. Д.*) великого князя Дмитрея Ивановича и брата его князя Владимира Андреевича, а внуки святого великаго князя Владимира Киевскаго. Начаша ти поведати по делом и по былинам» (*У*).⁸ Собственно, здесь полностью повторена идея вступления «Слова о полку Игореве» в изложении, очень близком оригиналу. Была произведена только замена имени князя Игоря Святославича именами Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского. И далее автор Задонщины продолжил в той же последовательности, как и в «Слове», пересказ вступления, где говорилось о Бояне. Однако в его изложении содержание значительно упростилось, он лишь сообщил о Бояне как о певце времени первых киевских князей и назвал его «горазным гудцем». Автор Задонщины исключил образную характеристику творчества Бояна, которая была дана в «Слове». Он только подчеркнул, что Боян писал в песенной манере. Это было ему важно, так как и он, как автор «Слова о полку Игореве», имел предшественника, писавшего «гусленными словесы». Об этом он и сообщает сразу же следом за упоминанием о Бояне. Слова («Аз же помяну»), которыми начинается предложение о Софонии, были определены предыдущим текстом о Бояне.

⁷ Ср. в *И-1* — «И я же помяну Ефония ерея резанца», в *С* — «И здесь помянем Софона резанца».

⁸ Тексты «Задонщины», с. 535. Ср. в «Слове о полку Игореве»: «Не лѣпо ли ны бѣшетъ, братіе, начати старыми словесы трудныхъ повѣстїи о пълку Игоревѣ, Игоря Святѣславича! Начати же ся тѣи пѣсни по былинамъ сего времени, а не по замышленію Бояню» (Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 1. А—Г. М.—Л., 1965, с. 15).

Содержащийся в этих словах намек на противопоставление относится как к автору «Слова о полку Игореве», так и к Бояну.

Таким образом, упоминание имени Софония в самом тексте Задонщины не может быть вставкой какого-то редактора, а безусловно принадлежит автору. Автор Задонщины задумал написать свое произведение в подражание «Слову о полку Игореве» и поэтому только он мог включить в свой текст упоминание о Бояне, а следовательно, и известие о Софонии тоже должно принадлежать ему, поскольку имена Бояна и Софония находятся в Задонщине в тесной логической связи. Напомним, что автор Задонщины усматривает известную общность в их творческой манере. Из всего этого следует, что автора Задонщины нельзя отождествлять с Софонием рязанцем, и в таком случае имя автора Задонщины для нас остается неизвестным.

Этот вывод заставляет внести некоторые коррективы в наше представление об истории создания Задонщины. Рассматривая предложение, в котором говорится о Софонии, как принадлежащее оригиналу, следует признать, что автор Задонщины воспользовался не только «Словом о полку Игореве», но также неизвестным нам произведением Софония. Как уже отмечалось выше, текст Задонщины неустойчив и часто недостаточно ясен; это касается и предложения с упоминанием о Софонии. В нем есть местоимение «сего» (в списках У, И-1, С). Его обычно относят к имени Дмитрия Донского — «сего великаго князя Дмитрея Ивановича».⁹ На мой взгляд, его надо связывать со словом «словесы» и относить к имени Софония. Автор Задонщины хотел сказать, что словами Софония он восхвалит князя Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского. Ближе всего такому истолкованию авторского текста список У. Таким образом, сам автор Задонщины сообщает, что он воспользовался произведением Софония или как источником или как образцом. Что собой представляло это произведение? Исходя из слов автора Задонщины, можно только сказать, что Софоний рязанец писал произведения в поэтическом жанре («песнями, гусленными словесы»). Судя по упоминаниям имени Софония в заглавии Задонщины и Сказания о Мамаевом побоище, его произведение являлось похвалой Дмитрию Донскому и Владимиру Серпуховскому.

Эти выводы о Софонии и его связи с Задонщиной не противоречат, а скорее подтверждают гипотезу А. А. Шахматова, высказанную в его рецензии на исследование С. К. Шамбинаго.¹⁰ В результате текстологических наблюдений над произведениями всего цикла, посвященного Куликовской битве, А. А. Шахматов пришел к выводу, что в Задонщине и Сказании о Мамаевом побоище использован общий источник, условно названный им «Словом о Мамаевом побоище».¹¹ Этот источник, по мнению А. А. Шахматова, представлял собой поэтическое изложение описания Куликовской битвы, был «отзвуком старого дружинного эпоса».¹² Приведенные выше в данной статье доводы в пользу того, что автор Задонщины воспользовался каким-то поэтическим произведением кроме «Слова о полку Игореве», согласуются с выводом А. А. Шахматова, по-

⁹ Тексты «Задонщины», с. 536, 541, 551 (И-1 — «и сего великаго князя Дмитрея Ивановича»). Именно так трактует содержание этого предложения В. Ф. Ржигза; см. изданный им текст Задонщины — «И я же восхваляю песньми и гусленными и буйными словесы и сего великаго князя Дмитрея Ивановича, и брата его, князя Владимира Андреевича...» (Повести о Куликовской битве, с. 10).

¹⁰ А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго: «Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906. — В кн.: Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910, с. 79—204.

¹¹ Там же, с. 180—181.

¹² Там же, с. 190.

строенным на иной системе серьезных доказательств. Кстати, надо заметить, что общепринятого мнения о принадлежности Задонщины Софонии А. А. Шахматов не подвергал сомнению. Таким образом, для вывода о зависимости Сказания о Мамаевом побоище и Задонщины от третьего произведения А. А. Шахматовым не привлекались сведения самой Задонщины.

Сображения, высказанные А. А. Шахматовым о той среде, где было написано гипотетически восстанавливаемое им «Слово о Мамаевом побоище», не противоречат нашему выводу о Софонии как авторе не дошедшего до нас поэтического произведения, скорее даже усиливают аргументацию в пользу этого. Собранные к настоящему времени сведения о биографии Софонии полностью согласуются с воссозданной А. А. Шахматовым обстановкой, в которой было написано первое поэтическое произведение о Куликовской битве.

По мнению А. А. Шахматова, «Слово о Мамаевом побоище» было написано при дворе серпуховского князя Владимира Андреевича в среде служилого сословия.¹³ Не буду повторять аргументацию, приведенную в работе А. А. Шахматова, дополню ее только одним небольшим наблюдением. Во всех списках Задонщины в заглавии наряду с именем Дмитрия Донского называется Владимир Андреевич. Исключением является список Ж, где в заглавии князя не упоминаются, — «Сказание о донском бою». Заглавие в Сказании о Мамаевом побоище неустойчиво, но в списках Сказания, где Софоний назван его автором, постоянным оказалось упоминание имени Владимира Андреевича вслед за Дмитрием Ивановичем.¹⁴ Краткая запись XV в. в рукописи ГИМ, собр. Синодальное, № 836 (л. 137) имеет ту же особенность: «Сее слово съставлено именемъ Софониа резанца о великом кнези Дмитрии Ивановиче и брате его Василиа¹⁵ Ондреевиче и о всех князех русских, како билисе беаше за Доном за свою велику обиду с поганым царем Мамаемъ».¹⁶ Это постоянство сочетания в заглавии имени Софонии и одновременно Дмитрия Донского и Владимира Серпуховского в списках двух произведений на одну и ту же тему, видимо, и отражает их общий источник, в котором наряду с Дмитрием Донским прославлялся Владимир Серпуховской. Отмечу, кстати, что только в Задонщине называется Серпухов среди городов, где происходят сборы в поход русского войска. В Сказании о Мамаевом побоище упоминается другой город Серпуховского княжества — Боровск.

Сохранились исторические свидетельства о поддержании Владимиром Серпуховским политических и родственных связей с литовскими князьями, особенно с Андреем Ольгердовичем.¹⁷ Трое из активных участников Куликовской битвы по сведениям Задонщины и Сказания о Ма-

¹³ Там же, с. 180—181.

¹⁴ Списки Сказания о Мамаевом побоище с упоминанием в заглавии имени Софония: ИРЛИ, собр. Северовиновское, № 333; ЛОИИ, собр. Лихачева, № 13; ГПБ, F.IV.228; ГПБ, Q.XV.70; БАН, 16.17.22; БАН, 16.13.2. Включенный в текст Сказания о Мамаевом побоище в списке ГБЛ, собр. Румянцева, № 378, плач русских жен сопровождается ссылкой на Задонщину, которая озаглавлена так же, как в списке С (см.: Л. А. Дмитриев, Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели истории текста этих произведений. — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 430).

¹⁵ Так в ркп.

¹⁶ Издан текст: А. Д. Седелъников. Где была написана Задонщина? — Slavica, Praha, 1930, roč. IX, seš. 3, s. 526.

¹⁷ А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго..., с. 181; А. В. Соловьев. Автор «Задонщины» и его политические идеи. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 187.

маевом побоище — Владимир Андреевич, Андрей Ольгердович и Дмитрий Волынец — вместе в 1379 г. совершили удачный поход на Трубчевск и Стародуб, в результате которого Дмитрий Ольгердович Брянский отъехал служить Дмитрию Донскому.¹⁸ Собранные вместе исторические факты позволили А. А. Шахматову искать автора «Слова о Мамаевом побоище» среди лиц, окружавших Владимира Андреевича и связанных с братьями Ольгердовичами и воеводой Дмитрием Михайловичем Волынцем.¹⁹ И это предположение А. А. Шахматова в известной мере согласуется с некоторыми свидетельствами о Софонии. Как известно, в заглавии к краткому отрывку, помещенному в Тверском сборнике под 1380 г., Софоний назван брянским боярином.²⁰ В. Ф. Ржига не придавал значения сведениям этого источника, ссылаясь на то, что он — поздний.²¹ Мне кажется, что сообщение о Софонии в Тверском сборнике не является позднейшей выдумкой, если учесть некоторые детали содержания Задонщины. В ней большое внимание уделено эпизоду с Пересветом и Ослябей, причем о Пересвете упомянуто, что он брянский боярин. Все это подтверждает возможность близости Софония с кругом лиц служилого сословия, выехавших из западных земель.

Таким образом, гипотеза А. А. Шахматова о не дошедшем до нас «Слове о Мамаевом побоище» и о том, что написано оно было при дворе серпуховского князя Владимира Андреевича человеком из окружения литовских князей Дмитрия Ольгердовича и Андрея Ольгердовича, не противоречит нашему заключению о Софонии как предшественнике автора Задонщины. Он как очевидец сражения или как человек, получивший сведения от участников сражения, смог написать свое произведение, которым затем воспользовался автор Задонщины.

Что собой представляло это произведение? А. А. Шахматов восстанавливаемое им «Слово о Мамаевом побоище» считал произведением поэтическим, содержание которого полнее всего передало Сказание о Мамаевом побоище.²² Не решаюсь высказывать определенного мнения об этом заключении А. А. Шахматова. Однако, как уже говорилось выше, сочинение Софония, которым воспользовался автор Задонщины, действительно относилось к поэтическому жанру. В связи с этим хочу высказать предположение о том отрывке поэтического текста, который сохранился в Тверском сборнике под 1380 г. и который озаглавлен как «Писание» Софония рязанца. Судя по заглавию, этот текст должен относиться или к Задонщине, или к Сказанию о Мамаевом побоище. Привожу его полностью: «В лето 6888. А се писание Софония рязанца, брянского боярина, на похвалу великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его князю Володимеру Андреевичу. Ведомо ли вам, руским государям, царь Мамай пришел из Волжиа, стал на рече на Воронеже, а всем своим улусом не велел хлеба пахати. А ведомо мое таково, что хочет ити на Русь, и вы бы, государи, послали его пообыскати, тавы ли то он туто стоит, где его мне поведати!».²³

¹⁸ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 200—201.

¹⁹ А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго... с. 181.

²⁰ «А се писание Софония рязанца, брянского боярина...» (ПСРЛ, т. XV. М., 1963, стб. 440).

²¹ В. Ф. Ржига. О Софонии рязанце, с. 403. А. Д. Седелников, доказывая псковское происхождение Задонщины, известия о Софонии в Тверском сборнике не учитывал (А. Д. Седелников. Где была написана Задонщина? с. 535—536).

²² А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго... с. 190.

²³ ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стб. 440; цитирую по рукописи: ГПБ, собр. Погодина, № 1414, л. 160 об. Этот же текст включен в другой список Тверской летописи:

Этот текст не принадлежит ни Задонщине, ни Сказанию о Мамаевом побоище, но в то же время он, с одной стороны, перекликается с началом Задонщины в списках У, Ж, С,²⁴ с другой — он явно связан со следующим текстом Сказания о Мамаевом побоище: «И доиде же до усть реки Воронежа и распусти всю силу свою и заповеда всем татаром своим, яко: „Да не пашете ни един вас хлеба, будите готовы на русскыа хлебы!“».²⁵ Отрывок, включенный в Тверской сборник, слишком мал, чтобы сделать определенный вывод. Можно только высказать осторожное предположение: не служил ли отрывок Тверского сборника источником для двух других произведений, не является ли он действительно сочинением Софония рязанца, о чем сообщается в заглавии? В пользу этого предположения свидетельствует и то, что в нем наблюдается некоторая ритмическая организованность текста.

Обращу внимание еще на одну деталь. В рукописи Тверского сборника вслед за процитированным текстом было приписано киноварью, но потом зачеркнуто следующее: «Тем же всем сужено место между Доном и Днепром, на поле Куликове, на реце на Непрядве, а положили главы своя за землю Рускую и за веру христианскую. А мы пойдем в свою отчину, в землю Залескую, к славному граду Москве, и сядем на своем великом княжении, чести есмя себе добыли и славнаго имени. Конец».²⁶ Не принадлежат ли и эти слова Софония? Имеются они и в Задонщине, и в Сказании о Мамаевом побоище. Относительно Сказания можно говорить вполне определенно, что данный отрывок не принадлежит автору Сказания, а заимствован или из Задонщины, или у Софония. Дело в том, что в Сказании о Мамаевом побоище только здесь единственный раз употребляется географический термин Залесская земля, в то время как в Задонщине он используется постоянно. Поэтому можно считать, что он или введен автором Задонщины, или был заимствован из произведения Софония.²⁷

Таким образом, исходя из содержания самой Задонщины, следует признать, что Софоний не был ее автором; последний ссылается на Софония как на поэта или певца своего времени, творчеству которого он склонен был подражать. Имя Софония как писателя упоминается в рукописях (начиная с XV в.) только в связи с произведениями на тему Куликовской битвы. Следует признать, что автор Задонщины воспользовался двумя поэтическими произведениями — сочинением Софония и «Словом о полку Игореве».²⁸ Вывод о Софонии как об авторе не дошедшего до нас поэти-

ГИМ, собр. Музейское, № 288-б, см.: Н. С. Демкова. Заимствования из «Задонщины» в текстах распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 441—442.

²⁴ У — «Ведомо нам, брате, у быстрого Дону царь Мамай пришел на Рускую землю, а идет к нам в Залескую землю» (Тексты «Задонщины», с. 535).

²⁵ Повести о Куликовской битве, с. 44.

²⁶ ПСРЛ, т. XV, стб. 440.

²⁷ Возможно, отрывок Задонщины о бегстве Мамай в Кафу тоже является прямым заимствованием из сочинения Софония. На его стилистическую обособленность в составе Задонщины обратила внимание В. П. Адрианова-Перетц и склонна была возводить его к какому-то устному источнику (В. П. Адрианова-Перетц, Задонщина. Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, с. 221—223). А. А. Шахматов включал этот отрывок в состав «Слова о Мамаевом побоище» (А. А. Шахматов о в. Отзвы о сочинении С. К. Шамбйаго. . . , с. 183—184).

²⁸ А. А. Шахматов считал, что между «Словом о полку Игореве» и «Словом о Мамаевом побоище» были общие жанровые черты: «Происхождение Поведания Софония (Задонщины, — Р. Д.) из Слова о Мамаевом побоище доказывает, мне кажется, что последнее содержало черты, роднявшие его со Словом о полку Игореве. И быть может, составитель Слова о Мамаевом побоище своими прямыми заимствова-

ческого сочинения о Куликовской битве вполне согласуется с гипотезой А. А. Шахматова об общем источнике Задонщины и Сказания о Мамаевом побоище, названном им «Словом о Мамаевом побоище». Гипотеза А. А. Шахматова, серьезно аргументированная текстологическими наблюдениями, должна учитываться при решении многих еще не решенных проблем в изучении произведений Куликовского цикла.

ниями из Слова о п. Игоре подан составителю Поведания мысль обратиться к Игоревой песне для полной переработки сюжета на основании источника, уже послужившего делу воплощения его в письменный образ» (А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго. . ., с. 190—191).

В. Ю. ФРАНЧУК

Отклики Задонщины в песнях, записанных для Ричарда Джемса

В 1852 г. в Прибавлениях к I тому «Известий Академии наук по Отделению русского языка и словесности» был напечатан сборник поэтических произведений, озаглавленный «Великорусские песни. Из записок бакалавра Ричарда Джемса. 1619—1620». В том же году во «Временнике Общества истории и древностей российских при Московском университете» была впервые опубликована Задонщина. Обе публикации привлекли внимание самых выдающихся исследователей своего времени и до сих пор не перестают интересовать ученых всего мира, хотя в дальнейшем их изучение пошло разными путями и привело к различным результатам.¹

В то время, как один за другим отыскивались все новые и новые списки Задонщины и устанавливались ее связи со «Словом о полку Игореве» и другими произведениями, песни, записанные для Ричарда Джемса, продолжали оставаться загадочным явлением: за многие годы лишь для одной песни были обнаружены варианты в устном народном творчестве.²

Крупнейшие исследователи и собиратели русского фольклора XIX в. не выражали сомнения относительно устно-поэтической природы песен, записанных для Ричарда Джемса, и все же о них иногда писали как о литературных произведениях своего времени,³ сочиненных кем-то на Руси в начале XVII в.⁴ Так, и А. А. Потебня, отметивший народно-песенную основу причитания царевны Ксении, фактически признает определенную индивидуальную обработку, которой эта основа подверглась: «Древним здесь может быть то, что причитает не мать, а сама невеста. Во всяком случае этот мотив, как плач самой невесты, существовал до того времени, когда по горячим следам событий применен к положению и вложен в уста Ксении Борисовны Годуновой».⁵ Много лет спустя В. Ф. Ржига, детально изучивший народные исторические песни о смерти

¹ Как правило, одни и те же ученые занимались исследованиями Задонщины и песен, записанных для Ричарда Джемса, однако попытки сравнить эти произведения неизвестны. См., однако: А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. Текст и примечания. Изд. 2-е. С дополнением из черновых рукописей «О Задонщине». Харьков, 1914, с. 179.

² См.: Л. Н. Майков. О старинных рукописных сборниках народных песен и былин. — ЖМНП, 1880, ч. ССХII, № 11, с. 206; Л. С. Шептаев. Заметки о песнях, записанных для Ричарда Джемса. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 304—306.

³ См.: Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия церковнославянского и древнерусского языков. М., 1861, с. 1037.

⁴ Ф. И. Буслаев. Исторические очерки русской народной словесности и искусства, т. 1. СПб., 1861, с. 595.

⁵ А. А. Потебня. Объяснения малорусских и сродных народных песен. — Русский филологический вестник, Варшава, 1882, т. VIII, с. 79.

Михаила Скопина-Шуйского, пришел к заключению, что произведение на эту же тему, включенное в сборник Ричарда Джемса, «принадлежит перу какого-то крупного лирического таланта начала XVII в.»⁶ В. В. Данилов даже предполагал, что некоторые песни из анализируемого им сборника Ричарда Джемса представляют агитки, созданные для распространения определенных политических идей.⁷ И наконец, А. И. Стендер-Петерсен сделал вывод, что так называемые песни, записанные для Ричарда Джемса, являются «абсолютно не песнями, а сознательно составленными анонимным поэтом стихотворениями».⁸

В то же время ряд ведущих современных ученых продолжает видеть в произведениях, записанных для Ричарда Джемса, народные песни.⁹ Таким образом, вопрос о природе произведений, вошедших в сборник, все еще далек от разрешения. Может быть, ближе других подошел к истине Л. С. Шептаев, который считает, что «материал, содержащийся в этом собрании, не однороден по своему характеру и к нему следует подойти дифференцированно».¹⁰

В настоящей статье мы проанализируем два произведения из сборника Ричарда Джемса, в которых, на наш взгляд, обнаруживаются следы знакомства с Задонщиной. Это представляет интерес и для изучения Задонщины и может дать дополнительный материал для решения вопроса о жаровой природе песен.

Песня о нашествии крымских татар

Эта песня, как, впрочем, и остальные произведения сборника, сразу же после публикации вызвала большой интерес и получила очень высокую оценку. Так, В. Ягич назвал ее перлом между позднейшими произведениями народного русского эпоса.¹¹ Начинается песня не совсем обычно:

А не сильная туча затучилась,
а не сильные громы грянули:
куда́ ъдет собака крымской царь?
А ко сильному царству Московскому.¹²

Хотя для устного народного творчества и характерно метафорическое изображение вражеского войска в виде тучи, обращает на себя внимание непривычный эпитет *сильный*, не употребляющийся в фольклоре в сочетании с существительными *туча* и *гром*.¹³ Народной русской поэзии известны *темная* и *грозная туча*,¹⁴ украинской — *чорна змара*. *Сильная*

⁶ В. Ф. Ржигга. Повесть и песни о Михаиле Скопине-Шуйском. — ИпоРЯС, т. I, 1928, вып. 1, с. 133.

⁷ В. В. Данилов. Сборники песен XVII столетия — Ричарда Джемса и П. А. Квашина. — ТОДРЛ, т. II. М.—Л., 1935, с. 167—169.

⁸ А. И. Стендер-Петерсен. Стихи московского поэта-анонима начала XVII века, сохраненные Ричардом Джемсом. — Scando-Slavica, Copenhagen, 1957, т. III, s. 113.

⁹ В. П. Адрианова-Перетц, Б. Н. Путилов. Народное поэтическое творчество времени крестьянских и городских восстаний XVII в. — В кн.: Русское народное поэтическое творчество, т. 1. М., 1953, с. 368, 371—372, 377; C. Stief. Studies in the Russian Historical Song. København, 1953, s. 11—60; А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX в. М.—Л., 1963, с. 17, 82, 335.

¹⁰ Л. С. Шептаев. Заметки о песнях... с. 304.

¹¹ V. Jagić. Gradja za historiju slovinske narodne poezije. U Zagrebu, 1876, p. 62.

¹² Цит. по: П. Симоичи. Великорусские исторические песни, записанные для Ричарда Джемса осенью или зимою 1619—1620 года. — СОРЯС, т. LXXXII, 1907, № 5, с. 12. (Далее сокращенно: РД, с указанием страниц в тексте).

¹³ А. П. Евгеньева. Очерки по языку... с. 335.

¹⁴ Там же, с. 318.

туча, кроме песни, записанной для Ричарда Джемса, встречается лишь в Задонщине:

На том полѣ силныи тучи ступишася,
а из них часто сияли молныи
и загремѣли громы велицыи.¹⁵

Эпитет *сильный* в сочетании с существительным *гром* имеется лишь в одном списке Задонщины, вследствие чего отрывок именно этого списка, несмотря на инверсированный порядок слов, дает чтение, наиболее приближающееся к песне:

На поли Куликове тучи сил(ь)ныи изступишася,
а вид них сияли сил(ь)ныи великия молныи,
гримит гро м сил(ь)ныи.

(Син., 553)

В остальных списках Задонщины, как и в «Слове о полку Игореве» и других древнерусских памятниках, — *гром великий*.¹⁶ В народной русской поэзии известен *гром гремучий*¹⁷ и *громкий*.¹⁸ Итак, можно сделать вывод, что в Задонщине эпитет *сильный* случаен и по отношению к существительному *туча*, и по отношению к существительному *гром*. Повидимому, его появление в этом памятнике объясняется смешением близких по звучанию прилагательных *синий* (ср. *синие молныи* — К-Б, 549) и *сильный*,¹⁹ синонимичного к *великий*. Трудно сказать, почему автора песни о нашествии крымских татар привлек именно этот случайный в Задонщине образ, но в его интерпретации он звучит и убедительно, и поэтично.

Обращает на себя внимание и окончание песни:

Прокличет с небес господень глас:
«Ино еси собака, крымской царь!
то ли тобѣ царство не свѣдомо?
а еще есть на Москвѣ семьдесят апостолов,
опришено трех святителей;
еще есть на Москвѣ православной царь!».

* * *

Побѣжал еси, собака, крымской царь,
не путем еси — не дорогою,
не по знамени не по черному!

(РД, 14—15)

Еще в XIX в. к строкам «Побѣжал еси, собака, крымской царь, не путем еси — не дорогою» удалось найти близкую параллель из Новгородской второй летописи в описании набега крымских татар на Москву в 1572 г.: «Крымской царь побежал от них невррно не путми, не дорогами, в мале дружине».²⁰ Однако на этом текстуальная близость летопис-

¹⁵ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 538, список Ундольского. Далее все списки Задонщины цитируются по этому изданию с указанием страниц в тексте.

¹⁶ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 2. Д.—К. М.—Л., 1965, с. 182.

¹⁷ Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. 1—2. М., 1872—1882, с. 164.

¹⁸ Песни казаков-некрасовцев. Запись... Ф. В. Тумилевича, Ростов-на-Дону, 1947, с. 30.

¹⁹ О различных взглядах на этот вопрос см.: М. Ф. Мурьянов. «Синие молнии». — В кн.: Поэтика и стилистика русской литературы. Памяти академика Виктора Владимировича Виноградова. Л., 1971, с. 23—24.

²⁰ Л. Н. Майков. О старинных рукописных сборниках..., с. 207.

ного рассказа и песни кончается; по-видимому, она свидетельствует лишь о том, что и летописец, и автор песни были хорошо знакомы с народной поэзией своего времени. К тому же словосочетание «не путем не дорогою» вообще нередко встречается в фольклоре (ср.: «Не путем шел добрый молодец не дорогою»)²¹ Зато при сравнении песни с Задонщиной в небольшом по размеру отрывке можно обнаружить несколько интересных параллелей. Ср.:

... то ли тобъ царство не свѣдомо?

(РД, 14)

Побѣжал еси, собака, крымской царь,
не путемъ еси — не дорогою.

(Рд, 15)

Побѣжал еси, собака, крымской
царь, ...
не по знамени не по черному!

(РД, 15)

... а дороги нам сведомо.

(Син., 553)

Туту поганые разлучишася розно
и побѣгше неуготованными дорогами.

(Унд., 539)

Побѣжи ты, поганый Мамай,
от нас по задѣнеш и нам от земли
Руской.

(Унд., 540)

Особенный интерес в данном случае представляет третья параллель: ведь и в одном и в другом произведении последняя строчка не совсем ясна для понимания, что и было замечено многими исследователями. Например, Ф. И. Буслаев предложил следующее толкование не совсем понятного в контексте песни словосочетания *черное знамя*: «Черное знамя (?): не синоним ли дороге? То есть черный знак по лугам».²² По мнению П. А. Бессонова, строку «не по знамени не по черному» следует понимать как «не стройно, не в рядах и не в ротах под ихним черным знаменем».²³ Позднее А. П. Евгеньева уточнила, что в сочетании *черное знамя* эпитет *черный* не относится к числу постоянных.²⁴

Что касается Задонщины, то «темное место» списка Ундольского имеет в других списках такие соответствия:

Побежи, поганый Мамай,
и от насъ по задлѣшью.

(Ист.-1, 545)

А тым сам худыи бедныи ц(а)рю
Момаю,
чти своя избуы, вечно, поганый
Момаю,
задениши нас своим безумием, яко ж
пишет во причах: похвала бывает мужу
безумному великая погуба.

(Син., 555—556)

Указанные отличия, по-видимому, свидетельствуют о том, что переписчикам не все было ясно в тех списках, с которыми им приходилось иметь дело, и что эта неясность давняя, возможно, даже восходит к оригиналу Задонщины. Действительно, из трех списков, в которых сохранилось упоминание о бегстве Мамай, можно сделать вывод лишь о том, что Мамай побегал *по* (предлог *по* имеется в двух списках) какому-то пространству и что название этого пространства (или предмета) начиналось буквой *з* (три списка), возможно, кончалось буквой *и* (списки Син., Унд.) или *ю* (список Ист.-1) и состояло из 7—8 букв.

Р. Якобсон, обративший внимание на разницу в написании данного фрагмента в списках Задонщины, восстанавливает это место следующим образом:

²¹ Н. Е. Ончуков. Печорские былины. СПб., 1904, с. 157.

²² Ф. И. Буслаев. Историческая хрестоматия... с. 1040.

²³ Песни, собранные П. В. Киреевским, вып. 7, ч. II. М., 1868, с. 57.

²⁴ А. П. Евгеньева. О некоторых поэтических особенностях русского устного эпоса XVII—XIX вв. (постоянный эпитет). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, с. 187.

Побѣжи ты, поганый Мамай,
и от нас по Задонечью!²⁵

И хотя его реконструкция подверглась, как нам представляется, справедливой критике,²⁶ заслуживает внимания попытка разобраться в том, какое же написание нужно считать наиболее близким к оригиналу Задонщины. Кстати, и В. П. Адрианова-Перетц, которая в предложенной ею реконструкции Задонщины останавливается на варианте списка Ист.-1, видит в *Задльшью* испорченное *Залесью*.²⁷

Не все из приведенных выше параллелей убедительны в одинаковой степени. И все же в небольшом по размеру отрывке явственно выделяются несколько инородных вкраплений. Обращает на себя внимание также то, что и по структуре эта часть песни очень близка к исполненному иронии фрагменту Задонщины, в котором описано бегство Мамаи. Особенно похожи начало и конец обоих отрывков: в начале следует вопрос с напоминанием о русской силе, в конце — нескрываемое злорадство при описании бегства неудачливого завоевателя. Ср.:

Прокличет с небес господень глас:
«Ино еси собака, крымской царь!
то ли тобѣ царство не свѣдомо?
а еще есть на Москвѣ семьдесят
апостолов,
опришено трех святителей;
еще есть на Москвѣ православной
царь!»

* * *

Побѣжал еси, собака, крымской царь
не путем еси — не дорогою,
не по знамени не по черному!

(РД, 14—15)

Молвяше же ему фрязове:
«Чему ты, поганый Мамай,
посыгаеш на Рускую землю?
То ты била орда Залѣская.

А не бывати тобѣ в Батыя царя.
У Батыя царя было четыреста
тысящ окованные рати...

Побѣжи ты, поганый Мамай, от насъ
по задѣнеш и нам от земли Руской».

(Унд., 540)

Несмотря на элементы заимствования, приведенный отрывок, как и вся песня, отличается четким композиционным решением. Уже было отмечено, что за устрашающим вопросом следует триумфальный финал, дающий ответ на этот вопрос, изложение фактов сопровождается ироническими комментариями.²⁸ Тем не менее именно финал песни дает повод говорить об ошибке, допущенной при ее переписке. Ошибка эта была замечена Б. Н. Путиловым и объяснена им настолько удачно, что нам остается лишь привести здесь его слова: «Следующие три стиха —

Побежал еси, собака крымской царь,
Не путем еси, не дорогою,
Не по знамени не по черному... —

в редакции текста, предлагаемой П. Симони, трактуются как повествование о немедленном бегстве крымского хана, услышавшего „господень глас“. В таком же смысле толкуют их и все исследователи. Между тем здесь очевидное недоразумение. „Побежал еси“ не может рассматриваться как форма „авторской“ повествовательной речи. В двух предшествующих случаях „еси“ имелось в составе обращения к крымскому хану. Очевидно, что и здесь мы имеем дело с обращением. По-видимому, и

²⁵ R. Jakobson, D. S. Worth. *Sofonija's Tale of the Russian-Tatar Battle on the Kulikovo Field*. The Hague, 1963, p. 38.

²⁶ См.: А. Л. Хорошкевич, А. А. Зимин. Новые зарубежные издания источников по истории феодальной России до конца XVIII в. — История СССР, 1965, № 5, с. 165.

²⁷ В. П. Адрианова-Перетц. «Задонщина». (Опыт реконструкции авторского текста). — ТОДРЛ, т. VI. М.—Л., 1948, с. 232.

²⁸ C. Stief. *Studies in the Russian Historical Song*, s. 21.

последние три стиха должны входить в „господень глас“; они означают скорее всего заключительное требование „небес“ к крымскому хану, чтобы он немедленно уходил с Русской земли. Возможно, что наше толкование требует каких-то поправок в слове „побежал“; в таком случае, может быть, мы имеем здесь дело с неточной записью либо с ошибкой исполнителя. Во всяком случае, несомненно, что песня кончается прямой речью, а не повествованием». ²⁹

Будучи принятой, поправка Б. Н. Путилова снимает самое существенное отличие песни от Задонщины, к которой последние строки как раз и являются прямой речью.

Песня о возвращении митрополита Филарета из плена

Как и рассмотренная выше, эта песня интересовала многих исследователей, высоко оценивших поэтические достоинства и историческую достоверность произведения, которое воссоздает въезд митрополита Филарета в Москву «чуть ли не вполне согласно с летописью». ³⁰ Однако в отличие от документов, детально описывающих местнические распри съехавшихся на встречу митрополита бояр, ³¹ песня дает обобщенный образ правящей верхушки, чем напоминает Задонщину:

Съѣзжалися многиі князи-бояря, и многіе власти,
ко силнему царству Московскому.

(РД, 8)

То тѣ съѣхалис(я) вси кн(я)зи руския
к великому кн(я)зю Дмитрию Иванович(ю).

(Ист.-1, 542)

К славному граду Москвѣ
съехалися вси кн(я)зи руские.

(Увд., 536)

В научной литературе отмечалась строгость и продуманность композиции песни о возвращении из плена митрополита Филарета. ³² Однако нетрудно убедиться, что в одном месте четкость ее конструкции нарушается. Так, следующие за вступлением строки «умолил государь православной царь, князь великі(й) Михайло Федорович» не связаны с дальнейшим изложением:

А что скажут, въѣхал батюшко
Государь Филарет Микитич,
из невѣрной земли из Литовской.

(РД, 7)

Неясность эта была замечена еще П. А. Бессоновым, который попытался объяснить ее следующим образом: «А от того радость, тем умолил царь, что, говорят, приехал его батюшка». ³³ Нам представляется более правильным допустить, что в отмеченном месте при переписке песни был допущен пропуск. Это тем вероятнее, что далее наблюдается неправильное написание глагола (*въехал* вместо *выехал*), которое дополнительно

²⁹ Б. Н. Путилов. Русский историко-песенный фольклор XIII—XVI веков. М.—Л., 1960, с. 196.

³⁰ Е. Кале. Русские исторические песни XVII века. — Филологические записки, 1897, вып. IV, с. 1.

³¹ Дворцовые разряды, т. 1. СПб., 1850, с. 394—397.

³² А. И. Стендер-Петерсен. Стихи московского поэта-анонима..., с. 119.

³³ Песни, собранные П. В. Киреевским, с. 124.

свидетельствует о невнимательности или поспешности переписчика. Известно, что царь Михаил Федорович несколько раз обращался к польско-литовскому правительству с предложением обменять находившегося в плену митрополита Филарета и других русских пленных на знатных пленников — поляков и литовцев. Поэтому можно предположить, что в единственном дошедшем до нас списке песни о возвращении митрополита Филарета был почему-то пропущен ответ на царскую просьбу. Об этом как будто свидетельствует и начало фразы «А что скажут» (т. е. и как только они это сказали), заканчивающейся сообщением о выезде царственного пленника из вражеской земли.

Если допустить вероятность пропуска нескольких стихотворных строк и при этом учесть неизбежную разницу собственных имен и географических названий,³⁴ то становится возможным сравнить рассматриваемую часть песни с фрагментом Задонщины, ближайшим к приведенному выше. В результате такого сравнения намечаются контуры ответа, существование которого только предполагается. Ср.:

Зрадовалося царство Московское
и вся земля святоруская:
умолил государь православный царь,
Князь великий Михайло Федорович.

А что скажут, въѣхал батюшко
Государь Филарет Микитич,
из невѣрной земли из Литовской;
с собою он вывез
много князей-боярь...
Съѣзжались многи князи-бояря,
и многие власти,
ко сильному царству Московскому.

(РД, 7—8)

На Москвѣ кони ржут,
звѣнит слава по всей земли Руской...
стоят стязи у Дунаю великого на брезѣ,
звонят в колоколы вѣчныя в Вѣдником
Новгородѣ.

Стоят мужи нагородские у Софьи
прем(у)дрые, а ркут тако:
«Уже нам, брате, не поспѣть на посоль
к великому кн(я)зю Дмитрею Ивановичю».
И как слово изговаривают, ... выехали
посадники из Великого Новгорода
7000 воиска к великому кн(я)зю
Дмитрею Ивановичю и к брату
его кн(я)зю Владимиру Андрѣевичю.
К славному граду Москвѣ
съехалися вси кн(я)зи руские.

(Унд., 536)

Сравнение двух песен (о нашествии крымских татар и о возвращении из плена митрополита Филарета) с Задонщиной позволяет внести новые детали в историю создания сборника Ричарда Джемса. Так, можно думать, что оба стихотворения созданы одним автором, — как предполагают, чиновником Посольского приказа, одним из наиболее образованных людей своего времени.³⁵ По-видимому, нельзя считать случайностью и то, что автор первых на Руси стихотворений в поисках образца обратился к поэтическому наследию прошедших эпох, используя стилистические модели произведения XIV в. Судить о списке Задонщины, которым располагал автор стихотворений, трудно. Скорее всего, он был поздним, близким к спискам Синодальному и Ундольского.

³⁴ См.: А. В. Соловьев. Словесная ткань «Задонщины» и «Слова о полку Игореве». — В кн.: То Нопор Roman Jakobson, vol. III. The Hague, 1967, p. 1868.

³⁵ А. И. Стендер-Петерсен. Стихи московского поэта-анонима..., с. 113.

В. В. КОЛЕСОВ

Стилистическая функция лексических вариантов в Сказании о Мамаевом побоище

Говоря о поэтических особенностях Сказания о Мамаевом побоище, исследователи специально отмечают, что стиль этого памятника состоит «в соединении воинских формул с фольклорными образами и с элементами риторики»¹ в таком органическом сплаве этих трех составляющих, что безусловно можно говорить «о высоком поэтическом мастерстве автора Сказания о Мамаевом побоище».² В этом смысле интересно проследить лексические варианты и синонимические ряды слов, использованные автором Сказания, и объяснить стилистическую функцию таких слов на фоне обычных для начала XV в. значений слов и идиом. Необходимо было бы сплошное и исчерпывающее изучение всего текста, и притом по разным редакциям и спискам. В настоящее время такую работу произвести невозможно: у нас нет критического издания текста. Ограничусь поэтому предварительной разработкой темы в плане постановки проблемы.

Обилие материала, представляемого и одной редакцией Сказания, позволяет вполне однозначно решить эту задачу на материале и одной редакции, которую в соответствии с аргументацией Л. А. Дмитриева мы признаем Основной, составленной между 1406 и 1434 гг.:³ она обладает и наибольшим единством в стилистическом отношении, она же является и самой распространенной. Предварительный просмотр нескольких списков Основной редакции Сказания показал значительные расхождения в тексте и частичные его изменения (выпуски, перестановки, сокращения). В сопоставимых отрезках текста стилистические или лексические правки не очень значительны, хотя в отношении к некоторым словам варьирование достигает, напротив, весьма широких пределов. Чтобы показать границы лексического варьирования в тексте, пользуюсь двумя списками Ленинградской Публичной библиотеки: О.XVII.6 (в дальнейшем — 6) и Q.IV.342 (в дальнейшем — 342). При цитировании первым всегда указывается пример из изданного Л. А. Дмитриевым списка XVI в. ГИМ, Синодальное собр., № 485.

Каковы бы ни были источники, использованные автором Сказания, все они подчинены основному композиционному стержню произведения: подготовка, проведение и обсуждение результатов сражения. Трехчастность композиции выявляется довольно четко.

¹ Л. А. Дмитриев. К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище. — В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 443.

² Там же.

³ Там же, с. 423.

Расположение противоборствующих сил также подчинено обычному для средневековых авторов тернарному разбиению. Зеленым (т. е. *светлым*) знаменам Мамая,⁴ объединившим темные силы поганых, противопоставлены червонные знамена Дмитрия,⁵ под которыми объединились светлые силы православных. Автор не случайно говорит о том, что шелоны русских воинов, их оружие, сбруя их коней — позолочены, золотые, поблескивают. Это переключка цветовой гаммы с золотыми куполами соборов, также представленных в движении текста, но вместе с тем это и символическое обозначение света. В древнерусских текстах часто встречается изображение бога как света (*светоносный, светозарный*), а верных ему людей — как отражающих этот свет (*златозарных*). Соответствующая традиция идет от жития Бориса и Глеба, с которым часто переключается и текст Сказания. Золотой блеск у русских воинов — это отблеск небесного света. Столь явной антитезе света тьме противопоставлено отсутствие всяких цветовых и световых обозначений для союзников Мамая. Они в тени, они выпадают из развивающихся событий, они не маркированы ни в авторском повествовании, ни в стилистической гамме.

Последовательность троичного разбиения как средневековый стилистический штамп широко представлена на всех уровнях текста, и нет смысла разбирать его во всех подробностях. Такое разбиение отнесено даже и к «однородным» по функции персонажам, например к священико-служителям, с точки зрения основной композиционной струи исполняющим функции связи между божьей волей и земной силой князя. Недостижимому и высокому Киприану противопоставлен спаситель и вдохновитель победы Сергей, который в свою очередь как некую материальную субстанцию выделяет с границ своего уровня ратоборцев Ослябю и Пересвета — уже скорее воинов, чем старцев. Каждый из этих уровней проявления божьей воли имеет свой стилистический ключ, и в отношении к нему используется определенная лексика в соответствии с обычными для того времени представлениями о стилях высоком (Киприан) и низком (Пересвет). Удивлявшую исследователей необходимость включения личности Киприана в повествование можно толковать как потребность заполнить верхний уровень в этой триаде, поскольку с точки зрения церковной иерархии действительный молельщик князя Сергей не мог стать ее верхним пределом.

Рассмотрение фактов начнем с наиболее ясных случаев. На первый взгляд безразличные в отношении к стилистическим нюансам текста, глаголы движения на самом деле образуют определенный градиционный ряд. Если извлечь из текста ремарки автора и прямую речь героев, указывающие на последовательные действия Мамая, а затем и Дмитрия, выявится такая последовательность передвижений (в квадратных скобках показаны глаголы, использованные в письмах и монологах, т. е. имеющие, возможно, дополнительную стилистическую нагрузку): *Мамай — въздвигеся от въсточныя страны... нача подвижен быти... перевезеся великую реку... поиде же безбожный на Русь* (т. е. до ее границ) ... *доиде... кочуеть* (дожидаясь союзников и осени)... *хоцеть иги на Русь* (но один не решается)... [*хоцещи иги* — размышления потенциальных союзников]... [*грядеть* — неотвратно, по мнению все тех же Олега и Ольгерда, хотя замедление действия все еще продолжается]... *приидеть*... [*грядеть... грядеть*]... *грядеть*. Постепенное усиление движе-

⁴ Оба употребления слова *зеленый*, хотя и не в отношении к знамени, связаны с поганами.

⁵ В списках Сказания употреблено слово *черные* — даже если это и искаженное слово *чермные*, оно весьма характерно.

ния, основного для повествования, как бы пробуждает само действие; к каждому глаголу в этом последовательном ряду можно приписать его собственный отрезок текста, потому что каждое новое движение Мамаю, пусть даже «статичное движение», возбуждает какое-нибудь действие со стороны его союзников или Дмитрия, или даже самого автора повествования. Так, у Дмитрия соответственно представленной градации по мере уяснения ситуации как результата действий Мамаю и с помощью «чудесных помощников» Киприана и Сергия, а также и самого бога возникают следующие реакции: *нача молитися... вьсклонися и рече... прослезися и рече... признуе руце к персем своим, источник слез проливающи*, т. е. в соответствии с постепенным и неуклонным у Мамаю «поднялся» — «расшевелился» — «перешел границу» у Дмитрия пока еще пассивное желание замолить беду градационным рядом плача: «склонился, говоря (молитву)» — «пролил слезы, говоря (молитву)» — «изливая потоки слез». Сложность анализа в данном случае заключается в многопланности самого повествования. Например, как в данном случае, плачет не один Дмитрий, и другие «светлые» герои умиленно «выплакивают» победу: священники, княгиня и т. д. В частности, промежуточный плач княгини между двумя молитвами Дмитрия обогащает представленный градационный ряд еще одной ступенью: (Дмитрий) *источник слез проливающи* — (Евдокия) *слезы льючи аки речьную быстрину* — (Дмитрий) *слезы аки река течаше от очю его*.

Приближение Мамаю к русским границам и последующий ряд его неуверенных маневров соотносится с неопределенными же, но вполне сознательными недействиями Дмитрия, с его распоряжениями, представляющими как бы результат его самоуглубленного разговора с богом или его представителями на земле: *прииде... поиде... посла... разослав... поиде* — все это стилистически и семантически нейтральные глаголы, в спешном мелькании текста их как бы не замечаешь: слова-связки, не больше. Но, подобно мгновенному, но повторяющемуся кадру, они фиксируют движение героя, а в сопоставлении с другим, стилистически уже выразительным рядом слов они как бы указывают на обыденность, обычность, привычность этих княжеских действий. Ситуация решительно изменяется в третьей части, когда и Мамаю уже *грядеть... грядеть... грядеть*. Действия Дмитрия соответственны, это уже не молебщик, а воин: *вьстаеть... взыде... вседоша (на коня)... подвигошася... грядеть*. Этот ряд включает высокое слово, знаменующее неотвратимость и непреложность предстоящей битвы в качестве заключительного члена градационного ряда, и оно применено по отношению к русским воинам, действия которых в экспозиционной части представлены как *поиде... ведетъ языка... приидоша... грядутъ*. Противоборствующие силы сошлись во всех своих составляющих. В соответствии с замыслом Сказания ни Олег, ни Ольгерд не даны в движении. Они статичны, и на этом фоне даже «статичное движение» Мамаю в центральной части воспринимается как действие. Чего стоит единственное упоминание о том, что Олег *начат приспешивати* — это почти ироничное указание на неподвижную растерянность союзника Мамаю.

Таким образом, подбором и расположением слов, почти не повторяясь, автор дает нагнетание обстановки перед боем, причем инициатором во всех фрагментах является Мамаю; действия Дмитрия и его воинов определяются действиями Мамаю, тогда как союзники последнего вообще бездействуют. Лексика этой группы в большинстве списков передается без изменений, настолько она важна и функционально определена. В просмотренных списках лишь однажды в передаче косвенно-прямой речи — что неуклонно Мамаю *грядеть на Русь* (50) — другие

списки дают нейтральный глагол *идеть* (6, л. 44, 342, л. 9), что, может быть, точнее отражает смысл данного фрагмента текста.

Основное выражение действия в сцене боя, естественно, принадлежит глаголу *бити(ся)*: *и аще побием (Мамай) 61, крепко бьются 69, побиеши суть 69* и др., но в конкретном проявлении боя в отношении к определенным лицам используется глагол *ударити*: ударяют копыя друг о друга, воины ударяют своих коней и т. д. — не в значении «убивать». В этой сцене много устойчивых сочетаний, обычных для средневековых воинских повестей, и нейтральность традиционного штампа как бы стирает в глазах автора противопоставление русского воина вражескому: в бою они равны. Однако результат действия, как это и следует ожидать, в глазах автора не однозначен в отношении к противоборствующим силам. Если враги русских *бьют* (то же нейтральное слово в значении «убивают»), то русские врагов *секут* (один раз *изрываху 71*): *татар сеци 71, и начаша их сеци и всех изсекоша 65, сецаху 71* и др. Гибель русских воинов описана отстраненно от самого факта сражения, как будто они умирают не насильственной смертью, а по повелению свыше, что является необходимым условием победы (так же первоначально воспринимается героями и отсутствие Дмитрия среди убитых и живых). Для этого автор последовательно использует глагол *стирати* 'размалывать', 'истреблять' и вместе с тем 'мучить', ср.: *мнози же сынове русские сътрошася 69, напрасно сами себе стираху 69*; в высоком слого, например в речи святого, использовано и слово *требити*: *кто въ повеле требити отечество наше 65, нъ не истребишася божию милостью (стяги Дмитрия) 70* — это также связано с обозначением жертвы (требы), но в стилистически ином плане.

Равные друг другу в бою, русские и вражеские воины погибают одинаково; например, от тесноты на поле битвы они *издыхаху 69*, слово очень удачно благодаря своей многозначности: одновременно это может передавать значение 'задыхались' и 'испускали дух'. Пересвет и его противник в результате смертельной стычки также *скончашеся 69*, однако наряду с нейтральным словом *умрети* в характеристике результата общего действия автор снова различает два стана. *Аще не умремъ 61* — говорят Ольгердовичи Дмитрию, *аще ли умру 68, тою же смертию умрети 68 и 73* — говорит и сам Дмитрий, имея в виду смерть отдельного человека, но в собирательном смысле по отношению к русским воинам говорится *положили есте главы своя 73, 75* и др. Традиционный оборот *сложити голову* по отношению к врагам не применим, поэтому автор использует древнее сочетание, обозначающее физическую смерть язычника, — *мшигитися живота*, ср.: *Юлиан, который живот свой зле сконча 48*, сам Мамай *испроверже зле живот свой 76*, враги в бою размышляют о *погыбели живота своего, понеже убо умре нечистивый, и погыбе память их с шумом 62*. В этом рассуждении и передано основное различие между христианским воином, положившим свою голову за правое дело, и *безбожными агаряны*, которые, утратившая свой *живот* (телесную жизнь), не получают жизни небесной. Здесь было бы мало указать на древнерусскую традицию,⁶ соответствующие формулы объясняются и реальными контекстами самого Сказания.

Сочетание *живот вечный* как обозначение жизни небесной, напротив, употребляется только по отношению к христианам, в том числе, естест-

⁶ Уже в русских текстах XI—XII вв. *испроверже животъ свои* употреблено в отношении к врагу, например в отношении к Святополку Окаянному в цикле произведений о Борисе и Глебе; в положительном смысле используются сочетания типа *бласти головы своя, помышляти о своей голове*, но также *положити головы своя, не щадя головы своя* (у Мономаха) и др.

венно, и в евангельской цитате (отсюда это сочетание и распространилось): *въсприиметь животъ вечный* 50; затем Дмитрий дважды его повторяет, все время подчеркивая противопоставление вечной жизни и смерти: *Ни без ума нам сия смерть, нъ животъ вечный* 57, *Нам ныне несть смерть, нъ животъ вечный* 66. Дело, следовательно, не в самом слове *живот* как контрверзе *голове*, а в характере формулы, в которую это слово включалось; формулы же складывались в разное время и в различной среде и потому отражали не совпадающие в стилистическом отношении оттенки.

Более того, противопоставление *голове животу* в современном значении этих слов было бы непонятным, поскольку в самом Сказании воплощением нравственных качеств Дмитрия и его воинов являются *душа и сердце*, тогда как Мамай и его союзники характеризуются *умом и мыслью*. В тексте 20 раз употреблены слова *сердце, душа, дыхание*, ср. Дмитрий — *нача сердцем болети* 49, *сердцем своим велми слезяше* 54, *храбрым людем в полках сердце укрепляется* 61, *от великие горести сердца своего* 66 и т. д., но также — *из глубины душа нача звати велелгласно* 63, *господу богу все возможна: всех нас дыхание в руке его* 67, *от великия горести душа своя* 67 и др. Из сопоставления этих контекстов ясно, что *душа (дух)* и *сердце* христианина для автора синонимы. Сердце может иметь и нечестивый, и трижды это слово относится к характеристике врага: *вниде въ сердце его (Мамай) напасть роду христианскому* 43 — так начинается Сказание, о нечестивом сердце Юлиана говорит Киприан (48), в молитве Дмитрий просит Богородицу *смирить сердце врагомъ нашимъ* 53. Таким образом, о сердце агарян говорят христиане, не отказывающие своим противникам в наличии этого воплощения нравственных чувств. Однако души, духа в них нет — это несомненно. Христианскому *духу* противопоставлены ненавидимые христианину *разум, ум, мысль*, т. е. человеческая гордыня, противопоставленная смирению и покорству христианина. Один лишь раз Дмитрий говорит об уме — и в уничижительном смысле: *«Ни без ума нам сия смерть, нъ животъ вечный»* 57. Еще раз говорится о русском воине Захаре Тютшеве — *довольна суца разумомъ и смысломъ* 49. Все остальные 20 употреблений этих слов⁷ относятся к Мамаю, но главным образом к Олегу и Ольгерду. Если Мамай *ослеплену же ему умом, того бо не разуме, како господу годе, тако и будетъ* 44, то союзникам Мамаю отказано и в этом: *скудость же бысть ума в главе его* 44, *они же скудни умом* 47, *горе мне, яко изгубих си ум, не аз бо един оскудех умом, но и паче мене разумнее Вольгерд литовский* 57 и др. Анализируя свои стратегические просчеты, Ольгерд и сам указывает на то, что он не мог *разумети суетныя свои помыслы* 58, *чужую мудрость требуетъ* 58 и т. д. «Внешняя мудрость» *злых человек* формально и по содержанию противопоставлена душе правоверных. Впоследствии Олег сокрушается, что он доверился мудрости католика Ольгерда и силе поганого Мамаю, хотя у него, православного, были и более могучие источники внушения. По функциональным свойствам сила души выше силы ума. Для автора это несомненно — и это лучше всего доказывает, что автором был церковник. Хотя личная мудрость Дмитрия, которая фактически показана в Сказании, и явилась залогом победы («*Увы нам! — говорят враги о засаде Боброка, — Русь пакы умудрися*» 71), но внушена эта мудрость духом—душой—сердцем. Последовательность в противопоставлении сердца уму как раз

⁷ В списках находим вариации слов *мудрость—ум, ум—мысль*, что указывает на несущественность лексических различий этих слов, совместно противопоставленных душе и сердцу в описании христиан.

личных источников нравственной силы героев подтверждает целеустремленность автора в изложении своей позиции и цельность произведения вообще.

Наконец, после описания сражения мы почти не встречаем в тексте глаголов, передающих движение героев, — действие по существу закончено. Само значение таких глаголов здесь как бы преломляется в общем контексте, ср. русские воины *со всех стран бредут под трубный глас... грядущие же весело, ликующе*. Значение глагола *брести* в языке XIV—XV вв. вполне определено: 'идти вброд'. В основной части Сказания оно и использовано: *мнози же плъкы поганых бредутъ оба пол 68, а (кони) в крови по колени бродяху 72*. Значение глагола *грясти* также вполне определено: 'идти', 'шествовать', и в таком смысле он употреблен в основной части произведения. Теперь же усталые воины бредут, еле волоча ноги, и вместе с тем торжественно грядут в ликовании. Смещением в значении слов, употреблением переносного значения автор показывает завершение строгой линии повествования: празднество окончено, пир прекращен, все прежние связи порвались, а новые еще только организуются под черными стягами князя.

Перелом настроения и разрыв связей, наступившие после сражения, стилистически демонстрируются буквально на каждом шагу. Вот слово, обозначающее победу. Прежде всего, победить может только верховный вождь, например, победить может Мамай (47) или Тохтамыш (76), но и Дмитрий (76), а также Пересвет, воплощающий волю бога и потому *победи велика, силна, зла татарина 74*; русские воины вражеских или вражеские воины русских, Олег и Ольгерд своих противников не побеждают, а всего лишь одолевают: *одолейте своего недруга* (говорит Мамай Ольгерду) 47, *начаша погании одолевати 69, 70*, русские преследуют врагов и *не одолеша их, понеже кони их утомишася 71*, и т. д. Но важнее то, что и само слово *победа* в заключительной части Сказания как бы сохраняет еще внутреннюю свою форму: *по-бьда* — то, что случается *после бьды*, несчастного для обеих сторон события, и распространяется одинаково на победителя и на побежденного, на Дмитрия и на Мамаю — связи разорваны, но действительный победитель еще неясен, что и случилось в действительности: сам князь еще не найден среди погибших. Вполне возможно, что в первоначальном тексте Сказания слово *победа* в неопределенном своем значении было представлено гораздо шире, ср.: *безбожный же царь Мамай, видев свою погибель 71* — но в списке 342 *видьвъ по бьду свою 32 об.* (в списке 6 этого текста нет).

Функционально важное противопоставление светлого, христианского темному, языческому лексически и стилистически проявляется в нескольких оппозициях. Основная из них лежит на поверхности, является общим местом и каждому ясна своим отношением к тому или иному члену антитезы: Мамай — *поганый, еллин сый верою, идоложрец и иконоборец, злый христианский укоритель, безбожный*, все его воины *безбожники агаряне, половцы, поганые, печенегы, позаные татары*. Все эти определения, несмотря на различия в своем происхождении, — точные синонимы, они и варьируются довольно безразлично по всем спискам Сказания в большом числе вариантов: *поганым половцем 53 = поганому царю Мамаю 6, л. 50, или поганым еллиномъ 342, л. 12; от поганыхъ измаилтянъ 59 = от татар безбожных 6, л. 62 об., и т. д.* Дмитрий, напротив, *человек христиан, смирен человек и образ нося смиреномудрия, небесных желая и чаа от бога будущих вечных благ, и наипаче же въоруженъ твердо своею верою и т. д.* Мамаю принадлежит держава: *держава твоя пощадитъ, царю, — говорит ему Олег (45), держава твоего царства, — вто-*

рит ему Ольгерд (46). *Елико довлеет твоему государьству*, — обращается к Дмитрию Сергей, и в этом противопоставлении державы государству скрыто отношение автора к самовольному тирану Мамаю в его отличии от Дмитрия, который держит совет с вассалами и подчиняется воле бога. Вместе с тем оба слова объединяет их одинаковая многозначность: и держава, и государство в XV в. обозначали как само владение, так и верховного властителя, воплощавшего в своей личности державу-государство. Как частное лицо Дмитрий владеет *отчиною, отоками*, подобно другим князьям — владельцам *княжений* (даже и Олег). Все это в тексте Сказания равнозначные слова, синонимы, хотя по происхождению официально-книжное, высокое заимствование *отоки* и разговорное (*в*) *отчина*, разумеется, различны и стилистически дифференцированы, употреблены в различных контекстах, а в поздних списках заменяются, ср. *доволенъ есьми своими отоки* 49 = *отоки своими* 342, л. 8, но в списке 6, л. 43 уже замена *своею вотчиною* — старое слово выходит из употребления к концу XVII в.

Оба героя не свободны в своих действиях, оба осуществляют волю высших сил, причем Мамаю подстрекает дьявол, и все его поведение окрашено в тона злобной принужденности: *мне убо, царю, достоить победити царя, подобна себе, то мне подобает и довлеет царская честь получитьи 47, которые грады красные довлеют нам 49* и др. — слово *подобает*, видимо, попало сюда случайно, потому что основные формы выражения обязательности в отношении Мамаю *достоит, довлеет*, т. е. 'следует', 'достаточно', некатегоричны. Наоборот, в отношении Дмитрия 10 раз использовано *подобает* (один раз в устах Ольгердовичей — *належити*, один раз в устах Сергея — *довлеет*), ср.: *то подобает ми тръпети 49, не подобает тебе, государю 65, тебе подобает особь стояти... а намъ подобаетъ битися 68.* и т. д., 'соответствует' 'приличествует', но также без принуждения. Скрытый смысл данного лексического противопоставления заключается в том, что Дмитрию *подобает* действовать в удобное время по добрым мотивам и потому — успешно, тогда как Мамаю обязан, принужден действовать ради самого действия. Этимологическая и семантическая связь слов *подобает, удобно, добр* и др. еще ясно сознавалась (подобное соотношение хорошо чувствуется и в современных говорах). В устах самого Дмитрия *удобь* и *подобает* еще одно и то же: *яко неудобь бе мощно таковому быти 60 — то подобает ми тръпети 49*, действовать подобает в подобное время, ср. поэтические повторы в словах Дмитрия и Боброка: *«Уже бо время подобно и час прииде!» 69, «И мало убо погрълим до времени подобна» 70, «Наше время приспе, и час подобный прииде!» 71.* В этом же значении используется и слово *година* — удобный для действия час, ср.: *«Не уже пришла година наша»,* — говорит Боброк (70) и вместе с тем точное указание на длительность боя в словах очевидца: *в шестую годину сего дни... в седьмый же час дни 70,* — с полным соответствием слова *година* слову *час*. Этимологически *года* — 'благоприятное для действий время', тем более соответствующие слова применимы только к Дмитрию, поскольку его действия связаны с *добрыми делы 46, яко добрии вѣини у него 52, он связан с подвигомъ добрымъ 59, ждет подвига добраго 59*, хотя ситуация складывается и не всегда *добръ удобна 47*. Единственный раз слово *добрый* отнесено к Мамаю и в характерном контексте: *ничтоже добра имам чаяти 71.* Добро Дмитрия есть реальный земной успех, который обеспечивается и предопределяется божественным *благом*; слово *благо* и производные в тексте Сказания и употребляются только в отношении к богу или в речах Сергея применительно к людям — носителям блага: *вы бо есте вѣистину блази рабы божи 68.*

Любопытно, что, кроме Дмитрия и Мамая, никто больше не связан столь явным обязательством действия — ни союзники, ни священники, ни воины. Необходимость действия — это проявление государства-державы. Когда речь заходит о боге, употреблено другое слово: *как господу годе, тако и будет* 44 (в списках новая форма: *угодно*, см. 6, л. 33). Это уже не обязательство, а самовольство, оно не имеет ничего общего с верховными обязательствами Дмитрия или Мамая.

Столь же последовательно выражено и различное отношение к похвале или порицанию обоих героев.

Похвала передается тремя словами: *слава, хвала, честь*. Внутреннее взаимоотношение слов *слава—честь* на материале древнерусской литературы уже было рассмотрено.⁸ *Слава* прилагается к князьям, *честь* — материальное выражение славы и относится к вассалам. В Сказании эта система обозначений несколько сдвинута, поскольку появляется слово *хвала*, а сама композиционная сложность произведения вызвала необходимость в противопоставлении «положительного» героя «отрицательному». Кроме того, автор-церковник иначе смотрит на феодальные представления о чести и славе. В Сказании Дмитрий, Боброк и другие *славят* бога, бог — *царь славы*, он субстанция славы (*да и ти познают славу твою* — говорит Дмитрий в молитве о своих врагах), поэтому *слава* — вершина и апофеоз действия, и, когда Боброк сообщает Дмитрию, что *«твой връх, твою слава будетъ»*, он говорит о победе. Воины Дмитрия не могут получить славы, они в состоянии лишь причаститься к ней в результате своих мужественных действий, непосредственным их трофеем, как и в раннефеодальном обществе, остается *честь*, вот почему воины Дмитрия *хотят себе чьсти добыти и славнаго имени*. Но бог, кроме того, еще и свет (*светодатель*, — говорит Дмитрий), он *светоносен*, его праведники, например патроны дружинной среды Борис и Глеб, *светлые*, они *сияют* отраженным от бога светом. Дмитрий этим качеством не обладает, как не обладает им ни один из живых праведников. Это только льстивый Олег может передавать Мамаю свои верноподданнические восторги, называя его *преславным* или *всесветлым* царем. Уже в таком словоупотреблении проскальзывает авторская ирония над обезумевшим от нерешительности Олегом: ведь на самом деле Мамай — *нечестивый царь*, это определение неоднократно повторяется в тексте Сказания. Дмитрий не может быть *светлым*, но он *славный*. *Славе* как верховный носитель земной власти Дмитрий причтен после своей победы, он причтен и к *чести*, потому что, подобно рядовому воину, пошел в бой и сражался наряду с ратниками. Русские воины, как это и определено феодальными канонами, получают *дары и честь*, ср.: *даров и чьсти от них приимах, многими дары почтивъ* и т. д.

Распространить на враждебные силы это устойчивое соответствие славы и чести автор не может. Похвала Олега и Ольгерда Мамаю передается словом *хвала*, сам автор и русские воины связывают Мамай только с признаком *нечестье*. И Мамай в ответных словах союзникам благодарит их: *за хвалу вашу, за хвалу вашу великую*. *Хвала* — самая высокая оценка, данная человеком, она является земным эквивалентом *славы*, которую раздает бог. В этом противопоставлении и содержится основной смысл антитезы: она распространяется на Дмитрия и Мамай — ни Ольгерд, ни Олег, ни кто-либо еще в нее не включаются.

⁸ Ю. М. Лотман. Об оппозиции *честь—слава* в светских текстах Киевского периода. — В кн.: Труды по знаковым системам, вып. III. Тарту, 1967. Возражения А. А. Зимина несостоятельны (см.: Труды по знаковым системам, вып. V. Тарту, 1971, с. 464 и след.).

Антитеза проявляется и в порицании героя. Мамай, враги, их союзники (Ольгерд) осуждаются словами *студ* и *срам* — обычным средством выражения соответствующего понятия не только в древнерусском языке, но и в большинстве современных русских говоров; говорится о *бестудии* их, *погани половци с многым студом омрачаются*. Мамай и сам говорит: «Сраму своего не могу тръпети», Ольгерд *възвратися въсвоаси с студом многым*, Мамай *увидели и посрамлена и поругана*, Дмитрий *посрами их суровство*, и т. д. Такими словами обозначалось чувство стыда (*студ*, *стыд*) и порицание за непристойные действия (*срам*). Дмитрий — герой иного плана, он воплощает благую сторону, он положительный герой, поэтому столь физические и приниженные характеристики к нему не могут относиться. В систему слов, выражающих порицание, входит слово *смех* как высокая форма осуждения с точки зрения церковника.⁹ Заметим, что в случае похвалы разрушение старого ряда *слава—честь* включением нового слова *хвала* происходит в сторону Мамай, а в данном случае, наоборот, разрушение ряда *стыд—срам* включением слова *смех* происходит в отношении к Дмитрию. В обоих случаях слова *хвала* и *смех* шире по своему значению предшествующих слов, они как бы вбирают в себя значение обоих слов, например, в последнем случае *смех* включает в себя и ощущение собственного стыда (*студ*), и порицание со стороны (*срам*), но в обоих же случаях новое, третье слово ряда является стилистически маркированным. Дмитрий в молитве просит: «*Не дай же нас в смех врагом нашим*» 65, сам автор цитирует «*не дать в поношение врагом быти и в посмех*» 46. Здесь между поношением и смехом поставлен знак равенства; *събирают себе досажения и понос* 47.

В проявлении чувств героев — проявление все той же антитезы, воплощаемой в разных словах. Более сорока раз в Сказании употребляются слова *уныние*, *печаль*, *горесть*, *скорбь*, *плач*, и почти все они отнесены к Дмитрию или связаны с его действиями. Врагам или их союзникам эти переживания не свойственны, им вообще не свойственны никакие переживания, поскольку у них нет чувств и эмоций, а только рассудочное желание исполнить волю дьявола; только однажды эта ситуация переворачивается: после поражения Мамай *плачущи гръко, глаголя...*

Исключительная напряженность событий, поставивших Русь перед новым нашествием, определяется высоким и конкретным словом *беда* (*беда*, *княже*, *велика*, *сию беду великую*, *избави*, *господи*, *от таких беды*), Ольгердовичи эту ситуацию определяют иначе: *яко велика туга и печение належит великому князю Дмитрию Ивановичю*, *великая бо туга належит имъ от поганых измаилтянъ* — это взгляд со стороны первоначально не участвующих в горниле беды союзников, сочувствующих Руси; войдя в это горнило по собственной воле, они говорят уже: «*Братие, в бедах пособи бывайте*».

Мамаю, разумеется, ни *беды*, ни *туги* не предвидится, он вне этого, но его союзники, Олег и Ольгерд, говорят о притеснениях со стороны Дмитрия, выражая это словами *зло*, *обида*; слово *обида* как самое общее и неопределенное по значению и стилистическим оттенкам употребляется и в отношении к Дмитрию.

Наоборот, семантическая насыщенность обозначений перемещается автором с Дмитрия на Мамай, когда он говорит о проявлении необузданного гнева. Дмитрий рисуется коленопреклоненным молещиком, и поэтому единственный раз, когда в отношении к нему употреблено соответствующее слово, оно (если это не конъектура) сопрягается с проти-

⁹ Ср.: Д. С. Лихачев. Древнерусский смех. — В кн.: Проблемы поэтики и истории литературы. Саранск, 1973.

воположным по смыслу словом, образуя неожиданный оксюморон: узнав о нашествии Мамаю, Дмитрий *наплънися ярости и горести* 49. Зато воинственная решимость Мамаю рисуется в градационном ряду так: *ажь неутомимая ехъидна гневом дыша* 44, *неуклонно яряся на христианство* 47, *неуклонным образом ярость нося* 48, *яряся зъло* 76, *грозою идя* и т. д. Подобно кулачному бойцу перед схваткой, Мамаю разжигает себя в послании к союзникам, которые в свою очередь ему вторят: *огрозитися, имя ярости твоея, устрашаю Русь, погрозим ему, ярость его* — полный параллелизм этому «физиологическому» движению души врага составляют фрагменты, описывающие реакцию живой природы на эту беду: *и мнози зверие грозно воют, ждуще того дни грозного... от такового бо страха и грозы великыя древа преклоняются* 61, и др. В древнерусском языке гроза — высшее проявление ярости. Подобные животные проявления со стороны Дмитрия, конечно, невозможны. Угроза, гроза, ярость — это свойственно Мамаю как носителю злой силы. Гневаться может и бог, но гнев — это справедливое проявление недовольства: *къ не до конца прогневається господь на нас*, — уверен Дмитрий. Древнее, часто встречаемое в текстах сочетание *гнев и ярость* здесь также разложено на антитезу с тем же сквозным противопоставлением высокого и справедливого (*гнев*) животному и необузданному злу (*ярость*).

Глагольная лексика особенно наглядно выявляет противопоставление высокого архаизма обычному разговорному варианту, впоследствии закрепившемуся в русском литературном языке в качестве единственной возможности выражения. В таких случаях лишь применительно к Дмитрию и его воинам употребляется вариант высокий — враждебная сторона характеризуется нейтральной в стилистическом отношении лексемой. Во время создания текста оба варианта были живыми, отчасти сохраняли свое исходное семантическое различие, и поэтому в повествовании древнерусского книжника подобное стилистическое разграничение слов безусловно является авторским приемом. Так, сопоставляя различные отрезки текста, можно обнаружить, что по отношению к Дмитрию и его воинам используется глагол *хотети* и *желати*, а по отношению к враждебной силе — только нейтральный глагол *хотети*; по отношению к Дмитрию — *речи* (*реша*), *рече*, *рекоша* и др.; по отношению к врагам — *глаголати*; некоторые отклонения, впрочем, возможны в списках Сказания. В списке 6 прямая речь Мамаю и др. не вводится словами типа *глаголя*, *моля*, подобно другим спискам (ср.: *кликнуша еллинским гласом, глаголюща... погани же бежаще кричаху, глаголюще...*), а *рече* в этой функции последовательно сохраняется в отношении к прямой речи всех героев повествования. Видимо, здесь проявляется постепенное стирание исходного авторского разделения стилистических характеристик последовательной заменой всех вариантов общей безразличной в стилистическом отношении формой *рече*. В Сказании использованы и другие глаголы говорения, но не в отношении к Дмитрию или Мамаю: *говорят* бояре и — галки, *молят* стяги, и т. д. Ряд глаголов использован еще в исконном своем значении без признаков переносного значения: *сказати* 'истолковать скрытый смысл'; так, Боброк *сказывает* приметы перед боем, послы Олега и Ольгерда *сказывают* смысл посланий Мамаю к ним. 43 раза в любом контексте использованы слова с корнем *вид* (*еть*) — *видеть* наиболее общее слово для передачи соответствующего действия. Но когда автор употребляет стилистически маркированные варианты (синонимы к этому глаголу) *смотреть* или *зреть*, его авторская позиция вполне определена. *Смотрение* относится к богу (*божьего смотрения, виждь смотреливымъ своим оком на люди своя*) и к Мамаю с позиции Олега и Ольгерда (которые

последовательно соотносят его с богом, за что, собственно, и упрекает их автор), ср.: *«твое смотрение нашея грубости»*. Глагол *зрети* встречаем в поэтических повторах автора: *грозно, братие, зрети тогда, а жалостно видети и гръко посмотри ти челоувечьскаго кровопролития* 72; *умилно бо видети и жалобно зрети таковых русских собрания*. Перед нами обычное со времен Кирилла Туровского перемещение читательского внимания с одного аспекта зрения на другой; *смотреть* > *видеть* > *зреть*, т. е. собственно 'всмотреться', 'увидеть' и 'осознать' лицо или явление. Евдокия, прощаясь с мужем, *уже бо конечное зрение зреть на великого князя* (55), поэтому же и татары *плъкы рускыя узреша, узреша множество великое людей* 62 и т. д., т. е. осознают конечный результат события — появление русских войск. Ничего не говорится о самом процессе «вглядывания» и «изучения» ситуации: вражеское войско, враги вообще в словесном воплощении авторского замысла даны как статичные носители predetermined действия, поэтому и описываются лишь в тот момент развития действия, когда само действие требует показа их участия в событии. Автор и ограничивается указанием на результат: не посмотрели, не увидели, а уже осознали неотвратимость сражения. То же показано и явным образом: русское воинство долго шло к месту сражения, но враги узнали об этом (*узреша*) в самый последний момент, погнавшись за русской сторожей.

Зрети в этом смысле (внутреннее зрение) соотносится со значениями глаголов *знати* и *ведати*. Согласно Сказанию, *ведают* по существу все участники действия — это внешняя мудрость, сумма практических знаний, в плане процесса познания соотносимых с *видети*. В древнерусских рукописях смешение глаголов *видѣти* и *въдѣти* — довольно обычная вещь.¹⁰ *А не ведый того оканный* — о Мамае, *не ведаху бо* — Олег и Ольгерд, *не ведый того* — о Дмитрие, также и Пересвет с Ослябей *бе бо ведомы суть ратници в бранех*, и т. д. То, что *въдаешь*, можно передать другому — *повѣдати*, этим объясняются некоторые смещения авторского текста по спискам, ср. *подобаетъ намъ повѣдати величества и милость божию* 43, чему в списке 342 соответствует *повѣдати величества божия* (л. 1), а в списке 6, видимо, исходное сочетание: *подобаетъ намъ въдати величия божия* (л. 32).

Совсем иное дело — *знати*, т. е. быть включенным в познание высшей духовной мудрости, подобающей богу. Этот глагол употреблен только в устах Дмитрия; в своих молитвах, т. е. в самых высоких стилистически фрагментах текста, он отмечает, что Владимир Святой уподобился *познати* православную веру, сам Дмитрий и его подданные только с помощью Богородицы *познахом бога*, даже враги *познают славу твою* (бога), если на то будет воля божья. *Знати*, таким образом, соотносится со *зръти* и является содержанием и смыслом этого последнего действия. Стилистическое разграничение пар *знати* — *зръти* и *видѣти* — *въдѣти* в тексте Сказания несомненно.

Именно содержательной наполненностью в употреблении всех таких синонимов можно объяснить устойчивость соответствующих лексем в тексте: по спискам они не варьируют, поскольку до XVII в. различие между соответствующими словами, хотя бы и на стилистическом уровне, осознавалось весьма определенно.

Аналогичное противопоставление двух противостоящих сил можно проследить на любой группе лексики. За недостатком места я не буду останавливаться на характеристике чисто внешних, с точки зрения ав-

¹⁰ Иногда это объясняют фонетическим сближением *и* и *ь*, что неверно, поскольку такое смешение отражается не только в новгородских рукописях.

тора Сказания, — вторичных типов противопоставления в этой развернутой антитезе. Например, легко заметить, что Олег пишет *грамоты*, Мамай шлет *написание* (т. е. текст послания) и дает *ярлыки*, Сергей посылает *в книгах написание* (текст священных книг), Ольгердовичи обмениваются *буквицами* (по некоторым спискам — *грамотами*), а Дмитрий ничего не пишет, он полагается на живое слово: свое — перед богом, и своих гонцов — перед союзными князьями. Поэтому если Ольгерд шлет к Мамаю *посла*, Ольгердовичи к Дмитрию — *послов*, все союзники Мамаю неоднократно — также *послов* (в одном случае может быть искажение: Олег Ольгерду *вестника посла*), то Дмитрий имеет дело преимущественно с *вестниками*; Сергей в свою очередь посылает к Дмитрию *посольника*, *посланного старца* — но не *посла*. Для этих слов различия в списках оказываются очень частыми, ср.: Олег — Мамаю *писа грамоты своя* 45 — в списках *ярлыки*, Олег — Ольгерду *со своимъ написанием* 45 — в списках *ярлыки*; Ольгерд — Мамаю шлет *грамоты* 46 — в списках *ярлыки*, Мамай вообще шлет только *ярлыки* (ср. совпадение текста с этим словом по всем спискам, просмотренным нами, что показывает возможность первоначальности именно такого слова в отношении к вражеским посланникам и их грамотам). Собирательное обозначение войска — *сила*, *орда*, *рать*, иногда *вѣинство*, *войско* применительно к врагу, русские войска даны и собирательно (*войско*, *воинство*), и индивидуализированно — перечислением *витязей*, *полянщъ*, *ратниковъ*, *вѣиновъ*, *воевъ*, *богатырей*, *удальцов*, *удалых людей*. Само богатство синонимического ряда представляет собою явный контраст по отношению к обезличенной враждебной силе; ср. такое же соотношение и в былинных текстах.

Столь же дифференцированно и отношение к самому понятию 'враг'. Для Дмитрия и его союзников все их неприятели — это *враги*, *супостаты*, *противные враги*, *супротивные*, *противники*; Дмитрий для Олега и Ольгерда всего лишь *недруг*, у самого Мамаю, судя по данному словоупотреблению, врагов нет. В глазах автора Сказания Дмитрий не может быть *врагом* в объективном смысле этого слова, потому что в слове совмещаются значения 'неприятель', 'злая сила', 'дьявол'. Такая идея врага как нерасчлененного целого постоянно присутствует в тексте, осознается каждым переписчиком текста и в некоторых случаях даже заменяет более бытовое, а следовательно, и приземленное в стилистическом отношении слово супостат, ср.: *«Имаши, господине, победити супостаты своя»* 52 — *врагы* 342, л. 10 об.; *на мя опльчишася супостаты погании* 53 — *врази* 342, л. 12 об., и т. д.

Повороты сюжета диктуют выбор лексики и для обозначения пространственных перемещений действия. Так, на первый взгляд, кажется неопределенным употребление синонимов *Русь* и *русская земля*; иногда даже кажется, что здесь на новое для XV в. обозначение накладывается реминисценция из «Слова о полку Игореве» с его повторением *русская земля*. На самом же деле и употребление этих синонимов отражает авторскую позицию в отношении к действию. *Русь* — представление России извне, со стороны, во всей ее целостности: Мамай идет не на русскую землю, но на Русь; Дмитрий говорит о русской земле только до выхода его войск за ее пределы; перейдя границу, он также говорит о Руси. Сам автор, верный своему правилу дифференцировать все явления и события, связанные с русскими, говорит не собирательно о Руси, а о *русской земле*, подразумевая *землю московскую*, *землю рязанскую*, *землю залесскую*, *землю волынскую* и т. д. В одновременном использовании двух терминов с одним значением оказалось возможным передать и впечатление монолитности — в противопоставлении отдельным русским землям, и впечатление отдаленности — в противопоставлении позиции наблюдателя,

находящегося на русской территории. Сам автор никогда не говорит о *Руси* — только о *русской земле*, потому что он географически и является тем самым наблюдателем, который не выходит за границы русской земли и, следовательно, отражает точку зрения русской стороны. Для позднейших переписчиков позиция автора становилась неясной: почему Русь — это именно московская, рязанская, даже новгородская и другие земли совместно? В результате в различных списках появлялись исправления текста, ср. в 342 по сравнению с изданным текстом: *злата и сребра и богатства много наполнися земля московская* 45 = *много в Руси* л. 2 об.; *и хоцеть иги на Русь* 44 = *на русскую землю* л. 2 об.; наоборот — *на русскую землю* 45 в изданном списке = *на Русь* в 342, л. 2 об., и т. д. В XVII в., когда список создается, *Русь* и *русская земля* — только московская земля. Разной по спискам, несовпадение исправлений показывает, что перед нами именно бессистемная правка исходного текста, затемнившая исходное распределение терминов.

Пространственно-временная четкость изображения в том виде, как она проявляется в словесной структуре текста, вообще поразительна. Это стало основным средством воссоздания иллюзии движения — войска, героев, событий, хотя наряду с тем используются и обычные возможности поэтического текста (смещения в композиции, сопоставления разных планов повествования, развернутые сравнения с жизнью природы и т. д.). Примеров такого рода множество.

Противопоставление места боя времени сражения передается словами *побоище* и *брань*, ср.: *како случися брань на Дону великому князю... с поганым Мамаем* 43; *велика брань была русским князем на Калках* 55, *господь с нами, силен в бранехъ* 63, *утвердися акы некими крепкими бранями* 67 и др. — 10 раз; (после боя) *разсыпашася вси по велику, силу и грозну побоищу* 72, *мало выехав с побоища* 73, *выехав на велико, силно и грозно побоище* 73 (и рядом: *отъехав на иное место* 74), *поганый же Мамай тогда побеже с побоища* 75 и др. — всего 7 раз. *Бой* — это взаимное действие двух враждебных сил, и здесь не может быть позиции наблюдателя; поэтому различий в употреблении этого слова по отношению к русским и их врагам нет; оно вообще встречается редко и совмещает в своем значении пространственно-временные границы этой *беды* (ср. плач Евдокии, которая говорит о битве на Калке: «*От тоа от Калаукия беды и великого побоища татарскаго*» 55) — *князи белозерские, подобни суще к боеви* 51, «*Аз же преже сего множество теми приметам боев искусих*», — говорит Боброк (65) — место сражения (*побоище*) и время боя (*брань*) здесь представлены совместно как факт сражения, как беда.

Если *побоище* — собирательное обозначение места боя, то *место* всегда конкретно локализует «пространство события», ср.: (у поганых) *от великия силы несть бо им места, где разступитися* 68; (в стычке Пересвета с татаринном) *едва место не проломися под ними* 69; *яко немощно бе вместитися на том поле Куликове: бе место то тесно между Доном и Мечю* 69. Конкретность пространственных обозначений всегда связана с этим словом, довольно частым в Сказании, ср. еще: (Ольгерд—Мамаю) «*Да придетъ держава твоего царства ныне до наших местъ*» 46; *на месте, рекомое Березуй* 60; *реки же выступашу из мест своих, яко николи же быги толиким людем на месте том* 66; (Мамай) *выехав на высоко место с трема князи* 68, и др. Слово *место* до сих пор встречается в русских говорах для замены любого другого слова с конкретным значением (так и у Аввакума).

Напротив, слово *время* используется для передачи конкретной, данной временной границы, точно соотносенной со словом *место*, ср.: (Олег —

Мамаю) «*Ныне же... приспе твое время*» 45, в то же время 58, т. е. по малех же дней 59, начинают совещаться Ольгердовичи, движение войск и подготовка к бою происходили во время ведра 62, 63, перед боем Дмитрий говорит: «*Уже бо время подобно, и час прииде*» 69 — слово *час* уже явно обозначает конкретный отрезок времени, как и в современном русском языке (см. дальше: *часъ же третий* и др.), и тем самым не входит в систему изобразительных средств Сказания: это термин. Однако конкретность времени в тексте противопоставлена абстрактно-собирательному слову *век*, всегда соотнесенному с вечной блаженной жизнью: «*А они в веки царствуют*» 55, — говорит Евдокия о своих сыновьях, также и в речах Дмитрия: «*В ономъ веце со святыми*» 50, «*в будущий век*» 50, и т. д.

Аналогичное противопоставление, хотя и скрытое, представлено и в паре *путь—дорога*. Слово *путь* обозначает временные или абстрактно-собирательные (а тем самым скорее узуальные) границы действия, слово *дорога* всегда ограничивает конкретно-пространственные пределы движения, ср.: (Ольгердовичи) *хотеше совершити сим путем подвига сего добраго* 59; *предложитъ бо нам путь на Северу, и тем путемъ утаимся отца своего* 59, *но застали намъ путь* 57 (говорит Олег о блокаде со стороны Дмитрия), также в цитате *путь нечестивых* 47 — сочетание, которое стало камертоном в определении семантических границ слова, поэтому и в конкретных своих значениях слово воспринимается как обозначение обобщенных действий: *а сам государь князь великий, путем едучи* 57, ниже он же *поехаша путем* 60, тогда как его воины и вассалы перемещаются по *дороге* (*на Брашеву дорогу, единою дорогою* и т. д.). По-видимому, такое соотношение слов в поэтических текстах держалось довольно долго, во всяком случае среди разночтений в просмотренных списках нашлось лишь одно, связанное с употреблением этих синонимов: «*Но застали нам путь*», — говорит Олег по изданному списку (57); *путь заступают*, — толкует это место писец списка 6, л. 59, *но застали намъ дороги*, — уточняет переписчик списка 342, л. 17. Конкретизация словом *дорога* разрушает точность художественного образа, включенного во временной план повествования, снижает поэтическую ценность горестного признания Олега, который по существу уверяет Мамаю, что у него в силу создавшихся условий нет никакой возможности (предельность действия) выступить ему на помощь. Рассечение временных и пространственных границ повествования и передача этого словесными средствами литературного языка выявляют в авторе Сказания человека нового времени. Следует подчеркнуть хотя бы на последнем примере, что возможность этого возникает только при умелом столкновении разговорных русских слов (*дорога*) с высокими словами церковнославянского языка (*путь*), семантика которых еще невидимо связана с обычным для священных книг употреблением (*путь нечестивых*), а потому стилистически и семантически еще несводимых в одну общую лексическую систему.

Противопоставление собирательно-абстрактных и конкретно-чувственных явлений, также материализованных в лексических парах, выявляет в авторе книжного человека, осознающего необходимость подобного членения в художественном тексте. Автор даже как будто различает особенности авторской речи в ее противопоставлении речи своих героев: последняя несколько архаизирована по отношению к началу XV в. Так, Олег говорит: «*Аз чаях по преднему, яко не подобает русским княземъ противу вѣсточнаго царя стояти*» 57; Дмитрий: «*Преднии (воины) уже испиша и весели быша и уснуша*» 69 с древним значением слова *передний* 'первый', 'прежний' во временном значении: *передний тот, кто*

находится сзади.¹¹ В авторской ремарке это многозначное в XV в. слово заменяется более точным: *на пръвое възвратимся* 60 — в более ранних русских текстах этому соответствовало сочетание *на преднее возвратимся*. Автор Сказания не позволяет себе смешивать пространственно-временные характеристики и в тех словах, которые в его время еще только изменяли свое семантическое содержание. Например, в XIV—XV вв. происходило, сначала в отдельных сочетаниях, изменение значения слова *правый*: не только 'справедливый, истинный', но и 'находящийся справа'. Лишь в конце XV в. в московских грамотах и летописях *правый* в новом значении употребляется уже безотносительно к противоположной, левой, стороне, происходит окончательное выделение понятия *правый* не в связи с *левым*. На протяжении же XV в. оставалось возможным только сочетание *правую руку — левую руку*, всегда совместно, как это и дано в традиционной воинской формуле, ведущей начало с XII в.: (Дмитрий) *правую руку уряди себе брата своего князя Владимира, а левую руку... 56; а с правую руку плък ведеть Микула Васильевичь, а левую же руку плък ведеть Тимофей Валуевичь 68*. В случае если требуется указать одну правую сторону, вне ее зависимости от левой, автор использует слово *десный*: *и приниче к земли десным ухом на долг час 64; уклонишася на десную страну в дуброву 72*; впрочем, не в воинской формуле, например в сочетании со словом *сторона*, старое слово возможно и в случае противопоставления левой части, ср.: *по десной же стране плкку татарскаго ворони кличуще, а по левой же стране... 64*. Автор не может выйти за пределы семантической системы своего языка, а последующие переписчики рассматривали эти расхождения как чисто стилистические.

В тексте Сказания довольно много словоупотреблений, указывающих на время составления произведения. Слово *победа* еще отчасти сохраняет исконную неопределенность значения и потому одинаково соотносится с победителем и побежденным. Слово *година* и *часъ* в Сказании также еще выступают в качестве полных синонимов, обозначая один и тот же конкретный отрезок времени. Слова *скоро—быстро* и *твердо—крепко* также еще не смешиваются в своих значениях, как это стало обычным в более позднее время. В тексте Сказания употреблено только слово *животъ*, а слова *жизнь* нет — последнее вошло в литературный русский язык лишь с конца XV в. Слово *группъ* употреблено в древнем своем значении 'пень', 'вырубка', 'поваленный ствол', ср.: *егда в мертвомъ группу лежитъ 72, а группу человекья 72, иматъ пасти группа человекья 66*. Здесь употреблены архаические слова, которые после XV в. либо исчезли, либо перешли в разряд диалектных: *узорочье, рыдель, яловцы, нолны, пахать 'веять', съто 'сотня', буйный, буявый, распудиги, дивий*. В реминисценциях из «Слова о полку Игореве» некоторые тексты автору уже неясны; так появляются *силнии млъνια* 69 на месте *синии млъνια* (т. е. 'сверкающие'); *ударимся на великыя стада жировины* 71 вместо ожидаемого прилагательного *жировныя*, т. е. 'богатые, обильные', и т. д.

Примечательной особенностью стилистического оформления в Сказании является полное отсутствие вариантов для вспомогательной лексики; здесь использованы только *моцно, вельми, токмо, ради, тольма* и др., в то время как варианты этих слов отсутствуют — на 16 употреблений предлога *ради* нет ни одного случая с использованием равнозначного ему *дьяля*. Правда, наряду с *вельми* в отношении к Мамаю употреблено слово *зльо*, но характер текста позволяет подозревать позднейшую вставку в градационном ряду: *велико зело изрядно* 65 (все слова с од-

¹¹ См.: Д. С. Лихачев. Из наблюдений над лексикой «Слова о полку Игореве». — ИЮЛЯ, т. VIII, 1949, вып. 6, с. 551—554.

ним значением). Перед нами определенно художественный прием, состоящий в том, что автор убирает вариативность вспомогательной лексики, чтобы не перегружать текста излишними, не несущими функциональной нагрузки вариантами. Однако тем самым оттеняется функциональная важность и стилистическая насыщенность тех лексических вариантов и синонимов, которые связаны с семантическими вариациями текста. Они релевантны в тексте и потому проявляют свое различие, в тексте возникает их взаимное противопоставление.

Не вхожу здесь в рассмотрение собственно стилистических средств построения художественного текста, использованных автором Сказания, — все они основаны на умелом использовании наличного лексического материала. Любопытны соотнесения слов типа *поспешати—ускоряти, уповати—надеятися—чаяти, учредити—урядити—установити, отличитися—вѣружатися, пособити—помогати, оставити—отступити, испытати—искусити* и др. Причудливое варьирование семантических оттенков в глагольной лексике позволяет создать, если можно так выразиться, вибрирующий фон повествования с постоянным вниманием к словам, передающим перемещение пространства во времени, или, что точнее, к постоянной смене пространственных отрезков, данных во временной последовательности. Первоначальные источники произведения, сколько бы их ни было, включены в общий повествовательный ряд, а общность лексико-стилистического варьирования, рассмотренного здесь в основных чертах, распространяется на весь текст в целом. Следовательно, можно говорить о Сказании как о единой в словесно-семантическом отношении структуре. Вместе с тем это структура, характерная для художественного текста нового времени, потому что разностилевые элементы сопрягаются здесь в полном соответствии с содержанием конкретного фрагмента поэтического текста, а не соотносятся с определенным жанром или определенным типом текста, как это было характерно для древнерусской литературы.

Стилистическая расшифровка текста показывает, что серия тернарных оппозиций, связанных с действующими лицами (Дмитрий — Олег — Мамай или Киприан — Сергий — Пересвет), местом или временем действия (Русь — побоище — Русская земля) и т.д., строго соотнесена каждый раз с особыми словами или их значениями. Накладываясь друг на друга, совмещаясь в последовательности текста, эти слова создавали перспективу действия, сплетали сложную ткань стилистического подтекста, понятного современному читателю, но уже почти неясного для нас. Это лингвистический уровень художественного текста, несущий дополнительную, «словесную» информацию о действии и действующих лицах. Движение текста создавалось также и выбором слов, и понять это можно, только проецируя словоупотребление памятника на семантическую систему XV в. Работа эта очень сложна из-за отсутствия методики описания и словарей. Тем не менее начинать такую работу необходимо, поскольку без ее исполнения невозможно расшифровать древний текст во всем богатстве его художественных средств. Уже на примере Сказания видно, что: 1) наличие единая стилистическая отработка текста независимо от происхождения его составных частей; 2) этот текст составлен в первой половине XV в., т. е. еще до совмещения церковнославянского и русского лексических пластов в границах одного текста; здесь много лексических и семантических архаизмов русского языка; 3) умелое использование семантических дублетов в художественном тексте позволяет оттенить своеобразие каждого слова, употребленного автором, объективно осознать его основное значение, в определенном контексте выявить оттенки его значения.

А. А. АМОСОВ

Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом своде Ивана Грозного

(Заметки к проблеме прочтения миниатюр Свода)

Сказание о Мамаевом побоище — одно из самых распространенных произведений древнерусской литературы — дошло до нашего времени во множестве списков. Богатство содержания, высокие художественные достоинства и патриотический настрой Сказания способствовали проникновению его в самые различные слои русского общества. За несколько столетий бытования памятник претерпел значительные текстовые изменения и дошел до нас в нескольких редакциях.¹ Как и многие популярные сочинения, Сказание о Мамаевом побоище сохранилось не только в обычных списках, но и в лицевых, снабженных значительным количеством миниатюр. Исследование лицевых списков Сказания было произведено в начале нашего века С. К. Шамбинаго.² В последнее время выводы С. К. Шамбинаго были существенно уточнены и дополнены Л. А. Дмитриевым.³ Любопытно, что почти все известные сейчас лицевые списки Сказания по тексту относятся к Основной (по классификации Л. А. Дмитриева) редакции.⁴ Единственное исключение — текст Сказания в составе Лицевого свода Ивана Грозного.⁵ Л. А. Дмитриевым справедливо отмечено, что Сказание в Лицевом своде не имеет связи с остальными списками памятника и должно изучаться как часть Лицевого свода.⁶

О Лицевом своде как историко-литературном памятнике существует большая литература. Специальные исследования посвящались как Своду в целом, так и отдельным его частям, происхождению, составу, истории

¹ Обстоятельная классификация списков Сказания приведена Л. А. Дмитриевым в издании: Повести о Куликовской битве. М., 1959.

² С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище. Изд. ОЛДП, вып. СХХV. СПб., 1907.

³ Л. А. Дмитриев. 1) Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., 1966; 2) Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974.

⁴ Л. А. Дмитриев. 1) Миниатюры..., с. 262 и др.; 2) Лондонский... список..., с. 157 и след.

⁵ Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом своде представлено особым видом Киприановской редакции. Данная редакция, составленная, по-видимому, специально для Никоновской летописи и представленная за единичными исключениями лишь в списках этого свода (известно лишь три отдельных списка ее), при внесении в Лицевой свод была несколько переработана и осложнена вставками из других памятников. Подробней мы коснемся этого ниже.

⁶ Л. А. Дмитриев. 1) Миниатюры..., с. 259—260; 2) Лондонский... список..., с. 156.

его бытования. Изучались в различных аспектах и миниатюры Свода.⁷ Однако текст и миниатюры Сказания о Мамаевом побоище в составе Свода до последнего времени, насколько нам известно, предметом специального изучения еще не были.⁸

Сказание в составе Лицевого свода находится в начале так называемого второго Остермановского тома, занимая л. 19—121.⁹ Тексту Сказания предшествует изложение событий 1378—1380 гг. начиная с известий о разорении Мамаем Рязанского княжества (их можно рассматривать как своеобразный пролог к Сказанию); после Сказания следует рассказ о судьбе Мамаея и воцарении в Орде Тохтамыша (т. е. своеобразный эпилог к произведению). Текст собственно Сказания проиллюстрирован 180 миниатюрами (т. е. число миниатюр более чем в 2—4 раза превышает количество их в каждом отдельном списке Основной редакции Сказания).

Благодаря тому обстоятельству, что последний том Лицевого свода (так называемая Царственная книга) остался незавершенным, мы можем отчетливо представить как последовательность, так и содержание отдельных операций, из которых складывался процесс создания Свода. «Технология» мастеров Свода представляла собой следующую цепочку.¹⁰ Источник текста (или несколько источников, на основе которых создавался компилятивный текст, — в данном случае это несущественно) размечался на отдельные фрагменты, подлежащие иллюстрированию (1), эти фрагменты переписывались на размеченные соответствующим образом листы так, что перед фрагментами текста (независимо от его расположения на страницах) оставалось место для миниатюры (2),¹¹ художник создавал

⁷ Обстоятельный историко-археологический анализ миниатюр Свода произведен А. В. Арциховским (А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944). Искусствоведческому изучению миниатюр Свода посвящена основная часть монографии О. И. Подобедовой (О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевое летописания. М., 1965). Значительное внимание миниатюрам Свода (прежде всего выяснению их связей с другими видами и жанрами живописи того времени) уделено и в следующей книге О. И. Подобедовой — «Московская школа живописи при Иване IV. Работы в Московском Кремле 40-х—70-х гг. XVI в.» (М., 1972). Отметим, наконец, что в последние годы началось изучение и отдельных произведений, входящих в состав Свода (см., в частности: В. П. Гребенюк. Лицевое «Сказание об иконе Владимирской Богоматери». — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972). Растет интерес и к проблеме палеографии и кодологии Лицевого свода в целом и отдельных его частей (или томов).

⁸ В настоящее время издательство «Аврора» готовит под редакцией академика Д. С. Лихачева факсимильное в цвете издание Сказания по рукописи БАН, 31.7.30, т. II. К воспроизведению рукописи предусматривается приложение исследовательских статей об истории текста и миниатюрах данного произведения. В конце 1977 г. на заседании Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома академиком Д. С. Лихачевым был сделан доклад о некоторых проблемах исследования миниатюр Свода (в сопоставлении с Радзивилловской летописью).

⁹ Описание рукописи см.: Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР, т. III, вып. 1. М.—Л., 1959, с. 357—360.

¹⁰ Здесь мы даем наиболее общую последовательность, оставляя в стороне ряд предварительных и промежуточных операций частного порядка. Изучение рукописей, составляющих первую часть Свода, посвященную всемирной истории, показывает, что организация работы над ними была по существу такой же, как и при написании «Царственной книги». См. об этом: В. Ф. Покровская. Из истории создания Лицевого летописного свода второй половины XVI в. — Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР. М.—Л., 1966; А. А. Амосов. К вопросу о времени происхождения Лицевого свода Ивана Грозного. — Материалы и сообщения по фондам Отдела рукописной и редкой книги БАН СССР, [вып. II]. Л., 1978. Думается, что предполагать иную организацию работ при исполнении «средних» томов Свода нет оснований.

¹¹ Как правило, в Лицевом своде миниатюра предшествует тексту. Однако в лицевом Житии Николы (ГБЛ, собр. Большакова, 15), исполненном теми же мастерами и в то же время (мы полагаем, что Житие Николы мыслилось как часть

предварительный набросок контуров миниатюры свинцовым карандашом (3), лист поступал на просмотр к руководителю работы (редактору?), и в случае его одобрения (4) художник пером исполнял окончательный контур рисунка (5),¹² после чего готовые листы поступали мастерам иллюминаторам на раскраску (6).¹³

Для нас особенно важным представляется тот момент, что разбивка текста на фрагменты предшествовала созданию даже первых вариантов иллюстраций. Можно лишь предполагать, кто проводил эту разметку: редактор, писец или художник (нельзя исключать и «коллегиальной» работы этих лиц). Однако следует отметить, что разбивка текста сделана квалифицированно, на достаточно высоком профессиональном уровне (не только в тексте Сказания, но и в целом по Своду). Как правило, состав фрагмента, подлежащего иллюстрированию, ограничивался небольшим числом самостоятельных в информативно-смысловом отношении элементов (чаще всего 3—5, значительно реже меньшее или большее количество).¹⁴

В некоторых случаях лица, производившие разбивку, решали, что тот или иной значительный кусок текста не подлежит иллюстрации, и не делили его на малые фрагменты. Так, не иллюстрировались пространные цитаты из документальных источников, включенных в летопись (разрядных книг, дипломатических документов, посланий разных лиц и т. д.), — таким текстам предпосылалась одна общая иллюстрация (своего рода заставка), не отражающая содержания текста, а как бы обозначающая действие и его предысторию — в Сказании это, в частности, пересказ писем Олега Рязанского и Ягайла Литовского к Мамаю (л. 26—26 об. и 28—28 об.) и ответное письмо Мамая к Олегу и Ягайле (л. 30—30 об.). Аналогично передаются диалоги действующих лиц, как, например, беседы князя Дмитрия с митрополитом Киприаном (л. 40) и Владимира Андреевича с Дмитрием Боброком во время стояния в засаде (л. 93 об.—94 об.). Сходная ситуация наблюдается и в передаче исторических аналогий (см. рассказ митрополита Киприана о конфликте Василия Великого с Юлиа-

Свода, подобно «Александрии», «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия и другим памятникам, имевшим и самостоятельное бытование, — но это еще послужит предметом самостоятельного исследования), расположение текста и миниатюры противоположно — текстовые фрагменты размещены *перед* миниатюрами.

¹² 3-я, 4-я и 5-я операции особенно хорошо заметны в «Царственной книге». Однако и в более ранних томах Свода (в том числе и на листах, занимаемых Сказанием) зачастую под слоем краски и перовым контуром видны следы первоначального карандашного наброска. Так, очень хорошо следы правки сохранились на л. 95 — в перовом очерке начальная композиция заметно изменена и миниатюра стала менее протяженной по вертикали.

¹³ По интересному и, как кажется, основательному предположению Т. Н. Протасевой не только «Царственная книга», но и другие части Свода, в частности так называемая Никоновская летопись с рисунками (ГИМ, Синодальное собр., 962), в XVI в. оставались без раскраски и были иллюминированы только в XVII столетии (см.: Т. Н. Протасьева. К вопросу о миниатюрах Никоновской летописи (Син. 962). — В кн.: Летописи и хроники. Сборник статей 1973 г. М., 1974). Относительно «первого» тома Свода В. Н. Щепкин еще в 1897 г. отмечал, что его миниатюры в XVII в. подверглись поновлению и эта густая вторичная закраска скрыла первоначальную легкую (см.: В. Н. Щепкин. Два лицевых сборника Исторического музея. — Археологические известия и заметки, 1897, № 4, отд. оттиск, с. 8). Следы поновления раскраски миниатюр есть, как кажется, и в Остермановских томах Свода.

¹⁴ Во многих случаях (хотя далеко не всегда) деление текста на иллюстрируемые фрагменты совпадает с грамматическим делением на фразы (или сложные подчиненные периоды). Однако какой-либо строгой закономерности в соотношении между грамматической структурой текста и организационной структурой его в рукописях Свода нам подметить не удалось. Думается, что желательным (и интересным) было бы исследование этого вопроса специалистом-языковедом.

ном Отступником — л. 42 об. — 43), и в изложении размышлений летописца на нравственные проблемы (см. морализаторские сентенции по поводу сговора Олега и Ягайлы на л. 29—29 об. и 31 об., — ср. похвалу князю Дмитрию в финале Сказания — л. 121). Наконец, не разделяются на иллюстрируемые фрагменты тексты, содержащие повествования описательного по преимуществу характера, как, например, рассказ об испытании примет князем Дмитрием и воеводой Боброком в ночь перед битвой (л. 77 об. — 78 и 78 об. — 79 об.) и описание схождения двух войск (л. 86 об. — 87).

Оставление названных выше и других аналогичных им текстов в Своде без иллюстраций объясняется тем, что характер их и особенности содержания делают эти тексты чрезвычайно трудными для передачи языком художественных средств, бывших в распоряжении миниатюристов. (Как, в частности, художники могли выразить в образах или реалиях такие нравственные категории, как добро и зло, эмоциональные состояния восхищения и осуждения, дипломатические формулы документов или яркие и стилистически утонченные обороты в описаниях природы?)

Однако в Своде, и в частности в Сказании, есть неиллюстрируемые тексты и иного порядка. Это повторное изложение (сокращенное или, напротив, расширенное) повествования, с некоторыми вариациями, о событиях, уже имевших место в не столь отдаленном прошлом.

Таким образом в Сказании передан рассказ о личном участии в битве князя Дмитрия (л. 103 об. — 104 об.), помещенный среди изложения событий, последовавших уже после победы русского войска, и рассказы воинов князю Дмитрию о чудесных явлениях, случившихся в ходе сражения (л. 106—107); оба эти рассказа представляют известные вариации событий, помещенных на своем месте (л. 90 об. — 92 об. и 95—96 об. соответственно). Очень интересен и показателен случай приведения без миниатюр большого текста в Прологе к Сказанию. Это изложение хождения в Константинополь Дионисия Суздальского (л. 10—11); здесь в тексте дана прямая ссылка, что более подробно об этом уже было написано: «...сия же повесть прежде написана в Митяевой повести» (подразумевается «Повесть о Митяе» — см.: ПСРЛ, т. 11, с. 35—41, помещенная и обстоятельно иллюстрированная в конце первого Остермановского тома).

(От неиллюстрируемых по указанным выше причинам текстов следует отличать пространные фрагменты, содержащие большой объем информации однородного характера, как, например, перечисления действующих лиц, номинативных реалий, ряд последовательных оборотов сходного содержания и т. д., то есть те сведения, которые могут быть сгруппированы без ущерба для общего содержания текста. Художники здесь должны были обозначать группу однородных предметов или членов собирательными образами.)

Итак, художники получали от писцов листы с переписанными фрагментами, подлежащими иллюстрированию, и набрасывали предварительный контур миниатюр.¹⁵ Вполне закономерным представляется вопрос о возможных источниках миниатюр.¹⁶

¹⁵ Судя по перовым очеркам, над иллюстрированием Сказания работали не менее четырех мастеров (окончательное суждение здесь оставляем искусствоведам); установить какую-либо закономерность в чередовании листов отдельных мастеров сейчас вряд ли возможно.

¹⁶ Так, А. В. Арциховский и в особенности О. И. Подобедова допускают мысль, что миниатюристы вполне могли иметь перед собой более ранние лицевые летописи, откуда заимствовали материал для работы. Если А. В. Арциховский аргументирует свои предположения прежде всего многочисленными фактами достоверного изображения реалий раннего времени, бывших во второй половине XVI в. уже

Наблюдения над рукописями Свода и связанных с ним памятников, изучение других лицевых рукописей того же, более раннего и позднего периодов приводят нас к убеждению, что источники информации миниатюристов Лицевого свода двояки по своей природе. Первый и главный источник — текст Свода. Второй — жизненный опыт самого художника, включая сюда чисто профессиональные навыки, знание реалий окружающего мира, знакомство с определенным кругом литературных и художественных памятников (в том числе, возможно, и с лицевыми рукописями, но не обязательно исторического содержания), принятие (или непринятие) определенных традиций в технике и стилистике живописи, бытовые привычки и наблюдения, словом, все то, что составляет внутренний мир человека (причем не рядового, а профессионала сравнительно высокого уровня) XVI — не забудем это — столетия; этот пестрый и разнородный с первого взгляда конгломерат в сознании миниатюриста был спаян христианско-православным мировоззрением и упорядочен в определенную систему (о строении которой мы можем пока лишь догадываться) жесткими этикетными представлениями, определявшими всю его жизнь и деятельность.¹⁷

Первый источник миниатюриста — текст — определял (в абсолютном большинстве случаев, но не исключительно) набор эпизодов будущей миниатюры и в какой-то мере изображение части реалий, прямо названных в тексте. Второй источник — жизненный опыт — определял содержание и форму большинства реалий миниатюры (не заданных непосредственно текстом) и в ряде случаев влиял на общую композицию миниатюры. Иными словами, текст задавал художнику каркас иллюстрации, а собственный опыт подсказывал заполнение его персонажами и предметами.

Читая фрагменты текста, мастер делил его на несколько самостоятельных в смысловом отношении элементов и применительно к этому намечал число эпизодов рисунка и их взаимное расположение. Практически все миниатюры Свода, за очень небольшими исключениями, многоэпизодны. Каждый фрагмент текста (кроме тех, что выделены выше как неиллюстрируемые) переведен на язык изобразительных знаков графическими средствами. Повествование словесное и повествование изобразительное как бы дублируют друг друга, являясь, следовательно, взаимозаменяемыми.¹⁸

Однако при всей заданности композиции миниатюр текстами, при всей зависимости их от грамматического и семантического строения его, какой-то единой, общей закономерности в построении *всех* композиций (исключая почти непреложное соответствие числа эпизодов количеству

безусловными архаизмами, то О. И. Подобедова, опираясь на искусствоведческий анализ миниатюр, выявляет целые серии, связанные общностью стиля, техники и ряда реалий, и полагает возможным говорить уже о местных лицевых сводах (в частности, тверских), отразившихся в миниатюрах мастеров Ивана Грозного. В ряде случаев построения А. В. Арциховского и О. И. Подобедовой выглядят убедительно, что, впрочем, не исключает принципиальной возможности и других объяснений.

¹⁷ Нам подчас трудно даже представить, насколько процесс творчества миниатюриста был пронизан этикетными моментами в поведении, взглядах, мыслях. Заданность их превращала работу над миниатюрой в регламентированное действие с отчетливыми чертами ритуальности. И это обстоятельство нельзя не учитывать, приступая к расшифровке миниатюр Свода. Кстати, и сама «технология» изготовления рукописи, обрисованная нами выше, тоже является процессом регламентированным.

¹⁸ Параллелизм повествования настолько полон, что при определенном навыке и как бы вживании в миниатюры можно, не прибегая к тексту, уловить не только общую линию, но и многие оттенки. Надо при этом учитывать, что типология культуры XVI в., совокупность знаковых систем ее для нас еще только начинает раскрываться.

смысловых отрывков) установить не удастся.¹⁹ Можно отметить, что отдельные группы и последовательные серии миниатюр имеют сходные принципы расположения эпизодов (одно место начала движения глаза при прочтении миниатюр, общее направление движения при прочтении и т. п.); связано ли это с принадлежностью их руке одного мастера, судить не решаемся, оставляя ответ специалистам-искусствоведам.

Начало движения (первый эпизод) может размещаться вверху и внизу; направление движения (переход от эпизода к эпизоду) при этом может быть право- и левоокружным с возвращением к началу композиции, право- и левоспиральным с завершением композиции в центре, зигзагообразным, дуговым, прямым восходящим и нисходящим.²⁰

Миниатюристи Свода очень широко пользовались символическим обозначением как отдельных предметов, так и действий. И в этом как раз и сказываются этикетные требования, руководившие художником. Символика распространяется и на сугубо реальные вещи. Так, круглая шапка с меховой опушкой, по форме сходная с знаменитой «шапкой Мономаха», является обозначением князя. И здесь очень трудно (если вообще возможно) установить происхождение обычая выделения князя из массы персонажей именно таким образом: то ли это стилизованное изображение подлинных шапок, носимых князьями и передаваемых от отца к сыну, то ли абстрактное изображение княжеского головного убора, освященное традицией. Ведь, как отмечено А. В. Арпиховским, шапка такого типа увенчивала уже князя Святослава в Изборнике 1073 г.²¹ То же самое (нерасчленимость реального и символического) можно отметить и в изображении многих вещей (одежда, оружие, снаряжение и т. п.), кажущихся на первый взгляд привычными.

В ряде случаев (и, вероятно, во многих) на миниатюрах изображены подлинные реалии (прежде всего архитектурные), существовавшие во время работы над Сводом. К ставшему уже хрестоматийным примером изображению Архангельского собора времен Дмитрия Донского в формах Алевиза Нового можем, в частности, добавить чрезвычайно любопытное изображение Коломенского кремля. На л. 115 об. показан вход войска в Коломну через Пятницкие ворота: прекрасно передан не только характерный силуэт Пятницкой башни, но и полукруглый арочный проезд с кокошником над ним, и даже икона Богородицы над аркой (остатки которой сохранялись еще до недавнего времени). Очень четко показан и излом стены, приходящийся как раз на месте этой башни, и следующая башня — Погорелая, тоже, кстати, изображенная довольно точно, в виде прямого четырехугольного столпа. Очень интересно изображение соборной церкви: Успенский храм, построенный по повелению Дмитрия Донского, был увенчан тремя главами и сохранял такие формы до перестройки в XVII в., — на миниатюре изображен как раз трехглавый храм

¹⁹ Думается, что канон, которым руководствовались мастера Свода при построении композиций, не выражался *одной* определяющей идеей, а представлял *совокупность* достаточно *элементарных* установок. Мастера, располагая эпизоды в плоскости листа при создании эскизов, могли использовать применительно к содержанию данной группы эпизодов как отдельные идеи, так и различные их комбинации. Решаемся поэтому утверждать, что поиски некоего универсального принципа построения композиций методически нецелесообразны, поскольку ведут к обеднению проблемы.

²⁰ Топография миниатюр (общая и относительная) находится в теснейшей связи с системой ценностных и иерархических воззрений эпохи. Представления художников Свода о центральном эпизоде миниатюры могут заметно отличаться от наших. Это обстоятельство необходимо иметь в виду при дешифровке композиций и вычленении главных планов.

²¹ А. В. Арпиховский. Древнерусские миниатюры. . ., с. 28.

с несколькими рядами кокошников, т. е. изображение вполне соответствует сохранившимся от XVII в. описаниям старого собора.

Указанные примеры, однако, не свидетельствуют о том, что мастера старались реально передавать облик архитектурного сооружения. Их задачей было не изображение конкретного собора в том или ином городе, не рисунок конкретной крепости, а обозначение наличия собора или кремля. И если трехглавый Успенский собор в Коломне показан в тех формах, какие он получил при Дмитрии Донском (и сохранял в XVI в.), то Архангельский собор в Москве показан «омоложенным» на столетие, равно как и башни и стены Коломенского кремля, которые в XIV в. были, конечно, деревянными. Мастерам было нужно здание, и они рисовали его таким, как видели в натуре, знали со слов современников и т. п. При этом совпадение изображения конкретного здания с реально существовавшим еще не означает безусловного признания использования старых его рисунков в лицевых летописях: миниатюристы-профессионалы знали, как нужно показывать читателю (и зрителю) крепость, церковь, палаты, как должны выглядеть соответствующие сооружения, и применительно к этому давали знак сооружения, оживляя его иногда несколькими характерными деталями.²²

Использование символического обозначения предметов, персонажей, действий в сочетании со сложной композицией миниатюр зачастую приводит к таким явлениям, как большая информативная нагрузка миниатюр сравнительно с иллюстрируемым текстом. Здесь мы разумеем не статичную информацию (присутствие которой в миниатюрах Свода отмечено еще А. В. Арциховским), нейтральную по отношению к тексту, но смысловую, доносящую до читателя такие сведения, которые в данном фрагменте (или вообще в тексте памятника) отсутствуют, т. е. дополнительную информацию, не отраженную прямо в произведении, но имеющую существенное значение как для оценки отдельных фрагментов или сюжетов повествования, так и памятника в целом.

На ценность миниатюр Свода как источников дополнительной (так сказать, сверхтекстовой) информации такого порядка еще в 1956 г. обратил внимание С. О. Шмидт в исследованиях миниатюр так называемой Царственной книги.²³ С. О. Шмидтом установлено, что в миниатюрах содержатся в высшей степени ценные свидетельства о ходе крупнейшего городского восстания XVI в., следствием которого было падение боярского правительства и создание предпосылок прихода к власти Избранной рады. При этом оказалось, что кое в чем миниатюристы дают оценку событий, не только не сходящуюся с текстовой, но и противоположную. Случаи несогласованности содержания миниатюр и текстов в изложении событий середины XVI в. следует объяснять тем, что эти события (или во всяком случае отголоски их) были хорошо известны миниатюристам, причем известны в деталях.

Иная ситуация в иллюстрировании событий XIV в. Живая память здесь не может играть сколько-нибудь значительной роли, поскольку за два века, через множество поколений, детали и их трактовка в устной передаче должны неизбежно исказиться (если даже в письменных памятниках, более устойчивых, много взаимных несоответствий). Ведущую роль

²² Эти детали имеют важное значение при опознании реалий: тот же Архангельский собор мы опознаем с первого взгляда не потому, что помним его пропорции и топографию, а потому лишь, что знаем о раковинах на фасадах.

²³ С. О. Шмидт д. 1) Миниатюры Царственной книги как источник по истории Московского восстания 1547 г. — В кн.: Проблемы источниковедения, вып. V. М., 1956; 2) Становление Российского самодержавства. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1973, с. 42—66 и др.

здесь следует отдать этикетным представлениям художников, их убежденности, что тот или иной момент, то или иное действие *нужно* изображать именно так, а не иначе, пусть даже текст, их главный источник, и молчит об этом. Подобные случаи как раз и есть те, когда жизненный опыт миниатюриста оказывает влияние на композицию миниатюр.

На л. 89 об. изображен поединок инока Пересвета и татарского богатыря Темир-Мурзы (кстати, это довольно редкий случай, когда действие на миниатюре начинается с центра). Как известно по тексту, поединок закончился моментальной смертью обоих богатырей. В нижней части миниатюры показаны их тела. Но если при этом Темир-Мурза недвижим и глаза его сомкнуты, то Пересвет, лежащий *сверху* татарского богатыря, жив, глаза его открыты, а рука производит какой-то жест, направленный на противника (добывает?). Более того, на следующей миниатюре (л. 90), иллюстрирующей призыв князя Дмитрия к войску «пйти чаши» (вступить в сражение), Пересвет, находящийся в нижней части листа, приподнимается на локте левой руки, а правая его рука с *именословным сложением перстов производит благословляющий русское воинство жест*. И только на третьей миниатюре, показывающей ожесточение начавшегося боя, Пересвет находит успокоение, глаза его закрыты, он лежит неподвижно *сверху* Темир-Мурзы, правая его рука сохранила именованное сложение! Текст не дает ни малейшего намека на эти события, следовательно, мы здесь имеем дело исключительно с представлениями миниатюриста, что это *должно* быть именно так. Художнику был известен исход сражения, окончившегося полной победой русских дружин. И серия рисунков с Пересветом показывает нам мировосприятие миниатюриста, по представлениям которого благословение героя, первым павшего в этой битве, героя, сражавшегося без брони, только лишь под защитой схимы («ангельского образа»), имеет особое значение и как бы символизирует будущую победу²⁴ (см. вкл., рис. 1—3 последовательно).

Таких случаев, когда миниатюра несет дополнительное сравнительно с текстом содержание, в Сказании несколько. При исполнении их использован своеобразный технический прием — перенесение действия с одной миниатюры на соседние (при этом переносится лишь определенная часть действия, заключающая смысловую нагрузку, не отраженную в тексте). Серия миниатюр с Пересветом представляет продление действия. Есть и серии, показывающие опережение действия. Наиболее примечательная из них содержится в Прологе Сказания. На л. 16 об. находится изображение казни сына последнего московского тысяцкого Ивана Васильевича Вельяминова. То ли по оплошности писца, то ли по замыслу разметчика текст, излагающий обстоятельства смерти Ивана Васильевича, оказался разбитым в двух фрагментах: «убиен бысть Иван Васильевич тысяцкий мечем потят бысть на кучкове поле у града у Москвы (л. 16 об.) || повелением великого князя Дмитрия Ивановича (л. 17)» (далее идет самостоятельный отрывок, содержащий известия об оплакивании казненного и морализаторские сентенции к этому случаю). На л. 17 в левой верхней части миниатюры, иллюстрирующей этот фрагмент, в полном соответствии с текстом изображено «повеление великого князя», хотя по смыслу этот оборот не имеет никакого отношения к последующему тексту. Но на предыдущей странице, содержащей графическое и словесное

²⁴ Можно предполагать, что на оформление данной серии миниатюр оказало влияние знакомство художников с Распространенной редакцией Сказания, причем с тем ее видом, который представлен рукописью ГИБ, Q.IV.354 (ср. соответствующий фрагмент этой рукописи, опубликованный Л. А. Дмитриевым в кн.: Повести о Куликовской битве, с. 471). Пользуюсь случаем поблагодарить В. Д. Черного и В. С. Мингалеву, обративших мое внимание на эту параллель.

повествование о казни, момент «повеления» также изображен, хотя в текстовом фрагменте на это нет никакого указания. Если допустить одновременность поступления этих листов (л. 16 и 17) к миниатюристу, то можно предположить, что он заметил несогласованность текстов и применительно к этому внес сцену «повеления» на рис. л. 16 об. Однако, как кажется, данные два листа иллюстрировались не одновременно и, возможно, даже разными художниками. Дело в том, что на миниатюрах этих листов графическое решение облика великого князя и, особенно, казненного Ивана Васильевича несколько отличается, в то время как конкретные образы каждым отдельным художником, работавшим над Сводом, строго выдерживались в принятых им деталях. Любопытно, что и цветное решение этих миниатур различно.²⁵ И если наше предположение справедливо, то избыточная информация на миниатюре л. 16 об. дает нам чрезвычайно ценную возможность проникновения во внутренний мир художника, не без оснований полагавшего, что в православном Московском княжении человек не может быть умерщвлен без санкции на то высшей власти. . .

Отметим, наконец, и еще один любопытный случай избытка информации на миниатюре, свидетельствующий в какой-то мере об этикетных воззрениях художников. На л. 8 содержатся текст и миниатюра, посвященные мятежу в Литве и убийству Литовского великого князя Кестутия Гедиминовича. На миниатюре Кестутий изображен дважды: при низложении с престола и затем вместе с убитыми приближенными. Текст на следующей странице повествует о занятии престола Ягайлом Ольгердовичем и бегстве наследника Кестутия, князя Витовта Кестутьевича, «в немцы». При этом Ягайло (чей иконографический тип в Своде выдерживается довольно хорошо) показан на миниатюре в двух случаях: в окружении сторонников, убеждающих его на занятие престола (в центре композиции), и непосредственно перед восшествием на трон (справа в нижней части): оба раза он изображен в простой шапке с косыми отворотами, а не в шляпе с прямыми полями, выделяющей в Своде литовских князей и их ближайшее окружение. Главное же, однако, заключается в том, что на миниатюре л. 8 об. у подножия трона изображен убиенный Кестутий (о котором в текстовом фрагменте нет и намека) в великокняжеской шляпе. Если вспомнить оценку роли Ягайла Ольгердовича в событиях, сопутствовавших Куликовской битве, данную в Киприановской редакции, то подтекст дополнительной информации миниатюры станет достаточно прозрачен: незаконность (с точки зрения художников Свода) востшествия Ягайла на престол.²⁶

Наконец, говоря о символике в миниатюрах Сказания (равно как и Свода в целом), необходимо поставить вопрос и о символическом значении цвета в миниатюрах. Вопрос этот достаточно сложен и, вероятно, не может быть решен однозначно, так как ряд моментов требует большой

²⁵ Различия в цветовом оформлении, как кажется, убедительно говорят о том, что эти соседствующие миниатюры иллюминировались если и не разными мастерами, то, во всяком случае, с некоторым интервалом во времени. Следовательно, если обрисованная нами выше «технология» работ строго выдерживалась во всех звеньях (а предполагать иное, учитывая ее как бы ритуальный характер, у нас нет оснований), данный момент косвенно свидетельствует о разновременности исполнения и графических набросков миниатур.

²⁶ Отметим, кстати, что Витовт, законный (с позиций художника) наследник трона, в сцене бегства «в немцы» изображен в *великокняжеской шляпе*. Но уже на следующей миниатюре, иллюстрирующей фрагмент «и оттоуду много зла сотвори земли Литовской», Витовт в обычной шапке, что соответствует его реальному положению в Ордене.

предварительной работы.²⁷ Отметим, однако, следующее: на протяжении всего Сказания (как, впрочем, и в других повествованиях Свода) князь Дмитрий Иванович изображается (не исключительно, но в большинстве случаев) в верхнем плаще красного цвета или — в случае замутнения красок — цветов, прилегающих в составе спектра к красному. Князь Владимир Андреевич, как правило, — в плаще цветов желто-зеленой области спектра.²⁸ В меньшей мере это различие прослеживается и в цветах их шапок. И чрезвычайно показательным представляется то обстоятельство, что, когда в ходе битвы князь Дмитрий оказывается выведенным из строя и руководство сражением переходит к Владимиру Андреевичу, цвет его плаща моментально меняется на красный и остается таким вплоть до того, как разысканный после боя Дмитрий вновь занимает свое ведущее положение. Думается, что этот момент — не случайный каприз иллюминатора (учитывая в особенности этикетные воззрения художников XVI в.). Здесь чувствуется стремление к цветовой акцентуации внимания на главном персонаже повествования. И когда после принятия главенства над войском Владимир Андреевич облачается художниками в красный плащ, то этим подчеркивается не только его фактическое положение в данное время, но и обозначается преемственность первенствующего в общей иерархии (как это представлялось художникам), т. е. на данное время князь Владимир как бы персонафицировался с князем Дмитрием; авторами Свода ему не только передавалась фактическая роль, сыгранная им в битве, — на него переносились и этикетные представления авторов, обозначаемые переносом внешних аксессуаров.²⁹

Выше нами отмечено (см. примеч. 5), что для Свода Киприановская редакция Сказания была несколько переработана и дополнена. Наиболее существенный след переработки (оставляя в стороне множество отдельных разночтений) относится к перегруппировке отдельных частей текста. А именно: рассказ война из полка князя Владимира о виденном им нисхождении мученических венцов на павших русских воинов, помещенный в Никоновской летописи после рассказа об отпевании павших (см.: ПСРЛ, т. 11, с. 66), в Своде расположен среди рассказа князю Дмитрию событий, случившихся после его ранения и выхода из битвы (л. 106—106 об.; ср.: ПСРЛ, т. 11, с. 64). Эта перестановка создает намного большую логическую и стилистическую стройность повествования, так как рассказ приобретает черты законченного сюжета (см. об этом также ниже).

В Киприановскую редакцию, положенную в основу текста Сказания в Своде, сделан ряд добавлений. Наиболее существенные из них — это цитаты из Воскресенской летописи. Таких цитат (не считая совпадений в чтении отдельных слов или оборотов)³⁰ — пять. Это: 1) выдержка о по-

²⁷ В частности, таковыми являются значительные расхождения в цветовой гамме миниатюр, вызванные, с одной стороны, тем, что над Сводом работали несколько человек, а с другой, — вероятно, постепенным замутнением чистого тона красок, используемых для иллюминации, по мере расхода их. Необходимо иметь в виду и возможность позднейшего поновления иллюминации (в XVII в.), и различия в технике работы.

²⁸ Иконографические типы Дмитрия и Владимира в Своде выдержаны очень последовательно и различать их легко хотя бы по форме бороды — округлой и довольно короткой у Дмитрия и удлиненной, как бы клинообразной, у Владимира. Есть немало и других, более мелких признаков, на которых мы сейчас не считаем нужным останавливать внимание.

²⁹ Примечательно, что в сценах вмешательства в битву небесных сил (л. 95—96) оплечье плаща князя Владимира зеленое, а красный цвет одежды передан представителям английского полка, занимающим в иерархии более высокое положение сравнительно с земными властителями.

³⁰ Наличие множества общих чтений в Никоновской и Воскресенской летописях объясняется тем, что при составлении Киприановской редакции использовалась

мощи русскому войску небесных сил (л. 95—96, ср.: ПСРЛ, т. 8, с. 39); 2) описание сцены бегства татарского войска (л. 106 об.—107, ср.: ПСРЛ, т. 8, с. 39); 3) описание бегства войска Ягайла Ольгердовича (л. 112—112 об., ср.: ПСРЛ, т. 8, с. 40) — эта вставка размещена на месте упомянутого выше перенесенного фрагмента о мученических венцах; 4) известие о разрушении мостов Олегом Рязанским (л. 113—113 об., ср.: ПСРЛ, т. 8, с. 41); 5) известие о присяге рязанских бояр князю Дмитрию (л. 114—115, ср.: ПСРЛ, т. 8, с. 41). Практически все цитаты выполнены очень аккуратно, они органически вписываются в развитие повествования; несколько выделяется лишь третья цитата (о Ягайле), разрывающая естественный ход изложения. Любопытно, что первая цитата почти полностью продублирована на л. 105 об. При этом рассказ о мученических венцах оказался заключенным между двумя цитатами из Воскресенской (1 и 2), тем самым повествование князю Дмитрию приобрело цельность и завершенность.

Было бы чрезвычайно важно установить, присутствовали ли цитаты из Воскресенской летописи уже в протографе данной части Свода или же внесены в ходе работы.³¹ Окончательно решить этот вопрос возможно лишь на основе полного исследования и текста, и рукописи Свода в целом. Однако уже сейчас, на основании наблюдений над Сказанием в составе Свода, мы можем сказать, что априорно исключать такую возможность — внесение цитат из Воскресенской летописи волей редактора в готовую рукопись — нельзя. Причины эти суть следующие: 1) данный том Свода исполнен на бумаге с несколькими водяными знаками; для части тома, занимаемой Сказанием, определяющим является знак RR с трилистником под короной, дополнительным — IR с лилией: цитаты из Воскресенской (исключая продублированную 1 и 2) исполнены на бумаге с филигранью IR; 2) цвет чернил, использованных для написания цитат из Воскресенской, едва уловимо отличается от цвета чернил соседствующих листов (хотя здесь возможна и ошибка зрения); 3) миниатюры, иллюстрирующие цитаты из Воскресенской, по «почерку» художника и отчасти по раскраске несколько отличаются от соседствующих; 4) произведенный подсчет слов и знаков показал, что и без цитат из Воскресенской текст Сказания мог быть размещен на *целом* количестве листов, оканчиваясь точно так же, а это может быть косвенным свидетельством в пользу именно вставочного в готовую рукопись характера цитат из Воскресенской, так как при исполнении их (как это показывает изучение «второго» тома) мастера очень аккуратно размещали вводимые вновь тексты, передуля, если это требовалось, и соседние листы, так что стыки практически незаметны.

Вышеприведенные заметки не исчерпывают всех проблем, связанных с изучением Сказания о Мамаевом побоище в составе Лицевого свода. Основная задача их заключается в том, чтоб поставить ряд конкретных вопросов и наметить возможные пути их решения. Сказание о Мамаевом побоище в составе Лицевого свода Ивана Грозного является весьма интересным и ценным источником как для историков и филологов, так и для искусствоведов и несомненно будет привлекать внимание исследователей

Летописная повесть, представленная в Воскресенской летописи (подробнее об этом см.: Повести о Куликовской битве, с. 476—479).

³¹ При исследовании «второго» тома Свода, относящегося к Хронографической части, нами установлено, что дополнения, сделанные к основному источнику — Еллинскому летописцу — из Хронографа 1512 г., являются редакционными вставками, сделанными в уже готовую рукопись (см. об этом: А. А. Амосов. К вопросу о времени происхождения... , с. 16—25).

и в дальнейшем. Для гарантии плодотворности подобных изысканий необходимо иметь в виду следующее: 1) миниатюры Сказания последовательно передают словесное содержание памятника, образуя как бы параллельный рассказ; 2) в ряде случаев миниатюры дают самостоятельную информацию, существенно дополняющую словесное повествование как в фактологическом, так и в идеологическом аспектах. Из синтеза этих положений формулируем основной вывод: миниатюры и текст в Сказании (как и в целом в Своде) представляют собой единство графического и текстового материала, и исследование их должно производиться в теснейшей связи — это принципиальное положение, вытекающее как из истории создания данного памятника, так и из содержания его.

Л. А. ДМИТРИЕВ

«Книга о побоищи Мамаея, царя татарского, от князя владимерского и московского Димитрия»

Сказание о Мамаевом побоище, наиболее обширный памятник Куликовского цикла, отличается обилием дошедших до нас списков и разнообразием редакций и вариантов. Впервые классификацию текстов Сказания по редакциям и вариантам проделал С. К. Шамбинаго.¹ В результате рецензий на это исследование, и в первую очередь благодаря рецензии А. А. Шахматова,² С. К. Шамбинаго пересмотрел свою схему последовательности редакций памятника, что нашло отражение в написанном им разделе о Сказании в академической истории русской литературы.³ Новое обращение к Сказанию о Мамаевом побоище с привлечением вновь обнаруженных списков памятника позволило мне иначе поставить вопрос о последовательности редакций Сказания, определить редакцию, наиболее близкую к первоначальному виду произведения (Основную — по предложенной мною классификации, определявшуюся С. К. Шамбинаго как третья редакция), высказать ряд соображений о времени написания Сказания о Мамаевом побоище и выделить новые варианты внутри редакций.⁴ Отдельные уточнения по текстологии Распространенной редакции Сказания были сделаны Н. С. Демковой,⁵ вновь вопросы текстологии Сказания специально рассматривались в кандидатской диссертации В. С. Мингалева.⁶

Следует отметить, однако, что если в ходе изучения Сказания менялось представление об особенностях редакций произведения, о их последовательности и характере их взаимоотношений между собой, выявлялись новые варианты внутри редакций, то само разделение сохранившихся списков по редакциям повторяет разбивку текстов на редакции С. К. Шамбинаго.

¹ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906.

² А. А. Шахматов. Отзыв о сочинении С. К. Шамбинаго — Повести о Мамаевом побоище. — В кн.: Отчет о двенадцатом присуждении премий митрополита Макария. СПб., 1910 (есть отдельный оттиск).

³ История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, с. 215—219.

⁴ Л. А. Дмитриев. 1) К литературной истории Сказания о Мамаевом побоище; 2) Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище; 3) Описание рукописных списков Сказания о Мамаевом побоище. — В кн.: Повести о Куликовской битве. Изд. подготовили М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959 (серия «Литературные памятники»), с. 406—509.

⁵ Н. С. Демкова. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 440—476.

⁶ В. С. Мингалев. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники. Автореф. канд. дис. Москва—Вильнюс, 1971.

Таким образом, мы можем констатировать, что к настоящему времени по текстологии Сказания о Мамаевом побоище сделано немало: определены основные редакции памятника и основные варианты внутри этих редакций, в общих чертах построена стемма этих редакций. Но в существности мы должны признать, что вся эта большая и многолетняя работа не может считаться завершенной. Дело в том, что из-за большого объема памятника, значительного числа редакций и вариантов и обилия разночтений внутри вариантов разбивка списков Сказания на редакции и варианты проведена по составу текстов, а не путем полного пословного сопоставления всех списков, внутри каждой редакции и каждого варианта, между собой. Только после такого рода текстологического исследования всех списков Сказания можно будет составить точное, а не общее представление о первоначальном тексте Сказания о Мамаевом побоище. И лишь тогда, когда будет решен этот вопрос, можно с достаточной степенью убедительности решать проблему взаимоотношения текстов Сказания и летописной повести о Мамаевом побоище и проблему датировки памятника. До тех пор, пока такая работа не осуществится, все предположения о времени написания Сказания будут носить слишком гипотетический характер.⁷

Для выявления времени создания Сказания о Мамаевом побоище и построения литературной истории памятника в ранний период его бытования, естественно, в первую очередь представляют интерес ранние редакции и варианты произведения. Однако это не означает, что поздние редакции памятника не представляют для нас интереса. Прежде всего даже самые поздние редакции Сказания о Мамаевом побоище — это литературный факт времени их создания, и как таковой любая поздняя редакция Сказания должна интересовать историка литературы. Во-вторых, каждая редакция Сказания о Мамаевом побоище является определенным этапом многовековой литературной истории этого произведения, и в этом отношении любая из них имеет равное право на внимание исследователя. В-третьих, поздние редакции произведения должны исследоваться не менее тщательно, чем все остальные редакции, так как текстологические наблюдения над поздними редакциями всегда могут дать ценный материал и для раскрытия истории первоначальных редакций.

Сказание о Мамаевом побоище достаточно широко представлено редакциями XVII столетия. В число редакций Сказания этого времени входит дошедшая до нас в двух списках редакция, названная С. К. Шамбинаго «западнорусской обработкой» Сказания о Мамаевом побоище, а в списках носящая заглавие «Книга о побоищи Мамаея, царя татарского, от князя владимирского и московского Дмитрия».

С. К. Шамбинаго писал: «Так как западнорусская повесть произошла от 3-й редакции, то по времени она должна относиться, по всем вероятностям, к началу XVII в., к этому времени относятся и ее списки».⁸ Зависимость «Книги о побоищи Мамаея» от 3-й, или по принятой в настоящее время терминологии Основной, редакции свидетельствует лишь о том, что «Книга о побоищи Мамаея» возникла позже Основной редакции Сказа-

⁷ Вопрос датировки Сказания, особенно в последнее время, привлекает к себе большое внимание. См.: Л. А. Дмитриев. О датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. X. М.—Л., 1954, с. 185—199; Ю. К. Бегунов. Об исторической основе «Сказания о Мамаевом побоище». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. М.—Л., 1966, с. 477—523; И. Б. Греков. О первоначальном варианте «Сказания о Мамаевом побоище». — Советское славяноведение, 1970, № 6, с. 27—36; В. С. Мишгалева. «Сказание о Мамаевом побоище» и его источники; М. А. Салмина. К вопросу о датировке «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 98—124.

⁸ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, с. 368.

ния, а это могло быть в период от XV по XVII в. включительно, как в начале, так и в конце XVII в. Оба списка «Книги о побоищи Мамаея» относятся к концу XVII в. Сборник ГПБ, F.IV.215, в котором находится эта редакция Сказания, составлен не ранее 1682 г. (один из входящих в него текстов имеет эту дату), а второй список этой редакции, в сборнике ГПБ, собр. Погодина, № 1569, входит в число текстов, один из которых посвящен событиям 1679 г. Таким образом, оба списка «Книги о побоищи Мамаея» свидетельствуют, скорее, о том, что эта редакция Сказания возникла не в начале, а в конце XVII в., не позже 80-х гг. этого столетия.

«Книга о побоищи Мамаея» — это сильно сокращенный текст Основной редакции Сказания о Мамаевом побоище. Сокращение достигается за счет сжатого пересказа текста источника, опускания второстепенных деталей. Основная редакция насыщена нравственно-религиозными сентенциями, многочисленными обширными молитвами. И сентенции, и молитвы в «Книге о побоищи Мамаея» также отражены, но здесь предельно кратко излагается их суть. В качестве примера соотношения текстов «Книги» и Основной редакции Сказания приведем лишь один отрывок:⁹

Основная редакция Сказания

Слышав же то князь великий Дмитрий Ивановичь, яко грядеть на него безбожный царь Мамай с многими ордами и с всеми силами, неуклонно яряся на христианство и на христову веру и ревнуя безглавному Батыю, князю же великий Дмитрий Ивановичь вельми опечалися о безбожных находении. И став пред святою иконою господня образа, яже в злавии его стояще и, пад на колену свою, нача молитися и рече: «Господи, аз грешный смею ли молитися тебе, смпреный раб твой? то к кому простру уныние мое? нъ на тебя надеюся, господи, и възвергу печаль мою. И ты господи, царю, владыко, светодателю, не сътвори нам, господи, яко же отцем нашим, иже наведе на них и на грады их злаго Батыа. И еще бо, господи, тому страху и трепету в нас суще велику. И ныне, господи, царю, владыко, не до конца прогневайся на нас, вем бо, господи, яко мене ради грешнаго хочещи всю землю нашу погубити. Аз бо съгреших пред тобою паче всех человек, сътвори ми, господи, слез моих ради, яко Иезекию, и укроти, господи, сердце свирепому сему зверю». — Въсклонися и рече: «На господа уповах и не изнемогу». И посла по брата своего по князя Владимира Андреевича в Боровеск, и по все князи русские скорые гонци розослав, и по вся воеводы местныя, и по дети боярские, и по все служылые люди. И повеле им скоро быти у себя на Москве.

«Книга о побоищи Мамаея»

Взявши ведомость, князь великий московский Дмитрий, ижъ Мамай идетъ на него, ревнуючи Батию зъ гневом барзо зафрасовалси, и ставши перед образом Хрестным, над головою его стоячим, упал на колена и з плачем молилси, жебы господь бог грехи его простил и избавил землю Рускую от безбожного Мамаея. Помолившися, послал рихло по брата своего Владимира Андреевича до Боровицы и по всех князей и воевод своих.

Таков же характер соотношения текстов и в большинстве остальных случаев. Но могут быть отмечены и отрывки, которые повторяют текст источника почти в полном, не сокращенном, виде. Так, почти без сокращений и изменений воспроизводятся послания Олега и Ольгерда к Мамаю, речи великого князя московского:

⁹ Текст Основной редакции Сказания о Мамаевом побоище цитируется по изд.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 43—76. Текст «Книги» цитируется по изд.: С. К. Шамагина. Повести о Мамаевом побоище. Тексты, с. 168—190 (учитываются также и данные обоих списков «Книги»).

Восточному великому и волному царю Мамаю радоваться! Твои посаженник и присяжник Олег, князь резанский, много тя молить. Слышах, господине, яко хоцещи итти на Русскую землю, на своего служебника князя Дмитрия Ивановича московскаго, огрозитися ему хоцещи. Ныне же, господине всесветлый царю, приспе твое время: злата и сребра и богатства много напълнися земля Московская и всякого узорочна твоему царству на потребу...

Восточному царю, волному Мамаю. Твой посажник Олег резанский много тя молить. Слышах, господине, што хоцещи ити на Рус, на своего служебника князя Дмитрия Ивановича московского, огрозитися ему хоцещи. Ныне, всесветлый царю, приспе время тебе: злата и богатства много напълнися земля Московская...

Составитель «Книги о побоищи Мамаю» стремился исторически достоверные документы, каковыми он считал тексты посланий и речей князя, передать наиболее близко к тексту оригинала. Таким образом, «Книга о побоищи Мамаю» прежде всего носила характер исторически-документального повествования. Такова, во всяком случае, была концепция составителя этого произведения. Нельзя, однако, согласиться с утверждением С. К. Шамбинаго, что в «Книге о побоищи Мамаю» «сокращение коснулось прежде всего поэтических мест».¹⁰ Действительно, многие поэтические пассажи Основной редакции Сказания в «Книге» опущены, но часть из них, в сокращенной передаче, сохранилась.

Как и в Основной редакции, выезд русских войск из Москвы сравнивается с полетом соколов: «З нимь и все князи полетели з Москвы, як белыи соколы, нарядное войско». Осталась фраза, правда в переработанном виде, о стуке и грое движущегося войска: «И пошел великий князь Дмитрий, за ним все князи рускии з великимь воискомь аж стук стучить, громь гремить по ранней зоре от ихъ поезду, якъ вина пити весело спешатся». Также в переработанном контексте говорится о пришедших на поле битвы зверях и слетевшихся птицах: «Тут же почали збиратися волки стадами, выючи безпрестанно, галки и орлы от устья Дону, кричачи и ждучи битвы, лисицы брешучи и иншии звери, на кров чигаючи и на трупы». Сохраняется из эпизода испытания примет Дмитрием Волынцом поэтический образ земли, оплакивающей воинов, которых ожидает гибель в предстоящем сражении. Приобретя более сухой и сжатый вид, текст Сказания и в редакции «Книги о побоищи Мамаю» не потерял своих литературных черт.

Одной из характернейших особенностей рассматриваемой редакции Сказания является ее стиль и язык. Текст насыщен полонизмами, что отразилось и в лексике, и в фразеологии, и в грамматических категориях. Именно поэтому данная редакция Сказания была названа С. К. Шамбинаго западнорусской переработкой.

«Книга о побоищи Мамаю», как считал С. К. Шамбинаго, является совершенно оригинальным, стоящим особняком произведением, связанным лишь со своим источником — Основной редакцией Сказания о Мамаевом побоище. Наблюдения над составом рукописей, в которые входит «Книга о побоищи Мамаю», приводят к иным выводам и уточняют наше представление об этом произведении.

Сборник ГПБ, F.IV.215 давно известен в науке и неоднократно привлекал к себе внимание исследователей. Это рукопись размером в лист, писанная полууставом XVII в. В XVIII столетии сборник находился в собрании Голицына. В начале рукописи идет тетрадь из чистых, обведенных квадратной рамкой восьми листов (бумага этих листов иного характера и с иным водяным знаком, чем в остальной рукописи). К 8-му листу подклеен еще один чистый лист, но бумага этого листа такая же, как и

¹⁰ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, с. 367.

идущей за ним части сборника, а на обороте его (этого 9-го листа) запись почерком XVIII в.: «Летопись Голицынская. Книга хроника с летописцем № 115-й». Следующий за этим лист, пропагинированный буквенной цифирью как лист 1-й, по современной пагинации значится 2-м. На нижнем поле 2-го, 3-го и 4-го листов сохранилась владельческая запись: «Дмитрея Михайловича Галицына». В рукописное собрание ГПБ сборник поступил из собр. гр. Ф. А. Толстого, где он значился в I Отделе под № 157.

В начале сборника помещена «Кройника з летописцов стародавних...» Феодосия Сафоновича. Здесь «Кройника» отличается от других известных ее списков: в заглавии не названо имя ее составителя, время составления обозначено 1681 годом, тогда как в других списках указан 1672 год (в 1674 г. Сафоновича уже не было в живых).¹¹ Кроме того, в тексте «Кройники» по этому списку имеется несколько вставок, кроме одной (Повести об убиении Батя в Венгрии), посвященных истории Киево-Печерской лавры. За Хроникой Феодосия Сафоновича как продолжение ее следует краткая статья «О благовесту в святой обители Печерской к церковному служению, откуда он начася». Далее подряд выделяемые лишь кинноварными заголовками идут тексты исторически-повествовательного характера («Повесть о житии Александра Невского», «Повесть о нашествии Тохтамышы», «Повесть о Темир-Аксаке», «Енеалогия турецкая», «Повесть о Махомете, фалшивом пророку» и ряд других). После этой, первой, части сборника, представляющей собой единое целое, с нового листа следует выделенная заставкой и кинноварным заголовком «Книга о побоищи Мамаю, царя татарского, от князя владимирского и московского Димитрия». «Книга о побоищи» отделяется от предшествующих ей текстов и тем, что после нее оставлено несколько чистых листов. Но этот самостоятельный текст тесно связан со всем сборником в целом: «Книга о побоищи» написана тем же почерком, каким написаны все предшествующие ей тексты, на такой же бумаге, графическое и художественное оформление «Книги» (заставка, заголовок, заголовки и инициалы внутри текста) такое же, как и остальных частей сборника. За охарактеризованной частью сборника следует группа разнообразных текстов (о происхождении названия Москвы и о московских землях, об Астраханском царстве, об убиении царевича Дмитрия Углицкого и ряд других). После этих текстов с особыми заголовками и заставками следуют два обширных текста. Первый — «Хроника о земли Полской. Отколь поляки ляхами и поляками названы суть. О перших и о дальших князех и о королах полских з историков полских в коротце собранная и руским языком списаная. Року от рожества Христова 1682». Второй — «Хроника о початку и назвиску Литвы и о князех литовских и о делах их з историков полских и русских собранная». «Хроника о земли Полской» заканчивается подборкой рассказов о событиях на Украине в 70-х гг. XVII в. Вслед за этими текстами после нескольких чистых листов следует вторая половина сборника, написанная иным почерком с собственной буквенной цифирью. По-видимому, эта часть была когда-то самостоятельной рукописью, позже присоединенной к первой половине сборника. Здесь помещен обширный текст — «Жития старозаконных святых...».¹²

¹¹ Приводим заглавие Хроники Сафоновича по этому списку: «Кройника з летописцов стародавних з святого Нестора Печерского и иных. Так же з хроник полских о Руси. Отколь Русь почалася и о первых князех русских и по них дальших настудующих князех. И о их делах. Собранная року от створения света 7190, а от рожества Христова 1681. Месяца октоврия 27 дня».

¹² Тексты хроник Сафоновича, литовской и польской по списку ГПБ, F.IV.215 были опубликованы в библиотеке В. П. Адриановой-Перетц, входящей в настоящее время в состав библиотеки Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома,

А. Рогозинский, занимавшийся рукописью ГПБ, F.IV.215 в начале нашего столетия, отметил, что в этом сборнике когда-то был общий ко всему сборнику заглавный лист, от которого сохранился обратный отпечаток на предшествующем заглавному чистом листе. Исследователь восстановил эту запись, из которой явствует, что сборник был составлен в Киево-Печерском монастыре «тщанием през иеромонаха Пантелеймона Кохановского бывшим на тот час тоя ж обители економом».¹³ А. Рогозинский приходит к заключению, что Кохановский «задался целью составить „обширной синопсис русской“, возможно более полно передающий историю Руси и народов, соседних с Русью. Для осуществления своей задачи Кохановский воспользовался статьями из тех источников, которые легли в основу „Кройники“ Феодосия Сафоновича, и из тех русских летописей, которые находились у него в копии в Толстовском № 145, и из тех источников, откуда черпал материал Иннокентий Гизель для своего Синопсиса и автор Густынской летописи М. Лосицкий. Таким образом, труд Кохановского, т. е. Толстовская № 157, представляет собой не список с „Кройники“ Сафоновича, а равно и не переходную стадию от нее к „Синопсису“ Гизеля, но вполне самостоятельную летописную компиляцию».¹⁴ В целом сборник ГПБ, F.IV.215 действительно не является списком с «Кройники» Сафоновича, но та часть этого сборника, которая совпадает с сочинением Сафоновича, — это переписанный текст «Кройники» Сафоновича с механическими, по существу, вставками из текста Киево-Печерского Патерика (такой же вставкой является и рассказ о смерти Батыя). Весьма примечательно, что вставки эти резко отличаются от окружающего их текста (текста «Кройники») по языку и стилю. Это именно не переработка текстов источников, не создание на основе их своего собственного сочинения, а компиляция, составленная из разных источников. По-видимому, такой же характер имеют и остальные тексты, входящие в ту часть сборника ГПБ, F.IV.215 (первую его половину), которая является плодом творчества Кохановского. Вопрос этот требует специального изучения.

Итак, можно считать установленным, что часть сборника ГПБ, F.IV.215, предшествующая той, в которой помещены «Жития старозаконных святых...», составлена в начале 80-х гг. XVII в. экономом Киево-Печерской лавры Кохановским на основе «Кройники» умершего к этому времени Феодосия Сафоновича и ряда других текстов, в число которых входила «Книга о побоищи Мамаея» — отдельное самостоятельное произведение. Несмотря, однако, на самостоятельность этого текста, кодикологи-

имеется книга без титульного листа, без выходных данных, без окончания. (Несброшированные листы, но с остатками брошюровочных ниток, вложены в папку из серой плотной бумаги, на верхней обложке которой бумажная наклейка с надписью черными чернилами: «Синопсис Феод. Сафоновича»). Страницы 1—431 этой книги занимают три перечисленные хроники, со с. 432 по 560 идет текст «Синопсиса» Иннокентия Гизеля. Данная книга представляет собой один из случайно сохранившихся экземпляров издания, подготовленного в киевской «Комиссии для разбора древних актов» проф. С. Т. Голубевым (в конце XIX—нач. XX в.). В исследовании, посвященном изданию «Синопсиса», проф. С. И. Маслов писал об издании С. Т. Голубева следующее: «Видання це довго лежало в друкарні І. Чоколова, чекаючи передмови, р. 1922 пішло на макулатуру й мало не все загинуло. Як довідалися ми, заціліло його всього 3—4 примірники та й те не з повним добром аркушів. У примірникові, що був у нас, „Синопсису“ приділено стор. 432—588, з них бракує стор. 561—576». См.: С. І. Маслов. Етюди з історії стародруків XI—XII. У Києві, 1928, с. 22 (отдельный оттиск из «Записок істор.-філ. Відділу», кн. XX). Благодарю Л. Е. Махновца, обратившего мое внимание на статью С. И. Маслова.

¹³ А. Рогозинский. «Кройника» Феодосия Сафоновича и ее отношение к Киевскому Синопсису» Иннокентия Гизеля. — ИОРЯС, т. XV, 1910, вып. 4, с. 278.

¹⁴ Там же, с. 279. По мнению А. Рогозинского, рукопись Толстовская № 145 (современный шифр — ГПБ, F.IV.214) также составлена Кохановским.

ческий анализ его свидетельствует о какой-то связи «Книги» с «Кройникой» Сафоновича. Связь эта может объясняться тем, что автором обоих произведений было одно и то же лицо — Феодосий Сафонович. Такое предположение становится тем более вероятным, если мы сравним языковые особенности «Книги о побоищи» с языком «Кройники». Целый ряд характерных для «Книги о побоищи Мамаея» терминов, стилистических оборотов и грамматических форм столь же характерен и для текста «Кройники».

В некоторых случаях при мало понятном для читателей, по мнению автора, термине дается его толкование. В «Книге о побоищи» читаем: «Цари татарстии... своих баскаков, албо атамановъ, то есть старость над Русью постановляли». Подобного рода оборот (неоднократно) встречается и в «Кройнике»: «А сами вернулись до своих веж, то есть наметов, албо шатров».¹⁵ Прямая речь как в «Книге о побоищи», так и в «Кройнике» вводится словами «мовил», «мовячи» или «рекл». «Книга»: «Умыслил пойти на Рускую землю, мовячи...», «(Дмитрий) пошол к митрополиту... и плачучи рекл:...». «Кройника»: «Демян... прислал к Даниилу... мовячи:...», «Княгиня Олга рекла:...».

В обоих произведениях часто употребляются в одинаковом значении одни и те же полонизмы: абы (чтобы), але (но, однако), барзо (очень), башта (городские ворота), блискавица (молния), ведлуг (по, в соответствии), вдячне (с благодарностью, с почтением), дяковать (благодарить), жебы (чтобы), зась (же), звитяжить (победить), значный (знатный, благородный), ледве (едва, еле-еле), натирати (наступать, теснить), обадва (оба), поневаж (так как, потому что), пошукать (искать), поселство (посольство), прилбиза (шлем), рихло (быстро, без промедления), фрасоваться (горевать, огорчаться) и целый ряд других. Приведем несколько примеров параллельных чтений, где встречаются эти слова:

«Книга»

Родных своих братьов позабивал,
а бы ему в панстве не перешкожали.

З плачем молился, же бы господь бог грехи его простил.

А поневаж сторожи...

Архиепископ з духовными и зъ крестами стретил в баште городской.

Царь Мамай принял послов в дячне и дары.

...шабли блискают, як блискавица.

Помощью святых мученик Бориса и Глеба звитяжишъ погановъ.

Велики зась князь ледве промовиль.

Просим обадва.

И казал имь вместо прилбизы схиму зъ крестами на голове носити.

Помолявшись, послал рихло по брата своего.

Я... виделемь его зъ четьрма биючогося татарами, которыи барзо на него натирали.

Не фрасуйся, на бога в своей невинности надейся.

«Кройника»

И послали до Изяслава, абы ляхом не казал пустошити Руской земли, а же бы взял Киев, спокойне поддаучийся, поневаж Всеслав, князь их, утекл.

Золотая башта албо золотыи ворота.

Отъехал до князя Болеслава Кривоустого, швагра своего, от которого был в дячне принятый.

Перуном назвавши, то есть богом громов и блискавиц.

И к вечеру Ярослав звитяжил Святополка братоубийцу.

Ледве утекли.

Обадва до себе скочили.

Даниил... ударил Мстивуя оцепом и зняв з себе прилбизу Пакославу...

И сам рихло Владимир живот свой побожный скончал.

Смело почали на Русь натирати, а Русь также осмелившись, книнулися на греков.

Убили его братия его... не фрасуйся о том.

¹⁵ Текст «Кройники» цитируется по рукописи ГПБ, F.IV.215.

В некоторых случаях можно отметить текстуальное совпадение целых оборотов:

Собрал барзо великое войско.
Великий князь, поднесши руки и
очи на небо, почал молиться...

Собравши барзо великое войско.
А Ярослав... стал на Алте реце...
и поднесши руки и очи на небо, рекл...

Характерны для обоих текстов и одинаковые грамматические конструкции:

Послал посла... до Мамаю.
Пошел бымь к Мамаю... и упро-
сил бымь.
Беда мне: згубилем разумь свой.

Поехал з Каменца до ляхов.
Леско пошел был королю на помоч.
Согрешилием, сыну, же не дадем
тебе Галича.

Приведенные примеры достаточно убедительно говорят о лексической и стилистической близости обоих произведений.

Одновременно с работой над «Кройникой» Сафоновича, который с 1665 г. был игуменом Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве, в те же 70-е гг. XVII в. в стенах другого киевского монастыря — в Киево-Печерской лавре — создавался «по благословению» архимандрита лавры, «пречестнаго о Христе господина отца Инокентия Гизеля», Синописис. Первое издание Синописиса вышло в 1674 г. В третье издание этой книги, вышедшей в свет в 1680 г., был включен ряд дополнительных по сравнению с первым изданием текстов, в том числе и Сказание о Мамаевом побоище. Характеризуя редакцию Сказания о Мамаевом побоище Синописиса, С. К. Шамбинаго писал: «Повесть о Мамаевом побоище, помещенная в Синописисе, представляет сокращение 4-й редакции Сказания безо всяких посторонних влияний».¹⁶

А. Рогозинский в упоминавшейся выше статье пришел к заключению, что между Синописисом Инокентия Гизеля и «Кройникой» Сафоновича нет и не может быть непосредственной связи; нет, как он считает, и непосредственной связи между Синописисом Гизеля и сборником ГПБ, F.IV.215. Имеющиеся совпадения между этим сборником и Синописисом Гизеля А. Рогозинский объясняет тем, что их составители независимо друг от друга пользовались одними и теми же источниками. Мы не будем вдаваться в подробности взаимоотношений «Кройники» Сафоновича, сборника ГПБ, F.IV.215 (его А. Рогозинский называет «Обширным Синописисом русским» Кохановского) и Синописиса Гизеля — это проблема специального исследования. Отметим лишь следующее. «Обширный Синописис» Кохановского составлялся в Киево-Печерской лавре, в числе источников составителем этого «Обширного Синописиса» была использована «Книга о побоищи Мамаю». Следовательно, «Книга» эта в конце 70-х — начале 80-х гг. находилась в Киево-Печерском монастыре. И невольно возникает вопрос: была ли известна тому, кто включал в третье издание Синописиса Гизеля 1680 г. переработку Распространенной редакции Сказания, «Книга о побоищи Мамаю»?

Прежде чем ответить на этот вопрос, остановимся на втором дошедшем до нас списке «Книги о побоищи Мамаю».

Второй список «Книги о побоищи Мамаю» — ГПБ, собр. Погодина, № 1569, — входит в сборник-конволют, состоящий из 3 рукописей XVII в. «Книга о побоищи Мамаю» включена во 2-ю рукопись сборника, зани-

¹⁶ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, с. 368. По принятой в настоящее время классификации 4-я редакция обозначается как Распространенная редакция.

мающую л. 33—118 об. После «Книги о побоищи», с которой начинается эта вторая рукопись Погодинского сборника, в этой части сборника находится еще 13 статей, каждая из которых имеет самостоятельный заголовок: 1) О княжении Киевском под лютым игом татарским и о князех киевских отчасти; 2) О преселении митрополита киевского в Москву; 3) О взятии stolного росийского града Киева от литовского князя Гедимина и о прилучении княжения киевского до литовского; 4) О сем, откуда два митрополиты в Росии, един в Москве, а другой в Киеве; 5) О сем, когда в царствующем граде Москве патриаршеский престол устроися; 6) О превращении великого княжения Киевского воеводства; 7) О возвращении на первое паки царственное бытие богоспасаемого града Киева; 8) О первом бесурманском приходе под Чигирин; 9) О втором бесурманском приходе под Чигирин; 10) О преславной победе над турками и татарами, бывшей на Горе; 11) О пришествии под Чигирин войск православных; 12) О возвращении войск христианских от Чигирина и о убежении турках и татарех от войск православных; 13) О приходе множества сил царских и войск запорожских к Киеву. Десять из этих перечисленных статей, за исключением первых трех, входят также в состав сборника ГПБ, F.IV.215. В этом сборнике, как и в Погодинском, они идут после «Книги о побоищи Мамаея» и в такой же последовательности, но здесь они перебиваются целым рядом других статей. Очевидно, что в числе источников сборника ГПБ, F.IV.215 и источником второй части Погодинского сборника являлась такая подборка текстов, в которой содержались «Книга о побоищи Мамаея» и 13 вошедших в Погодинский сборник статей. Последняя из этих статей посвящена событиям 1679 г. Этим годом и следует датировать составление данной подборки текстов.

Все перечисленные выше статьи Погодинского сборника составитель третьего издания Синописа включил в свое издание без изменений. Но «Книга о побоищи», видимо, не удовлетворяла его, и он обратился к другой редакции Сказания, самой обширной из всех редакций памятника, — к Распространенной. И, пользуясь текстом «Книги о побоищи Мамаея» и Распространенной редакцией Сказания, он на их основе составил свою компиляцию, в которой мы видим то соединение двух редакций-источников его сочинения, то переработку одной из них на основе текста другой, то (правда, очень редкие и незначительные) собственные пассажи.

Иногда редакция Синописа повторяет текст Распространенной редакции почти дословно, чаще в переработанном виде — в сокращении. Эти периоды чередуются с отрывками, целиком восходящими к тексту «Книги». Немало таких мест, когда мы можем говорить о соединении в одном отрывке текста и Распространенной редакции и «Книги». О проходах великой княгиней войск, уходящих на Куликово поле, в Синописе рассказывается так: «*А княгиня великая Евдокия и з снохою своею и з прочими княгинями, изыде в златоверхий свой терем набережный* смотрити на князя и, *пригнувши руке свои к персем*, нача молитися к богу, прося помощи на поганых татар, и дабы два сыны великого князя Димитриа, Василий и Юрий, не осиротели». Это очень близко к тексту «Книги»: «Княгиня зась его зь снохою своею и зь иными княгинями смотрели на поезд ихъ, взышовши на свой высокии златоверхий терем, и молилися, просячи своему князю от бога помощи на поганых татар, жебы двох сыновъ великого князя Дмитрия, — Василия и Юрия, — не пустил въ сиротство». Но отдельные (подчеркнутые) обороты в тексте Синописа восходят к Распространенной редакции: «*Княгиня же великая Евдокия* и с своею снохою и с воеводскимъ женами *взыде на златоверхий свой терем набережный*, седе и под южными окны, уже бо ко-

нечно зрети на великого князя. А слезы у ней лютятся акы речнаа быстрина, и *сшибе руже свои к персомь* и рече. . .».

Об «уряжении» полков накануне битвы в Синописе читаем: «И абие великий князь Дмитрий с братом своим и с литовскими князьями Олгердовичами нача полки уряжовати, найпаче от Литовския страны воевода Дмитрий Боброк, родом Волынец, велми своих устроил чинно и благообразно. Уставленным же бывшим всем полком по достоянию, елико где подобает кому стояти, выехал великий князь с прочими князьями на место высоко. . .». В соответствующем месте «Книги»: «Зараз теде великий князь Дмитрии Ивановичь з братомь своимь, княземь Владимиромь Андреевичомь и зь князьями литовскими Андреемь и Дмитриемь Ольгердовичами, почали справовати и шиковати през годинь шесть; особливе з Литовское земли Дмитрии Боброкь родом з земли Волынской, барзо нарядне своих ушиковал и порядне. Князь великий зь братом своимь и зь Олгердовичами и з иншими князьями взышовши на высокое место. . .». В Распространенной редакции: «Начен же князь великий Дмитрей Иванович и з братом своим, с князем Володимером Андреевичем и с литовскими князьями Андреем и Дмитрием Волыгирдовичи, от шестого часа полци уряживати. Воевода же есть некто, прииде с литовскими князьями, Дмитрей Боброк, родом Волыньския земли. Вельми уставивша полци по достоянию — елико где кому подобает стоати. Князь же великий Дмитрей Иванович поим брата своего князя Володимера и литовския князи и вси князи и воеводы, и выхаша на место высоко. . .». Из сопоставления приведенных текстов наглядно видно соединение в Синописе текста «Книги» с текстом Распространенной редакции. Из «Книги» взята фраза о том, что Волынец «велми своих устроил чинно и благообразно» («барзо нарядне своих ушиковал и порядне»), а из Распространенной редакции фраза — «Уставленным же бывшим всем полком по достоянию, елико где подобает кому стояти».¹⁷

Особенно наглядно соединение двух текстов видно в тех случаях, когда составитель Синописа не знает, какому из текстов следует отдать предпочтение. В Распространенной редакции Сказания с дарами к Мамаю великий князь Московский посылает Захарию Тютчева. В «Книге» этот посол назван Захарием Тушининым. Составитель редакции Синописа, пользуясь двумя источниками, пишет: «. . .именем Захарию Тутчева или Тушинина». Такого же рода случай видим и в перечислении полководцев при разряде полков. В Синописе читаем: «А у князя Владимира воеводы: Данила Велевуж или Белеутяк». В Распространенной редакции Сказания в этом месте названо имя «Данило Белеутя», а в «Книге о побоищи» — «Данило Велевуть».

Может быть отмечен целый ряд оборотов, выражений и имен, присутствующих только «Книге о побоищи», которые попали и в текст Синописа. В Синописе, как и в «Книге», городские ворота Коломны названы «баштой городской». Только в «Книге о побоищи» сказано, что Александр Невский «короля немецкого победи». То же находим и в Синописе. В Распространенной редакции — «короля римского». Только в «Книге о побоищи» в рассказе о чудесном явлении Бориса и Глеба говорится, что они держат в руках не только мечи, но и «свечи». То же самое — в Синописе. Только в «Книге» приводится восклицание убегающего Мамаю: «Ог Магомет!». Это восклицание повторено и в Синописе. Подобных этим примеров очень и очень много.

¹⁷ Совпадение в отдельных случаях чтений Распространенной редакции Сказания и «Книги», при отличии от Синописа, не должно нас удивлять: сама «Книга» восходит к Основной редакции Сказания, к которой в свою очередь восходит Распространенная редакция.

Из приводившихся выше примеров можно было убедиться, что по стилю и языку редакция Синописа резко отличается от текста «Книги о побоищи». Составитель Синописа даже в тех случаях, когда он непосредственно заимствует текст из «Книги», не меняя его содержания, «переводит» свой оригинал на русский язык: он заменяет полонизмы оригинала другими словами.

Подведем итоги.

Литературная история Сказания о Мамаевом побоище в редакции «Книги о побоищи Мамаия» оказалась значительно более сложной и интересной, чем это представлялось до сих пор.

Есть все основания полагать, что составителем этой редакции Сказания был Феодосий Сафонович, а время составления «Книги о побоищи Мамаия» следует относить к 70-м гг. XVII в.

Литературная история «Книги о побоищи Мамаия», как и литературная история текста Сказания в редакции Синописа, свидетельствует о большой популярности Сказания о Мамаевом побоище в конце XVII в., о широкой распространенности различных редакций этого произведения не только в Московской Руси, но и в Киеве. Повествование о победе над Мамаем на Куликовом поле воспринималось как рассказ о победе Руси над монголо-татарским игом, как памятник героического характера, имеющий большое патриотическое значение. Не случайно в «Книге о побоищи» рассказу о Куликовской битве предпослано отсутствующее в источниках «Книги» вступление, рассказывающее о монголо-татарском иге. В Синописе же повествование о Куликовской битве было помещено после рассказа о нашествии Батыея и установлении на Руси господства Орды. Составитель Синописа писал, начиная свой рассказ о Мамаевом побоище, что он счел нужным «напечатати» его «на вечную память грядущим родом», «да и прочии христоименитии вои, ревнующе толикому древних ветязей храброму против нечестиваго Мамаия мужеству, дерзновенно и сами подвизаются на врагов креста святаго силою на нем пригвожденнаго Христа господа укрепляеми».

«Книга о побоищи Мамаия» давно была введена в научный оборот. Хорошо были известны и ее списки. Но лишь исследование этой редакции Сказания с учетом данных всего состава сборников, в которых эта редакция находится, позволило уточнить литературную историю этого произведения, установить связь его с другими текстами. Этот пример наглядно иллюстрирует плодотворность одного из основных положений, выдвинутых в современной текстологии древнерусских текстов Д. С. Лихачевым, о том, что при изучении текста произведения необходимо учитывать конвой этого текста: то не случайное, а связанное с ним текстовое окружение, в котором, как правило, дошли до нас средневековые литературные памятники.

Г. А. ЛЕВИНТОН, И. П. СМИРНОВ

«На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла

Литературный контекст цикла «На поле Куликовом» исследовался многократно, но все же реконструирован не полностью. Задача этой статьи — провести детальное сличение стихов Блока с такими древнерусскими памятниками, как «Слово о полку Игореве», Задонщина, Сказание о Мамаевом побоище, и вовлечь в сравнительный анализ литургическое творчество и другие книжные, фольклорные и обрядовые источники цикла. Следует подчеркнуть, что обнаруживаемые в цикле Блока цитаты полигенетичны по своей природе, — «чужое слово» используется здесь так же, как и в иных текстах поэта.¹ Вот почему в ряде случаев нельзя отдать предпочтение одному источнику перед другим, и в дальнейшем нам нередко придется говорить лишь о *возможном* круге текстов, на которые ориентировался Блок. Авторы не пытались исчерпывающе интерпретировать цикл, но, разумеется, не могли совсем избежать интерпретации, определяя функции цитат в стихах Блока и прослеживая связи, которые объединяют «На поле Куликовом» с другими — поясняющими цикл и освещающими его источники — произведениями поэта. Особая роль Блока в передаче поэтической традиции² побудила нас регистрировать цитирование стихов самого Блока, которое ориентировало его преемников на исследуемый здесь древнерусский материал.

В статье приняты следующие сокращения: НПК («На поле Куликовом»), НИ («Народ и интеллигенция»), ПС («Песня судьбы»), Р (цикл «Родина»);³ СПИ («Слово о полку Игореве»);⁴ ЗД («Задонщина»), СМП 2 (вторая, по С. К. Шамбинаго, редакция «Сказания о Мамаевом побоище»), СМП 3 (третья редакция того же памятника), РспрСМП (распространенная редакция «Сказания»);⁵ Стихотворения, вошедшие в НПК (т. 3, с. 249—253), обозначаются арабскими цифрами; вторая арабская цифра после точки отсылает к строкам, а римская цифра после точки —

¹ В. Жирмунский. Драма Александра Блока «Роза и крест». Литературные источники. Л., 1964, с. 77—78; З. Г. Минц. Функция реминисценций в поэтике А. Блока. — В кн.: Труды по знаковым системам, вып. VI. Тарту, 1973, с. 402 и след.

² См., например: В. С. Баевский. Стихи Блока как текст и подтекст. — Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975, с. 63—68.

³ Все ссылки на эти и другие произведения Блока даются в тексте статьи по изданию: А. Блок. Собр. соч. в 8-ми т. М.—Л., 1960—1963.

⁴ В дальнейшем ссылки на СПИ (Слово о полку Игореве. Л., 1967) приводятся в тексте статьи.

⁵ Памятники Куликовского цикла цитируются по доступной Блоку публикации: С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906 (ЗД, с. 120—128; СМП, с. 3—190 второй пагинации).

к строфам отдельных стихотворений (например, 1.2 будет соответствовать второй строке первого стихотворения, а 1.II — второй строфе того же стихотворения).

1

Оценивая историю с символической точки зрения, Блок мыслил Куликовскую битву как прообраз современной ему ситуации,⁶ в которой роли главных действующих лиц отводились им народу и интеллигенции. Противопоставлению народа и интеллигенции как будто соответствует и проведенный Блоком отбор источников, послуживших основой НПК. К одному полюсу тяготеет фольклорный материал, к другому — письменный и литургический;⁷ среди книжных источников древнерусская словесность контрастирует с «интеллигентской» новой литературой; в последней в свою очередь Блок особо выделяет писателей, традиционно признаваемых «народными» (Пушкин, Гоголь, Некрасов; ср. в НИ: «В „Исповеди“ Горького ценно в действительности то, <...> что роднит Горького <...> с Гоголем; не с духом современной „интеллигенции“, но с духом „народа“», т. 5, с. 324).⁸ Однако текст НПК строится не на подчеркивании только что названных антитез, но на их снятии — на *неразличении* разных источников.⁹

Точно так же Блок нейтрализует и жанровые контрасты внутри собственного творчества, скрепляя сквозной темой целый ряд произведений, группирующихся вокруг НПК. Картина Куликовской битвы возникает не только в стихотворном цикле (где эпическая проблематика находит себе лирическое выражение), но и в прозаическом монологе Германа в драме «Песня судьбы» (противопоставление лирика — драма дополняется здесь противопоставлением стих — проза). Все компоненты эстетической триады эпос — лирика — драма объединяются в некое непрерывное образование. Вместе с тем куликовская тема появляется и в критической прозе Блока, в которой ощутимо смешение научно-публицистического и художественного начал (любопытно, что статья НИ была до опубликования прочитана как доклад, т. е. вобрала в себя черты ораторской речи). Если НИ в известной мере выводит мотивы НПК за пределы искусства, то набросок текста для кантаты «На поле Кулико-

⁶ См. автокомментарий к НПК: «Куликовская битва принадлежит, по убеждению автора, к символическим событиям русской истории. Таким событиям суждено возвращение» (т. 3, с. 587). Подробнее об исторической концепции, воплощенной в НПК, см.: В. Паперный. К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока. (Цикл «На поле Куликовом»). — В кн.: Русская филология, вып. V. Тарту, 1977, с. 60—69.

⁷ Речь идет, разумеется, лишь о доминирующих признаках этих противочленов, поскольку литургические тексты, например, отчасти смыкаются с фольклорными как звучащая речь и обрядовая поэзия.

⁸ В то же время в НИ смех Гоголя и «хочот» Вл. Соловьева противопоставляются «усмешке мужика» (т. 5, с. 323).

⁹ Таким образом, у Блока (в отличие от акмеистов) разные источники не вступают между собой в диалогические отношения, что уже отмечалось исследователями: Р. Д. Тименчик. Принципы цитирования у Ахматовой в сопоставлении с Блоком. — Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975, с. 126. Ср. интересное наблюдение Омри Ронена: «В отличие от акмеистов, ощущавших семантический и стилистический потенциал цитаты как чужого слова и ценивших в ней дистанцированный повтор <...> в поэтике Блока предполагается новизна даже самых очевидных реминисценций в новом тексте, а связь между источником реминисценции и новым текстом, когда она осознана, воспринимается как узнавание своего в чужом» (О. Ронен. К истории акмеистических текстов. Опущенные строфы и подтекст. — Slavica Hierosolymitana, 1978, vol. III, p. 70).

вом» (музыка Ю. А. Шапорина) размыкает границы, разделяющие виды искусств.¹⁰

Уже начальное слово НПК (*река*) совмещает в себе фольклорное значение со значением конкретной топографической реалии Куликовской битвы. Но и эта конкретность относительна, поскольку в памятниках Куликовского цикла место битвы очерчено двумя водными рубежами — Доном и Непрядвой. В роли порубежной реки Непрядва упоминается, помимо НПК, и в НИ: «Есть между двумя станами <...> некая черта, на которой сходятся и стовариваются те и другие. Такой соединительной черты не было между русскими и татарами, между двумя станами, явно враждебными; но как тонка эта нынешняя черта — между станами, враждебными тайно!<...> Не так ли тонка эта черта, как туманная речка Непрядва? Ночью перед битвой вилась она, прозрачная, между двух станов; а в ночь после битвы и еще семь ночей подряд она текла, красная от русской и татарской крови» (т. 5, с. 323—324).¹¹ В статье топографическая неоднородность реки становится особенно отчетливой, так как в ЗД кровью наполняется не Непрядва, а Дон: «...и Дон река три дни кровию текла» (с. 128); ср. обобщение в СМП 3: «...а реки по три дни кровию течаху» (с. 68).¹² Число значений *реки* увеличится, если учесть последовательно осуществлявшееся Блоком в НПК скрещивание памятников Куликовского цикла с СПИ, где также наблюдается скопление гидронимов.¹³ Нельзя не напомнить также о том, что в текстах Куликовского цикла важным сюжетным моментом была переправа русского войска через Москву-реку. Это открывает возможность для еще одной идентификации слова *река*, коль скоро оно предшествует в НПК теме пути и описанию боя (а также гидронимам *Дон* и *Непрядва*). Пейзаж первой строфы вообще может быть воспринят как среднерусский, на что указывал уже Г. П. Федотов: «...степь, где „грустят стога“, совсем не та степь, где растет ковыль <...> В первом случае степь взята вместо лугов, но взята умышленно, предваряя основную тему: тоска-печаль северного поля вливается в тоску-страсть южных степей».¹⁴

По мере развертывания блоковского цикла в семантическое поле *реки* попадают имена Непрядвы и Дона, причем элементы этого поля (включая сюда слово *мосты*) появляются в первых строфах стихотворений 2, 3 и 4, возвращая к 1.1 и усиливая тем самым связность цикла.¹⁵ Использование лексики, входящей в один семантический ряд с *рекой*, таково, что она по большей части получает метафорическое значение, указывающее на границу между «своими» и «чужими», обыденным и сверхъ-

¹⁰ Ниже будет показано также, что в НПК Блок использовал образы, воспринятые из живописи Врубеля. Ср. содержательные суждения З. Г. Минц и Ю. М. Лотмана о последовательной переориентации творчества Блока, на разных этапах соотносившегося с разными формами искусств: З. Г. Минц, Ю. М. Лотман. Индивидуальный творческий путь и типология культурных кодов. — Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973, с. 96—98.

¹¹ Здесь и далее курсив в цитатах из Блока и его литературных источников — наш (Г. Л., И. С.).

¹² Блок делает взаимозаменяемыми в НИ и два эпических числа — три и семь.

¹³ Смешение названий разных рек прослеживается в источниках НПК: в ЗД Калка ассоциируется и даже отождествляется с Каялой из СПИ (с. 120).

¹⁴ Е. Богданов [Г. П. Федотов]. На поле Куликовом. — Современные записки, 1927, т. XXXII, с. 419—420.

¹⁵ Ср. описанный В. А. Сапоговым прием формального сцепления стихотворений в блоковских лирических циклах (В. А. Сапогов. К проблеме стихотворной стилистики лирического цикла. — В кн.: Русская советская поэзия и стиховедение. М., 1969, с. 241), который можно сравнить с подхватом, тогда как обсуждаемый нами прием сопоставим с анафорой.

естественным и т. п. (ср. употребление этой лексики именно в начальных частях стихотворений НПК). Такая метафоризация в свою очередь заставляет соотносить с *рекой* слово *зарубежной* (тем более, что оно зарифмовано с эпитетом *безбрежной*, производным от *берег*). Это слово, как будто вполне мотивированное внутритекстовыми связями, обладает внетекстовой мотивировкой, более тесно сопрягающей его с темой Куликовской битвы. Мы имеем в виду духовный стих о Дмитрие Солунском — великомученике и воине, изображаемом с копьем и мечом, патроне Дмитрия Донского. В полном согласии с представлением о тождестве человека и его патрона,¹⁶ Дмитрий Солунский в духовном стихе побеждает войско Мамаю, при этом страна Мамаю, куда прогоняет его святой, четырежды на протяжении двадцати строк называется *порубежной*: «Отогнал он неверного царя Мамаю Во его страну в порубежную». В день памяти Дмитрия Солунского (26 октября) в литургию включается 292-е зачало Апостола (Второе послание к Тимофею, гл. 2, ст. 1—10) с мотивом «добраго воина Иисуса Христа» (примененным Блоком к Вл. Соловьеву). Вероятно, отсюда, как и из духовного стиха, выводится строка черногого варианта НПК: «Я — князь Христов. Сияют латы. . .» (т. 3, с. 589), отождествляющая Дмитрия Донского и Дмитрия Солунского.¹⁸

Именно в функции границы *река* связывает блоковский цикл не только с воинским, но и с широким фольклорным контекстом, в том числе с былинным и свадебным. В статье одного из авторов¹⁹ были специально проанализированы мотивы реки, берега и переправы в русском свадебном обряде и в творчестве Блока. Что касается НПК, то здесь отражение обряда наиболее очевидно в стихах: «А Непрядва убралась туманом, Что княжна фатой» (3.19—20).²⁰ Блоковская *княжна* не что иное как свадебное наименование невесты *княгиня* (в былинах — *княжна*), о чем свидетельствует параллель к этому месту в ПС: «И Непрядва убралась туманом, как невеста фатой» (т. 4, с. 149). Но вместе с тем это и великая княгиня из памятников Куликовского цикла. Аналогично: мотив тумана над Непрядвой таит в себе не только мифологиче-

¹⁶ Ср. другой духовный стих о видении, бывшем Дмитрию Донскому в Успенском соборе, и установлении им Дмитровской субботы (П. Бессонов. Калекти перекоже, вып. 3. М., 1861, с. 673—675).

¹⁷ Там же, с. 590.

¹⁸ По поводу символического значения тезоименности укажем на тот факт, что в НИ среди других деятелей культуры, противопоставленных интеллигенции в блоковском смысле слова, называется и *Дмитрий Менделеев*: «...интеллигенция (...) относилась с явной и тайной ненавистью к Менделееву» (т. 5, с. 324). Ср. *явную* и *тайную* враждебность двух станов в цитированном выше отрывке из НИ о Непрядве.

¹⁹ Г. А. Левинтон. Заметки о фольклоризме Блока. — В кн.: Миф—фольклор—литература. Л., 1978.

²⁰ Этот отзыв свадебного ритуала в НПК обсуждался в докладе Г. А. Левинтона на I Всесоюзной (III) блоковской конференции в Тарту (апрель 1975), а вслед за ним — В. Паперным в статье «К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока. . .» (с. 64). С фольклорной тематикой согласуется в разбираемых строках фольклорная отмеченность союза *что*; он контрастирует с союзами *как* и *словно*, которые сосредоточены исключительно в стихотворениях 4 и 5, противостоящих первым трем как соотносенные с эпохой Блока. Символическое возвращение исторического события корреспондирует, таким образом, с приемом поэтического сравнения; ср. особенно: «Доспех тяжел, *как* перед боем» (5.15) на фоне ситуации *перед* боем, рисуемой в трех начальных частях цикла. Показательно, что в стихотворении 1 черноее сочетание: *как* стрела — татарской древней воли» (т. 3, с. 588) было заменено на творительный сравнения: «стрелой татарской древней воли» (1.7); между тем в стихотворении 4 творительный сравнения *волком*, постоянный в СПИ, послужившем главным источником этого фрагмента цикла (см. ниже), превращается в «*как* волк» (4.10).

ский смысл, но восходит к описанию ночи перед схваткой, представленному в разных редакциях СМП (ср., например, в СМП 3: «Бысть ж в ту нощь теплота велика и тихо велми и *мраци роснии явишась*», с. 60). Возможность двойного толкования *княжны* позволяет вовлечь в круг свадебной терминологии и слово *князь* (3.16), контаминирующее таким образом историческое и обрядовое значения (ср. также свадебное значение в слове *друг*, одном из ключевых в НПК). Это совмещение воинского и свадебного планов не противоречит книжным источникам цикла, для которых характерна метафора битва—брачный пир: «...ту кроваваго вина не доста, ту пиръ докончаша храбрии Русичи; сваты попоиша, а сами полегоша за землю Рускую» (СПИ, с. 49); «бедно зрети детем боярским своего полку убиваема, плачущуся и непрестанно рвущеся, аки соколы, аки званнии на брак сладкаго вина пити» (СМП 2, с. 31); близкие чтения — в других редакциях.

Еще один случай слияния разных смыслов применительно к теме реки обнаруживается в стихотворении 2, начало которого («Не вернуться, не взглянуть назад», 2.2) намекает на переправу русского войска через Дон: «...аще ли, господине, хочещи крепкаго войска, то сего дни повели возитися за Дон, да не будет ни единого мыслящего назад» (СМП 2, с. 21).²¹ В СМП эта ситуация получает обобщение («...Ярослав бо перевезеся реку, Святополка победы, Александр реку перешед, короля свейского победы...», СМП 2, с. 21—22)²² и тем самым предвосхищает сопряженность разных битв в блоковском цикле. В то же время в тему переправы войска вкрапливается мифологический мотив оглядки (для Блока он мог быть представлен такими мифологическими персонажами, как Лоттова жена и Орфей, возвращающийся из Аида);²³ Дон приобретает черты реки смерти, переход через которую необратим. Эти же черты сообщают Дону эпитеты в стихе: «Перед Доном *темным* и *зловещим*...» (3.5) и параллелизм *перед Доном — перед боем* (5.15). Возвращаясь к вступительному четверостишию первой части цикла, следует сказать, что мотиву реки подчинена вся лексика этой строфы, включая даже стих 1.4, в котором *стога* и *стель* связаны с *рекой* повтором глагола *грустить*²⁴ («Река <...> грустит», «в степи грустят стога»), а также по смежности. В. И. Стеллецкий и В. Паперный²⁵ справедливо обуславливают совместную встречаемость *реки* и *стогов* словами ЗД: «Грозно и жалостно, братия, в то время посмотри, лежат трупы христианские у Дона великаго на брезе, аки сеньные стоги...» (с. 128). Этот

²¹ Об этом же см.: Н. Н. Евреинова. Цикл стихов А. Блока «На поле Куликовом» и его источники в древнерусской литературе. — В кн.: Русская советская поэзия и стиховедение. М., 1969, с. 158—159. Несмотря на ряд заслуживающих внимания наблюдений, сделанных в этой работе, она не свободна от просчетов более общего плана; см.: И. П. Смирнов. В ожидании объединения. — РЛ, 1970, № 4, с. 220.

²² Ср. духовный стих об Александре Невском, где тот разбивает татар (П. Бессонов. Калекы перекоже, с. 669—671). Об активной роли водной стихии в службе Александру Невскому см.: П. Флоренский. Философия культа. — Богословские труды, сб. 17. М., 1977, с. 198.

²³ Об оглядке см.: Т. В. Цивьян. Балканские дополнения к последним исследованиям индоевропейского мифа о громовержце. — В кн.: Балканский лингвистический сборник. М., 1977, с. 188. Актуализация хтонического значения Дона у Блока согласуется с тем обстоятельством, что этот гидроним, как показал В. Н. Топоров, этимологически связан с индоевропейским именем бога вод (ср. Посейдон) (В. Н. Топоров. Еще раз об и.-е. *budh- (*Bhuedh-). — В кн.: Этимология 1976. М., 1978, с. 145).

²⁴ Ср. мотив тоски—скорби—тужи в СПИ, ЗД и СМП.

²⁵ V. I. Stelceckij. A. A. Blok und das «Lied von der Heerfahrt Igors». — Zeitschrift für Slavistik, 1971, N 4, S. 569; В. Паперный. К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока... с. 63.

контекст можно расширить за счет СМП 3: «...а жалостно видети и гръко посмотричи чловецьскаго кровопролитиа, аки морская вода, а трупы чловецьа аки сenna громады...» (с. 68). Существенно также то, что разные редакции СМП *открываются* мотивом русских хлебов, на которые зарится Мамай: «...не спешит царь <...> хочет бо на осен быти на руския хлебы» (СМП 2, с. 10). С картиной, складывающейся в первом четверостишии, правомерно сопоставить и изображение битвы-молотьбы в СПИ, разворачивающейся там, подчеркнем это, в речной пойме.²⁶

Итак, сквозь северный речной пейзаж просвечивает пейзаж после битвы²⁷ (ср. картину Васнецова на сюжет СПИ). Строфа рисует ситуацию, как бы подытоживающую события, излагаемые в первых трех стихотворениях НПК. Движение в глубь текста оказывается движением во времени и — соответственно — перемещением от текста к источникам. Этот суммирующий характер зачина объясняется прежде всего присущей НПК концепцией циклического времени с ее непроясненностью начал и концов (любопытно, что строка: «Но узнаю тебя *начало*...» (5.9) — стоит в *середине последнего стихотворения*).

Такая же временная неопределенность отличает стихотворения 3 и 4. Третья часть цикла как будто должна описывать события, происходящие после переправы через Дон, которая подразумевается во второй части, но тем не менее содержит в себе сочетание *перед Доном*. Поэтому стихи: «С полуночи тучей возносилась Княжеская рать» (3.9—10) — могут быть опознаны, в частности, как картина перехода через реку. Время стихотворения 2 с его грамматическим настоящим оказывается включенным во время стихотворения 3, завершающее четверостишие которого начинается словами: «И когда, наутро, тучей черной Двинулась орда...» (3.29—30).

Применительно к четвертой части НПК вообще нельзя сказать, время или пространство отделяют ее героя от битвы. Стихи: «Умчались, пропали без вести Степных кобылиц табуны...» (4.5—6) — указывают на временную дистанцию, а строфа 4. IV — на пространственную («Я слушаю <...> Я вижу <...> далече...», 4. 13—15). Двусмысленным выглядит здесь и словосочетание «за ветром взывают мечи» (4.28): вслед за ветром или отделенные ветром от героя? Однако второе чтение кажется более предпочтительным, потому что мотив прислушивания к звукам битвы, по всей видимости, отсылает нас к аналогичному мотиву в ЗД (с. 124) и в СПИ: «Что ми шумить, что ми звенить *далече* рано предъ зорями?» (с. 48). Этот мотив СПИ замыкает и стихотворение «Зачатый в ночь, я в ночь рожден...»,²⁸ которое датировано 1907 г., а также пере-

²⁶ Ср. в посвященных Блоку стихах Пастернака раскинувшуюся реку, кровавую косбю, а вместе с ней и кровавую зарю (мотив, благодаря которому СПИ расширяется Пастернаком как блоковский источник): «Широко, широко, широко Раскинулись речка и луг <...> Зловец горизонт и внезапно, И в кровоподтеках заря, Как след незаживших царапин И кровь на ногах косаря. Нет счета небесным порезам...» (Б. Пастернак. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1965, с. 465).

²⁷ Этим мотивируется и употребление глагола *грусить*: В. Паперный. К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока..., с. 63. Может быть, сочетание *грусят стога* фонетически и семантически имплицитно *тугу* источников (а в комбинации с *рекой* — и *Стугну* СПИ?).

²⁸ Отмечено в: V. I. Stelleckij. A. A. Blok und das «Lied von der Heerfahrt Igor», S. 563. В то же время последняя строфа стихотворения «Зачатый в ночь, я в ночь рожден...» связана, как замечено В. Н. Топоровым, с «Рыбаком» Жуковского (В. Н. Топоров. К рецепции поэзии Жуковского в начале XX века. Блок—Жуковский: проблема реминисценций. — Russian Literature, 1977, V—4, p. 352—353; ср.: *ibid.*, p. 370).

кликается с «Заключатьем огнем и мраком» (седьмая часть цикла).²⁹ В 5.5—8 вновь возникает та же самая цитата из СПИ, но там она присутствует в обращенной форме: «За тишиною непробудной, За разливающейся мглой *Не слышно грома битвы чудной, Не видно молнии боевой*».³⁰

2

Вокатив *Русь* в 1.11 связан с *рекой* вводного четверостишия прежде всего благодаря тому, что оба слова занимают позицию первой значимой лексической единицы в соответствующих строфах. Презумпция связности, столь существенная для поэтического произведения,³¹ вынуждает воспринимать вокатив (при отсутствии других показателей связности) как обращение к тому, что было описано в предшествующем отрезке текста. Реалии вступительной строфы могут быть опознаны поэтому как слагаемые типового русского пейзажа, как замещающие по принципу синекдохи понятие России. Параллелизм *реки* и вокатива при учете персонификации *Руси* заставляет вспомнить зачины фольклорных песен — свадебных и эпических (баллад, дум). Это сходство неочевидно, «спрятано», к тому же слова, которые объединяют первые две строфы НПК с фольклорными зачинами, известными, например, по свадебным песням (*река, берег*), стилистически нейтральны, то есть не являются показателями стилизации, которая проявляется только в самом параллелизме — в конструкции (такой прием можно назвать структурной стилизацией).³²

Именование *Руси женой* отвечает общей брачной теме НПК и всего большого цикла Р³³ и согласуется с двойственностью слова *князь*, при-

²⁹ Ср.: «Все равно ведь никто не поймет, Ни тебя не поймет, ни меня, *Ни что ветер поет нам, звеня...*» (т. 3, с. 291).

³⁰ В «Новой Америке» такие же отрицательные конструкции, сопутствующие мотивам СПИ (например: «*Не шеломами черпаю Дон*», т. 3, с. 269), служат средством временного дистанцирования, подобно союзу *как* в НПК (см. выше). Ср. комбинацию обоих блоковских приемов у Адамовича: «И лебеди *не* плещут. И вдали Княгиня *безутешная не* бродит <...> И только ветер над зубцами стен *Взметает снег и стонет на просторе, Как будто* Игорь вспоминает плен...» (цит. по: СПИ, с. 406).

³¹ См., например: С. И. Гиндин. Онтологическое единство текста и виды внутритекстовой организации. — В кн.: Машинный перевод и прикладная лингвистика, вып. 14. М., 1971.

³² Этот вид фольклорных зачинов подробно обсуждается А. А. Потебней в связи с оборотом СПИ: «Тоска разлилася по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи» (А. А. Потебня. Слово о полку Игореве. Изд. 2-е. Харьков, 1914, с. 73 и след.). Отсылку к этому обороту у Блока находим в 5.6: «*За разливающейся мглой*». Лексика первого двустипшия НПК (*раскинулася*, «моет берега») как будто вводит тему разлива, не создавая картины разлившейся реки. Знакомство Блока с трудом А. А. Потебни (содержащим в себе постоянные сравнения фольклорного материала с текстом СПИ) безусловно подтверждается «Скифами». Комментируя фразу: «Уже бо бѣды его пасеть птиць по дубию» (СПИ, с. 46), А. А. Потебня рассматривает предлагавшуюся А. Н. Веселовским конъектуру *обида* вместо *бѣды*: «*Бѣда* в смысле мифологической личности тоже понятно, и нельзя доказать, что автор Слова о полку Игореве знал только Обиду, а не Беду» (А. А. Потебня. Слово о полку Игореве, с. 30). Отсюда становится ясной замена плещущей крыльями Девы-Обиды *бедой* и перемещение *обиды* в соседнюю строку в стихах: «Вот — срок настал. Крыльми бьет беда, И каждый день обиды множит» (т. 3, с. 360). Сочетание же *обиды* и *дня*, быть может, восходит к приводимому А. А. Потебней причитанию: «Божья денечки в обиды провожатся...» (А. А. Потебня. Слово о полку Игореве, с. 36).

³³ Отождествление России с женой (невестой) отражено в Р не только в тематике ряда стихотворений (ср.: невеста, Россия, т. 3, с. 269), но и в самой организации цикла: Л. Я. Гинзбург демонстрирует это на примере включения в Р таких «сугубо личных» стихов, как «Приближается звук...», «Сны» (Л. Я. Гинзбург. О лирике. Изд. 2-е. Л., 1974, с. 292—293).

надлежащего как к военно-государственной, так и к свадебной лексике. Блоковская тема Руси-жены восходит к традиции представления государства в облике женщины (ср. ритуал венчания на царство), в первую очередь — к аллегории Максима Грека³⁴ («Инока Максима Грека Слово, пространнее излагающе, с жалостию нестроения и безчиния царей и властей последнего жития»). Василия³⁵ Максима Грека, чье имя «не едино, но различно: и начальство <...> и власть и владычество, и господство»,³⁶ то и дело называется в аллегории *женой* (в значении «женщина»): «Мир тебе, о жено»³⁷ (ср. блоковский вокатив), «о честнейшая в женах»³⁸ (эта формула напоминает «ангелическое приветствие», обращенное Елизаветой к Марии и легшее в основу главной богородичной молитвы, ср. ниже). Однако у Максима Грека проводится и брачная тема, когда речь заходит о царях-«обручниках» («подручниках») «вдовеющей жены» Василии. Родство НПК и текста Максима Грека подтверждается тем, что слово *жена* в обоих случаях соседствует со словом *пути*: «шествуя по пути жестоце и многих бед исполненнем, обретох жену, сидящу при пути»;³⁹ «како убо, неправедне ли прикладается пути пугу треокаянный сей век, а сама вдове жене, и вдовства ризами одяна сижу»;⁴⁰ «вдовеющей жене подобна сежу, при путе пуге, окаянного, глаголю, нынешняго века».⁴¹ В результате сравнения НПК с произведением Максима Грека, повествующем о государственных «нестроениях», становится более понятной общая трагическая окраска темы Руси-жены, причем особенно важно, что в источнике Блока о «нестроениях» говорится как о болезнях страны, как о «градском недуговании»; ср. хотя бы: «...сама убо облегчиси малым чим от томящия тебе болезни».⁴² Блок ставит слово *боль* в стихе 1.5 рядом с *Русью* и *женой* и затем воспроизводит сходное смысловое сцепление в 2.14: «Долго будет родина больна»⁴³ (ср. рифму *больна — жена*).

Впрочем, ту же тему болезни Руси мы находим в сочинениях, отстоящих от Слова Максима Грека почти на 300 лет в прошлое и в будущее — в «Слове о погибели Русской земли» («А в ты дни *болѣзнь* крестьяномь...») ⁴⁴ и в «Выбранных местах из переписки с друзьями», цитируемых в НИ ⁴⁵ (т. 5, с. 325—326): «Если только возлюбит русской

³⁴ Об этой традиции см.: В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, с. 59.

³⁵ Имя Василия в связи с НПК упоминается в кн.: Н. Н. Евреинова. Цикл стихов А. Блока «На поле Куликовом» и его источники в древнерусской литературе, с. 157.

³⁶ Максим Грек. Соч., ч. II. Казань, 1860, с. 321—322.

³⁷ Там же, с. 319.

³⁸ Там же, с. 320.

³⁹ Там же, с. 319.

⁴⁰ Там же, с. 336.

⁴¹ Там же, с. 337.

⁴² Там же, с. 320.

⁴³ 1.5 и 2.14 связаны фонологически: в первом случае ударные *у* и *о* в словах *Русь* и *боль* противопоставлены трем ударным *а*: «О, Русь моя! Жена моя! До боли...»; во втором — ударное *у* переходит в слово *будет*, *Русь* замещается *родиной* с ударным *о*, повторенным в *долго*; между тем *о* в слове *больна* становится безударным по сравнению с *о* в *до боли*, ударение здесь падает на *а*; соотношение ударных гласных и значимых слов в 2.14 перевернуто по отношению к 1.5. Ср. полемику о семантической обусловленности вокализма в третьей части НПК: Robert Abernathy. A Vowel Fugue in Blok. — International Journal of Slavic Linguistics and Poetics, 1963, VII; Nils Åke Nilsson. Blok's 'Vowel Fugue': A Suggestion for a Different Interpretation. — Ibid., 1968, XI.

⁴⁴ Слово о погибели Руския земли. Вновь найденный памятник литературы XIII века. Сообщение Хр. Лопарева. СПб., 1892, с. 24 (ПДП, т. LXXXIV).

⁴⁵ См. подробнее: З. Г. Мянц. Блок и Гоголь. — В кн.: Блоковский сборник, вып. 2. Тарту, 1972, с. 170—171.

Россию, возлюбит и все, что ни есть в России. <...> *Без болезней и страданий*, которые в таком множестве накопились внутри ее и которых виною мы сами, не почувствовал бы никто из нас к ней сострадания». ⁴⁶ В свете приведенных выписок не исключено, что блоковское *долго* в 2.14 измеряет не только историческое, но и историко-литературное время.

Восприятие современниками блоковского образа Руси-жены было далеким от однозначности. В письме Горького к Д. Н. Семеновскому (от 31 января 1915 г.) читаем: «Все стихи, которые Вы привели в письме ко мне, я знаю и тоже считаю их книжными. Все, что сказано в них про Русь, не однажды говорилось Хомяковым, Аксаковым, это можно встретить у Языкова, даже у Огарева. Старо, книжно <...> Иногда Блок говорит смешные вещи, напр.: „О, Родина! Жена моя!“ Это вызывает у меня комическое впечатление». ⁴⁷ Комическое осмысление этого образа (притом, что «Исповедь» Горького была непосредственным поводом к написанию НИ) могло быть вызвано влиянием метрического контекста цитируемых Горьким стихов. Значительная часть первого отрывка НПК представляет собой чередование пятистопных и двухстопных ямбов, которое традиционно приурочивается к комической поэзии. Однако у Блока этот размер встречается по преимуществу в некомических стихах, выступая как размер А. К. Толстого и Вл. Соловьева, в творчестве которых комическое и серьезное постоянно обменивались своими признаками, принципиально не разграничивались. ⁴⁸ Ориентация на соловьевский размер в НПК вполне понятна, если учесть место, отведенное Вл. Соловьеву в НИ и эпиграф к заключительному стихотворению цикла. Знаменательно, что обращение «О, Русь» (вообще говоря, возвращающее нас к СПИ: «О Русская земле!», с. 46) используется и Вл. Соловьевым в «*Ex oriente lux*» ⁴⁹ и в «Панмонголизме», ⁵⁰ то есть в текстах, особенно важных для формирования блоковской историософии. Отметим также, что именно в связи с мотивами СПИ в соловьевском творчестве появляется увлекавшая Блока идея воспроизведения исторических событий: «Пускай Пергам давно во прахе, Пусть мирно дремлет тихий Дон: Все тот же ропот Андромахи, И над Путивлем тот же стон». ⁵¹

Концепция циклического времени отзывалась у Блока не только в такой технике обращения к «чуждому слову», в силу которой цитата делалась многоуровневой, отсылающей сразу к нескольким, исторически следующим один за другим текстам, но и в широком использовании автоцитат, наслаивающихся на цитаты из других авторов. С этой точки зрения рифма, которая комбинирует уже разбиравшееся слово *боль* с *волей*, а также метафорический мотив пути в 1.6—7, не что иное как эхо блоковского цикла «Заклятие огнем и мраком»: «Там воля всех вольнее воля Не приневолит вольного, И болей всех большее боль Вернет с пути окольного!» (т. 2, с. 278; ср. «пустой путь» у Максима Грека). ⁵² В рам-

⁴⁶ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. 8. Л., 1952, с. 300. К Гоголю и Блоку, возможно, восходит тема *высокой болезни* у Пастернака.

⁴⁷ Цит. по: Л. И. Тимофеев. Творчество Александра Блока. М., 1963, с. 79.

⁴⁸ Подробнее см. об этом: Г. Левинтон. Две заметки о Блоке. — Тезисы I Всесоюзной (III) конференции «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту, 1975, с. 60—62 (здесь же литература вопроса).

⁴⁹ Вл. Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы. Л., 1974, с. 81.

⁵⁰ Там же, с. 104.

⁵¹ Там же, с. 124.

⁵² Приведенная строфа из «Заклятия огнем и мраком» детально проанализирована Л. Флейшманом, который обнаружил в ней характерное и для НПК слияние фольклорного (заговор) и книжного источников: сочетание «болей всех большее боль» воспроизводит формулу Ефрема Сирина, усвоенную Нилом Сорским (Л. Флейшман. К интерпретации блоковского цикла «Заклятие огнем и мраком». — *Slavica Hierosolymitana*, 1977, vol. 1, p. 106—107).

ках НПК воля ассоциируется со стихами 1.17, 1.19 и 1.27—28, сталкивающимися мотивы кобылицы и покоя, которые, в частности, являются отзвуком пушкинской поэзии; первый из них уводит нас к анакреонтическому переводу Пушкина, а второй (полустишие⁵³ «покоя нет») полемичен по отношению к формуле: «На свете счастья нет, но есть покой и воля». В сущности так же обращенно цитируется и «Кобылица молодая...»: у Пушкина — тема обуздания, у Блока — воли, но в обоих случаях присутствует брачная тематика (ср. и свадебное употребление слова *воля*).

В контексте стихов о Куликовской битве *воля*, казалось бы, должна была подразумевать освобождение Руси от Орды (ср.: «За рекой — *поганая орда*» (2.6) и строку «Под *изгом* ущербной луны» (4.8), где выражение «ущербная луна» намекает, помимо всего прочего, на мусульманский полумесяц). Но синтаксическое строение в 1.7 («стрелой татарской древней воли») не позволяет отделить *волю* от татарского начала.⁵⁴ Простейшее истолкование этого обстоятельства будет состоять в том, что здесь имеется в виду стрела вольных татар, и тогда *воля* должна связываться с номадизмом, степью и необузданной кобылицей, которая родственна не только пушкинскому образу, но и, бесспорно, гоголевской тройке,⁵⁵ а, с другой стороны, вызывает в памяти одно из центральных стихотворений «Кормчих звезд» Вяч. Иванова, написанное все тем же пяти-двухстопным ямбом: «Как мертвый вихрь, *несут нас глухо кони* — Нас Время мчит...».⁵⁶

Столь же амбивалентно значение слова *путь*: это *наш* (в черновике — *правый*, т. 3, с. 588) *путь*, отчасти подразумевающий *путь-дорогу* былин (ср.: «На пути — *горючий белый камень*», 2.5),⁵⁷ но сравнивается он с та-

⁵³ К концу стихотворения 1 становится правилом такое членение длинных строк, при котором первый отрезок стиха метрически совпадает с краткой строкой. Это подтверждается чтением Блока, подчеркивавшего параллелизм: *и мнет кобыль — и нет конца* (С. И. Берштейн. Голос Блока. — В кн.: Блоковский сборник, вып. 2. Тарту, 1972, с. 490, пример № 67).

⁵⁴ Ср. трактовку татарской стрелы как русской у Надежды Павлович: «И древнюю стрелу на Куликовом поле В кремлевских острях, в бойницах узнаю...» (Н. А. Павлович. Воспоминания об Александре Блоке. — Блоковский сборник (вып. 1). Тарту, 1964, с. 468). Весьма вероятно, что, используя слово *воля*, Блок учитывал, помимо всех других контекстов, и реплику Протасова из «Живого труда»: «Эта степь, это десятый век, это не свобода, а воля» (Л. Н. Толстой. Полн. собр. соч., т. 34. М., 1952, с. 22).

⁵⁵ Цитирование «Мертвых душ» в НПК обсуждалось многими исследователями; из ранних работ на эту тему см., например: М. Бабенчиков. Ал. Блок и Россия. М.—Пг., 1923, с. 45, и особенно: Андрей Белый. Мастерство Гоголя. М., 1934, с. 295—296; наиболее тщательно гоголевские цитаты в цикле Блока раскрыты в ст. З. Г. Минц. Блок и Гоголь, с. 183, где к Гоголю возводятся среди прочих и стих 1.21: «Мелькают версты, кручи»; ср. там же, с. 124, 155—156, 165, 173—174, 177, 184—185. Для интерпретации НПК в русле гоголевской традиции большой интерес представляет запись Блока от 26 октября 1908 г. о тройке, падающей в пропасть: «...задыхающийся гон тройки <...> Это — Россия летит неведомо куда — в *сине-голубую пропасть времен* — на разубранной своей и разукрашенной тройке <...> Кто же <...> *остановит* взмыленных коней...» (А. Блок. Записные книжки. 1901—1920. М., 1965, с. 117—118). Переключаясь с мотивами блоковского цикла (*обрыв* (1.3), *кручи* (1.21) и обращение: «Останови!» (1.22), эта запись прямо ведет нас от НПК к стихам: «Над бездонным *провалом* в вечность, *Задыхаясь, летит рысак*» (т. 3, с. 162). Гоголевская тройка в прозе Блока неоднократно именуется *бешеной* — эпитет из «Тройки» Некрасова. О других отражениях некрасовского стихотворения у Блока см.: В. Евгеньев-Максимов. Очерк истории новейшей русской литературы. Этюды и характеристики. Изд. 2-е. Л.—М., 1926, с. 182.

⁵⁶ Вяч. Иванов. Кормчих звезды. Книга лирики. СПб., 1903, с. 352.

⁵⁷ «Бел-горюч камень» встречается во многих жанрах фольклора, но такое следование элементов, которого придерживался Блок (*горючий белый*), знаком только былин; см.: Н. В. Васильев. Указатель к Онежским былинам Гильфердинга. — СОРЯС, т. LI, 1909, № 2, с. 67.

тарской стрелой (откуда и *боль*, и *из сердца кровь*, 1.25).⁵⁸ В 1.15—16 союз *и* сопрягает то, чему как будто надлежало быть противопоставленным, — «святое знамя», с одной стороны, «ханской сабли сталь» — с другой. Чрезвычайно весомое семантически слово *даль*⁵⁹ периодически соотносится то с татарским, то с русским станами. В 1.IV *даль* — это чужое пространство («Домчимся. Озарим кострами⁶⁰ *Степную даль*», 1.13—14), однако в 3.III та же самая основа употребляется применительно к русской стороне («И *вдали, вдали* о стремя билась, Голосила мать», 3.11—12). Аналогичным образом контрастируют между собой 3.IV («И, чертя круги, ночные птицы Реяли *вдали*, А над Русью...», 3.13—15) и 4.I («Опять за туманной рекою Ты кличешь меня *издали*», 4.3—4; ср. продолжение этой темы в 4.15—16: «Я вижу над Русью *далече* Широкий и тихий пожар»).⁶¹

Короче говоря, первая часть НПК, по всей видимости, несет в себе идею внутренней связи Руси и татар, столь очевидную в «Скифах» (поэтому «*вечный бой*» объясняется не только его «вечным возвращением», но и тем, что это — бой междоусобный, неразрешимый), и представление о татарском наследии в русской культуре,⁶² явно впитавшее традицию соловьевского «Панмонголизма». «Панмонголизм» и «Дракон» нашли отражение и в метрической структуре НПК. П. А. Руднев⁶³ продемонстрировал замену фольклоризирующего четырехстопного хоря, которым был написан черновик завершающего цикл стихотворения, четырехстопным ямбом, усмотрев в этом сдвиг от стилистически отмеченного к нейтральному, «ораторскому» размеру. Добавим к этому, что движение от хоря к ямбу сопровождалось у Блока переходом от строки: «Блеск светил заволочла» (т. 3, с. 589) — к точной цитате из «Дракона», повторяющей эпиграф: «Грядущий день заволочла» (5.4). Четырехстопный

⁵⁸ О сквозной теме пути в творчестве Блока см.: Д. Е. Максимов. Идея пути в поэтическом сознании Блока. — В кн.: Блоковский сборник, вып. 2. Тарту, 1972. В приводимом автором списке блоковских контекстов периода Третьего тома, в которых присутствует *путь* (с. 92—93), для нас наиболее существенны стихи: «*Путь степной* — без конца, *без исхода...*» (т. 3, с. 269); ср.: «Наш *путь* — *степной*» в 1.9 и мотив «пустого пути» у Максима Грека. Ср. замечания К. И. Чуковского о мотиве пустоты в блоковских стихах: К. Чуковский. Книга об Александре Блоке. Пб., 1921, с. 65.

⁵⁹ З. Г. Минц показывает пушкинскую окраску этого слова у Блока: З. Г. Минц. Блок и Пушкин. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, 1973, вып. 306. Труды по русской и славянской филологии, т. XXI. Литературоведение, с. 249 и след.

⁶⁰ Ср. *костры* в хоре татар из кантаты «На поле Куликовом»: «Идут века... Бежит река <...> Шумят пиры... Трещат *костры* <...> И жар *костров* В разгар пиров — И *дальний зов* — на бой <...> В лязге сабель, в ржанье *кбней* <...> Мечи *стрелу* в ночную мглу <...> гони, *лети, скачи!*...» (т. 3, с. 373—374). К татарам в кантате, как видно, переходят все основные мотивы степной Руси.

⁶¹ Ср., вероятно, исходное для Блока толкование, данное А. А. Потемной фразе: «О Русская земле! Уже за шеломянемъ еси!» (СПИ, с. 46): «„За шеломянемъ, за холмом, за горою“. Некоторые толкователи видят здесь географический термин, собственное имя водораздела; но „за горою“ может значить просто „далеко“» (А. А. Потемня. Слово о полку Игореве, с. 47).

⁶² См. также: Е. Богданов. На поле Куликовом, с. 420, 434; В. Н. Альфонсов. Тема России в лирике А. А. Блока в 1905—1916 гг. — Учен. зап. Ленинградского гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена, 1957, т. 164, ч. 1, с. 14. Идея «туранского элемента в русской культуре», по позднейшей формулировке Н. С. Трубецкого, привлекала к себе Блока вплоть до последних лет жизни: см. в дневнике Блока (т. 7, с. 416) перечень статей первого номера «Русской мысли» за 1921 г., где названа рецензия П. Н. Савицкого на книгу Н. С. Трубецкого «Европа и человечество» (София, 1920); ср. в том же месте дневника географические термины в характеристике Горького, с которым связана и статья НИ.

⁶³ П. А. Руднев. Метр и смысл. — В кн.: *Metryka Słowiańska*. Wrocław et al., 1971, s. 78—82.

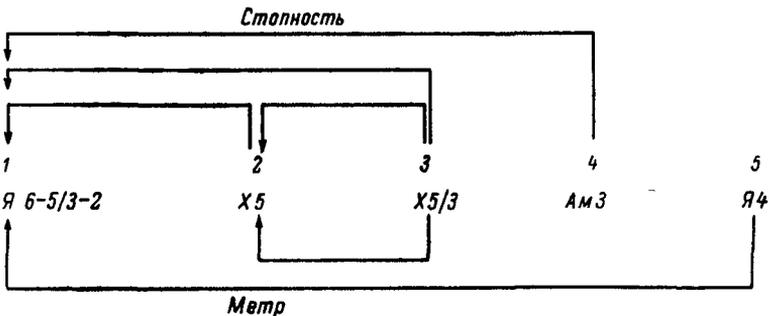
ямб возвращает — по правилам цикличности — к стихотворению 1⁶⁴ (также ориентированному, как говорилось, на метрический репертуар Вл. Соловьева) и, сверх того, связывает НПК с непосредственно окружающими этот цикл в Р текстах — предыдущим и последующим.

3

Открывающий вторую часть цикла оборот *мы, сам-друг* (2.1)⁶⁵ участвует в образовании лексического кольца, корреспондируя с *милым другом* последней строки стихотворения, благодаря чему становится осязаемым фольклорное — прежде всего брачное — значение слова *друг*, которое подкрепляется другими свадебными мотивами строфы 2.1 (Непрядва, предвосхищающая Непрядву-невесту, и лебединые крики).

Но формула *сам-друг* обладает исторической приуроченностью, впрочем, неоднозначной. Обычно это место в НПК трактуется как описание выхода в поле Дмитрия Волынца (Боброка) с Дмитрием Донским (тот же мотив в НИ, т. 5, с. 323). В пользу этого, если предполагать непрерывность ситуации в стихотворении 2, свидетельствует 2.III (слушание примет: «И, к земле склонившись головою...», 2.9); ср.: «Сниде Волынец с коня своего и паде на десное ухо к земли и лежа час и востав от земли и абие пониче к земле» (РспрСМП, с. 110). Особенно отчетливо подтверждается отождествление *мы, сам-друг* с двумя Дмитриями словами СМП 3: «Дмитрей ж Волынец, поим с собою великого князя *единого*, и выехав на поле Куликово...» (с. 60). Эта фраза есть только в третьей редакции, в остальных же с Волынцем едут князья Дмитрий и Владимир, а иногда и литовцы (ср. в ПС: «Князь и воевода стали под холмом и слушали землю», т. 4, с. 148). Присовокупим к этому, что с рассказом о приметах в СМП 3 («А твоего христолюбиваго вьинства много падет...», с. 61) переключается также реплика «друга»: «За святое дело мертвым лечь!» (2.12).⁶⁶

⁶⁴ Каждое стихотворение НПК связано с первым либо числом стоп, либо метром:

⁶⁵ Роль *мы* в НПК особенно значима на фоне регулярного *я* лирической поэзии, в том числе у Блока. Ср. в частотном словаре Первого тома *я*, занимающее третий «ранг» (1352 употребления), и *мы*, занимающее четырнадцатый «ранг» (269 употреблений): З. Г. Минц, О. А. Шилкина. Частотный словарь «Первого тома» лирики А. Блока. — В кн.: Труды по знаковым системам, вып. V. Тарту, 1974, с. 310.

⁶⁶ Н. Н. Евреинова обращает внимание еще на один источник этой реплики — речь великого князя перед войском: «...во утрии ж день имам вси пити общую чашу смертную поведеную...» (СМП 2, с. 24) — и сравнивает отрывок из НИ («заплакал воевода Боброк, припав ухом к земле», т. 5, с. 323) со словами: «Слышав ж то, князь великий прослезися...» из СМП 3 (с. 61). См.: Н. Н. Евреинова. Цикл стихов А. Блока «На поле Куликовом» и его источники в древнерусской литературе, с. 152—153. Вопреки мнению Н. Н. Евреиновой о «демократическом»

Несмотря на убедительность подобного прочтения 2.III, эта строфа может быть истолкована и как связанная с разговором Пересвета и Осляби в ЗД: «И рече Ослябя брату своему Пересвету: Уже, брате, вижу раны на теле твоём тяжки, пасти *главе твоей на сырую землю, на белую ковылу*, а брату твоему Иакову лежати на траве ковыле, на поле Куликове, на речке Непрядве, за землю русскую и за обиду великаго князя Дмитрия Ивановича» (с. 125). Такое сопоставление обосновывается присутствием в приведенном фрагменте ЗД мотива ковыля (ср.: «И мнет ковыль» (1.20); «Опять с вековою тоскою Пригнулись к земле ковыли», 4.1—2), восходящего в свою очередь к СПИ: «Чему, господине, мое веселие по ковылю развѣя?» (с. 54).⁶⁷ Непосредственно к СПИ нас адресуют стихи: «Светлый стяг над нашими полками Не зыграет больше никогда» (2.7—8; ср.: «падоша стязи Игоревы», СПИ, с. 49), причем слово *полками* в этих стихах выступает как метонимия названия источника — «Слова о полку Игореви».

Приведем еще два аргумента, дающие основание видеть в формуле *мы, сам-друг* намек на Пересвета и Ослябю. Первый довод состоит в том, что в 2.IV содержится анаграмма этих имен:⁶⁸ «Я — не ПЕРВЫЙ воин, не ПОСЛЕДНИЙ, Долго будет родина БОЛЬНА, Помяни ж за раннею обедней Мила друга СВЕТЛАЯ жена» (ср. формы *Ослебя*, *Осляба* в СМП). Во-вторых, тема иночества, которая вводится именами Пересвета и Осляби, вполне согласуется с гоголевской проповедью, цитируемой Блоком в НИ: «Монастырь ваш — Россия! Облеките же себя умственно ризой чернеца и, *всего себя умертвивши* для себя, но не для нее, ступайте подвизаться в ней. Она *зовет* теперь сынов своих еще крепче, нежели когда-либо прежде. Уже *душа в ней болит*, и раздается крик ее *душевной болезни*. Друг мой! или у вас бесчувственное сердце, или вы не знаете, что такое для русского Россия. Вспомните, что когда приходила беда ей, тогда из монастыря выходили монахи и становились в ряды с другими спасать ее. Чернецы Ослябя и Пересвет, с благословенья самого настоятеля, взяли в руки *меч*, противный христиану, и *легли на кровавом поле битвы*...».⁶⁹ Двух последних фраз Гоголя нет в НИ — не потому ли, что имена монахов уже были зашифрованы в стихах? В свете гоголевской проповеди значимыми для интерпретации НПК становятся название статьи Блока о Вл. Соловьеве «Рыцарь-монах», законченной через год после написания цикла, и все стихотворение «Дракон» (а не только строки, взятые эпиграфом к последней части НПК): «*Наследник меченосной раги!* Ты верен знамени креста, Христов огонь в твоём булате <...>

редактировании Блоком текстов СМП, смешение Дмитрия Донского и Дмитрия Волынца в НИ скорее всего обусловлено совпадением их имен. Надо думать, что уже рассматривавшийся мотив тезоименности Дмитрия Донского был освящен для Блока авторитетом одного из его учителей — Жуковского: «И ты, неверных страх, Донской, *С чегой двух соименных*, Летить погибельной грозой На рать иноплеменных» (В. А. Жуковский. Стихотворения, т. 1. Л., 1938, с. 30). Важно отметить, что связь двух Дмитриев с *землей* у Блока актуализует этимологию этого имени, восходящего к имени Деметры (ср. соответствующие ассоциации, окружающие имя Дмитрия Карамазова; см.: М. С. Альтман. Достоевский. По векам имен. Саратов, 1975, с. 115—117). Пользуемся случаем поблагодарить А. Б. Грибанова за это и ряд других соображений.

⁶⁷ О мотиве пригнувшейся травы в НПК и СПИ см.: V. I. Stelleckij. A. A. Blok und das «Lied von der Neerfahrt Igor», S. 573. Здесь же (S. 571) в качестве реминисценции из СПИ опознаны слова: «Остри свой меч» (2.10); ср.: «по-остри сердца своего мужеством» (СПИ, с. 44).

⁶⁸ Обзор работ об анаграммах, в том числе у Блока, см.: M. Meulakh. A propos des Anagrammes. — L'Homme, oct.-déc. 1976, XVI (4), p. 105—115. Здесь же см. материалы, исходя из которых можно предположить сознательное обращение к технике анаграмм в русской поэзии начала XX в.

⁶⁹ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. 8, с. 301—302.

Но перед пастью дракона Ты понял: *крест и меч — одно*.⁷⁰ Эти параллели позволяют привлечь к рассмотрению балладу А. К. Толстого «Ночь перед приступом», в которой, как и у Вл. Соловьева, звучит мотив воин-иноков: «Всю ночь они морозную До утренней поры Рукою держат грозную Кресты иль топоры <...> Молитесь богу, братия! Начнется скоро бой! Я слышу их проклятия, И гиканья, и вой»⁷¹ (ср.: «Доспех тяжел, как перед боем. Теперь твой час настал. — Молись!», 5.15—16).

Зашифрованная тема Пересвета и Осляби получит дополнительное объяснение, если принять во внимание, что их имена — Александр и Андрей. Незадолго до начала работы над НПК (3 мая 1908 г.) произошел разрыв между Александром Блоком и Андреем Белым, и под этим углом зрения мотивы дружбы-вражды, пронизывающие весь цикл, оказываются биографически обусловленными. По-видимому, не случайно то обстоятельство, что в звуковом строе 2. II анаграммировано имя Блока, слитое с именем Белого: «... *белый* камень <...> полками <...> *больше* никогда»; ср.: «... над полем *Куликовым* <...> словно облаком суровым» (5.1—3) и анаграмматические псевдонимы, придуманные Блоком для шуточной программы журнала «Весы»: «А. Б., Ал. Бл., Александр Блок, Клоб, Колб, Оклб, Локб, Лбок...» (т. 7, с. 442). Восторженно принявший НПК Андрей Белый откликнулся на этот цикл неоднократно, в частности в романе «Петербург» (ср. тему городов в НИ): «Желтые полчища азиатов, тронувшись с насиженных мест, обогрят поля европейские океанами крови; будет, будет — Цусима! Будет — новая Калка! Куликово поле, я жду тебя!».⁷² В этот ряд следует поместить стихотворение с показательным заглавием «Современникам», где подчеркнуты соловьевско-блоковский мотив облака, сохраняющий этимологическую фигуру НПК («И словно *облак обволок* Порядок строя мирового»), а также мотив примет и прислушивания к голосам земли: «И я к груди земли *приник* И понял: в гром землетрясений Склоняет исполинский лик Из дней глаголющий нам Гений. <...> И видел там, за гроном биле Восстане Светлого Завета В волне рыданий и молитв, И набегающего Света».⁷³

Приметы Дмитрия Волынца, составившие один из подтекстов стихотворения 2, вырастают и в третью часть цикла. Их функция в НПК остроумно прокомментирована В. Паперным: «Цитация семантически обоснована: через цитаты дается тема предчувствия, предсказания будущего».⁷⁴ Именно к этой теме по преимуществу относятся мотивы птиц в НПК (ср.: «Орлий клекот над татарским станом *Угрожал бедой*», 3.17—18), которые в большинстве своем имеют аналоги в рассказах о приметах древнерусских текстов. Так, только что процитированные строки, а также стихи: «... чертя круги, ночные птицы Реяли вдали» (3.13—14)⁷⁵ — на-

⁷⁰ Вл. Соловьев. Стихотворения и шуточные пьесы, с. 137.

⁷¹ А. К. Толстой. Полн. собр. стихотворений. Л., 1937, с. 217—218.

⁷² Андрей Белый. Петербург, ч. 1. М., 1928, с. 125. Ср.: В. Паперный. К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока..., с. 64, 68.

⁷³ Андрей Белый. Стихотворения и поэмы. М.—Л., 1966, с. 361. Говоря о рефлексах НПК в поэзии 1910-х гг., целесообразно указать на то, что имена Пересвета и Осляби мелькают в стихах Хлебникова, явно подхватывающих блоковскую традицию: «*Диким копыем Востока* Страна Русь сняла цепи татар (ср.: «стрелой татарской древней воли», — Г. Л., И. С.). *Пересвет и Ослябя* — два чернеца, Чьи бороды подобны лесному озеру, Вы, Куликовы поля, полные Синих озер, *между провели*» (В. Хлебников. Собр. произведений, т. 3. Л., 1931, с. 76—77).

⁷⁴ В. Паперный. К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока..., с. 65; ср.: З. Г. Минц. Лирика Александра Блока, вып. 4. 1910-е годы. Тарту, 1975, с. 126—127.

⁷⁵ Ср. у Мандельштама в стихах, посвященных Смутному времени: «*Сырая даль от птичьих стай чернела*» (О. Мандельштам. Стихотворения. Л., 1973, с. 98).

ходят соответствие в СМП 3 («По десной же стране *плъку татарскаго ворони кличуще, и бысть трепет птичей, велик велми*», с. 60) и вместе с тем обнаруживают родство с СПИ и ЗД. *Ночные птицы* — антитеза *тихих зарниц* («А над Русью тихие зарницы Князя стерегли», 3.15—16; ср.: «Широкий и тихий пожар», 4.16). О тишине же ведется речь в НИ: «*Над городами стоит гул, <...> такой гул, какой стоял над татарским станом в ночь перед Куликовской битвой, как говорит сказание. Скрипят бесчисленные телеги за Непрядвой, стоит людской вопль, а на туманной реке тревожно плещутся и кричат гуси и лебеди. Среди десятка миллионов царствуют как будто сон и тишина. <...> Над русским станом полыхала далекая и злобная зарница» (т. 5, с. 323). Если очевидным образом картина современности в НИ сравнивается с ночью перед Куликовской битвой, то неявно она включает в себя мотивы некрасовского стихотворения, проясняющего происхождение *тихих зарниц* в НПК: «*В столицах шум, гремят витии, кипит словесная война, А там, во глубине России — Там вековая тишина*».⁷⁶ Точно так же цитатен *тележный скрип*, упоминаемый в НИ в соседстве с *плещущими лебедями*: «*Крычать тѣлѣгы полунощы, рци, лебеди распущени*» (СПИ, с. 46, ср.: ЗД, с. 123). Еще раз это место СПИ было процитировано Блоком в стихотворении 1910 г.: «*Соколов, лебедей в степь распустила ты — Кинулась из степи черная мгла...*» (т. 3, с. 259). Наконец, в НПК содержится все та же тема лебедей («*За Непрядвой лебеди кричали*» (2.3); «*Слышал я Твой голос сердцем вещим В криках лебедей*» (3.7—8); «*Над вражьем станом, как бывало, И плеск и трубы лебедей*», 5.11—12), скрещивающая в себе одновременно несколько значений. Помимо приведенного выше сравнительного оборота СПИ, она указывает еще на образ *плещущей крылами Девы-Обиды*, на тексты ЗД и СМП, где лебеди сопоставляются с татарскими, а соколы — с русскими воинами, и на свадебный обряд (ср. в ПС: «*В камышах поднимает голову разбуженный лебедь и кричит трубным голосом навстречу восходящему солнцу. <...> Лебедь кричит и бьет крылами. Наполняя воздух страстным звоном голоса, вторит ему Фаина*». За этой ремаркой следует реплика Фаины: «*Приди ко мне! Я устала жить! Освободи меня! Не хочу уснуть! Князь! Друг! Же-**

⁷⁶ Н. А. Некрасов. Полн. собр. соч. и писем, т. 2. М., 1948, с. 40. Если учесть мотивы жертвенной крови и заката в 1.25 («*Закат в крови! Из сердца кровь струится!*»), то блоковская *тишина* может быть соотнесена со сходным мотивом в «Менаде» Вяч. Иванова (последними четырьмя трехстишиями этого стихотворения заканчивается статья Блока «Вопросы, вопросы и вопросы» — прямое продолжение НИ): «*Скорбь нашла и смута на Менаду, Сердце в ней тоской захолоуло <...> С сердцем, бьющимся, как сокол <...> С сердцем, яростным, как солнце Поутру, Поутру, С сердцем, жертвенным, как солнце Ввечеру, Ввечеру <...> У последнего порога, сердце стань <...> Жертва, пей из чаши мирной Тишину, Тишину!» (Вяч. Иванов. Стихотворения и поэмы. Л., 1976, с. 163—164). Сама ассоциация двух враждующих идеологических лагерей с русским и татарским станами, по-видимому, восходит к повести шестидесятника В. А. Слепцова «Трудное время»; ср. диалог героини этого текста Марьи Николаевны Щетининой с другом семьи Рязановым: «Она улыбнулась и начала перелистывать лежавшие на столе „Отечественные записки“».*

— Скажите, пожалуйста, — заговорила она, положив руку на книгу, — что же вы-то здесь видите?

— В этих книжках-то? — спросил Рязанов и, подумав, отвечал: — Вижу я битву на Куликовом поле, слышу стук мечей, конское ржание и стоны умирающих. „Инде татаре теснят россиян, инде россиянин теснит татарина...“, а еще больше того вижу подвигов гражданской глупости, свойственной мирным россиянам.

— А после этого вы сами можете писать?

— А почему ж мне не писать?

— После того, что вы говорите?

— После этого-то и можно; а если бы ничего этого не было, тогда и писать было бы незачем» (В. А. Слепцов. Избр. произведения. Л., 1970, с. 526).

них!», т. 4, с. 149). В своем брачном значении лебеди в НПК и ПС созвучны пушкинским образам (в «Сказке о царе Салтане» и «Полтаве») и врубелевской Царевне-лебеди (эта картина изображает жену художника, ее репродукция висела в шахматовской библиотеке Блока);⁷⁷ ср. стихи из цикла «Распутья», которые, по признанию поэта (т. 1, с. 631), были написаны под впечатлением живописи Врубеля: «И Царевна, гостю рада, Встанет с ложа сна <...> И поднимет щит девица, И опять вдали Всадник встанет <...> Мы опять расплещем крылья, Снова отлетим!» (т. 1, с. 320—321). В этом аспекте весьма вероятно, что слова о «высоких и мятежных днях» (5.10) содержат в подтексте тему врубелевского «Демона», тем более что рядом с ними отыскивается анаграмма имени художника: «Над Вражьим станом, как бывало, И плеск и тРУБы Лебедей» (5.11—12).⁷⁸

4

Несмотря на очевидную многозначность местоимения *Ты*, проходящего через НПК (и все блоковские стихи), все же нельзя не уловить определенной согласованности между его разными значениями, которая была актуальной для поэта уже тогда, когда он записал в дневнике: «Возвращаясь опять к стихотворению Соловьева „Свет из тьмы“ <...>, зададим себе вопрос, кто ЭТА „Ты“ этого и многих подобных стихотворений (они есть у всех поэтов)? Ответим же словами прежде всего Гете, а потом и всей позднейшей гениальной плеяды ему подобных: das ewig Weibliche. <...> Итак, поэтов занимает „Царь-Девица“» (т. 7, с. 52). Говоря о мистической Вечной Женственности, соловьевской Софии,⁷⁹ Блок воспользовался фольклоризированным названием стихотворения Я. П. Полонского. Смешение мистического, религиозного и фольклорного начал нам придется наблюдать и в НПК,⁸⁰ особенно при переходе от третьей к четвертой части (так, в 4.4 *Ты* вынесено в начало стиха и поэтому невозможно определить, какой смысл — сакральный или не сакральный — вложил Блок в данном случае в заглавную букву местоимения, регулярную в стихотворении 3).⁸¹

Неодноплановость блоковского словоупотребления в свое время обсуждалась Ю. Н. Тыняновым на примере глагола *отошла* (умерла или ушла?) в стихотворном предисловии к Р: «Ты отошла, и я в пустыне К песку горячему принял», где *Ты*, так же, как в 4.4, помещено в начало стиха. Значение глагола *отошла*, согласно Ю. Н. Тынянову, «представляет колеблющимся между двумя основными признаками, пока дальнейшая лексика не создает среду, благоприятную для ассоциации

⁷⁷ См. подробнее: В. Альфонсов. Слова и краски. Очерки из истории творческих связей поэтов и художников. М.—Л., 1966, с. 13 и след.

⁷⁸ Именно от этих блоковских стихов (но и от былины) ведут происхождение образы лебедей в «Элегии» Введенского: «Не плещут лебеди крылами || над пиршественными столами || совместно с медными орлами || в рог не трубят победный» (М. Мейлах, А. Александров. Творчество А. Введенского. — В кн.: Материалы XXII научной студенческой конференции. Поэтика. История литературы. Лингвистика. Тарту, 1967, с. 115).

⁷⁹ Идея Софии у Блока подробно разбирается в: M. A. Lathouwers. Kosmos en Sofia. Alexander Blok: Zijn wereldbeschouwing en het Russisch Denken. Groningen, 1962.

⁸⁰ Еще один аспект блоковского *Ты* освещен Ю. Н. Тыняновым: «Не случайно стихи Блока полны обращений — „ты“, от которых тянутся прямые нити к читателю и слушателю, — прием, канонический для романа» (Ю. Н. Тынянов. Поэтика. История литературы. Кино. М., 1977, с. 122).

⁸¹ Ср.: Е. Богданов. На поле Куликовом, с. 421.

с церковнославянской лексикой <...> Нечего и говорить, что колеблющийся признак остается и после того, как определенлся здесь основной». ⁸² Эта «дальнейшая лексика» представляет собой прямые цитаты из литургических текстов и Писания; таковы гимнический оборот: «Не может вымолвить язык» — и ориентированные на Евангелие строки: «Сын Человеческий не знает, Где приклонить ему главу» (т. 3, с. 246). В этом окружении несколько неожиданно раскрывается новый подтекст сочетания *склонившись головою* из второго отрывка НПК, которое делается созвучным сакральной формуле «приклони ухо твое», бытующей в разных церковных песнопениях. Особенно знаменательно, что эта формула включалась в службу 8 сентября — в день рождества Богородицы (дата Куликовской битвы). ⁸³

Для дальнейшего изложения важно, что в русской традиции с Богородицей отождествлялась св. София: посвященный ей церковный праздник приходился на день рождения Богородицы, а позднее — на 15 августа (успение Богородицы). ⁸⁴ Именно 15 августа полки Дмитрия Донского, выступившие против Мамаю, встретились в Коломне (ср. видение Богородицы в Успенском соборе перед сражением в стихе о Дмитровской субботе). ⁸⁵ Блок мог знать статью А. И. Никольского о Софии Премудрости Божией как воплощении божественного логоса (ср. магистральную в НПК тему предчувствия будущего) и соответствующие древнерусские тексты, опубликованные этим автором. Не исключено, что метафора «*Одеяние света <...> будущего света покоя*» ⁸⁶ содержащаяся в изданном А. И. Никольским извлечении из рукописного сборника Чудова монастыря (XV в.), была положена Блоком в основу строки 3.23: «Ты сошла в одежде, свет струящей» (ср. также отрицание

⁸² Ю. Н. Тынянов. Проблема стихотворного языка. Л., 1924, с. 93.

⁸³ В связи с мотивом склоненной к земле головы в 2.9 и темой богородичного чуда в следующей части НПК ср. параллелизм зачинов в стихотворениях 2 и 3: «Мы, сам-друг, над стенью в полночь стали» (2.1) — «В ночь, когда Мамай залег с ордою Стени и мосты» (3.1—2). Крайне любопытно, что в статье «Поэзия заговоров и заклинаний» Блок пишет: «... человек — сам-друг с природой» (т. 5, с. 59). Соблазнительно предположить, что в стихотворении 2 скрыто присутствует «Богородица мать сыра земля» Достоевского (ср. выше о Дмитрии Карамазове). Если это так, то строка 1.26: «Плачь, сердце, плачь...» — должна быть воспринята, в частности, как отголосок рассказа Хромоножки: «... а как напоишь слезами своими под собой землю на пол-аршина в глубину, то тотчас же о всем и возрадуешься» (Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 10. Л., 1974, с. 116). Эта параллель будет выглядеть более аргументированной в свете статьи «Безвременье»: «Смерчи обходят стороной равнину, на которой мы слушаем Тишину. Приложим ухо к земле родной и близкой: бьется ли еще сердце матери?» (т. 5, с. 82). В близком соседстве с этим — реминисценция темы Достоевского: «А что, если вся тишина земная и российская <...> соткана из паутины? Если жирная паучица тклет и тклет паутину нашего счастья...» (там же). Вся предположенная здесь гипотеза поддерживается стихами 1.21—22: «И нет конца! Мелькают версты, кручи... Останови!». Последнее слово адресует нас уже не к Гоголю (см. выше), а к той интерпретации финала «Мертвых душ», которая была дана прокурором в «Братьях Карамазовых»: «Вспомните, что вы защитники правды нашей, защитники священной нашей России, ее основ, ее семьи, ее всего святого! <...> роковая тройка наша несется стремглав и, может, к погибели. И давно уже в целой России простирают руки и зывают остановить бешеную, беспардонную скачку» (Ф. М. Достоевский. Полн. собр. соч. в 30-ти т., т. 15, с. 150).

⁸⁴ А. И. Никольский. София Премудрость Божия. (Новгородская редакция иконы и служба Св. Софии) — Вестник археологии и истории, 1906, вып. 17, с. 102.

⁸⁵ Н. Н. Еврейнкова отметила, что этот духовный стих разбирался в лекциях И. А. Шляпкина — университетского учителя Блока (Н. Н. Еврейнкова. Цикл стихов Блока «На поле Куликовом» и его источники в древнерусской литературе, с. 163). Ср. упоминания Новгородской Софии в Повести об Александре Невском и Киевской Софии — в СПИ.

⁸⁶ А. И. Никольский. София Премудрость Божия, с. 79.

покою в 1.27, которое предшествует умиротворяющему герою чуду). В Службе св. Софии С. И. Шаховского, также опубликованной А. И. Никольским, Божественная Мудрость величается «дивным чудом»⁸⁷ (ср.: «Явись, мое *дивное диво!*», 4.25) и соплагается с целебными дья верующих в нее зорями (ср.: «тихие *зарницы* Князя *стерегли*, 3.15—16) и с просветленными сердцами (ср.: «Вздымаются *светлые мысли* В *растерзанном сердце* моем», 4.21—22; «Быть *светлым* меня *научи*», 4.26): «... *просвети сердца* верующих в *тя чудесными зарями*, и *душевные* наши и *телесные болезни исцели*».⁸⁸ Остается сказать, что св. София, как и Богородица, — это защитница отечества от внешней и внутренней опасности: «... о *миосердая Владычице*, *спаси рабы* своя <...> от *нахождения иноплеменных* и *междоусобных брани*...».⁸⁹

Охранительная функция Богоматери, как известно, отражается во всех богородичных службах,⁹⁰ но в наибольшей степени — в празднике Покрова, о котором, кстати, говорится в «Ночи перед приступом» А. К. Толстого. В то же время в фольклоре Покров наделян брачным смыслом, рассмотренным Блоком в статье «Поэзия заговоров и заклинаний» (т. 5, с. 56). В богородичной теме НПК эти две линии переплетаются между собой. Так, рифма *мосты* — *Ты* в 3.1 связана и со свадебной символикой, и с литургическим наименованием Богородицы «мостом»: «Радуйся, *мосте*, переводяй *суших* от *земли* на *небо*»⁹² (ср.: «И с *туманом* <...> Прямо на *меня Ты* сошла», 3.21—23). Река-невеста имеет не одно лишь фольклорное происхождение, так как в концовках первого кондака и каждого икоса акафиста Богородице повторяется восклицание: «Радуйся, *невеста невестная*»⁹³ — а кроме того, там же присутствует стих: «Радуйся *яко многотекущую* источаеши *реку*»⁹⁴ (откуда, может быть, — «Серебром *волны* блеснула *другу*», 3.25).⁹⁵ Характерно, что большая часть богородичных мотивов НПК перешла в тексте кантаты на ту же тему в арию Невесты: «Выхожу — и стою *на мосту* <...> И *смотрю* <...> Как из той из *туманной дали* Чередой *потянулись*, как *встарь*, *Гуси, лебеди*, да *журавли* <...> Ах, когда *на призывы мои* Он *вернется* из *дальней дали?*» (т. 3, с. 374).

⁸⁷ Там же, с. 81.

⁸⁸ Там же, с. 82.

⁸⁹ Там же, с. 88.

⁹⁰ Ф. Г. Спасский. Русское литургическое творчество (по современным Мняням). Париж, 1951, с. 50—51.

⁹¹ Богородичные службы, разумеется, были известны Блоку из повседневной практики. Ср. у Пастернака: «В отличие от классиков, которым был важен смысл гимнов и молитв, от Пушкина, в „Отцах пустынных“ пересказавшего Ефрема Сирина, и от Алексея Толстого, перекладывавшего погребальные самогласны Дамаскина стихами, Блоку <...> куски церковных распевов и чтений дороги в их буквальности, как отрывки живого быта...» (Б. Пастернак. Люди и положения. — Новый мир, 1967, № 1, с. 229).

⁹² С. Псарев. Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии на славянском и русском языках. — Христианское чтение, 1909, № 11, с. 1489.

⁹³ Там же, с. 1483.

⁹⁴ С. Псарев. Акафист Пресвятой Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии на славянском и русском языках. — Христианское чтение, 1909, № 12, с. 1610.

⁹⁵ Строки 3.27—28: «Освежила пыльную кольчугу На моем плече», которые Н. Н. Евреинова возводит к плачу Ярославны (Н. Н. Евреинова. Цикл стихов Блока «На поле Куликовом» и его источники в древнерусской литературе, с. 164), столь же правомерно поставить в зависимость от средневековой легенды о Богородице, утирающей пот жонглеру. Ср. использование слова *волна* в стихотворении, которое в первой публикации называлось «Дева-Обида»: «Вот она — в налетевшей волне Распылалась последнею мутью, В камышах пробежала на дне...» (т. 1, с. 251). После снятия заголовка исчезла и определенность местоимения *она*, которое стало криптонимическим и близким по своей функции к *Ты* в НПК.

Концовка стихотворения 2 вводит в НПК тему причитания воеводских жен из ЗД и, по-видимому, тему плача Ярославны («Помяни ж за раннюю обедней», 2.15 — «Ярославна рано плачеть», СПИ, с. 54). Эта концовка сразу и отделяет вторую часть от третьей в силу противопоставления жены невесте-Богородице (ср.: *княжна, фата*), и спаивает слагаемые НПК в единое целое (ср.: *светлая жена и в одежде, свет струящей*). Поэтому Ты ассоциируется, помимо прочего, с Русью-женой вступительного раздела НПК, хотя и не совпадает с ней полностью. С этой точки зрения позднее утверждение Блока, что вся его лирика — «о России», не противоречит признанию, сделанному им в беседе с Н. Павлович: «Они (Незнакомка и Прекрасная Дама, — Г. Л., И. С.) противоположны <...> А Россия — это особая статья»⁹⁶ (последняя фраза цитирует Тютчева: «У ней особенная статья»)⁹⁷ Разные ипостаси женского образа России были обобщены Блоком в НИ: «...можно любить мать, сестру и жену в едином лице родины — России» (т. 5, с. 321). С Россией, стало быть, отождествима и причитающая мать в стихах 3.11—12⁹⁸ («И вдали, вдали о стремя билась, Голосила мать»; ср.: «Ты кличешь меня издали», 4.4),⁹⁹ которая, с другой стороны, вовсе не случайно появляется именно в отрывке, живописующем чудо Божьей Матери.¹⁰⁰

Предельный случай разноречивости Ты — строка: «Явись, мое дивное диво!» (4.25), в которой рассмотренная выше литургическая реминисценция вступает во взаимодействие с былинной («диво дивное, чудо чудное»)¹⁰¹ Весьма правдоподобно, что к тому же это обращение опирается на вступление к «Слову о погибели Русской земли» (вспомним, что оттуда тянется тема болезней родины): «О свѣтло свѣтлая и украсно украшена земля Руськая! и многими красотами удивлена еси: озеры многими удивлена еси <...> польми дивными...»¹⁰² Быть может, Блок строил этимологическую фигуру *дивное диво*¹⁰³ по образцу этимологических фигур первого предложения этого памятника, взяв в качестве материала для нее корневую морфему глагола *удивлена* и прилагательного *дивными* из следующих предложений. Наконец, композиционная соотносимость стихов: «Явись, мое дивное диво!» и «Ты кличешь меня издали...» (первый стих последней и последний стих первой строф четвертого стихотворения) — наводит на мысль об их зависимости от СПИ: «Дивъ, кличеть врѣху древа» (с. 46). Блоковская концепция символического возвращения, единства разновременных и внешне не сопоставимых явлений спо-

⁹⁶ Н. А. Павлович. Воспоминания об Александре Блоке, с. 485.

⁹⁷ Ф. И. Тютчев. Лирика, т. 1. М., 1965, с. 210.

⁹⁸ О реминисценции из «Тараса Бульбы» и одновременно из СПИ в этих стихах см.: V. I. Stelleckij. A. A. Blok und das «Lied von der Heerfahrt Igers»; ср.: З. Г. Минц. Блок и Гоголь, с. 154.

⁹⁹ В теме жены—невесты—Богородицы в НПК ошутима биографическая подоплека, которая будет очевидной, если напомнить о дневниковой пародии Блока на пушкинского «Рыцаря бедного» («Л. Д. М. — своею кровью — Начертал он на щите», т. 7, с. 64) и сличить с этим отрицающие пародийное переосмысление Пушкина строки 3.31—32 в НПК: «Был в щите Твой лик нерукотворный Светел навсегда». Для этой пушкинской традиции у Блока важна посредствующая роль «Идиота». Ср. отмечавшуюся исследователями связь темы князя у Блока со свадебным князем в «Бесах» и — соответственно — с князем Мышкиным.

¹⁰⁰ Ср. у Ахматовой: «Магдалина билась и рыдала <...> А туда, где молча мать стояла, Так никто взглянуть и не посмел» (А. Ахматова. Стихотворения и поэмы. Л., 1976, с. 193).

¹⁰¹ Подробнее об этой былинной формуле см.: С. Ю. Неклюдов. Чудо в былинне. — В кн.: Труды по знаковым системам, вып. IV. Тарту, 1969.

¹⁰² Слово о погибели Руськой земли..., с. 18.

¹⁰³ Ср. еще одну этимологическую фигуру НПК: *облаком заволокла*. Об этом приеме в поэзии Блока см.: О. Г. Ревзина. «Грамматические ошибки» Блока. — Сборник статей по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1973, с. 161—162.

собна объяснить эту крайне странную на первый взгляд сопричастность Богородицы и оцененного в СПИ отрицательно языческого существа.¹⁰⁴ Стоит добавить, что Блок, учившийся у А. И. Соболевского, вероятно, был осведомлен о связи слова *Див* с первичным индоевропейским названием бога и, кроме того, принимал во внимание текст ЗД, где «Див кличет в русской земле под саблями татарскими» (с. 126).

Именно превращение исторического времени в циклическое, то есть в ритуальное, время предопределило интерес Блока к суточному и годовому церковному кругу, к свадебному обряду и другим основанным на воспроизведении начальных состояний явлениям культуры. Конспектируя выступление Ф. Ф. Зелинского, Блок записывает в дневнике: «Стихи — это молитвы» (т. 7, с. 22). Блоковский цикл не только впитал в себя литургические цитаты, но и непосредственно воспроизводит ситуацию молитвы, обрываясь побудительным *молись*. За этой ситуацией проступают молитва воинов *перед* Куликовской битвой, изображенная в СМП, и поездка Игоря к Богородице Пирогощей *после* бегства из плена (ср.: «Аминь» в концовке СПИ). Противопоставленность «до» и «после», первого и последнего становится несущественной в подытоживающем развертывании цикла слове, подобно тому как она была несущественной для вводной строфы, причем подчеркивающая эту мысль строка: «Я — не первый воин, не последний» (2.13) строится Блоком по аналогии с содержащим то же двойное отрицание стихом 2.2: «Не вернуться, не взглянуть назад», и тем самым снимает контраст между двумя первостепенными для НПК темами прямого пути и круга. Интересно, что в самой организации текста НПК можно наблюдать ритуальную сакрализацию центра: третье — «богородичное» — стихотворение расположено точно посередине цикла (ему предшествуют 11 строф и столько же следуют за ним). Этому не противоречит сакральное *молись* последнего стиха, предполагающее начало нового тура исторических действий, аналогичных описанным, и поэтому попадающее как бы в центр некоторой временной последовательности.

Блоковский цикл упорядочивается таким способом, что каждое стихотворение (за исключением отчасти первого) повторяет движение от тьмы и ночи к свету и дню (ср. цитировавшийся выше разбор Блоком стихотворения Вл. Соловьева «Свет из тьмы»). Во второй части *полночь* в 2.1 противостоит *ранней обедне* и *светлой жене* в 2.15—16 (при том, что о развещающемся *светлом стяге* (2.7) говорится как о чем-то относящемся к области невозможного). Третий раздел открывается словами *в ночь*; далее появляются: *темное поле* (3.3),¹⁰⁵ *ночные поля* (3.6), *с полуночи* (3.9), *ночные птицы* (3.13), *туман* (3.19, 21), и только после стиха 3.23 начинают накапливаться образы, означающие «светлое», «дневное»: *одежда, струющая свет* (3.23), *блеск волны* (3.25). *Наутро* финального четверостишия контрастирует с обстоятельством времени

¹⁰⁴ Ср. суждения П. Флоренского о пародийности блоковского творчества по отношению к культуре: П. Флоренский. О Блоке. — Путь, 1931, февраль, № 26, с. 86—109. Ср. также: К. Чуковский. Книга об Александре Блоке, с. 18—19. Интересное сдвоение богородичного мотива с цитатой из СПИ находим в «Страстном пятке» Кузмина: «Плачет Дева, Распента зря... *Кровава заря*» (М. Кузмин. Эхо. Стихи. Пб., 1924, с. 30). В «Успении» — другом богородичном стихотворении этого сборника (подчеркнем блоковское название) — рифма *смутен он — сон*. Вызывает в памяти словосочетание СПИ «смутень сонъ» (с. 50), тогда как строки: «Ты и Дева и Мать святая, Ты и родина в пору гроз» (М. Кузмин. Эхо, с. 27—29) явно ориентированы на НПК.

¹⁰⁵ Это обычное место действия символистской поэзии; ср. у А. Добролюбова: «Я ль в поле темном? я ль в поле темно?..» (А. Добролюбов. Собр. стихов. М., 1900, с. 19).

строфы 3.I, с которым связывается *черная туча орды* (3.29—30). Последний отрезок этого стихотворения: «Светел навсегда» (3.32). Сходно распределяются свет и мгла в стихотворении 4: *туманная река* (4.3)—*ущербная луна* (4.8, 10)—*тихий пожар* (4.16), приуроченный к ночному времени (ср. рядом: «вольные тучи Во мглистой ночной вышине», 4.19—20) — *светлые мысли* (4.21, 23). Возникающий в 4.24 оксюморон *темный огонь*¹⁰⁶ сменяется затем вновь темой света: «Быть светлым меня научи» (4.26). Заключительный фрагмент цикла содержит мотив мглы и облака в строфах 5.I и 5.II, который отрицается стихами 5.9—10: «Но узнаю тебя, начало Высоких и мятежных дней!». Что касается вводного стихотворения, то в нем полярные свет и мгла предстают нерасчлененными в соответствии с таким же смешением русского и татарского начал; ср. особенно стихи: «В степном дыму блеснет святое знамя И ханской сабли сталь» (1.15—16), явственно ориентированные на кочующее по разным редакциям СМП описание русского войска: «Княз же великий поим брата своего <...> выхаша на место высоко и видев образ Спасов воображен во христьянских знаменних, аки некия светилницы солнечныя, луча испущающе и всюде светящися, озаряюще все христолоубивое воинство <...> доспехи ж русския, аки вода сильная во вся ветры колебашесь¹⁰⁷ и шеломы на главах их, аки утренняя заря во время солнца ведренаго светящися» (СМП 2, с. 23).

Практически для всех элементов, составивших только что разобранный череду образов, нетрудно отыскать аналогии в древнерусской книжности или в литургическом творчестве, хотя универсальная распространенность оппозиции свет—тьма не позволяет с уверенностью установить конкретные источники части мотивов из этого ряда. Однако генезис строфы 5.II кажется достаточно определенным. О мгле здесь говорится, как о солнце: «Взошла и расточилась мгла», — и, следовательно, перед нами намек на картину солнечного затмения («Тогда Игорь възрѣ на свѣтлое солнце и видѣ отъ него тьмою вся своя воя прикрыты», СПИ, с. 44), причем второй глагол строки (*расточилась*) перенят Блоком из церковного обихода (ср. хотя бы Псалом 67,2: «Да воскреснет Бог, и *расточатся* врази Его...»). Стихи 5.1, 3, в которых проводится мотив облака над Куликовым полем, создавались, конечно же, с оглядкой на знамения описанные в СМП, и, возможно, на иконографию св. Софии. Круглое темное облако, согласно изложению А. И. Никольского, было изображено на новгородской иконе св. Софии.¹⁰⁸ Облако же фигурирует в видении, бывшем Фоме Хабычеву (СМП 2, с. 26), и в чуде, случившемся в полку князя Владимира Андреевича: «..над вами небо отверсто, из него ж изыде багряна заря и над вами ниско дрѣжашесь. Тои ж *облак* исполнен рук человеческих кояждо рука держаше венцы, ова потыри, ова проповеди пророческия...» (СМП 2, с. 30).¹⁰⁹ На сопричастность этим яв-

¹⁰⁶ Ср. в службе св. Софии С. И. Шаховского: «Мысленный виноград храм Софии Премудрости Божия <...> от него же изыде *огнь* божественный, *пожмгая* наша *душетленныя страсти*...» (А. И. Никольский. София Премудрость Божия, с. 90).

¹⁰⁷ Отсюда отблеск волны «на стальном мече» в 3.25—26.

¹⁰⁸ А. И. Никольский. София Премудрость Божия, с. 69—70.

¹⁰⁹ Ср. этот же сюжет в миниатюре из лицевого списка СМП: С. К. Шамбинаго. Сказание о Мамаевом побоище (ОЛДП, т. СХХV). СПб., 1907, табл. LIII. Несколько загадочные строки: «С полубочи *тучей возносилась* Княжеская рать» (3.9—10), которые были выше соотнесены с темой переправы через Дон, могут быть рассмотрены и в контексте знамений, коль скоро в этих стихах рать Дмитрия Донского как бы приравнивается к небесному воинству (ср. особенно Летописную повесть, подробно пересказанную С. К. Шамбинаго, — в ней полк святых, ангелы, св. Георгий вместе с Борисом и Глебом поражают татар).

ниям Богородицы указывает предваряющая их молитва Дмитрия Донского перед чудотворной иконой Владимирской Божьей Матери (ср. *лик нерукотворный*) и финальный апофеоз: «Храбрыя ж <...> со всех сторон грядуще, аки соколи слетаются под трубный глас весели, ликующе, ови богородичныя стихи поюще» (СМП 2, с. 34; ср. цитирование Акафиста Богородице в блоковском цикле). Однако образ Богородицы, нисходящей на ночное поле, отсутствует в редакциях СМП; он имеется только в духовном стихе о Дмитровской субботе: «...а видит он чисто поле Куликово. Изустаню поле мертвыми телами <...> По тому ль полю Куликову Ходит сама Мать Пресвятая Богородица <...> Со светлыми со свещами». ¹¹⁰ Видение Дмитрия Донского совершается во время *обедни*, на которой он присутствует вместе с «благочерною» Евдокией, и осмысливается им как знак приближения смертного часа, с чем надлежит поставить в связь стихи 2.15—16: «Помяни ж за раннею обедней Мила друга, светлая жена!».

5

Мотив рыщущего на белом коне всадника (4.IV—V) антитетичен мотиву степных кобылиц, прозвучавшему в начальном стихотворении цикла и подхваченному в четвертом разделе: «Умчались, пропали без вести Степных кобылиц табуны» (4. 5—6). Эту антитезу естественно понимать в плане противопоставления Руси и Орды. *Белый конь* сопричастен св. Георгию (ср. участие св. Георгия в битве в летописной повести). В народной традиции Егорию Храброму (сыну Премудрой Софии!) сопричастны и рыщущие («рыскущие») волки, ¹¹¹ причем в легенде о Егории и татарах герой напускает волков на Брагим-хана. ¹¹² С другой стороны, в «Слове о житии и о преставлении Великого князя Дмитрия Ивановича» читаем: «...а нечестивый Мамай без вести погыбе <...> и бысть тишина в Русьской земле...» ¹¹³ (кроме *без вести* в 4.5 ср.: «Я вижу над Русью далече Широкий и тихий пожар», 4.15—16). Тишина над Русью с этой точки зрения должна быть осмыслена уже не в соотношении с приметамы Дмитрия Волынца, но как тишина после боя, и тогда совершенный вид глагола *умчались* должен означать, что час нового сражения еще не настал. Выше говорилось о временной двойственности стихотворения 4, герой которого и прислушивается к звукам ведущейся где-то рядом битвы, и отделен от нее исторической дистанцией. В ПС аналогичный принцип временной организации был положен в основу монолога Германа: «А свежее войско весь день должно было сидеть в засаде, только смотреть, и плакать, и рваться в битву... И воевода повторял, остерегая: рано еще, не настал наш час. — Господи! Я знаю, как всякий воин в той засадной рати, как просит сердце работы, и как рано еще, рано!.. Но вот оно утро! Опять — торжественная музыка солнца, как военные трубы, как далекая битва... а я — здесь, как воин в засаде, не смею биться, не знаю, что делать, не должен, не настал мой час!» (т. 4, с. 149; ср.: «Не знаю, что делать с собою», 4.11). В четвертой части НПК, таким образом, нарочито не различаются русский воин в засаде ¹¹⁴ и поэт, подоб-

¹¹⁰ П. Бессонов. Калекы переходные, с. 674.

¹¹¹ П. Бессонов. Калекы переходные, вып. 2. М., 1861, с. 440—456.

¹¹² О. Миллер. Хрестоматия к Опыт исторического обозрения русской словесности, ч. 1. СПб., 1862, с. 197—198.

¹¹³ Там же, с. 182.

¹¹⁴ Именно как рассказ о ратнике засадного полка истолкована эта часть цикла в: В. Н. Альфонсов. Тема России в лирике А. А. Блока в 1905—1916 гг., с. 16—18.

ный воину. Стихотворение же 5 в явной форме переводит действие в современность и делает бой метафорическим, родственным тому бою, о котором писали А. К. Толстой и Вл. Соловьев.

С двойственностью героя, воина и поэта, вполне согласуется использование Блоком слова *волк*. Объединяя всадника на белом коне со св. Георгием (в фольклорной интерпретации), оно наряду с этим включает стихотворение 4 в контекст СПИ, где с волком сравниваются как воины и князья, так и Боян. С зачином СПИ, посвященным Бояну, перекликаются далее строки 4.12, 21: «Куда мне лететь за тобой!» и «Вздыхаются светлые мысли»; ср.: «растѣкашется мыслию по древу, сърымь вълкомъ по земли, шизымъ орломъ подъ облакы» (СПИ, с. 43); «скача, славию, по мыслену древу, летая умомъ подъ облакы» (там же, с. 44). Зависимость предпоследнего раздела цикла от СПИ усиливается благодаря использованию Блоком слов *рокогы*¹¹⁵ и *рыцу* (то и другое отсылают все к той же вводной характеристике Бояна; ср.: «рища въ тропу Трояню чресь поля на горы» (там же, с. 44) — «Я рыцу <...> Встречаются вольные тучи Во мглистой ночной вышине» (4.18—20)).¹¹⁶ Наконец, фраза: «Развязаны дикие страсти» (4.7), по-видимому, в свернутой форме реализует главную тему СПИ — тему внутренней усобицы,¹¹⁷ причем идея разъединения подчеркивается у Блока консонансом *вести—страсти* (ср. тавтологическую рифму *мысли—мысли* в строфе 4.VI, расположенной симметрично по отношению к 4.II). Кроме Бояна, к волку в СПИ приравняются (в лагере русских) воины Всеволода в поле (то есть за границей своей земли), Всеслав, меняющий один кня-

¹¹⁵ В поэзии XIX в. *роког* и *рокогать* — слова-цитаты из СПИ: А. П. Евгеньева. Несколько замечаний к истории и употреблению в русском литературном языке слов «рокогать» и «трепетать». — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, с. 26—31. Примечательно, что в балладе А. К. Толстого «Порой веселой мая...» есть и *роког* и *сам-друг*.

¹¹⁶ Но подтекст стихов 4.19—20 вмещает в себя и гоголевский образ мстителя из «Страшной мести»: В. Паперный. К вопросу о поэтическом механизме исторического мышления Блока... с. 64. Кроме того, эти стихи (как, возможно, и некоторые другие из предпоследнего раздела НПК) представляют собой отклик на «Кубок метелей» А. Белого (напомним, что в письме к А. Белому от 21 апреля 1908 г. (т. 8, с. 238) Блок резко критиковал «Четвертую симфонию», что послужило поводом к разрыву отношений между поэтами). Ср. проходящий через всю «Четвертую симфонию» образ вздымающегося над городом и миром всадника: «Над крышей вздыбился воздушный конь. Пролетая в небо, развеял хвост и ржал кому-то, качая гривой. На нем сидел метельный всадник, — белый-белый и страшный. На минуту блеснуло его копые...» (Андрей Белый. Кубок метелей. Четвертая симфония. Изд-во «Скорпион», М., 1908, с. 18); «Ты лети, белый конь, как из снега сотканный! проголоси, всадник, гибким хлыстом по конской спине! Храбрый, храбрый, взрезай пространство, уносясь на бой!» (там же, с. 85; ср.: белый конь «Егория Храброго»). В этом же сочинении А. Белого находим мотивы богородичных песнопений (там же, с. 11, 43), метафорического боя (с. 17), кровавого заката (с. 93), явления Богородицы (с. 126), плещущих лебедей, о которых упоминается неоднократно (см., например, с. 136). Заманчиво думать, что в строке: «Развязаны дикие страсти» (4.7) иронически переосмыслится название третьей части «Кубка метелей» — «Волнения страсти». Еще одно текстуальное совпадение между прозой А. Белого и стихами Блока — это параллелизм словосочетаний «облок дней» в «Кубке метелей» (с. 158) и «день заволокла» в НПК (5.4). Крайне любопытно, что в «Четвертой симфонии» присутствует чудесное облако, из которого тянутся руки: «В открытых дверях храма с синего, с синего простора на паперть низринулся ясный облак. Нежно кропил он прохладой снега и алмазным цветом пляшущих сестер. Хрупкими, хладными снегами, будто мягкими бархатами, устлали паперть его белые, как цветы, опадающие руки» (с. 197).

¹¹⁷ О цитировании в 4.28 воплощающего точку зрения автора СПИ оборота: «Что ми шумить, что ми звенить» — см. выше. Ср. также стихи 3.7—8: «Слышал я Твой голос сердцем вещим В криках лебедей»; в СПИ мотивы вещей перстов и лебедей отнесены к Бояну. Как видно, тема поэта начинает исподволь формироваться уже в середине блоковского цикла.

жеский престол на другой, сам Игорь в момент бегства из плена, когда он находится меж двух станов. Подобное же промежуточное положение занимает «объятый тоскою могучей» (4.17) герой четвертой части блоковского цикла.¹¹⁸

Четвертый раздел, более остальных насыщенный цитатами из СПИ, из самого архаичного книжного пласта цикла, в то же время прокладывает путь от истории к эпохе Блока: чем ближе к настоящему, тем дальше в прошлое. Именно эта установка определила культурную функцию цикла «На поле Куликовом», ставшего одним из посредствующих звеньев между древнерусской традицией и поэзией XX в.

¹¹⁸ Гиперболы строфы 4.V (*могучая тоска*; герой, окруженный тучами) несут в себе мотивы богатыря — постоянного участника метафорического боя у А. К. Толстого, в стихах которого (баллада «Илья Муромец») обнаруживаем и одинокого всадника, отторгнутого от дружины (ср. также стихотворение «Двух станов не боец, но только гость случайный...», ср. выше о «двух станах» в НИ). Возможность биографической трактовки стихотворения 4 дает статья Блока о Ибсене: «По положению — он писатель, прославившийся, следовательно равно одинокий среди друзей и врагов. Да, это „жених, идущий навстречу невесте“ <...> носитель „королевской мысли“ о народе...» (т. 5, с. 311).

Я. С. ЛУРЬЕ

Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV—XVI вв.

В исследованиях по истории летописания довольно четко намечаются два типа работ.

В работах одного типа предметом исследования служит какая-либо летопись в целом или группа летописей, связанных единством происхождения; устанавливается история текста этой летописи, ее место в общей системе летописания. Соединенные вместе, исследования такого рода позволяют нарисовать общую схему истории летописания определенного княжества или эпохи, а в конечной перспективе — общую схему истории летописания.

В других работах исследователя занимает освещение в летописании конкретной исторической темы, определенная повесть, переходящая из одной летописи в другую. Конечная цель исследования может быть при этом различной: использование разбираемого летописного рассказа как исторического источника, литературоведческое его исследование, уточнение истории данного летописного свода или нескольких сводов.

Оба пути в принципе не противостоят друг другу; напротив, при правильном применении они должны друг друга дополнять. Текстолог, исследующий обширный летописный свод, поневоле уделяет отдельным рассказам меньше внимания, чем исследователь, специально их рассматривающий; он может упустить важные моменты их содержания и последующей судьбы. Для исследования истории летописания «микротекстологические» исследования отдельных рассказов представляются поэтому необходимыми, при условии, однако, строгого соблюдения принципа комплексности — учета основных соотношений между сводами, содержащими данный рассказ. Схему, возникающую при исследовании истории данного конкретного рассказа, автор все время должен «налагать» на общую схему истории летописания. Соответствие между обеими схемами подтверждает верность исследовательского пути; несоответствие же требует перепроверки частной, а иногда и общей схемы. При соблюдении этого условия исследование отдельных рассказов оказывается полезным не только для использования исследуемого рассказа как исторического источника, но и для постановки более широких вопросов истории летописания.

* * *

Предметом настоящего исследования является летописный рассказ или повесть о битве, происшедшей в 1216 г. на реке Липице между новгородцами, предводительствуемыми Мстиславом Удалым, и ростовцами во

главе с Константином Всеволодовичем, с одной стороны, и владимиросуздальской ратью, возглавляемой Юрием и Ярославом Всеволодовичами, — с другой. Битва была выиграна новгородцами, и летописание Владимиро-Суздальской земли XIII—XIV вв., отразившееся в Лаврентьевской и сходной с нею Троицкой летописях, уделило ей мало внимания. В известии, помещенном под 6725 г. (1217 г.) (в Троицкой — под 6726 г.), здесь совсем не упоминается роль новгородцев в столкновении, не упоминается и Липица, а повествуется только о том, как «диавол воздвиге некоторую рать злу межю князи, сыны Всеволожими, Констянтином и Юрьем и Ярославом, и бишася у Юрьева, и одоле Констянтин», вследствие чего «седе Констянтин в Володимери на столе, а Юрьи в Суздале». То же известие читается во Владимирском летописце, основанном на Троицкой.¹

Подробный рассказ о битве на Липице впервые появляется в Новгородской 1 летописи и содержится как в старшем ее изводе, представленном древнейшим летописным Синодальным списком XIII—XIV вв. (известие 6724 г. в части, написанной рукой XIII в.), так и в младшем изводе.² Рассказ о ней помещен под 6724 (1216) г., но еще перед этим рассказом, под 6723 (1215) г., повествуется о том, как правивший в Новгороде князь Ярослав Всеволодович (сын владимирского князя Всеволода Большое Гнездо) нарушил новгородские вольности, захватив и сослав в Тверь двух новгородских бояр. Затем он удалился в Торжок (Новый Торг), находившийся на границе Суздальской земли, и начал осаду Новгорода; в Новгороде наступил страшный голод, выразительно описанный в летописи. Послов, которых присылали ему из Новгорода, Ярослав захватывал, а на обращения новгородцев не отвечал. Тогда, «учюв... зло то», приехал в Новгород из Смоленской земли князь Мстислав Мстиславич (Удалой), тесть Ярослава, правивший до 1215 г. в Новгороде, и дал вместе с новгородцами клятву: «... поищем муж своих, вашей братьи, и волости своеи, да не будеть Новый тьрг Новгородом, ни Новгород Тьржьком, нъ кгде святая София, ту Новгород».

Далее следует повесть 6724 г.; ввиду ее важности для дальнейшего изложения приведем основные эпизоды повести, условно обозначив их цифрами.

1. От слов «Месяця марта в 1 день... поиде князь Мьстислав на зять свои Ярослава с новгородци...» до «... и приде Володимер Рюриковиць с смольняны» (Н1, 55, 254—255).

Бегство к Ярославу новгородцев, нарушивших клятву 1215 г., поход новгородцев через озеро Селигер (Серегер); захват младшим братом Ярослава Святославом города Ржевки в Смоленской земле; захват Мстиславом и его братом Владимиром Псковским суздальского города Зубцова; приход из Смоленска племянника Мстислава Владимира Рюриковича.

2. От слов «Идоша по Волзе, воююще...» до «... от князя Костянтина с любовью и с поклоном» (Н1, 55, 255).

Поход Мстислава с новгородцами по Волге; предложение пойти на Торжок; решение Мстислава пойти на Переяславль, где «у наю третии друг»; сражение воеводы Яруна с Ярославом под Тверью; поход по

¹ ПСРЛ, т. I, вып. 2. Изд. 1-е. Л., 1927, стб. 439—440; М. Д. Приселков. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.—Л., 1950, с. 302—303; реконструкция Троицкой основана в этой части на Симеоновской летописи (см.: ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 49). Владимирский летописец — ПСРЛ, т. XXX. М., 1965, с. 84.

² Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.—Л., 1950, с. 55—57, 254—257 (далее ссылки на это издание в тексте сокращенно — Н1 с указанием страниц). О времени написания первой части Синодального списка см. там же, с. 5—6.

Волге и сожжение Шоши, Дубны и Кснятина; дружественная встреча воеводы Еремея, посланного от Константина Ростовского.

3. От слов «... поидоша к Переслалю (Переяславлю), воююще...» и до «... выиде ис Переслаля с пълкы и с новгородьци и с новотържци» (Н1, 55—56, 255—256). Поход к Переяславлю, встреча Мстислава на Сарском Городище с Константином Ростовским и взаимное крестоцелование; поход Ярослава и Юрия к Переяславлю со своими новгородскими и новоторжскими сторонниками.

4. От слов: «Оле страшно чюдо и дивно, братье...» до «... сказа Лариян ту речь Мьстиславу и новгородьчем» (Н1, 56, 256). Расположение войск Юрия и Ярослава на реке Хзе (Кзе), а Мстислава и Константина — на Лилице; переговоры сотского Лариона, резкий отказ Юрия от соглашения.

5. От слов: «И рекоша новгородци...» до «... вда плече, месяца априля в 21, на святого Тимофея и Федора и Аляксандры цесариця» (Н1, 56, 256—257).

Решение новгородцев сражаться пешими; победа новгородцев «божиею силою и помочью святыя Софии» 21 апреля «на святого Тимофея и Федора и Аляксандры цесариця», бегство Юрия и Ярослава.

6. «О, мьного победы, братье, бещисльное число, око (яко) не может ум человекьск домыслити избьеных, а повязаных» (Н1, 56, 257).

7. От слов «Ярослав въбег в Переяслаля...» до «... заутра поиду из города» (Н1, 56, 257).

Месьть Ярослава новгородским пленникам; поход Мстислава и Константина за Юрием на Владимир; отказ Юрия от битвы.

8. От слов «И иде Гюрги из Володимири...» до «... что было с Ярославом въ полку; и придоша в Новьгород съдрави вси» (Н1, 56 и 257).

Уход Юрия в Радилов Городец; посажение Константина на престол во Владимире; его подарки князьям и новгородцам; поход Мстислава на Переяславль; принятие даров, возвращение Мстиславу дочери (жены Ярослава) и оставшихся в живых новгородских пленников; приход в Новгород.

9. От слов «О, велик е, братье, промысл божи... Сьмьюна Петриловица, тьрьскаго даньника» (Н1, 57, 257).

Перечисление убитых новгородцев.³

Два заключительных кратких известия Н1 сообщают о возвращении Мстислава в Новгород и о назначении нового посадника.

Повествование Н1 однородно по своему характеру. Принадлежность его новгородскому автору не вызывает сомнений — краткие сообщения о событиях в лагере противника (поведение Ярослава в Переяславле и Юрия во Владимире) легко могли быть получены новгородским автором после сражения. Патетические восклицания («О, мьного победы, братье... О, велик е, братье, промысл божи...») также нет оснований рассматривать как инородный элемент в повествовании.

Следующим этапом в литературной истории повести следует считать ее версию, читающуюся под 6724 г. в Новгородской 4 (как и в близкой к ней Новгородской Карамзинской) и Софийской 1 летописях⁴ и, очевидно, принадлежащую их общему протографу — своду 1448 г. В отличие от ряда общерусских рассказов Н4—С1, полнее переданных в С1,⁵

³ В Н1 младшего извода пропущено имя «Сьмьюна Петриловица», и определение «тьрьскаго даньника» переносится поэтому на «Иванка поповица» (Н1, 57, 257).

⁴ ПСРЛ, т. IV, ч. 1, вып. 1. Пг., 1915, с. 186—197; т. V, изд. 2-е, вып. 1. Л., 1925, с. 193—201 (далее ссылки в тексте). Текст Новгородской Карамзинской летописи — ГПБ, F.IV.603, л. 314 об.—319 об.

⁵ Ср.: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 73—78.

повесть о Липице в наиболее полном виде читается в Н4. Мы изложим поэтому основные эпизоды данной версии по Н4, отмечая в примечаниях отличия С1.

Повесть имеет в Н4 заголовок: «О побоищи новгородцем с Ярославом».⁶

1. От слов «Марта в 1 день...» до «...прииде Володимерь Рюрикович со смолняны» (Н4, 186; С1, 193). Эпизод совпадает с Н1 (э. 1),⁷ но немного сокращен — здесь нет слов Мстислава новгородцам из Н1: «Идете в зажития, толико голов не емлете» и дальнейших слов: «...идоша, исполнишася кърма, и сами и кони».

2. От слов «...и послаша на Торжек ко Ярославу...» до «...и ту пометаща возы, а на коне полезоша» (Н4, 186—187; С1, 193—194).

В отличие от предыдущего этот эпизод резко отличается от Н1 (э. 2); совпадает лишь несколько фраз. Содержание его: остановка новгородского войска на Холохне (приток Волги) и первая попытка переговоров с Ярославом, находящимся в Торжке (в Н1 рассказывается о иных переговорах — с Юрьем и Ярославом перед самым сражением); резкий отказ Ярослава от переговоров и постановка им засек на Тверце; предложение новгородцев идти на Торжок (слова совпадают с Н1) и отклонение князьями (Мстиславом и др.) этого плана; опустошение ими Тверской земли и переход Ярослава в Тверь, где стали и «князи наши»; сражение воеводы Яруна с Ярославом (фраза совпадает с Н1), дата и подробности победы Яруна; посылка Яволда (боярина Владимира Псковского) к Константину Всеволодовичу в Ростов; проход по Волге и сожжение Шоши, Дубны (совпадает с Н1); взятие Владимиром Кснятина; приход ростовского воеводы Еремея с 500 мужей, встреча с «нашими князьями» и его речь к ним; посылка князя Всеволода к Константину; «оставление возов» и посадка на коней.⁸

3. От слов «...пойдоша к Переяславию, воююще» до «...с новгородци и новоторжци» (Н4, 187—188; С1, 194).

Эпизод имеет существенные отличия от Н1 (э. 3). Содержание: поход к Переяславию, встреча с Константином и крестоцелование — как в Н1 (добавлено только «и възрадовашася видиши ся»); переход Владимира Псковского в Ростов; расположение полков у Переяславля в Фомину неделю; известие от пленного «чловека» об уходе Ярослава; переход Ярослава к Юрию с новгородцами и новоторжцами (последние слова совпадают с Н1).⁹

4. Заголовок «Юрьево княжение Всеволодичя в Суздале» (в Н4); далее от слов «Юрьи с Святославом и с Володимером вышел беша...» до «...а меньшая его братья противу Костянтину» (Н4, 188—191; С1, 194—197).

Обширный эпизод, лишь в начальной части имеющий совпадение с Н1 (э. 4). Содержание: выход Юрия из Владимира со «всею силою Суз-

⁶ В С1 заголовка нет.

⁷ В С1 небольшие отличия: дата указана в конце первой фразы; вместо «Новгородци же пойдоша Срегером и быша...» — «Князь же с новгородци быша...»; вместо «оселе Святослав Ржеву, городец Мьстислав» (в Н1 — «городьць Мьстиславль», — вероятно, в смысле «городок Мстислава») в С1: «Святослав осел городец, Ржевку — Мьстислав»; вместо «быша на Возузе» — «быша на Волзе».

⁸ В С1 вместо слов новгородских князей в Н4: «...ты, Ярославе, с силою, а мы с крестом» — «...с плотью (в части списков С1), а мы с крестом честнымы»; вместо «мужи новгородциа» (Н4) — «болдре и новгородци»; победа Яруна просто в «благовещенье» вместо «благовещенье святой богородицы, 5 недели поста» (Н4).

⁹ В С1 нет указания, что Ярослав перешел к Юрию, «скопив всю свою волость» (Н4, так и в Н1).

дальской земли»; восклицание «Оле страшно чудо и дивное, братие!..» — как в Н1 (э. 4); расположение войск обеих сторон — как в Н1; переговоры с Юрием и Ярославом — как в Н1, но с включением слов Юрия «один есмь брат с Ярославом»; последний призыв Мстислава к миру и ответ Юрия — «перемогай нас, тебе вся земля»; пир и совет Юрия и Ярослава в шатре с боярами; речь боярина Творимира в защиту примирения и некоего боярина в пользу войны; решение Юрия и Ярослава вступить в бой, приказ убивать пленников и планы раздела всей Русской земли; приведение Константина Ростовского к присяге; ночная тревога и страх Юрия и Ярослава; расположение войск противников на двух горах с ручьем посредине; предложение Мстислава о взаимном переходе на более удобные позиции; отказ Юрия; безрезультатная стычка «молодых» воинов; попытка новгородско-ростовских сил переменить позиции; замечание Константина о возможности удара в тыл и его сомнения в стойкости ростовцев; решение Мстислава остаться на горе; описание расположения полков.¹⁰

5. От слов «Нача Мстислав с Володимером укрепляти новгородцев и смольняны...» до «...все съхранени быша силою честнаго креста и правдою» (Н4, 191—193; С1, 197—198).

С Н1 совпадают только одна начальная и одна конечная фраза. Содержание: обращение Мстислава к новгородцам и смольнянам; решение новгородцев сражаться пешими (как в Н1, э. 5); разувание новгородцев и смольнян; падение коня смоленского воеводы Ивора Михайловича; атака пещцев; сражение киями и топорами и падение стяга Ярослава; захват Ивором и смольнянами другого стяга; выступление Мстислава с конницей; бегство Юрия и Ярослава; призыв Мстислава не отвлекаться от боя ради «товара», поддержанный новгородцами, но не смольнянами; победа (без упоминания св. Софии; календарная дата совпадает с Н1, но церковная дата обозначена иначе — вторая неделя пасхи); перечисление убитых новгородцев совпадает с более поздним эпизодом Н1 (Н1, э. 9), упоминается убитый смольнянин.¹¹

6. От слов «О много победы, братье...» до ...так обещая ему» (Н4, 193—194; С1, 198—199).

Кроме вступительной фразы (Н1, э. 6), не имеет совпадений с Н1. Содержание: вступительная фраза, переходящая в перечисление потерь

¹⁰ В С1 нет заголовка «Юрьево княжение...» — этот заголовок представляет собою, очевидно, дополнение Н4 (Новгородской Карамзинской летописи) — заголовок не совсем уместен по смыслу, ибо княжение Юрия Всеволодовича во Владимире началось в 1212 г. (впрочем, о начале его княжения в Н4, как и в С1, не упоминается); в С1 пропущено упоминание о том, что отказ Юрия от переговоров был сообщен не только князьям, но и «новгородцам» (так в Н4 и в Н1); здесь и далее повсюду в С1 Юрий и Ярослав упоминаются с титулом «князей». В нескольких списках младшей редакции С1 в начале речи первого советника Юрия читается не «Творимир», а «Творите мир», в связи с чем издатель С1 (П. Г. Васенко) понял эти слова не как имя советника, а как начало его речи: «Твори (творите) мир, князь Юрьи и Ярославе»; но в Н4 и Новгородской Карамзинской (и особенно в Тверском сборнике, к версии которого мы еще обратимся) это — явно собственное имя: «молвит же тако Творимир болярин». Далее в С1 нет слов князей из Н4 о том, что они наградят воинов за убийство каждого противника — «а мы два наделива»; далее пропущены слова «в станех» при описании переклички; вместо «убояшеса» (о Юрии и Ярославе — в Н4) — «ушася за малым».

¹¹ В С1 в словах Мстислава вместо «коли любо умирати» (Н4) — «кому не умирати»; смольняне «поскочиша пеши» (Н4 — «молодыи полезоса с конь, тако же и поидоша боси, завиваюче ноги»); Юрий и Ярослав «видевши кончину... побегоша» (Н4 — «кончину» нет); новгородцы «не ради товаров бяхуся» (Н4 — «не брежаху товарю, но бяхуся крепко»), а смольняне «одирааху мртвья, а о бои не правяху» (Н4 — «лупяху... не прележаху»). В Н4 вслед за Н1 младшей редакции пропущено имя «терского данника» (см. выше, примеч. 3); в С1 нет имен убитых новгородцев и смольнянина.

Юрия и Ярослава и общего числа их войск; осуждение Ярослава — библейская цитата (Иезекииль, XXXII, 4); всего убито 9233 человека; подробности гибели; бегство Юрия во Владимир, настроения во Владимире; невозможность оборонять город; Юрий обещает утром уйти из города.¹²

7. От слов «Ярослав такжеже пригбегл един в Переяславль» до «... брату моему Ярославу, аще мя сего доведе» (Н4, 194—196; С1, 199—200).

Имеются отдельные совпадения с Н1 (э. 7), но эпизод изложен значительно подробнее. Содержание: подробности бегства Ярослава в Переяславль; месть Ярослава новгородским (подробнее, чем в Н1) и смоленским пленникам; отказ князей-победителей от преследования Юрия и Ярослава; окружение Владимира (с Н1 совпадает упоминание, что новгородцы хотели взять Владимир, но Мстислав не пустил их; в Н4—С1 отмечено аналогичное желание смольнян); отказ Юрия от битвы; выезд Юрия из города; решение Мстислава о разделе Суздальской земли между Константином и Юрием; прощание Юрия с Владимиром.¹³

8. От слов «И тако поиде из Володимеря...» до «... что было с Ярославом в полку, и выехав станы за город» (Н4, 196; С1, 200—201).

Совпадают с Н1 (э. 8) фразы в начале и в конце. Содержание: уход Юрия в Радилев Городец; встреча Константина во Владимире и посадение его на престол; подарки его новгородцам и смольнянам; приведение владимирцев к присяге; Ярослав в Переяславле; приход Мстислава (с точной датой); смятение Ярослава; челобитие Константину о мире; посредничество Константина и мир; подарки Ярослава князьям и новгородцам; возвращение Мстиславу его дочери и оставшихся в живых новгородцев (Н4); уход Мстислава за город.¹⁴

9. От слов «Ярослав же многажды высылаше с молбою» до «... и вземше свою честь и славу» (Н4, 196—197; С1, 201).

Совпадений с Н1 нет. Содержание: просьба Ярослава о возвращении жены и отказ Мстислава; уход князей во Владимир, Новгород, Смоленск и Псков с честью и славою.

Рассказ, несомненно, структурно сложнее, чем в Н1. Он расширен, но явно не за счет владимирского летописания: все дополнения, относящиеся к Ярославу и Юрию, имеют резко враждебный им характер. Дополнения эти могли иметь позднее, литературное, происхождение (рассказ о Творимире) или восходить к источнику, враждебному Юрию и Ярославу. Не использован ли здесь ростовский источник? В эпизоде 8 мы обнаруживаем одно дополнение, связанное с Константином Ростовским, — о торжественной встрече его во Владимире после победы и приведении

¹² В Н4 сказано, что у Юрия было 17 стягов, 40 труб и бубнов, у Ярослава — 13 стягов, 60 труб и бубнов; в С1 обратное соотношение между силами братьев; в библейской цитате (только в Н4 младшей редакции назван ее источник, но неточно — «пророк Иоиль») в Н4 «зверии дивии», в С1 просто «зверие».

¹³ В С1 вместо «высла князь Юрьи с поклоном» (Н4) — с «челобитием к князем; вместо «ся князяю» (Н4) — «челом бью». В Н4 старшей редакции упоминается, что смольняне «просяхуся о то чина» взять загоревшийся Владимир; так в С1; но в Н4 младшей редакции — «в то время» («о то чина» и значит: «в то время»; ср.: Срезневский И. Материалы, т. III, стб. 1522).

¹⁴ В начале вместо «А из Владимиря же выидоша с кресты и граждане вси противу Константину. Княжение Константиново в Суздале. Князи же новгородцки посадиста Костянтина в Володимере...» (Н4; в Новгородской Карамзинской также без заголовка) в С1: «Поиде князь Константин к Володимерю, и сретоша ѿ за городом князя, весь священский чин и людие вси. И седе в Володимери...»; вместо «князи же, здумавше с новгородци» (Н4) в С1: «князи же, здумавше», вместо «по Велице дни» (Н4) — «по пасце»; вместо «одари князей и новгородцев» (Н4) — «одари князи и воевод»; после посажения во Владимире Константин именуется в С1 «великим князем».

владимирцев к кресту. К проблеме ростовского рассказа о битве на Липице мы еще обратимся (в связи с рассказом Тверского сборника), а пока отметим, что известие о приходе Константина во Владимир (вдобавок сильно расходящееся в Н4 и С1) является единственным, которое можно было бы возвести к ростовскому источнику. Во всех остальных случаях о ростовцах говорится мало, и роль Константина весьма скромна. Любопытно, что именно Н1, упоминая о решении Мстислава и Владимира идти не к Торжку, а к Переяславлю, объясняет это решение союзом с Константином: «Поидем к Переяславлю, есть у наю третий друг». В Н4—С1 это решение мотивируется тем, что Торжок — новгородский город и «пустошить» его не следует; именно поэтому войска идут на Тверь. В дальнейшем Константин выступает только в роли союзника Мстислава и Владимира, верность которого должна быть еще подкреплена особой присягой: «Мстислав же и Володимер призваста Костянтина и гадаста с ним много, увериста и крестом, яко не быти в нем перевету». Что касается войск Константина, то их недостаточная надежность отмечается им самим: «...мои люди к боеве не дерзе, тамо и разыдутся в городы». Второстепенная роль Константина подчеркивается и при описании сдачи Юрия, когда побежденный князь говорит Мстиславу и Владимиру: «Братья! вам ся кланяю... а Костянтин, брат мой, в вашей воле»; далее Мстислав и Владимир распределяют владения Юрия и Константина, отдавая «Константину Володимер, а Юрю — Радилон городец».

Особенно важна для определения происхождения повести в Н4—С1 одна ее особенность: Мстислав Удалой и Владимир здесь дважды именуются «нашими князьями»: «...ту бо стали беаху князи наши...»; «...и усрете воевода Еремей от князя Костянтина... наших князей» (Н4, 187). Кому могло принадлежать это определение? Мстислав был приглашен княжить в Новгород, а Владимир — во Псков, однако оба они были смоленскими князьями. Основное отличие текста Н4—С1 от текста Н1 — в дополнении новгородского рассказа известиями, относящимися к смоленскому войску Мстислава и Владимира. Именно смоляне обнаружили после битвы грамоты о разделе Русской земли, заранее составленные Юрием и Ярославом (Н4, 190); Н1 сообщала, что новгородцы спешились и разулись перед боем; в Н4—С1 добавлено: «...а смоляне же молодые полезоша с конь тако же, и поидоша боси, завивающе ноги» (Н4, 192); к перечислению убитых новгородцев добавлено имя убитого смолянина (Н4, 193), к известию о заточении Ярославом пленных новгородцев — сообщение о заточении 15 смолян (Н4, 195).

Но вместе с тем в центре рассказа Н4—С1 — не смоляне сами по себе, а именно смоленские князья — Ростиславичи, Мстислав и Владимир. Мудрое поведение этих князей противопоставляется необдуманному плану и действиям их подчиненных — и новгородцев, и смолян. Когда новгородцы предлагают идти на Торжок, Мстислав и Владимир объясняют им невыгодность для них самих этого плана: «Аще поидем к Торжку, то попустошим Новгородскую волость» (Н4, 187). Прославление князей Ростиславичей влагается в уста легендарному Творимиру на пиру у Юрия и Ярослава: «Ростиславля же племени да князи мудри суть и рядни...» (Н4, 189). Те же Ростиславичи противопоставляются собственному войску, когда воины — и новгородцы и смоляне — предлагают преследовать побежденного неприятеля и штурмовать город Владимир. «Князи же милостивы, племя Ростиславле, и до крестьян добри» не допускают этого (Н4, 195). Наконец, и во время самой битвы воины-смоляне противопоставляются Мстиславу — вопреки приказу князя они отвлекаются от сражения, грабя побежденных: «...лупяху мертви»,

а о боеви не прележаху» (Н4, 193; в этом случае новгородцы оказываются более послушными словам Мстислава).

Таким образом, дополнения рассказа Н1 в протографе Н4—С1 оказываются наиболее тесно связанными со смоленскими князьями Ростиславичами.

Дальнейшая судьба рассказа о Липице Н4—С1 определяется влиянием обеих этих летописей на последующее летописание. В полном объеме рассказ Новгородской 4 летописи отразился в Новгородской 5 (Хронографической) летописи. Может быть отмечено только одно, явно случайное, но довольно показательное отклонение Новгородской 5 от ее оригинала: в эпизоде 4 в речи суздальского боярина, бахвалящегося силой своего княжества, вместо: «...аще же нынешние полци, право, навержем их седлами», читается: «...аще же нынешние половце...».¹⁵ Сокращенная версия рассказа Н4 содержится в кратком летописном тексте, помещенном в начале Рогожского летописца и Летописи Аврамки (А. А. Шахматов определял этот текст как «краткое извлечение из свода 1448 г.», но, судя по ряду статей, основой его была именно Н4).¹⁶ Обширная повесть о Липице передана здесь под 6723 г. в кратком (меньше одного столбца) пересказе, в котором, однако, сохранились упоминания (э. 4) о переговорах с ответом Юрия и Ярослава: «...вышли есте акы рыба на сухо» и о разувании новгородцев перед боем.

Софийская 1 летопись, как известно, стала основой всех общерусских летописей начиная с середины XV в. Из числа этих летописей упомянем прежде всего Никаноровскую (далее: Нкр), Вологодско-Пермскую (далее: ВП) и близкие к ним летописи, отражающие московское великокняжеское летописание конца 50-х—начала 70-х гг. XV в.¹⁷

Текст Повести о Липице в Нкр—ВП в общем сходен с С1, но в нем обнаруживается ряд характерных сокращений.¹⁸ В эпизоде 2 опущен весь текст после описания первых переговоров с Ярославом — нет ответа новгородцев Ярославу со ссылкой на «честной крест» и следующего затем описания передвижения новгородского войска в Тверскую землю, а рассказ о переговорах с Константином сведен к одной фразе, где Константин Ростовский назван старшим братом Мстислава и других князей. Эпизод 3 начинается здесь со встречи с Константином: «И пришедшу Костянтину с ростовци» и далее совпадает с С1, но в эпизоде 4 при описании ночной тревоги пропущены слова «и вьструбиша в княжих Костянтиновых полцех» и слова Юрия (в ответ на предложение изменения позиций): «Пошли чрез землю, то ци сее дебри не приидете» (С1, 196—197; Нкр, 39; ВП, 63). Эпизод 5 передан полностью, только потери в войске Мстислава (5 новгородцев и 1 смольнянин) суммированы — «6 человек». В эпизоде 6 опущены слова С1: «Аще бы ведали Юрий и Ярослав, то мирилися быста. Се бо слава его и похвала погыбе и полци сильни ни во что же быша», и осуждение Ярослава, включающее библейскую цитату (С1, 198—199; Нкр, 40; ВП, 64). В эпизоде 7 нет слов С1

¹⁵ ПСРЛ, т. IV, ч. 2, вып. 1. Пг., 1917, с. 188, примеч. б.

¹⁶ ПСРЛ, т. XV, изд. 2-е, вып. 1. Пг., 1922, стб. 25—26; т. XVI. СПб., 1889, стб. 48. Ср.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 246—249, 312—313; Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 87—91.

¹⁷ Ср.: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 126—147.

¹⁸ ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962, с. 38—41; т. XXVI. М.—Л., 1959, с. 61—66. Все перечисленные далее изменения текста С1 обнаруживаются и в более ранних памятниках великокняжеского летописания — Музейном летописце и Летописи Лавровского. Ср.: ГБЛ, ф. 178, № 3271, л. 88 об.—95 об. В Нкр и поздних редакциях ВП внутрь эпизода 1 вставлены (после известия о взятии Зубцова) дата 6725 и сообщение: «... в неделю сыропустную бысть гром по заузрене, февраля в 1».

о Ярославе: «И не довле ему о первом зле» и нет указания, что Ярослав повелел «вметати» часть новгородцев «в гридницю»; при описании окружения Владимира опущены некоторые подробности С1 (размышления «откуда взяти» город, отдельные упоминания новгородцев и смолян — С1, 200; Нкр, 40—44; ВП, 65).

Черты обработки, обнаруживающиеся в Нкр—ВП, — смягчение критики владимирских князей — еще яснее обнаруживаются в Московском своде конца XV в. (далее: М).¹⁹ Эпизод 2 здесь не сокращен так радикально, как в Нкр—ВП, но слова новгородцев Ярославу: «Ты, Ярославе, с плотью, а мы с крестом честным» также опущены; далее, дважды исключено именование Ростиславичей «нашими князьями» (во втором случае вместо этого — «Мъгислава и его братью»); опущено упоминание, что «пособи бог» воеводе Мстислава Яруну и что «то же бысть первая победа на них» (С1, 193—194, М, 111).²⁰ В обширном эпизоде 4 при описании переговоров нет слов Ярослава: «А далече есте шли, а вышли есте, аки рыба на сухо», в речи Мстислава нет слов о кровопролитии: «Не дай бог створити того»; в речи Юрия, напротив, добавлено: «Да аще отец наш с Костянтином нас не управил, то вы ли хотите нас с ним умирити»; вместо обращения к Константину: «Премогай нас, тебе вся земля» — «Еда одолеешь нам, тогда тебе вся земля»; далее, вместо слов «Тако князи възнеслися славою...» и описания пира в шатре в М одна фраза: «И начаста рядитися к боеви» (112). При описании совета у Юрия и Ярослава вместо боярина Творимира и «ина боярина» выступают две группы бояр: те, кто «не ради кровопролитию», и «младоумнии, паче не хотящей добра межи братии»; нет слов о достоинствах Ростиславичей и храбрости Мстислава и упоминания миролюбивого советника, что «меньшая братия» в «воли» Юрия и Ярослава; нет заявления сторонника войны, что даже если бы «вся Руская земля» пошла на Суздальскую землю, то и тогда не победила бы, и хвастливых слов: «навержем их седлы»; нет, наконец, жестокого приказа Юрия и Ярослава уничтожать всех пленников и их плана разделить всю Русскую землю — вместо этого коротко сказано, что «князи сему совету внимаху, нежели первому, надеющихся на множество вой» (С1, 195—196; М, 112—113).²¹ В эпизоде 5 в обращении Мстислава к новгородцам нет патетических слов: «... а кому не умирати?», предваряющих решение новгородцев сражаться пешими (вместо этого: «... а к боеви поидете...»), нет выражения радости Мстислава по этому поводу, но добавлено, что новгородцы и смоляне «поидоша противу Ярославлих пешцев»; нет перечисления полков Мстислава и его союзников и описания подвигов Мстислава в бою; нет описания различного поведения новгородцев и смолян по отношению к «користи» (по терминологии С1 — к «товару»); нет, наконец, и прославления победы новгородцев: «И велик, братие, промысл божий!..

¹⁹ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 111—114.

²⁰ Кроме того, вместо «оже емлют села» (С1) в М читается «оже грабять Тфёрское», а в последней фразе 3.2 после слов «возы пометавше» вместо «а на кони полезоша» читается непонятное: «поидоша на них».

²¹ В отличие от С1 (и Н4) М не упоминает в начале 3.4, что Юрий и Святолав вышли в поход вместе «с Володимером» — вместо этого в М: «с прочею братею». Среди сыновей Всеволода Большое гнездо был и Владимир (Дмитрий) Всеволодович, но М (вслед за Лаврентьевской и в отличие от Н4—С1) сообщала под 6723 (1215) г. о его пленении половцами, а об освобождении — только после Липицы в 6725 (1217) г.; очевидно, в связи с этим М и выпустил его имя из рассказа 6724 г. Нет в М также выражения ужаса из-за того, что на Липице шли не только рабы на господ, но и «господин — на рабы» (С1); в последней речи Лариона «есмя племенници себе» (С1) — «едино бо есмя племя»; при описании расположения полков Мстислава на Авдовой горе в М нет упоминания Всеволода, нет упоминания опасений, «егда ударят на нас в ночь».

А силою честнаго и животворящаго креста вси съхранени быша и правдою» (С1, 198; М, 113).²² В эпизоде 6 нет вступительной патетической фразы С1 (восходящей к Н1): «О, многы победы, братье...», и он прямо примыкает к предыдущему эпизоду словами о потерях суздальцев «Избыено же их бысть много множество...», после которых приведены цифры потерь суздальцев и помещенное в С1 в предыдущем эпизоде упоминание о гибели 5 новгородцев и 1 смольянина; нет слов о Юрии и Ярославе: «Аще бо бысть ведали ся князь Юрьи и Ярослав, то мирилася быста»; нет перечисления стягов, труб и бубнов Юрия и Ярослава; опущены слова людей о Ярославе: «Яко тобою ся нам много зла сотвори, протвое преступление крестное речено бысть...» и исключена следующая далее в С1 библейская цитата; нет унижительных подробностей бегства Юрия (С1, 198—199; М, 113—114).²³ В эпизоде 7 нет упоминания о загнанных Ярославом при бегстве в Переяславль конях, о том, что он «не насытится крови человеческия», когда мстил пленным; нет похвал «миловитому» и «доброму до христиан» племени Ростиславичей и упоминания, что они могли «изгонить» (захватить врасплох) Владимир; в речи Юрия вместо слов Мстиславу и Владимиру: «Вам челом бью! Вам живот дати и хлеба накормити» более сдержанное: «кланяюся»; нет упоминания о его «дарах многих» победителям (С1, 199—200; М, 114).²⁴ В эпизоде 8 при описании челобития Ярослава добавлено, что Константин был его «старейшим братом», но опущено обращение «Господине!» и слова: «А сам, брате, накорми мя хлебом». Вместо упоминания, что Мстислав «поя дочь свою... и выеха в станы» (С1), — «посла в город по дщерь... И выиде в станы... княгини Ярославля к отцу» (С1, 200—201; М, 114). В эпизоде 9 опущены слова Ярослава Мстиславу: «Чи не бывает вражда князем, но не така. По правде мя крест убил» и заключительные слова повести о том, что Мстислав и его союзники вернулись, «победивши сильних полкы, взявше свою честь и славу» (С1, 201; М, 114).²⁵

Явно прокняжеские черты этой обработки отражают общую тенденцию Московского свода, или, точнее, непосредственного источника его первой (до 1425 г.) части (во второй части он близок к Нкр—ВП) — особой летописной компиляции, сложившейся в 70-х гг. XV в. и отразившейся также, в более сокращенном виде, в Ермолинской летописи. Обратившись к Повести о Липице в Ермолинской, мы действительно обнаруживаем там сильно сокращенный текст (эпизоды 1, 3, 5, 6, 9 сокращены до размера одной фразы) той версии, которая читается в Московском своде. Все тексты С1, пропущенные в М, отсутствуют и здесь; посол Константина Еремей (э. 2) является не к «нашим князьям», а просто «к ним»; в эпизоде 4 Юрий отвечает: «...одолев нам всю землю возми», и тако начаста рядитися к боеви» (М, 112). Единственной своеобразной чертой Ермолинской является упоминание имени владыки, отправившегося в Радилово вместе с Юрием, — «Симон»; имя это могло быть, очевидно, заимствовано из годовых статей 6721 и 6726 г., где в Ермолинской упоминается суздальский владыка Симон.²⁶

²² После призыва Мстислава и упоминания об ударе «сквозе свои пешци» в М нет в отличие от С1 перечисления дружин Мстислава и его союзников, а сказано: «И бысть сеча люта велми. И пробишася сквозе полкы и до кошей их».

²³ Известие об утопленных помещено в М выше, чем в С1 (в самом начале э.6); среди мест, куда бежали побежденные, упоминается и Суздаль.

²⁴ В обращении Юрия к князьям вместо «Не дайте мне днесь» (С1) — «Потрпите ми ныне».

²⁵ В М нет упоминания возвращения Владимира Рюриковича к Смоленску.

²⁶ ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910, с. 65—66. Тот же рассказ читается в сходных с Ермолинской в этой части Львовской (ПСРЛ, т. XX. СПб., 1910, с. 148—149) и

Из летописей XV в. влияние Московского свода отражает обычно Типографская летопись, протограф которой был составлен в 80-х гг. в кругах, близких к ростовской архиепископии.²⁷ Однако под 6725 г. здесь помещена не повесть о Липице, а краткое известие: «Бися Костянтин с братом Юрьем и Ярославом у Юрьева на поле, и одоле Костянтин и седе в Владимире, а Юрью да Суздаль», основанное, очевидно, на тексте типа Лаврентьевской, по которому оригинал Типографской был пополнен и в других местах.

Весьма лаконична, но своеобразна статья о сражении 6725 г. и в Сокращенном своде конца XV в.: «Бысть бой князю Юрью Всеволодовичю с князем Косьтянтиномъ с Ростовским на реце Где, и поможе быти князю Константину Всеволодовичю, брату старейшему, и правда его же пришла. А были с нимъ два храбра: Добрыня Золотый пояс да Александр Попович с своимъ слугою с Торопомъ».²⁸ Это известие (читающееся также в Устюжском летописце и в Хронографе, близких к Сокращенному своду)²⁹ можно было бы частично возводить к летописи типа Лаврентьевской — Троицкой (как и в Лавр.—Тр., в Сокращенном своде ничего не сказано о новгородцах и Мстиславе Удалом), однако здесь содержатся и такие подробности, каких нет там: место сражения «на реке Где», т. е. Гзе (Кзе). Согласно Н4—С1, на Гзе были расположены силы Юрия и Ярослава во время битвы 6724 (1216) г.; можно думать поэтому, что речь идет о той же битве на Липице, хотя более поздняя традиция, как мы увидим, различает столкновения на Гзе и на Липице. Имя Александра Поповича фигурирует в летописных рассказах о XIII в. и в другом месте: как участник битвы на Калке он упоминается и в Н4—С1 (гибель Александра Поповича «на Калках» упомянута в Сокращенном своде и Устюжском летописце под 6731 г.). Очевидно, перед нами отражение какой-то особой традиции, не связанной ни с Владимиром, ни с Новгородом, ни даже с главным победителем на Липице Мстиславом Удалым.

Следы этой традиции обнаруживаются в летописи, которая в ее полном составе относится к XVI в., — Тверском сборнике (далее: Тв).³⁰ Повесть 6724 г. о Липице в Тв — третий развернутый рассказ на эту тему; перечислим его основные эпизоды.

1. От слов «Князь же Мстислав Мстиславичъ поиде из Новагорода...» до «Володимер Рюрикович (съ) смолняны» (Тв, 318). Совпадает с Н1, включая отсутствующие в Н4—С1 слова Мстислава «Идите во зажитиа...»; уточнена дата 1 марта — «...на память святяга мученица Евдокии... рекше по Зборе».

2. От слов «И идоша по Волзе, воюючи...» до «...возы пометавше» (Тв, 318—319).

Первая часть совпадает с Н1 (э. 2), за исключением начала (переговоры с Ярославом), но включая мотивировку похода на Переяславль («третий друг»); после «поидоша по Волзе воюючи» упомянута посылка к Константину в Ростов (как в Н4—С1, но короче), взятие Владимиром Княтина, приход Иеремея с 500 человек, встреча с ним, оставление «возов» (как в Н4—С1, но нет «наших князей»).

Холмогорской (ПСРЛ, т. XXXIII. Л., 1977, с. 60—61) летописях, по имени Симона в них нет.

²⁷ ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921, с. 87.

²⁸ ПСРЛ, т. XXVII, с. 234 и 320.

²⁹ Устюжский летописный свод. М.—Л., 1950, с. 45; ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911, с. 396.

³⁰ ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863, стб. 318—325 (текст Повести, дополненный в некоторых случаях в издании вставками из других летописей, проверен по рукописи — ГПБ, Погод., № 1414, л. 118—120 об.).

3. От слов «Поидоша к Переяславлю...» до «...с новгородцы и новоторжци» (Тв, 319).

Ближе к Н1, чем к Н4—С1; дата прихода на Сарское Городище дополнена: «...на память святого Евтихия, и ту празднова Велик день, апреля 10», о крестоцеловании Константина — «...яко не быть в нем прьвету, а сами к нему целоваша»; переход в Ростов Владимира (как в Н4—С1).

4. От слов «Онем же пошедшим к Переяславлю...» до «...начаша веселитися и пити» (Тв, 319—321).

Эпизод значительно пространнее, чем в Н1, но имеет ряд перестановок и отличий по сравнению с Н4—С1. Содержание: соединение войск Ярослава с войсками Юрия (иначе чем в Н4—С1), восклицание: «Се же дивно, о коль страшно, братие!..»; расположение войск — как в Н1; при изложении переговоров в речь Лариона явно ошибочно попали слова Юрия о Ярославе (Н4, э. 4) — «...а с тобою один есмь человек»; второе обращение к Юрию — как в Н4—С1 (с сокращением); ответ Юрия: «...взьем нас, всю землю взьми». Далее описание расположения войск на горах, помещенное в Н4 ниже; затем пир Юрия: «...бе бо их бес числа, яко бы мнети десять суждалтин на единого новгородца»;³¹ в речи Творимира вместо пославления Ростиславичей — «...суть храбри от наших смоляне», о Мстиславе дано пояснение «...бе бо Мъстислав легок и храбер»; на речь Творимира Юрий отвечает ироническим замечанием (также отсутствующим в других летописях): «Яко по своей воле велит ми ся стола отца своего отступити?», далее в речь Юрия введены частью слова второго боярина из Н4—С1, частью дальнейшие распоряжения об убийстве пленников; речь второго боярина сокращена до одной реплики. Рассказ о пире кончается словами: «И повеле князь прьваго съветовавшаго о миру, яко переветника, изврещи вон, а с тем же последним начаша веселитися и пити».

5. От слов «Князь же Мъстислав нача потвержати полки своа...» до «...на память святого мученика Иануариа и дружины его» (Тв, 321—322).

Эпизод имеет ряд перестановок по сравнению с Н4—С1. Вступительное обращение Мстислава к войскам включает реплику, помещенную в Н4 ниже (уже после захвата стягов), — «...ни позрите на товар»; далее — разговор о перемене позиции, помещенный в Н4 в эпизоде 4, причем роли князей изменены: Константин предлагает перейти к Владимиру, а Мстислав опасается удара в тыл; решение сражаться пешими; решение Мстислава остаться на горе (Н4, э. 4); сражение киями и топорами; реплика Мстислава: «Кто сих не жалует?» (в Н4 — «...не дай бог, братии, выдати добрых сих людей»); упоминание о нападении смолян на «товары» (без предыдущего текста Н4), победа «божиа помощию и святыа Софиа» (как в Н1); бегство Ярослава и Юрия — если бы за ними погнались, «угонили бы» (захватили врасплох) Владимир (в Н4 об этом упоминается в э. 7); дата победы — кроме числа и второй недели пасхи указана еще церковная дата: «...на память святого мученика Иануариа и дружины его».

6. От слов «О многия победы, братие!» до «...вышел по своей воле» (Тв, 322—324). Вступительная фраза из Н1 и Н4—С1 дополнена и продолжена: «Кто не въсплachtetся слышав сию горкую победу над своею братиею, вытие прободеных и глас протинаемых, и еще живых сущих и кричащих от болезни? Многое бо множество избытых, яко ни умь чело веческий не может смыслити; не токмо на боищи костры мертвых, но и по многим местом лежаше трущие, овии мертви, а друзии еще дышуще;

³¹ Реплика эта может быть сопоставлена со словами Ярослава в э.2 Н4—С1: «...сту нас достанетя один вас».

много же от них и переимани и повязани, плачущесе гръким плачем, видяще своих мертвых не погребенных. Князь же Константин повеле погребати их и имати телеса, ихже кто хотяше где погребсти. У князя же у Константина бяше в полку два человека храбрых, Олешка Поповичъ и человек его Торопъ и Тимоня Золотой пояс». Далее перечислены потери Юрия — 9233 человека — и Мстислава; убитые новгородцы перечислены поименно;³² бегство Юрия с дополнительным указанием по сравнению с Н4: «... бе бо телом толсть и стяжек»; настроения во Владимире с дополнительными деталями: «... вышли вси володимерци на бой, и до кушца и до пашенного человека, а толико останася церковнии людие... и слепии и хромии. Бысть же плач неутешим в Володимере и в Суждале, плачуще старии немощей детей своих, а жены мужей своих, а малии отцевъ своих и братий: не бо такого двора, идеже бы кричания и въпля не было, и странно бе видети человеки изъопухша от слез»; Юрий обещает уйти из города.

7. От слов «Ярослав же прибеже к Переяславлю...» до «... яко сего мя доведе» (Тв, 324).

Близко к Н4—С1, но с сокращениями; перечисление победителей — «Константинъ, и Мстиславъ и два Володимера»; нет похвал Ростиславичам за отказ от захвата Владимира.³³

8. От слов «Князь Мьстислав с новгородци посадиша Константина въ Володимери...» до «... и что было с Ярославом в полку, то приидоша вси здоровы в Новгород» (Тв, 324—325).

Близко к Н4—С1, но значительно короче (нет описания ухода Юрия, подробностей прихода Мстислава к Переяславлю).

9. Окончание последней фразы предыдущего эпизода: «... а князь великий Константинъ к Володимеру на свой стол, а Володимер к Смоленску, а другий Володимеръ к Киеву».

Не вызывает сомнения принадлежность рассказа в целом литературной традиции второй половины XV—XVI вв. и его вторичность по отношению к рассказам Н1 и Н4—С1. В ряде случаев, сокращая и переставляя имеющийся в его распоряжении материал, составитель рассказа Тв явно нарушал его логическую последовательность (например, упоминания о «товаре» и возможности захвата Владимира в эпизоде 5). Однако наличие у позднего компилятора по крайней мере одного дополнительного источника представляется весьма вероятным. Источник этот отразился в известии (э. 6) о князе Константине Ростовском и его двух «храбрых» — «Олешки Поповича» с человеком Торопом и «Тимони Золотого пояса». Именно об этом, как мы знаем, сообщалось и в кратком рассказе Сокращенного свода (а также Устюжского летописца и Хронографа). Ростовского происхождения и другие своеобразные черты рассказа Тв: при перечислении победителей (э. 7) здесь вопреки основному изложению повести в Н1 и Н4—С1 первым назван Константин, а не Мстислав, в описании выбора позиции (э. 5, ср. Н4, э. 4) нет слов Константина о недостаточной «дерзости» его людей «к бою», — напротив, именно Константин предлагает перемещение войск, а Мстислав проявляет осторожность. К ростовскому рассказу могло восходить и выразительное описание Юрия — «бе бо телом толсть и стяжек» (э. 6).

³² В Н4 (э.6) число 9233 обозначает «всех избитых», а перечисление убитых новгородцев содержится в предыдущем э.5 (как в Н4 и Н1 младшей редакции, «терским данником» в Тв назван «Иванко Попович» — ср.: ГПБ, Погод., 1414, л. 120; F.IV.214, л. 263 об.; см. выше, примеч. 3 и 11).

³³ При описании ухода Юрия и Владимира в Тв, как и в Ермолинской летописи (см. выше, с. 105), названо имя владыки — Симон.

Включение всех этих ростовских дополнений в рассказ Тверского сборника легко объяснимо: с Тверью связана только вторая часть этого сборника начиная с 6793 (1285) г.; весь предшествующий материал (и некоторые известия после 6793 г.) восходят к иному, ростовскому, источнику; под 6527 и 6496 гг. составитель сборника сам назвал себя жителем «от веси Ростовских областей», пишущим в 7042 (1534) г.³⁴ Но это не значит, что приведенные ростовские детали были плодом творчества ростовского летописца XVI в. Уже наличие сходных известий о Константине и его «храбрых» в Сокращенном своде свидетельствует о существовании ростовского рассказа о битве на Липице в предыдущем столетии. Большой фрагмент ростовского рассказа, в котором фигурируют те же персонажи — Александр Попович, его слуга Тороп и Тимоня Золотой пояс, сохранился в Тв под 6732 г. — внутри «Повести о Калацком побоище». После описания прихода «безбожных моавитян» автор переходит к русским князьям и добавляет: «...от них же о едином въспомянем zde, описаниа калезше» (т. е. добыв, получив некое описание). И далее, начиная со слов: «Бе некто от Ростовских житель Александр, глаголемый Поповичь...», автор рассказывает о событиях в Ростовской земле, о передаче Всеволодом своего престола «от Константина сыну своему Юрию», о первых столкновениях Юрия с Константином, в которых на стороне Константина участвовал Александр Попович. Затем рассказывается о битве на Гзе: «Единою выиде на него из Ростова Константин, и бысть им бой за Юрьевым на реце Гзе, и тамо победи Константин, молитвymi Пречистыа, своею правдою и теми же храбрыми Александром со слугою Торопом; ту же бе и Тимоня Золотой пояс. И ту убиша у великого князя храброго Юряту, о сем велми опечалися князь великий Юрий; побежденъ же смирися с братом». О битве на Липице со Мстиславом рассказывается после этого — как об особом столкновении: «Потом прииде на Ярослава Переяславского Мьстислав Мьстиславичь, тесь его, и инии князи, с собою же и Константина подвигоша, а за Ярослава стал князь великий Юрий за брата; и бысть им бой на Липицах и на Юриеве горе, и ту все полки великого князя Юрия избыти, в них же убиен бысть храбрый и безумный боярин Ратибор, иже похвалися седлы наметати супротивных. Князя же (Юриа) победивше и на столе в Владимире Константина посадиша».³⁵ Перед нами, очевидно, фрагменты того же ростовского рассказа, который отразился в Тв и под 6724 г. в э. 6—7 (а, может быть, и в э. 5); следы ростовского рассказа с участием Александра Поповича и других «храбров» сохранились, как мы уже отметили, и в своде 1448 г. (С1—Н4), но именно в рассказе о Калке 6732 (1224) г., а не в рассказе о Липице. Запись ростовских преданий о Липице и Калке существовала, во всяком случае, уже в XV в. (свод 1448 г., Сокращенные своды). Но ростовский компилятор, составитель Тверского сборника XVI в., и под 6724, и под 6432 г. передавал свой ростовский источник не в чистом виде, а в соединении с тем рассказом, который отразился в своде 1448 г.: под 6432 г. сохранилось здесь упоминание о гибели «боярина Ратибора», который «похвалися седлы наметати супротивных», но этот Ратибор — персонаж явно параллельный и противостоящий столь же легендарному Творимиру из э. 4 Н4—С1, который, призывая к миру, похвалял «мудрость» и «рядность» князей «Ростиславля племени». Очевидно, в Тв ростовский рассказ был соединен с рассказом, восходящим к смоленским Ростиславичам.

³⁴ ПСРЛ, т. XV, стб. 142, 108.

³⁵ Там же, стб. 337.

Из общерусских летописей XVI в. Воскресенская летопись полностью воспроизводит рассказ Московского свода конца XV в.³⁶

В Никоновской летописи (далее: Ник)³⁷ читается довольно пространная компиляция, основанная на Новгородской 4 или, точнее, на Новгородской 5 (Хронографической) летописи.

Зависимость Никоновской от Новгородской 5, уже отмеченная в научной литературе,³⁸ с несомненностью доказывается одним чтением рассказа о Липице. В Н5 в эпизоде 4, как мы уже отмечали, в речи боярина, сторонника войны, вместо «аще же нынешние полци» читается бессмысленное: «нынешние половце»; в Ник этот ляпсус не только повторен, но и распространен: «... аще бы и вся земля Половецкая придеть к сим...» (Ник, 72). Однако рассказ Н5 расширен в Ник за счет множества этикетных формул, дополнительных деталей и содержит ряд заимствований из ростовского рассказа, использованного в Сокращенном своде и Тверском сборнике, также, по-видимому, с рядом распространенных и дополнений. Так, в эпизоде 2 ответ Ярослава новгородцам дополнен словами: «Начасте убо ходити, грядите, ибо и заец на кровь ходить...» (Ник, 69); в ответ Мстислав и новгородцы «реша в себе»: «Что се есть? Мы хоцем мира, а он брани; что сие будет?». Мстислав и Владимир в отличие от Н4 не именуются здесь «нашими князьями» (во втором случае слова «наших князей» были заменены на «их» уже в Новгородской Хронографической), в эпизоде 3 украшено описание сцены встречи Мстислава с Константином: «... и видевшеся, и обьемше целовашася, и радостию велию возрадовашася...» (Ник, 70).

Особенно значительно дополнен эпизод 4.³⁹ При описании расположения полков здесь указано, что с Константином «бе и два храбра, Добрыня Златый пояс да Александр Поповичь с своим с слугою Торопом, славныа богатыри»; в речи Мстислава Ярославу говорится: «Мой есть Новъгород...; и се новгородци и новотръжци плачюще вопиют на тебя ко господу богу... а до великаго князя Юрья Всеволодича несть нам ничто же». Ярослав отвечает: «... гостей не отдам..., и еще хощу имати и новгородцев всех казнити...», и заявляет, что новгородцы зашли «яко овци ко лвом, яко теленки к медведю, яко свиньи на поле...»; в ответе Мстислава опять фигурируют благочестивые формулы и библейские цитаты. Во время пира в шатре речь в защиту примирения произносит вместо Творимира «стар сый боярин Андрей Станиславич... яко от старости и мало смыслит»; он заявляет, что у Мстислава есть «мужи храбри зело и велици богатыри, яко лвы и яко медведи, не слышат бо на себе ран; старейшаго же вашего брата Константина весте сами, яко его правда есть и ему подобает быти старейшему, еще же и храбрых ныне не веси у него Александра Поповича и слугу его Торопа, и Добрыню Рязанича Златаго поаса, и Нефедья Дикуна...»; в ответ на эту речь Юрий с братьею «разъярися, и разверепе, и начя сюду и сюду метатися», но бояре успокаивают князей, ссылаясь на то, что сказавший это боярин «без ума есть... от старости, не весть, что глаголет». «Ин боярин», сторонник войны, перечисляя все русские княжества, неспособные справиться с Суздальской землей, включает сюда «и Полотцкую и Псковскую» и «всю землю Половецкую» и говорит не только: «седлами наместем» (Н4 — «навержем»), но и: «кулаки побьем». Говоря о будущем

³⁶ ПСРЛ, т. VII. СПб., 1865, с. 120—124.

³⁷ ПСРЛ, т. X. СПб., 1885, с. 67—77.

³⁸ Б. М. К л о с с. Новгородская V летопись и вопрос об источниках Никоновского свода. — В кн.: Летописи и хроники. Сборник 1972 г. М., 1974, с. 252—270.

³⁹ В начале эпизода, как и в Московском своде, нет осуждения того, что на Липице шел «господи на раба» (ср. выше, примеч. 21).

разделении Русской земли, князья заявляют: «... с Киева возьмем дань и князя в нем посадим из своих рук, а с Галича также дань возьмем» (в Н4: «Киев дадим Черниговским князем, а Галич нам же»); перед сражением они еще раз предупреждают Мстислава: «Брате Мстиславе! Мнитися нам, яко забываясь пришел еси с невеждами сими дикими мужи новгородци и з безумными сими смолняны; благо бы было тебе не послушати сих». При первой тревоге перед боем «он боярин состаревыйся» вновь укоряет Юрия с братьей и призывает к миру, но «они же, укоровше сослаша его безчестна». Отказываясь от предложения Мстислава о перемене позиций, Юрий добавляет: «Поидите убо чрез болонье и чрез дებрь сию: обычно бо есть свинням по дებрем ходити и карасом в грязех ваятися». При обсуждении позиции Константина выражает сомнения в стойкости не ростовцев вообще, а «иных людей» из числа «своих»: «... едина бо суть в родстве, и в племени, и в кумовстве» (Ник, 70—73).

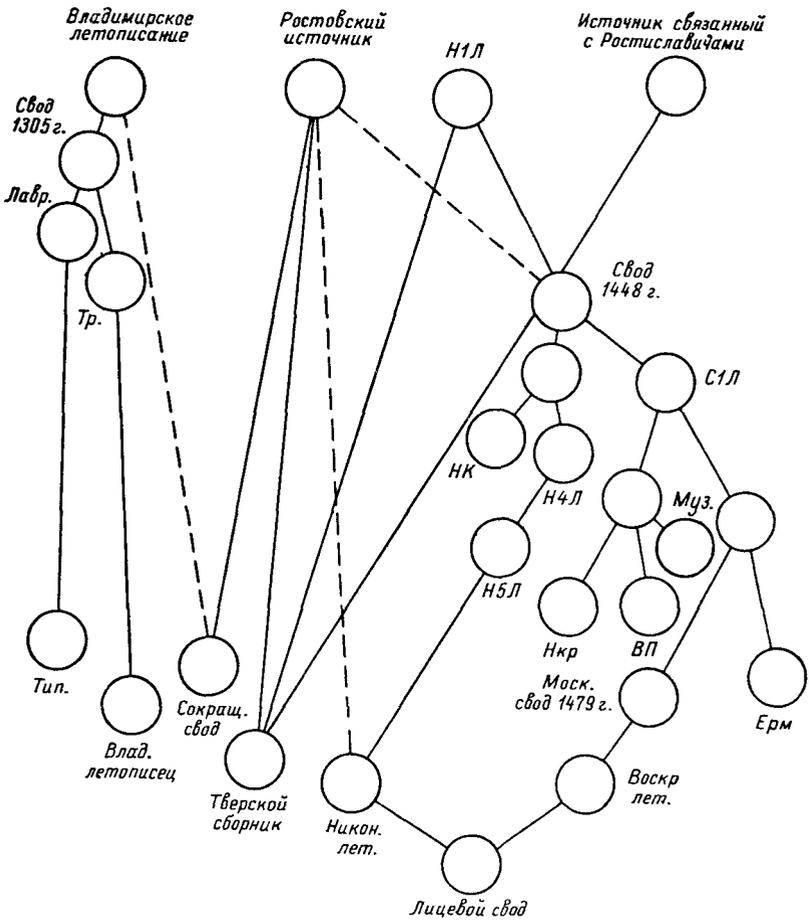
Эпизод 5 начинается в Ник с особого вступления: «И начяша сходитися полци, и бысть сила многа, и бысть страх и ужас на всех, яко един род и едино племя кровь проливають ни за что же...»; далее рассказывается о зловещих природных предзнаменованиях. В сцене боя новгородцы не спешиваются, как в Н4 (э. 5), а решают: «... кои на конех, те на конех, а кои пеши, те пеши». Воскликнув: «Поидем убо и мы в помощь к ним», Мстислав «сеच्याше нещадно, и загнася смешавшася. И прииде на него Александр Поповичъ, имеа мечь наг, хотя разсеци его: бе бо силен и славен богатырь. Он же возопи глаголя, яко аз есмь князь Мстислав Мстиславич Новгородский... И рече ему Александр Поповичъ: „Княже! ты не дерзай, но стой и смотри; егда убо ты, глава, убиен будеши, и что суть иныя, и камо ся им дети?“. И бысть сеця зла и брань велиа, и всюду мертвыи лежаху» (Ник, 74).

После этой сцены изложение в Ник становится более сжатым; окончание эпизода 5 с перечислением убитых и эпизод 6 в основном опущены. Эпизоды 7 (бегство Юрия во Владимир) и 8 (бегство Ярослава в Переяславль) существенно сокращены. После этого следуют итоги битвы с сильно измененными именами (к упоминанию Ивана Поповича добавлено: «и слугу его Нестера, велми храбрых и силных») и даны совершенно неожиданные цифры убитых: «новгородцев и смолнян и ростовцев и псковичъ, кроме пещцев, пятьсот и пятьдесят» (в Н4 — пять человек); суздальские потери вместо 9233 (в Н5 — 9203) определены в «седьмьнадесят тысяч и двести, кроме пещцев».⁴⁰ В эпизоде 9 покаянная речь Ярослава значительно расширена: «Отдажь мне вину, и не взмай от меня жены моей, а своей дщери... ибо суетни есмь в суетном сем житии, хто убо есть без греха...». В ответ Мстислав не просто отказывает Ярославу, а оставляет ему надежду: «Услышим и разумеем, аще истинно есть покоание твое» (Ник, 77).

Сокращенность текста Ник с конца эпизода 5 привела к тому, что составитель Лицевого свода (Лаптевский том), следовавший за Ник до описания подвигов Мстислава и речи Александра Поповича, закончил текст повести по иному источнику — Московскому своду или, вероятнее, по идентичной с ним Воскресенской летописи, опустив только описание раздела Суздальской земли из эпизода 7.

В целом рассказ Ник следует считать памятником литературного творчества XVI в. Ростовские эпизоды, очевидно, могли восходить к тому же летописному источнику, который отразился в Сокращенном

⁴⁰ При описании отъезда Юрия из Владимира, как в Ермолинской и Тверской, названо имя владыки — Симон (в Ник — дважды).

своде и Тверском сборнике, но их дополнительные подробности, отсутствующие в последних, едва ли объясняются более широким привлечением ростовского памятника — скорее здесь обычное для Ник распространение ее источников.⁴¹

⁴¹ Никоновская летопись служила главным источником и для рассказа о Липице в обеих редакциях «Истории» Татищева (В. Н. Татищев. История Российская в семи томах, т. IV. М.—Л., 1964, с. 347—354; т. III, с. 193—199; ср. т. IV, с. 48—49; С. Л. Пештич. Русская историография XVIII в., ч. 1. Л., 1961, с. 254—255). Из Ник взят советник «муж старый Андрей Станиславович», нечаянное столкновение и разговор Александра Поповича (во 2-й редакции — «Александр Попов») с Мстиславом во время боя, огромные цифры погибших. К материалу из Ник добавлена ссылка новгородцев и Андрея Станиславовича на «Правду русскую» (во 2-й редакции в речи советника — «Закон русской»), заявление «вельмож» Юрия о праве старика-советника отвечать на сделанные ему «вопросания», призыв Константина не убивать раненых и пленных князей, назидательная речь Константина Ярославу и др. Во 2-й редакции многие из этих добавлений еще более расширены — в особенности те, которые связаны с Константином; добавлено упоминание, что уехавший с Юрием епископ Симон «наипаче бояся Константина». Уже в 1-й редакции к известию Ник о том, что Мстислав забрал у Ярослава его жену — свою дочь, добавлено отсутствующее в других источниках обвинение Ярослава в супружеской неверности: «Не годя ти, сыну, ины жены держати возле княгини»; во 2-й редакции это обвинение распространено: «Не достоит тебе княжескую дочь женою иметь, понеже ты, забыв к ней в церкви данное при браке обещание, имел ее не яко жену, а яко рабу, и наложницы ею ругаются»; при этом в текст, предшествующий рассказу о Липице, также добавлен упрек Мстислава

Своеобразный итог судьбе Повести о Липице в летописании XVI в. подвела «Степенная книга». Ярослав Всеволодович, игравший почти во всех рассказах о Липице весьма непривлекательную роль, был предком московских князей и царя Ивана IV; ему была посвящена «седьмая степень» книги. Составитель «Степенной книги» не захотел поэтому ограничиться только смягчением резкой характеристики, данной Ярославу в повести, а изложил всю историю событий 1216 г. по-новому, в полном противоречии со своими источниками. Когда Ярослав «державствовал» в Новгороде, «на него же от зависти брань велию воздвиже тесть его великий же князь Мъстислав Мъстиславич... И тогда Константин изгна брата своего Георгия изо Владимирера и сам седе во Владимири. Отту же подвижесе и на Ярослава и много кровпролитие сотвориша...».⁴² Даже официальная версия Московского свода конца XV в., переданная Воскресенской, не удовлетворила придворного публициста. Со свойственной «Степенной книге» беззастенчивостью в переделке предшествующего материала она сделала из «не насытившегося крови человеческого» крестопрестушника Ярослава — «благочерного и богохранимого» князя, а из Мстислава, получившего от бога «храбрость из всех», — завистника и зачинщика кровопролития.

* * *

Из числа летописных версий Повести о битве на Липице 1216 г. наибольшую ценность в качестве исторического источника, несомненно, имеет версия Новгородской 1 летописи. Она возникла в близкое к событию время (первая часть Синодального списка Новгородской 1 даже записана в XIII в.), имеет ряд черт современной летописной записи. Повесть составлена новгородцем и проникнута новгородскими тенденциями, но обнаруживает хорошую осведомленность автора. Краткость и лаконичность суздальского рассказа об этих же событиях (в Лаврентьевской—Троицкой) подтверждает во всяком случае то обстоятельство, что сторонники Юрия и Ярослава не могли противопоставить новгородскому повествованию своей версии и что Мстислав и его союзники имели полное основание торжествовать победу в 1216 г.

Дополнительный источник, использованный в Новгородской 4, Софийской 1 и зависимых от них летописях, также обнаруживает некоторые черты раннего происхождения и хорошей осведомленности. Здесь мы находим множество конкретных географических указаний и точных дат, появляются имена, которых нет в новгородской версии. Вместе с тем ряд сцен в Н4—С1 имеет черты литературного творчества. Таковы описание пира и прений в шатре Юрия и Ярослава, эффектные планы раздела всей Русской земли, заранее разработанные этими князьями и записанные в грамотах, столь удачно взятых смольнянами «по победе в станех Ярославских». Отметим, что совершенно аналогичная история со списками договора новгородцев с польским королем Казимиром в 1471 г., обнаруженными затем победителями — москвичами «в кошевых вьюцах» у побежденных новгородцев, была рассказана в московских «Словесах избранных», составленных после Шелонской победы,⁴³ — очевидно, это популярный литературный мотив.

Ярославу, отсутствующий в 1-й редакции: «При том Мстислав просил его, чтоб с дочерью его, а своею княгиней, жил по закону честно, как надлежит, а если ему нелюбо, то б не обидя ее для наложниц, отпустил к нему» (т. III, с. 192).

⁴² ПСРЛ, т. XXI, первая половина. СПб., 1908, с. 251.

⁴³ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 11.

Черты литературного творчества более позднего времени (вероятнее всего XV в.), основанного на фольклорном материале, обнаруживает и ростовский источник Сокращенного свода, Тверского сборника и Новгородской летописи.

Но значение Повести о Липице отнюдь не исчерпывается ее ценностью как исторического источника по истории XIII в. Повесть эта чрезвычайно интересна как литературный и, особенно, летописный памятник.

Основным источником, через который повесть проникла во все общерусское летописание, был протограф Н4 и С1Л — свод 1448 г. И это не единичный и не случайный факт, относящийся только к истории данной повести. Из свода 1448 г. русское летописание второй половины XV и последующих веков восприняло целый ряд важнейших летописных повестей, либо взятых из местного летописания и значительно переработанных (такими наряду с Повестью о Липице были псковское житие Довмонта, тверские повести об ордынском терроре в первой половине XIV в. и др.), либо специально созданных на основе кратких записей (повести о Куликовской битве, нашествии Тохтамыша и т. д.). Повесть о Липице еще раз обнаруживает роль свода 1448 г. как нового этапа в русском летописании, отразившего сдвиг в общественной мысли после Куликовской битвы и феодальной войны первой половины XV в.

Дальнейшая судьба Повести о Липице также неразрывно связана с судьбами русского летописания в целом. В сводах 1472 г. (Никаноровская и Вологодско-Пермская летописи) и 1479 г. (Московский свод) версия свода 1448 г. подверглась переделке, официально-княжеский и светский характер которой естественно был связан с общими тенденциями этих сводов; версия Московского свода была воспроизведена и первым сводом Ивана IV — Воскресенской летописью.

Исследование Повести о Липице в своде 1448 г. выдвигает и ряд новых вопросов, связанных с этим важнейшим памятником русского летописания. Среди других источников у свода 1448 г. были и какие-то южно-русские или западнорусские; для нас в данном случае особенно интересна группа смоленских известий, отсутствующих в более ранних сводах и помещенная под 6738 (1230) г. — о смерти смоленского князя Мстислава Давыдовича (двоюродного брата Мстислава Удалого), землетрясении, затмении солнца и массовых смертях в Смоленске.⁴⁴ Связаны ли эти известия с рассказом о Липице 6724 г.? Восходит ли Повесть о Липице к неизвестному нам смоленскому своду,⁴⁵ или же ее источником была какая-то повесть о Мстиславе Удалом, сходная с житиями Александра Невского и Довмонта? Не менее важен и другой вопрос: когда и кем было произведено соединение новгородской версии Повести о Липице со вторым источником рассказа Н4—С1? Заслуживает внимания последовательное присоединение к новгородским известиям дополнений, относящихся к смоленским войскам Ростиславичей, — очевидно, составитель контаминированного рассказа специально хотел подчеркнуть роль смольнян; важно в связи с этим и уже отмеченное употребление по отношению к Мстиславу и Владимиру наименования «наши князья» (за-

⁴⁴ Ср.: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 100, примеч. 99. Следы летописного памятника XIII в., связанного со смоленскими Ростиславичами, Дж. Феннел обнаружил в рассказе С1 (свода 1448 г.) о битве на Калке, где к перечислению русских потерь, взятому из Ипатьевской летописи, добавлены специальные сведения о смоленских «мужах» (J. L. G. Fennell. The Tatar Invasion of 1223: Source Problems; текст этой неопубликованной статьи любезно сообщен нам автором).

⁴⁵ К сожалению, составленный в Смоленске в начале XVI в. Летописный сборник Авраамки в интересующей нас части (нач. XIII в.) содержит не смоленский материал, а заимствован из Н4Л (см. выше примеч. 16).

имствованное из источника или принадлежащее самому составителю контаминированного текста). Важнейшей особенностью протографа Н4—С1 было отсутствие в нем той резкой пристрастности, которая характерна для большинства летописей; составитель этого свода не только соединил обширный материал из самых различных русских летописей, но и подошел к этому материалу не с какой-либо местной, а с общерусской точки зрения. Речь легендарного Творимира, призывавшего к примирению князей и уважению к старшему брату, совпадает с целым рядом аналогичных высказываний, читающихся в самых различных частях Н4—С1.⁴⁶ Такая позиция более всего подошла митрополичьему своду — но какому и где составленному? Судя по окончанию общего текста Софийской 1, Новгородской 4 и Новгородской Карамзинской летописей, свод этот был составлен не ранее 1418—1425 гг., вероятнее всего, во время борьбы за московский великокняжеский престол. Эта война началась после смерти в 1430 г. митрополита Фотия; феодальная война в Московском княжестве привела к тому, что следующим митрополитом стал в 1433 г. смоленский епископ Герасим, не поехавший в Москву и руководивший митрополией из Смоленска. Смоленск не был уже к тому времени столицей самостоятельного княжества (в 1404 г. он был присоединен к Литовскому государству), но, как и вся Западная Русь, он входил в состав общерусской митрополии и мог быть поэтому ее временным центром. Митрополит Герасим — фигура загадочная и весьма любопытная: в 1435 г. этот митрополит был казнен (сожжен) литовским князем Свидригайло. Если предполагать, что протограф Н4—С1 был составлен при митрополите Герасиме, то это хорошо объяснило бы характер свода в целом и Повести о Липице в особенности.

Но может быть высказан и ряд доводов против такого предположения. Кратковременное правление Герасима едва ли было благоприятным временем для осуществления столь грандиозной работы, как создание свода — протографа Н4—С1. В основе дошедшей до нас Белорусской 1 (Западнорусской) летописи лежит митрополичий свод 1446 г., составленный, по всей видимости, в Смоленске.⁴⁷ Но свод этот весьма скромен по своим масштабам и еще не отражает той грандиозной работы, которая была произведена при составлении протографа Н4—С1. Именно поэтому протограф этот можно рассматривать как более поздний этап летописной работы, свод 1448 г.⁴⁸ Выражение «наши князья» могло быть взято сводом 1448 г. из его источника — смоленской летописи или какого-то отдельного памятника, связанного со смоленскими Ростиславичами (потомками которых были князья, правившие в XV в. в Ярославле, и их родичи).

Таким образом, сам по себе анализ Повести о Липице не дает достаточных данных для решения узловых вопросов истории русского летописания. Однако анализ этого любопытнейшего памятника обязательно должен учитываться при исследовании летописания и древнерусской литературы.

⁴⁶ Ср.: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 101—111.

⁴⁷ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 333.

⁴⁸ Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 115—118.

В. И. ОХОТНИКОВА

Летописная редакция Повести о Довмонте в сборнике из собрания Уварова

Исследователям Повести о Довмонте и псковского летописания до недавнего времени не были известны летописные редакции Повести вне состава летописей; считалось, что в сборниках летописная Повесть не встречается.¹ Рукопись из коллекции ГИМ, собр. Уварова, № 279, описанная в свое время Леонидом,² не привлекала внимания ученых, хотя в ней содержится Повесть о Довмонте летописной редакции. Только в недавно появившейся работе Г.-Ю. Грабмюллера «Псковские летописи»³ Уваровский сборник использовался для реконструкции начального этапа псковского летописания и изучения связей с ним Жития Александра Невского и Повести о Довмонте.

Чем интересен Уваровский список Повести?

Во-первых, обращает на себя внимание состав Уваровского сборника, окружение Повести о Довмонте. Повесть находится в сборной рукописи XVII в. трех почерков.⁴ Первая часть рукописи (первый почерк) содержит преимущественно агиографические сочинения об углических и устюжских святых. Вторая часть сборника (второй почерк) состоит из псковских произведений. Третий почерк представлен фрагментом из учения против еретиков, лист наклеен на внутреннюю сторону нижней крышки переплета. Вторая, псковская, часть Уваровского сборника включает тропари псковским князьям Всеволоду-Гавриилу и Довмонту (л. 330—344), списанные с канонника Троицкого собора, летописный отрывок, озаглавленный «Сие сказание вкратце о киевских и иных великих князех, выписано ис старых гравографов или летописцев, но в переводе греческих летописцев яснее сего издано» (л. 344—346 об.), Житие Александра Невского I вида 1-й группы 1-й редакции, по классификации Ю. К. Бегунова (л. 346—353), и Повесть о Довмонте (л. 353—356 об.).

На подборку произведений в Уваровском сборнике впервые обратил внимание Ю. К. Бегунов. Отождествив летописный отрывок Уваровского сборника с летописными заметками Псковской 2 летописи и полагая,

¹ См.: Н. И. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. Обзор редакций и тексты. М., 1915, с. 266; А. Н. Насонов. Из истории псковского летописания. — ИЗ, 1946, т. 18, с. 286.

² Леонид. Систематическое описание славяно-российских рукописей собрания графа А. С. Уварова, ч. II. М., 1893, с. 479—481.

³ Н.-Ю. Грабмюллер. Die Pskover Chroniken. Untersuchungen zur russischen Regionalchronistik im 13—15. Jahrhundert. Wiesbaden, 1975.

⁴ Подробное описание рукописи см.: Леонид. Систематическое описание..., с. 479—481; Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII в. «Слово о погибели русской земли». М.—Л., 1965, с. 212.

что Повесть о Довмонте в нем соответствует тексту Повести в П2Л, как и текст Жития Александра Невского, Ю. К. Бегунов предположил, что вторая, псковская, часть Уваровского сборника представляет собой выписки из П2Л и канонника Троицкого собора, которые были сделаны в Троицком соборе и лишь позднее (XVII в.) привлечены при составлении Углического летописного свода.⁵

С выводами Ю. К. Бегунова и его определением редакций произведений в Уваровском сборнике в основном согласился Г.-Ю. Грабмюллер. Отметив соответствие второй части Уваровского сборника Синодальному списку П2Л, он пришел к следующему заключению: П2Л и Уваровский сборник восходят к общему оригиналу, из которого ими заимствуются Повесть о Довмонте, Житие Александра Невского и летописные заметки о первых русских князьях. Он находился в Троицком соборе и содержал все перечисленные агиографические и летописные материалы. Г.-Ю. Грабмюллер считает, что это был сборник, в котором отдельные памятники, как в Уваровском сборнике, не зависели друг от друга, не составляли литературного единства. И только в П2Л, вернее ее протографа, Повесть о Довмонте и Житие Александра Невского были включены в состав летописи.⁶ «Троицкий сборник» — так Г.-Ю. Грабмюллер назвал предполагаемый протограф Синодального списка П2Л и Уваровского сборника — служит для него доказательством того, что «праформа» (Vorform) псковского летописания была связана с Троицким собором, что Житие Александра и Повесть о Довмонте не входили вначале в текст летописи, а существовали как самостоятельные произведения. Впоследствии материалы «Троицкого сборника» привлекались при составлении летописных сводов. Житие Александра использовалось только в П2Л. Повесть о Довмонте вошла в протограф псковских летописных сводов.⁷

Привожу стемму взаимоотношений «Троицкого сборника» с Синодальным списком П2Л и Уваровским сборником, а также стемму происхождения псковских летописных сводов по Г.-Ю. Грабмюллеру.⁸

При сопоставлении стемм становится ясно, какое значительное место в истории псковского летописания и Повести о Довмонте отводит Г.-Ю. Грабмюллер Уваровскому сборнику: он является отражением, пусть частичным, того сборника, который послужил источником для архетипа псковских летописей. Но, придавая столь важное значение Уваровскому сборнику, Г.-Ю. Грабмюллер совершенно не обращается к текстам его произведений. Изучая отношения между летописными редакциями Повести о Довмонте, устанавливая редакцию, близкую тексту протографа летописной Повести, он ни разу не привлекает Повесть о Довмонте из Уваровского сборника.

Как уже писалось выше, и Ю. К. Бегунов, и Г.-Ю. Грабмюллер отнесли Повесть о Довмонте в Уваровском сборнике к редакции П2Л. Од-

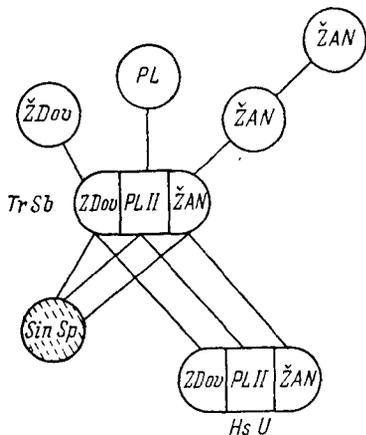
⁵ Ю. К. Бегунов. Памятник русской литературы XIII в., с. 212.

⁶ Г.-Ю. Грабмюллер совершенно неосновательно противопоставляет композицию П2Л и Уваровского сборника (см. таблицу 7 на с. 114 его работы). Сопоставление состава Уваровского сборника и начала П2Л у Грабмюллера неточно: Житие Александра Невского в Уваровском сборнике поставлено в таблице перед летописным введением, в то время как оно находится перед Повестью о Довмонте, как и в Синодальном списке П2Л. По композиции начало П2Л и псковская часть Уваровского сборника совершенно идентичны (см. таблицу на с. 122 данной статьи).

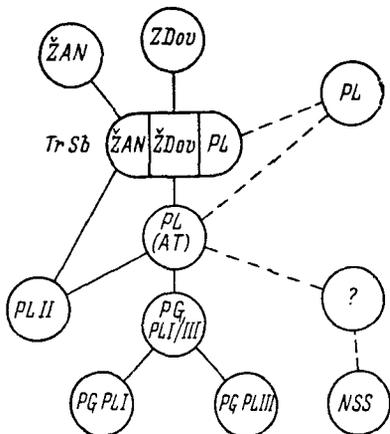
⁷ H.-J. G r a b m ü l l e r. Die Pskover Chroniken..., S. 110—113, 120—121.

⁸ В стеммах Г.-Ю. Грабмюллером приняты следующие сокращения: ZDov — Повесть о Довмонте; ZAN — Житие Александра Невского; PL — Псковская летопись; PLI, PLII, PLIII — соответственно Псковская 1, 2, 3 летописи; TrSb — Троицкий сборник; Hs.U — Уваровский сборник; SinSp — Синодальный список П2Л; AT — архетип; PG — протограф; NSS — Новгородско-Софийский свод, протограф С1Л—Н4Л.

Stemma 22, S. 114

Stemma 23, S. 121.

нако сравнение текстов летописных редакций Повести о Довмонте с Уваровским показывает, что с редакцией Повести в П2Л Уваровский список сходен лишь в первых фразах, и то точных соответствий нет. Затем текст Уваровского списка совпадает с Повестью о Довмонте П3Л и П1Л. Во всех случаях, когда тексты Повести редакции П2Л, с одной стороны, и П1Л, П3Л — с другой, отличаются друг от друга, Уваровский список обнаруживает сходство с Повестью П1Л и П3Л. Так, например, в описании первого похода Довмонта на Литву и битвы с литовским князем Гердедем в Повести из П2Л не приводится совет Довмонту стражей, известивших его о погоне, немедленно начинать бой. В П1Л, П3Л и Уваровском списке Повести ответ стражей читается в одном и том же виде. Повествование о Раковорской битве в Уваровском списке совпадает с рассказом Повести П3Л (в П1Л начала Повести недостает, и Тихоновский и Архивский I списки дефектны),⁹ П2Л дает совершенно иное описание этих событий. Нет в Повести из П2Л рассказа о походе Довмонта в Поморье, в Уваровском списке он читается в редакции П3Л (в П1Л сохранился лишь конец этого рассказа). В тексте Повести П2Л не содержится известия о «знамени в луне», в Уваровском списке, П1Л и П3Л оно дается в одной и той же редакции. В изложении событий 4 марта 1299 г. Уваровский список также обнаруживает сходство с повестью из П1Л и П3Л.

Приведем примеры более мелких разночтений, сближающих Повесть о Довмонте Уваровского списка и редакций П1Л, П3Л.

Повесть о Довмонте

Уваровский
список¹⁰

... и помысли своими
бояри креститися во
имя отца и сына и
святого духа (л. 353
об.).

П1Л, П3Л¹¹

... и помысли свои-
ми бояры креститися во
имя отца и сына и свя-
того духа (П3Л, с. 83).

П2Л

И крещен бысть во
имя отца и сына и свя-
того духа... (с. 16).

⁹ Описание рукописей дается А. Н. Насоновым при издании летописей: Псковские летописи, вып. I. М.—Л., 1941, с. X—XI.

¹⁰ ГИМ, собр. Уварова, № 279, листы указаны в тексте, в скобках.

¹¹ Тексты приводим по изд.: Псковские летописи; П1Л — вып. I. М.—Л., 1941; П2Л, П3Л — вып. II. М., 1955, страницы указаны в тексте, в скобках. Списки П1Л

И по неколицех днех помысли ехати с мужи псковичи и пленити землю Литовскую; и поспешением святыя Троицы... (л. 353 об.).

...а стражи постави на реце Двине Давыда Якуновича, внука Лаврова, с Лукою Литовником, два 90 муж отпроводи с полоном... (л. 354).

Помози вам бог и святая Троица, уже еста устерегла рать велику, полезета долов (л. 354).

И ехав князь Домонтъ с мужи псковичи, божиею силою и святого Левонтия одним девянством 7 сот победы (л. 354 об.).

...а инии вси без вреда сохрани быша молитвою святого Леонтия. И возвратишася с радостию великою ко Пскову граду со мноюю корыстью; и бысть радость и веселие во граде Пскове о пособии святые Троицы и славного великомученика христова Леонтия и благоверного князя Всеволода (л. 355).

...8 сот немец победы на реце на Мироповне, а 2 насад бежаша... (л. 355 об.).

...а зажже остров и пожжи под травою, а инии побегоша, а власи их исъсече, а инии истопоша... (л. 355 об.).

В лето 6774. По неколицех днех помысли ехати с мужи псковичи, с 3-ми деяности, и плени землю Литовскую... (ПЗЛ, с. 83).

...а стражи постави на реце на Двине, Давыда Якуновича, внука Жаврова, с Лувою с Литовником; две же девяноте мужь отпроводи с полоном... (ПЗЛ, с. 83).

Помози вам бог и святая Троица, оже еста устерегла рать велику, полеста долов... (ПЗЛ, сп. Архивский I, с. 15).

И ехав князь Домонтъ с мужи псковичи, божиею силою и святого Леонтия одним девянством 7 сот победы (ПЗЛ, сп. Архивский I, с. 15).

...а инии вси без вреда съхрани быша молитвою святого христова мученика Леонтия; и възвратишася с радостию великою ко Пскову граду с мноюю корыстию; и бысть радость и веселие велико в граде во Пскове о пособии святые Троица и славного великого христова мученика Леонтия и благоверного князя Всеволода, их молитвами на супостагы победа (ПЗЛ, с. 84).

...800 немец победы на реце на Мироповне, а два насада бежаша... (ПЗЛ, с. 3).

...зажже и остров, и пожже их под травою, а инии побегоша, а власи их зажжени горят, а иных исъсече, а инии истопоша в воде... (ПЗЛ, с. 3).

И не по колидех днех поим с собою пскович ратных мужь три девяноте, иде в землю Литовскую... (с. 16).

...а стражи постави на реце на Двине, Давыда Якуновича с Лувою Литвином; две же девяноте мужь отпусти с полоном (с. 16).

Помози вама бог святая Троица на стражи вашей (с. 17).

И, сия рекши, двинушася, и тако божиею помощию единым девянством 700 ратных победы (с. 17).

...а инии вси без вреда съхрани быша, помощию святые Троица и молитвою и воеводством святого Леонтия и благоверного князя Всеволода; и возвратишася с радостию к городу Пскову и с мноюю корыстию (с. 17).

...8 сот победы немец на реце на Мироповне, оных исъсече, а инии истопоша в воде, а две насаде бежаша... (с. 17).

...повеле зажжети остров, и егда начаша погании бегати, палиме траве, възполеша огнемь и власи на них и порты, и тако победи их... (далее текст расходится еще более) (с. 17).

Текст Уваровского списка Повести неполный. Он заканчивается известием о том, что Довмонт с Иваном Дорогомилевичем выезжают против немецких полков, но описания битвы «у Петра и Павла на брезе» уже нет. Текст кончается на середине листа странным словом «преди-

дефектны, начала повести о Довмонте не сохранилось, поэтому сопоставление дается и по ПЗЛ, когда это возможно, и по ПЗЛ.

словие». Вторая половина листа 356 об. чистая. Такой обрыв в переписке текста на середине листа трудно объяснить. Возможно, оригинал Уваровского списка был дефектен.

Итак, текст Уваровского списка совпадает с Повестью о Довмонте в редакции П1Л и ПЗЛ, причем есть чтения, которые доказывают большую близость Уваровского списка с П1Л. Можно указать на крупные расхождения между Уваровским списком и П1Л, с одной стороны, и ПЗЛ — с другой.

Так в Уваровском списке Повести, как и в Повести из П1Л (списки Тихановский и Архивский I), нет последовательной хронологической сети. В Повести из ПЗЛ указываются даты событий, при этом они совпадают с датировкой С1Л, Н4Л—Н5Л. Г.-Ю. Грабмюллер в своей работе о псковском летописании отметил, что ПЗЛ в целом в отличие от П1Л обнаруживает следы влияния Н5Л.¹² Вероятно, оно сказалось и в датировке событий в Повести о Довмонте.

Уваровский список	П1Л	ПЗЛ
По том по неколицех днех останок собравшеса поганые латинны... (л. 355).	По том по неколицех днех останок собравшеса поганой латинне... (с. 3).	В лето 6779. ¹³ И по том по неколицех днех останок собравше поганое латинны... (с. 85).
Слышав же местер земля Ризския мужество Довмонтово... (л. 355 об.).	Слышав же местер земля Ризския мужество князя Довмонта... (с. 3).	В лето 6780. ¹⁴ Слышав же местер земля Ризския мужество Довмонтово (с. 85).
...изгониша немцы ратью посад у пскович в лето 6806 (л. 356 об.).	...изгониша ратью немцы посад у Пскова, в лето 6806... (с. 4).	...изгониша немцы изгонною ратью посад у Пскова в лето 6807... ¹⁵ (с. 86).

Ряд мелких разночтений также доказывает сходство Повести о Довмонте в Уваровском списке с Повестью в П1Л и отличает их от Повести в ПЗЛ.

Уваровский список	П1Л	ПЗЛ
Давыда Якуновича, внука Лаврова, с Лукою Литовником... (л. 354).	...Давыда Якуновича, внука Лаврова, с Лукою Литовником... (с. 15).	...Давыда Якуновича, внука Жаврова, с Лувою с Литовником... (с. 83).
...не терпя обидимым быти от нападения поганых немец... (л. 355 об.).	...не терпя обидим быти от нападения поганых немец... (с. 3).	...не стерпе обидиме быти земли и дому святых троица от нападения поганых немец... (с. 85).
...в пят насадов с 6 муж... (л. 355 об.).	...в пяти насадах с 60 мужь... (с. 3).	...в пяти насадах с шестьюдесятью мужь псковичь... (с. 85).
И возвратишася во град во Псков... (л. 355 об.).	И возвратися во град Псков... (с. 3).	И възвратишася с радостю великою в град во Псков... (с. 85).
...а иныя в работу ввести (л. 356).	...а инех в работу ввести (с. 3).	...а иныя люди псковския в работу ввести (с. 85).
...призри на кроткия и смиренныя свыше... (л. 356).	...призри на кроткия и смиренныя свыше... (с. 3).	...призри на кроткия и смиренныя възвыши... (с. 85).

¹² Н.-J. Grabmüller. Die Pskover Chroniken..., S. 77—81.

¹³ То же в С1Л, Н4Л, Н5Л.

¹⁴ В С1Л нет даты, Н4Л и Н5Л — 6780.

¹⁵ С1Л, Н4Л, Н5Л — то же.

...на память свя-
таго мученика Феодора
Стратилата (л. 356).

...изгониша немцы
ратью посад у пскович
(л. 356 об.).

...на память свя-
того мученика Феодора
Стратилата (с. 3—4).

...изгониша ратию
немцы посад у Пскова
(с. 4).

...на память свя-
того мученика Федора
Стратилата принесению
мощей (с. 86).

...изгониша немци
изгонною ратью посад
у Пскова... (с. 86).

Кроме того, текстуальное сопоставление двух списков Повести П1Л — Тихановского и Архивского I — с Уваровским позволяет говорить о большей близости Уваровского списка к Тихановскому. Правда, сопоставление возможно только на небольшом фрагменте текста (со слов «...а останок их устремишася на брегъ» до «И помощью святыхъ Троица...»), поскольку в Тихановском и Архивском списках нет начала Повести, а в Уваровском — конца. Но сходство Уваровского и Тихановского списков Повести и отличие их от Архивского I столь явные, что можно сделать вывод о близости двух списков вообще. Рассказ о нападении немцев на Псков 4 марта 1299 г. в Тихановском и Уваровском списках тождествен. В Архивском I здесь читается сообщение о смерти псковских священников, как и в Повести ПЗЛ. Отличается в этих списках и датировка битвы с магистром Ливонского Ордена — в Тихановском: «июния во 8 день» (с. 3), то же в Уваровском списке, в Архивском: «июня в 18 день» (с. 3). Архивский I список Повести уточняет дату лунного затмения — «месяца сеньтября 8 день» (с. 4), в Уваровском и Тихановском списках день затмения не указывается. В Архивском I списке не читается описание битвы «у Петра и Павла на брезу». Уваровский список обрывается именно на этом эпизоде, но начало его сходно с Тихановским списком. Приведем еще ряд совпадений Уваровского и Тихановского списков.

Уваровский

Паки же пу (так)
времени княжения его...
(л. 356).

...изгониша немцы
ратью посад у Пско-
вич... (л. 356 об.).

...избиша игумены,
черница, и черниц, и
убогия, и жен, и мла-
дья дети, а муж бог
ублюде (л. 356 об.).

Тихановский

И паки же по вре-
менех княжения его...
(с. 4).

...изгониша ратию
немцы посад у Пско-
ва... (с. 4).

...избиша игумены
и черницы и черницы и
убогия, жены и мла-
дья дети, а мужей бог
ублюде (с. 4).

Архивский I

И паки же по том
же времени княжению
их... (с. 4).

...изгониша немцы
ратию посад пожже
у Пскова... (с. 4).

...черноризцы мно-
го избиша, и убогих,
жен и детей, а мужей
бог ублюди (с. 4).

Совпадения Уваровского и Архивского I в отличие от Тихановского несущественны, они носят грамматический характер и их мало. Текстуальное сходство Уваровского и Тихановского списков Повести предполагает общий для обоих списков протограф.

И еще один интересный для характеристики текста Повести о Довмонте в Уваровском списке момент: здесь имеется фраза, которая сохранилась кроме Уваровского списка только в С1Л. В С1Л рассказ о Довмонте близок редакции П1Л,¹⁶ но в нем есть целый ряд чтений: а) более архаичных, чем в этой летописной Повести,¹⁷ б) совпадающих с Повестью в П2Л.¹⁸ Это свидетельствует о том, что составитель протографа С1Л—Н4Л (в С1Л Повесть о Довмонте была заимствована из

¹⁶ Я. С. Лурье. *Общерусские летописи XIV—XV веков*. Л., 1976, с. 77—78.

¹⁷ А. Н. Насонов. *Из истории псковского летописания*, с. 286.

¹⁸ Там же.

общего для нее и Н4Л источника — свода середины XV в.)¹⁹ располагал таким текстом Повести о Довмонте, который послужил основой для всех трех летописных псковских редакций, т. е. их протографом. Должно быть, общий для Тихановского и Уваровского списков оригинал также восходил к этому тексту, и Уваровский список отразил его полнее, чем Тихановский, поскольку в тексте Уваровского списка есть совпадения с Повестью о Довмонте из С1Л, отличающие его от Повести в П1Л, П2Л и ПЗЛ.

Уваровский список	С1Л	ПЗЛ
...помысли ехати с мужи псковичи и пленити землю Литовскую. И поспешением святых Троицы, ехав с мужи псковичи с трими девяносты, и плени землю Литовскую, отечество свое... (л. 353 об.).	...и помысли ехати с псковичи воевати землю Литовскую; и поспешением святого духа и святых Троицы, ехав с трима девяносты, и плени землю Литовскую и отечество свое повоева все... ²⁰	...помысли ехати с мужи псковичи, с 3-ми девяносты, и плени землю Литовскую и отечество свое повоева... (с. 83). ²¹

Сопоставление разных редакций Повести о Довмонте с Уваровским списком этого памятника показало, что в Уваровском сборнике читается текст, близкий редакции П1Л (Тихановскому списку), а не П2Л, как это считалось ранее. Нет ни одного чтения, которое позволило бы говорить о большей близости Уваровского списка с Повестью П2Л.

Совпадения Уваровского и Тихановского списков Повести предполагают существование для них общего оригинала, текст которого в том и другом списке не подвергся значительным изменениям.

Обратимся вновь к составу Уваровского сборника.

Соответствие композиции псковской части Уваровского сборника и начала П2Л полное.

Синодальный список П2Л	Уваровский сборник
I. Летописное введение	I. Летописное введение. «Сказание вкратце о киевских и иных великих князех».
а. Нет	а. Перечисление русских князей от Аскольда до Владимира. То же.
б. Начало Киева, легенда о Кие, Щеке и Хориве.	То же.
в. Приход Аскольда и Дира, русская земля во времена этих князей.	То же.
г. Приглашение варяжских князей Рюрика, Трувора и Синеуса.	То же.
д. Начало рода Рюриковичей.	Нет (см. «а»).
е. Перечисление русских князей от Аскольда до Владимира.	То же.
ж. Княжение Владимира.	Нет.
з. Перечисление сыновей Владимира.	То же.
II. Житие Александра Невского.	То же.
III. Повесть о Довмонте.	То же.

Летописное введение, рассказывающее о первых русских князьях, совпадает по последовательности эпизодов (как это видно из таблицы) и тексту в Синодальном списке П2Л и в Уваровском сборнике. Можно

¹⁹ Я. С. Лурье. Общерусские летописи..., с. 77—78.

²⁰ ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, с. 192.

²¹ В П1Л (список Архивский I) сохранился только конец фразы: «и пленити землю Литовскую, отечество свое...» (с. 15).

отметить только небольшие отклонения — в пунктах а, е, з. Лишь иногда в Уваровском списке дается краткий вариант сообщения; новых известий по сравнению с Синодальным списком нет. Такое соответствие текстов делает закономерным предположение о существовании общего для Синодального и Уваровского списков оригинала текста летописного введения, который оба списка передали почти без изменений.

Вторая часть, Житие Александра Невского, в Синодальном и Уваровском списках также имеет общий протограф. Согласно Ю. К. Бегуну, тот и другой список принадлежат 1-й группе I вида 1-й редакции.

И только Повесть о Довмонте в Уваровском списке читается в отличной от Синодального списка редакции — П1Л.

Следовательно, полное отождествление второй части (псковской) Уваровского сборника и начала П2Л невозможно, но существование общего для них протографа бесспорно.

Г.-Ю. Грабмюллер считал, что этим протографом был «Троицкий сборник». На наш взгляд, это название не совсем удачно, так как создается неверное представление о характере протографа и отношениях между ним, Уваровским сборником и Синодальным списком П2Л. Общий для Уваровского сборника и Синодального списка П2Л оригинал представлял собою не обычный сборник, составленный из самостоятельных произведений, как полагал Г.-Ю. Грабмюллер. Вероятнее всего, это был «старый гранограф или летописец», как назвал свой источник летописных извлечений о русских князьях переписчик псковской части Уваровского сборника. И составными частями этого «летописца» являлись Житие Александра Невского и Повесть о Довмонте: в Уваровском сборнике они следуют непосредственно за «Сказанием вкратце о киевских и иных великих князях» и даже не отделяются от него и друг от друга красной строкой, большой буквой или заголовком. Это предположение кажется вполне вероятным, так как композиция Уваровского сборника соответствует расположению произведений, входящих в состав П2Л; кроме того, между отдельными произведениями обеих рукописей (летописное введение — «Сказание вкратце о киевских и иных великих князях», Житие Александра Невского) наблюдается и текстуальное сходство.

Г.-Ю. Грабмюллер полагал, что протограф Уваровского сборника и Синодального списка П2Л («Троицкий сборник») в Уваровском сборнике был переписан, а при составлении П2Л его материалы включались в летописный свод, т. е. менялась композиция сборника, его тип, но произведения не подвергались редакционной правке. На самом же деле структура протографа никаких изменений не претерпела — только на каком-то из этапов переписки (либо Уваровского сборника, либо Синодального списка П2Л) изменилась редакция Повести о Довмонте.

Наблюдения над композицией Уваровского сборника и редакциями произведений, входящих в его состав, важны для изучения истории псковского летописания и Повести о Довмонте, определения летописной редакции Повести, более точно отразившей ее протограф. Одним из аргументов Грабмюллера в пользу первичности и «древности» Повести о Довмонте П2Л явилось предположение о существовании «Троицкого сборника», в котором Повесть о Довмонте читалась в редакции П2Л и из которого она была заимствована в протограф псковских летописных сводов. После определения редакции Повести в Уваровском сборнике (П1Л) и установления идентичности его композиции и начала П2Л выводы Грабмюллера о генетических связях редакций Повести кажутся неубедительными.

Из сопоставлений, проделанных в данной работе, следует, что существовал «летописец», начало которого тождественно П2Л, а Повесть о Довмонте, входящая в его состав, принадлежала редакции П1Л, как в Уваровском сборнике.

Поэтому можно предположить, что тип подборки произведений Уваровского сборника (начало П2Л и Повесть о Довмонте в редакции П1Л) был первичным, в П2Л Повесть о Довмонте была переработана. Более подробное обоснование этого вывода на основе текстуральных сопоставлений всех редакций Повести в их соотносительности с историей псковского и общерусского летописания будет дано в специальной работе.

Уваровский список Повести интересен еще и с другой точки зрения. Как известно, списки П1Л (Тихановский и Архивский I) дефектны, летопись начинается с середины Повести о Довмонте. Начало Повести обычно восстанавливалось по редакции П3Л, поскольку она более близка (в сохранившейся части) П1Л, чем редакция Повести П2Л. Но все же твердой уверенности в близости редакций не было. Благодаря Уваровскому списку мы получаем более полное представление о Повести в редакции П1Л.

Летописная редакция Повести о Довмонте в сборнике XVII в. из собрания Уварова

353 Ва лето 6773 взя Воишегл в землю литовскую и прибеже Довмант во
354 Псков и крестися. Того^б же лета побипаша литва межи собою || некия
об. ради мужа. Блаженны же князь Домонт с дружиною своею и со всем
родом своим оставль отчество свое, землю Литовскую, прибеже во Псков.
Се бысть князь Домонт от племени литовска, первые имея ко идолом
служения по отцу предания. Егда бог восхоте избрати себе люди новы,
и вдохну в онь благодать святаго духа, и возбнув, яко от сна, идольского
служения и помысли своими бояри креститися во имя отца и сына и
святаго духа. И крещен бысть в соборной церкви в святей Троицы, и
наречену бысть имя ему во святом крещении Тимофеи. И бысть радость
велика во Пскове, и посадиша его псковицы на княжение во граде
Пскове.

И по неколицех днех помысли ехати с мужи псковичи и пленити
землю Литовскую. И поспешением святаго Троицы, ехав с мужы пско-
вицы с трими девяносты, и плени землю Литовскую, отечество свое, и
княгиню Герденеву полони и дети ея, и все княжение его повоева, и
354 възратися с множеством полона || к граду Пскову. Перебродився Двину,
отъеха за 5 верст и ста шатри на бору чисте, а стражи постави на рече
Двине Давыда Якуновича, внука Лаврова, с Лукою Литовником, два
90 муж отправади с полоном, а в едином 90 сам ся оста, ждя по себе
погоне.

Герденю же своими князи дома не бывшу, и приехаша в дома своя,
аже домови их и земля вся пленена. Ополчився Гердинь и Готорт и
Любми и Лигаило и протчии князи, в 7 сот погнаша вслед Домонта, хо-
тяща его руками яти, а мужи лютой смерти предати, а муж пскович
мечи иссечи. И пребродився Двину реку, сташа на брезе.

Стражи же, видевше рать велику, пригнаша, поведаша Доманту:
рать пребродився Двину. Домант же рече Давыду и Луве: «Помози вам
бог и святая Троица, уже еста устерегла рать велику, полезета долов». И
рече Давыд и Лува: «Не лезеве долов, хоцеве живот свои дати на

а Доб., в ркп. оставлено место для буквы. б В ркп. ого, для Т оставлено место.

славу и кров свою пролити с мужи со псковичи за святую Троицу и за вся церкви святых. А ты, господине княже, поеди борзо || с мужи псковичи на поганую Литву». Довмант же рече псковичам: «Братия мужи псковичи, кто стар, то отец, а кто млад, то брат. Слышал есмь мужество ваше во всех странах, се же, братие, предлежит нам живот и смерть. Братия мужи псковичи, потяните за святую Троицу и за святых церкви и за свое отечество».

л. 354
об.

Тогда же преспел день великаго славнаго воеводы мученика Христова Левонтея, и рече князь Тимофеи: «Святая Троица и святые великий воевода Леонтеи и благоверный князь Всеволод, помози нам в часии на супротивныя враги». И ехав князь Домонтъ с мужи псковичи, божиею силою одним^в и святого Левонтия одним девяностом 7 сот победы. Тогда убиен бысть князь великий литовский Готорт и инех князей многих избивша, а иная литва в Двине истопоша, а инех Двина изверже 70 на остров Гоидов, а иные на прочия острова извержены быша, а иные вниз по Двине поплыша. Тогда же убиен бысть Онтон, един псковитин, сын Лочков, брат || Смолигов, а инии вси без вреда сохранени быша молитвою святого Леонтея. И возвратишася с радостию великою ко Пскову граду со многою корыстью, и бысть радость и веселие во граде Пскове о пособии святых Троицы и славнаго великомученика Христова Леонтея и благоверного князя Всеволода. Богу нашему слава.

л. 355

Паки же по том времени в^г лето 6775 великий князь Дмитрии Олександрович з зятем своим з Довмантом, с мужи с новгородцы и со псковичи иде к Ракавору, и бысть сеча велика с погаными немцы на поле чисте, помощию святых Софеи премудрости божии и святых Троицы немецкие полки побивша. И прошед горы непроходимыя, и иде на вирюаны, и плени землю их и до моря, и повоева Поморье, и паки возвратися, исполни землю свою множеством полона. И славна бысть вся земля его во всех странах его страхом грозы храброства великаго князя Дмитрия и зятя его Довманта и муж ею и новгородцев и псковичей.

По^д том по неколицех днех останок собравшеся поганые латынны, и пришед тайно, и взяша с украины не || колико сел^е псковских сел, и возвратишася вскоре. Боголюбивый же князь Довмонть не терпя обидимым быти от нападения поганых немец, выеха в погоню с малою дружиною в пят насадов с 60 муж, божиею силою 8 сот немец победи на реце на Мироповне, а 2 насад бежаша в иные острова. Боголюбивый же князь Довмант ехав, и заже остров, и пожжи по травую, а инии побегоша, а власи их исьсече, а инии истопоша пособием святых Троица и славнаго великаго воина Георгия и молитвою благоверного князя Всеволода месяца апреля в 23 день, на память святого славнаго мученика христова Георгия. И возвратишася во град во Псков, и бысть радость и веселие во граде Пскове о пособии святых Троица и святого воина Георгия.

л. 355
об.

Слышав же мастер земля Рязския мужество Довмонтово, ополчився в силе тяжце без бога, и прииде ко Пскову в раблех^ж и в лодиях и на конех с пороки, хотя пленити дом святых Троица, а князя Довманта яти, а муж пскович пересечи, а иныя в работу ввести || Слышав же Довмонть ополчающася люди без ума во множестве силы без бога, и вниде в церковь святых Троица и, положив меч свой пред олтарем господним, пад, моляся много с плачем, сиде глаголя: «Господи боже сил, мы люди

л. 356

^в Так в ркп. г Доб., в ркп. оставлено место для буквы. ^д В ркп. о, для П оставлено место. ^е Так в ркп. ^ж Так в ркп.

твоя, овца пажити твоя, имя твое призываем, призри на кроткия и смиренныя свыше, а гордых высокия мысли низложи, да не опустеет пажить овец твоих». Взем же меч игумен Сидор и весь иереиский чин, препоясавша и мечем, благословивше, отпустиша и с миром. Довманть же во множестве ярости мужества своего, не дождав полков новгородских, с малою дружиною с мужи псковичи выехав, божиею силою изби полки их, самого же местера раница по лицу. Они же трупия своя накладше многи учаны, везоша в землю свою, а останок их устремися на бег месяца июня в 8 день, на память святаго мученика Феодора Стратила.³

Паки же пу^н времени княжения его начаша поганая латыня силу деяти на пскович нападанием и работою; боголюбивый же князь Тимофеи не стерпе обидим быти, ехав с мужи псковичи; плени землю их и грады их пожже. ||

л. 356
об. И^к потом по мале времени бысть знамения в солнце в луне месяца сентября. Тое же зымы за умножение грех ради наших изгониша немцы ратью посад у пскович в^л лето 6806 месяца марта в 4 день, на память святаго мученика Павла и Ульяны, избиша игумены, чернца и черниц, и убогия, и жен, и младыя дети, а муж бог ублюде. Во утреи же день погани немцы обступиша град Псков, хотяша его пленити. Боголюбивый же князь Тимофеи не стерпе дождати муж своих болшей рати, выеха с малою дружиною с мужи псковичи со Иваном з Дорогомилвицом и с его дружиною противу их, и помощию святаы Троица отгна немец, и граждн избави от нахождения поганых. Предисловие.

³ Так в ркп. и Так в ркп. к Доб., в ркп. оставлено место для буквы. л Доб., в ркп. оставлено место для буквы.

М. Ф. АНТОНОВА

Некоторые особенности стиля «Жития Стефана Пермского»

Долгое время в русской филологии художественная и эстетическая ценность стиля «плетение словес», развившегося в XIV—XV вв., не осознавалась. Отрицательные оценки этого стиля принадлежат В. О. Ключевскому,¹ В. Яблонскому² и другим ученым. Д. С. Лихачевым были по-новому поставлены проблемы второго южнославянского влияния и намечены пути конкретных исследований.³ Стиль «плетение словес» был включен в широкий культурный контекст эпохи и охарактеризован как экспрессивно-эмоциональный. Художественные принципы этого стиля наиболее ярко выразились в «Житии Стефана Пермского» Епифания Премудрого. Этот памятник привлекал внимание ученых: ему посвящен ряд статей О. Ф. Коноваловой,⁴ книга Ф. Китч «Литературный стиль Епифания Премудрого. Плетение словес».⁵ О. Ф. Коновалова рассматривала литературную позицию Епифания Премудрого, ряд тропов: метафору, сравнение, эпитет и амплификацию. Исследовательница пришла к выводу о традиционности метафор и сравнений и охарактеризовала стиль Жития Стефана Пермского как метафорически-символический. Ф. Китч рассмотрела творчество Епифания Премудрого на широком историко-литературном фоне, она сопоставила Житие Стефана Пермского с болгарскими и сербскими житиями — Иоанна Рыльского, Филофея, Петки, написанными Евтимием, и житиями Симеона и Саввы Доментиана. Ф. Китч считает Житие Стефана Пермского наиболее оригинальным среди произведений стиля «плетение словес». Тем не менее нельзя считать стиль этого памятника полностью изученным. Исследователи обошли стороной важную особенность художественной системы Жития — широкое использование Епифанием Премудрым лексической синонимии. Д. С. Лихачев обратил внимание на употребление синонимов и синонимических сочетаний в житиях экспрессивно-эмоционального стиля, но подробно синонимия в Житии Стефана Пермского не рассматривалась.

¹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.

² В. Яблонский. Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.

³ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения второго южнославянского влияния в России. М., 1958.

⁴ О. Ф. Коновалова. 1) К вопросу о литературной позиции писателя конца XIV века. — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 205—214; 2) «Плетение словес» и плетеный орнамент конца XIV в. (К вопросу о соотношении). — ТОДРЛ, т. XXII. М.—Л., 1966, с. 101—111; 3) Принцип отбора фактических сведений в Житии Стефана Пермского. — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, с. 136—138; 4) Об одном типе амплификации в Житии Стефана Пермского. — ТОДРЛ, т. XXV. Л., 1970, с. 73—80.

⁵ F. M. Kitch. The literary style of Epifanij Premudryj. Pletenije sloves. München, 1976.

Синонимия является одним из ведущих и наиболее часто употребляющихся в произведении стилистических приемов — синонимы или близкие по смыслу сочетания пронизывают весь текст Жития, и авторскую речь, и речь персонажей. Епифаний Премудрый использует языковые синонимы, например «настоящая» и «грядущая», «нынешняя» и «будущая». ⁶ Кроме этого, писатель создает свои, авторские, контекстуальные синонимы. Особенно богато Житие контекстуальными синонимическими сочетаниями.

Лексическая синонимия — интересный материал для исследований в области исторической лексикологии. Прием создания длинных рядов синонимов и цепей синонимических сочетаний возник на основе старого, известного уже стилю исторического монументализма приема полноты перечисления. Как рудимент стилистики первого монументализма прием полноты перечисления также используется Епифанием Премудрым, но занимает подчиненное место. «Яже суть се отци, праотци, патриарси, пророци, апостоли, евангелисты, благовестницы, проповедници, и исповедницы, мученицы, святители, учителя, священномученицы, преподобномученицы, отци святии, преподобнии и богоноснии, постницы, пустынницы, идеже суть ликове избранных и души праведных» (с. 104). Этот прием реализуется в перечислении реалий, создавая избыточность, с современной точки зрения, однородной фактической информации — ссылочных сведений, данных, имеющих характер подтверждающих примеров.

Вот перечисление известных Епифанию Премудрому плачей, служащих для него образцами: «Бысть некогда плачь людем гражаном града ниневитска... бысть некогда плачь Иосифу... бысть некогда плачь Иезекиа царя израильтеска... бысть некогда плачь Давида царя... бысть некогда плачь Манасиа царя израильтеска... бысть некогда плакание Ахава царя самарийска» (с. 95). Соседство двух указанных приемов стало возможным благодаря сходству определенных эстетических установок стиля первого монументализма и экспрессивно-эмоционального стиля — сходству в требовании стилистической полноты, «сытости словесной». В указанной книге Ф. Китч не отделяет один прием от другого, по ее мнению, перечисление несинонимов призвано создать тот же эмоциональный эффект, что и ряды синонимов. ⁷ Оба стилистических приема способствуют созданию ритма — эта мысль не вызывает сомнений, тем не менее между этими приемами обнаруживается принципиальное различие.

Принцип полноты перечисления фиксирует внимание читателя, во-первых, на полноте характеристики явления со стороны содержания, во-вторых, каждый из этих элементов перечисления содержит конкретизирующий смысловой момент, поэтому ни один из членов не дублирует в информационном отношении другой, но уточняет и дополняет его. Этот прием встречается в Житии Стефана Пермского и в усложненном виде. Так, он лежит в основе схемы похвалы «Пророка ли ты нареку», но каждый элемент ряда перечисления развит Епифанием в законченную синтаксическую формулу; таким образом, в этом примере прием осложнен в смысловом отношении моментом сравнения, в синтаксическом — параллелизмом.

Синонимия в Житии Стефана Пермского выходит за рамки собственно лексической синонимии и является одним из организующих художественных принципов произведения. В рядах словосочетаний может наблюдаться совмещение двух художественных принципов: синонимии и приема перечисления. Рассмотрим следующий пример: «...что еще ты нареку, вожа

⁶ Житие Стефана Пермского. Изд. Археографической комиссии. СПб., 1897, с. 38. (Далее ссылки на страницы этого издания приводятся в тексте).

⁷ F. M. Kitch. The literary style..., p. 192, 205.

заблуждшим, обретателя погыбшим, наставника прелщеным, руководителя умом ослепленным, чистителя оскверненным, взискателя расточеным, стража ратным, утешителя печальным, кормителя алчующим, подателя требующим, наказателя несмысленым, помощника обидимым, молитвеника тепла, ходатаа верна, поганым спасителя, бесом проклинателя, кумиром потребителя, идолом попирателя, богу служителя, мудрости рачителя, философии любителя, целомудрия делателя, правде творителя, книгам сказателя, грамоте перместой списателя» (с. 106). В этом тексте присутствуют синонимические сочетания, составляющие как бы единое, нерасчлененное значение; употребление словосочетаний в этом примере аналогично использованию в Житии лексической синонимии как художественного приема. Можно выделить следующие синонимические группы: 1) вож заблуждшим, наставник прелщеным, руководитель умом ослепленным, наказатель несмысленым; 2) обретатель погыбшим, поганым спаситель; 3) кумиром потребитель, идолом попиратель; 4) мудрости рачитель, философии любитель.

Кроме синонимических, в этом тексте присутствуют и несинонимические сочетания. Нанизывание несинонимических сочетаний — пример приема полноты перечисления. Но в данном случае употребление этого приема отлично от приведенных ранее. Конкретизирующая информационная функция каждого несинонимического сочетания ослаблена, некоторые словосочетания близки между собой по значению, хотя и несинонимичны: «утешитель печальным», «помощник обидимым», «кормитель алчующим», «податель требующим». Несинонимические сочетания дополняют и уточняют являющиеся для этого отрывка Жития основными синонимические сочетания. Наблюдается совмещение двух приемов — синонимии и полноты перечисления, при этом синонимия как ведущий, основной художественный принцип произведения подчиняет себе прием полноты перечисления, происходит переход одного приема в другой. В результате конкретность контекста в целом почти утрачивается.

С синонимией как художественным принципом Жития Стефана Пермского связано использование приема стилистической симметрии. В широком смысле, как это отмечал Д. С. Лихачев,⁸ стилистическая симметрия — проявление синонимии. Тем не менее следует отличать одно от другого как разные стилистические явления. Понятие стилистической симметрии относится, с нашей точки зрения, только к сочетаниям, имеющим коммуникативный характер, к номинативным сочетаниям оно не приложимо. Основанием для отделения стилистической симметрии от контекстуальной синонимии в Житии Стефана Пермского является отсутствие значительной смысловой близости между опорными лексемами обеих частей текста. Сходство мыслей или общность мысли в обеих частях стилистически симметричной фразы, как правило, могут быть поняты из контекста в целом или для понимания стилистической симметрии необходимы какие-либо дополнительные сведения. Наоборот, контекстуальная синонимия предполагает смысловую близость, синонимичность опорных слов; для осознания сочетаний как синонимических добавочных данных или обширного контекста не требуется.

Рассмотрим несколько примеров синонимических сочетаний и стилистической симметрии. 1) «...люже име ко мне любовь ею же мя возлюби» (с. 102); 2) «...возмятеса зело и смутися велми» (с. 92); 3) «...не зазрите ми грубости и не будите ми зазиратели» (с. 4); 4) «...уже бо не имам видети тя коли уже не имам прочем к тому узрети тя zde» (с. 101); 5) «...почто таите мене еже не утаитса почто скрываете мене еже не

⁸ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 168—175.

укрыется» (с. 92). В первых трех примерах синонимические словосочетания образованы однокоренными опорными знаменательными словами; при этом вторые сочетания в каждом примере являются смысловыми повторами первых. В четвертом и пятом примерах синонимические сочетания иного рода — построенные на сходных по значению глаголах «видети—узрети», «таити—скривати—укривати». Синтаксический параллелизм в каждом случае подчеркивает смысловое сходство обеих конструкций, фиксирует внимание на общности значений знаменательных глаголов, а не на их разнице.

Приведем примеры создания контекстуально синонимических сочетаний. 1) «...сам ся себе усрамляю и окаю, сам ся обрыдаю и плачю» (с. 100). Значение глагола «окаяти» — «охуддати» создает лексическую синонимию «усрамляю — охуддаю» в первой фразе. Оба предложения, с первого взгляда, выражают разные мысли, но одно из значений глагола «окаять» — «оплакивать» сближает по смыслу обе фразы. Контекстуальная синонимия образуется за счет использования двух значений глагола «окаяти» и особой расстановки слов — этот глагол пограничный для обеих фраз. В этом примере ярко проявились два качества Епифания стилиста — использование семантического богатства слова и поразительное умение устранять стилистические швы. В тексте 2) «...уже бо межю нами межа велика сотворися, уже межю нами пропасть велика утвердися» (с. 101) опорные лексемы обеих фраз — существительные «межа» — «пропасть» и глаголы «сотворитися» — «утвердитися» не являются языковыми синонимами. Из значений слова «межа» (предел, граница, межа, расстояние) наиболее близко к слову «пропасть» значение «расстояние». Глаголы «сотворися» и «утвердися» не имеют общих значений, самые близкие значения этих слов «постановить», «устроить» — для глагола «сотворитися» и «установить» — для глагола «утвердитися». Эти значения не идентичны, но определенное семантическое сходство в них есть. Как и в предыдущем примере, синтаксический параллелизм обеих конструкций усиливает смысловое сходство обеих фраз. Сходство значений опорных слов, синтаксический параллелизм обеих конструкций, смысловое сходство обеих фраз позволяют считать их контекстуально синонимичными. Каковы функции синонимов и синонимических сочетаний в Житии Стефана Пермского? Во-первых, следует отметить вслед за Д. С. Лихачевым⁹ и Ф. Китч¹⁰ функцию усиления основного значения — она связана с общей абстрагирующей тенденцией Жития. Во-вторых, синонимы и синонимические сочетания служат для выражения исчерпывающей полноты характеристики. Как было отмечено, прием создания цепей синонимических сочетаний генетически связан с приемом полноты перечисления, эта связь и определила вторую функцию синонимов в Житии.

Приведем примеры стилистической симметрии: 1) «...но от всих сих (смертей, — М. А.) избавил тя есть господь бог»; 2) «...аще бо и не въгрузися копие в ребра твоя»; 3) «...аще и не посече мечь главы твоя» (с. 103). Вторая и третья фразы образуют стилистическую симметрию: они выражают одну, а не две разных мысли, но понять это можно, если иметь в виду первую фразу, т. е. смысл стилистической симметрии ясен из контекста. Сходных по смыслу лексем, которые можно считать синонимами, в этом примере нет. В отрывке «...не вижу бо лица его в церкви, не вижу бо очию его в церкви» (с. 92) в обеих конструкциях выражена одна мысль, а не две, — это становится ясно из контекста: церковь пермская оплакивает смерть своего епископа Стефана Пермского

⁹ Д. С. Лихачев. Некоторые задачи изучения... с. 120—123.

¹⁰ F. M. Kitch. The literary style... p. 191.

и говорит об отсутствии его в церкви. Синонимов в этом примере, как и в предыдущем, также нет. В приведенных примерах синтаксический параллелизм усиливает, акцентирует явление стилистической симметрии, создает ритмичность речи. Тем не менее следует отметить, что синтаксический параллелизм — вполне самостоятельный стилистический прием и может встречаться в Житии Стефана Пермского отдельно от синонимии и стилистической симметрии. Например, в плаче церкви пермской: «Кто скажет чадом церковным яко осиротеша, кто возвестит невесте яко овдове» (с. 91).

В Житии Стефана Пермского встречается не только классический тип стилистической симметрии, образованной парными сочетаниями, как в приведенных примерах, но и усложненные в смысловом и композиционном отношении виды стилистической симметрии. Усложняясь, стилистическая симметрия образует амплификацию, т. е. стилистическое распространение. Амплификация, основанная на особой расстановке тропов, рассматривалась О. Ф. Коноваловой,¹¹ амплификация, основой которой является стилистическая симметрия, не привлекала внимания ученых.

Обратимся к следующему примеру: «...излиа бо ся рече благодать в устех его, но обаче уже несть его, не слышу бо гласа его в церкви, устне его молчанием затвористася, уста его не глаголют, а еже излиася благодать вданая ему отлетела проч, глас его умолче, язык его преста глаголати» (с. 92). Основная мысль этого отрывка выражена девятью знаменательными словами из двадцати четырех, составляющих контекст в целом, т. е. почти две трети объема текста информативной нагрузки не несут, в смысловом отношении эта часть текста варьирует мысль, не изменяя ее, но замедляя ритм мысли, как бы задерживая ее. Стилистически эти две трети текста являются амплификацией, распространением. За счет каких художественных средств осуществляется амплификация? Наблюдается парная стилистическая симметрия внутри текста: 1) «...не слышу бо гласа его в церкви»; 2) «...устне его молчанием затвористася». Ко второму предложению примыкает близкое по смыслу выражение 3) «...уста его не глаголют». Сочетания «глас его умолче», «язык его преста глаголати», образующие парную внутриконтэкстовую стилистическую симметрию, в широком смысле являются контекстуальными синонимами к первым трем фразам как единому смысловому комплексу. Весь отрывок отчетливо делится на две симметрические части, т. е. весь текст в целом являет пример парной симметрии, причем вторая часть по смыслу очень близка первой за счет лексических повторов «излиа бо ся рече благодать в устех его... излиася благодать вданая ему» и приведенных выше симметрических сочетаний. Амплификация в этом тексте основана на явлении стилистической симметрии, а шире — на синонимии как художественном принципе.

В научной литературе обращалось внимание на особенности цитирования библейских текстов в Житии Стефана Пермского. О. Ф. Коновалова рассмотрела один из видов амплификации, состоящий в нанизывании цитат, — цитатную амплификацию. Представляется, что цитатная амплификация основана на тех же художественных принципах, что и амплификация авторского, собственно епифаниевского текста. Приведем примеры: 1) «...мнози всташа на мя» (Пс. III, 1) (с. 20); 2) «...мнози борющеся со мною» (Пс. CXXVIII, 1) (с. 20); 3) «...зубы их оружие и стрелы, язык их меч остр» (Пс. LVI, 5) (с. 20). Первая и вторая фразы, являющиеся цитатами из разных псалмов, в Житии Стефана Пермского выступают как контекстуальные синонимы. Третье выражение являет пример

¹¹ О. Ф. Коновалова. Об одном типе амплификации..., с. 73—80.

стилистической симметрии, характерной для Псалтири. Еще пример: 1) «... яко да возвещу вся хвалы твоя в стране сей» (Пс. IX, 15), 2) «... и в людех тяжцех восхваляю тя» (Пс. XXXIV, 18) (с. 21). Обе фразы — цитаты из разных частей Библии, в житии они являются контекстуально синонимическими сочетаниями, основанными на употреблении однокоренных слов: «возвещу хвалы — восхваляю». Эти примеры свидетельствуют, что стиль Епифания Премудрого — это не искусство новых тем, это искусство вариаций.

Какие художественные задачи решал Епифаний Премудрый путем широкого применения синонимов и синонимических сочетаний? В Житии Стефана Пермского таким образом была блестяще стилистически решена задача создания необычайной интенсивности, напряженности эмоций в рамках традиционных сюжетных положений. Эта задача была предопределена особенностями психологизма в Житии. Психологизм Епифания Премудрого не предполагает изображения богатства внутренних оттенков эмоций. Стереотипность сюжетных положений и мотивов жития предопределяет реакцию и автора, и персонажей, и читателей. Психологизм в Житии Стефана Пермского проявляется в интенсивности эмоционального переживания. Биография главного героя, Стефана, была стандартной биографией святого и не предоставляла возможности тонкой психологической нюансировки личности. Психологическое состояние героев не выявляется в их прямой речи — прямая речь по существу представлена монологами, она не индивидуализирована. Экспрессивность стиля не служит целям индивидуализации персонажей в Житии Стефана Пермского; «пермские люди» говорят примерно так же, как Стефан Пермский, как сам автор и, наконец, как условный персонаж — церковь пермская. Характер человека в целом не открыт еще в литературе второго южнославянского влияния, и неиндивидуализированность прямой речи — следствие этой черты художественной системы данного стиля.

Знаменитая схема трех плачей представляет особый интерес для рассмотрения психологизма Епифания Премудрого. Все три плача имеют одну общую тему — смерть главного героя жития, Стефана; но при этом в каждом плаче разрабатывается еще и своя, дополнительная, тема. Первый плач — плач «пермских людей» развивает и варьирует претензии «пермских людей» к Москве. «Пермские люди» жалуются, что гроб с телом Стефана Пермского остался в Москве, а не перевезен в Пермь, и пермяки лишены возможности почтить останки своего епископа. Во втором плаче — плаче пермской церкви наряду с темой смерти разрабатывается и другая, композиционно выделенная в плаче тема: обращение к Стефану Пермскому и просьба оберечь созданную им пермскую церковь от ересей; третий плач также имеет дополнительную тему — похвалу Стефану и поэтому называется «плач и похвала».

Психологизм Епифания включает в себя одну важную особенность — категорию «трагического переживания», связанного с темой смерти Стефана Пермского. Смерть главного героя осознается писателем в известной мере как трагическая ситуация. Трагизм смерти — тема, известная литургической письменности, проецирующаяся на события священной истории и связанная со смертью библейских персонажей. Тема трагизма смерти занимает в Житии Стефана Пермского очень большое место, имеет необычайно развитое стилистическое оформление и является лейтмотивом заключающих Житие плачей, сообщая им единый эмоциональный настрой. «Трагическое переживание» у Епифания Премудрого как бы отделено от личности, безлично: трагическая ситуация существует, но субъект «трагического переживания» абстрактный — это «пермские люди», пермская церковь. И только в плаче самого автора «трагическое переживание» те-

ряет сугубо отвлеченный характер и приобретает личностный оттенок. Трагическое становится личностным и в известной мере индивидуальным в образе писателя, самого Епифания Премудрого. «Трагическое переживание» стилистически связано с литургической письменностью¹² и народными причитаниями.¹³ Очевидно, что осмысление смерти святого как ситуации только трагической противоречило христианской доктрине, и Епифаний не мог этого не ощущать. Богословская эрудиция приходит на помощь писателю — аналогии и цитаты из Священного писания призваны объяснить смысл смерти святого в масштабах всемирной, в том числе и священной, истории. «Но Павел гораздо учит, добре тешит, глаголя: „о умерших рече не печалуйте якоже и прочии не имуще надежа“ и пакы рече: „утешайте печалныа, утешайте друг друга словесы утешителными“, и пророк Давид рече: „помянух бога и возвеселихся, возверзи на господа печаль свою и той тя препитает“» (с. 96). Эти объяснения — в известном смысле разрешение, снятие «трагического переживания» в духе христианского понимания смерти как начала вечной жизни. Психологизм Епифания Премудрого с наибольшей силой проявляется в третьем, авторском, плаче. Плач содержит намеки автобиографические, упоминания о знакомстве писателя со Стефаном Пермским, детальную психологическую разработку образа автора. Но обилие характеристик не должно вводить в заблуждение: Епифаний Премудрый характеризует себя только как недостойного христианина. Психологические характеристики трафаретны по содержанию, повторяют друг друга по смыслу. И все же внимание к личности автора, стремление к обрисовке его образа является несомненной художественной новацией Жития Стефана Пермского сравнительно с агиографией предшествующего периода.

¹² М. Ф. Антонова. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 148.

¹³ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, с. 85.

М. А. САЛМИНА

Повесть о нашествии Тохтамыша

Судьба летописных рассказов, связанных с именем Дмитрия Донского, весьма примечательна. Как показало исследование двух памятников этого цикла произведений — «Летописной повести» о Куликовской битве, посвященной событию 1380 г., и «Слова о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго», повествующего о жизни этого князя, оба они сходны по своему происхождению.¹

Текстологическое исследование этих памятников привело к заключению, что пространные их версии, т. е. собственно повести, сложились на основе кратких рассказов или записей более раннего времени, дошедших до нас в своде 1408 г., а старшие тексты их пространных версий дошли в составе Новгородской 4 и Софийской 1 летописей, восходивших к своду 1448 г. Все остальные известные нам версии обоих памятников, читающиеся в сводах, восходящих к Новгородской 4 и Софийской 1 летописям, являются их переработками. Основным доказательством правильности этой точки зрения явилось наличие вторичных чтений в пространных версиях обоих произведений по сравнению с краткими их рассказами свода 1408 г. Так, для «Летописной повести» вторичность чтений в ее пространной версии выразилась в наличии противоречия между фрагментами, связанными с именем князя Олега Рязанского, а также в упоминании в числе убитых князей имени князя, погибшего, по летописным сведениям, много позже описываемых событий.² Доказательством более позднего происхождения пространной версии «Слова о житии» явилось использование в нем тенденциозно переделанного завещания Дмитрия Донского с целью убедить современников, что московский великокняжеский стол должен передаваться по прямой линии наследования.

Как удалось установить, «Летописная повесть» о Куликовской битве по своим тенденциям оказалась связанной с концом 40-х гг. XV в., со временем, когда на Руси в обстановке беспрерывных битв с Ордой между потомками Дмитрия Донского — Василием II и Дмитрием Шемякой шла напряженная борьба за великокняжеский стол. В это же время, по всем данным, было составлено и «Слово о житии».³

Третьим произведением этого цикла может считаться Повесть о нашествии Тохтамыша. Обратимся к судьбе этого памятника.

¹ М. А. Салмина. 1) «Летописная повесть» о Куликовской битве и «Задонщина». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. К вопросу о времени написания «Слова». М.—Л., 1966, с. 344—376; 2) Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве. — ТОДРЛ, т. XXXII, Л., 1977, с. 3—39; 3) «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьскаго». — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 81—104.

² М. А. Салмина. 1) «Летописная повесть» о Куликовской битве..., с. 359, 360, 371, 372; 2) Еще раз о датировке «Летописной повести» о Куликовской битве, с. 4.

³ М. А. Салмина. 1) «Летописная повесть» о Куликовской битве..., с. 374—376; 2) «Слово о житии...», с. 98—104.

Повесть о нашествии Тохтамыша, или, как ее называют старшие тексты, повесть «О пленении и о приходе Тохтамыша царя и о Московском взятии», посвященная описанию нашествия хана Золотой Орды Тохтамыша в 1382 г. на Москву, дошла до нас в составе летописных сводов. Исследователи, обращавшиеся к повести, обычно или только констатировали наличие различных ее версий, или принимали ту или иную версию за наиболее верную (первоначальную). Так, С. К. Шамбинаго отмечал, что одну версию представляют летописи, отразившие свод митрополита Киприана, другую — «Владимирский Полихрон, стиривший литовские симпатии Киприана».⁴

М. Н. Тихомиров полагал, что «наиболее близки по времени возникновения к событию 1382 года два сказания» — одно, сохраненное Симеоновской летописью и Рогожским летописцем, возникло «еще при жизни Дмитрия Донского» и написано «каким-либо монахом», другое, составленное в 1382—1385 гг. светским лицом, отражено в Ермолинской летописи. Оба сказания, видимо, использовали «какие-то записи о событиях 1382 г.»⁵ В начале XV в. был создан более обширный вариант повести, вошедший в состав Типографской летописи и в несколько «осложненном» виде — в состав Московского свода конца XV в. и Воскресенской летописи. Он представлял собой сводный текст обеих, по мнению М. Н. Тихомирова, ранних повестей, из которого были изъяты «кое-какие подробности» и одновременно сделаны «некоторые дополнения фактического и словесного характера».⁶ «Соединение двух, а может быть, и большего количества первоначальных повестей привело к созданию особой сводной повести», вошедшей в состав Никоновской летописи.⁷ К варианту «раннего происхождения», созданного в конце XIV в., М. Н. Тихомиров относит и текст повести, входящий в состав краткого летописца XVII в.⁸

В работе Б. Д. Грекова и А. Ю. Якубовского «Золотая Орда и ее падение» отмечается наличие двух версий повести: «...старой, заключенной в Симеоновской летописи, и новой, имеющей несколько вариантов (Новгородская четвертая летопись, Ермолинская летопись, продолжение Софийской первой летописи и Никоновская летопись)».⁹

Л. В. Черепнин склонялся считать первоначальным вариант повести, сохраненный Ермолинской летописью: «По-видимому, — писал он, — наиболее близкое к истине изложение событий дает Ермолинская летопись».

⁴ С. К. Шамбинаго. Исторические повести. — В кн.: История русской литературы, т. II, ч. 1. М.—Л., 1945, с. 206.

⁵ М. Н. Тихомиров. 1) Древняя Москва. М., 1947, с. 192—193; 2) Средневековая Москва в XIV—XV веках. М., 1957, с. 247—249.

⁶ М. Н. Тихомиров. 1) Древняя Москва, с. 194—195; 2) Средневековая Москва в XIV—XV веках, с. 250—251. Точка зрения М. Н. Тихомирова на историю возникновения Повести о нашествии Тохтамыша получила поддержку в книге «Русские повести XV—XVI веков». Н. И. Тотубалин, издавший здесь тексты повести по Ермолинской и Софийской 1 летописям, пишет, что «основа» наиболее известной повести, вошедшей «в разных вариантах в состав многих летописей (Новгородской четвертой, Софийской первой, Воскресенской)», «возникла, по-видимому, около 1418 года, в связи с составлением московского летописного свода и «представляет собою расширенный и дополненный свод двух более ранних повестей», дошедших в составе Симеоновской летописи (и Рогожского летописца) и Ермолинской летописи (Н. И. Тотубалин. Повесть о Московском взятии от царя Тохтамыша. — В кн.: Русские повести XV—XVI веков. М.—Л., 1958, с. 366—375).

⁷ М. Н. Тихомиров. Малоизвестные летописные памятники. — ИА, т. VII. М., 1951, с. 211.

⁸ Там же, с. 211—212; текст повести опубликован на с. 213—217.

⁹ Б. Д. Греков, А. Ю. Якубовский. Золотая Орда и ее падение. М.—Л., 1950, с. 324.

Версия Симеоновской летописи и Рогожского летописца является, считает Л. В. Черепнин, сокращением первоначальной редакции. В летописях Типографской, Новгородской 4, Воскресенской «рассказ Ермолинской летописи получил дальнейшую литературную обработку».¹⁰

И. Б. Греков отмечает три редакции повести: краткую (Троицкая, Симеоновская, Рогожская летописи), более обширную (Ермолинская летопись) и пространную редакцию (Новгородская 4, Типографская, Воскресенская, Никоновская летописи). Изложение событий в Новгородской 4 и Ермолинской летописях представляется И. Б. Грекову «более исторически достоверным», чем рассказ Симеоновской, Троицкой и Рогожской летописей. Те же версии повести представляются первоначальными и В. А. Плугину.¹¹

Итак, на основании приведенных работ можно заметить, что среди тех ученых, которые не просто констатировали наличие разных версий, но и ставили вопрос о первоначальной версии, нет единого мнения. Одни исследователи склонны видеть старейший текст памятника в Симеоновской летописи, другие — в Ермолинской, третьи — в Симеоновской и Ермолинской одновременно. Налицо и еще одна точка зрения — что старейший текст повести отражают Новгородская 4 и Ермолинская летописи. Такое расхождение во взглядах на первоначальный текст повести объясним тем, что текстологический анализ ее с учетом взаимоотношений содержащих ее летописных сводов проделан не был.

Впервые к рассмотрению вариантов Повести о нашествии Тохтамыша в текстологическом плане обратился Д. С. Лихачев. В статье «Литературная судьба „Повести о разорении Рязани Батыем в первой четверти XV века“» Д. С. Лихачев рассматривает как древнейший вариант Повести о нашествии Тохтамыша текст, читающийся в Симеоновской летописи и Рогожском летописце, и как вторичный — ее текст в Новгородской 4 и Софийской 1 летописях, исходя из представления о взаимоотношении летописных сводов и основываясь на собственном текстологическом сличении, которое, однако, в указанной статье, посвященной в сущности другому памятнику, приводится в очень кратком изложении.¹² Эта точка зрения была впоследствии поддержана Я. С. Лурье в его анализе сюжетного повествования Повести о нашествии Тохтамыша в главе об историческом повествовании XIV—XV вв. книги «Истоки русской беллетристики».¹³

Взгляд на происхождение пространного вида Повести о Тохтамыше от краткого рассказа о нашествии Тохтамыша, читающегося в Симеоновской летописи, представляется нам единственно правильным. К этому заключению нас привел текстологический анализ различных версий Повести о Тохтамыше, произведенный в тесной связи с историей заключающих ее в себе летописных сводов.

Наиболее близким по времени к интересующему нас событию 1382 г. является рассказ об этом событии в своде 1408 г. (Троицкая летопись),

¹⁰ Л. В. Черепнин. Образование Русского централизованного государства в XIV—XV веках. М., 1960, с. 633, 637.

¹¹ И. Б. Греков. Восточная Европа и упадок Золотой Орды (на рубеже XIV—XV вв.). М., 1975, с. 157; В. А. Плугин. Нерешенные вопросы русского летописания XIV—XV веков. — История СССР, 1978, № 4, с. 85.

¹² В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, с. 9—16. Вопрос о взаимоотношении Повести о нашествии Тохтамыша и Повести о разорении Рязани Батыем в данной статье мы не рассматриваем.

¹³ Я. С. Лурье. Беллетристические элементы в историческом повествовании XIV—XV вв. — В кн.: Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л., 1970, с. 266—269.

идентичный рассказу 1382 г. Симеоновской летописи: А. А. Шахматов установил, что содержание Симеоновской летописи за 1177—1390 г. тождественно Троицкой.¹⁴ Аналогичный текст под 6890 г. (с незначительными отличиями в отдельных словах) содержится и в восходящем к Симеоновской летописи Рогожском летописце.¹⁵

Краткий рассказ о событиях 1382 г. оказался связанным с включавшим его в себя сводом 1408 г.: как это было в случае и с «Летописной повестью» о Куликовской битве, и со «Словом о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского», в нем так же прослеживается близость с другими рассказами этого свода. Так, например: «Царь... поиде к Москве, напрасно устремися..., а в городе Москве... затворился князь Остей... Царь же, стоя у города 3 дни...» (1382 г.) — «Олгерд... напрасно устремися к Москве... Князь же великий... затворися в граде... Олгерд же стоял около города три дни и три ночи» (1368 г.);¹⁶ «Татарове же волости повоеваша..., а села пожгоша, ... а христиан посекоша, а иных в полон поведоша, и много зла сътвориша» (1382 г.) — «Олгерд... волости повоева и села... огнем пожже, много христиан посече, а иных в полон поведе..., а много зла сътворивше христианом» (1368 г.);¹⁷ «Князь же великий Дмитрий Ивановичь... не ста на бой, ни противу его поднял руки, противу царя Тохтамыша, но поеха в свой град» (1382 г.) — «Князь Трубьческий, Дмитрей Олгердовичь не стал на бой, ни поднял руки противу великаго князя..., но ... приеха на Москву-град...» (1379 г.).¹⁸ Важно отметить, что эта близость в чтениях распространяется на целые обороты, а не только на отдельные выражения. Приведенные примеры дают основание полагать, что краткий рассказ 1382 г. был создан внутри свода 1408 г., а не привнесен в свод извне.

В ближайшем по времени к своду 1408 г. — в своде 1448 г., восстанавливаемом на основе Новгородской 4, близкой к ней Новгородско-Карамзинской летописи и Софийской 1 летописей,¹⁹ находится уже пространная Повесть о нашествии Тохтамыша. Н4Л и С1Л содержат старейшие тексты пространной Повести о Тохтамыше. Тексты повести, читающиеся в сводах, восходящих к Н4Л и С1Л, являются уже переработками этих последних. Кратко охарактеризуем их.

Н4Л и С1Л содержат полный текст пространной повести.²⁰ В восходящих к Н4Л сводах полный вид пространной повести представлен

¹⁴ А. А. Шахматов. Симеоновская летопись XVI века и Троицкая начала XV в. — ИОРЯС, т. V, 1900, с. 553.

¹⁵ См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв. М.—Л., 1938, с. 312. Издание Рогожского летописца см.: ПСРЛ, т. XV, вып. 1. М., 1965, стб. 143—146. Здесь указаны и разночтения с Симеоновской летописью.

¹⁶ ПСРЛ, т. XVIII. СПб., 1913, с. 132, 108.

¹⁷ Там же, с. 133, 109.

¹⁸ Там же, с. 132, 129.

¹⁹ ПСРЛ, т. IV, ч. 1. Л., 1925 (далее: Н4Л); Новгородско-Карамзинская летопись (ГПБ, F.IV.603) не издана. О ней см.: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв. Л., 1976, с. 81 и след.; ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853 (далее: С1Л). О своде 1448 г. см.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 151—160, 184, 212, 366; Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 67 и след.

²⁰ Вместе с тем тексты повести Н4Л и С1Л несколько разнятся в отдельных чтениях. Текст повести Н4Л полнее и можно думать, что именно этот вариант повести находился в своде 1448 г., к которому восходили С1Л и Н4Л. В повести С1Л в отличие от Н4Л «плач церкви» отсутствует, однако несколько фраз из этого плача в ней читается — «несть ни звонения в колоколы», «не бе слышати в церкви поющаго гласа, ни словословия». Видимо, С1Л сокращала текст повести, находящейся в Н4Л, так как наряду с последней приведенной фразой Н4Л в С1Л в этом же фрагменте читается фраза, еще раз передающая ту же самую мысль, —

лишь в Новгородском своде XVI в. — списке Дубровского.²¹ Текст повести в Н5Л уже несколько сокращен;²² ряд сокращений содержится и в повести Летописи Авраамки.²³ В близких к Летописи Авраамки летописных текстах — Толстовском I, № 189 (ГПБ, Ф. IV. 156), Синодальном № 154 (Кирилло-Белозерском) и Супрасльском²⁴ значительная часть повести отсутствует: она заканчивается словами «храмины их наполнены всякого добра». Но и в конечной для этих списков части ряд фраз Н4Л опущен. Летописи XVI в. — Новгородско-Псковская²⁵ и Новгородская²⁶ содержат лишь краткие записи о приходе Тохтамыша к Москве и взятии им города.

Более близок к Н4Л, чем к С1Л, текст Повести о нашествии Тохтамыша Комиссионного списка Н1Л, по предположению исследователей восходящего к общему протографу Н4 и С1 — к своду 1448 г.²⁷ Текст его очень краток. В нем сообщается лишь о приходе Тохтамыша «на землю Рускую», называются города, которые он «пожже», и даются сведения, где находился во время пришествия татарского «цесаря» великий князь с семьей (в Костроме), Владимир Андреевич (на Волоке), мать и жена Владимира (в Торжке), коломенский епископ Герасим (в Новгороде). Рассказ сообщает, что митрополит во время нашествия Тохтамыша находился в Твери. Повесть в Комиссионном списке заканчивается отрывком, имеющимся в отличие от С1Л только в Н4Л, в котором автор сетует по поводу «смущения Руской земли»: «И кто нас, братьев, о семь не устратится...». В летописях XVI в., восходящих к С1Л, — списке Царского С1Л,²⁸ Софийской 2, Воскресенской летописях²⁹ и в новгородских летописных сводах XVII в. — Новгородской Уваровской, пространной редакции Новгородской 3, Новгородской Забелинской летописях³⁰ сохранился полный текст Повести о нашествии Тохтамыша.

«цесть видети в них (церквах, — М. С.) пеня». Это могло произойти именно при переделке первоначального текста.

²¹ ГПБ, F.IV.238. Аналогичный текст читается и в списке ГПБ, F.IV.188 (см.: С. Н. Азбелев. Две редакции Новгородской летописи Дубровского. — В кн.: Новгородский исторический сборник, вып. 9. Новгород, 1959, с. 220). В тексте повести списка Дубровского прослеживаются чтения и С1Л (в основе первой редакции летописи Дубровского лежал летописный свод, восходивший к тексту младшей редакции С1Л. — Там же, с. 221—225).

²² См.: ПСРЛ, т. IV. СПб., 1848. Хронографический список Н5Л (ГИМ, собр. Синод., библи. № 280) издан здесь в вариантах.

²³ См.: ПСРЛ, т. XVI. СПб., 1889. См. также: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 252.

²⁴ См.: Супрасльская рукопись, содержащая Новгородскую и Киевскую сокращенные летописи. М., 1836. См. также: Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.—Л., 1947, с. 465—467.

²⁵ В Псковской 1 и 2; см.: Псковские летописи, вып. I. Подготовил к печати А. Насонов. М.—Л., 1941; вып. II. Под ред. А. Н. Насонова. М., 1955. В Псковской 3 запись о приходе Тохтамыша к Москве вообще отсутствует.

²⁶ См.: ПСРЛ, т. XXX. М., 1965, под 6890 г.: «Приде царь Тартамышь (так!) на князя Дмитрия Ивановича и град Москву взял и много зла створи».

²⁷ См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 163, 170—171; Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 93.

²⁸ ПСРЛ, т. VI. Список Царского, как считает А. А. Шахматов, одним из своих источников имел С1Л младшей редакции (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 216, 370).

²⁹ ПСРЛ, т. VIII. СПб., 1859. Повесть о нашествии Тохтамыша Воскресенской летописи в некоторых чтениях повторяет чтения списка Царского. По мнению А. А. Шахматова, список Царского был одним из источников Воскресенской летописи (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 370. С. А. Левица. Воскресенская летопись XVI в. (ее редакции, источники и значение). — В кн.: Труды Московского государственного историко-архивного института, т. 10. М., 1957, с. 403).

³⁰ В основе Новгородской Уваровской летописи (ГПБ, собр. Погодина, № 1403) лежит Софийская 1 младшей редакции (С. Н. Азбелев. Новгородские летописи

С1Л оказала влияние на ряд больших сводов второй половины XV в., в том числе на великокняжеский свод начала 70-х гг. XV в., отразившийся в Никаноровской и Вологодско-Пермской летописях. В Никаноровской летописи читается несколько сокращенный вид повести. Автор пользовался текстом старшей редакции С1Л.³¹ Он подверг сокращению всевозможного рода подробные перечисления и длинноты в рассуждениях. Так, он опустил фразы «но на вся угрозишася», «также и архимандриты и игумены и пошове со кресты», «украшенныя златом и серебром... безвестно сътвориша», «и велехвалное богатство... расхитиша», «и святая места оскверниша... зверем земным», «девица их... оружием падоша», «и черноризцы и черници... и женьска», «а друзии огнем стогреша... пленени быща», «и стонание много... християном». Этот же вид повести содержит в себе Вологодско-Пермская летопись XVI в.³²

Сокращенный вид Повести о нашествии Тохтамыша представлен и в своде 1479 г.³³ В нем отсутствует вступление — описание «знамения на небеси»; рассказ начинается со слов «Исходящу второму лету царства Тахтамышева...». Сокращен фрагмент, где описываются настроения горожан, оставшихся после ухода из Москвы великого князя, а также фрагмент, рисующий с отрицательной стороны князя Олега Рязанского (второе упоминание об Олеге Рязанском вообще отсутствует). Опушен отрывок С1Л «якоже пророк глаголаше... мертвых лежаще непокровены». Иногда составитель свода 1479 г., сокращая текст повести, перефразировал некоторые его места, добавляя при этом новые выражения:

XVII века. Новгород, 1960, с. 14). См. издание по списку БАН. 34.4.1: Российская летопись по списку Софейскому великого Новаграда, ч. I, СПб., 1795. Новгородская 3 пространной редакции и Новгородская Забелинская, имеющая ее в основе (см.: С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII века, с. 71), содержат идентичный текст. В краткой редакции Новгородской 3 содержится лишь следующая запись: «В лето 6890 плени рускую землю царь Тактамыш и царствующий град Москву лестию взя со двема князи суздальскими и нижегородскими» (ГПБ, F.IV.623). Летопись Новгородская Погодинская пространной редакции дает сокращенный текст пространной повести (см., например, список ГПБ, собр. Погодина, № 1411). Согласно исследованию С. Н. Азбелева, Новгородская Погодинская летопись восходит к Новгородской Забелинской летописи (см.: С. Н. Азбелев. Новгородские летописи XVII века, с. 77—78). Но Повесть о нашествии Тохтамыша в ней содержит чтения, сближающие ее с версией Н4Л, а не С1Л. Прослеживаются в ней чтения также Хронографа 1512 г. Повесть о нашествии Тохтамыша в сокращенной редакции Новгородской Погодинской летописи восходит к повести в пространной редакции этой летописи. В краткой редакции летописи Повесть о нашествии Тохтамыша отсутствует.

³¹ ПСРЛ, т. XXVII. М.—Л., 1962. Основу Никаноровской летописи (свод 1472 г.) составляет сокращенная старшая редакция С1Л (до 1418 г.). См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 354—357.

³² ПСРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1959; А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 372. См. также: М. Н. Тихомиров. О Вологодско-Пермской летописи. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. III. М.—Л., 1940, с. 231, 240, 243. По мнению Б. М. Клосса, первичной была Вологодско-Пермская, а вторичной Никаноровская летопись (см.: Б. М. Клосс, Я. С. Лурье. Русские летописи XI—XV вв. (Материалы для описания). — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 2, ч. 1. М., 1976, с. 78—139). См. также: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 134.

³³ См.: А. А. Шахматов. Обзорение летописных сводов XIV—XVI вв., с. 264—266. Источник свода 1479 г. («свод Феодосия—Филиппа») — по А. Н. Насонову, «особая обработка свода 1448 г.» — по Я. С. Лурье) частично сокращал, а частично перерабатывал свой основной источник — свод 1448 г. (см.: А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII века. М., 1969, с. 264—273, 293—294; Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 156—161). Текст Повести о нашествии Тохтамыша приводится по списку ГИМ, собр. Уварова, № 1366 (ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949), представляющему более позднюю редакцию свода 1479 г., так как список первоначальной редакции свода — ГПБ, собр. Эрмитажное, № 416^b содержит искаженные чтения.

так, например, фраза С1Л «...езде же крик и вопль велик и страшен бываше, и яко не слышати друг друга вопиюща, множество народу кричащю, они же крестиян изводяще, лупяще, избобаживше сечаху...» в своде 1479 г. читаются так: «Везде же вопль велик и крик страшен бываше, изводяще бо вся отсюду хрестьяны и одирающе до последние наготы и тако мечю предаху». Но иногда составитель свода 1479 г. пополнял текст повести новыми словами и выражениями. Так, вместо фразы С1Л «...и всякого узорочия, и в том часе изменися, егда взят бысть и пожжен: не видети иного ничесоже...» в своде 1479 г. читаем: «...кыпя же богатствомъ и славою, превзыдый же вся грады и Русстей земли честью мноюу, в нем бо князи и святителие живяста, по ошествию же мира сего полагахуся в нем. В се же время изменися доброта его и отгыде слава его и уничижение прииде на нь, и не бе в нем ничто же благо видети...»; вместо С1Л: «...начаша думати такову думу великий князь Дмитрей Ивановичь со всеми князи русьскими» в своде 1479 г.: «И начат со братьею своею и со всеми князи русьскими о том думати». В повести свода 1479 г. имеются перестановки отдельных фраз.

В восходящей к своду 1479 г. Типографской летописи³⁴ представлен тот же самый сокращенный вариант повести. Отличия между повестью свода 1479 г. и повестью Типографской летописи следующего характера, например: «... в град свой Ярославль, также и на Кострому», «... в той же день к вечеру те половцы отступиша от града» (Типографская летопись); ср.: «... в град свой Переяславль и оттуда к Ростову, та же и на Кострому»; «... в той день к вечеру те полки отступиша от града» (свод 1479 г.).

Повесть о нашествии Тохтамышна Ермолинской летописи восходит к общему источнику — «особой обработке свода 1448 г.», более полно отраженному в Московском своде 1479 г.³⁵ В ней также отсутствует обычное для пространной версии вступление со «знамением». Но текст повести Ермолинской летописи еще более сокращен и частично перефразирован. Опущены в нем и целые фрагменты. Так, в Ермолинской летописи нет описания настроений горожан после первого прихода татар под стены города, отсутствует и описание сцены разграбления татарами Москвы. Полностью опущены в Ермолинской летописи слова о былой славе города и сетования автора по поводу его разграбления. Среди дополнительных чтений повести в Ермолинской летописи следует отметить: «...баху бо мнози от них на Дону избиты», «...еще бо граду тогда ниску суцу».³⁶ Аналогичный Ермолинской летописи текст Повести о нашествии Тохтамышна читается в «Летописце от 72-х язык» (Лихачевский список и своды 1497 и 1518 гг.)³⁷ и Львовской летописи.³⁸

³⁴ ПСРЛ, т. XXIV. Пг., 1921. См.: А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., с. 367; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, с. 457—458; А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания. — В кн.: Проблемы источниковедения, т. VI. М., 1958, с. 235 и след.

³⁵ ПСРЛ, т. XXIII. СПб., 1910. По мнению А. Н. Насонова, в основании Ермолинской летописи до начала XV в. и свода 1479 г. лежит свод 60-х гг. XV в. митрополитов Феодосия—Филиппа, который Ермолинская летопись сокращала (см.: А. Н. Насонов. История русского летописания XI—начала XVIII в., с. 268—273); Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 156—169.

³⁶ О сюжетном повествовании в рассказе Ермолинской летописи см.: Я. С. Лурье. Беллетристические элементы..., с. 269.

³⁷ См.: Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 140. Издание сводов 1497 и 1518 г. см.: ПСРЛ, т. XXVIII. М.—Л., 1963.

³⁸ ПСРЛ, т. XX, первая половина. СПб., 1910. Сходство текста повести Львовской летописи с Ермолинской объясняется тем, что эти летописи имеют общий оригинал (см.: А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод. — ИОРЯС, 1904, кн. 1, с. 379, 423).

Сходство с Львовской летописью обнаруживает текст Повести о нашествии Тохтамыша Холмогорской летописи XVI в.,³⁹ но местами он передает текст повести Львовской летописи более сокращенно. В то же время он заключает в себе фрагмент «Неции же недобрии человеци... чающе только силы поганых» пространной повести, отсутствующий в повести Львовской летописи. Этот фрагмент мог появиться в повести Холмогорской летописи из Вологодско-Пермской, оказывавшей влияние на Холмогорскую летопись в пределах с 1397 по 1494—1499 гг.⁴⁰

Сокращенный текст Повести о нашествии Тохтамыша содержат в себе все три вида (Мазуринский (свод 1495 г.), Погодинский (свод 1493 г.) и Соловецкий) Сокращенного свода конца XV в.⁴¹ Текст повести во всех трех видах сходен. Пространный рассказ о нашествии Тохтамыша в них не только сокращен — изъяты описания настроений, царивших среди граждан Москвы, и сетований по поводу сожжения и разграбления города, опущены и многие другие подробности, рассказ еще и перефразирован. Так, например, вместо фразы СЛ «...и начаша думати такову думу великий князь Дмитрий Иванович со всеми князи русьскими, и обретесе разность в них, не хотяху помагати» в этих летописях читается: «...и бысть межи ими с братом расприя и иными князьями». Тема изменнических действий князя Олега Рязанского и князей суздальских сохранилась. Но сокращение текста повести привело к тому, что в рассматриваемых летописях митрополит Киприан остается в осажденном городе, в то время как в старших вариантах пространной повести он покидает Москву.

Текст Повести о нашествии Тохтамыша в Устюжском летописце⁴² напоминает ее текст в только что рассмотренных Сокращенных сводах. Это объясняется тем, что все эти летописи имели один общий источник.⁴³ Один из фрагментов Сокращенных сводов с описанием горя, переживаемого москвичами после захвата татарами города, опущен в рассказе этой летописи, но в большинстве случаев Устюжский летописец распространяет текст. Так, вместо чтения Сокращенных сводов «посла в болгары» в нем читается «посла в болгары во град Казань ко князем», вместо «а князя Остея в вратах убили» — «а князя Остея во Фроловских воротах убиша» и др. В Устюжском летописце сообщается, что митрополит Киприан «бежа на Ламски», что князь Семен Суздальский «снем с себе крест и целовал москвичем», что в Орду «со царем» ушли «князь Василей да князь Семен Суздальский», что князь Дмитрий Иванович «разгневался на князя Дьмитрея, на тестя своего на Конянтиновича». Но в рассказе Устюжского летописца проскальзывают иногда чтения и полных списков пространной повести: так, сообщается о взятии татарами Дмитрова, Юрьева Польского.

Текст Повести о нашествии Тохтамыша в Хронографе 1512 г. в своей основе близок тексту Сокращенных сводов и Устюжского летописца.⁴⁴

³⁹ ПСРЛ, т. XXXIII. Л., 1977. Холмогорская летопись в пределах с 1146 по 1390 г. сходствует с Львовской (см.: Я. С. Лурье. Холмогорская летопись. — ТОДРЛ, т. XXV. М.—Л., 1970, с. 136).

⁴⁰ Я. С. Лурье. Холмогорская летопись, с. 136—137.

⁴¹ ПСРЛ, т. XXVII; Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 170 и след.

⁴² Устюжский летописный свод (Архангелогородский летописец). Подгот. к печати и ред. Ю. Н. Сербиной. М.—Л., 1950.

⁴³ Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 193.

⁴⁴ ПСРЛ, т. XXII, ч. 1. СПб., 1911. О зависимости Хронографа 1512 г. от Сокращенных сводов см.: Б. М. Кloss. О времени создания русского Хронографа. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 246—255; Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 70—71; О. В. Творогов. Древнерусские хронографы. Л., 1975, с. 163—178.

С Сокращенными сводами его сближает известие о том, что у великого князя Дмитрия Ивановича была «распря с братьями» (в Сокращенных сводах «с братом распря»), с Устюжским летописцем — отсутствие фрагмента с описанием горя горожан в захваченной татарами Москве, упоминание слова «тесть» по отношению к князю Дмитрию Суздальскому, Царьграда (Киприан «наки поиде к Царюграду»; в Устюжском летописце «Киприян митрополит приде из Царяграда»). Но основные дополнительные чтения Устюжского летописца в Хронографе 1512 г. отсутствуют. К дополнительным чтениям повести Хронографа 1512 г. относятся слова, адресованные Василию и Семену Суздальским — «ими же прельсти сатана гражены, якоже змиею Евву» и произнесенная возвращающимся из Костромы великим князем фраза: «Боже, приидоша языци в достояние твое и разориша церкви твоа святыа и люди твоа изсекоша».

В Никоновской летописи⁴⁵ Повесть о нашествии Тохтамыша значительно сокращена. Так, в ней опущена характеристика, даваемая князю Олегу Рязанскому, отсутствует фрагмент о «доброхотах» земли Русской, изъяты некоторые подробности в описании действий граждан осажденного города, убраны все авторские отступления эмоционального характера. Из дополнительных чтений повести Никоновской летописи отметим: «...оскуде бо вся русская земля от Мамаева побоища за Доном и вси русстии людие в велице страсе и трепете быша за оскудение людей». Это чтение и еще ряд дополнительных чтений по отношению к полному тексту пространной повести содержит Повесть о нашествии Тохтамыша «Древнего летописца» (Остермановский том Лицевого свода),⁴⁶ восходящая к редакции СЛЛ и заключающая в себе также полный текст.

Повесть о нашествии Тохтамыша в Степенной книге занимает 8-ю и 9-ю главы двенадцатой степени.⁴⁷ Это сокращенный рассказ пространной версии, в нем опущены многие подробности; сведения об Олеге Рязанском отсутствуют полностью. Повесть в Степенной книге существенно отличается от остальных версий и представляет собой оригинальное повествование, использовавшее рассказ о воеводе Неграна — Арефе,⁴⁸ являющийся источником также Сказания о Мамаевом побоище.

Своеобразный текст Повести о нашествии Тохтамыша содержится в Тверском сборнике под 1382 г.⁴⁹ Складывается впечатление, что в нем отразились обе версии повести — и краткая, и пространная (в сокращении): краткая типа Троицкой и пространная, идущая от Никоновской летописи (по спискам Акад. XIV Обол., Акад. XV, Арх. II, Пуб. (Строг.), и Троицк. III) и еще какого-то текста пространной версии (возможно, связанной с Устюжским летописцем).⁵⁰ В повести Тверского сборника имеются и такие чтения: «...князь великий побежа на Кострому», «... татарове в вечернюю годину от града отступиша», «... пришел

⁴⁵ ПСРЛ, т. XI. М., 1965.

⁴⁶ Там же, с. 71—81.

⁴⁷ ПСРЛ, т. XXI, вторая половина. СПб., 1913.

⁴⁸ См., например, ВМЧ, октябрь 24. СПб., 1880.

⁴⁹ ПСРЛ, т. XV. СПб., 1863. По утверждению А. Н. Насонова, источником части сборника, где находится повесть, послужила сокращенная редакция Тверского свода 50-х годов XV в. (А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. — Известия АН СССР. Отделение гуманитарных наук. 1930, № 9). Я. С. Лурье предполагает, что в основе Тверского сборника находился Тверской свод, доведенный до 6882 г., отредактированный в начале XV в. на основе свода 1408 г. (Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 49—50).

⁵⁰ В Тверском сборнике «кнзи Нижняго Новагорода» говорят: «Мы вам крестъ целуем». В Устюжском летописце: «Князь Семен Суздальский снем с себя крест и целова москвичем» (с. 62).

царь своего холопа показнити Дмитрея»,⁵¹ «...граждане сами град зажгоша», «...а в плен поведоша якы скот».⁵²

Итак, старейшие тексты пространной Повести о нашествии Тохтамыша, как мы установили, содержат Новгородская 4 и Софийская 1 летописи. Повесть в этих летописях по своему объему в несколько раз превосходит рассказ Троицкой летописи. Как отмечал уже Д. С. Лихачев, оба произведения являются не двумя самостоятельными повестями, а как бы одной повестью в двух редакциях.⁵³ Действительно, известия рассказа Троицкой летописи входят в пространную повесть Н4Л—С1Л целиком, вкрапливаясь в ее текст на всем протяжении, и составляют остов развертывающегося в ней повествования.

В отличие от краткого рассказа Троицкой—Симеоновской летописей пространная повесть, помещенная в Н4Л и С1Л также под 6890 (1382) г., имеет заглавие «О пленении и о приходе Тохтамыша царя и о Московском взятии»⁵⁴ и начинается с известия о знамени «на небеси», предшествовавшем нашествию Тохтамыша.⁵⁵ Следуя за кратким рассказом Троицкой—Симеоновской летописей, сообщаящим о походе Тохтамыша «на великого князя Дмитрия Ивановича и на всю землю Русскую», пространная повесть, однако, в начальной части добавляет, что Тохтамыш, идя на Русь, «ведяше же рать внезапно, из невести, умением тацемь же злохитриемь, не дающе вести преди себе, да не услышано будет на Руси устремление его». К словам краткого рассказа о приходе «вести» о набеге Тохтамыша на Москву пространная повесть делает пояснение: эту «весть» сообщили «неции доброхоты», «поборници суще земли Руссии», жившие «на приделех ордынских».⁵⁶ В отличие от краткого рассказа, где о князе Олеге Рязанском сказано лишь, что он «обведе царя около всей своей отчины», пространная повесть дает этому князю довольно выразительную характеристику: он «бил» царю «челом» и был ему «помощник на победу Руси», «споспешник на пакость крестьяном»; Олег рассказал Тохтамышу, «како пленити землю Рускую, како беструда взяти каменный град Москву, како победити и издобыти князя Дмитрия». Он «хотяше бо добра не нам, — подчеркивает автор пространной повести, — но своему княжению помагааше». В другом месте текста, еще раз повторив те же слова краткого рассказа о том, что князь Олег «обведе царя около своае отчины и земли», автор пространного рассказа добавляет: Олег еще «и указа» Тохтамышу «вся броды, суцаа на реце на Оке». Словами краткого рассказа автор пространной повести сообщает, что ве-

⁵¹ Ср. в Сказании о Мамаевом побоище: «...яко хошеши казнити свой улус, своего служебника, московского князя Дмитрия» (Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 46).

⁵² В некоторых летописях, например Летописце епископа Павла (БАН, собр. Доброхотова, № 18), Владимирском летописце (ПСРЛ, т. XXX), находятся лишь краткие записи о нашествии Тохтамыша.

⁵³ Д. С. Лихачев. Литературная судьба «Повести о разорении Рязани Батыем...», с. 12.

⁵⁴ Текст здесь и далее приводится по Н4Л. В С1Л: «О Московском взятии от царя Тактамыша и о пленении земля Русьская».

⁵⁵ В Троицкой—Симеоновской летописях точно такое же сообщение о знамени «на небеси», только в более кратком изложении, помещено под предшествующим 6889 (1381) г.; им завершаются известия этого года.

⁵⁶ Позволим себе не согласиться с теми исследователями повести, которые отождествляют «доброхотов» с «русскими кушцами» (см. указанные выше работы С. К. Шамбинаго, М. Н. Тотубалина). Мнение Л. В. Черепнина и Я. С. Лурье о том, что в «доброхотах» следует видеть население, живущее «в пределах ордынских», но тяготевшее к Руси, представляется нам единственно правильным.

ликий князь Дмитрий, узнав, что «идеть на него сам царь в множестве силы своеа... не ста на бой противу его и не подня руки на царя, но поеха в град свой на Кострому». Но это известие краткого рассказа в пространной повести получило следующее развитие: Дмитрий, согласно рассказу Н4Л и С1Л, не сразу отказывается от боя с Тохтамышем; он сначала начинает «сбирати воя и съвокупляти полки своа» и выезжает «из града Московы, хотя ити противу тотар». Но совет с «князи», «с воеводами и з думцами и с велможами, и с боляри старейшими» показал «разность в князех», они «не хотяху пособляти друг другу», «не изволиша помагати брат брату», было «промежи ими неединачество по неимоверству». Оказавшись «в недомышлении велице», князь великий только тогда «убояся стати в лице самого царя». Отказавшись от встречи с Тохтамышем, князь, по свидетельству пространной повести, направляется сначала «в град свой Переяславль» и «оттуду, мимо Ростов... вборзе на Кострому». Оставшись одни, без великого князя, горожане «беху... смущени, яко овца, не имуща пастуха; гражаньстии людие възмятошася и въсколебашася, яко пьяни»; одни хотели остаться «в граде», другие «бежати помышляху». Только после описания этой «смуты» в городе и сообщив еще о прибытии в Москву литовского князя Остея, автор пространной повести переходит к рассказу о приходе Тохтамыша под стены Москвы.

В кратком рассказе Троицкой—Симеоновской летописей сказано лишь, что царь «прииде к граду Москве месяца августа в 23 день в понедельник». Пространная повесть повторяет эту фразу, но далее дает развернутый рассказ, где описывается и день, предшествующий приступу, когда татары «стоаху зряще на град» и выпрашивали у горожан о местонахождении великого князя, описывает в подробностях и самый приступ, длившийся три дня. Автор пространной повести сообщает и о настроениях, царивших в городе накануне осады, как одни «моляхуся» и к «смерти готовляхуся», а другие — «недобрии человери» «упивахуся... до пьяна» «и к шатанию дръзость прилагаху»; рассказывает, как во время осады «граждане, стрегуще град, супротивишася» татарам.

В пространной повести в отличие от краткого рассказа подробно описывается взятие Москвы. По Троицкой—Симеоновской летописям, татарам удалось проникнуть «по лествицам» в город только после того, как они убили «пред спы града» Остея, «оболга» его «лживыми речми и миром лживым». Пространная повесть, повторяя это известие Троицкой летописи, далее развивает его в обширное повествование. В нем описывается, как татары и помогавшие им «князи Нижняго Новгорода» угрожали горожан открыть ворота. И «народи градстии веру яша словесем их, се помыслиша и прелестишася, ослепи бо их злоба тотарская и омрачи их прелесть бессерменьскаа, ни познаша, ни помянуша глаголющаго: не всякому духу веруйте. Отвориша врата граднаа и выидоша с своим князем и с дари многими к царю, тако же архимандритове и игумены и попове с кресты, а по них боляре, болшии мужи и потом и черные люди. И в том часе начаша тотарове сечи всех по ряду напрасно: прежде всех убьен бысть князь их Остей пред градом, и потом нача сечи попов и игуменов... и черных людья. И ту беаше видети святаы иконы поверженны и на земли лежаще, и кресты честныа без чести небрегома, ногами топчемы, обоиманы же и одраны. Тотарове же тако и поидоша в град секуще».

Пространная повесть в отличие от краткого рассказа дает описание «сечи» внутри Москвы: «...бысть внутрь града сеча велика..., сечаху, дондеже руце их и плещи их измолкоша, сила их изнеможе, сабли их не имуть, остриа их притупишася». Везде стоял крик и «въплъ велик страшен бывааше, яко не слыша друг друга въпиюща, множеством народа

кричаще». Татары «крестьян изводяще из церкви, лупяще и, обнажающе, сечаху».

Частично словами краткого рассказа, но более подробно пространная повесть сообщает о бедствиях, принесенных татарами городу. «Много множество» «паде трупиа Руси от татар избьенных», говорится в ней, «и многих мертвых лежаху телеса мужь и жен не покровены». Татары «убийство сдеяша» и «в церквах» и «в олтарех». Горожане одни «огня бежаще, мечемь умроша», а другие «меча бежаще, в огне изгореша»; некоторые погибли «в воде», многие «в пленение поведени быша». Разрушены были «многи церкви» и «многи монастыри». В церквах татары «олтаря... попраша», «кресты честныа и иконы честныа», украшенные «златом и серебром и жемчюгом и бисером и каменнем драгим», «одраша», «съсуды церковныа» «златокованныа и серебряныа многоценныа поимаше». Книги, которые были снесены «с всего града в зборных церквах», татары «все без вести створиша». Была разграблена великокняжеская казна, и все «ведехвалное богатство и боготворное имение» в момент «разнесено бысть». Пострадали «казны» и «многих бояляр старейших», «долговременъством собираеми». Купцы, «яко суть богатии людье», оказались разорены: «добро разноличное», собранное в их «храминах», татары все «взяша и расхитиша». Автор пространной повести выражает свою скорбь по поводу сожжения Москвы, «града великого», «чюдного», «многочеловечного», «в едином часе» изменившего свой облик, восклицая: «Кто бо не въсплачется таковыа погибели градныа? Кто не жалуеть толика народа людей? Кто не потужит о селище множестве крестьян? Кто не сетуеть сичеваго пленения и съкрушения?». Исключителен по своей эмоциональной выразительности «Плач церкви о чадах церковных».

В заключительной части пространной повести также содержится ряд фрагментов, отсутствующих в кратком рассказе. Так, например, сообщается о местопребывании во время осады и взятия города татарами великокняжеской семьи («на Костроме»), князя Владимира Серпуховского («на Волоке»), матери и жены Владимира («в Торжку»), Герасима, владыки Коломенского («в Новгороде»). Несколько более подчеркнута в повести роль Владимира Серпуховского: если в Троицкой летописи сказано лишь, что Владимир, стоя «близ Волока», «прогна их (*tatar*) от себе», то пространная повесть сообщает, что князь «о бозе укрепився и удари на них, ти тако милостию божиею овых убил, а иных живых поимал, а инии побегоша».

Как же соотносится краткий рассказ Троицкой—Симеоновской летописей о нашествии Тохтамыша с пространной повестью о том же событии в Н4Л и С1Л? Имеем ли мы основание говорить, что краткий рассказ свода 1408 г. не является сокращением отраженной в Н4Л и С1Л пространной повести, а был первичен по отношению к ней?

Краткий рассказ свода 1408 г. по сравнению с пространной повестью более строг в изложении, хотя назвать его чисто хроникальной записью о событии 1382 г. было бы неверно. Это уже в какой-то мере литературно обработанное произведение в «духе» киприановской традиции, с «плетением словес». ⁵⁷ Как уже говорилось, он написан в манере ближайших

⁵⁷ В кратком рассказе свода 1408 г. оказалось дважды повторенным известие о взятии татарами Москвы: «...и тако взяша град месяца августа 26 день на память святого мученика Андреяна и Наталии в 7 час дни»; «...и тако въскоре взяша град» (ПСРЛ, т. XVIII, с. 132, 133). Возможно, что во втором случае это известие вошло в краткий рассказ вместе с художественно обработанным фрагментом, начинающимся словами «И быше в граде видети тогда плачь и рыдание, и вопль мног...» (см.: Я. С. Лурье. Беллетристические элементы..., с. 267), который попал, видимо, в свод 1408 г. при обработке документальной записи 1382 г.

к нему известий Троицкой летописи. Пространная повесть о нашествии Тохтамыша, включающая в себя фактические данные рассказа Троицкой летописи в тех же самых выражениях, представляет собой обширное повествование, изобилующее лирико-публицистическими отступлениями, осуждающее врагов, рисуя яркие картины разграбления и сожжения татарами Москвы и предшествующей этому разгрому «смуты» в осажденном городе.

Для пространной повести характерна дублировка известий краткого рассказа. Так, автор ее фактически дважды сообщает о гибели литовского князя Остея. Один раз он говорит о гибели Остея (в отрывке, отсутствующем в своде 1408 г.), когда подробно описывает взятие татарами Москвы: жители, откликнувшись на предложение выйти навстречу татарам и поверив в добрые намерения татар, открыли ворота города «и выидоша с своим князем» Остеем «и с дари многими», и тут «убьен бысть князь их Остей пред градом». ⁵⁸ Но в повести перед этим известием о расправе татар с Остеем упоминается еще раз — словами краткого рассказа и в одном с ним контексте: «Царь же стояв 3 дни, а на 4 день оболга князя Остея лживыми речми и лживым миром, и вызва его вон из града, и уби его пред враты града, а ратем своим всем повеле отступити от града с вси стороны». ⁵⁹ В данном фрагменте, совпадающем с отрывком краткого рассказа, приводятся те же самые факты, но в сжатом изложении. Этот фрагмент в пространной повести представляется уже лишним. Первоначальный текст произведения такой дублировки одного известия не должен был содержать. Эта дублировка может быть объяснена одним обстоятельством: краткий рассказ послужил источником для пространной повести, и, создавая развернутый рассказ о взятии татарами города, автор пространной повести не только оттолкнулся от известия краткого рассказа о том же событии, но и включил его в свое повествование.

В пространной повести дважды повторена фраза краткого рассказа о том, что князь Олег Рязанский «обведе царя около своей отчины». Такая дублировка может объясняться той же причиной — вторичностью пространной повести. Первый раз фраза об Олеге Рязанском использована в пространной повести в контексте краткого рассказа, правда, несколько расширенного в ней дополнительными сведениями об этом князе. ⁶⁰

⁵⁸ Н4Л, с. 333.

⁵⁹ Н4Л, с. 332. В Симеоновской летописи: «Царь же стоя у города 3 дни, а на 4 день оболга Остея лживыми речми и миром лживым, и вызва его из города, и уби его пред спы града, а ратем своим всем повеле оступити град весь с все страны» (ПСРЛ, т. XVIII, с. 132).

⁶⁰ Симеоновская летопись: Василий и Семен, князья Суздальские, «гнаша в след его, и переехаша дорогу его на Серначе, и поидоша в след его, и постигоша его на Рязани. А князь великий Олег Рязанский обведе царя около всей своей отчины. И прииде вьскоре весть на Москву» (ПСРЛ, т. XVIII, с. 132). Н4Л, с. 327: «Они же... гнаша в след его неколико дний, переехаше дорогу его на месте, нарицаемем Сернаце, и поидоша по дорозе его с тицанием, и постигоша его близ придел Рязанския земля. А князь Олег Рязанский сrete князя Тахтамыша преже, да иже не вниде в землю Рязанскую, и бив ему челом, бысть ему помощник на победу Руси... еще же к тому обведе царя около всей своей отчины, Рязанския земли, хотяше бо добра не нам, но своему княжению помагаше. А в то время позде некако си едва прииде весть князю великому...». Эта фраза употреблена в Н4Л еще раз (с. 329): «Князь же Олег обведе царя около своеа отчины и земли и указа ему вся броды, суцаа на реце на Оке». Далее в пространной повести, согласно с кратким рассказом Троицкой—Симеоновской летописей, и следует сообщение о переходе Тохтамышем реки Оки: «Царь же перешед реку Оку...». Фраза на с. 329 Н4Л об Олеге Рязанском перекликается с текстом краткого рассказа Рогожского летописца: «А князь Олег Рязанский обведе царя около всее своей земли и указа ему вся броды на Оце» (ПСРЛ, т. XV, вып. 1, с. 143).

Второй же раз автор пространной повести счел, видимо, нужным повторить фразу об Олеге Рязанском, чтоб не потерять шить краткого рассказа, которому он следовал, так как между первым и вторым вариантом этой фразы он вставил большой отрывок текста с описанием появления в Москве «вести» от «доброхотов», обсуждения великим князем Дмитрием с князьями и боярами действий по отношению к татарам и «мятежа великого» в Москве.

Но помимо дублировок в пространной повести известий краткого рассказа свода 1408 г. (что говорит о ее вторичности), в пространной версии обращает на себя внимание то, как в ней представлены суздальские князья. Краткий рассказ свода 1408 г. о суздальских князьях сообщает следующее: 1) после того как князь Дмитрий Константинович Суздальский узнал, что Тохтамыш «пойде изгоном на великаго князя Дмитриа Ивановича», он послал «к царю два сына своя, князя Василиа, да князя Семена, и гнаша в след его, и переехаша дорогу его на Серначе, и поидоша в след его, и постигоша его на Рязани»; 2) отходя «от Рязани», Тохтамыш «отпусти посла своего посольством к князю Дмитрию Костянтиновичю, своего шурина, именем Шихмата, с его сыном вкупе, с князем Семеном, и другаго сына его поят, князя Василиа, с собою в Орду».⁶¹ Те же сведения сообщает и пространная повесть по Н4Л и С1Л: 1) «Князь Дмитрий Костянтинович Суздальский посла к царю Тахтамышу 2 сына своа Василья да Семиона. Они же, пришедше, не обретоша его, беаше бо грядя борзо на крестьян, и гнаша в след его неколико дний, переехаше дорогу его на месте, нарицаемем Серьнаце, и поидоша по дорозе его с тцаниемь, и постигоша его близ придел Рязаньския земля»; 2) царь, «идуще от Рязани» «отпусти посольством посла своего Шихмата, своего шурина, к князю Дмитрию Суздальскому, вкупе съ его сыном, с князем Семионом, а другаго сына его, князя Василья, поят с собою в Орду».⁶²

Но помимо этих двух отрывков, повторяющих текст рассказа Троицкой летописи, в пространной повести есть еще один, в Троицкой летописи отсутствующий, где об этих же самых суздальских князьях рассказывается следующее: когда «на 4 день, в польובהда, по повелению цареву, приехаша татарове нарочити и болшии князи ординьские и рядци его» вместе с князьями Василием и Семеном, сыновьями Дмитрия Суздальского, к стенам Москвы и начали уговаривать горожан открыть им городские ворота и выйти «с дары» и с «своим князем» к царю, который, как они говорили, «не на вас воюа прииде, но на Дмитрея ратуя», «а вам даровати мир и любовь свою» хочет, то князья суздальские, названные здесь «князи Нижняго Новагорода», поддержали татар в этом заведомом обмане и сказали москвичам: «Имите веру намь, мы есме ваши князи крестьяннстии, вам в том правду даем».⁶³

Суздальские князья Василий и Семен в пространной повести оказываются прямыми пособниками татар. Вместе с тем обращает на себя внимание следующее. Пособником татар является в повести и князь Олег Рязанский. Об этом прямо говорится в начале рассказа. И кончается пространная повесть, в согласии с кратким рассказом свода 1408 г., тем, что великий князь Дмитрий в наказании «посла свою рать на князя Олга Рязаньскаго. Олег же не в мнозе дружине едва утече, а землю его до останка взяша и пусту сътвориша: пушци ему бысть и тотарьския рати».⁶⁴ Естественно было бы ожидать, что наказание постигнет и суздальских князей.

⁶¹ ПСРЛ, т. XVIII, с. 132, 133.

⁶² Н4Л, с. 327, 338.

⁶³ Н4Л, с. 333.

⁶⁴ Н4Л, с. 338—339.

Однако в пространной повести этого нет. Отсутствие расправы великого князя с суздальскими князьями в кратком рассказе свода 1408 г. понятно. Согласно ему, суздальские князья в военных действиях не участвовали, они просто явились к татарам. Безнаказанность же суздальских князей, в пространной повести явно действовавших на стороне татар, может быть объяснена одним обстоятельством: эпизод о суздальских князьях носил вставной характер. Следовательно, пространная повесть по отношению к краткому рассказу вторична.

Итак, на основании рассмотренных выше примеров, свидетельствующих о наличии в тексте пространной повести дублировок и явно вторичных по отношению к краткому рассказу свода 1408 г. чтений, можно с определенностью утверждать: краткий рассказ свода 1408 г. не является сокращением пространной Повести о нашествии Тохтамыша. Он первичен по отношению к ней и послужил основой для ее написания. Судьба Повести о нашествии Тохтамыша по своему происхождению оказалась сходной с «Летописной повестью» о Куликовской битве и «Словом о житии», также сложенных, как уже говорилось, на основе кратких записей свода 1408 г.⁶⁵

Как уже упоминалось выше, и «Летописная повесть» о Куликовской битве, и «Слово о житии» датируются нами концом 40-х гг. XV в., они были, видимо, сложены при составлении свода 1448 г. Эти произведения оказались связаны с событиями того времени, когда на Руси в обстановке непрерывных войн с Ордой и угрозами со стороны Литвы шла борьба за великокняжеский стол между Василием II и Дмитрием Шемякой. Эта междоусобная борьба князей ослабляла силы русских. Обратившись к событиям далеких лет и взяв в основу сюжета своих повествований краткие записи под 1380 и 1389 гг. свода 1408 г., составители «Летописной повести» и «Слова о житии», рассказывая о прошлом, подсказывали читателю аналогии между историческими деятелями конца XIV в. и своими современниками; произведения эти имели уже в замысле своем публицистическую направленность, выступая в защиту объединения русских сил против врагов Русского государства.⁶⁶

Старшие тексты пространной Повести о нашествии Тохтамыша, как уже указывалось, дошли в Н4Л и С1Л, и, следовательно, пространная повесть должна была содержаться в своде 1448 г. Как и в случае с «Летописной повестью» и «Словом о житии», мы можем предполагать, что Повесть о нашествии Тохтамыша была сложена при составлении свода 1448 г., так как и в Московско-академическом списке Суздальской летописи — памятнике, восходившем к 20-м гг. XV в., и в западнорусских летописях, в основе которых находится свод, доведенный до 1446 г.,⁶⁷ ле-

⁶⁵ Помимо краткого рассказа 1382 г. свода 1408 г. пространная Повесть о нашествии Тохтамыша, подобно «Летописной повести» и «Слову о житии», использовала в качестве своих источников Библию (псалмы LXXVIII, 1—3 и LXXII, 63, 64) и, очень возможно, другой общий для этих повестей источник — «Слово на Рождество Христово о пришествии волхвов». На это указывают следующие чтения в Повести о нашествии Тохтамыша: «Плачется церкви о чадах церковных... яко матере о чадах плачущесе... О, чада церковнаа... нужную... смерть притрыпесте... Увы, мне... усечением меча умроша» (Н4Л, с. 336); ср. в «Слове на Рождество Христово о пришествии волхвов»: «Рахили плачущися чад своих... Увы мне, увы мне, избитаа наша чадца... не вемы видевши ващу злострасную смерть... инии... мечем просекаеми бывають...» (И. Я. Порфирьев. Апокрифические сказания о новозаветных лицах и событиях по рукописям Соловецкой библиотеки. СПб., 1890, с. 162—163).

⁶⁶ М. А. Салмина. 1) «Летописная повесть» о Куликовской битве..., с. 372—376; 2) «Слово о житии...», с. 98—104.

⁶⁷ ПСРЛ, т. I, вып. 3. Л., 1928, стб. 536—537; ПСРЛ, т. XVII. СПб., 1907, стб. 43; Я. С. Лурье. Общерусские летописи XIV—XV вв., с. 115.

жит лишь сокращенный текст краткого рассказа о нашествии 1382 г. свода 1408 г. Текстологическое изучение пространной Повести о нашествии Тохтамыша, позволяющее нам строить предположение о ее сложении в конце 40-х гг. XV в. при составлении свода 1448 г., подкрепляется и наблюдениями идеологическими.

Исследователи Повести о нашествии Тохтамыша пафос этого произведения обычно усматривают в патриотическом поведении горожан — защитников Москвы.⁶⁸ Нам представляется, что это не совсем так. Фактически автор повести не столько описывает действия горожан во время осады и взятия Москвы татарами, сколько рассказывает об ущербе, нанесенном завоевателями городу и сетует по поводу разорения и сожжения Москвы, ее церквей и монастырей, разграбления великокняжеской казны и казны «многих бояр старейших». Погибло огромное богатство огромного города. Но погибло богатство не только московское. «Опроче того елико сдеяша тотаре напасти и убытка Руси и княжению великому; елико сътвориша протора своим ратным пахождением!» — восклицает автор. «Колико градов поимаше и плениша, и колико злата и серебра и всякого товара взяша, а землю... пуну сътвориша... , колико волости повоеваша, колико огнем пожгоша, колико мечем посекоша, и елико в полон поведоша! И аще бы мощно было ти вси убытки и напасти и проторы исчитати, убо не смею рещи, — продолжает он, — мню, яко тысяща тысящ рублев не иметь числа».⁶⁹

Такое горестное, прискорбное событие, как взятие татарами Москвы, произошло, однако, не потому, что ее жители недостаточно стойко сражались. Автор повести всячески подчеркивает храбрость и геройство горожан, он даже особо выделяет подвиг некоего «гражданина москвитина суконника, именем Адама», который «уязви» стрелой «единого тотарина, нарочита и славна».⁷⁰ Москва была разорена и сожжена — так рассказывает повесть — исключительно из-за «неодиначества» и «неимоверства» среди русских князей. Именно из-за того, что князь «не хотяху пособляти друг другу и не изволиша помагати брат брату», великому князю Дмитрию, который с самого начала «хотя ити противу татар», пришлось оставить Москву. В повести особо подчеркивается изменническое поведение князя Олега Рязанского и суздальско-нижегородских князей. Олег Рязанский, как уже говорилось, оказывается Тохтамышу «помощником» «на победу Руси» и «споспешником на пакость крестьяном». Это он бил «челом» Тохтамышу и сказал татарам, «како пленити землю Рускую». Это он указал Тохтамышу «вся броды, суцаа на реце на Оке». Поведение Олега Рязанского, нарисованное в Повести о нашествии Тохтамыша, напоминает его изображение в «Летописной повести» о Куликовской битве. Там князь Олег, находясь в «одиначестве» с татарами, всячески помогает им; хитростью за спиной великого князя Дмитрия посылает он к ним «свою силу». Автор «Летописной повести» называет Олега «врагом» и «изменником», раскальвающим русские силы. В Повести о нашествии Тохтамыша неверность Олега Рязанского показана еще четче: он говорит

⁶⁸ См., например: С. К. Шамбинаго. Исторические повести, с. 207—208; Б. Н. Путилов. Литература конца XIV—XV веков. Развитие исторических жанров и зарождение историко-бытовой повести. — В кн.: История русской литературы в трех томах, т. 1. М.—Л., 1958, с. 184—185.

⁶⁹ Н4Л, с. 338.

⁷⁰ «Граждане, стрегуще град», «народи градстии» — так называет защитников Москвы автор повести. Но его симпатии совершенно определены. Он безусловно не на стороне тех, кто «всташа вечем», кто, «ни самого митрофолита постыдешася, ни бояр нарочитых не устрашишася», не пускал «хотящих изыти из града». Они, по его мнению, «недобрии человеци, людие крамолници» (Н4Л, с. 329). Автор сетует о разорении казны «бояр старейших», «благодущьством» наполняемых, он сожалеет, что разорились кушцы, «яже суть богатии людье».

татарам, «како бес труда взяти каменный град Москву, како победити и из добыти князя Дмитрия».

Исследуя в свое время «Летописную повесть» о Куликовской битве и сопоставляя приводимые в ней факты с данными дошедших до нас документов конца 40-х гг. XV в. («Послание Российского духовенства углещичьему князю Дмитрию Юрьевичу» 1447 г.), мы пришли к заключению, что Олег Рязанский этой повести в глазах современников должен был ассоциироваться с достаточно известной тогда на исторической арене личностью — Дмитрием Шемякой.⁷¹ Если это положение распространяется и на Олега Рязанского Повести о нашествии Тохтамыша, то складывается картина, подкрепляющая наши основанные на текстологических сопоставлениях выводы о том, что повесть эта была создана также в конце 40-х гг. XV в. («Послание Российского духовенства углещичьему князю Дмитрию Юрьевичу» (Шемяке) сопоставимо и с Повестью о нашествии Тохтамыша; в нем находим следующую перекликающуюся с только что приведенной из повести фразу, обращенную к Шемяке: «... ты на него (*великого князя*) добы вая ся, а христианство православное до конца губя, ссылаешься с иноверци, с поганством...».⁷²

В Повести о нашествии Тохтамыша помимо изменнического поведения Олега Рязанского описываются такие же недостойные действия суздальско-нижегородских князей — сыновей Дмитрия Константиновича Суздальского и шуринов великого князя Дмитрия Донского: они помогли противникам великого князя московского, которые пришли «на Дмитреа ратуя». Однако, согласно летописным данным, Дмитрий Донской не был в столкновении с родными братьями своей жены Евдокии — дочери Дмитрия Суздальского, а в 1388 г. даже помогал им в походе против их дяди Бориса Нижегородского.⁷³ Между тем в истории Руси можно назвать такой отрезок времени, когда суздальские князья были кровно заинтересованы в ниспровержении московского великого князя. В 40-х гг. XV в. галицкий князь Дмитрий Шемяка стремится создать союз русских князей, которые поддерживали бы его в борьбе с Василием II. Такими союзниками явились для него кроме Ивана Можайского — суздальские князья. В целях восстановления давно утерянных прав на нижегородско-суздальское княжение суздальские князья Василий и Федор Юрьевичи — правнуки Дмитрия Константиновича Суздальского идут на сговор с недругом московского великого князя Василия II — Дмитрием Шемякой. В конце 1445 (или начале 1446) г. эти князья заключают между собой договор, из которого следует, что если Шемяка станет великим князем московским, то суздальские князья получат в свое распоряжение земли нижегородско-суздальского княжества в тех пределах, в каких это княжество существовало в XIV в. при великом князе Дмитрие Суздаль-

⁷¹ См.: М. А. Салмина. «Летописная повесть» о Куликовской битве..., с. 373—374. В «Летописной повести» Олег Рязанский обвиняется в том, что он не помог своим, что он хитрил, посылал к великому князю «весть лестную», говоря, что «Мамай идет... на мене и на тебе», а сам в это время помогал татарам. Он находился «в одиначестве» и с Литвой. Автор «Летописной повести» называет Олега «новым Святополком». В «Послании» Дмитрий Шемяка обвиняется в тех же проступках: когда великий князь Василий II с приходом татар в 1445 г. (и в 1439 г.) посылал к нему «послов своих до четьредесяти, зовучи... к себе за христианство помогати», то он «ни сам к нему не поехал, ни воевод своих... не послал». «Послание» ставило в вину Шемяке то, что он «злохитрствует» на своего брата, «ссылается с иноверци, с поганством». «Послание», как и «Летописная повесть», приравнивает Дмитрия Шемяку к «окаянному Святополку» (АИ, т. 1. СПб., 1841, с. 77—79).

⁷² АИ, т. 1, с. 79.

⁷³ ПСРЛ, т. XVIII, с. 137.

ском.⁷⁴ Договор этот был заключен тогда, когда Василий II находился в плену,⁷⁵ и действительно могло случиться, что великим князем станет Дмитрий Шемяка.

Ситуация, представленная в Повести о Тохтамыше, когда суздальско-нижегородские князья действуют заодно с Олегом Рязанским в своем стремлении овладеть Москвой и сместить с престола великого князя Дмитрия, напоминает ту, которая на самом деле сложилась в середине 40-х гг. XV в., точнее, в конце 1445—начале 1446 гг., когда Дмитрий Шемяка готовился к захвату великого княжения, а суздальские князья Василий и Федор Юрьевичи оказывали ему поддержку. Как это описано и в повести, в действительности в тот промежуток времени великого князя также не было в Москве, а Москва, как и в повести, стояла сожженной и разоренной: буквально через несколько дней после пленения в июле 1445 г. татарами Василия II сильный пожар уничтожил Москву. Как сообщает Софийская 1 летопись, «погоре град Москва кремль и выгоре весь. И не оставаша ни единого древеси и камени, церкви рассыпашася и мнози человецы от огня скончашася, священницы и черноризци и сущии незлобивии младенци».⁷⁶

Итак, и на основании текстологического исследования Повести о нашествии Тохтамыша, и на основании изучения ее идейного содержания мы полагаем, что это произведение было написано в конце 40-х гг. XV в., и, по-видимому, так же как и «Летописная повесть» и «Слово о житии», создавалось для свода 1448 г. Как и в «Летописной повести» и в «Слове о житии», в Повести о нашествии Тохтамыша ощущается политический подтекст: в глазах современников суздальские князья Василий и Семен повести, видимо, ассоциировались с суздальскими князьями Василием и Федором — правнуками тестя Дмитрия Донского, а действовавший заодно с ними Олег Рязанский, как и в «Летописной повести», — с Дмитрием Шемякой.

Все три памятника летописного свода 1448 г. — «Слово о житии» и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского», «Летописная повесть» о Куликовской битве и Повесть о нашествии Тохтамыша оказались близки между собой не только по своему происхождению, но и по своей идейной направленности. Отразить нападения врагов Русской земли, и в первую очередь татар, можно было только объединенными усилиями русских князей и только с прекращением междоусобных распрей. «Слово о житии» поэтом изображало великого князя Дмитрия Донского крепившим «князи руския в области своей», а «Летописная повесть» решительно осуждала раскольнические действия князя Олега Рязанского. Те же публицистические задачи стояли и перед автором Повести о нашествии Тохтамыша. Нарисованная им яркая картина разгрома и разграбления Москвы, опустошения и других городов Русской земли врагами должна была вызвать не только чувство сострадания у читателя-современника, но и обратить его внимание на причины, приведшие к этому бедствию, — «неодиначество» русских князей, братоубийственные распри между ними.

⁷⁴ СГГД, т. 1. М., 1813, с. 135—137 (№ 62).

⁷⁵ Л. В. Черепнин. Русские феодальные архивы XIV—XV веков, ч. 1. М.—Л., 1948, с. 131.

⁷⁶ ПСРЛ, т. V. СПб., 1851, с. 268.

Е. И. ВАНЕЕВА

О едином происхождении русских списков Сербской Александрии

Мнение о том, что в Россию Сербская Александрия попала от сербов (иначе говоря, что русские списки восходят к сербскому оригиналу), является, можно сказать, общепринятым.¹ Менее ясно — все ли русские списки восходят к одному (сербскому) оригиналу или, может быть, только часть.

В. Ягич, знавший о русских списках по работе Пыпина «Русские редакции средневековых сказаний об Александре», высказал мнение, что многие из них принадлежат к семье сербских текстов, но, судя по сообщению А. Попова о рукописи ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 11/1088 (далее: КБ-11),² не все.³ Через шесть лет В. Ягич написал о трех редакциях Александрии в древнеславянской литературе (болгарской, сербской и русской). Первую он назвал болгарской (перевод с греческой версии Псевдокаллисфена), так как перевод был сделан в период болгаро-славянской литературной деятельности (эту Александрию обычно называют Хронографической). Вторая редакция — Ягич считал ее сербской — представлена в «сербско-русской рукописи 1497 года (так он называл КБ-11, — Е. В.) и, кроме того, часто встречается».⁴ А третья редакция есть Сербская Александрия в сербских списках. Остается, правда, неясным, относил ли Ягич ко второй редакции все русские списки или только КБ-11. Представления В. Ягича об особенностях текста КБ-11, как объяснила в своей работе Р. Маринкович, вытекают из недостаточной осведомленности его об этой рукописи.⁵ Ягич не видел ее и судил о ее тексте только по сообщению А. Попова в «Обзоре Хронографов русской редакции». Попов отметил три статьи, которые читаются в Александрии Хронографа 1-й редакции (1512 г.) и отсутствуют в Александрии, входящей в Еллипский летописец. Попов считал, что они соответствуют тексту «Сербской редакции Александрии», и привел для сравнения к статье о добродете-

¹ А. Востоков. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского Музеума. СПб., 1842, с. 216; А. Н. Пыпин. Русские редакции средневековых сказаний об Александре. — Отечественные записки, 1855, т. СII, II, с. 37; V. Jagić. Historija književnosti naroda hrvatskoga i srpskoga. Zagreb, 1867, с. 94; Život Aleksandra Velikoga. Izdao V. Jagić. Zagreb, 1871, с. 11; Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. Изд. подгот. М. Н. Ботвинник, Я. С. Лурье и О. В. Творогов. М.—Л., 1965, с. 149; Р. Маринковић. Српска Александрида. Београд, 1969, с. 226.

² А. Попов. Обзор Хронографов русской редакции, вып. 1. М., 1866, с. 119—121.

³ Život..., с. 11.

⁴ V. Jagić. Ein Beitrag zur serbischen Annalistik mit Literaturgeschichtlicher Einleitung. — Archiv f. sl. Philologie, 1877, Bd II, S. 26.

⁵ Р. Маринковић. Српска Александрида, с. 202—205.

лях Александра текст из Дерптской рукописи (сербской рукописи Сербской Александрии). Текст о пришествии в Троицу дан параллельно из Хронографа и из КБ-11 (из КБ-11 не целиком рассказ о Трое, а лишь те места, которые соответствуют тексту этой статьи в Хронографе). О третьем дополнительном рассказе (приход Александра в Рим) у Попова сказано, что «точно такой же рассказ в списке Александрии 1497 года, Сербской редакции, в рукописи Кирилло-Белозерского монастыря № 11/1088».⁶ Вероятно, он не имел в виду буквальное сходство, но лишь сходство по содержанию, по смыслу рассказа в Хронографе с рассказом в Сербской Александрии (а именно, КБ-11). Таким образом, недостаточная точность в сообщении А. Попова ввела в заблуждение В. Ягича, в результате чего и появилось мнение о трех редакциях.⁷

Р. Маринкович список КБ-11 был известен, и она использовала его в своей работе по истории текста Сербской Александрии на сербской почве. Текст этой рукописи сильно отличается от сербских текстов. Многочисленные отличия его Р. Маринкович объясняла, с одной стороны, плохим оригиналом, в котором было много пропусков, а с другой — тем, что писец КБ-11 (Ефросин) старался восполнить текст там, где он предполагал пропуски в своем оригинале, дополняя текст из Хронографической Александрии (например, вставил в текст беседы Александра с рахманами просьбу последних дать им бессмертие и ответ Александра: «Сам смертен есмь, како вам бессмертие дам»)⁸. Р. Маринкович была известна еще одна русская рукопись — ГПБ, собр. Вяземского, Q.71. И из сравнения с нею Маринкович пришла к выводу, что КБ-11 «не представляет основного состояния текста, от которого произошли русские переписки и переработки».⁹ «Судя по вставкам из Сербской Александрии в русский Хронограф, сделанным в середине XV в., наш роман пришел в Россию в более близком к сербским рукописям виде, чем текст Кирилло-Белозерского списка».¹⁰ Таким образом, Маринкович отметила особенности рукописи КБ-11, не уточняя, происходит ли ее текст и другие русские тексты (например, известная Маринкович рукопись собр. Вяземского Q.71) от одного или от нескольких сербских списков.

В 1965 г. (до опубликования, но уже после защиты диссертации Маринкович) был издан текст Александрии по списку КБ-11 и посвященное ему исследование.¹¹ И, как видно теперь, Маринкович была права, выделяя этот текст среди всех остальных привлеченных ею к работе текстов, но права не вполне, потому что некоторые особенности КБ-11 являются не индивидуальными (как они определены у Р. Маринкович), а общерусскими, встречающимися во всех русских списках, в том числе и в рукописи собр. Вяземского Q.71 (та же просьба рахманов о бессмертии). Текст КБ-11 не одинок среди русских рукописей, он представляет особый вид русских текстов — Ефросиновский вид, к которому можно отнести около 80 списков, что составляет половину всех русских списков Сербской Александрии, находящихся в рукописных собраниях Ленинграда и Москвы.

В результате сравнения всех русских текстов Я. С. Лурье определил, что все они отражают русскую редакцию Сербской Александрии. Он основывался на наличии нескольких общих черт, а именно:

⁶ А. Попов. Обзор..., с. 120.

⁷ Р. Маринкович. Српска Александрида, с. 202—205.

⁸ Ibid., с. 238, 226.

⁹ Ibid., с. 226.

¹⁰ Ibid., с. 238.

¹¹ Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века.

1) система заголовков, начинающихся с середины текста; каждый заголовок начинается со слова «Сказание». «Приведенные заголовки читаются не во всех русских списках — иногда они несколько сокращены (чаще всего сокращены концы заголовков); в некоторых списках (особенно в более поздних по времени написания) система заголовков изменена и расширена — новые заголовки вставлены внутрь „Сказаний“ второй части, а иногда сделаны и в первой части Александрии, но так или иначе приведенная система заголовков отражается во всех видах русских списков независимо от степени их близости к списку Ефросина. Если же мы учтем, что в южнославянских и греческих списках таких главок «Сказаний» нет и что они достаточно индивидуальны и не могли быть придуманы переписчиками независимо друг от друга, то приходим к выводу, что перед нами следы русской редакции сербской Александрии, сложившейся еще в XV в.»¹²

2) «Ни в одном из известных нам списков не упоминается, что Александр послал Дарию сосуд с перцем»;

3) «Русские списки (за одним исключением) не сообщают о том, что Рим, подобно Афинам, управлялся общиной»;

4) «Все известные нам русские списки содержат отсутствующий в южнославянских списках эпизод, в котором рахманы просят Александра даровать им бессмертие»;

5) «Разговор Кандавкуса с Александром перед пещерой мертвых во всех русских списках короче, чем в южнославянских»;

6) «Наконец, судя по всем русским спискам, в их протографе уже сохранилось объяснение непонятого термина „елефанты“ с помощью славянского слова „слоны“».

«Названные здесь черты мы можем считать характерными признаками русской редакции в целом».¹³

Изучение русских рукописей с целью определить историю текста Сербской Александрии в России дало материал для дополнения того, что сказано Я. С. Лурье о русской редакции. Сначала кратко о русских списках. При сравнительном рассмотрении все они разделяются на группы, которые можно объединить в следующие типы.

I. Несводные тексты

Ефросиновский вид: Кирилловский историко-художественный музей, № 2967; БАН — Арханг. Д. 419, собр. Археологического института № 44, Вятское собр. 52, собр. Романченко 60, собр. Целепи № 24, Текущие поступления, № 409 и № 505, 16.16.46, 17.5.6, 17.8.2, 33.6.3, 33.17.12, 33.17.25, 45.4.15; ГПБ — КБ-11/1088, собр. Вяземского, Q.35 и Q.180, F.XVII.8, O.XVII.3, Q.XV.10, Q.XV.27, Q.XV.48, O.XVII.12, Q.XVII.209, собр. Погодина, № 1706, собр. Титова, № 2462; ИРЛИ — Карельское собр., № 156, Отдельные поступления, оп. 23, № 78, собр. Перетца, № 136 и № 197, Усть-Цилемское собр., № 193; ЛОИИ — собр. Н. П. Лихачева (ф. 238), № 293; ГБЛ — ф. 7, № 68, ф. 152, № 36, ф. 178, № 61, 981, 4099, ф. 205, № 71, 286, ф. 218, № 1086, ф. 228, № 201, ф. 299, № 12, 73, 141, 250, 720, ф. 310, № 746, 747, 1340; ГИМ — Барсовское собр., № 1708, 2336, 2756, собр. Бярятинского, № 163, собр. Вострякова, № 1233, Епархиальное собр., № 693, Забелинское собр., № 9, Музейское собр., № 381, 824, 1805, 1899, 2794, 3212, 3634, Синодальное собр., № 1167, Уваровское собр., № 169, 283, 293, 559, собр. Черткова, № 451, Щукинское собр.,

¹² Там же, с. 208—209.

¹³ Там же, с. 209.

№ 610, 1120; ЦГАДА — ф. 181, № 31, 480, 627/1138, ф. 201, № 26, ф. 381, № 1815.

Мышецкая группа: БАН — собр. Дружинина, № 937; ГПБ — Q.XVII.169; ГБЛ — ф. 178, № 4132; ГИМ — Барсовское собр., № 1521, Хлудовское собр., № 249; ЦГАДА, ф. 181, № 686.

Утрехтская группа: ЦГАДА, ф. 201, № 97 и рукопись, изданная: Chr. van den Berg. Der «serbische» Alexanderroman. München, 1970.

Уваровская группа: ГПБ — Q.XV.13; ГБЛ — ф. 178, № 3185, ф. 228, № 172, ГИМ — Уваровское собр., № 802.

Еропкинская группа: ГПБ — Q.XV.31, собр. Погодина, № 1703, 1772; ГБЛ — ф. 310, № 745, ГИМ — Уваровское собр., № 45; ЦГАДА — ф. 181, № 426; ГЛМ — № 14437.

Ундольская группа: ГБЛ — ф. 299, № 333, ф. 310, № 1326.

Титовская группа: БАН — 17.5.31; ГПБ — собр. Титова, № 724; ГИМ — Музейское собр., № 967.

Вахрамеевская группа: ГИМ — собр. Вахрамеева, № 144, Музейское собр., № 3374, Уваровское собр., № 323.

Барсовская группа: ГПБ — Q.XVII.27, Соловецкое собр., № 1171/1062, собр. Яворского, № 33; ГБЛ — ф. 178, № 3155, ф. 310, № 1338; ГИМ — Барсовское собр., № 1789, 2340, Забелинское собр., № 11, собр. Черткова, № 263.

II. Сводные тексты

Вяземская группа: ГПБ — собр. Вяземского, Q.71; ГБЛ — ф. 310, № 620.

Соколовская группа: ГИМ — собр. Соколова, № 24; ГЛМ — № 14387.

Библиотечная группа: ГБЛ — ф. 218, № 689, ф. 299, № 330.

Музейская группа: БАН — 17.11.2; ГПБ — собр. Вяземского, Q.108, Q.XVII.144; ГБЛ — ф. 228, № 200, ГИМ — Забелинское собр., № 12, Барсовское собр., № 2339, Музейское собр., № 1195, 2512, 3082.

Отдельные сводные рукописи: БАН — 38.2.20; ГПБ — ОЛДЦ, Q.127, собр. Яворского, № 41; ИРЛИ — собр. Перетца, № 218, собр. Пухальского, № 6; ГИМ — Музейское собр., № 929.

III. Особые редакции текста Сербской Александрии

Тихонравовская группа: ГПБ — Q.XVII.223; ГБЛ — ф. 299, № 337; ГИМ — Музейское собр., № 3162.

Ростовцевская группа: БАН — 32.2.11; ГИМ — Уваровское собр., № 296.

IV. Соединенные с Хронографической Александрией

Гусевская группа: ГПБ — F.XV.39; ГИМ — Барсовское собр., № 2337, Забелинское собр., № 505.

Отдельные рукописи: ГПБ — Соловецкое собр., № 17/1476; ГБЛ — ф. 310, № 748, 756.

V. Составные тексты

ГПБ — Q.XV.49, Q.XVII.252, собр. Титова, № 3853; ГБЛ — ф. 178, № 3708; ГИМ — Музейское собр., № 431, 1415, Уваровское собр., № 553, 559.

Сводные, составные, соединенные с Хронографической Александрией восходят к известным несводным текстам. То же самое можно сказать и об особых редакциях текста — Тихонравовская группа восходит к соединению текста Ефросиновского вида с Барсовской группой, а Ростовцев-

ская является переделкой текста Барсовской группы (со многими дополнительными рассказами из разных источников). Еропкинская и Ундольская группы восходят к Уваровской группе, а Вахрамеевская и Барсовская — к Утрехтской группе.

Теперь некоторые дополнения и подробности к общим чертам русских списков, выявленным Я. С. Лурье.

Система заголовков встречается во всех списках, кроме списков Титовской группы. Возможно, что протограф этой группы происходит от текста, в котором заголовков не было, но они предполагались, т. е. были оставлены пустые места в тексте для заполнения их потом киноварными заголовками. И это не было выполнено. Предположить это можно, поскольку встречаются рукописи, в которых есть только часть заголовков, а вместо остальных — незаполненные места.

На пропуске упоминания о сосуде с перцем остановлюсь подробнее.

Сербский текст¹⁴

Текст Мышецкой,
Утрехтской
и Уваровской
групп¹⁵

Текст
Ефросиновского
вида¹⁶

(грамота Александ-
ра к Дарию): «...ков'-
чеге же твоие мѣсто
дара приехъ; доволюю
всточними странами
между подобними тебе
Перси попоуе страш-
ливими соуште и не-
воинствьними, запада
же остави се, яко да
въ немъ не падеши се,
и довольнь боуди обро-
ки своими». И даровавъ
Клитовоуша отпусти,
въдавъ емоу къбль
пыпра. «Въ место твое
мъчньне воиске оудахъ
тебѣ къбль пыпра. И се-
го съжвавъ храбрость
мое воиске оузнаеши».

Семоу же сиче би-
вьшоу Александръ бра-
ти се повеле воисце на
филипоушькомъ поли, и
прѣписавъ ю и обрете
сиче тисоушть, .е. съть,
три ста оубо остави Ма-
кедонию блоусти, две
сте съ собою поведе; на
солоуньскаго, оустрьми
се цара. Кархидонъ же
солоуньски царь сли-
павъ Александрово на-
пшьствие на нь, и оубоа
се много, и не моги со-
упротивити се, покли-
сара же прѣма емоу
посла, и злата множь-
ства емоу оудавъ, п

...ковчеге же твою
вместо дара приях и
буди доволен в восточ-
ных странах между по-
добными тебе попути
наши посланнии верую
во урочную тебе работу
на послание к нам к
царству ти придемь.

...ковчеге же твою
вместо дара приях.
И буди ти ведомо, Да-
рие царь, по путем
стран твоих посылай
стражи, ко царству бо
прити имам. А ты,
Клитовнуше, готов буди
во уготованную ти
службу на послание
к нам.

¹⁴ Приповетка о Александру Великом у старој српској књижевности. Критички текст и расправа од Ст. Новаковића. II одељенье гласника Српског ученог друштва, књига IX, Београд, 1878, с. 25—26.

¹⁵ По рукописи Утрехтской группы: ЦГАДА, ф. 201, № 97.

¹⁶ Александрия, с. 17.

конь р. избранихъ и колесницоу златоу оукрашеноу и сына своего Полоукратоуша къ нему пославъ съ епистолиею имеюште сиче... (текст ее пропускаем, — *Е. В.*). Александръ же епистолию приемъ прочь и радостнь бивъ дари весело приемъ...

В то же время приидоша послы от Архидона селунского царя именемъ Полиартуш и принесоша Александру дары великия и грамоту. Александръ же дары и грамоту приемъ и прочет ю и радостенъ бивъ... (текста грамоты Архидона нет, — *Е. В.*).

В то же время сидурскаго царя от Архидона приидоша послы и принесоша Александру дары и епистолию. Приат и прочет я, велими радостенъ бивъ... (текста епистолии Архидона нет, — *Е. В.*).

В Титовской группе текст еще короче, чем в Мышецкой, Утрехтской и Уваровской: «...буди доволенъ восточными странами межъ подобными тебе, мы же посланию къ царствию твоему приидем. В то же время приидоша послы от Архидона...». В остальных типах и группах русских рукописей текст в этом месте бывает удвоенным (когда писали по двум или более рукописям), измененным, но нигде не читается тот текст, который в сербских списках.

При сравнении с сербским текстом видно, что в русских грамотах к Дарию закончена иначе, нет сообщения о посылке Дарию «къбль пыпра» (это некая мера перца, например, ковш перца),¹⁷ отсутствует текст о сборе войска и о намерении Александра пойти войной на Архидона. Но зато упоминаются «урочная работа» (или «уготованная служба») и угроза прийти к царству, чего нет в известных мне сербских списках. После этого в русских читается, что пришли послы от Архидона и что Александр был рад грамоте и дарам. Р. Маринкович, объясняя эту особенность в КБ-11, предположила, что «переписчикъ вынужденно сократил и изменил текст, так чтобы перескок (который получался из-за пропуска в тексте его оригинала, — *Е. В.*) не был бы очевиден».¹⁸ Но не только в Ефросиновском виде, а и во всех остальных русских текстах имеются следы пропуска в этом месте, причем в текстах Мышецкой, Утрехтской, Уваровской и близких к ним групп ущербность текста вследствие малой его понятности более явна.

Во всех русских текстах Сербской Александрии не упоминается «опкина»:

Сербский текст¹⁹

...слышавше же Римланѣ идуща къ нимъ сметоше се, Римъ же на опкине дръжаше се, јакоже и Аѳиняне.

Русский текст²⁰

...услышавше же римляне к нимъ идуща цара и смятошася, печалю великою обдержими, яко же и афиняне.

Здесь не просто пропущено упоминание об «опкине», но вместо «опкины» читается «печаль великая» — возможно, что это переосмысление непонятого слова (поскольку фраза сохранилась). В греческом тексте (Венском и Иверском)²¹ не объясняется, что Рим управлялся общиной, но греческий текст в этом месте отличается от сербско-русского, поэтому сравнение с ним ничего не дает.

¹⁷ Срезневский. Материалы, т. 1, с. 1387.

¹⁸ Р. Маринкович. Српска Александрида, с. 213.

¹⁹ Приповетка..., с. 32.

²⁰ Александрия, с. 20.

²¹ Венский: А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, вып. 1. СПб., 1886, Приложение, с. 29; Иверский: В. М. Истрин. История сербской Александрии в русской литературе, вып. 1. Одесса, 1909, с. 35.

Во всех русских списках читается просьба рахманов дать им бессмертие. По всей вероятности, это заимствование из Хронографической Александрии.²² Но текст хронографический не настолько сходен с тем, который читается в русских списках Сербской Александрии, чтобы можно было предположить, что заимствование делали независимо друг от друга разные писцы. В Хронографической Александрии Александр предложил всем рахманам: «Просите оу мене, что хотите, и дам вамъ. и воспиша вси, глаголюще. дай намъ бесъмертье. рече же Александръ. симъ азъ не владѣю, азъ бо смрътенъ есмь. они же рѣша емоу. почто ты, смертенъ сый, толико ся борещи. да все возмещи, где же то хочещи понести. не паки ли то инѣмъ оставиши».²³ Вставка в Сербскую Александрию сделана в следующем месте: Александр спрашивает царя рахманов: «„Аще повелиши, да принесем ти что от потребных наших, еже не обретается в земли вашей“». Они же вси яко едиными усты рекоша: „Дай же нам, царю Александре, бессмертье, помираем бо“». Александр же к ним рече, яко: „Не бесмертен аз есмь, каково бессмертье вам подам?“». И Птоломею рече, хлеб чист и вино принести повеле». Так читается в Ефросиновском виде и в других русских текстах (расходятся они лишь в имени того, кто приносит хлеб и вино: это либо Филон, либо Антиох, либо Птоломей). В сербских текстах Александр предлагает Иванту, царю рахманов, принести «что от потребных» и велит Филону принести хлеб и вино. Но по крайней мере в одной сербской рукописи текст в этом месте читается со вставкой, точно так же как в русских текстах (в Берлинской рукописи XV в., изданной Берком)²⁴ и, кроме того, в двух молдавских рукописях XVI в.,²⁵ которые во всем остальном сходны с сербскими текстами. В греческих рукописях просьбы о бессмертии нет и текст сходен с сербскими. Чтение в Берлинской рукописи позволяет предполагать, что заимствование было сделано уже у южных славян и читалось в оригинале протографа русских списков. Но можно думать, что вставил просьбу русский писец, а на Берлинскую и молдавские рукописи повлиял какой-то русский список, попавший на юг. Необходимо знать текст этого места по всем южнославянским и молдавским спискам Сербской Александрии, чтобы решить вопрос, где была сделана вставка — в России или в Сербии, или, может быть, в Болгарии или Молдавии. Если в случае с молдавскими списками можно предположить, что они испытали влияние со стороны русской традиции Сербской Александрии, труднее сделать такое предположение по отношению к сербской рукописи XV в.

При сравнении разговора Кандавла с Александром перед пещерой мертвых по сербской рукописи с русскими текстами видно, что русский текст значительно короче.

Сербский текст²⁶

...и тако идоуштина има, до пещери нѣкое великыя доидоше. Кандавлъ же къ Александру рече: любимы мои Антиоше брате, въ свои пещере глаголють, яко тоу бози

Русский текст²⁷

...и тако имъ идущимъ до пещеры некия доидоша. Кандавлус же рече: любимый мой Антиоше брате, яко в сей пещере, глаголють, яко в ней живутъ бози ельнинстинъ вси, елицы

²² Александрия, с. 164, 205, 244; Р. Маринковић. Српска Александрида, с. 227.

²³ В. М. Истрин. Александрия русских хронографов. М., 1893, Текст, с. 86.

²⁴ Chr. van den Berg. Der «serbische» Alexanderroman. München, 1970, S. 347.

²⁵ ГВЛ, ф. 152, № 35; ГПБ АН УССР, собр. Киевского ун-та, № 24.

²⁶ Приповетка..., с. 116.

²⁷ По тексту Утрехтской группы (рукопись ЦГАДА, ф. 201, № 97 с исправлениями по рукописям этой же группы).

елин'сци живоуть вси. Да аште хош-теши оувѣдѣти, іаже до сьмрѣти слоучити ти се хотеть, мало стоуди, оуклони се въ пештероу; вьшьдь бо въ ню, див'наа нѣкаа оузриши и чуд'наа. Нь вѣдомо да ієсть тебѣ, іако тоу мнози вьшьдьше, омахнитеше. Алексен'дрь же Кан'давлю рече: да такова ли любовь твоа къ мнѣ ієсть, іако ноудиши ме вьнити, идѣже оумь свои из'гоубити хоштоу? Кан'дав'лие же къ нѣмоу рече: не твоєіє ради злоке се рекохъ, нь ієже ини пострадаше, то азъ тебѣ рекохъ; ты же, аште вьноутрь вьнидєши, не боудеть ти нїєдино зло, оумь бо твои сил'нь ієсть зѣло, и по свои прилице вѣдовита те мно быти, и нарокъ господина твоего великъ ієсть; нарокоу оубо ієговоу и бози и врази помагають. Аште бихъ знаіалъ что зло тебе, во-дєль быхъ самъ оумрети прѣжде тебе, нег'ли власъ главы твоєіє да одпад'нєть. Алексен'дрь же, сладко обლობивъ ієго, рече: другоу вѣрноу нѣсть измѣни отъ соущіихъ нич'то. И до пештере тоє дошьдше, Алексен'дрь къ нѣмоу рече: кажи ми поуть, ієже въ пештероу оноу гредєть. Кан'дав'ли же каза іємоу поуть, за грѣло же ієго оухвативъ, рече іємоу: любимыи мои брате Ан'тиоше, въ пештероу не ходи, не вѣси бо что прилоучитъ ти се. Мьчтаніа соуть многаа тамо, азъ оумрѣти имамъ здѣ, къ томоу очи Алексен'дрове видѣти не имамъ; много бо любьзно видѣхъ къ тебѣ прѣддєжєшта. Алексен'дрь же рече къ нѣмоу: почєкаи мене мало здѣ, азъ бо в пештероу имамъ ити Александро-вємъ оруужавъ се нарокомъ, и ничто мнѣ имать бити. И тако въ пештероу вьниде...

в пещеру сию вхождаху, омагнитиша, но аще хоцєши увидєти дажє и до смєрти своєа, на ту ступивъ уклонися в пещеру внидєши. Александръ же к нему рече: Какова ли сия єсть любовь твоа ко мне, Кандавлусє братє, како велиши мне здє внити. Кандавлусє же пригнувъ єго к себє и проплакав и рече: о любимый мой, братє Антиоше, не аз ти рекох да внидєши здє, но сказах ти єже живуть в пещере сей.

Александръ же мало ступивъ и уклонися ступивъ в пещеру вниде...

Русский текст не только короче, но и имеет некоторые особенности: во-первых, фраза «елицы в пещеру сию вхождаху, омагнитиша», соответствующая «іако тоу мнози вьшьдьше, омахнитеше», читается в русском тексте перед предложением Кандавла войти в пещеру и «оувѣдѣти, іаже до сьмрѣти слоучити ти се хотеть»; во-вторых, в русском тексте есть только один вопрос Александра и один ответ Кандавла (первый вопрос и первый ответ — по сербскому тексту), но при ответе Кандавл пригибает к себе Александра, что — по сербскому тексту — он делает, отвечая на второй вопрос. Кроме того, Кандавл отвечал Александру «проплакавъ», чего нет в сербском тексте. Интересно отметить, что эти особенности русского текста, свидетельствующие о едином протографе русских списков, имеются и в тексте Берлинской рукописи. Текст русских списков и текст этой рукописи совершенно совпадают в этом диалоге, причем не только тем, что боснийский текст также короче сравнительно с другими известными мне сербскими рукописями, но и порядком двух фраз и выражением «пригнувъ» и «проплакавъ»: «... и тако идущє до нечи никє доидоше великє. Кандавалъ Александру рече: лубими мои Антиоше братє, јако ва сєи пєчи живути бози елинисци сви, на елици ва пещеру сию васьхождаху вси оманише, дацє хоцєшь увидити дажє и до смрѣти своє мало туи ступивъ

уклонисе и ва печь ванидоше. Александру рече: лубими (затем две строки испорчены, — *Е. В.*) мои, такова ли вира твоѣ, Кандавле брате, какоо велишь мние ванити, идиже уму свои изгубти хочу. Кандаваль пригнувь его ка себи и проплакавь рече: о лубими мои брате Антиоше, не рекох ти, ну указах ти яже живути ва печи сие. Александръ мало ступивъ уклонисе и ва печь ваниде...».²⁸ Возможно, что боснийская рукопись представляет ту часть сербских рукописей, от которых и произошли русские списки, во всяком случае в двух своих особенностях.

Дополнительно скажем еще о двух общих для русских текстов пропусках. Один из них в том месте романа, где Александр перед смертью разделяет свои земли между воеводами. В большинстве сербских рукописей этот эпизод читается так: «Антиоху Индию пода, Филону пода персидско госпоцтво, Антигону всу мерсионску и сиверню землю пода, Филипу всу Асию и Киликию пода, Птоломею слатку и липу землю Еюпат и Ерусолим и Палестину всу и меюриче сирииско и слатке апридииске отоке; Селевкушу да римско госпоцтво, Лаоменушу англитерско госпоцтво, Пинику да нимшку землю и пажадско госпоцтво».²⁹ В русских текстах, может быть, что-либо пропущено или, напротив, добавлено в этом перечислении, но во всех Лаоменушу дается «немецкая земля и парижское господство», т. е. земли Пиника, а Пиник не упоминается вообще.³⁰

Русские списки сильно отличаются друг от друга в том месте Сербской Александрии, которое А.Н. Веселовский назвал *λόγοι*, числом рассказов, порядком их, но во всех есть общее (по сравнению с сербскими рукописями): ни в одном русском тексте нет рассказа о престоле царя Пора, на котором сидел Александр, о краже у Александра золотой роменчи (чаши) и трех вопросов Аристотеля и ответов Александра (о «трех друзьях», о великих сокровищах и о чаде). Наиболее полный текст читается в группах Мышецкой, Утрехтской, Уваровской, Еропкинской, Титовской; во всех остальных текст в этом месте либо еще короче, либо изменен.

Сербский текст³¹

(конец письма Олимпиады к Александру) «...не тако бо азъ немилостива иесмь, јако же тебе мнить се быти. Да аште тебе оугодно иесть, скоро приди; аште ли неоугодно царствію твоему иесть силоу величества твоего оставити, и съ Роксандою къ нами прити, намъ повели къ тебѣ прити, идѣже аште ты хоштешь. И здрав'ствоуи, и боуди всега свѣта царь».

Епистолю Аристоеель прочть, на своемъ сѣде мѣстѣ. Алексендръ бѣ сѣде на високомъ прѣстолю, иже бѣше былъ Фора цара индїискога, .ви. бѣше степенъ отъ земле високъ, сътворень бѣше отъ слоновехъ зюубъ, съ искоус'нимъ златомъ и бисеромъ. Въ ть днь чловѣкъ нѣкыи оукраде ромен'чоу златоу. Алексендръ сие слышавъ, рече: кто любо ромен'чоу украде? Где годе боудеть, Алексендрова се кие звати, а не оукрадшаго.

Русский текст³²

... Не тако бо азъ немилостива есмь, яко тебе мнится быти. Да аще тебѣ невозможно к намъ прити, мы к тебѣ да идемъ

²⁸ Chr. van den Berk. Der «serbische» Alexanderroman, S. 447.

²⁹ Zivot..., с. 110.

³⁰ Такой же текст отметила Р. Маринкович в двух южнославянских рукописях XVI в. — одной сербской и одной болгаро-валахской (Српска Александрида, с. 270).

³¹ Приповетка..., с. 135—136.

³² По тексту Уваровской группы (рукопись — ГИМ, Уваровское собр., № 802).

И тогда Аристоель Алексен'дра въпрашаше, глаголе: како възможе толикаа сътворити, иелика ниинеднѣ чловѣкъ сътворити можетъ? Алексен'дръ же къ немуоу рече: трии друзи на сие съоспѣши ници быше мнѣ: роука подат'лива и вѣра непотвор'на и соудь правъ. Тогда иемуоу сповѣдати начеть в'са, иелика по зем'ли видѣль бѣше, и како сил'ныхъ царь господства раздруши. Сѣа слышавъ Аристоель, дивлаше се, и къ Алексен'друю глаголааше, оупрашае: где соуть великаа скровишта, иже по землѣхъ събраа? Алексен'дръ на властеле позрѣвъ, рече: любими мои друзи, си соуть моа скровишта, царска бо скровишта въ чловечьскихъ живоуть срьдцихъ. Аристоель же къ немуоу рече: потышти се, Алексен'дре, чедо сътворити, иако да Македоніаномъ по сьмрѣти память оставиши! Алексен'дръ же къ немуоу рече: не имамъ вамъ оставити сына, нъ остав'лю вамъ великыше моа подвигы и добраа моа дѣла. Тогда пристоуши къ Алексен'друю нѣкто отъ любимыхъ, и рече: добро иеть цароу царство обогатити. Алексен'дръ же къ немуоу рече: Крѣса, лидон'скога цара ничто не пол'зова сребро и злато, много бо злата събраль бѣше, нъ друзи того квер'досаше...

ничто же злата ползова много злата собрал бѣше но друзи его твердошаше...

Таким образом, во всех русских текстах отсутствует большой отрывок текста, что не может быть случайным совпадением. И наконец, то, что это место читается в русских списках по-разному, что оно часто изменялось, — свидетельствует о том, что текст здесь был изначально (еще в протографе) неблагополучен (с пропуском).

Эти общие для всех русских списков черты являются, с одной стороны, основанием для утверждения, что все списки восходят к одному протографу (к какому-то одному списку), а с другой — эти черты его определяют и являются характеризующими этот протограф признаками.

О протографе на основании этих признаков можно сказать, что в нем были пропуски в тексте в эпизоде о царе Архидоне, о разделении земель и λόγοι. Возможно, что все они (либо часть их) были уже в сербском оригинале протографа русских списков, но не исключено, что они появились в самом протографе, в результате, например, выпадения листов (при условии, что это произошло до того, как был сделан хотя бы один список). Были в нем особенные чтения: сокращенный диалог Кандавля и Александра (опять-таки либо это особенность сербского оригинала, либо сокращено писцом протографа, и тогда приходится думать, что на боснийскую рукопись оказал влияние какой-то русский список). Вероятно, что русский писец не понял слова «опкина», и так появилась в русском тексте «печаль великая». В протографе читалась просьба рахманов дать им бесмертие, и, вероятно, это было уже в его сербском оригинале. На долю самостоятельной работы писца протографа, вероятно, нужно отнести объяснение слова «елефанты» и составление заголовков. Более подробно о протографе русских списков Сербской Александрии можно будет сказать на основании анализа текста Мышецкой, Утрехтской и Уваровской групп, которые ближе, на мой взгляд, к протографу, чем все остальные.

Р. Б. ТАРКОВСКИЙ

Экспрессивно-стилистические акценты в системе пословного перевода в России XVII в.

Пословная передача иноязычного оригинала как профессиональная норма древнерусского перевода естественно вела к лексически полному отражению текста-источника, к последовательной лексической, а в значительной мере и к конструктивной симметричности перевода оригиналу и к многочисленным структурным и семантическим калькам. Но это совсем не означало непрременной скованности переводчика материалами традиционных словарных и грамматических эквивалентов, ни тем более механической подстановки их соответственно компонентам иноязычного предложения. Пословность перевода не исключала ни ситуативно предпочтительного отбора синонимов или даже выхода за смысловые границы передаваемого иноязычного слова, ни отступлений от лексической симметрии текстов, — например, аналитически расчлененного, а то и двойного перевода иноязычного слова или, напротив, его контекстуально компенсируемого поглощения, — не говоря уже о неизбежных грамматических преобразованиях переводной фразы.¹

Однако перевод целостного, тем более сюжетно организованного текста — не перевод изолированных предложений. Не все, что корректно укладывается в пословную передачу отдельного предложения, допускается структурными связями более широкого контекста, — и то, что эквивалентно переводу изолированной фразы, может оказаться так или иначе не совместимым с речевой организацией сверхфразового единства. Поэтому естественно, что в практике профессионального древнерусского перевода пословное следование оригиналу определяет прежде всего симметрию семантически ключевых компонентов предложения, тогда как детальное развертывание переводного текста неизбежно соотнобразуется и со структурно-языковыми, и с повествовательно-речевыми нормами русской письменности. С этой стороны текст перевода регулярно включает единицы, не симметричные иноязычному оригиналу, и далеко выходит за рамки дословного копирования своего источника, хотя и остается в его смысловых пределах.

Таким образом, практика пословного древнерусского перевода в лингвистическом плане неизбежно сочетала как бы два взаимопроникающих начала: обращенное к структурно-семантическому отражению текста-источника как залог полноты и смысловой точности перевода — одно, и

¹ См.: Н. А. Мещерский. Проблемы изучения славяно-русской переводной литературы XI—XV вв. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 213—215; Р. Б. Тарковский. О системе пословного перевода в России XVII в. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 243—256.

стремление приноровить переводной текст к повествовательно-речевым нормам русской письменности как необходимое условие коммуникативной жизнеспособности этого перевода — другое.

* * *

Выполненный в 1607 г. Ф. Гозвинским перевод «Притчей или баснословия Езопа Фриги» обладает всеми признаками профессионально квалифицированного, ученого перевода — тщательным следованием своему греческому источнику и полным отражением текста оригинала. Вместе с тем за пословностью перевода Ф. Гозвинского открываются и более сложные приемы передачи иноязычного текста, ориентированные не только на семантическую равномерность с оригиналом, но и на соотносительность с повествовательно-речевыми нормами развертывания древнерусского текста. Подавляющая масса отступлений от пословной симметрии оригиналу здесь связана с неодинаковой интенсивностью и формами субъектных и объектных, а также локально-обстоятельственных характеристик действия, нормально присущих русской речи, и мерой тех же характеристик в греческом источнике «Притчей» — тексте так называемой Аккурсианы. Повествовательно-речевое приспособление текста «Притчей» достигалось: введением дополнительных, сверх оригинала, значений субъектной отнесенности действия, а также заменой местоименных указаний прямыми именами персонажей и реалий, и, как следствие, большей повествовательно-синтаксической расчлененностью русского текста; включением объектных и локально-обстоятельственных характеристик действия, особенно в случаях конструктивно-речевой недостаточности пословного перевода; устранением в переводе эллиптических оборотов греческого текста и рядом иных форм восполнения русской фразы. Эти расхождения перевода с текстом-источником регулярные, массовые, сквозные. Исполненные по канве пословной передачи греческого оригинала, они не содержат уклонений от его смысла, но они были чрезвычайно существенны для естественной достаточности и свободной ясности славяно-русского текста.

Однако так обеспечивался все же лишь логический остов переводного текста, нечто подобное лингвистически отредактированному подстрочнику, тогда как исследование перевода Гозвинского обнаруживает и другие, более значительные отступления от дословного копирования иноязычного оригинала и приспособление перевода уже не только к структурно-речевым нормам русской письменности, но и к собственно нарративным традициям древнерусской литературы и к художественным вкусам русских читателей. По назначению это обыкновенно элементы экспрессивно-акцентного и композиционного осложнения текста, но нередко перевод допускает мотивы сюжетно-семантического и даже идеологического приворовления рассказа. При этом многообразии, основательности и вместе регулярности приемов перевода тут поднимаются до целеустремленной и достаточно гибкой системы, за которой, надо полагать, стоит не только высокая личная выучка или стихийный переводческий опыт Гозвинского, но определенная профессиональная школа со своими (пока почти не изученными) цеховыми традициями, требованиями и подходом.

Конечно, каждый из типов повествовательной адаптации перевода предстает достаточно разветвленной серией множества конкретных частных реализаций, однако удобнее их описание начинать с элементарных экспрессивно-акцентных форм в работе русского переводчика.

1. Подчеркивающие репризы и тавтология

а) Логические повторения

На грани между структурно-речевым и экспрессивно-стилистическим приспособлением переводного текста стоят различные формы лексически подчеркивающих повторений в непосредственно следующем повествовательном кадре каких-то элементов предшествующего, к примеру:²

3. Лисица же к нему рече: «Но аще бы ты толико разуму имел, о козле, елико в своей браде и мееши власов (ἀπόσας ἐν τῷ πώγωνι τρίχας — 9), не первое бы ты вшел еси в кладезь!».

Возникая обыкновенно как восполнение пословной передачи оригинала, такие лексические повторы уже не составляли, однако, конструктивно неизменных элементов развертывания русского текста. При всей близости к требованиям словесной полноты книжной фразы они оставались личными решениями переводчика и служили непосредственной соответственности смежных кадров рассказа:

62. Лву же нашедшу на осла, алектор¹ возгласи. Лву же, глаголют, алекторова гласа боятися, — у боявся лев, побеже (καὶ ὁ μὲν λέων — φασὶ γὰρ τοῦτον τὴν τοῦ ἀλεκτρούου φωνὴν φοβεῖσθαι — ἔφυγεν — 84);

76. Написавшим же неким нечестия ея, и поймаша ю, осудивше, ведоша на смерть. Видев же ю некто ведому на смерть, рече (ἰδὼν δέ τις ἀπαγομένην αὐτὴν ἔφη — 56): «О сия, иже божия гневы отвращевати обещающая!..»;

82. Вопрошаше же паки пифика: Пирея знает ли? Разумев же пифик, яко о человеце Пирее се вопрошает (περὶ ἀνθρώπου αὐτὸν λέγειν — 75), рече, яко наипаче друг ему есть и сожитель.

Вместе с тем лексическое тождество повторений неизбежно приводило к эффекту логической репризы, а следовательно, к повествовательной весомости приходящихся на нее элементов информации, что и отличает эти репризы от конструктивно вынужденных интерполяций переводчика как неизбежных форм речевого приспособления русского текста. Отсюда понятна также преимущественная приуроченность репризы к сюжетно переломным либо гномическим вершинам рассказа, например к басенным концовкам:

73. «Но убо не ныне тебе блюстися подобает, егда сему же никакже есть польза, но подобаше ти блюстися прежде поимания» (ἀλλὰ πρὶν ἢ συλληφθῆναι — 48) — T';

95. И от сего времени случися художником всем лгати, — паче же всех множае лжет сапожник (μάλιστα δὲ πάντων τοὺς σκυτέας — 105) — Q.

Что же касается механизма реприз, то по большей части повторения появляются как прямые интерполяции переводчика. Реже подчеркивающие повторения в русском тексте создавались одинаковым переводом обоих членов сопоставления, тогда как в греческом оно было представлено разными словами:

² Источники текста Гозвинского — списки первой редакции перевода, из которых здесь цитируются: ГПБ, собр. Погодина, № 1964 (индексом не отмечается) и № 1604 (далее — П'); ГПБ, Q.XVII.272 (далее — Q) и ГБЛ, собр. Тихонравова, № 229 (далее T'). Лексические искажения и пропуски исправляются по другим спискам той же первой редакции. Восстанавливаемый текст заключается в квадратные скобки. Цифры перед цитатами означают нумерацию басен в полном тексте перевода Гозвинского.

Греческий текст Аккурсианы и нумерация его басен даны по изд.: A. Hausgath. Corpus fabularum Aesopiarum, vol. I, fasc. 1—2 (cod. III-a). Lipsiae, 1957—1958.

1. Иже дружба разоривши, аще и обидимых убегнут отмщения (φύσει τιμωρίαν — 1), немощения ради [обидимых], но божия отмщения праведного не убегнут (ἀλλὰ τὴν γε θεῖαν δίκην οὐ διακροῦσονται).

Наконец, переводчику могли принадлежать оба компонента репризы:

82. Караблю разбившуся и всем плавающим погрузившимся и утопающим, — погрузися утопая и пифик (τῆς δὲ νεῶς περιτραπίσης καὶ πάντων διακολυμβῶντων ἐνήχεται καὶ ὁ πύθηκος — 75).

Из других структурных особенностей акцентных реприз относительно приметнее использование в них глаголов — той морфологической категории слов, в которых более всего воплощена динамика разворачивающегося конфликта и на которые из 24 реприз текста Гозвинского приходится 18.

Итак, структурная выделенность репризы — в лексическом тождестве повторяемых в ней элементов, функциональная — в приуроченности к тематически связанным мотивам рассказа, сопоставляемым или противопоставляемым в пределах смежных повествовательных кадров на переломных и вершинных точках басенного конфликта.³

б) *Figura etymologica*

К экспрессивно-акцентным структурам перевода Гозвинского должна быть отнесена и так называемая *figura etymologica* — конструкция, связанная с повторением однокоренных слов, но принадлежащих разным грамматическим классам и так или иначе соотносимых в пределах узкого контекста — синтагмы или предложения, — с присущей такой тавтологии акцентом внутренней качественной спецификации. Лишь трижды — это основное копирование аналогичных структур Аккурсианы, к примеру:

126. Ры болов сый неискусен ры боловства (ἀλιεὺς ἀλιευτικῆς ἀπειρος — 11) взял свирели и сети, изыде на море.

В тридцати четырех остальных они принадлежат только русскому переводу.

Нередко подобные фигуры возникают как наиболее естественная, если и не единственная возможная, передача греческого текста, например:

28. Врач больнаго в рачеваше (ιατρός νοσοῦντα ἐθεράπευε — 116).

Это стремление к естественной форме выражения более ощутимо там, где перевод уклоняется от словословного соответствия оригиналу и, следуя нормам русской речи, включает те или иные дополнительные характеристики действия, но только в форме тавтологического акцента:

19. Восхоте убо и врач так врачевати (ἐνεχεῖρησας μὲν οὖν ὁ ἰατρός τῇ θεραπείᾳ — 57). И на всяк день приходя к бабе и очи ея мазаше мастию (καὶ τοὺς ὀφθαλμοὺς αὐτῇ χρίων);

104. Комар же победив льва, воструби и победную песнь воспет полете (καὶ σαλπίσσας καὶ ἐπινίκιον ᾄσας ἔπτματο — 267).

Однако предположение о экспрессивной нейтральности некоторых типов таких структур в древнерусской литературе — лингвистическое недоразумение. Здесь же, в «Притчах», нейтрально-проходной характер тавтологических оборотов исключается хотя бы их логически акцентным, выделяющим назначением и обыкновенно несимметричностью греческому оригиналу:

56. В пленении градов нестяжательные [и] нищие удобнее убегают пленения, богатии же, богатства ради, работают в пленении (οἱ δὲ πλοῦστοι δουλεύουσιν ἀλισχόμενοι — 256) — Q;

³ Здесь не затрагиваются повторения композиционного порядка, выдвигающие сквозные сюжетные мотивы рассказа и предстающие как лексические скрепы, которые соотносят басенный финал с завязкой либо с обуславливающей экспозицией.

104. Паук же сеть извяза паутинную, в ню же летя, комар впаде и паук сего снеде (в Аккурсиане лишь: ἀράχνης δὲ δεσμῶ ἐμπλακεῖς — 267) — Q.

Плеонастическая избыточность тавтологии также подтверждает ее акцентную преднамеренность:

114. На камени орел седяше... его же некто уби, стрелюю пострели (τοῦτον δὲ τις ἔβαλε τοξεύσας — 273) — Q;

131. Червь на землю пришед, глаголаше всем животным: «Врачъ есмь и зелья врачевския свем (ιατρός εἰμι φαρμάκων ἐπιστήμων — 287), подобен естъ врачеством Пеону, божиему врачу» (οἷός ἐστι ὁ τῶν θεῶν ιατρός Παίων) — Q.

О стилистической выделенности тавтологии могли бы свидетельствовать и реминисценции библейских формул:

37. Подобает добротворящим благодать за благодать воздаяти (δεῖ τοῖς εὐεργέταις χάριν ἀποδιδόναι — 176).

Наконец (и более всего), неизменная приуроченность таких фигур к композиционным узлам и идеологически концентрированным точкам рассказа вообще исключает какие бы то ни было основания говорить о повествовательно-нейтральном характере тавтологии.

Так, в заключении басни «О человеце и о псе» (125) вышвырнутый из окна поварни пес на вопрос приятеля: «Нако вечерял еси, о друже?» — «отвещав рече: „От великаго пития на пиру упихся досыта («ἐκ τῆς πολλῆς πόσεως μεθυσθεὶς ὑπὲρ κόρον...» — 283), ниже пути сего видех, откуда изыдох!“».

Или, например, в сентенции:

114. Притча являет, яко бедно естъ, егда кто от своих бедствует (δεινόν ἐστιν, ὅταν τις ἐκ τῶν οἰκείων κινδυνεύσῃ — 273).

Нетрудно уловить, что реальный семантический эффект, присущий подобным структурам, — это акцент «качественной спецификации», т. е. обнаружение субстанции или процесса как бы в их собственной, изначальной и потому истинной внутренней сущности. Именно поэтому для эффекта качественной спецификации столь обязательна ясная ощутимость опорномотивирующих и словообразовательных связей тавтологических компонентов, а равно и фоно-морфологического (а не этимологического!) их единства, но не характер их синтаксических отношений.⁴ И, конечно, особенно важна острота их столкновения, неотделимая уже от семантического и психологического наполнения контекста.

Конечно, тавтологические обороты могут обладать и той или иной мерою количественного акцента. Однако такой акцент, часто сопровождающий, а то и как бы заслоняющий более тонкий внутренний эффект качественной спецификации, не является ни обязательным, ни тем более единственным. Так, тавтологические структуры без интенсивно-количественного акцента приурочены обычно к началу повествования как средоточию экспозиции притчи или даже ее завязки, но прежде динамического развертывания самого конфликта:

78. Земледелатель некто копяя землю, злато обрете (γεωργός τις σκάπτων χρυσὸν περιέτοχε — 61).

Много острее тавтологические обороты на конфликтных точках рассказа — его драматических и гномических центрах: кульминации, завязке, сентенции:

140. Победивый же (алектор) на верх возлете, на высокой стене став, велегласно возгласи (μεγαλοφώνως ἐβόησε — 266). Орел же налетев и абие сего восхити;

⁴ Синтаксическое рассмотрение и классификацию «тавтологии» см.: А. П. Евгеньев а. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.—Л., 1963, с. 98—254.

89. Притча являет, яко сия вещи наипаче лукавным суть сопротив-
 ния, яже благом суть благопотребная (α τοῖς χρηστοῖς ἐστὶν εὐερ-
 γητήματα — 124);

117. Притча являет, яко от рабов (τῶν οἰκετῶν — 218) сии несчастли-
 выи суть, елицы в рабстве суще (ϵ ν τῇ δουλείᾳ) многая чада ра-
 ждают. — Т'.

(См. также выше № 56, 131, 37, 125, 114).

Что же касается синтаксической классификации тавтологических фи-
 гур, то едва ли она может быть функционально исходной и что-либо прин-
 ципиально решающей. Дело даже не в том, что тавтологический эффект
 здесь возникает прежде всего из лексико-семантической соотношенности
 одних и тех же корневых компонентов, а не из синтаксических шаблонов.
 Бесплодность синтаксической классификации и в том, что контекстуаль-
 ная соотношенность однокоренных слов может и не составлять синтакси-
 ческих сочетаний, либо лексикализуясь до единого фразеологического це-
 лого, либо (и чаще) оказываясь за пределами прямых синтаксических
 связей, не теряя, однако, экспрессивной выдвинутой и броского акцента
 (см., например, выше № 126, 56, 131, 37, 114, 117).

2. Внесение интенсивно-количественных и эмоциональных характеристик

Одним из обыкновенных средств экспрессивно-стилистического приспособ-
 ления текста Аккурсианы в переводе Гозвинского служила категория
 атрибута, особенно в форме интерполируемых этических и вообще психо-
 логических оценок, возможность появления которых была предопределена
 уже самой дидактической природою жанра. Вместе с тем введение неко-
 торых атрибутивных серий обуславливалось и неизбежностью конструк-
 тивно-речевого приспособления перевода.

Поятно, что все эти эмоциональные или этические оценки и характе-
 ристики были вполне традиционны и стереотипны, хотя в контексте упот-
 ребления отнюдь не лишены некоторой выделенности, а потому и сооб-
 щающей весомости. Однако и функции, и содержание таких акцентов
 едва ли могут квалифицироваться как произвольные решения переводчи-
 ка даже в сопоставлении с нормальной практикой современного пере-
 вода, не говоря уже о том реальном фоне древнерусских литературно-ре-
 чевых традиций, на котором эти решения осуществлялись, а поэтому
 только и должны оцениваться и восприниматься.

Наиболее регулярным и стереотипным тут было нагнетение количест-
 венного («много», «паче»), а также интенсивности качественного («ис-
 тинный», «прямой») проявления признака или процесса, например:

23. Зиме же и ветру люту бывшу (χειμῶνος δὲ ἐπιγενομένου — 69);

111. Лисица же видевши не минующую беду (ὄρῳα κίνδυνον — 203),
 пришедши ко льву, предати осла лву обещася;

40. Возненавиде убо бог его безстудство и неправду и не токмо сию
 (секиру) даде, но ниже истинную свою восприяти (ἀλλ' οὐδὲ τὴν οἰκείαν
 ἀπέδωκεν — 183);

1. Орел... лисицыны чада восхитив, вкупе со своими младыми
 птенцы пожре (ἄμα τοῖς αὐτοῦ νεοττοῖς ἐθολήσατο — 1).

Естественно, что в ряду подобных акцентов тематически выдвигаются
 и преобладают оценки эмоционально-психологического состояния или эти-
 ческие характеристики персонажей и ситуаций, например:

1. Лисица же видевши (выпавших из гнезда орлят), притече и ра-
 дуясь пред лицом орлим всех снеде (ἐπιδραμοῦσα ἐν ὄψει τοῦ αὐτοῦ πάντας
 κατέφαγεν — 1);

34. И лев радостно к лисице рече (καὶ ὁ λέων πρὸς αὐτήν — 154): «Кто ты, о изрядная, сице разделяти научи?»;

43. И сию с радостью взем (καὶ ταύτην ἀνελόμενος — 188), мигдалы и финики снеде — Q;

44. «... ныне ведом есть на смерть бесчестно» («... ὃν ἠγόμην τὴν ἐπὶ θάνατον» — 216).

Аналогично:

53. «Лутче убо, — рекоша, — умрети единицею, нежели чрез все свое житие с муца яся дрожати» («... ἢ διὰ βίου τρέμειν» — 143) — T';

59. Она же умирающи восплакася и рече (ἢ δ' αὐτὴν ὠλοφύρετο — 77); «Отнележе бояхся, отгуду ничто же пострадах; откуду же не чаях зла получитьи, отгуду предана есть на смерть» (ὅπῃ ταύτης προδοδομένη).

Весьма приметны среди таких акцентов атрибутивные обороты, тяготеющие к фразеологии церковного лирического слога, но вне отражения какой-либо религиозной семантики или символики:

7. Лисица... нозе свои на кустовых терниях острых прободши (καὶ δὴ τοὺς πόδας ἐπὶ τοῖς ἐκείνης κέντροις αἰμάξασα — 19);

41. Осел... со въздыханием и стенанием горьким рече: «Ох мне, бедному!..» (μετὰ στεναγμῶν ἔφη· «οἱμοὶ τῷ ταλαιπώρῳ...» — 190) — T';

69. Жена некая мужа пияницу име, его же злую сию страсть отменить хотящи (τοῦ δὲ πάθους αὐτὸν ἀπαλλάξαι θέλουσα — 278), сицевое некое дело умудряся смысла;

133. Лисица коварственную хитрость лвову познавши (ἀλώπηξ τὸ τέχνασμα τοῦτο γνοῦσα — 147), прииде к нему на посещение;

137. Трубник полки собирая, пойман бысть от сопротивник, вопияше: «Не убийте мя, о мужи, всеу безвиннаго крови, ни единого бо от ваших убих!» («μὴ κτείνετε με, ὧ ἄνδρες, εἰκῆ καὶ μάτην. οὐδένα γὰρ ὑμῶν ἀπέκτεινα» — 289).

На этом фоне едва ли сколько-нибудь неожиданно появление в тексте Гозвинского заключительных афористических приговоров, почерпнутых из Евангелия и подкрепляющих нравственный вывод сентенции:

68. Притча являет, яко иже кто на кого лесь сошивает, сам себе пагубу устраевает, и ров изры, впадет сам в яму, юже сотвори — Q;

131. Притча являет, аще не наружу искусство, всяко слово праздно есть и суетно; к сему подобно слово: врачу, и исцелися сам! — П'.

Интересна еще одна черта интерполируемых характеристик — их соотнесенность с жанровой композицией. В составе басенного рассказа такие интерполяции подчинены большему нагнетению конфликта и, как правило, оттеняют и усиливают негативный член басенной антитезы, например:

41. Осел... со въздыханием и стенанием горьким рече: «Ох мне, бедному! Лутче мне бысть у прежних господей пребывая жити, нежели у сего немилостиваго: сей убо, яко же вижу, и кожу мою напоследи изработает» («... βέλτιον ἦν μοι παρὰ τοῖς προτέροις δεσπόταις μένειν· οὗτος γὰρ, ὡς ὄρω, καὶ τὸ δέρμα μου κατεργάζεται» — 190) — T'.

Напротив, вне корпуса басни, в сентенции, они уже подчеркивают и позитивное нравственное начало — служат выражению высшей нравственной справедливости, например:

1. Притча являет, яко иже дружба разоривши, аще и обидимых убегают отмщения, неможения ради [обидимых], но божия отмщения праведного не убегут (ἀλλὰ τὴν γε θεῖαν δίκην οὐ διακροῦσονται — 1).

Конечно, наряду с акцентно-стилистической обусловленностью внедрения атрибутивных характеристик предписывалось также повествовательно-речевым приспособлением русского текста. Но композиционно-

функциональная приуроченность и лексическое выражение атрибутивных характеристик тут иные. Это всегда логически прямые определения, появляющиеся при тех сюжетных реалиях, которые если и не составляют предмета фабульного конфликта, то во всяком случае вокруг которых этот конфликт или решающая ситуация организуется. Подобные реалии — как бы катализаторы басенного действия, и устранение их повело бы к беспредметности конфликта и к распаду повествовательной схемы. Но вот лексическое обозначение таких реалий в пословной передаче греческого текста подчас могло бы оказаться чрезвычайно неконкретным и неопределенным. Русскому переводу тут мало одного лишь номинативного указания на эти реалии, и отказ от их атрибутивного выделения воспринимался бы либо как речевая, либо даже логическая недостаточность текста. Например:

3. Она же (*лисица*) тако ис кладезя по ево плечах искочивши и скакше окрест устия кладезнаго веселящесе (*ἐσχίπτα περὶ τὸ στόμιον ἤδομένῃ* — 9);

119. Пастырь некий гоняше в лес овцы, распростре ризу свою под дубом и возшед на дуб, плоды желудные трясаше (*καὶ ἀναβὰς τὸν καρπὸν κατέσειε* — 224).

В русском тексте тут всякий раз так и напрашивается, даже необходимо, то самое видовое определение, которое у Гозвинского по обыкновению и сопутствует этой номинации, почти сливаясь с ней фразеологически.

Наконец, при сугубо окказиональных, ситуативно обусловленных функциях реалии (к тому же крайне отвлеченно означенной) логическое выделение могло быть дано и целой атрибутивной конструкцией:

129. Возрев же на него (*козленка*) волк, рече: «О сей, не ты мене лаеши и бесчестуеши, но место, на нем же стоиши!» (*οὐ σὺ μὲ λοιδορεῖς, ἀλλὰ ὁ τόπος* — 100);

136. Земледелатель разумев, змию не к тому злопаметствовати, прием хлеб и соль, положи на дире, иде же змей живяше (*λαβὼν ἄρτον καὶ ἄλας ἔθηκεν ἐν τῇ τρώγλῃ* — 51).

3. Синонимические пары

Наиболее приметны и регулярны в тексте Гозвинского двучленные, соединяемые союзом «и» структуры из синонимичных или хотя бы семантически сближаемых однопорядковых лексем и выражений, в той или иной мере отражающих обычные экспрессивные формулы русской книжности, — 123 пары, из которых лишь 12 восходят к тексту Аккурсианы. При этом на многих из таких выражений лежит отпечаток не только традиционности конструктивной, но и фразеологической устойчивости. А ряд из них повторяется и в тексте самого перевода:

68. Не подобает царя и владыку [ко] гневу и ярости (*τὸν δεσπότην πρὸς δυσμένειαν* — 269) подвизати — Q;

76. Жена волхвующи, гневны и ярости (*μηνιμάτων* — 56) божия пременити|обещающаяся;

1. Орел с лисицею содружившесе, близ себе жити начаша и утвержения нраве любве и дружбы (*φιλίας* — 1) сотворивше — Q;

122. Человек некто с сатырем дружбу и любовь (*φιλίαν* — 35) сотвори;

50. «Егда беда и нужда (*κίνδυνος* — 252) обдержевати мя начнет, уже не к тому мне удобное время во еже поощряти зубов, но наипаче готовым сущим боротися...».

Подобает ко всякой беде и нужи (*πρὸς τὸν κίνδυνον*) приуготвлятися;

54. Не подобает князем и богатым (τοὺς ἄρχοντας καὶ πλουσίους — 272) ревнуя завидети: к сей [им]⁵ зависти нужду и беду (τὸν κίνδυνον) поминающе, нищету и убожество (τὴν πενίαν) любить.

Насыщенность перевода подобными формулами очень значительна, и симметричные «синонимические пары» подчас оказываются в самом непосредственном соседстве — в пределах одной и той же фразы, предложения:

131. Лисица же отвещавши рече: «Како ты иных врачествуя, сам хром и безног сый, себе не уврачюеши и не исцелиши?» (χρῶλὸν ὄντα οὐκ ἰάσω — 287) — T';

107. Притча являет, яко не ревнива суть и нежелательная (οὐκ ἔστι ζηλώτα — 194) корысть, бывающи з бедами и тяготами (τὰ μετὰ κινδύνων καὶ ταλαιπωριῶν κέρδη).

В тексте Аккурсианы аналогичные структуры многочисленны, и всего лишь в 12 случаях (из 123) синонимичные пары перевода в той или иной мере обязаны греческому оригиналу, например:

51. «Ох мне, бедной и несчастной птице!» («οἶμοι τῷ ταλαιπώρῳ καὶ δυστήνῳ πτηνῷ» — 271) — Q;

82. Наипаче друг ему есть и сожитель (μάλα φίλον εἶναι αὐτῷ καὶ συνήθη — 75).

Еще реже — всего лишь дважды — можно отметить, как несинонимичные и несимметричные сочетания слов оригинала трансформируются переводом в синонимичные:

69. Похмельна его от пьянства узревше и яко же мертва и нечюствена (καὶ νεκροῦ δίχαρῃ ἀναίσθητοῦντα — буквально: «и, как труп, бесчувственного» — 278) на рамо вземше, на окопище погребальное принеси — Q.

Но обычно синонимические пары возникают как двукратная, симметрично акцентированная передача какого-либо слова (100 случаев) или синтагмы (10 случаев) оригинала, само же структурное развёртывание таких пар могло быть довольно разнообразным. В историко-лингвистическом плане интересны случаи, когда один из членов синонимической пары в тексте Гозвинского соответствует архаической традиции передачи греческого слова русскими книжниками, тогда как второй — его более современному аналогу, например:

6. Притча являет, яко лукавии человецы не ради благоразумия и благоизволения творят советы (ὁ δὲ εὖνοια... ποιοῦνται συμβουλίας — 17), ради же своего полезного.

«Благоразумие» как поморфемный эквивалент-калька εὖ-νοια (т. е. «благоволение», «доброжелательность») отмечают «Материалы» И. И. Срезневского,⁶ тогда как «благоизволению» в них соответствует εὐ-δοκία (т. I, стб. 99).

96. Рече срам: «Но аз убо на сидевых исповеданиях и уговорех (ταῖς ὁμολογίαις — 111) вниду, яко да аще похоть блуда не внидет».

Передача ὁμολογία как «исповедание» (т. е. «признание чего-либо») неоднократно отмечается Срезневским (т. I, стб. 1128), также Истриным.⁷ Но второй, корректирующий перевод Гозвинского как «уговор» — современнее, да и очевидно строже: ὁμολογία — это прежде всего «договоренность», «соглашение», «условие».

131. Притча являет, аще не [наружно]⁸ искусство, всяко слово правдо есть и суетно (πᾶς λόγος ἀργὸς ὑπάρχει — 287).

⁵ В списке: «их».

⁶ Срезневский И. Материалы, т. I, стб. 102 (далее — в тексте).

⁷ В. М. Истрин. Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. III. Л., 1930, с. 132.

⁸ В списке: «содержу».

Перевод ἀργός как «праздный» опять-таки отыскивается у Срезневского (т. II, стб. 1367) и у Истрина.⁹ Но в сентенции ἀργός — это «не имеющий ценности», «бесполезный», и поэтому синонимически уточняющий акцент «суетный» тут и вернее, и актуальнее.

В функциональном плане синонимические пары тоже не однородны.

Только относительно немногие из них могут быть объяснены информационно-логическими мотивами — стремлением как бы охватить разные лексико-семантические варианты того или иного слова оригинала или даже, может быть, колебаниями в выборе одного из таких вариантов:

43. «Имаши, о Ермисе боже, по моей молитве и обещанию» (τὴν εὐχὴν — 188);

34. И лев радостно к лисице рече: «Кто ты, о изрядная, сипце, раздели ти научи?». Она же рече: «Ослов случай и злострастие» («ἡ τοῦ ὄνου συμφορά» — 154);

17. Притча являет, яко не подобает неразумно и неразумительно (ἀπερισχέτως — 43) приступати к вещем.

В то же время (как это и вообще присуще переводу Гозвинского) при переводе греческого слова тут нет автоматического стереотипа: однословная или семантически дублируемая передача греческой лексемы определяется ситуацией. Так, например, χειμῶν («зима», «зимняя пора»; «буря», «непогода», «ненастье») в сценах кораблекрушения Гозвинский почти непременно переводит двумя синонимами:

23. Зиме же и ветру люту бывшу (χειμῶνος δὲ ἐπιγενομένου — 6 кораблю же уже хотящу погрузитися. . .;

38. Ветру же и зиме лютей суще (χειμῶνος δὲ σφοδρῶ χειμῆνο 181) и караблю бедствующу.

Исключение единственное:

45. Зиме же зельне сущи (χειμῶνος δὲ σφοδρῶ γενομένου — 223) и кораблю бедствующу.

Там же, где вмешательство бури не обязательно, а предполагается только холод или ненастье, Гозвинский ограничивается однословной передачей — «зима»: ¹⁰

72. Отвещавши же ворона к ластовице рече: «Но убо твоя красота в весное время процветает, мое же тело и зиму удобе претерпевает» («... τὸ δὲ ἐμὸν καὶ χειμῶνι παρατείνεται — 258) — Q;

122. Зиме же и мразу сущу (χειμῶνος δὲ καὶ ψύχους γενομένου — 35), человек рuce свои согрешаше, принесе ко устом дыша — Q.

Но вот перевод с поправкой на иные, более привычные для переводчика представления и климатические условия:

130. Во время осени и зымы (χειμῶνος ὥρα — 114) и пшеницам поспевшим, муравли зимою от трудов своих питахуся — Q.

Правда, в греческом тексте все много иначе: χειμῶνος ὥρα τῶν σίτων βραχύντων οἱ μύρμηκες ἔψυχον, — букв.: «В зимнее время, когда намокло зерно, муравьи (его) сушили». Но пока важно отметить лишь смещение передачи самого χειμῶν как «осенней непогоды», очевидно сообразуемое с переводческой и интерпретацией контекста в целом.

Конечно, синонимические пары перевода Гозвинского не адекватны семантике оригинала и в некоторых других случаях, когда они трансформируют детали древнегреческого рассказа в сторону более привычных на Руси представлений и речевых стереотипов, — к примеру:

134. Волк... слышит паки бабу утешающую и играющую (ἀκούει πάλιν τῆς γράδος χολαλευδούσης — 163) со отрачатем.

⁹ В. М. Истрин. Хроника. . . , т. III, с. 31.

¹⁰ Ср. у Памвы Беринды: «Зима: непогода, студень» — Лексикон словеноруский Памви Беринди. Київ, 1961, стор. 43.

Однако *κολαχέω* — это «лестить», «заискивать».

112. Притча являет, яко неподобающее и непопулярное есть лукавство (*ἀτιθάσσευτός ἐστιν ἡ πονηρία* — 206), аще и множайшими благодеяньми убогатиши.

ἀτιθάσσευτός — «неукротимо дикий», «неприручаемый».

Но обыкновенно хотя бы один из компонентов синонимической пары в тексте Гозвинского опирается на точный перевод соответствующего слова оригинала, тогда как другой (обычно второй) оказывается даже не семантическим вариантом, а скорее ситуативным уточнением, привносимым переводчиком и выходящим за смысловые границы греческой лексемы. Например:

119. Случися им (овцам) и ризы снести и сожвати (*συγκάταφαγόντα* — 224);

87. Волку же вострубившу и завывшу (*ἀλόουτος* — 99);

75. Госпожа, не ведущи и не слышащи (*ἀγνοούσα* — 55) алекторова гласа, глубочайшею нощию и ранее (*ἐννοχότερον*) сих возбужати начат — *T'*.

Первый из синонимов прежде всего и представляет основной, эквивалентный перевод оригинала, тогда как второй — это как бы видовая реализация первого, интерполируемая переводчиком сообразно предметной обстановке и обстоятельствам фабульной ситуации. Некоторые же из таких синонимических компонентов и здесь вводятся ради большей внутренней согласованности в мотивах самой фабулы. Так, в басне «О секущем дрова и о Ермисе», в которой один из дровосеков пытается обмануть Гермеса и заполучить «золотую секиру», в переводе читается: «Возненавиде убо бог его безстудство и неправду» (40), тогда как в оригинале сказано лишь: *τῆν τοσαύτην ἀναίδειαν* (183), т. е. «столь великое бесстыдство».

Но основное назначение синонимических пар в тексте перевода экспрессивно-подчеркивающее. Это вполне традиционные формулы книжной славяно-русской речи. Они усиливают в повторении тот или иной повествовательный мотив или этическую оценку, в чем по преимуществу и состоит объяснение синонимичного, дублирующего компонента:

1. (Лисица) издалеча став, еже и немощным есть удобно, сопротивника своего и врага безсечествуя проклинаше (*τῷ ἐχθρῷ κατηράτο* — 1);

39. Болящий же рече: «Дрожанием многим содержим и дряхлостию мучим» (*φρίκη συσχεθεὶς εἶπε σφοδρῶς διατετινάχθαι* — 180);

104. (Камар ко льву): «Кая ти есть сила и крепость? («*τίς σοὶ ἐστιν ἡ δύναμις* — 267), яко дереши нохтями и грызеши зубами? — сие и жена, с мужем бранящися, творит».

Обычно такие конструкции отмечают эмоционально-психологические реакции или состояния персонажей, подчеркивают и нагнетают нравственные оценки и характеристики:

5. Паки кот иную вину наносит, яко нечестив еси и не чист естеством (*ὡς ἀσεβῆς εἶη περὶ τὴν φύσιν* — 16) — *Q*;

98. Притча к мужу-злодею, лицемерством и лукавством (*δι' ὑποκρίσεως* — 166) уловляющему и прельщающему (*ἐνεδρεύοντα*);

109. Притча являет, яко некие от ненаказанных и буйх (*τῶν ἀπαιδέτων* — 199), извне некто мянщися быти, от своего же блядословия обличаются.

В глагольных же парах явно улавливается внутреннее поэтапное расчленение действия и акцентирование его результатов:

59. Приплывшим же неким и сие смотрящим и уразумевши, застрелиша ю (*καὶ τοῦτο στοχασάμενοι αὐτῆς κατετόξευσαν* — 77);

66. И своею силою, елико име, стиснув змию и удави и уби (πιέσας φονεύει — 211) — *T'*;

82. И дельфину убо о сицевой его лжи негодовав, пифика погружая в мори потопи и уби (Заπτιζῶν αὐτόν ἀπέχτεινεν — 75).

Иногда же второй из синонимов как бы проявляет метонимическую игру смысловых оттенков слова в оригинале:

10. Лисица в дом пришедши коцунника некоего скомороха... обрете главу хари, художествене содеянную, юже руками приемши, рече: «О сицевая глава, точию мозгу и разуму не имат!» («ὦ οἷα κεφαλῆ, καὶ ἐγκέφαλον οὐκ ἔχει» — 27) — *Q*;

113. Вмале же познавше, яко сие животное ярости и желчи (χολῆν — 210) не имат.

Или же используется для интонационно-ритмического равновесия, симметрии:

47. «О чадо! уже познах, яко не токмо видения и зрения не имаши (ὁ μόνον ὄψεως ἐστέρησαι — 234), но уже и слышания и обоняния лишился еси!».

Что касается композиционного размещения синонимических пар, то они, как правило, тяготеют ко второй половине рассказа, — ситуациям интенсивного обнаружения конфликта, а также гномическим центрам притчи, ее «пуанту» и нравоучению.

Синонимические повторения в начале басни можно отметить, только когда оно включает их как фразовые стереотипы либо когда экспозиция рассказа представляет нечто из ряда вон выходящее:

122. Человек некто с сатырем дружбу и любовь сотвори;

76. Жена волхвующи, гневны и ярости божия пременить обещающаяся.

Но подобных примеров единицы — всего 6.

Заметно чаще, 16 раз, синонимические акценты приходятся на завязку фабулы, отмечая то драматизм окружающей обстановки, то критическое состояние самих персонажей:

82. Сущим же им у урочища у Суния Аттического, зиме и ветру зельну случися быти, и караблю разбившуся и всем плавающим погрузившимся и утопающим, погрузися утопая и пифик.

Много регулярнее, до трети синонимических пар (37 случаев), приходится на ядро фабульного конфликта — единственного нетрафаретного элемента жанровой композиции. Однако при довольно разнообразном динамическом и семантическом наполнении кульминации здесь все-таки оказывается характерной кульминация чего-либо этически несообразного, будь то поведение и уловки персонажей или их намерения, помыслы, утверждения и под. Обнажение их нравственной несостоятельности и составляет развязку фабулы:

6. Лисица в сеть впадши, и отсекишия у нее ошиби, побеже, срамное и безчестное (ἀβίωτον ὑπ' αἰσχύνης — 17) мянше себе быти житие; помысли убо научити иных лисиц, да сотворят сие, яко да общею страстию прикроет свой студ. И тако всех собрав, похвалает им ошиби отсецати, глаголя, яко не точию не потребный и непригожей (ἀπρεπὲς) есть сей уд, но еще и лишняя тягота волочающаяся. Уразумевши же некая от них, отвещав рече в ней: «О ты, но аще бы тебе сие не случилось, не бы ты нам сие сотворити [сов]етовала!» — *T'*.

Иногда же, при двувершинной композиции фабулы, кульминация предстает как завершение первого этапа рассказа, будучи вместе с тем той сюжетной посылкой, соотнесение с которой и составляет окончательное завершение притчи.

Так, в басне «О псе и о волке» (№ 31) застигнутый врасплох пес:

«... моляше волка, дабы его не съел: „Ныне бо, — рече, — худ и тонок есмь и сух (λεπτός εἰμι καὶ ἰσχύς — 137). Аще же мало пождеши, хотят мои господие творити брак, и яз тогда многие яди, тучнейши и тебе сладчайшии брашном буду“. И волк веровав словесем его, отиде» — Q.

Естественно, что, когда волк вернулся напомнить псу о прежних обещаниях, тот ответил насмешкой: «О волче, аще по сем времени пред дворцем узриши мя спяща, уже к тому браков не жди».

Синонимические повторения сопровождают и другие формы фабульной кульминации. Например, связанное со свойственной эзоповской басне свернутостью композиционной структуры такое завершение рассказа, когда моментом кульминации фабульный динамизм исчерпывался, а повествовательная инерция резервировалась для заключительного «пуанта» либо для формулы нравственного урока, которые из этой ситуации вытекают и за ней непосредственно следуют:

103. Бог же разгневался и негодовав о его любостыжательстве, преврати его в сичевое животное, иже ныне муравль нарицается. И сей свой убо образ премени, но обычая не премених, ибо и донныне нивы обходя чюжая труды собирает, себе сокровищует.

Значительная часть, до трех десятков, синонимических повторений приходится на заключительные стадии басенного рассказа. При этом лишь немногие из них приводят к сюжетной исчерпанности повествования, например:

24. Курица же отолстевши и тучна сущи, ниже единого яйца днем родити возможно;

75. Госпожа их, не ведущи и не слышащи алекторова гласа глубочайшею ночьюю и ранее сих возбужати начат — T'.

Несравненно характернее здесь в соответствии с дидактической природою жанра выражение позднего сожаления и раскаяния или даже негодования незадачливого персонажа, либо назидательное, а то и глумливое наставление торжествующего:

63. Он же з жалостию возвращая рече: «Праведно убо пострадах: что мне треба бысть и чесо ради своего губителя извлещи потщахся?» — T';

81. Он же к ним рече: «О злейшая животная, ибо крадущаго воски ваша цела отпустисте, мене же промысляющаго и радеющаго вами уязвисте!» — T';

26. Лисица же рече: «О обезяно! сичевое ты буйство и безумие имея, безсловесными звери царствовать восхоте?!» — P';

68. Волку же лежащу предо львом, лисица же смеющая рече: «Тако не подобает царя и владыку [ко] гневу и ярости подвизати, но ко благоутробию!» — Q.

И, наконец, совершенно обычно (36 раз) появление синонимичных пар в басенных сентенциях как этическом ключе жанра:

35. Притча являет, яко инем трудившимся, и инии же приобретают и корыстуют (κερδαίνουσιν — 152).

* * *

Экспрессивно-акцентное осложнение переводного текста — это очень осторожная, но вместе с тем весьма обычная форма повествовательной адаптации пословного перевода. Ничего не меняя и не смещая в движении событий рассказа, такое приспособление наделяло переводной текст теми или иными логическими акцентами, привычно устоявшимися характеристиками реалий и наиболее ходовыми экспрессивными формулами, свой-

ственными древнерусской литературе, аппаратом которых умело и в то же время сдержанно и осмотрительно пользуется переводчик. Будучи напрашивающимися, даже непеременимыми для древнерусского книжника, такие включения чрезвычайно стереотипны и в общем исчерпываются относительно небогатыми лексическими сериями и всего лишь немногими конструктивными типами.

Но, конечно, масштабы приноровления перевода к экспрессивно-стилистическим формам и традициям древнерусской литературы тут не в малом предопределялись композиционно-сюжетным и речевым устройством оригинала. При схематическом лаконизме греческого текста Аккурсианы и крайней ограниченности, а потому и уплотненности повествовательного пространства, когда рассказ сжат до перечня сюжетных событий и вся басня нередко вмещается в структуру двух-трех не очень развернутых предложений, переводчик (сколь он придерживается природы и духа своего иноязычного источника) по необходимости мог прибегать лишь к мелким, композиционно точечным вкраплениям по канве пословного перевода, экспрессивно окрашивая только наиболее существенные мотивы или моменты жанровой схемы.

Однако все это — лишь самые элементарные формы стилистической адаптации пословного перевода, тогда как системе древнерусского пословного перевода были присущи и более глубинные, хотя столь же экономные, приемы и способы повествовательного приспособления текста — его композиционно-нарративной и сюжетно-идеологической адаптации. Но их рассмотрение — уже особая тема.

Л. А. СОФРОНОВА

Поэтика школьного театра

Польский, украинский и русский школьные театры целесообразно рассматривать как единую художественную систему, так как они функционировали в одном ареале и были связаны между собой генетически. Польский театр, имея в качестве посредника украинский, послужил образцом для русского. Все они опирались на опыт европейского школьного театра. Каждый из трех театров логически дополняет другие два, а возможные элементы его художественной системы в них обычно бывают представлены. Ничто не препятствовало включению этих элементов в систему, на что указывает функциональная, формальная и семантическая общность этих театров. Подход к ним как к единому целому позволяет выявить их фактическую общность, решить вопрос о возможных путях развития и соотнести с художественной практикой барокко.¹ Только в соответствии с барокко возможно описать основные принципы поэтики школьного театра.

Отдельные виды искусства в системе культуры занимают в различное время разное положение. В XVII — первой половине XVIII в. театр пользовался огромной популярностью, о чем свидетельствует в том числе его появление и быстрое распространение на украинских и русских землях. Представления о нем глубоко проникали в художественное и общественное сознание. Все виды искусства — поэзия, живопись и сам театр разрабатывали известный топос: мир — театр, выдвигая на первый план различные его аспекты. Театр был образом мира. На его сцене всем распоряжался бог, который раздавал людям роли в земной жизни. Каждый человек выступал как актер, разыгрывая пьесу своей жизни. Он легко менял роли, отказывался от одной маски, чтобы скрыть свою сущность под следующей. Жизнь человека скоротечна, иллюзорна, как театральное представление. Театр воспринимался как эмблема суеты сует и преходящести жизни на земле. Театром представлялся мир, вытянутый по вертикали, в историческом срезе, о чем говорят названия исторических сочинений того времени. Театральные метафоры распространялись и жили во всех областях культурной жизни. Представления о мире, жизни — театре продолжали существовать на протяжении всего XVIII в. и эпохи романтизма.

В эпоху барокко художники, декораторы, поэты, архитекторы стремились создать единый, общий художественный язык, выводили правила перевода с языка одного искусства на другой. Они пытались обогатить одно искусство за счет другого, отдавая при этом предпочтение искусствам визуальным.

¹ Русский школьный театр имеет размытые границы. Часто трудно определить, к какому виду театра принадлежит пьеса. Мы обращаемся к ней, если художественная структура имеет сходство со структурой школьной драмы.

Следуя одному из важнейших принципов барокко — принципу синтеза различных искусств, театр вторгнулся в другие искусства, оказывая на них существенное воздействие. Он сумел завоевать архитектуру, где восторжествовала иллюзия, фасады зданий стали напоминать декорацию, а интерьер — сцену. Он проник в живопись, светскую и религиозную, обуславливая пространственную организацию произведений. Театр входил в литературу, где зрелищность и так была важным требованием, о чем говорят и фигурные стихи и эмблемы, поднимал эту зрелищность на более высокий уровень, придавая ей динамику, порождал театральную композицию литературных произведений.

Вторгаясь в литературу, архитектуру, живопись, театр не только влиял на их природу и не только испытывал влияние с их стороны. В результате их взаимодействия, на стыке с ними он порождал новые формы культуры, театральные по своему характеру. Так возникла окказиональная архитектура, с одной стороны примыкающая к архитектуре, с другой — к театру. Окказиональные постройки по сути дела являлись декорациями. Их сходство с декорациями обуславливалось их функцией. Эти постройки служили фоном для официальных церемоний, торжественных шествий, въездов и проч. Сходство обуславливалось также общностью их характера: и те и другие были условны. Окказиональная архитектура, как и декорации, не была самостоятельна по замыслам и всегда подражала античным образцам. Она, как и декорации, была недолговечна. Любая непогода могла разрушить величественные пирамиды и колонны. Для сооружения этих построек, как и декораций, применялись непрочные материалы, имитирующие другие, настоящие: гипс, мраморная крошка, мягкие породы дерева. В отличие от декораций окказиональные постройки находились не в закрытом, а в открытом пространстве. Элементы театральности можно было явно ощутить и в такой близкой архитектуре области, как садово-парковое искусство, где в организации пространства применялись приемы, присущие театру.

Почти настоящим театром был театр фейерверков, бывший одним из излюбленных развлечений эпохи.² Спектакли фейерверков давались на специальных сценических площадках, на суше, на воде, на льду. «Пьесы» этого театра имели достаточно развитые элементы сюжета. Только «играли» на его сценах ракеты, брандкугели и фэстфейры, которые, шипя и сторая, двигались, имитируя столкновения и борьбу героев, и навсегда исчезали. Фейерверкам в большей степени, чем другим формам паратеатральной культуры, была свойственна иллюзорность. Они, как спектакль, не повторялись в идентичном виде, также оставляли только косвенные доказательства своего существования. Близки к фейерверкам были иллюминации, в отличие от них неподвижные.

Театр раздвигал свои пределы, не только вторгаясь в другие виды искусства, но и в официальную и частную жизнь. Торжественные процессии, церемонии, шествия — неперемнная часть общественной жизни эпохи, как окказиональная архитектура и фейерверки, характеризовались чертами театральности. Они предлагались обществу как зрелище, проходили по заранее подготовленным сценариям. Они не имели развитого сюжета и состояли из слабо в формальном отношении связанных эпизодов, динамика и значение которых приобретались с движением процессии. В этих паратеатральных формах не происходило полного разделения группы зрителей и группы актеров. Каждый из участников был одновременно и тем и другим. Их точки зрения совмещались, налагались одна на другую.

² Д. А. Ровинский. Обзорение иконописания в России до конца XVII века. Описание фейерверков и иллюминаций. 1674—1891 гг. СПб., 1903.

Частная жизнь также давала множество поводов для ее театрализации. В назидательный спектакль о суетности мира и преходящести земной жизни превращались похороны. Храм, декорированный дорогими тканями и измененный искусственным освещением, превращался в сцену, на которой высился катафалк — *rompa funebris* с символами и эмблемами суетности мира, славы и величия, геральдическими изображениями. Сам покойный воспринимался как Путник, как Каждый, который окончил свой путь и напоминал всем о неминуемости конца.³ Театральными были свадьбы, часто сопровождавшиеся спектаклями. Театр занимал большое место в организации свободного времени. Уроками театрального опыта, не потерявшими своего значения и после открытия профессиональных сцен, были маскарады, все участники которых были одновременно и зрителями и актерами. Распространились любительские домашние театры, приобрело популярность театральное пародирование устоявшихся церемоний (Всепьянейший собор). Черты театральности приобрела и религиозная жизнь, что сказалоь и в интерьере храмов, и в характере проповедей.

Театр не только распространял свое влияние на другие виды искусства, на формы общественной жизни, но и сам испытывал их воздействие в своих пределах. Являя собой сплав слова, музыки, сценического жеста, он повторял на своих сценах официальные церемонии («Торжество мира православного», «Образ торжества российского»), воздвижение триумфальных арок, столпов («*Minervae Regium*»), праздники фейерверков. Все паратеатральные виды и собственно театр сочетались между собой не только на сцене. Они могли образовывать последовательный ряд общественных развлечений.

Театр в культурной жизни XVII—первой половины XVIII в. играл столь важную роль, его общественную функцию, его методы воздействия на публику ценили столь высоко, что к нему как средству воспитания, сочетающему развлечение с пользой, обратились и в школе. Он становится частью педагогической программы, входит в систему образования. Здесь он в наибольшей степени проявляет свойственную ему, как, кстати, и всему искусству в целом, тенденцию к колебанию от мира вымысла к миру действительности. Театр — это одновременно искусство сцены и уроки воспитания и обучения.

Вся его структура строилась на основании законов риторики, что означает не только то, что он был школой красноречия, но и то, что он входил в такую сферу культуры, как риторика. Риторика, которая учила не только как сказать, но и что сказать, предлагала пути к уравниванию сути и формы произведения, была собранием эстетических и этических правил. Она учила мыслить и говорить «общественно».

Риторикой определялся выбор темы произведения и его состав, т. е. семантический уровень текстов. Произведение распадалось на части, которые строились и взаимодействовали в зависимости от правил риторики. Они, как говорилось в руководствах по риторике, могли располагаться в «натуральном» или «искусственном порядке», т. е. произведение или воспроизводило естественный, последовательный ход событий, лежащих в основе его фабулы, или временная последовательность этих событий нарушалась, автор компоновал их по-своему, располагал их иначе, чем они были расположены в действительности. Могли они и чередоваться по принципу альтернативы. Риторика определяла действие таких тенденций в построении драматического текста, как контраст и симметрия, требовала полного описания темы, всестороннего рассмотрения события в эпизоде, т. е. риторике подчинялся синтаксис произведения. По риторическим

³ J. Chrościcki. *Pompa funebris*. Warszawa, 1974.

правилам строился и словесный уровень драмы. Драматурги добивались правильности и украшенности речи, применяли «фигуры слов, мысли, звуков», грамматические фигуры, тропы. Монологи драматических героев часто выглядели как образцовые ораторские выступления, отдельные сцены строились как диспуты (ср. польскую драму «Рамирова победа»).

Риторика не только подчиняла себе художественную структуру драматического текста. Она была собранием правил его восприятия, теорией коммуникации своего времени. Действуя по правилам риторики, автор воздействовал на зрителя, следовал ей, начиная с выбора темы, кончая созданием тропов. Риторика, предлагая свод правил построения текста, постоянно имела в виду адресата, учила зрителя поддаваться воздействию произведения, правильно его воспринимать, предполагала его реакции. Она требовала связи произведения с идеологией. Риторика определила общественное звучание московских школьных пьес, польских драм со светской тематикой.

Она определила особенности жанровой структуры школьного театра, провела черту раздела между двумя основными группами произведений, предназначенных для сцены, ораторских и драматических (*acta oratorica*, *acta drammatica*).

В ораторских актах, к которым относятся диалоги, декламации, а в польском театре также суды, сеймики, действие отсутствует. Их организует не событие, а тема и «украшенное» слово. Они могут приближаться к драматическому акту, так как произносятся со сцены, исполнители могут иметь театральные костюмы и аксессуары. Иногда диалоги и декламации произносились и при более богатом сценическом оформлении, требовали декораций. Накопив достаточное число театральных черт, развив присущие им элементы сюжета, ораторские акты могли полностью превращаться в драматические. Это не значит, что сами ораторские акты исчезают, послужив только основанием для зарождения и развития драматических произведений. Последние всегда существовали параллельно с ораторскими актами, но граница между ними постоянно нарушалась за счет развития театральной природы ораторских произведений, с одной стороны, и тяготения драматических жанров к искусству декламации — с другой. В разделении жанровой системы школьного театра на эти два класса действует принцип контраста, который все время нарушается постоянно действующей тенденцией снять противоречие, слить противоположности воедино, что вообще свойственно искусству барокко в целом.

Драматические акты распадаются на ряд кругов: моралите, мистерий, агиографических пьес, пьес со светской тематикой, авантюрно-романных. Эти круги не просто сопологаются, не следуют один за другим последовательно. Между ними наблюдаются следующие взаимоотношения. Круг моралите представляет собой ядро жанровой системы школьного театра. Фабула моралите — борьба бога и дьявола за душу человека, пассивного и колеблющегося (ср. польский диалог «Путник, или Древо жизни»), лежит в основе пьес всех кругов. К моралите близко примыкает круг мистерий. Они связаны между собой благодаря действию принципа отражения, одного из важнейших в поэтике барокко, которое постоянно описывает один объект через другой, сочетает сюжетные линии, одна из которых отражает другую, пользуется параболой, парафразой, заменяет сценическое действие рядом сообщений или представляет его в виде взаимодействия аллегорий, среди которых, опять благодаря принципу отражения, на правах аллегорий выступают герои античной мифологии. Этот принцип заставляет драматургов выводить на сцену вместо героев символы, их заменяющие, фигуру Христа выражать рядом префигураций. Благодаря этому принципу собственно мистерияльный сюжет преломляется

в ряд сообщений аллегорических фигур, как в украинской «Комедии на Рождество Христово», преобразается в моралите, как во второй части «Рождественской драмы» Дмитрия Ростовского, и сам только в незначительной степени бывает представлен на сцене.

На основе моралите вырастает круг пьес также моралитетного характера, но с достаточно развитым сюжетом, где условные фигуры грешника, Адама, Натуры людской и высших сил, борющихся за них, приобретают конкретно-чувственные черты. Чаще всего их преобразование происходит с помощью чуда. Так, в польском моралите «Одостратокл» черт действует под видом слуги. Он, а не реальное лицо, мешает главному герою, на помощь которому приходит не ангел, как это обычно бывает в моралите, а священник. Правда, приходит он не сам, его посылает бог.

Наибольшее число пьес этого круга, пьес о грешниках, принадлежит масленичному циклу.

На основе этого круга конкретных моралите возникает круг пьес со светской тематикой. Они разрабатывают тему власти, осуждают тех, кто преступает ее законы. Выбрав один среди многих грехов и пороков — порок властолюбия, пьесы подробно описывают его и показывают его тягчайшие последствия. В них схема моралите скрыта в сюжетах, развивающих конфликт между королем и придворными, королем и престолонаследниками, между верными, преданными слугами и предателями. Очень часто в этих пьесах присутствует мотив заговора. Наибольшее число пьес, принадлежащих этому кругу, представлено в кодексе Г. Люра.⁴

Герой моралите не только бывал наказан. Он мог раскаиваться. Раскаяние могло перерастать в обращение, тогда грешник преобразался в мученика, святого. Герой этого типа — главный герой круга агиографических, мариологических драм, отделившегося от круга моралите. В этот круг входят также пьесы, главный герой которых не проходил стадии обращения, а был изначально праведным.

Выделяется также круг светских пьес, выросших на основе авантюрного романа, представленный в русском школьном театре и на сценах польских иноверческих школ.

Все круги пьес могут пересекаться. На их пересечении возникают пьесы, контаминирующие элементы моралите и светских драм о власти, агиографических пьес и пьес о сражающихся королях или наследниках. Примером контаминации пьес различных кругов может служить «Рождественская драма» Дмитрия Ростовского, где явления 6, 8, 11, 13 образуют относительно самостоятельную пьесу об Ироде, построенную по образцу польских светских пьес о власти.

Круги пьес легко выделить за счет наличия в каждой из них постоянных, повторяющихся ситуаций. Эти постоянные ситуации создают статичность школьной драматургии. Из одной агиографической драмы в другую переходят такие ситуации, как искушение и мучение будущего святого, его блуждание в лесах, преследование, потеря креста. В светских пьесах о власти повторяются следующие ситуации: король отказывается от власти, наследники ссорятся между собой, придворные организуют заговор, король советуется с приближенными, наследники становятся (или хотят быть) отшельниками, заговорщики хотят убить наследников на охоте (послать отравленное письмо), невинно обвиненного героя сажают в тюрьму и казнят, детям убитого посылают его отрубленную голову, король-тиран сходит с ума (кончает с собой, его поглощает развершаяся земля).

⁴ G. Lühr. 24 Jesuitendramen der lituaischen Ordens Provinz. — Altpreussische Monatschrift. Königsberg, 1901, Bd 38.

Некоторые постоянные ситуации являются общими для разных кругов пьес — светских, агиографических, моралите. Например, ситуация предсказание. Она организует сюжеты многих драм, подчиняет все их эпизоды общему замыслу драматурга. Обязательно содержали предсказание прологи и начальные эпизоды драмы. Предсказаний могло быть не одно, а несколько, как в польской пьесе «*Exilium Sapientis*». Иногда они даже преобладали над собственно действием, как в пьесе об Альфонсе Португальском. Их наличие в драматическом сюжете подтверждает доминирующее положение идеи над событием. Драматург не оставлял места для неожиданности, но зато усиливал значимость семантической структуры сюжета, так как в предсказании обязательно раскрывал смысл драмы.

Постоянной ситуацией является также идентификация. Героя школьной драмы всегда трудно узнать. Ему легко изменить свой внешний облик до неузнаваемости. Достаточно сменить костюм, как делают Алексей или Глеб и Ярослав («Алексий, человек божий», «Духовное причастие св. Бориса и Глеба»), чтобы изменить движение сюжета. Достаточно одного аксессуара, например половинки кольца, чтобы герои признали друг в друге родных братьев («Духовное причастие Генсерика и Тризмунда»).

Постоянная ситуация школьной драмы — чудо, решительно меняющее развитие сюжета, разрешающее конфликт драмы. Чаще всего чудо происходит в агиографических драмах.

Сообщение — это также постоянная ситуация школьной драмы любого круга. Сообщения связывают между собой героев, которые не сталкиваются на сцене. Сообщения расширяют сценическое действие, т. е. то, которое показано только на сцене, до театрального, т. е. того, которое происходит и на сцене, и за сценой. Все, что не показывается зрителю — сражения, убийства, — становится предметом сообщения. Сообщения дублируют действие, представленное на сцене. На уровне слова усиливается то, что было разыграно актерами, показано действиями.

Повторяющиеся постоянные ситуации — это проявление принципа вариативности, одного из организующих принципов строения школьной драмы. Его действие, с одной стороны, приводит к многообразию, так как одна и та же тема, одна и та же фабула повторяется, при этом видоизменяясь. Всякий раз они одни и те же и в то же время другие. С другой стороны, так как повторяются одни и те же сюжеты и темы, заданные каноническими источниками, Библией, агиографическими сочинениями, или ряды ситуаций, переходящие из драмы в драму, принцип вариативности вызывает однообразие. Действие тенденции к многообразию и к однообразию одновременно мы можем наблюдать в группе пьес, которые различаются сюжетами, но объединяются отдельными повторяющимися рядами ситуаций (как пьесы Оршанского кодекса).

С принципом вариативности связано такое интересное явление школьного театра, как свернутые сюжеты. Повторяясь, постоянные сюжеты могут сжаться до нескольких ситуаций или даже одной, появиться в виде литературного намека, картины-примера, отдельного эпизода, иллюстрирующего общую идею пьесы. Свернутый сюжет — сон Тимофея — мы находим в драме об Алексии. Свернутый сюжет из книги Эсфирь — в пьесе «Стефанотокос». Последовательный ряд свернутых сюжетов может образовывать драматические произведения, как например декламация «*Fluctuans oceano mundi*» или декламация А. Рихтера 1717 г.

В строении сюжетов участвует также принцип параллельного действия, сочетающийся с принципом контраста, как в «Ужасной измене сластолюбивого жития». Сюжет школьных драм может быть организован

вокруг одного конфликта, иметь разработанную мотивировку («Комедия притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого), но его стройность может нарушаться вставками, почти равными по величине сюжету («Действие на страсти Христовы списанное»), или он может состоять из слабо связанных частей, подчиненных только общей идее («Торжество мира православного»). Сюжеты могут развивать одну линию действия, реже две. Они бывают одночастными, двух- и реже трехчастными.

Семантическая структура сюжета школьной драмы доминирует над формальной, т. е. смысл всегда подавляет фабулу. Возможно, что семантическая структура внешне совпадает с формальной. Имеются в виду моралите, пьесы-аллегии, где все действия героев имеют символическое значение, где весь сюжет представляет собой развернутую реализованную метафору («Диалог о Мире»). Возможно, что фабула, событийная сторона, подавляет смысл. Действия героев скрывают значение пьесы, и оно должно быть из них непосредственно выведено. Такое соотношение налицо в драмах с развитым светским сюжетом, имеющих религиозное значение, как в польской пьесе «Jezus Nazarenus...», где преследования и смерть немецких принцев Конрадина и Фридриха символизируют муки и смерть Христа, в пьесах-панегириках, где мифологический сюжет — путешествие Язона за золотым руном — прославляет выдающегося педагога, совершившего путешествие в Италию. В выявлении значения драм оказывают помощь их названия, обычно распространенные, объясняющие значение того, что будет показано на сцене, так называемые малые части драмы — пролог, хоры, эпилог — и сентенции. Формальная структура сюжета может подавлять семантическую. Значение сюжета теряется на фоне сложных перипетий («Акт о Калеандре и Неонилде»), хотя обычно именно идея подчиняет себе весь театральный текст.

Аналогично тому, как соотносятся событие и его значение в драме, соотносятся герой и его атрибут. Герой — это не характер, не тип, а носитель некоего атрибута, одного определенного качества. Герой — знак, значение которого зависит от воли автора и восприятия зрителя. Он может означать язычество, как сарацинский король Абдеррага («Рамирова победа»), веру, как мученик Нарцисс («Thronum Amore in cordi Narcissi»), и больше никак не характеризоваться. Будучи носителем атрибута, герой мог выступать как символ другого героя, который мог даже и не появляться на сцене. Библейские герои символизируют Христа в украинском «Действие на страсти Христовы списанном», где он появляется только в живых картинах. В результате подобного соотношения героя и атрибута наравне с героями в пьесе «играли» аксессуары. Только благодаря аксессуару происходит действие очень сложной по сюжету польской драмы «Gratia homini...» (лишь благодаря тому, что кольцо все время движется по кругу героев, развивается действие: с помощью кольца оправдывают, убивают, мирятся и т. д.).

Герои школьной драмы в большинстве случаев входят в систему, состоящую из трех уровней, направленную по вертикали. Высший уровень образуют главные герои пьесы, наиболее независимые среди всех остальных, преддрешающие ход событий. Следующий за ним и зависящий от него уровень — это второстепенные герои, реализующие намерения главных. Они по сравнению с главными гораздо более активны. Главным, а иногда и второстепенным, подчиняются вспомогательные герои — слуги, посланцы, солдаты. Они связывают героев между собой и передают сообщения. Часто герои драмы объединяются на основании родства. Они все принадлежат одной семье. Они могут быть также связаны узами феодальной зависимости.

Герои не только входят в общую систему, но могут также выстраиваться в цепи, последовательно выполняя одно и то же действие. Например, цепь героев преследует Конрадина и Фридриха («Jesus Nazarene»). Они могут объединяться в пары, особенно часто в агиографических драмах. Например, образуют пару братья-мученики Борис и Глеб, отец и сын («Amor victor et Victima»), учитель и ученик («Gemini fratres»).

Герой школьной драмы — это постоянная величина. На протяжении пьесы он характеризуется постоянным набором функций. Каждому герою присущ определенный набор, и его функции никогда не совпадают с функциями других героев, за исключением вышеуказанных случаев объединения героев в цепи или в пары. Круг их функций строго очерчен. Поэтому выделяются такие классы героев, как тиран, мученик, убийца, жертва. Обычно набор функций бывает задан герою сразу, в начале драмы. По мере развития сюжета он получает функции, только варьирующие эти исходные. Герою школьной драмы не известна эволюция. Он не изменяется по ходу сюжета, совершает только то, что может подтвердить однажды данную ему характеристику. Исключение составляют те герои агиографических драм, которые переживают обращение («Действо о святей мученице Евдокии»). Они качественно изменяются, и их изменение — это всегда скачок, взрыв, мгновенное преобразование.

Герои школьного театра в целом пережили эволюцию. Из условных фигур носителей отдельных качеств они, переходя из жанра в жанр, превращались в фигуры более конкретные. Условный грешник моралите становился человеком, борющимся со страстями (*homo militans*), в светской драме. Окружающие его аллегории пороков и добродетелей также материализовались, приобретали вид врагов или помощников героя. Очевидно, что условные и реальные герои сосуществовали на сцене и что в театре, не столь активно, как в литературе, шел процесс их индивидуализации.⁵

Полностью положение героя выясняется при исследовании картины мира, которую воссоздает школьная драма. Она, не будучи скрытой ни от зрителя, ни от исследователя, вычленяется путем анализа театральных текстов в парадигматическом плане. Герой школьной драмы совершал не так много действий, но обязательно передвигался из одного пункта в другой, путешествовал. В драмах, принадлежащих различным кругам, это перемещение происходило различно, в художественном пространстве разного вида, и значило оно не одно и то же. В моралите герой мог двигаться по двум направлениям — горизонтально и вертикально. Горизонтальный путь человек проходил по земле, это была его земная, реальная жизнь, движение к смерти (ср. польское моралите «Путник, или Древо жизни»). Вертикальный путь — это была его трудная дорога к небу. Оба пути могли быть представлены на сцене, как в «Успенской драме» Димитрия Ростовского. В моралите человек часто именовался путником, мореплавателем. Он стоял перед выбором правого или левого, верного или ложного пути, терялся в лабиринте. В агиографических драмах обычно бывают отмечены начальная и конечная точки путешествия героя, иногда и срединная, как в «Комедии о Ксенофонте и Марии». Так как путь раскрывал отношение агиографического героя к миру, в пути он решал все свои проблемы, вступал в отношения, разрешал конфликты. Художественное пространство оказывается чрезвычайно значимым элементом художественной структуры этих

⁵ Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X—XVII веков. Л., 1973, с. 146—152.

драм. Оно могло быть линейным, когда действие развивается с перемещением героя («*Thronum amoris*. . .»), точечным, когда сюжет развивается в перерывах движения героя, когда его вершинные точки совпадают с остановками героя («Комедия притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого). Линейное пространство свойственно пьесам авантюрно-романного типа (ср. «Комедию о графе Фарсоне», «Действие о князе Петре Златые ключи»). Точечное пространство также свойственно пьесам со светской тематикой, пьесам о сражающихся королях, где бывает два противопоставленных пункта: дворцы или страны противников и — место встречи королей, поле сражения. Этот же тип представлен в пьесах с темой власти и в части агиографических драм. В них главный герой, реже — второстепенный, перемещается из дворца в тюрьму. В светских пьесах так раскрывалась тема возвышения — падения героя (счастье — несчастье), в агиографических так изображалось возвышение святого. Отказавшись от власти и не изменив вере, герой попадает в тюрьму, принимает муки и погибает. В первом и во втором случаях, т. е. в агиографических и светских пьесах, движение героя направлено по вертикали — снизу вверх или сверху вниз, но оценивается оно противоположно. Когда герой-мученик перемещается с вершины благополучия, из дворца, вниз, в темницу, он тем самым возносится. Отказываясь от земных благ, он стремится к небу. В светских пьесах это перемещение действительно означало лишение, полную потерю благополучия героя, из счастливого он превращался в несчастного. В панегириках, части моралите, в пьесах мистериального типа, повторяющих библейский хронотоп, художественное пространство могло быть безотносительным к смыслу пьесы, не играло сюжетобразующей роли.

В соотношении постоянного перемещения героев школьной драмы и их монологов и диалогов, построенных по риторическим правилам, еще раз проявляется принцип контраста, организующий барочный школьный театр.

В меньшей степени в роли организующей категории школьной драмы выступало время. Оно могло быть иррелевантным. Безразлично, какими отрезками времени отделялись действия аллегорий Польши и России в панегирических драмах. Между отдельными эпизодами моралите могли проходить десятилетия, как в пьесе об Алексии. Художественное время могло совпадать со временем протекания спектакля. Категория времени сама по себе привлекала драматургов. Его аллегория, так же как и аллегория Вечности, часто появлялась на школьной сцене. Время — с кругом, Вечность — с книгами в руках. Время представлялось скоротечным, необратимым, всемогущим.

Мир, изображаемый в театре школы, был миром, строго разделенным по дихотомическому принципу. В нем все подчинялось противопоставлению добра и зла, божеского и дьявольского, верха и низа, внутреннего и внешнего. Двойствен был и человек. Двойственны силы, которые его окружали. Аллегории добра и зла, пороки и добродетели выступали противоборствующими парами: гордость — смирение, зависть — кротость (ср. «Успенская драма» Димитрия Ростовского). Каждая из этих аллегорий могла сама по себе раздваиваться, выступать как положительная и как отрицательная категория; так появлялись Ревность русская и Хищение неправедное («Свобождение Ливонии и Ингерманландии»). Если этого раздваивания не происходило, выступление в двух ипостасях заменялось разделением явления действительности или абстрактного понятия на две половины — добрую и злую.

Будучи разбитым на две половины или всегда готовый к раздваиванию, разделению, мир школьного театра — это не некий конкретный

мир, страна или город, это — вселенная. Если даже в пьесе и назван какой-то определенный пункт как место действия, он все равно характеризуется признаками космического свойства. Человек на фоне бесконечного во времени и пространстве мира выступал как могущественный властелин и одновременно был ничтожной песчинкой, затерявшейся в огромном мире. Он постоянно изменялся, колеблясь от добра к злу, от счастья к несчастью, вторя бесконечным и постоянным изменениям мира в целом. Он был игрушкой в руках фортуны, от вращения колеса которой зависела его судьба. Человек не только не постоянен. Он всегда противоречив во внешнем и внутреннем облике. Он совершенен духовно и безобразен телесно, и наоборот, в нем никогда нет гармонии.

Мир, окружающий человека, кроме того, имеет иерархическое строение, что отражается как в устройстве школьной сцены (она бывает трехъярусной, где каждый ярус соответственно изображает небо, землю, ад), так и в драматических текстах.

Представляя мир как иерархическую структуру, направленную по вертикали, состоящую из ряда семантических оппозиций, школьный театр обладал такой поэтикой, которая может быть представлена в виде ряда оппозиций. Ни один его художественный прием, ни одна тенденция в отображении действительности не существовали на школьной сцене изолированно. Они динамически взаимодействовали со своими противоположностями, и в их борьбе — сочетании рождались наиболее характерные для природы этого театра черты. Так, обычно школьный театр именуют театром условным, аллегорическим. Наличие аллегорических фигур считается его основным характерным признаком, хотя главная его особенность состоит в постоянном столкновении и немедленном отталкивании аллегорической линии и линии натуралистической, линии реалистического отображения. Сцены-метафоры, условно изображающие человеческую жизнь, перемежаются со сценами бытовыми, комическими, сценами жестоких убийств. Мертвецы и аллегория Надежды, крестьяне и добродетели выступают наравне в одних и тех же эпизодах. Чтобы усилить или раскрыть значение условных сцен, драматурги строят контрастирующие с ними по материалу и методу обработки сцены повседневной жизни. Чтобы придать этой жизни высший смысл, они реализуют на сцене метафоры, заставляют играть символы. В этом столкновении вещи и идеи, абстрактного и конкретного — характерная особенность воспроизведения мира в школьном театре, вызывающая соответственно столкновение условного и наивно реалистического способа воспроизведения этого мира.

Линия реалистического отображения господствует в интермедиях, как дидактических, тематически связанных со школой, так и в бытовых, зарисовках типа ярмарочных сценок, в интермедиях фольклорного происхождения. Эта линия существует в религиозных драмах мистериального типа. С тем чтобы библейские сюжеты стали доступными массовому зрителю, драматурги превращают их в произведения «повседневного реализма». ⁶ Эта трансформация произошла в «Жалобной комедии об Адаме и Еве», в польской пьесе «Кровавая схватка», сценах пастырей «Рождественской драмы» Димитрия Ростовского. ⁷ Эта линия определила место примитивных натуралистических сцен пыток, мучений, убийств. Несмотря на многочисленные запреты, они изображались чрезвычайно детально. Линия реалистического отображения сказывается и

⁶ Э. Ауэрбах. Мимесис. М., 1976, с. 166.

⁷ См. также украинские рождественские вирши: П. Житецкий. Малорусские вирши правоописательного содержания. — Киевская старина, 1892, т. XIV, с. 37—58.

в изменении характера героя, что было связано с общим процессом эмансипации личности, «индивидуализацией» быта, его вторжением в литературу,⁸ в том числе и в театр. Так в театре школьного барокко пересекались два мира — холодный и рассудочный мир абстракций и мир повседневный, полный заурядных подробностей и страха смерти.

Пересечение этих миров проходит параллельно постоянному процессу материализации абстрактных понятий и лишения вещественности конкретных явлений. Все вещественное, материальное предстает на школьной сцене в условном виде, выглядит как вытяжка из него высшего смысла. Все, что на самом деле лишено материальной оболочки, на сцене ее приобретает. Аллегии — это материализованные идеи, имеющие сценическое воплощение. В аллегиях постоянно совершается переход от условного к конкретному и обратно. Любое абстрактное понятие, отвлеченную категорию, явление природы на школьной сцене может представить актер, облаченный в соответствующий театральный костюм и снабженный необходимыми аксессуарами — символами. Так, Зима выглядит как старик, одетый в шубу, Ярость восседает на драконе, и т. д. Будучи овеянные идеями, они совершают конкретные физические действия, ссорятся между собой, голодают, даже умирают. По своему происхождению аллегии различны, но все появились в результате отчуждения знака от значения. От драматических персонажей отвлекались их пороки и добродетели, их отдельные черты, эмоции. Могла иметь место метонимия. Целое понятие или фигура в этом случае членились на части, благодаря чему возникли такие аллегии, как Гнев божий, Милость божия, Сердце божьей матери, которые в совокупности могли образовывать единую фигуру. Ряд аллегий школьного барокко — это персонификации, такие как Слава, Тиранство, Фортуна, Зима, Азия. Оторвавшись от знака, значение не повисало в воздухе, а получало новую материальную оболочку, вид которой определялся театральной поэтикой и общекультурными традициями.

Аллегии были постоянными величинами и характеризовались постоянными функциями. Они образовывали систему, где фигуры, олицетворяющие черты характера, эмоции человека, располагались по кругу, неподвижным центром которого была аллегия души, Натура людская, Естество человеческое. В свою очередь этот круг является центром, также неподвижным, по отношению к большему кругу, по окружности которого располагаются аллегии, олицетворяющие силы Добра и Зла или различные обстоятельства жизни человека.

Аллегии находятся в иерархических отношениях. Одни из них подчиняют себе другие. Так, Мир может выступать как гетман, предводитель грехов. Аллегии, как мы уже говорили, обязательно разбивались на пары: Чистота—Грех, Страх—Мужество и т. п. Все они могли быть активнее реальных героев и руководить их действиями. Они выступали наравне с ними, но могли уходить в малые части драмы, т. е. в пролог, хоры, эпилог, оставляя собственно драму реальным героям. Существовало множество пьес, все действующие лица которых были аллегорическими фигурами.

Между аллегиями распределялись те художественные задачи, которые в современном театре выполняет один актер, изображая душевное состояние героя. Аллегии могли, появившись на сцене, заменить целый сценический эпизод. Драматургу было достаточно вывести фигуру Войны, и он мог не показывать войну, сражения на сцене. Аллегии,

⁸ Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X—XVII веков, с. 152—154.

кроме того, усиливали значение действий реальных героев, возводили его на ступень «аллегорическую». Особенно это касается фигур гениев.

Аллегии заставляли зрителя не сопереживать, а рассуждать в отличие от воздействия реальных героев, которые требовали иной эстетической реакции. Двойственность эстетической реакции — еще одно проявление принципа контраста в поэтике школьного театра. Аллегии — это также пример того, какое большое значение придавалось в то время визуальности. Чтобы быть понятыми, отвлеченные понятия становились видимыми, приобретали конкретный облик.

Знаковая природа аллегорий — это только одно из проявлений знаковой природы школьного театра, которую вслед за А. Шене⁹ обычно называют эмблематичностью, что вполне оправданно, так как в эмблеме с наибольшей последовательностью выразилась общая тенденция барокко к разложению художественного знака на означающее и означаемое, игра со значением достигла предела. Аллегии в этом плане — явления того же порядка, что сюжетные структуры, где налицо несоответствие формального и семантического уровней, где событийный ряд внешне никак не связан со значением. В этом же ряду находятся сюжеты, состоящие из двух частей, протасиса и аподосиса, служащего интерпретации протасиса, картинные декламации, в которых на сцене представлялось живописное изображение и актеры читали текст, комментирующий его. Близки к этим элементам школьной драматургии живые картины, в которых живописное изображение заменялось немymi сценическими эпизодами, но текст актерам, участвующим в них, не доверялся, — его произносили другие. Аналогично возникало симультанное сценическое действие. Появлялись также пьесы, состоящие из слабо или никак не связанных между собой эпизодов, но подчиненные общей идее, пьесы, в которых каждый последующий эпизод служил объяснению предыдущего («Мифибозет»). Возможность раздельного существования знака и значения вызвала также и определенное соотношение слова и действия в драме. Герои не только изображали, но и объясняли свои действия, произнося множество сентенций, должных комментировать их участие в событиях.

Раздельное существование знака и его значения, означающего и означаемого, приводило к многозначности барочного произведения. Каждое явление действительности в нем не только заново называлось и описывалось, но и заново получало значение, которое вырывало его из хаоса вещей и вводило в строго упорядоченный мир. Этих значений было много. Очевидно, что они не всегда были новыми, тем более этого и не требовалось. Существовал специальный словарь значений. Они содержались, например, в эмблематических сборниках, которые, кстати сказать, оказали огромное влияние на театральный костюм, декорации, аксессуары и на словесный текст школьной драмы. Тенденция к многозначности в школьном театре встречалась с его дидактической направленностью, что ее и ограничивало.

Расчленение художественного знака сочетается с общей тенденцией искусства того времени к интерпретации, которая во многом подчинила себе школьную драму.¹⁰ Все, что описывалось, показывалось, изображалось на сцене, обязательно объяснялось. Само по себе изображение не было ценным. Оно становилось таковым только благодаря интерпретации. На описание объекта и интерпретацию распадалась стихотворные,

⁹ A. Schöne. *Emblematik und Drama im Zeitalter des Barock*. München, 1968.

¹⁰ И. А. Чернов. Из лекций по теоретическому литературоведению. Тарту, 1976.

прозаические, а также драматические произведения. Драматический сюжет получал объяснение в прологе и эпилоге. Объясняли его также хоры. Все драматические герои также толковали события, представленные на сцене. Интерпретации отводились специальные сценические эпизоды, как например в польском диалоге «Мифибозет». Часто одна интерпретация следовала за другой, образовывалась цепь объяснений, каждое из которых углубляло предыдущее. Интерпретации могли входить в последовательный ряд, создавать свою собственную систему, которая могла жить независимой от интерпретируемых объектов жизнью. Так произошло с античными мотивами на школьной сцене. Они существовали как особый художественный язык, правила перевода с которого были хорошо известны как зрителю, так и драматургу.

Итак, школьный театр сосредоточил в себе доминантные черты искусства своей эпохи. Он колебался между миром действительности и миром искусства, будучи частью педагогической программы и входя в паратеатральную субкультуру. В нем слово сочеталось с музыкой. Он испытывал влияние изобразительного искусства, впитывал в себя элементы архитектуры. Театр выразил важнейшие тенденции того времени к синтезу различных видов искусств, постоянное нарушение границ между ними. Он был искусством риторическим. Его художественная система может быть описана не с помощью единичных признаков, а их пар, например, таких, как реалистический и условный способ отображения действительности. Школьный театр — это театр, искусство которого основано на контрасте. Каждая его черта входит в ряд противопоставлений. Риторическое слово контрастирует с примитивным натурализмом, аллегорические фигуры соседствуют с интермедийными героями, трагические события сменяются фарсовыми сценами. Школьный театр и многообразен и однообразен одновременно в своих темах, сюжетах, художественных приемах. Он участвовал в поисках «высшего» смысла, которые вело все искусство того времени, но, будучи искусством дидактичным, шел в этих поисках в одном направлении. Школьный театр, следуя правилам поэтики, стремился быть нормированным искусством, но на практике постоянно эти нормы нарушал, сдвигая границы жанров, порождая тем самым новые, контаминируя сюжеты, принадлежащие различным кругам. В Польше, на Украине и в России школьный театр наиболее полно выразил тенденции искусства барокко. Он был его проводником в славянских культурах, хотя, конечно, выполнял при этом различные общественные и культурные функции. В России, как известно, барокко были свойственны функции Ренессанса, которые, очевидно, были присущи и школьному театру.¹¹

¹¹ Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X—XVII веков, с. 210—217.

А. М. ПАНЧЕНКО

История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко

Те люди «бунташного» XVII в., которые очевидный для всех закат Древней Руси переживали как мучительную утрату, как национальную и личную катастрофу, не могли понять, чем плох освященный временем старинный уклад. Им было невдомек, какая надобность в коренной ломке жизни огромной страны, с честью вышедшей из испытаний Смуты и крепнувшей год от году. Их поистине апокалипсическому отчаянию всегда сопутствовало недоумение: «Русь, чего-то тебе захотелось немецких поступков и обычаев!»¹ Это недоумение сквозит, например, в соловецкой челобитной царю Алексею Михайловичу, составленной в сентябре 1667 г.² «Учат нас ныне новой вере, якоже ... мордву или черемису», — писали соловецкие монахи. Учат чему-то, о чем «не точию мы, но и прадеды, и отцы наши ... и слухом не слышали». «Неведомо для чего» — вот слова, которые выражают дух соловецкой челобитной.

В том, что Россия стала перенимать культуру европейского барокко, традиционалисты видели покушение на национальную историю. «Многие иноземцы посмехаютца нам и говорят, будто мы... веры по се время не знали, а будет и знали, то ныне заблудили, потому что де ваши книги переменены по новому и с прежними вашими книгами, кои при прежних царех были, нынешние книги ни в чем не сходятца, и нам, государь, противу их ругательствам ответу дать нечево, потому что они нас укоряют делом... Не вели, государь, тем новым учителем ... истинную нашу православную веру ... изменить... чтобы нам ... тою новою верою прародителей твоих государевых и святых не посрамить, а иноземцам и наемником ... впредь дерзновения не подати». Так сочинители челобитной высказали опасение за историческое достоинство Руси.

«Новые учителя», адепты барочной культуры, смотрели на дело в сущности так же, как соловецкие монахи, — только с противоположной стороны. Сильвестр Медведев, убеждая царевну Софью завести в Москве Академию, тоже с обидой писал о насмешках иностранцев:

Да не тому нам страннии смеются,
яко без света сущим ругаются.³

Этот уроженец Курска и природный русак вместе с соловецкими старцами тоже мог бы сказать: «Они нас укоряют делом». Но для верного

¹ Житие протопопа Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения. М., 1960, с. 136.

² Цит. по изд. в кн.: Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старобрядчества. СПб., 1912, с. 12—27.

³ Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970, с. 195.

ученика Симеона Полоцкого «понос России» состоял не в том, что «странный» кощунственно умаляют величие Руси. Вслед за ними Сильвестр Медведев признает, что Древняя Русь — страна без мудрецов, без света наук, где люди «шествуют во тме». Русская история — это «плохая» история, ее нужно строить заново, а для этого «просветити росссов». Так родилось европоцентристское пренебрежение к средневековой Руси. Так обозначились очертания главного спора эпохи — спора об исторической правоте. Одна сторона настаивала на величии, другая — на ничтожестве русской старинной культуры.

Обе стороны выставили различные доводы, но ограничили полемику узкими рамками. Она свелась к одному вопросу: древен ли русский церковный обряд — двушерстие, осьмиконечный крест и т. д. — или искажен невежественными переписчиками богослужебных книг за многие века, протекшие со времен Владимира Святого? Традиционалисты выглядели в этой полемике явно сильнее. Иначе, впрочем, и быть не могло: теперь установлено, притом установлено бесспорно, что русские вовсе не исказили обряд и что в Киеве в конце X в. крестились двумя перстами — точно так, как крестились в Москве в начале XVII в.⁴ Верность исторической правде (скорее интуитивная, нежели рациональная) позволила старообрядческим начетчикам создать монументальный и в своем роде образцовый труд — «Поморские ответы». Что касается западников, то им пришлось прибегнуть к прямым подлогам — таким, как пресловутое «Соборное деяние на еретика Мартина».

Споры традиционалистов и «новых учителей» — любопытная и поучительная страница из истории русской мысли. Оценивая их с позиций общей теории конфликтов, мы увидим, что это была настоящая война, а во время войны часто забывают о логике и нравственности. Мы найдем в этих спорах полный набор приемов, описанных Артуром Шопенгауэром в его мизантропической «Эристической диалектике»,⁵ — тех подвохов, к которым прибегают, чтобы любой ценой настоять на своем. Как всегда, из них на первом месте были *argumenta ad personam*, т. е. опровержение мыслей противника посредством опорочивания его как личности. Даже такой почтенный автор, как Дмитрий Ростовский, посвятил всю третью, заключительную, часть своего «Розыска» доказательствам «от лицемерного жития» защитников старого обряда. Такие доказательства Дмитрий Ростовский считал столь весомыми, что пользовался ими и в двух первых, «идеологических» частях. Наряду с историями, которые выглядят правдоподобно,⁶ в «Розыске» пересказаны явно нелепые сплетни о раскольничьих изуверствах, причем автор не гнушался ссылками на людей, подсматривавших за староверами в «малые скважни».⁷

Даже если закрыть глаза на все логические и нравственные издержки полемики между традиционалистами и «новыми учителями», придется признать, что эта полемика была в сущности безысходной. Не имело зна-

⁴ Краткую, но весьма квалифицированную и вполне достаточную справку о происхождении обрядовых различий у русских и греков см. в кн.: С. А. Зеньковский. Русское старообрядничество. Духовные движения семнадцатого века. München, 1970.

⁵ См. последнее немецкое издание: Arthur Schopenhauer. Der handschriftliche Nachlass. Teilsammlung. Herausgegeben von Arthur Hübscher. Bd III. Berliner Manuskrifte (1818—1830). Frankfurt am Main, 1970.

⁶ Вполне возможно, как утверждает Дмитрий Ростовский со слов Юрия Крижанича, что поп Лазарь, будущий союзник Аввакума по Пустозерску, пьянствовал в Тобольске, «яко ему некогда улицы бываху тесны» (Дмитрий Ростовский. Розыск о раскольничьей брынской вере. Киев, 1877, л. 52 об.). Но разве из этого можно вывести заключение, что «вера их неправа» и «учение их душевредно»?

⁷ Там же, л. 304 и след.

чения, кто знал факты и был им верен, а кто их не знал или фальсифицировал. Дело в том, что столкнулись разные идеи,⁸ что средневековой аксиоматике противостояла аксиоматика нового времени (в барочной окраске).⁹ Это был не историографический, а историософский спор — спор об историческом идеале, исторической дистанции, о соотношении человека и времени, о вечности и бренности, о прошлом, настоящем и будущем. В рамках историографии позволительно и резонно рассуждать, кто знает истину, а кто ошибается. Но историософские концепции — это аксиомы, которые не могут быть доказаны или опровергнуты. Безысходность полемики в том и состояла, что каждая из противоборствующих сторон стремилась только к решительной победе и не желала признавать историософского равноправия соперника. Поскольку за «новыми учителями» стояла могучая сила, государственная власть, наперед обеспечившая им эту победу, постольку полемика имела драматические и трагические последствия.

Следует отметить, что у полемистов «бунташного века» иногда заметны тенденции, которые можно обозначить как «историософское ощущение». Дмитрий Ростовский не случайно заметил и процитировал известное высказывание Аввакума о «бабе-поселянке», обладающей природным богопознанием, и не случайно закончил свое рассуждение об этом высказывании таким риторическим восклицанием: «О ума мужичьяго!».¹⁰ Напомним, что самым резким образом против «мужичьего ума» выступал Симеон Полоцкий:

Что наипаче от правды далеко бывает,
гласу народа мудрый муж то причитает.
Яко что-либо народ обыче хвалити,
то конечно достойно есть хулимо быти.¹¹

Согласно этому «историософскому ощущению», произошло столкновение принципиально различных, не сопрягаемых культур — «мужичьей» культуры Древней Руси и ученой культуры барокко. Но ни одна из сторон, занятая бесплодной полемикой по обрядовым вопросам, не сумела формализовать это «ощущение». Такая формализация не проделана и по сию пору.

Настоящие заметки и касаются «революции» в историософии. Это именно заметки, предварительный очерк темы, не столько исследование, сколько его программа, потому что многие и важнейшие аспекты того переворота, который Древнюю Русь превратил в новую Россию, остаются пока неясными.¹² Итак, обратимся к историософскому противостоянию русской старины и культуры европейского барокко.

Человеческое бытие, взятое в целом, трактовалось в Древней Руси как эхо прошедшего — точнее, тех событий прошедшего, которые отождествлялись с вечностью. Принцип эха можно приложить не только к церковному, но и к мирскому обиходу (во втором случае с некоторыми ограни-

⁸ Ср.: А. Н. Робинсон. Борьба идей в русской литературе XVII века. М., 1974.

⁹ О некоторых аспектах этого противостояния см. прекрасную работу С. Матхаузеровой (Две теории текста в русской литературе XVII в. — ТОДРЛ, т. XXXI. Л., 1976, с. 271—284).

¹⁰ Дмитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере, л. 41 об.—42.

¹¹ Стихотворение опубликовано в кн.: Л. Н. Майков. Очерки по истории русской литературы XVII и XVIII столетий. СПб., 1889, с. 119.

¹² Глубокие и меткие наблюдения об историософии русского средневековья сделаны Д. С. Лихачевым в его книгах: Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967; 2-е изд., доп. Л., 1971; Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973; «Слово о полку Игореве» и культура его времени. Л., 1978.

чениями). Церковная жизнь, по православным представлениям, составлялась из годовых кругов, в свою очередь делившихся на более мелкие отрезки — «седмицы», или недели, которые отсчитывались от пасхи. Церковный год был своеобразным эхом бесконечной череды годов, «обновлением» этой череды. Заметим, что в терминологии православного месяцеслова первая неделя после светлой называлась Фоминой, или «новой», неделей. Главное событие православия — воскресение Христово — «обновлялось» затем в течение всего церковного года, каждый седьмой день, когда совершается литургия и снова празднуется воскресение. Пасха, недели, наконец, год как таковой — все это как бы раскаты эха от одного события, которое одновременно существует в вечности, в историческом прошлом и в настоящем.

Церковный год в отличие от года языческого¹³ был не простым повторением, а именно отпечатком, «обновлением», эхом. Формально это подчеркнуто тем, что прямое повторение в церковном обиходе происходит только раз в 532 года, когда истекает полный индиктион. В этом большом временном промежутке некоторая «эхическая деформация» была неизбежной. Поясним это на примере.

Православная служба Николе Зимнему отправляется каждый год 6 декабря старого стиля. Это неподвижный праздник, его хронология не зависит от подвижной пасхи. В Минее служебной, естественно, фиксировался вполне определенный текст службы Николе Зимнему. На деле же эта служба всегда, т. е. все годы индиктиона, несколько видоизменялась, потому что изменялись сопутствовавшие празднику Николы Зимнего элементы церковного года: день «седмицы», на который приходилось 6 декабря, отношение этого неподвижного праздника к праздникам подвижным, отсчитываемым от воскресения, и т. п.

Необходимо подчеркнуть, что «обновление» в древнерусском понимании — это не «новаторство», не преодоление традиции, не разрыв с нею. Это нечто совсем иное, нежели «новины» патриарха Никона, против которых восстали традиционалисты. Если рассматривать «обновление» как движение, то это движение не только вперед, но и вспять, постоянная оглядка на идеал, который находится в вечности и в прошлом, попытка приблизиться к нему.

Человек с точки зрения православной культуры Древней Руси также был «эхом». Крестившись, человек становился «тезоименен» некоему святому, становился отражением, эхом этого святого. Подобно тому как Христос считался «новым Адамом» (т. е. Адамом до грехопадения, до изгнания из рая), человек средних веков в похвальных словах, реже в агиографии, мог называться, например, «новым Иоанном Златоустом» (если человека звали Иваном и его небесным патроном был Иоанн Златоуст), «новым Василием Великим» (если имя было Василий и день ангела приходился на 1 января). «Чин причащения» в Требниках XVII в. мог носить заглавие «Чин поновления». Это значит, что говевший, исповедавшийся и причастившийся святых тайн человек каждый раз «обновляется», т. е. очищается от греховных наслоений, становится ближе к идеалу. «Поновление» есть как бы «одревление» человека, в котором явственнее проступают черты идеала. Это хорошо выражено в приветствии выговских пустынножителей Андрею Денисову, автору «Поморских ответов», в день его именин (в день Андрея Стратилата): «Здравствуй всездравственно, превозделеннейший отче и честнейший тезоименниче, святого и великаго

¹³ В языческой модели господствовала идея круга, «коловращения жизни». Год как основополагающая временная единица слагался из раз навсегда данных, повторяющихся элементов. Красноречивая иллюстрация — устная календарно-обрядовая поэзия.

Стратилата всеблагоепное изображение, мужественного великодушия его всесветлое начертание».¹⁴

Чем ближе к оригиналу это «изображение» и «начертание», тем человек совершеннее, — и наоборот. Когда писатель начала XVII в. хотел обличить своего современника, казначея Федора Андропова, предавшегося полякам и заслужившего презрение патриотов, то этот писатель старался внушить читателям, что Федор Андронов нарушил принцип эха, что его поэтому надо называть «не во имя Стратилата» (именины злополучного казначея приходились на Федора Стратилата), а «во имя Пилата», «не во имя святителя, а во имя мучителя и губителя и гонителя веры христианские».¹⁵ Особенно замечательна в этой инвективе рифмованная речь. Рифма наглядно и акустически отсылает к принципу эха. Очень важно, что такой прием не единичен: Анну Михайловну Вельяминову, поклонницу патриарха Никона, дьякон Федор называл «Анна, Никонова манна».¹⁶

В Древней Руси церковное восприятие истории и человека в известной степени поддерживалось восприятием мирским. Считалось, что потомки как эхо повторяют предков, что существует общая для всех поколений родовая судьба, что индивидуальная судьба всецело ей подчинена. «Деды и прадеды — это всегда некоторое мерило добродетелей и славы внуков и правнуков».¹⁷ В этом смысле показательны традиции местничества (государь не может пожаловать «честью и местом», честь — это родовое достоинство), показателен и семейный обычай давать детям из поколения в поколение «мирские» имена одного семантического поля¹⁸ (ср., например, «мирские» имена, которые в XVI в. носили Фомины-Березуевские: Трава, Осока, Пырей, Отава, Вязель, Дятелина, Щавей). В XVII в. представления о родовой судьбе были еще живыми (хотя в этот период и началось их крушение). «Насколько прочно держались представления о родственной связи, когда давно ушли в прошлое все существенные стороны родового быта, можно видеть в духовной 1647 г. Степана Ивановича Самарина. Своими душеприказчиками Степан Самарин назначил Максима Ивановича Квашнина, Богдана Петровича Тушина и Ивана Ивановича Розладина. Кто не знаком с родословием Квашниных, тот не заметит, что все эти лица — Квашнины различных ветвей, причем Тушины пошли с конца XVI в., а Самарины и Розладины — с конца XV в., и что Степан Самарин находился с Богданом Тушиным в 14-й степени родства».¹⁹

Суммируя этот краткий и обрывочный экскурс в область древнерусской историософии, можно сформулировать ее основополагающий принцип: не человек владеет историей, а история владеет человеком. Культурологические следствия этой идеи чрезвычайно многообразны. Прежде всего следует подчеркнуть, что для средневековья историческая дистанция (когда, как давно это случилось?) не имеет особого значения. Культура с точки зрения средневековья — это сумма вечных идей, некий фено-

¹⁴ ГПБ, О. XV. 15, л. 49 об.—50.

¹⁵ См.: РИБ, т. XIII. СПб., 1909, стб. 214.

¹⁶ Материалы для истории раскола за первое время его существования, издаваемые ... под ред. Н. Субботина, т. VI. М., 1881, с. 228. Это рифмованное высказывание интересно сравнить с популярным в обиходе Киево-Могилянской академии палиндромом «Анна ми мати, та ми манна». Но палиндром — это всего-навсего техническое упражнение, так же как *carmina eschica* Симеона Полоцкого — не отражение средневекового принципа «эха», а типичная для барочного стихотворства «алхимия слова».

¹⁷ Д. С. Лихачев. «Слово о полку Игореве» и культура его времени, с. 55.

¹⁸ См.: С. Б. Веселовский. Ономастикон. М., 1974.

¹⁹ С. Б. Веселовский. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969, с. 284.

мен, имеющий вневременной и вселенский смысл. Культура не стареет, у нее нет срока давности. Это отношение к культуре как к бессмертному наследию прекрасно выразил протопоп Аввакум: «Сказать ли, кому я подобен? Подобен я нищему человеку, ходящу по улицам града и по окошкям милостыню просящу. День той скончав и препитав домашних своих, на утро паки поволокся. Тако и аз, по вся дни волочась, собираю и вам, питомником церковным, предлагаю, — пускай, ядше, веселимся и живи будем. У богатова человека, царя Христа, из Евангелия ломоть хлеба выпрошу; у Павла апостола, у богатова гостя, из полатей его хлеба крому выпрошу; у Златоуста, у торгового человека, кусок словес его получю; у Давыда царя и у Исаи пророков, у посадцких людей, по четвертине хлеба выпросил. Набрал кошел, да и вам даю, жителям в дому бога моего. Ну, ешьте на здоровье, питайтесь, не мрите с голоду».²⁰ «Окормляясь» сам как писатель и проповедник и «окормляя» своих читателей и слушателей, Аввакум не делает различий между Псалтырью царя Давида, между Евангелием и Иоанном Златоустом. Все «питатели» Аввакума — жители одного града, вечного града вечной культуры.

Что пришло на смену древнерусской историософии? Начнем рассмотрение этой проблемы со второстепенного на первый взгляд, но чрезвычайно характерного момента. «Новые учителя», люди типа Симеона Полоцкого (Сильвестр Медведев, Стефан Яворский, Димитрий Ростовский) — это полигисторы и библиофилы. Все они собирают громадные, состоящие из сотен томов личные библиотеки.²¹ Что касается писателей старинной ориентации, то у нас нет никаких сведений о больших библиотеках, бывших в их распоряжении. Напротив, мы можем предположить, что у них были маленькие библиотеки: до десятка книг, или две-три книги, или даже одна. Один из поэтов «приказной школы» так восхвалял (еще до раскола) справщика Михаила Рогова, впоследствии оставшегося верным старому обряду: «Любиши бо от души книгу, иже списа премудрый грек Максим».²² Иван Неронов, первый из «боголюбцев», учил народ тоже по одной книге — по «Маргариту» Иоанна Златоуста.

Чем это объяснить? С общепринятой эволюционистской точки зрения объяснение напрашивается само собою: Древняя Русь «шествовала во тме», оттого там и не было крупных личных библиотек. Они появились сразу же, как только поднялся уровень образованности в европеизированной России. Однако такое объяснение не учитывает многого: ни того, что древнерусское книжно-рукописное наследие колоссально; ни того, что «боголюбцы» и тот же Аввакум были весьма образованными людьми; ни того, наконец, что общий уровень грамотности в петровское время явно упал в сравнении с серединой XVII в. Специфика древнерусского отношения к книге становится понятной из первого «дополнительного рассказа» в «Житии» Аввакума. В кратком изложении дело сводится к следующему.²³

Царский духовник Стефан Вонифатьев благословил Аввакума (еще до протопопства) образом митрополита Филиппа и книгой Ефрема Сирина, — «себя пользоваться, прочитая, и люди». Аввакум променял книгу на лошадь, и бог наказал его дом. «...лошедь ту по ночам и в день стали беси мучить, — всегда мокра, ваезжена, и еле жива стала». Бесы мучили

²⁰ Житие протопопы Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения, с. 172.

²¹ См.: С. П. Луппов. 1) Книга в России в XVII веке. Л., 1970; 2) Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973.

²² Цит. по изд. в кн.: А. М. Панченко. Русская стихотворная культура XVII века. Л., 1973, с. 264.

²³ Житие протопопы Аввакума, им самим написанное, и другие его сочинения, с. 110—113.

и брата Аввакума, Евфимей, который «лошедь сию поил и кормил и гораздо о ней прилежал, презирая правило многожды». Евфимею было видение: «царевич и два князя бесовских» били его, приговаривая: «... нам-де ты отдан за то, что брат твой Аввакум на лошедь променял книгу». «Бился я с бесами, что собаками, — пишет Аввакум, — недели с три за грех мой, дондеже взял книгу и деньги за нея (лошадь, — А. П.) дал».

Отсюда ясно, что древнерусский человек состоял с книгой в особых отношениях. Книга — неотчуждаемое имущество, и не столько человек владеет книгой, сколько книга владеет человеком. Книга — вместилище вечных идей. Нелепо полагать, что вечные идеи могут заполнять сотни и тысячи томов. В таком случае это будет уже не мудрость, а суемудрие. Для Аввакума книга «душеполезна», как икона. Для библиофилов западного толка книги «интересны», интересны прежде всего своей новизной, непохожестью друг на друга. Чем их больше, тем лучше.

Перемена отношения к книге помогает понять и перемену отношения к истории, времени. Если прежде история определяла судьбу человека, то в XVII в. человек предьявил свои права на историю, попытался овладеть ею. В данном случае не важно, к кому ближе «новые учителя» — к Аристотелю, который считал время мерой движения, или к гуманистам, для которых время не имеет ни начала, ни конца, будучи и мерой, и измеримым.²⁴ Важно, что «новые учителя» провозглашают идею о едином, цивилизационном времени, как бы упраздняя различия между вечностью и бранным существованием. Событие независимо от его отношения к богу — это только «апликация» на бесконечном потоке времени.²⁵

Традиционалистам история необходима по той причине, что она «душеполезна», она врачует душу. Их противники также используют историю в дидактических целях. Так, Симеон Полоцкий в «Вертограде многоцветном» часто «апликует» некую назидательную мысль историческим примером. Но здесь история — не идеал, а иллюстрация. Отношение к ней не может быть сведено к «душеполезности». История также «интересна» сама по себе, вне отношения к богу, вечности и душе, как интересен самый процесс творчества и познания. Поэтому в «Вертограде многоцветном» нередки тексты, чтение которых не влечет за собою нравственного вывода. Здесь история являет собою нечто вроде рассыпанной мозаики, все фрагменты которой равноправны. Их равноправие, в частности, обусловлено тем, что все они отделены от времени, в котором живет автор, большей или меньшей дистанцией. Все это — дела давно минувших дней, которые прямо не касаются дел далеких потомков. К истории можно относиться как к уроку, ее можно «апликовать» на современность, она дает пищу для размышлений, для забавы, для развлечения. Но история — и в этом главное — нимало не предопределяет судьбу этих потомков, их земное бытие. Прошлое мертво.

С этим взглядом на историю связано «воскрешение прошлого» — идея, которой пронизана ранняя русская драматургия.²⁶ В прологе «Артаксергоса действия», первой пьесы русского театра, актеры обращались к зрителю-царю с такими словами:

Что же есть дивно,
яко Артаксеркс, аще и мертв, повелению твоему последует?
Твое убо державное слово того нам жива представляет...

²⁴ См.: А. К. Горфункель. Гуманизм и натурфилософия итальянского Возрождения. М., 1977, с. 190 и след.

²⁵ «Апликация» — термин XVII в. См.: Иоанникий Галатовский. Ключ разумения. Львов, 1665.

²⁶ См.: Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Изд. 2-е, доп., с. 321 и след.

Возри, како сей царь, ныне предстоя,
скифетр свой полагает к ногам вашего милосердиа
и како Есфирь, смиренно предстоя, припадает,
их же людие вси власти твоей покорно
по должности и к службе готови себе являют.²⁷

Здесь ясно выражена новая историософия. История — это память, поэтому ею владеет человек, который в состоянии ее «оживить», поставить себе на службу. Ветхозаветный Артаксеркс в пьесе изображается вне Христа, вне вечности, безотносительно к ним, не как символ, а сам по себе, как «апликация». Он сопоставлен только с царем Алексеем Михайловичем — и то лишь потому, что оба они «потентаты», государи. Из этого сопоставления двух государей, «оживленного» и здравствующего, каждый с помощью простейшей логической операции мог сделать вывод, что в будущем люди сходным образом «оживят» и царя Алексея. Так в русской культуре появилась идея бесконечности истории, так началась переориентация на будущее.

Вернемся, однако, к русскому театру. Как известно, Симеон Полоцкий написал для него две пьесы — «О Навходоносоре царе, о теле злате и о трех отроцех, в печи не сожженных» и «Комидию притчи о блудном сыне». Тематически первая из них совпадает с чином пещного действия, который совершался примерно за неделю до Рождества и символизировал его: подобно тому, как пещной огонь не опалил трех отроков, божественный огонь, вселившийся в деву Марию, не опалил ее естества.²⁸ В отличие от чина пьеса Симеона Полоцкого не имела никакого символического смысла. Ее задача — «оживить» историческое происшествие:

То комидийно мы хошем явити
и аки само дело представити
Светлости твоей и всем предстоящим
князем, бояром, верно ти служащим,
Во утеху сердец...²⁹

Здесь опять-таки находим параллель между двумя равноправными персонажами истории — царем Навходоносором и царем Алексеем (строго говоря, они не вполне равноправны: царь Алексей — благодетель, а «Навходоносор не тако живяше»). Эта параллель выражена «комидийно». Принято считать (и правильно), что слово «комидия» в эпоху рождения русского профессионального театра означало пьесу вообще. Но в риторике, которую Симеон Полоцкий знал досконально, существовало понятие «argumentum comoediagum» — «не истинное, но правдоподобное» изображение прошлого.³⁰ Чин пещного действия был «истинным», «комидия» Симеона Полоцкого — всего лишь «правдоподобной», она допускала вымысел, личное вмешательство в историю (недаром до сей поры не выяснены все источники пьесы «О Навходоносоре царе»).

Чин пещного действия и пьеса Симеона Полоцкого с историософской точки зрения состоят в антагонистических отношениях: на смену вере приходит культура. Возможно, есть резон говорить об антагонизме и с точки зрения историографической. Приблизительно в то время, когда Симеон Полоцкий сочинил свою «комидию», чин пещного действия был

²⁷ Ранняя русская драматургия (XVII—первая половина XVIII в.). Первые пьесы русского театра. М., 1972, с. 103, 105.

²⁸ См.: Н. В. Понурко. Русские святки XVII в. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 84—99.

²⁹ Ранняя русская драматургия (XVII—первая половина XVIII в.). Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII в. М., 1972, с. 162.

³⁰ Heinrich Lausberg. Handbuch der literarischen Rhetorik. 2. Auflage, Bd I. München, 1973, S. 165—166.

упразднен. Царь уже не участвовал в чине (прежде это участие было обязательным). Царь «утешал сердце» пьесой на ту же тему — «не истинной, но правдоподобной». К сожалению, мы не знаем, когда была написана пьеса «О Навходоносоре царе». Известен лишь документ от 24 февраля 1674 г., в котором идет речь о жалованье мастерам за переплетение «книги комидии о царе Навуходоносоре». ³¹ Это не очень далеко от рождества. Может быть, пьеса Симеона Полоцкого не только идеологически, но и хронологически служила заменой чина печного действия?

Н. В. Поньрко в работе о святках (см. выше, примеч. 28) показала, что церковный обряд и народные празднества не были отделены китайской стеной, что на Руси существовал какой-то симбиоз обряда и карнавала. В связи с этим пьеса «О Навходоносоре царе» особенно интересна: она направлена против древнерусской традиции в целом, она знаменует торжество новой культуры. Сходную идеологическую нагрузку, по-видимому, несет и «Комидия притчи о блудном сыне». Великому посту предшествуют четыре приуготовительных недели: о мытаре и фарисее, о блудном сыне, мясопустная и сыропустная. Все это — масленица (в узком смысле масленица ограничена только сыропустной неделей). Как и святки, масленица тоже объединяла церковную и народную обрядность (показательно, например, что языческая по происхождению масленица, связанная с днем весеннего солнцеворота, стала подвижной, т. е. зависимой от пасхи!). ³² Полемизируя «Навходоносором» со святками, Симеон Полоцкий «Комидией притчи о блудном сыне» полемизировал с масленицей, с одной из приуготовительных к великому посту недель. Происходила замена веры культурой, обряда зрелищем, обихода «утехой», «прохладой», развлечением. Может быть, именно поэтому царь Алексей десять часов подряд высидел на первом спектакле: он не мог покинуть театр, ибо привык к тому, что нельзя покинуть храм.

Переориентация на будущее особенно наглядна в изменении отношения к Страшному суду. Для русского средневековья исход человеческой истории предопределен раз и навсегда. Это — Страшный суд, светопредставление. Для средневекового сознания проблема состояла не в том, что наступит в будущем, а в том, когда это совершится. Средневековье жило в напряженном ожидании Страшного суда и постоянно «вычисляло» его. Эти эсхатологические ожидания особенно характерны для старообрядцев. ³³ Они думали, что светопредставление будет в 1666 г., потом — в 1699 г., а также и в другие годы в этом тридцатитрехлетнем промежутке. Инок Авраамий писал: «Инаго уже отступления нигде не будет, везде бо бысть последнее Руси, и тако час от часа на горшая происходят». ³⁴

В барочной культуре тема Страшного суда — одна из ведущих. Русская литература кануна и эпохи преобразований знает много произведений на эту тему — и среди них монументальные поэмы «Пентатеугум» Андрея Белобоцкого и анонимная «Лествица к небеси». ³⁵ Но это именно

³¹ С. К. Богоявленский. Московский театр при царях Алексее и Петре. М., 1914, с. 37.

³² Н. В. Поньрко. Пасхальный смех на Руси (от масленицы до воскресения) (машинопись).

³³ Из новейших работ на эту тему см.: Н. Н. Покровский. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974.

³⁴ Цит. по изд. в кн.: Я. Л. Барсков. Памятники первых лет русского старообрядчества, с. 162.

³⁵ А. Х. Горфункель. «Пентатеугум» Андрея Белобоцкого. — ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965, с. 44 и след.; Александра Каминьска. О языке перевода «Пентатеугума» Андрея Белобоцкого. — Acta Universitatis Wratislaviensis, N 381; Slavica Wratislaviensis, t. XII, Wrocław, 1977, s. 133—145; Lucjan Suchanek. Rosyjski poemat eschatologiczny epoki baroku. — Slavia Orientalis, 1975, N 1, s. 39—44. Пользуясь случаем, замечу, что Л. Суханек напрасно приписывает мне атрибуцию

тема, это культура, а не вера. В православной церкви в неделю мясопустную совершалось действо Страшного суда (на площади за алтарем Успенского собора). В нем непременно участвовали патриарх и царь. Кончалось действо тем, что «патриарх отирал губкою образ Страшного суда... , осеял крестом и кропил святою водою государя, властей духовных и светских и всенародное множество, присутствовавшее при совершении сего обряда».³⁶ Отирание губкой и было «обновлением» в древнерусском смысле, оно как бы сближало бранных людей и вечность, напоминало о том, что Страшный суд может настать в каждый миг. Действо в неделю мясопустную разделило участь и пещного действа, и шествия на осяти: все они были отменены.

Новая историософия не боялась Страшного суда, не думала в отличие от инока Авраамия, что «час от часа на горшая происходят». Димитрий Ростовский прямо писал: «Нам же... довлеет комуждо на всяк день и на всяку ночь чаяти неизвестнаго часа кончины жизни своей, и ко исходу быти готову. То нам Страшный суд комуждо свой, прежде общаго всем Суда страшнаго, а о самом времени самого страшнаго дне суднаго не испытovati. Довлеет веровати, яко будет... , а когда будет, о том не любопытствовати, но слушати словес господних, глаголющих: о дни же том и часе никто же весть».³⁷

Отсюда ясно, что в европеизированной культуре идея Страшного суда превратилась именно в идею, стала чем-то «нечувственным», бесконечно далеким, не учитываемым в исторических прогнозах. Из предмета веры Страшный суд стал предметом искусства, даже предметом ученических упражнений в стихотворстве (ибо «Лествица к небеси» — это сочинение ученика новгородской школы митрополита Иова). Исторический акцент переместился с прошлого на будущее, и русские люди — та их часть, которая строила или приняла новую культуру, — перестали думать о сроках светопреставления и готовиться к нему. В связи с этим естественно изменилось и отношение к настоящему. Если прежде настоящее воспринималось как эхо вечности, эхо прошедшего, то теперь оно стало зародышем будущего. Понятие «обновления» приобрело тот смысл, которое оно имеет и сейчас. Для барочной культуры «обновление» — это дело рук человеческих, это накопление нового, того, чего не делали раньше. Барочная «новизна» есть преодоление прошлого, а в русских условиях — полный и решительный с ним разрыв.

Что касается ревнителей древнего благочестия, то новая историософия, отодвинувшая Страшный суд в бесконечное будущее, превратившая его в мираж, — эта историософия для них как раз и означала реально наступивший конец света. Напомним, что эсхатологическое отчаяние проявлялось в России задолго до раскола церкви (учение Капитона о «самоуморении»). Следовательно, не реформа Никона в этом повинна, а перестройка древнерусской жизни вообще. Верхи предлагали русским людям новое будущее. Но с точки зрения тех, кто не мог отрешиться от средневекового сознания, этим верхи будущее у них отнимали. «Самоуморения» и самосожжения, которые в совокупности не поддаются никакому рациональному объяснению, и были попыткой вернуть это утраченное будущее.

«Лествицы к небеси» Кариону Истомину. В книжке «Русская стихотворная культура XVII века» (Л., 1973, с. 205) я пишу только о том, что поэзия Кариона повлияла на «Лествицу к небеси».

³⁶ И. Е. Забелин. Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст., ч. 1. Изд. 3-е. М., 1895, с. 398.

³⁷ Димитрий Ростовский. Розыск о раскольнической брынской вере, л. 62 об.

В культуре верхов новая историософия дала своеобразные и несколько неожиданные плоды. Она породила так называемое окказиональное искусство.³⁸ Если в первых спектаклях театра царя Алексея использовались (для костюмов и реквизита) дорогие, «подлинные» материалы — такие же, как в храме, то при Петре триумфальные арки строились из досок и раскрашенного холста. Это было искусство, рассчитанное на короткую жизнь. Символом окказионального искусства можно считать фейерверки, столь любимые в петровское время. Искусство стало фейерверком, ослепительной и красивой, но мгновенной вспышкой, которая тут же гасла. Тогда думали, что настоящее искусство — в будущем. Средневековью с его ориентацией на вечность, на прошлое была одновременно присуща любовь к настоящему, к земной реальности. Петровская эпоха, начертавшая на своем знамени лозунг полезности, нетерпящая к созерцанию и богословствованию, — это в сущности эпоха мечтателей.

При всем драматизме историософской «революции» XVII — начала XVIII в. мы должны сознать, что это был не только переворот, но и процесс, зревший в недрах русской жизни.³⁹ Одна из главных тем анонимного искусства XVII в. (анонимные произведения адекватнее всего отражают «ментальность» среднего человека) — это тема разрыва с традицией. Сильнее всего она звучит в «Савве Грудцыне» и в «Горе-Злочиствии». Человек XVII в. переставал быть «эхом истории», приобретал индивидуальную судьбу. Это видно хотя бы по тому, как изменились в эту эпоху помянники. «В поминаниях XVII в. мы видим обыкновенно только ближайших родителей, т. е. отца, мать, братьев и сестер, ближайших родственников матери, реже деда и бабки. Поминания XV в., а отчасти и первой половины XVI в. обыкновенно содержат большое количество лиц многих поколений, иногда за 200 и более лет. Это с несомненностью показывает, что сознание родовой связи в XVII в. значительно ослабло и сузилось, культ почитания отдаленных предков выходил из употребления, и это являлось отражением распада старых понятий рода».⁴⁰

³⁸ Этот термин ввел в историю искусства Юлиуш Хропчицкий в статье «Окказиональная архитектура барокко», опубликованной в сб.: *Wiek XVII — Kontreformacja — Barok*. Red. J. Pels. Wrocław, 1970, s. 229—254.

³⁹ См. об этом интересные наблюдения в кн.: А. С. Демин. *Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века*. Новые художественные представления о мире, природе, человеке. М., 1977.

⁴⁰ С. В. Веселовский. *Исследования по истории класса служилых землевладельцев*, с. 20.

О подделках А. И. Сулакадзевым древнерусских памятников (место мистификации в истории культуры)

1

Уже при жизни А. И. Сулакадзева (1771—1830)¹ мистификаторский характер его деятельности не составлял секрета для большинства любителей славянских древностей.² В подлинности хранившихся у Сулакадзева письменных редкостей сомневался даже Державин, который рискнул опубликовать «Боянов гимн» и «Ответы новгородских жрецов» в «Рассуждениях о лирической поэзии или об оде».³ Куда более загадочными подлоги этого библиофила, чудака, всезнайки, неудачливого драматурга и собирателя слухов выглядят в наши дни. Подлоги Сулакадзева не были отягощены меркантильными соображениями, как это имело место в случае с А. И. Бардиным,⁴ и за редкими исключениями (текст «О воздушном летании в России в 906 лета по Р. Х.»⁵) не вызывались идеологическими интересами, подобными пристрастию И. П. Сахарова к культуре допетровской Руси.⁶ Не имея намерения целенаправленно домысливать течение исторических событий, Сулакадзев с одинаковой охотой вторгался в языческое прошлое славян, фальсифицировал данные об основании Валаамского монастыря («Опыт древней и новой летописи Валаамского монастыря»⁷) или вставлял легендарные сведения в рассказы очевидцев

¹ Дата смерти Сулакадзева установлена в кн.: Ю. И. Герасимова. Восстание 14 декабря 1825 г. и современники. (По записным книжкам А. И. Сулакадзева). — Изд., т. 96. К 150-летию восстания декабристов. М., 1975, с. 79.

² См. свидетельства А. Н. Оленина (С. П. Жихарев. Записки современника. М.—Л., 1955, с. 436—437), П. М. Строева (Н. Барсуков. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878, с. 238—239), А. Х. Востокова (Переписка А. Х. Востокова с объяснительными примечаниями И. Срезневского. СПб., 1873, с. 392) и А. П. Протасова (Г. П. Смирнов-Платонов. Александр Павлович Протасов. — Русский архив, 1897, т. 9, кн. 3, с. 113).

³ Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота, т. 7. СПб., 1872, с. 585—587.

⁴ М. Макаренко. Молитовник великого князя Володимера и Сулакадзев. — В кн.: Статьи по славянской филологии и русской словесности в честь акад. А. И. Соболевского. Л., 1928, с. 484; М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев). — В кн.: Проблемы источникововедения, т. V. М., 1956, с. 45 и след.; П. Н. Берков. О людях и книгах. (Из записок книголюба). М., 1965 (гл. «Книжные мистификации и подделки»).

⁵ В. Ф. Покровская. Еще об одной рукописи А. И. Сулакадзева. (К вопросу о поправках в рукописных текстах). — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 634—636.

⁶ А. Н. Пыпин: 1) История русской этнографии, т. I. СПб., 1890, с. 276—313; 2) Подделки рукописей и народных песен. СПб., 1898 (ПДП, т. СХХVII), с. 31; ср. еще: А. М. Лобода. Русский богатырский эпос. Киев. 1896, с. 59—63.

⁷ См. об этом: Переписка А. Х. Востокова..., с. 390; И. Шляпкин. Рукопись Валаамского монастыря. — Библиограф. Вестник литературы, науки и искусства, 1889, № 10—11, с. 198—200.

о пугачевском восстании. (В Рукописном отделе БАН (ф. 16, оп. 3, ед. хр. 20) имеется сборник материалов «О ящком беспокойстве и оренбургской осаде и о бунтовщике Пугачеве. Сочинение. 1773» с заметками Сулакадзева. На полях, напротив процитированного манифеста императрицы с упоминанием о генерал-майоре В. А. Каре, который, как известно, едва прибыв к войскам, сдал команду генерал-майору Ф. Ю. Фрейману, рукой Сулакадзева приписано: «NB. Про сего генерала-Кара сказывал современник его, что он Пугачева преследовал и не брал его, для того что когда тот какой городок ограбит, а равно и селеньи, то Кар и нападет, и отнимет все награбленное себе, и потом опять следом идет за бунтовщиками, и коль скоро они награбят скот и ждут, посему и сделался великой богачь, а Пугачева не поймал» (л. 46 об.). В действительности подвергшийся опале В. А. Кар разбогател благодаря умелому ведению хозяйства в своем имении).⁸

Лишь в малой степени огрубляя суть дела, можно утверждать, что мистификации Сулакадзева служат примером своего рода искусства для искусства (хотя бы и несовершенного с технической, в частности с палеографической, точки зрения). Лишенные связывающей их воедино прагматической задачи, они оказываются не столько выражением персональных установок автора, сколько результатом действия надперсональных сил — следствием тех представлений, которые стали общим достоянием эпохи раннего романтизма.⁹ Вот почему разгадать загадку этих подделок — значит увидеть в них одну из культурных возможностей, которыми располагала познавательная практика начала XIX в.¹⁰

2

Чтобы проникнуть в логическую подоплеку романтических мистификаций, необходимо предварительно уяснить себе, в чем состоит сущность мистификации как таковой. Убедительное и достаточно эксплицитное определение этой сущности было предложено в конце 1920-х гг. Е. Л. Ланном (испытавшим, судя по всему, воздействие идей М. М. Бахтина,¹¹ которые могли быть усвоены при посредничестве переводчика В. О. Стенича, знавшего того и другого): «Дар „стилизации“ не исчерпывается умением овладеть чужой манерой художественного выражения <...> Творческий процесс, знакомый стилизатору, глубже и сложнее, чем это может показаться. Он разбивается на две стадии. Первая — создание образа того автора, который подложит стилизации. Вторая — создание героев в пределах чужого психического мира. Первая стадия протекает по общим законам психологии творчества — *создаваемый автор есть тот же*

⁸ На обороте переплета сборника «О ящком беспокойстве...» содержится перечень соотнесенных с пугачевщиной иконографических и печатных документов (всего 16 единиц), которые попали в библиотеку Сулакадзева, по-видимому, до 14 декабря 1816 г. (дата приобретения этой рукописи). На последней странице дневника пугачевского бунта находим еще одну любопытную запись Сулакадзева: «NB. А с Пугачевым ехал на телеге известный поп Пылай <...> коего образ жизни не мог быть лучше употреблен, как на подобные с преступниками путешествия: а сына (или внука) сего попа Пылая знал в школе Преображенского полку около 1790 года» (л. 85).

⁹ Ср.: М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX века... с. 73.

¹⁰ Ср.: «...изучение подделок не имеет серьезных отличий от изучения подлинных памятников...» (Д. С. Лихачев. К вопросу о подделках литературных памятников и исторических источников. — ИА, 1961, № 6, с. 149).

¹¹ Ср. особенно утверждения о карнавальной природе мистификаций: Е. Ланн. Литературные мистификации. М.—Л., 1930, с. 207 и след.

герой — но тем-то и отлично дарование стилизатора от нормального художественного дара, что, создав автора, стилизатор умеет выключить свой опыт и увидеть героев *чужими* глазами. Это значит, что содержание психического мира третьего лица он умеет делать своим собственным. Неважно, существовал ли этот третий, либо создан, как создаются герои <...> Двойная задача всегда стоит перед стилизатором: прежде чем раскрыть объект, надлежит создать субъект, который и раскроет этот объект <...> Этот признак — построение *субъекта* — отличает мистификацию от нормального произведения. Каждая мистификация строит автора, т. е. очерчивает контуры его мироощущения и находит манеру художественного выражения». ¹² Как нетрудно заключить из выписок, мистифицирующий читателя текст отклоняется от обычных речевых заимствований за счет того, что являет собой случай квазицитирования. Подражательное слово отправляет нас к тому лицу, которое никогда его не произносило (хотя и могло бы произнести), в то время как сам стилизатор остается в тени. Отсюда мистификацию удобно описывать в качестве особой разновидности сообщений, поддающихся под понятие так называемой «модальной лжи», которая вводит в речь «внеситуационного субъекта» и возникает, как правило, тогда, когда говорящий старается снять с себя ответственность за высказывание. ¹³

Переходя теперь к разбору тех обстоятельств, в силу которых культура первой четверти XIX в. поощряла создание стилизованных, в том числе подложных, текстов, следует напомнить о том, что романтизм, по Д. С. Лихачеву, принадлежит к «вторичным стилям», сближаясь с барокко и расходясь с таким «первичным стилем», как классицизм. ¹⁴ Для дальнейшего изложения важно, что «все вторичные стили пытаются повысить в искусстве коэффициент условности». ¹⁵ Если согласиться с этим наблюдением, то формирование «вторичных стилей» естественно связать с таким процессом, в результате которого мир реалий (вещей и ситуаций) получает признаки смыслового мира, запечатлеваемого в речи, поскольку, вообще говоря, отношение словесных знаков к сопряженным с ними явлениям неодинаково в сменяющихся одна другую культурах. ¹⁶ «Вторичные стили» придают социофизической действительности черты своего рода «текста», требующего «прочтения». Сообщения, циркулирующие в этих условиях, не указывают на реалии непосредственно, но выступают в качестве *вторичных* текстов по отношению к «текстам» бытия. В восприятии Чаадаева человеческое слово — «слабое подобие глагола могущаго, который яснее и звонче всякого человеческого голоса в ограниченном пространстве раздается в беспредельности вселенной». ¹⁷ Недаром для романтизма столь показательно сравнение природной среды с миром языка (равно как для барокко характерно соположение вселенной в одном метафорическом ряду с книгой, театральным зрелищем, музыкаль-

¹² Там же, с. 52—54; ср. упрощенную передачу этих положений (без ссылки на автора): Ю. Масанов. Литературные мистификации. — Советская библиография, сб. 1 (18). М., 1940, с. 127.

¹³ Ю. И. Левин: 1) О семиотике лжи. — В кн.: Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам, вып. 1 (5). Тарту, 1974, с. 247; 2) О семиотике искажения истины. — В кн.: Информационные вопросы семиотики, лингвистики и автоматического перевода, вып. 4. М., 1974, с. 109.

¹⁴ Д. С. Лихачев. Развитие русской литературы X—XVII веков. Эпохи и стили. Л., 1973, с. 176 и след.

¹⁵ Там же, с. 179.

¹⁶ См. подробнее: И. П. Смирнов. Художественный смысл и эволюция поэтических систем. М., 1977; ср.: В. Н. Волошинов. Слово и его социальная функция. — Литературная учеба, 1930, № 5, с. 45—46.

¹⁷ Соч. и письма П. Я. Чаадаева, т. I. Под ред. М. Гершензона. М., 1913. с. 145.

ным произведением и живописным полотном); превращение хаоса в космос для искусства начала XIX в. есть не что иное, как акт языкового творчества:

Он к небу взор возвел спокойный,
И к богу гимн в душе возник;
И дал земле он голос стройный,
Творенью мертвому язык.¹⁸

Рост конвенциональности, которым отмечены «вторичные стили», объясняется, стало быть, тем, что эти художественные (и — шире — культурные) образования вменяют обозначаемым объектам до известной степени произвольное содержание.¹⁹ Оно слабо предсказуемо под углом зрения обыденного сознания, так как делается прозрачным только после принятия некоего допущения, устанавливающего правила, которые позволяют «вчитаться» в смысл явлений. «Роза кивает на девушку, девушка на розу. Никто не хочет быть самим собой»,²⁰ — писал Мандельштам о символизме — еще одном «вторичном стиле»,²¹ если следовать за Д. С. Лихачевым.²²

Взгляд на вещи как на подобия знаков предполагает умаление чувственного опыта («... все важнейшие открытия сделаны вследствие неверных опытов», — провозглашал В. Ф. Одоевский²³) и перемещение на передний план сверхчувственного познания²⁴ (колеблющегося в значительном диапазоне: от мистицизма и трансцендентализма до мыслительного эксперимента и абстрактного моделирования). Дабы раскрыть значение «текстов» бытия, художник обязан приобщиться замыслу их создателей или создателя («вдохновиться»), сопережить этот замысел, недоступный для прямого наблюдения. Как раз по этой причине форма существования «вторичных стилей» и становится стилизация. Субъект, которого постигает (моделирует) стилизатор и которому присвоена роль творца действительности, может опознаваться и в качестве другого автора²⁵ (тогда действительность эстетизируется, превращается в продукт

¹⁸ А. С. Хомяков. Стихотворения и драмы. Л., 1969, с. 73.

¹⁹ Ср.: Ю. Лотман, Б. Успенский. О семиотическом механизме культуры. — В кн.: Труды по знаковым системам, вып. 5. Тарту, 1971, с. 151 и след.

²⁰ О. Манделъштам. О поэзии. «Academia», Л., 1928, с. 41.

²¹ О восприятии естественных фактов как знаков в символистском искусстве см.: З. Г. Минц. Понятие текста и символистская эстетика. — В кн.: Материалы всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам, вып. 1 (5). Тарту, 1974, с. 134 и след.

²² Нужно оговориться, что содержание картины мира, которое утверждается «вторичными стилями», произвольно только с точки зрения внешнего наблюдателя. Для авторов этой картины каждый ее элемент получает значение, мотивированное тем, что он эквивалентен какому-то другому элементу. При таком подходе не будет выглядеть неправомерной мысль Ж. Женетта о том, что поэтика романтизма, символизма и современной эпохи в одинаковой мере основывается на «принципах эквивалентности и мотивации» (Gérard Genette. Formalisme et Langage poétique. — Comparative Literature (University of Oregon), 1976, vol. XXVIII, № 3, p. 242). В связи с этим Ж. Женетт противопоставляет идею «миметического поэтического языка», преобладающую, по его мнению, в научных концепциях наших дней, докторине «автономного поэтического языка», отстаивавшейся в 1910—1920-х гг. русскими формалистами (Ibid., p. 237).

²³ В. Ф. Одоевский. Русские ночи. Л., 1975, с. 219.

²⁴ Ср. замечание Цв. Тодорова о «панзнаковости», присущей фантастическим повестям романтизма, в которых «граница между физическим и ментальным, между материей и духом, между вещью и словом перестает быть непроходимой» (Tzvetan Todorov. Introduction à la littérature fantastique. Paris, 1970, p. 119).

²⁵ Ср. об ориентированности литературной коммуникации на другого автора в эпоху барокко: И. А. Чернов. Из лекций по теоретическому литературоведению, I. Барокко: литература/литературоведение. Тарту, 1976, с. 147 и след.; ср. в этой связи выдвинутое положение жанра стихотворного послания к литературному единомышленнику или противнику в поэзии барокко и романтизма.

художественной активности), и в качестве демиурга (ср., с одной стороны, подъем религиозных настроений в периоды господства «вторичных стилей», а с другой — атеизм, усиливающийся в эпохи Возрождения, классицизма и во второй половине XIX в.). Но как бы ни оценивались «тексты», из которых составлен мир (как художественно отмеченные, как сакральные или как-нибудь иначе), «построение субъекта», стоящего за ними, неизбежно предшествует в романтизме и других сходно устроенных системах передаче объективного окружения.

В таком освещении мистификация предстает как крайнее проявление той двухступенчатой логики, которая порождает «вторичные стили». Мистификатор имитирует чужое восприятие событий (то есть привносит в свою речь чужую модальность) либо для описания *заведомо отсутствующих, несуществующих объектов* (подделки исторических документов, мемуаров и пр.), либо для создания сообщений, которые *вообще не поддаются проверке*. В первом случае мистификатор покушается на то, чтобы захватить место, отводимое демиургу, во втором — присваивает себе права другого автора, так как именно эстетические суждения нельзя считать ни фактическими, ни фиктивными.²⁶ Закономерно, что в литературном творчестве, которое культивируется «вторичными стилями», грань, разделяющая стилизации и мистификации, оказывается размытой. Единственное, что позволяет ощутить ее, — это целеустановка, присутствующая в памятнике: мистификатор утаивает свою причастность к порождению текста, стилизатор открыто черпает из той или иной речевой традиции.

Впрочем, как показывает материал, мистификации бывают известны и эпохам «первичных стилей». Это обуславливается, в частности, тем, что любая фаза поздней истории неоднородна по своему культурному составу. Эволюционно продвинутые и уже преодоленные художественные нормы сосуществуют и соперничают друг с другом. Хотя поддельное продолжение пушкинской «Русалки» увидело свет в «Русском архиве» в 1897 г., выполненную Д. П. Зуевым на склоне лет подделку²⁷ правомерно толковать как неизжитое наследие романтической поры. Обращение к авторитету Пушкина было призвано оправдать несвоевременную попытку возрождения романтического искусства. Кроме того, мистификаторская деятельность, которой занимаются сами представители «первичных стилей», обычно не дает текстов, в чью истинность должен непременно поверить читатель. Эти мистификации носят комическую, заведомо несерьезную окраску, причем они *дискредитируют* лицо, которому приписываются, отчуждают литературную маску от ее реальных носителей (лучший пример — маска Козьмы Пруткова). Иначе говоря, большинство мистификаций, получающих хождение в «первичных стилях» (в том числе и во второй половине XIX в.), представляет собой пародийное переосмысление художественной логики, типичной для «вторичных стилей» (ср. дурачившие пушкинистов символистской поры подделки пост-символиста Боброва). С другой стороны, если в рамках какого-либо «первичного стиля» фабрикуется фиктивный документ, претендующий на подлинность, то у такого рода текста, как правило, имеется реальный автор, который не скрывает своего облика под маской, морочащей аудиторию. Это не мистификация в собственном смысле слова, а лжесвидетельство.

В целом же необходимо признать, что переход от «вторичных стилей» к «первичным» заметно снижает распространенность мистифика-

²⁶ John R. Searle. The Logical Status of Fictional Discourse. — New Literary History. Journal of Theory and Interpretation, 1975, vol. VI, N 2, p. 325 et sqq.

²⁷ См. подробнее: Подделка «Русалки» Пушкина. Составил А. С. Суворин. СПб., 1900.

ций,²⁸ нередко сопровождается выступлениями, разоблачающими создателей подделок и пересматривающими фальсифицированные исторические сведения. Что касается XVIII в., то достаточно будет указать на сомнения Ф. А. Эмина в достоверности отдельных родословных, занесенных в Бархатную книгу, или на предпринятый В. Н. Татищевым критический анализ подложной грамоты, которую Никон связал с именами Андрея Боголюбского и константинопольского патриарха Константина.²⁹ Аналогичная обстановка сложилась и во второй половине XIX в., когда подлоги сделались предметом обсуждения в уже упоминавшихся трудах А. Н. Пыпина,³⁰ в направленных против И. П. Сахарова комментариях, которыми П. А. Бессонов снабдил фольклорные записи П. В. Киреевского, и т. п.

3

Несмотря на то что все «вторичные стили» солидарно тяготеют к введению в культурный оборот мнимых памятников, каждой из этих смысловых систем присущ свой, исторически неповторимый вид мистификаторства.

Фундаментальная предпосылка романтизма состояла в восприятии обозначаемых объектов как не равных самим себе. Объекты, включенные в романтическую картину мира, наделялись свойством *нерефлексивности*, если прибегнуть к словарю логики. Благодаря этому свойству явления внешней среды получали по меньшей мере двойное содержание: возникала ситуация, напоминавшая ситуацию языковой *омонимии*.

Романтический герой занимал промежуточное, пограничное положение в обществе (ср., допустим, «Недоносок» Баратынского) и во времени («Таковы все мы, рожденные на границе двух веков <...> восемнадцатый нас тянет за ноги к земле, а девятнадцатый — за уши кверху <...> На прошлое мы недоумки, в настоящем недоросли, а в будущем недоверки»³¹). Нетождественная себе личность была прежде всего личностью исторической, изменяющейся, попадающей в необратимые (то есть развертывающиеся во времени) ситуации. Вместе с тем она стремилась к погружению в вымышленную действительность (подобно Репетилову, Хлестакову и многочисленным фактическим двойникам этих сценических персонажей³²) или становилась жертвой клеветы и ошибочных определений, испытывала отчуждение неотчуждаемой собственности («Нос»), деперсонализацию («Портрет») или же перенимала особенности другого «я». Любовная лирика романтической поры варьировала «мотив подмены»³³ и, шире, трагического влечения к тому, что исключало данное.

²⁸ Интересно, что на место мистификации (свое как чужое) в «первичных стилях» приходит плагиат (чужое как свое) и различные формы отклонения от канонического авторского права (ср. постсимволистский коллаж).

²⁹ Обзор этих разоблачений см., например: А. Введенский. Фальсификация документов в московском государстве XVI—XVII вв. — В кн.: Проблемы источниковедения, сб. 1. М.—Л., 1933, с. 89 (здесь же литература вопроса).

³⁰ Стоит сказать, что А. Н. Пыпин лишь к концу жизни проникся скепсисом по отношению к Краледворской и Зеленогорской рукописям. Об эволюции взглядов А. Н. Пыпина на эти подделки см.: Л. П. Лаптева. Краледворская и Зеленогорская рукописи и их оценка в России XIX и начала XX вв. — *Studia Slavica*, 1975. т. XXI, с. 76 et sqq.

³¹ А. А. Бестужев-Марлинский. Соч. в 2-х т., т. 2. М., 1958, с. 105.

³² См. подробнее: Ю. М. Лотман. О Хлестакове. — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, 1975, вып. 369. Труды по русской и славянской филологии, т. XXVI. Литературоведение, с. 30 и след.

³³ Ю. М. Лотман. Анализ двух стихотворений. — В кн.: III летняя школа по вторичным моделирующим системам. Тезисы. Доклады. Тарту, 1968, с. 194.

Романтики ощущали сопричастность чужим (во времени либо в пространстве) культурам и переживали отрыв от ближайшего культурного контекста (подчас неокончательный: ср. мотив несостоявшегося отъезда на чужбину в поэзии начала XIX в.). Облик автора двоился, о чем свидетельствует хотя бы прослеженное Ю. Н. Тыняновым на литературном материале пушкинской эпохи несоответствие архаизирующей эстетической тенденции с политическим консерватизмом.³⁴ Автор ориентировался на читателя, в котором видел свое второе «я», наделенное, однако, иным знаком; с этим сопряжено, между прочим, формирование круга текстов, предназначенных для женского чтения³⁵ (альбомные стихи, отчасти художественная и нравоучительная проза конца XVIII—начала XIX в.; ср. «Выбранные места из переписки с друзьями»); в романтизме же коренится начало специализированной литературы для детей. Понятно, почему романтизм требовал от читателя угадывания семантического содержания, которое было вложено в литературное произведение («Мы по выражению не узнаем мысль, но только *угадываем* ее...»³⁶): тем самым читателю вменялось в обязанность распознать не поддающуюся снятию смысловую амбивалентность текста.³⁷

Конструкция романтического текста отвечала тем же принципам, что его содержание. Текст был так или иначе не равен себе: он мог входить в противоречие с параллельными житейскими показаниями о запечатленных в нем событиях, состоять из семантически дуплановых суждений (ср. понятие «романтической иронии»), превращаться в обломок незавершенного замысла («Ни в чем желанного конца! Всё — недосказанная повесть»³⁸). Отсюда же расхождение между целым и суммой его частей в стихотворных повестях романтизма или, скажем, в прозе Вельтмана: внутренние сцепления литературных произведений ослабевали — в развертывании сюжета зияли пропуски; изображаемое художником отличалось от того, что им подразумевалось («Чем менее высказывается прозаическая связь в частях, тем более выгоды в отношении к целому. Частые местоимения в речи замедляют ее течение, охлаждают рассказ. Есть в изобретении и вымысле также свои местоимения, от коих дарование старается отделяться удачными эллипсисами»³⁹). Техника сюжетосложения была такова, что для одних и тех же акций предлагались парные мотивировки:⁴⁰ иногда первая из них объясняла случившееся вторично-

³⁴ Ю. Н. Тынянов. Пушкин и его современники. М., 1968, с. 26 и след.

³⁵ Ср.: там же, с. 64 и след.; Ю. Лотман, Б. Успенский. Споры о языке в начале XIX в. как факт русской культуры («Происшествие в царстве теней, или Судьбина российского языка» — неизвестное сочинение Семена Боброва). — Учен. зап. Тартуского гос. ун-та, 1975, вып. 358. Труды по русской и славянской филологии, т. XXIV. Литературоведение, с. 231 и след.; M. Danahy. Le roman est-il chose femelle? — Poétique, 1975, N 25, p. 45—72.

³⁶ В. Ф. Одоевский. Русские ночи, с. 219.

³⁷ Ср. практику цензурского прочтения рукописей в начале XIX в., для которой, с одной стороны, был обычен поиск законспирированной в литературном произведении политической семантики, а с другой — невнимание к явной политической окраске текста; см.: В. Э. Вацуро, М. И. Гиллельсон. Сквозь «умственные плотины». Из истории книги и прессы пушкинской поры. М., 1972, с. 225 и след., 247 и след.

³⁸ Ф. Н. Глинка. Избр. произв. Л., 1957, с. 383.

³⁹ П. А. Вяземский. Полн. собр. соч., т. 1. СПб., 1878, с. 172. Целесообразно обратить внимание на то, что свою мысль Вяземский подкрепляет лингвистической аналогией, прибегая к способу доказательства, который и следовало ожидать от представителя «вторичного стиля».

⁴⁰ Знаменателен тот факт, что жанр детектива выкристаллизовался именно в романтизме (Гофман, По). Дифференциальный признак этого жанра — двойственность действующих лиц (скрывающегося преступника, ложно подозреваемого, идущего по неверному следу резонера или соперника сыщика) и полисемантизм мо-

нием сверхъестественных сил, а вторая отменяла первую («всё происходит наоборот»⁴¹), возвращая ситуации правдоподобную с точки зрения здравого смысла окраску (ср., в частности, построение повести Бестужева-Марлинского «Замок Эйзен»). Этому может быть соположен узаконенный романтизмом прием двойного ведения сюжета, переплетавшего, например, комическую и трагическую линии, вследствие чего текст делался гибридным образованием, совмещал в себе взаимоотрицающие тексты. Узел интриги в драматургии романтизма мог завязываться в таких репликах персонажей, которые были омонимичными высказываниями (любовное безумие героя в грибоедовской комедии оборачивается сумасшествием). По ходу порождения конечные продукты романтического творчества очень часто отступали от предварительных планов, которые были выношены писателями. Точно так же необязательной (и даже нежелательной) была согласованность между текстом, с одной стороны, и предустановленной лингво-эстетической нормой — с другой. Норма вырабатывалась не *a priori*, но *a posteriori*: профессиональный критик принял на себя роль, которую прежде играл кодификатор свода литературных правил.

4

Число иллюстраций, сходных с только что привлеченными, было бы нетрудно умножить. В их ряду находится и романтическая мистификация. Как все остальные памятники романтизма, она была неререфлексивной: мнимый автор моделировался таким способом, что его речь выступала в качестве *собственности другого лица* (собирательного или единичного). Допускалось, что вводящий читателя в заблуждение текст будет атрибутирован народному певцу — хранителю устной традиции, мемуаристу,⁴² ссылающемуся на данные документов и на очевидцев событий, редактору сводного произведения (ср. «Историю Руссов») и вообще любому передатчику чужого слова. Неспроста рассказчик как в «Пове-

тивировок, которые освещают события. Перечисляя неизменных персонажей детективной прозы, И. И. Ревзин замечал: «Сущность построения состоит в том, что некоторые из таких фигур склеиваются» (И. И. Ревзин. К семиотическому анализу детективов (на примере романов Агаты Кристи). — В кн.: Программа и тезисы докладов в Летней школе по вторичным моделирующим системам. Тарту, 1964, с. 39). Учитывая выдвинутую выше трактовку романтизма, будет особенно интересно процитировать слова И. И. Ревзина об омонимичности, простирающейся на все ярусы детективного повествования: «... на уровне языка <...> параллелью к синтаксическому склеиванию служит омонимия: почти каждое показание <...> многозначно <...> Если считать, что склеивание аналогично омонимии, то соотношение между читателем и автором можно сопоставить с соотношением анализа и синтеза в порождающей модели. Так же как произносящий омонимичное слово, автор знает, кто убийца <...> Так же как слышащий омонимичное слово может установить его значение, лишь получив достаточный контекст, читатель до конца не знает, каково было действительное склеивание» (там же, с. 39—40). Ср. о «дualности» детективного жанра: Tzvetan Todorov. Typologie du roman policier. — In: Tzvetan Todorov. Poétique de la Prose. Paris, 1971, p. 57 et sqq. Правомерно предположить, что детективный жанр попал на периферию постромантической литературы как раз потому, что он заключает в себе реликтовые черты романтического мировоззрения.

⁴¹ Н. В. Гоголь. Полн. собр. соч., т. 3. Л., 1938, с. 45.

⁴² Эпоха романтизма ознаменовалась распространением не только фиктивных мемуаров, но и близкого им жанра подложной автобиографии (ср. «Рукопись старицы игуменьи Марии, урожденной княжны Одоевской»). Хотя вымышленный субъект такой автобиографии не воспроизводит чужой (в прямом смысле) речи, он тоже замещает одно «я» другим, неадекватным прежнему, претерпевая по ходу сюжета те или иные превращения, самоотстраняясь (ср.: Roland Barthes par Roland Barthes. Paris, 1975, p. 62).

стях Белкина», так и в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» излагает услышанные, а не пережитые им непосредственно истории. С этой позиции приемлемое культурологическое истолкование получают в ряду прочих те подделки начала XIX в., которые преследовали цель тиражировать аутентичные старинные тексты, известные в ограниченном числе списков либо обладавшие неповторимой судьбой. И здесь имитация имела в виду носителя чужого слова — древнерусского переписчика. Поэтому даже бардинские подлоги, будучи коммерческими по назначению, не выпадают по своей сути из системы романтических установок.

Своеобразие романтических мистификаций будет более отчетливым, если сопоставить их с подложными текстами барокко и символизма. Для культуры XVII в., по удачному определению Ж. Женетта, «всякое различие, как это ни неожиданно, есть сходство, Другой — парадоксальное состояние Тебя самого». ⁴³ Если в романтизме «я» не есть «я», то в барокко «я» подобно иному «я». Соответственно: если в романтическую эпоху субъект, на которого возлагается ответственность за фиктивное высказывание, подхватывает не принадлежащее ему слово, переадресует читателей к каким-либо авторитетам, то в XVII в. он пользуется речью, оказывающейся синонимичной относительно чужой речи, и возводится в ранг образца для подражания. Помещенный в Хрущевском списке Степенной книги подложный рассказ о том, как Иван IV пожаловал чином «незнатного» Адашева ради того, чтобы тот принимал челобитные от обиженных, был призван служить поучением для молодого Петра и имел в виду ликвидацию челобитного приказа в конце 1677 г. ⁴⁴ Утверждения Ивана IV перефразировали то, что следовало говорить Петру (причем выступление Грозного было приурочено к моменту, когда ему исполнилось семнадцать лет, но тем не менее он был назван в подделке двадцатилетним: согласно В. Н. Автократову, этот анахронизм обусловлен тем, что во время создания подделки Петру шел как раз двадцатый год). ⁴⁵ Коль скоро разное казалось родственным, особую популярность приобрел в XVII в. жанр подложных генеалогий: так, род дворян Корсаковых в своей фамильной книге вел происхождение от «Сатурна, царя Критского», Геркулеса и т. п. ⁴⁶ Другой барочный жанр, о котором здесь уместно упомянуть, — это квазимистификации, ⁴⁷ в число которых входят такие стилизованные произведения, как легендарная Переписка Ивана Грозного с турецким султаном ⁴⁸ или «Повесть о двух посольствах». ⁴⁹ Становление этого жанра объясняется тем, что беллетристика XVII в., нейтрализуя всяческие контрасты, была склонна уподоблять вымысел факту, превращать реальные исторические фигуры в героев литературных про-

⁴³ Gérard Genette. *Figures*, I. Paris, 1966, p. 20. Ср. еще: «Разделять, чтобы объединять, — вот формула барочного порядка» (*ibid.*, p. 39).

⁴⁴ В. Н. Автократов. «Речь Ивана Грозного 1550 года» как политический памфлет XVII века. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 268—271.

⁴⁵ Там же, с. 278.

⁴⁶ Н. П. Лихачев. «Генеалогия» дворян Корсаковых. СПб., 1913, *passim*. Не удивительно, что для выдуманных родословных, которые образовались в тех условиях, когда мир перенял свойства некоего набора текстов, характерной была лингвистическая аргументация, отправлявшаяся от ложных этимологий (то есть отрицавшая языковую омонимию): имя Корсаковых, например, этимологически связывалось с топонимом «Корсика» (там же, с. 6 и след.).

⁴⁷ Д. С. Лихачев. К вопросу о подделках литературных памятников и исторических источников, с. 146.

⁴⁸ М. Д. Каган. Легендарная переписка Ивана IV с турецким султаном как литературный памятник первой четверти XVII в. — ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 247—272.

⁴⁹ М. Д. Каган. «Повесть о двух посольствах» — легендарно-политическое произведение начала XVII века. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 218—254.

изведений и сообразно с этим осознавать художественную речь как синонимическую деловой, как близкую к официально санкционированным (допустим, в дипломатических протоколах) словесным оборотам и штампам. В начале XIX в. мистификация принимала вид литературного текста (с одной стороны, она была выдающей себя за правду ложью, а с другой — не была ни фикцией, ни истиной), тогда как барочная эстетика, наоборот, сообщила литературному тексту форму поддельных исторических документов (если искусство, которое ни фиктивно, ни истинно, сходно с тем, что ему противостоит, следовательно, перед нами ложь, выдающая себя за правду). Цель барочных квазимистификаций и собственно мистификаций состояла в описании таких происшествий, которые могли бы быть прецедентами и мерилами оценки текущих событий. Прошлое, изображавшееся в этом круге сочинений, теряло свою неповторимость, совпадало с современностью (ср. историзм романтиков). В «Повести о двух посольствах», написанной после Смуты, Максимилиан II Габсбург предсказывал русским послам XVI в. «трясение великое», после которого Русь «распространитца велми». ⁵⁰ В «Соборном деянии на еретика Мартина мниха...», которое разоблачил как подлог Андрей Денисов, осуждался вероотступник XII в., якобы насаждавший двуперстие, хождение посолонь и другие защищаемые противниками Никона элементы обрядности. ⁵¹ Естественно, что палеографически текст «Деяния» — это скоропись начала XVII в. ⁵² историческая изменчивость графических средств была абсолютно несущественной для барочного мистификатора, искавшего совпадение там, где было расхождение.

Вразрез с барокко и романтизмом символизм настаивал на том, что каждая из окружающих человека реалий замещает собой какую-то иную реалью, что всякое состояние вещей выводимо из другого состояния. Писатели XVII в., игнорируя внешние отличия данного мира от действительности, мыслившей как его антитеза, повсеместно обнаруживая исчезновение альтернатив (откуда барочный пессимизм), провидели в настоящем прошлое, в яви — сон, в жизни — смерть (тема «vanitas»). Согласно романтической доктрине, опытный мир был нерасторжимо сочленен с запредельным. Поэту прошлое и противостояло, и соответствовало настоящему, то есть служило точкой отсчета в ряду генетически сцепленных событий. Аналогично явь была для романтиков полусном, дремотой, грезой наяву, а жизнь знаменовала собой компромисс со смертью, выглядела недоовоплощенной. Символизм, осознавший непосредственно осваиваемый мир в качестве среды, которая была подставлена на место другой реальности, разграничил прошлое и настоящее наподобие сущности и видимости, усмотрел во сне ключ к интерпретации яви, в смерти — смысл жизни (по Мережковскому, «старость — лучшая весна!» ⁵³). Но поскольку любые звенья вселенского целого наделялись заместительной функцией, постольку символизм ощутил невозможность адекватного изображения того, что ими замещалось. ⁵⁴ Символисты наме-

⁵⁰ Там же, с. 251.

⁵¹ В. Г. Дружинин. Поморские палеографы начала XVIII столетия. — Летопись занятий Археографической комиссии за 1918 год, вып. 31. Пг., 1923, с. 3—66.

⁵² В. Г. Дружинин. Дополнение к исследованию о Поморских палеографах начала XVIII века. — Летопись занятий Археографической комиссии за 1923—1925 годы, вып. 33. Л., 1926, с. 101.

⁵³ Д. С. Мережковский. Собр. стихов. СПб., 1910, с. 30.

⁵⁴ Другими словами, последняя инстанция на пути логического перехода от одних соотнесенных между собой величин к другим казалась символистам недостижимой.

ревались выразить несказанное, в то время как романтизм имел дело с недосказанным, а барокко — с пересказуемым.

Органичным для символизма должен был сделаться тот тип мистификации, в котором высказывания мнимого автора подменяли бы речь подлинного творца подлога, восполняя отсутствие в этой речи того или иного признака. Этот процесс и впрямь наблюдается в следовавших один за другим сборниках «Русские символисты», в брюсовских «Стихах Нелли», в стихах Черубины де Габриак (Е. И. Дмитриевой и Волошина). Примечательно, что все эти мистификации суть поэтическая продукция, как и остальное творчество их создателей. Вместе с тем обманывающие читателей тексты каким-либо образом контрастируют с другими сочинениями поэтов, предпринявших литературные подлоги. Под именем В. Дарова Брюсов поместил во втором и третьем выпусках «Русских символистов» заметно отклоняющиеся от принятой им в ту пору поэтической нормы эксперименты в области свободного стиха («Двинулось, хлынуло черными, громкими волнами...», «Мертвецы, освещенные газом!..») и «чистой» звукописи («Шорох»), а под псевдонимом З. Фуке опубликовал во втором из сборников дразнящее устоявшиеся вкусы подражание Бодлеру — «Труп женщины гниющей и зловонный...». В общем же мистификации Брюсова в «Русских символистах» вызывались, по укоренившемуся мнению, «желанием показать, что молодая поэтическая школа представлена значительным количеством имен»,⁵⁵ то есть что она обладает именно тем свойством, которого ей (с точки зрения Брюсова как претендента в лидеры движения) не доставало. Мотивами, несколько отличными от названных, но все же сопоставимыми с ними, руководствовался Брюсов при издании «Стихов Нелли», которые увидели свет в период прений вокруг нарождавшихся постсимволистских группировок; в этой книге воспроизводилась футуристическая тематика (а также отчасти тематика акмеистов; ср. стихотворение «В Раю») и варьировались выразительные приемы Маяковского («В дождевом тумане улица...») и Игоря Северянина («Катанье с подругой»). Не подлежит также никакому сомнению автокомпенсирующая функция литературной подделки, познакомившей «Аполлон» с романским католицизмом Черубины де Габриак, чье «святое имя» маскировало учительницу петербургской гимназии. Как и подобало символистским мистификациям, стихи Черубины де Габриак были не только антитезой творчеству Дмитриевой и Волошина, но и находились в смысловой и формальной зависимости от этого творчества. Так, в стихах Черубины де Габриак:

Твои глаза — святой Грааль,
В себя принявший скорби мира,
И облекла твоя печаль
Марии белая порфира,⁵⁶ —

первое двуступенное перефразирует метафору «Грааль скорбей», встречающуюся в поэзии Волошина.⁵⁷

⁵⁵ Н. Гудзий. Из истории раннего русского символизма. Московские сборники «Русские символисты». — Искусство. Журнал ГАХН, М., 1927, № 4, с. 188.

⁵⁶ Аполлон, 1909, № 2, с. 5 (третьей пагинации).

⁵⁷ К парадоксам мистификации, инспирированной Волошиным, нужно отнести проникновение в стихи о романском юге («Поля Победы») мотивов «Слова о полку Игореве»: «Над полем грустным и победным Простерт червлёный щит зари <...> На мир пролив огонь и беды, По нивам вытоптал посев, Проходят скорбные Победы, И темен глаз девичьих гнев» (Аполлон, 1910, № 10, с. 4 (третьей пагинации)); аналогичные мотивы — в сонете «Гроза», включенном Волошиным в сборник «Иверни» (М., 1918, с. 36). В связи с карнавальской природой литературных мистификаций, переворачивающих основные культурные противопоставления, боль-

Раз в символистском миропонимании процесс подстановки одних значимостей на место других принципиально не мог иметь завершения, стало быть, фиктивный автор подложного текста был обязан замещать не только реального автора, но и какое-то третье лицо. В. Дарову суждено было, по планам Брюсова, исследованным Н. К. Гудзием,⁵⁸ повторить жизненный путь Рембо. Приписанные В. Дарову, З. Фукс, Н. Новичу и другим мнимым брюсовским соратникам стихи были очевидными переложениями опытов французских символистов.⁵⁹ С другой стороны, созданные в поэзии конца XIX—начала XX в. маски сами становились объектами замещения: субституции в цепи «вымышленный автор—действительный автор» были обратимыми. Волошин, например, рецензировал стихи Черубины де Габриаки и подтверждал их ценность, опираясь на собственный авторитет («... слова наши имеют реальную силу. Что скажем о поэте — тому и поверят»⁶⁰). Тематически многие из этих стихов основывались на вытеснении образа оторванной от повседневности, «нездешней» героини образом ее приземленного двойника («Что если я сейчас увижу Углы опущенные рта, И предо мною встанет та, Кого так сладко ненавижу?»;⁶¹ «Вижу девушки бледной лицо, Как мое, но иное и то же...»⁶²). Обратимой была и подмена авторима псевдонимом в «Стихах Нелли», которые открывались брюсовским поэтическим комментарием к мистификации («В твоих стихах — печальный опыт Страстей ненужных, ложных слав: В них толп несчетных грозный топот, В них запаха сумрачных отрав!»⁶³). Существенно, что Н. Г. Львова, которой были адресованы «Стихи Нелли», откликнулась на них в рецензии, посвященной женской поэзии 1910-х гг. (обронив, между прочим, что этот сборник — плод раздумий «зрелого мастера»⁶⁴): в мире, где всему надлежало быть переставленным с места на место, адресат подлога мог занимать позицию соучастника литературной игры.⁶⁵

Вновь касаясь романтических мистификаций, нужно подчеркнуть, что мистификатор-романтик обычно посредничал между изготовленными им текстами и аудиторией, выдавая себя за их издателя, владельца, первооткрывателя. Творцы мистификаций были теми же передатчиками чужого слова, что и фиктивные авторы. Поэтому фактические составители морочащих публику текстов имели неоднозначный облик: тайное лицо

шой интерес представляет использование мистификаторами-мужчинами женских образов (Клара Гасуль у Мериме, Нелли у Брюсова, Черубина де Габриак у Волошина; ср. также женскую маску в комической поэзии Мятлева). О нейтрализации противопоставления мужское—женское в карнавале и питаемых им текстах см. подробнее: Вяч. Вс. Иванов. К семиотической теории карнавала как инверсии двоичных противопоставлений. — Труды по знаковым системам, вып. 8. Тарту, 1977, с. 48 и след. Не менее примечателен тот факт, что в литературных подлогах, как и в разного рода карнализированном поведении, часто происходит замена социального статуса автора мистификации более низким социальным статусом (ср. такие образы, как Белкин у Пушкина или пасечник Рудый Панько у Гоголя). Столь же распространённым бывает и обратный процесс, когда реальное низкое общественное положение уступает место вымышленному высокому.

⁵⁸ Н. Гудзий. Из истории раннего русского символизма..., с. 185—188.

⁵⁹ Там же, с. 204 и след. Ср. сходство ряда произведений Черубины де Габриак с текстами Блока. В этой плоскости символистские мистификации отчасти напоминают романтические подлоги, однако в первых, как правило, нет прямых ссылок на источник заимствований.

⁶⁰ Максимилиан Волошин. Лики творчества. Гороскоп Черубины де Габриак. — Аполлон, 1909, № 2, с. 1 (второй пагинации).

⁶¹ Аполлон, 1909, № 2, с. 10 (третьей пагинации).

⁶² Аполлон, 1910, № 10, с. 7 (третьей пагинации).

⁶³ Стихи Нелли с посвящением Валерия Брюсова. Изд. «Скорпион», М., 1913, с. 7.

⁶⁴ Н. Львова. Холод утра (несколько слов о женском творчестве). — Жатва, кн. V. М., 1914, с. 254. На эту рецензию автору любезно указал А. В. Лавров.

⁶⁵ Н. Г. Львова же была и героиней брюсовских стихов.

просвечивало сквозь явное (ср. глаголические приписки на бардинских изделиях, рассекречивающие имя обманщика).⁶⁶ Важно, однако, что эти два лица совмещались в одном (ведь упомянутые саморазоблачения Бардина воссоздавали все тот же почерк древнерусского переписчика: мнимое и истинное было здесь смешано), а не находились в отношении взаимозаменяемости, как в символистскую эпоху, когда Брюсов, например, перепечатывал подлоги в собрании своих сочинений. Тактика романтической мистификации определялась колебаниями мистификатора между маскирующими и демаскирующими его действиями (в барокко же авторское «я» совпадало с подставным «я» и аннулировалось вовсе, делалось анонимным). В свою очередь и адресату романтической подделки отводилось сразу две роли. Так, его знакомили с сочинением (например, псевдофольклорным), якобы не ориентированным на современного читателя и требующим от современников преодоления той исторической дистанции, которой они отделялись от текста.

5

Стремление романтиков совместить в адресате противоречащие друг другу начала находило наиболее парадоксальное выражение тогда, когда в одно целое сливались отправитель и получатель подложного сообщения. Именно этот мотив был определяющим в том мистификаторском искусстве для искусства, которому посвятил себя Сулакадзев. По-видимому, он не слишком заботился о том, чтобы предать гласности сфабрикованные им рукописи и интерполяции, либо готовил подделки в расчете на ближайшее окружение⁶⁷ (с которым обычно идентифицирует себя личность). Во всяком случае «Боянов гимн» и «Ответы новгородских жрецов» попали в печать хотя и с согласия Сулакадзева, но отнюдь не по его почину.

Одна и та же логика прослеживается на всех уровнях предпринятых Сулакадзевым мистификаций. Те из них, которые должны были нести на себе печать крайней архаики, и графически, и лексически оформлялись так, чтобы с трудом поддаваться расшифровке. Соответствие между «грамматикой говорящего» и «грамматикой слушающего» расторгалось.

Однако сам же Сулакадзев и восстанавливал это соответствие, берясь за перевод сконструированного им текста и таким образом занимая места обоих партнеров речевого акта. Завеса, прятанная мистификатора, приподнималась, хотя и не отбрасывалась вовсе. То же самое совершалось при тех обстоятельствах, когда Сулакадзев подкреплял свои вставки в подлинные рукописи вынесенными на поля комментариями, которые были призваны дополнить содержание, раскрыть цель и предвосхитить возможное восприятие подлогов. Фиктивная речь возвращалась к тому, от кого она исходила. Проще говоря, Сулакадзев обманывал самого себя.

Изобретая алфавит, подходящий для памятников языческого прошлого, Сулакадзев пользовался переименованным славянским письмом. Этот алфавит, если судить по державинским «Рассуждениям о лирической поэзии...», вбирал в себя упрощенные (7 = Ъ), опрокинутые (⊥ = Т), повернутые по вертикальной оси симметрии (4 = Р) и другие сходно искаженные славянские графемы, с помощью которых, как предполагал мистификатор, могла быть транскрибирована выдуманная им тайнопись.

⁶⁶ М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX века..., с. 48.

⁶⁷ Об окружении Сулакадзева см.: Г. П. Смирнов-Платонов. Александр Павлович Протасов, с. 113; Д. Я. [Языков]. Оригинальный русский антикар. — Русский вестник, 1898, т. 256, с. 241.

Изобретенные Сулакадзевым знаки были знаками и трансрациональными (заумными), и рационально постигаемыми, допускающими перевод в другую начертательную систему.⁶⁸ Они сохраняли преемственность по отношению к отправному комплексу графических единиц, но, с другой стороны, составляли в совокупности некий новый комплекс и, значит, обладали двойкой ценностью. Самоотждественность графического знака оказывалась разрушенной.⁶⁹ Она подтачивалась и в интерполяциях, которые были рассыпаны по подлинным манускриптам, входившим в собрание Сулакадзева. По наблюдению М. Н. Сперанского, для этого вида подделок было показательным небрежение палеографическими особенностями разных исторических периодов, смещение устава и скорописи, модернизация начертаний (короткое «р» целиком помещалось в строку), а также иные формы обращения к позднейшей манере письма (например, употребление знака переноса).⁷⁰ То, что воспринимается сейчас как техническая безграмотность мистификатора, на самом деле явилось результатом особого способа мышления, которое ничему не позволяло оставаться самим собой (но и не превращало старинную технику письма в целиком современную, как это было в XVII в.). Понятны причины, по которым Сулакадзев заметил рядом с одним из названий, включенных в перечень его домашних редкостей: «О древности судить нельзя кроме смысла, по коему должно полагать сию рукопись первого века по Р. Христове».⁷¹ Для приобщенного романтическому мировосприятию изготовителя подделок один и тот же знак мог передавать не одно историческое значение⁷² и потому не служил критерием точной датировки рукописи (в этой связи стоит обратить внимание на то, что «Ответы новгородских жрецов» хотя и имеют стилизованную графическую оболочку, метрически представляют собой двухстопный дактиль с женскими клаузулами). С другой стороны, Сулакадзев должен был отрицать возможность существования синонимических знаков, вследствие чего он, по словам М. Н. Сперанского, обычно считал рукопись не копией, а оригиналом памятника.⁷³

По аналогии с графической оболочкой был организован лексический строй сочинений Сулакадзева, являющий собой чаще всего набор испорченных (хотя, быть может, уничижительный оттенок здесь излишен) церковнославянских и русских слов. Деформация лексики осуществлялась в результате подмены отдельных согласных и целых морфем (*пере-*

⁶⁸ В одной из записных тетрадей Сулакадзева, которые находятся в Архиве ЛОИИ АН СССР (ф. 258, оп. 2, ед. хр. 149/2, л. 131 об.), содержится специальная таблица, устанавливающая связь между разными средствами нотации.

⁶⁹ Любопытный образец графической нерефлексивности текста — каталог библиотеки Сулакадзева, купленный А. Н. Пыпиным. От начала к концу здесь перечисляются русские материалы, в обратном порядке расположена опись грузинских книг (А. Н. Пып и н. Подделки рукописей и народных песен, с. 8). Выбор любой однонаправленной последовательности для прочтения этого каталога (слева направо или справа налево) ведет к своему отрицанию. Сходно устроены тетради с рукописью «О воздушном летании...» (В. Ф. Покровская. Еще об одной рукописи А. И. Сулакадзева..., с. 634). Ср. псевдоним Сулакадзева (*Авад-зул-сека*) в «Волшебной опере Карачун», расшифровываемый лишь при неоднократной переориентации чтения (Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 238, оп. 1, 71, ед. хр. 149/1, л. 1).

⁷⁰ М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX века..., с. 55—58.

⁷¹ См.: М. Макаренко. Молитовник великого князя Володимера и Сулакадзев, с. 486.

⁷² Ср. распространенное в первой трети XIX в. ассоциирование церковнославянских с языческой мифологией: Ю. Лотман, Б. Успенский. Споры о языке в начале XIX в. ..., с. 213—214.

⁷³ М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX века..., с. 64.

лой вместо *передел* в «Ответах новгородских жрецов»⁷⁴) или за счет усечения слогов (как правило, это был пропуск гласных: *отерслима* вместо *от Иерусалима* в «Опыте древней и новой летописи Валаамского монастыря»;⁷⁵ *псану, злгу* вместо *писану, злату* в «Надписи жреца Имира»⁷⁶). Иногда названные приемы сочетались с привнесением в слово добавочных структурных элементов (*нерестец* вместо *немец* в рукописи «О воздушном летании...»⁷⁷). Наконец, Сулакадзев обращался и к действительно архаической лексике, но при этом часто переосмыслял ее употребление: согласно переводу Державина (опиравшемуся, конечно же, на разъяснения мистификатора), заимствованное из «Слова о полку Игореве» название денежной единицы имело в выражении *тяжа нагата* значение *богатство*.⁷⁸ Морфологические и семантические преобразования слагаемых языка одинаково приводили к тому, что полученные формы делались сами по себе слабо проницаемыми для непротиворечивой трактовки и обретали свое смысловое наполнение, лишь будучи сопоставленными с непосредственным речевым окружением или с контекстом перевода. В пределе подобное слово тяготело к тому, чтобы превратиться в величину, чье значение, с точки зрения воспринимающего сознания, неопределенно, непереводимо, сколь угодно многопланово, то есть заумно (такова глоссология *фуриин* из подделки «О воздушном летании...»⁷⁹). Имитируя в своих мистификациях семантическую затемненность старинных памятников, Сулакадзев создавал речевую ситуацию, которая была родственна процессу понимания омонимического высказывания. В незаконченной комедии «Чародей» Сулакадзев утверждал, что «предсказания будущие сбываются тогда только, когда они двузначаша».⁸⁰ Это определение можно приложить и к той форме, которую он сообщал своим попыткам предсказывать прошлое, так как поиск ключа для расшифровки мистифицирующей лексики допускал одновременно разные возможности при опознании пропущенных, замещенных и паразитных фонем и фонемных групп.

Сквозная тема, варьируемая в подделках Сулакадзева, и их направленность будут вполне объяснимы, если учесть подчиняющее себе все поведение мистификатора влечение к разного рода тайному знанию. В каталоге сулакадзевского собрания в специальную рубрику были выделены «Книги непризнаваемые, коих ни читать, ни держать в домех не дозволено».⁸¹ В уже упоминавшихся записных тетрадах Сулакадзева за 1824—

⁷⁴ Сочинения Державина..., т. 7, с. 587. В говорах «перелоем» называется или особого вида трава, или болезнь истечения семени. Эти значения, скорее всего, исключают возможность сознательного заимствования Сулакадзевым слова «перелой» из народной лексической среды.

⁷⁵ Переписка А. Х. Востокова..., с. 390; И. Шляпкии. Рукописи Валаамского монастыря, с. 199.

⁷⁶ М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX века..., с. 91.

⁷⁷ В. Ф. Покровская. Еще об одной рукописи А. И. Сулакадзева..., с. 635.

⁷⁸ Сочинения Державина..., т. 7, с. 587. Как показывает этот пример, в котором при сличении с переводом (*тяжа нагата* = *тяжба* с *богатством*) обнаруживается расстройство грамматической зависимости, деформация лексики в подлогах Сулакадзева сопровождалась редукцией синтаксических связей.

⁷⁹ Тот факт, что этим речением Сулакадзев заместил свою запись о воздухоплателе «немце крещеном Фурцеле» (см. упоминавшуюся работу В. Ф. Покровской), скорее всего нужно связать с усилением патриотических настроений во время и после французского нашествия. Нелишне напомнить, что в эти годы была пущена в оборот такая патриотическая фальшивка, как Указ Алексея Михайловича 1661 г., компрометирующий иностранцев, принимаемых на русскую службу (см. подробнее: Н. П. Лихачев. Вымышленный указ царя Алексея Михайловича. СПб., 1913, *passim*).

⁸⁰ Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 238, оп. 1, 1, ед. хр. 149/1, л. 3 об.

⁸¹ А. Н. Пыпин. Подделки рукописей и народных песен, с. 11.

1825 г. соседствовали сведения о нумизматике и сахароварении в вакууме, указывались средства от укуса бешеных собак и описывалась технология печатного дела, перечислялись всяческие изобретения, приводились выдержки из «Горного Журнала», «Журнала Мануфактур и Торговли», а вместе с тем рассказывалась история основания Кадиса. Содержание этих тетрадей состояло преимущественно из малораспространенных, предназначенных для специалистов и сенсационных фактов. Здесь же нужно отметить повышенное внимание Сулакадзева к пугачевщине и к зачастую неофициальным политическим известиям, связанным с восстанием декабристов,⁸² судьбой ссыльного Пушкина.⁸³ Вершина в овладении знанием, уготованным для избранных, — знание, которое принадлежит одному человеку. Этим обладателем никому не доступных данных и хотел стать Сулакадзев. *Его мистификации предоставляли ему тот материал, в который мог быть посвящен он один.* Они не нуждались в обнародовании, не предусматривали превращения насыщавшей их информации во всеобщее достояние. Мистификаторское ремесло было приравнено к сорту автокоммуникации.⁸⁴ Коллекционируя раритеты, Сулакадзев коллекционировал и сработанные им самим подлоги.

Впрочем, даже способ хранения настоящих образцов древнерусской письменности отражал мистификаторские склонности собирателя. Так, желая увеличить объем библиотеки, Сулакадзев разбил Церковный Устав в списке XV в. на три части («Вселетник», «Уставник» и «Месяцеслов»).⁸⁵ Сулакадзев бесспорно учитывал при этом, что старинные рукописи могут доходить до нас в отрывках, однако, произвольно члени текст, он не пожертвовал ни одним из его кусков. Памятнику была придана та фрагментарность, которая бросается в глаза в произведениях романтического искусства. Хорошо известный текст получил черты уникама. Подобно этому исторические эпизоды, к которым отсылали собственно подделки Сулакадзева, одновременно выступали и как единичные, исключительные, и как незавершенные в себе, входящие в серию связанных друг с другом событий. Никому не ведомое знание, разумеется, должно было касаться уникальных фактов. Между тем сообразно с принципами романтизма всякому явлению надлежало нести в себе противосмысл, свое отрицание. Вот почему Сулакадзев полностью сосредоточился на этиологических мотивах. Действия, открывавшие некий ряд исторических акций, и контрастировали с этим рядом, и были его неотъемлемой частью (ср. выше о соотношении прошлого и настоящего в романтической картине мира). Вставка в только что упомянутый Устав повествовала о закладке Золотых Ворот в Киеве;⁸⁶ в цитировавшемся «Опыте древней и новой летописи Валаамского монастыря» утверждалось, что каменный крест на месте обители был воздвигнут Андреем Первозванным; подделка в пергаменном Евангелии XIII, XIV—XV вв., приобретенном И. А. Шляпкиным, указывала, откуда берет начало техника

⁸² Ю. И. Герасимова. Восстание 14 декабря 1825 г. и современники... с. 79 и след.

⁸³ Вот запись слухов о Пушкине, относящаяся к концу 1825 г.: «В октябре начале Александр Пушкин, сочинитель, сосланный в деревню к отцу и отданный *«рзб.»* под присмотр, стал учить крестьян неповиновению начальству, презирать власть и давал почувствовать, что человек рожден вольным. Это открылось, и его, взяв, посадили в крепость» (Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 238, оп. 2, ед. хр. 149/2, л. 29 об.).

⁸⁴ Ср. интерес Сулакадзева к толкованию такой разновидности автокоммуникации, как сновидения, которые, по его словам, «не все бывают как бред и пищеварение» (см.: А. Н. Пыпин. Подделки рукописей и народных песен, с. 17).

⁸⁵ М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX века... с. 72.

⁸⁶ Там же, с. 69.

«банного строения»⁸⁷ на Руси (ср. одно из фиктивных заглавий в каталоге сулакадзевской библиотеки: «Жидовин, рукопись одиннадцатого века, киевлянина Радипоя о жидях, самарянах и других, кто от кого произошел»⁸⁸). В других случаях сами тексты, выдаваемые Сулакадзевым за аутентичные, объявлялись такими памятниками, которые предшествовали во времени всему корпусу славянского культурного наследия либо по меньшей мере принадлежали к начальному этапу развития древнерусской письменности.

Итак, разбор предпосылок романтического мировосприятия помогает увидеть в деятельности Сулакадзева, порой кажущейся бессвязной, достаточно строгое системное единство. Со своей стороны изучение этой деятельности способствует тому, чтобы приоткрыть завесу, которой мы отгорожены от источников творчества писателей первой четверти XIX в.

Испытывая тягу ко всем проявлениям официально не узаконенной культуры, Сулакадзев оставил нам в записных книжках хронику слухов, прокатывавшихся в 1824—1825 гг. по Петербургу. Вот как передан один из них: «26 сентября, у Таврического сада, в 6 или 4 шагах от бутки, в вечеру, напали плуты на одного порядочного господина и ограбили его, сняли шинель, отняли часы, бумажник и прочее. Он кричал, но буточник отвечал, что он один, а от бутки — своего поста — отойти не смеет. Что делать? Ограбленный сердится и бранит буточника, как в сие время идет надзиратель и спрашивает о причине крика. Ограбленный рассказывает свое горе, но квартальный оправдывает буточника тем, что он есть часовой, а потому от своего поста никуда отлучаться не должен. Ограбленный выслушал весь вздор, спросил, что, по крайней мере, делает ли он знать, как сие с ним случилось и где. Надзиратель говорит охотно, и так отходят оба на то расстояние, где его обокрали. „Вот здесь на меня напали“, — говорит: „они, вот с сего места. Я кричал буточнику — и вот первый удар мною полученный от мошенника“. С сими словами оскорбленный влепил жестокий удар по голове квартального, потом в грудь и далее так, что полиция служитель завопил о помощи и требует помощи буточника. Но показывающий, как его били и грабили, кричит: „Ни с места, часовой, тебе нельзя оставлять свой пост“. Потом квартальный хотел вести его в часть, но тот, не согласясь, пошел к Шульгину, оберполицмейстеру, и, то же пересказав, всё открыл так дело, что Шульгин велел битому же квартальному заплатить 500 рублей ограбленному и тем кончилось. Сказывал бухгалтер Гейне».⁸⁹ Городская молва, подхваченная Сулакадзевым, безусловно, относится к жанру этиологических анекдотов, приурочиваемых к моменту восхождения новой должностной звезды (обер-полицмейстер А. С. Шульгин занял свой пост 25 июля 1825 г.). Вряд ли можно сомневаться в том, что именно этот толк нашел продолжение в одной из фабульных линий гоголевской «Шинели»⁹⁰ (грабеж при попустительстве будочника; отказ представителя власти, охраняющего честь мундира, от помощи потерпевшему; месть потерпевшего,

⁸⁷ Пергаменные рукописи Библиотеки Академии наук СССР. Описание русских и славянских рукописей XI—XVI веков. Составители Н. Ю. Бубнов, О. П. Лихачева, В. Ф. Покровская. Л., 1976, с. 23—24.

⁸⁸ А. Н. Пыпин. Подделки рукописей и народных песен, с. 9—10. Мотивы, техника и проблематика сулакадзевских подделок позволяют предположить, что к продукции этого мистификатора принадлежит и пресловутая «Велесова книга». Однако для уверенной атрибуции Сулакадзеву «Велесовой книги» требуется, разумеется, специальное исследование.

⁸⁹ Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 238, оп. 2, ед. хр. 149/2, л. 36 об.—37 об.

⁹⁰ Отправной пункт другой линии — это, по версии П. В. Анненкова, анекдот о чиновнике, потерявшем в камышах лепажевское ружье и заболевшем от огорчения горячкой (П. В. Анненков. Литературные воспоминания. Л., 1928, с. 61—62).

зеркально повторяющая нанесенную ему обиду). Следует подчеркнуть, что в повести звучит мотив ползущих по Петербургу слухов (текст освещает процесс своего происхождения) и что «одно значительное лицо» оказывается у Гоголя только что вступившим в отправление новой должности. Известно, кстати, что фабула другой гоголевской повести — «Нос», как доказал В. В. Виноградов, также вобрала в себя ходячие петербургские анекдоты начала XIX в.⁹¹

Ясно, что бесосновательные слухи — это те же мистификации, низведенные в повседневный быт и циркулирующие там со ссылкой на коллективного отравителя, на общественное мнение. Отсутствие самотождественности у переносчика слухов («все так говорят») позволяет понять, почему культура романтического периода была особенно восприимчива к ним: она регулярно переживала настоящие эпидемии толков, а литература первой четверти XIX в. сделала мотив светской сплетни одной из своих сюжетных доминант. В этом плане ориентация Гоголя на петербургскую молву есть знамение времени (ср. выше о неразграниченности мистификаторского и художественного творчества во «вторичных стилях»). Однако речевой обиход эпохи не только питал гоголевскую прозу, но и служил для нее предметом изображения. Повествуя о том, как рождается слух, она выполняла метатекстовую функцию по отношению к низовым текстам романтической культуры и потому была актом самопознания истории, обращенным в будущее. Возвращаясь теперь к Сулакадзеву, можно сказать, что сфабрикованные им тексты, напротив, были всего лишь историческими документами, симптоматичными для своего времени, подобно тем слухам, которыми он так интересовался. Сулакадзев — это *patient* романтизма, продукция мистификатора — это, если угодно, «история в себе».

6

Несмотря на то что на всем протяжении первых десятилетий XIX в. появлявшиеся одна за другой мистификации удерживали ряд общих показателей, искусство романтических подделок и подлогов нельзя рас-

⁹¹ В. В. Виноградов. Натуралистический гротеск. Сюжет и композиция повести Гоголя «Нос». — В кн.: В. В. Виноградов. Избр. труды. Поэтика русской литературы. М., 1976. В своей летописи слухов Сулакадзев поместил и рассказ о том, как некий костромской крестьянин явился к попу с просьбой окрестить его ребенка. Ребенок вскоре умирает, и поп указывает крестьянину место для могилы. Копая ее, мужик находит котелок с червонцами и расплачивается с попом, который догадывается о кладе. Поп, в изложении Сулакадзева, «по секрету ночью убил старого козла, содрал с него шкуру, и довольно искусно. В час ночи надел оную на себя, ибо было это летом, в июле, на жаркое время, так, что козлиною головою с рогами прикрыл лицо, а остальным руки и спину, и, пришед к окну в самую полночь, стал стучать. Крестьянин, испугавшись, вскочил со сна, кричит: „Кто там?!“ Поп охриплым голосом отвечает: „Чорт!“». Далее следует трехкратный повтор требования отдать деньги, после чего мужик вручает их попу и начинает молиться. Поп «хочет радоваться успеху и глупости мужика», но «шкура козла чудесным и непостижимым образом приросла к голове попа» (Архив ЛОИИ АН СССР, ф. 238, оп. 2, ед. хр. 149/2, л. 17 об.—19 об.). Сулакадзев вернулся к этому анекдоту в записи от 22 июля 1825 г.: «И сего же дни, утром, у Знаменской, к Аничкову мосту, собравшийся народ разогнали, и многих, говорят, на съезжую взяли за то, что ожидали, по вздорному слуху, попа с рогами будто повезут в крепость» (там же, л. 30 об.). Не исключено, что эта молва отозвалась в «Сорочинской ярмарке» и в «Ночи накануне Ивана Купалы» (мотив обманного принятия дьявольской личины — в первом случае, а во втором — мотивы добычи клада в связи со смертью ребенка и одичания несправедно разбогатевшего героя; ср. еще сцену перевоплощения Басаврюка в мертвого барана). Стихотворная версия того же слуха представлена нравоучительной поэмой Полежаева «Иман-козел», где детально воспроизведенный сюжет анекдота пересажен на мусульманскую

смагивать в качестве не изменяющегося во времени. Развитие любого большого стиля, в том числе и любого «вторичного стиля», по-видимому, состоит из двух стадий (ср. хотя бы обычное в научной литературе размежевание «декадентства» и собственно символизма).⁹² Такие стадии могут быть представлены как различающиеся между собой познавательные ситуации, в которых известное, данное, считающееся доказанным и неизвестное, искомое, требующее доказательства меняют свои позиции. Если в пору возникновения романтизма свойство неререфлексивности, которое подозревалось у всего сущего, служило искомой величиной, определяло цель познавательных процедур, было конечным пунктом логического вывода, то на исходе движения это свойство выступило в виде заданного миру, обрело роль непреложного условия для умозаключений. Таково в итоге то основание, которое дает возможность для сравнения и противопоставления ранцеромантических фальсификатов Сулакадзева и сложившихся на заключительной фазе романтизма псевдофольклорных сочинений Сахарова.

Подобно остальным мистификаторам-романтикам, Сахаров обращался к читателям в своей подложной сказке об Акундине от лица неадекватного себе рассказчика, опирающегося на предание, на «слово вестное».⁹³ Хотя Сахаров как будто и пытался соблюсти инкогнито, публикуя это произведение,⁹⁴ он тем не менее оставил след, по которому можно было установить неаутентичность текста. В примечаниях к «Русским народным сказкам» утверждалось, что Акундин фигурирует в этнографических пояснениях, которыми была снабжена «Карелия» Глинки. Однако в действительности Глинка никак не упоминает об этом персонаже, якобы связанном с олонецким устным творчеством. В то же время и в подлоге, и в поэме Глинки присутствует общий мотив запирающего воды змея, который назван в обоих случаях Тугариным.⁹⁵ Комментариям к сказке об Акундине назначалось быть клеймом подделки, вполне сопоставимым с бардинскими саморазоблачениями. Наконец, Сахаров, заявив, что напечатанные им произведения взяты из рукописи тульского купца и любителя фольклора Бельского, тем самым соотнес подложный текст с разнотипной аудиторией — с народными низами, где будто бы бытовала сказка об Акундине, и с образованной верхушкой общества, которой предстояло познакомиться с этой сказкой.

На фоне этих устойчивых признаков романтической мистификации становится более определенной специфика подложных текстов позднего романтизма. Сахаров исходил из мысли о том, что большая часть фольклора либо не должна рассматриваться как исконно русское достояние («Не все наши сказки принадлежат русским людям»⁹⁶), либо не должна оцениваться как результат подлинно традиционного творчества. Признание неререфлексивности фольклорных текстов, таким образом, объективно было тем начальным допущением, которое открыло для Сахарова возможность издавать фиктивные сочинения, посягающие на статус

почву. Другие варианты анекдота о попе в козлиной шкуре, бытовавшие в начале XIX в., см.: Русские сказки в записях и публикациях первой половины XIX века. М.—Л., 1961, с. 290—293, 382—383.

⁹² Ср. о двухступенчатости русского барокко: А. М. Панченко. Два этапа русского барокко. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977.

⁹³ И. Сахаров. Русские народные сказки, ч. 1. СПб., 1841, с. 94.

⁹⁴ Чтобы парализовать возможное недоверие читателей к целиком вымышленному тексту, Сахаров вкрапил имя Акундина в сказки, выросшие из былин Кириши Данилова: А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. 1, с. 307.

⁹⁵ Ср. «Приложения» П. А. Бессонова в кн.: Песни, собранные П. В. Киреевским. М., 1860—1874, ч. II, вып. 5, с. СХLI и след.

⁹⁶ И. Сахаров. Русские народные сказки, ч. 1, с. IX.

национально самобытных и истинно архаических памятников. Задача, поставленная Сахаровым, заключалась в том, чтобы реконструировать некие фольклорные прототексты, и в этом была близка задаче по реконструкции индоевропейского праязыка, выдвинутой филологами-романтиками (А. Шлейхер). Цель, которую преследовал автор «Сказаний русского народа», достигалась, к примеру, за счет того, что сказка объявлялась древнейшим изводом былевого эпоса. Перелагая былины прозой, Сахаров, который отказывал фольклору в самостоительности, делался, как ни парадоксально, составителем текстов, не равных себе, совмещавших былинный план содержания со сказочным планом выражения (а также контаминировавших разнородные мотивы: так, в одном комплекте очутились сюжеты «Добрыня и Тугарин Змеевич» и «Добрыня и Марина»). Взаимопроникновение жанров прослеживается не только в тех случаях, когда Сахаров редактировал, но и тогда, когда он имитировал устное творчество. В сказке об Акундине было совмещено несколько смысловых пластов. В сюжетную основу волшебной сказки (встреча с магическим помощником и получение чудесного оружия) здесь вплетена сугубо былинная тема очищения Руси от татар, приуроченная к историческому (а не сказочному) времени. Сверх того, в «Акундине» фольклорные традиции перемежаются с книжными (ср. цитирующий «Слово о полку Игореве» плач родителей похищенной татарами невесты).

Сахаров шел от того, что, по его убеждению, отсутствовало в фольклоре, к тому, что там должно было наличествовать. Что касается Сулакадзева, то он проделывал путь от зафиксированного в истории или в художественной литературе факта к вымыслу, старался обнаружить инобытие этого факта (упоминание в «Слове о полку Игореве» имени Бояна оказывалось поводом для попыток воспроизвести бояновы песнопения и т. п.). В противоположность Сахарову Сулакадзев продвигался от существующего к несуществующему (или по крайней мере к возможному) и занимал позицию человека, «вчитывающегося» в смысл явлений. Как видно, мистификации Сулакадзева обладали *аналитической* природой: они отражали процесс разложения некоторого исторического знания на составные элементы, один из которых реален, а другой подложен. Со своей стороны мистификации Сахарова имели *синтетический* характер, сводили воедино знания, касающиеся разных сторон действительности (например, спаивали в новом образовании фольклорные жанры). Иначе говоря, подделки Сулакадзева фиктивным способом расширяли объем истории и увеличивали корпус древнерусской письменности за счет никому не известных фактов и текстов, тогда как Сахаров сводил все многообразие фольклорного материала к ограниченному числу мнимых памятников. Итак, на аналитической ступени культура начала XIX в. осуществляла экспансию в области других культур, формируя серии из таких текстов, которые могли бы отвечать требованиям романтиков. Этап синтеза ознаменовался прямо противоположными попытками романтиков отобрать из разных непосредственно данных культурных рядов отдельные экземпляры текстов, удовлетворяющие романтической доктрине, и канонизировать эти образцы в качестве заместителей соответствующих рядов (ср. «всеядность» Сулакадзева и идеологизированность сахаровской деятельности). Экспансия переродилась в самоизоляция.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Г. Н. МОИСЕЕВА

К вопросу о датировке Задонщины

(Наблюдения над пражским списком
Сказания о Мамаевом побоище)

Вопрос о датировке Задонщины имеет важное значение не только для изучения самого этого произведения. Непосредственная зависимость Задонщины от «Слова о полку Игореве» до настоящего времени порождает споры, связанные с датировкой обоих произведений. Поэтому каждое наблюдение, которое может пролить свет на определение времени, когда могло быть написано произведение, прославляющее великую победу 1380 г. на поле Куликовом, представляет интерес.

О датировке Задонщины писал в своей ранней работе Д. Н. Альшиц. Он высказал мысль о том, что «Поведание» могло быть составлено до 1382 г., до нашествия Тохтамыша, когда Москва была взята монголо-татарскими войсками и сожжена. После похода Тохтамыша Москва снова была обложена громадной данью.¹

Более конкретные наблюдения были сделаны акад. М. Н. Тихомировым, когда, исследуя Задонщину, он обратил внимание на похвалу Руси, которая читается в списке Ундольского: «... а шибла слава к Железным вратом к Караначу, к Риму и к Сафе по морю, и к Которнову, и оттоле к Царюграду». Отделив предлог от слова «ко Торнову», М. Н. Тихомиров прочел слово «ко Тырнову». Он писал: «Под этим названием нельзя видеть иной город, чем столицу Болгарии — город Тырново. Нам известно, что последнее болгарское царство было завоевано турками в 1393 г., когда пал и Тырнов. Значит, первоначальный текст „Задонщины“ составлен не позднее этого года».²

Это наблюдение акад. М. Н. Тихомирова над похвалой, входящей в состав Задонщины, является перспективным и позволяет продолжить географический комментарий к городам, до которых дошла «слава» о великой победе русских войск на поле Куликовом 8 сентября 1380 г.

Похвала читается во всех списках Задонщины, но имеет ряд вариантов, происхождение которых может быть связано с индивидуальными особенностями списков, а в ряде случаев с очевидным непониманием текста переписчиками рукописи.

Приведем примеры:

1. ГБЛ, собр. Ундольского, № 632 (У): «А глава шибла к Желѣзным вратам, ли къ Караначи, к Риму и х Сафѣ по морю и к Которнову,

¹ Д. Н. Альшиц. Роль Куликовской битвы в определении национального сознания русского народа. — Учен. зап. Ленинградского гос. ун-та, 1939, № 36, с. 110—123.

² М. Н. Тихомиров. Древняя Москва (XII—XV вв.). М., 1947, с. 202.

и оттолѣ ко Царюграду на похвалу руским кн(я)зем, и одолѣша рать татарскую на полѣ Куликове на речьке Напрядѣ».³

2. ГИМ, собр. Музейское, № 2060 (И-1): «Шибла слава к Желѣзнымъ вратом, к Риму и к Кафы по морю, и к Торнаву, и оттоле к Царюграду, на похвалу: Русь великая одолѣша Мамаю на полѣ Куликовѣ» (с. 543).

3. ГПБ, собр. Кирилло-Белозерского мон., № 9/1086 (Ж-Б): «...вѣсть подаваша по рожнымъ землямъ, за Волгу, к Желѣзнымъ вратомъ, к Риму, до Черемисы, до Чяховъ, до Ляховъ, до Устюга поганыхъ татаръ за дышущем моремъ» (с. 549—550).

4. ГИМ, собр. Синодальное, № 790 (С): «Шибла слава к мору и к Ворнавичом и к Железным вратом, ко Кафе и к турком и ко Царуграду, и што Русь поганых одолеша» (с. 553).

5. ГИМ, собр. Музейское, № 3045 (И-2): «И вознесся слава ру...» (с. 547). Список обрывается на этом полуслове.

6. Список БАН, I.4.I (Ж) представляет собой фрагмент из Задонщины без текста похвалы.

Таким образом, из 6 списков Задонщины в 4 сохранилось известие о распространении «славы» о победе русских.

Какой же из дошедших до нашего времени списков Задонщины передает текст, наиболее близкий к первоначальному? Р. П. Дмитриева убедительно показала, что Синодальный, № 790, лучше сохранил древнейшие чтения Задонщины.⁴ Для анализа чтений исследователь использовала так называемый Печатный вариант Сказания о Мамаевом побоище, получивший свое название потому, что текст этой редакции был опубликован И. С. Снегиревым по копии списка Р. Ф. Тимковского в 1829 г., ранее других списков Сказания.⁵ С открытием в 1852 г. Задонщины стало очевидным, что совпадения Печатного варианта Сказания со «Словом о полку Игореве» носят вторичный характер — они объясняются вставками из Задонщины, включенными в текст Сказания. Как известно, к Задонщине обращался и автор первоначального текста Сказания, и составители последующих редакций.⁶ Печатный вариант Сказания отличается как от остальных вариантов Основной редакции Сказания, так и от других редакций наибольшим числом вставок из Задонщины. Поэтому данный вариант Основной редакции Сказания представляет интерес не только для изучения самого Сказания о Мамаевом побоище, но и для изучения Задонщины. Привлечение новых списков этого варианта Сказания может внести некоторые уточнения и в текстологию Задонщины. В этом отношении, как нам кажется, представляет интерес список Печатного варианта Сказания пражского Национального музея, отмеченный в печатном описании Вашица—Вайса,⁷

³ «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. (К вопросу о времени написания «Слова»). М.—Л., 1966, с. 538. Далее цитаты из Задонщины приводим по этому новейшему изданию с указанием страниц в тексте.

⁴ Р. П. Дмитриева. Взаимоотношение списков «Задонщины» и текст «Слова о полку Игореве». — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 262—263.

⁵ Сказание о побоище великого князя Дмитрия Иоанновича Донского. — В кн.: Русский зритель, журнал истории, археологии, словесности и сравнительных костюмов. М., 1829, ч. 5, с. 4.

⁶ См.: Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище» как показатели по истории текста этих произведений. — В кн.: «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла, с. 385—439; Н. С. Демкова. Заимствования из «Задонщины» в текстах Распространенной редакции «Сказания о Мамаевом побоище». — Там же, с. 440—476.

⁷ J. Vašica—J. Vajs. Soupis staro-slovanských roukopisu Narodního Musea v Praze, 1957, s. 168—169. Приношу сердечную благодарность директору Нацио-

однако до настоящего времени не опубликованный и не исследованный: «Сказание о великом князе Дмитрее Ивановиче Московском» помещено в сборнике, переписанном полууставом середины XVII в., в составе которого находится Сказание об осаде Троице-Сергиева монастыря Авраамия Палицына.

Первый лист пражского сборника в значительной степени разрушен. Посредством реставрации сохранена его левая часть, на которой видна треть общего заглавия Сказания Авраамия Палицына, написанная кинноварью.⁸ Заканчивается это Сказание сообщением о поставлении храма «великого чудотворца Сергия» в Троицкой деревне Девулине «по благословению великого государя святейшего Филарета Никитича патриарха Московского и всеа Русии архимандритом Дионисием со освященным собором в лета 1620 году декабря в 16 день».⁹

Сборник переписан на голландской бумаге с водяным знаком (голова шута с семью бубенцами), датированным началом XVII в.¹⁰ На листах 214 и 234 имеется запись 1846 г. об убийстве крестьянами «господина Егора Никитьевича». На последних листах сборника (л. 236—237) помещен небольшой словарь немецких слов, написанных по-русски, с их переводом. Почерк, которым написан словарь, относится ко времени не ранее середины XVIII в.

В печатном описании этой рукописи, хранящемся в Национальном музее г. Праги, указано, что в конце сборника имеется запись о том, что сборник куплен «P. Saturnikem v Moskve г. 1928».¹¹

В настоящее время я не могла обнаружить этой записи, исчезнувшей, по-видимому, во время реставрации сборника, произведенной после его описания. Тогда же, можно думать, сборник помещен в переплет, несколько меньший по формату, чем предшествующий. Поэтому верхние и правые поля рукописи оказались подрезанными, что можно видеть по расположению строк Сказания Авраамия Палицына и Сказания о великом князе Дмитрее Ивановиче Московском.

Интересующее нас Сказание о великом князе Дмитрее Ивановиче Московском дефектно — имеет механический пропуск части текста, в котором описана Куликовская битва 1380 г. Сборник, побывавший в течение трехсот лет во многих руках, видимо, был сильно потрепан, и часть листов Сказания потерялась.

Но несмотря на этот дефект, пражский список «Сказания о великом князе Дмитрее Ивановиче Московском како победи божиею помощью безбожнаго царя Мамаю со тмочисленными его воинствы» лучше передает более древний текст этого памятника, чем список Р. Ф. Тимковского, опубликованный И. С. Снегиревым. В нем более цельно передана заключительная похвала Русской земле и великому московскому князю Дмитрию Ивановичу — победителю «поганых». Похвала помещена после рассказа о том, как Дмитрий Иванович с оставшимися воеводами объехал побоище «сердцем кричае и слезами омывашеся... Стояя же князь великий за Доном восемь дней, дондеже розобраша христианская телеса, с нечестивыми. Христиан же похраниша колько успѣша, нечестивыя же повержены звѣремъ на расхищение». Далее кратко со-

нального музея г. Праги доктору Я. Врхотке за большую помощь, оказанную мне во время работы в Библиотеке Национального музея.

⁸ Knihovna Narodního Musea v Praze. IX.E.60, л. 1. Далее — KNM.

⁹ KNM, IX.E.60, л. 213 об.

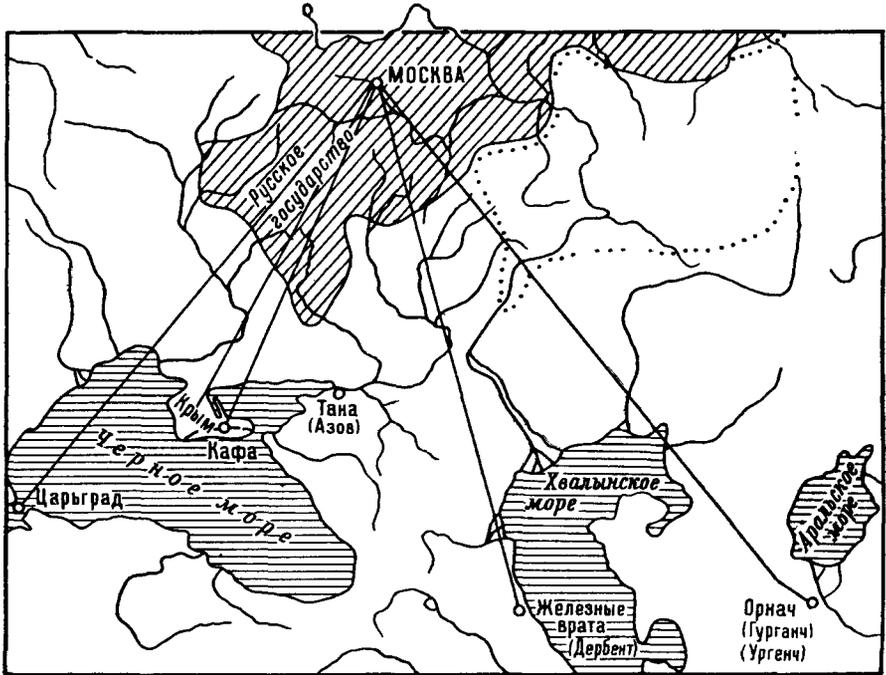
¹⁰ Watermarks mainly of the 17th and 18th centuries by Edward Heawood. Hilversum, 1950, p. 282, N 1987 (1605 г.).

¹¹ J. Vašica—J. Vajs. Soupis staro-slovanských roukopisu..., s. 171.

змечести шими . Хртііи: те похране шл ісо
 ливо устатіша . Мечести шити похртіи
 ны затрёмъ на расхищеніи . А патіа . . .
 царю мамію шёлъ: зкѣ ждѣшъ . и до вѣ
 стѣ идѣжѣ ітѣ градъ ісафа . и мѣтѣ своѣ
 потаміа къ ш . . . Позднѣ вѣсть иѣ
 коймъ гостемъ іхъ цомъ франскимъ . тѣ
 іуекіи вѣсть . Удалціи воставіа шадѣ
 тасіи узорочіа азвччї пзѣмлю свою іуем іа
 сычи вугай іони івопы івельчам мѣрї
 іаіна ісахары . [Препознестѣ слава рускам
 на поганїи землїю . реобѣтъ рѣзи велика іа
 повстѣмъ землїи . По ідѣше івѣсть повѣ
 стѣ градѣмъ ісо орначю іирїи ісафѣ .
 іісжелѣзнымъ пратомъ . іісцрїю градъ
 на похвалу . рѣсь во поганїи одолѣша .
 на полѣ ісхлі ісо ітѣ . на ікѣ чїе на не ірїа
 не . Во зѣдїи мѣ хвалѣ руской землї .
 ісо і градъ глава встѣмъ
 градѣмъ владїи мѣ ірѣ
 істо ітѣ хвалѣ повздїю
 ісо ітѣмї градѣ прѣсла
 іаміючї мѣтѣ ітѣ іо во
 івѣ іен івѣ іамїи .

общается о судьбе Мамаю: «А поганому царю Мамаю отсель збѣжавшу и добѣже, идѣже есть град Кафа. Имя же свое потаилъ бяше. I познанъ бысть нѣкоимъ гостемъ купцомъ фряскимъ. Ту i убиенъ бысть. Удалцы восплескаша в татарскихъ узорчыхъ, везучи в землю свою уюсы i насычи, бугай кони, и волы, и велбуды, меды i вина, и сахары».¹²

Заканчивается «Сказание» похвалой: «Превознесется слава русская над поганыхъ землею. Ревуть рози великаго князя по всѣмъ землямъ. Пойде

Географический комментарий к заключительной похвале Печатного варианта Сказания о Мамаевом побоище.

же вѣсть по всѣмъ градомъ — ко Орначу и Крыму, к Кафѣ и к Желѣзнымъ вратамъ, и к Царюграду на похвалу: Русь бо поганыхъ одолѣша на полѣ Куликовѣ на рѣчке на Непрядне.

Воздадимъ хвалу Русской землѣ, кой градъ глава всѣмъ градомъ. Владимиръ i Ростовъ хвалу воздаютъ со всѣми грады, прославляючи милость божию во вѣки вѣкомъ. Аминь».¹³

Перечисленные в заключительной похвале географические пункты, до которых дошла «весть» о победе русских, дают известные основания для постановки вопроса о времени создания Задонщины, так как Печатный вариант в списке пражского Национального музея хорошо передает текст ее древнейшего вида. Это — Орнач, Железные врата, Крым, Кафа и Царьград — центр православия, связанный церковными и политическими узами с Русью и Золотой Ордой. Крым — владение Золотой Орды, Кафа — генуэзская торговая фактория в Крыму, связанная с Золотой Ордой договорными обязательствами. Ведь не случайно именно в Кафу бежал Мамай после разгрома его на поле Куликовом и битвы

¹² KNM, IX.E.60, л. 232 об.—233.

¹³ KNM, IX.E.60, л. 233.

с Тохтамышем. Железные ворота — это Дербент, восточная окраина владений Золотой Орды. А где же находился Орнач, первым названный в перечне городов, до которых дошла «весть» о победе русских над Мамаем?

О том, что это был значительный город, принадлежавший Золотой Орде, свидетельствует Московский летописный свод конца XV в., в котором читаем под 1346 г.: «... того же лета казнь бысть от бога на люди под восточную страну, на город Орнач и на Хазьторокань и на Сарай и на Бездеж и на прочие грады».¹⁴

Еще раз мы встречаем это название в перечислении городов, которые были завоеваны Тамерланом (Темир-Аксаком) в битвах с Тохтамышем. «А се имена тем землям и царствам, еже поплени Темир-Аксак: Джагатайский улус, Хоросан, Китай, Синюю Орду, Шираз, Исфагань, Орнач, Шемаху, Савас, Арзерум, Тебриз, Тифлис, Гурзустани (Грузию), Абхазию, Багдад, Дербент («Темирбаты, рекше Железнаа Врата»), Ассирию, Вавилонию, Севастию, Армению, Дамаск, Сарай Великий».¹⁵

Акад. Б. А. Рыбаков пишет о том, что «основная часть списка соответствует завоеваниям Тимура 1372—1392 гг.».¹⁶

О том, какая судьба постигла Орнач, свидетельствует карта венецианского космографа Фра-Мауро, посетившего Нижнее Поволжье в первые годы XV в. вскоре после нашествия Тамерлана, когда большая часть когда-то цветущих городов превратилась в развалины.¹⁷ Орнач назван в итальянской транскрипции автора «Organsa».¹⁸ Рядом с названием Фра-Мауро нарисовал надгробие и приписал: «Sepulcrum real» — «в действительности могилы».¹⁹ Следовательно, город Орнач в конце XIV в. перестал существовать.

До разгрома Тамерланом Нижнего Поволжья Орнач был самой восточной точкой владений Золотой Орды, и автор Задонщины осмысленно назвал географические пункты: Орнач, Железные ворота (Дербент) были восточными пунктами владений Золотой Орды, Крым и Кафа — западными. Смысл заключительной похвалы Руси и был именно в том, что известие о победе московского великого князя Дмитрия Ивановича дошло до «опорных» пунктов владений Золотой Орды эпохи ее могущества. Было бы странным и неестественным, если бы автор Задонщины упомянул Орнач, до которого дошла «весть» о блестящей победе русских, — город, который после 1392 г. не существовал. Ургенч был построен много десятилетий спустя в нескольких десятках километров от древней столицы Хорезма.

В сохранившихся списках Задонщины эпизод, в котором рассказывается о распространении «славы», помещен до рассказа о сражении на поле Куликовом. В Печатном варианте он заключает повествование. В. П. Адрианова-Перетц писала по этому вопросу: «... есть основание полагать, что в первоначальной редакции Задонщины ... этот эпизод, рассказывающий об ужасном виде поля битвы и о славе Русской земли, стоял не в первой, а во второй части повести и относился к описанию

¹⁴ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 175.

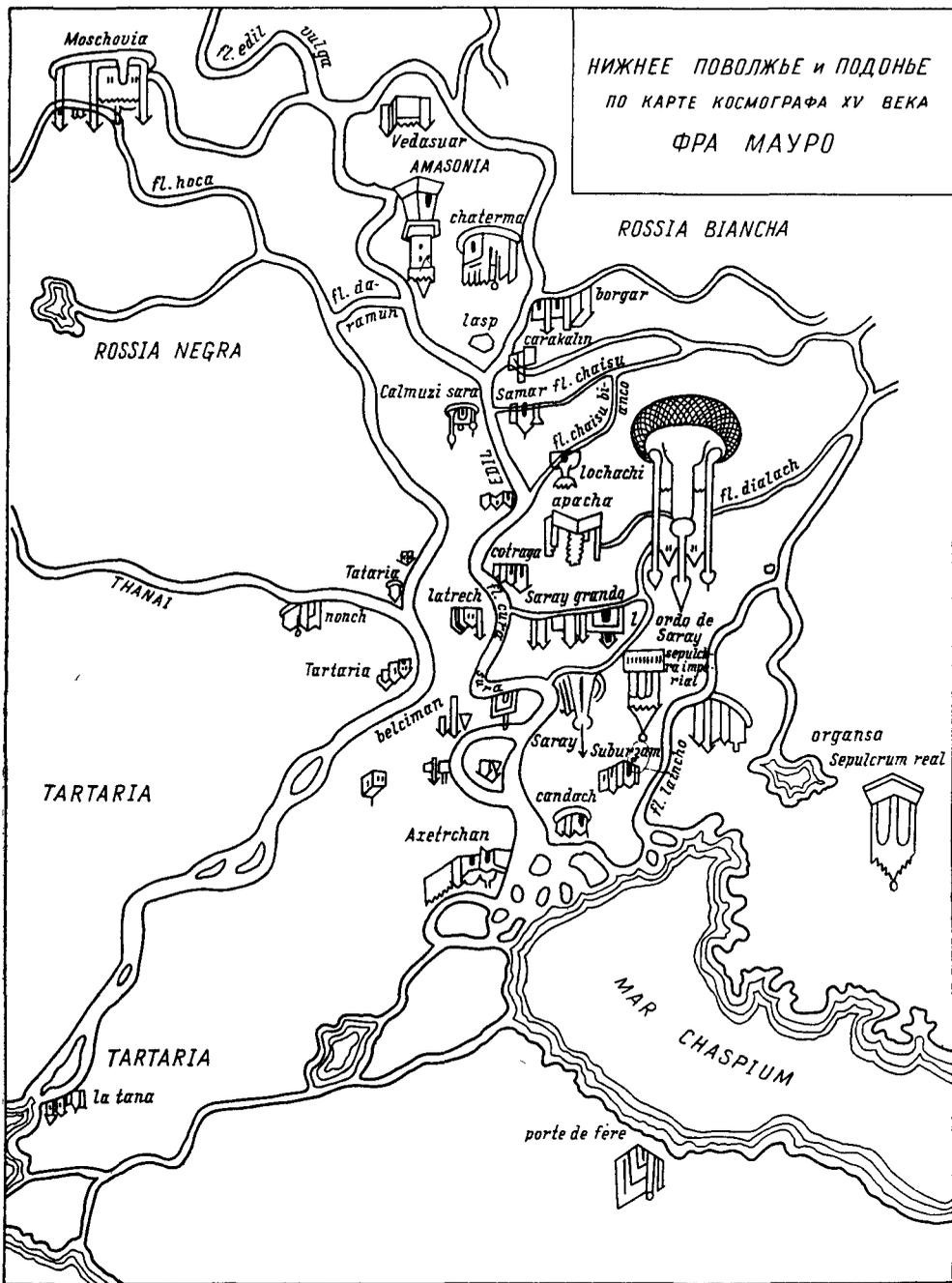
¹⁵ ПСРЛ, т. XI. М., 1965, с. 153.

¹⁶ Б. А. Рыбаков. Русские карты Московии XV—начала XVI века. М., 1974, с. 12.

¹⁷ Ф. Ф. Чекалин. Нижнее Поволжье по карте космографа XV века Фра-Мауро. — В кн.: Труды Саратовской ученой архивной комиссии, т. II, вып. 2. Саратов, 1890, с. 247—251. Приношу сердечную благодарность акад. Б. А. Рыбакову, указавшему мне эту работу.

¹⁸ М. Н. Тихомиров считал, что Орнач — это Ургенч, см.: «Указатель географических наименований» к т. XXV ПСРЛ, с. 441.

¹⁹ См. географическую карту Фра-Мауро в книге Ф. Ф. Чекалина.

Карта итальянского путешественника Фра Мауро.

окончательного разгрома Мамаея». ²⁰ Л. А. Дмитриев, исследовавший вставки из Задонщины в Печатном варианте Сказания о Мамаевом побоище, также пришел к выводу о том, что этот эпизод восходит «к такому тексту „Задонщины“, в котором встречались чтения различных сохранившихся списков, т. е. к тексту, близкому их общему источнику». ²¹ Следовательно, чтение «похвалы Руси» в пражском списке Сказания о великом князе Дмитрее Ивановиче Московском (представляющем Печатный вариант Сказания о Мамаевом побоище) отражает текст, близкий к первоначальной редакции Задонщины.

Эти наблюдения позволяют нам полагать, что Задонщина была написана до 1392 г. Эта дата совпадает с выводами М. Н. Тихомирова.

* * *

Текст пражского списка Сказания о великом князе Дмитрее Ивановиче Московском публикуется в соответствии с правилами, принятыми в ТОДРЛ. ²²

Текст передается современным шрифтом с заменой букв: і — и, ѣ — е, љ, ѧ — я; ѣ в конце слов опускается, ударения в словах сохранены.

**Сказание о великом князе Дмитрее Ивановиче Московском,
како победи божию помощью безбожнаго царя Мамая
со тмочисленными его воинствы**

Л. 215

Бысть сия победа и брань случись на Дону православным христианом з безбожными агаряны. И како возвыси господь род христианский, а поганых уничижи и посрами их суровство, яко же иногда Гедеон Мадиямы низложи, и Моисеом фараона потопа.

Подобает же нам, братие, ведати величия божия, како творит господь волю, боящихся его, и како пособи господь православному великому князю Димитрию Ивановичю Владимирскому на безбожныя агаряны.

В лета 6887 (1379) году. Попущением божиим от научения дьяволя воздвигеся царь от восточныя страны именем Мамай ельлин сый родом, верою же идоложрец и иконоборец, злый христианский ненавистник и укоритель. И вниде в сердце его дьявол подстрекатель на кровопролитие, иже всегда пакости дея христианом. И наусті его разорити православную веру и все христианство, яко да не славится в них, в людех тех имя господне, что господь восхощет, то и творит. || Тот же безбожный царь Мамай нача завидеть первому Батыеви и второму безбожному Батыю. И нача испытывать старых еллин, како Батый пленил Киев и Володимер и всю Русь словенску, и како уби князя Юрья Дмитриевича и мнози православные князи изби, и мнози монастыри плени и оскверни вселенную пречистую церковь, разграби злато. И бысть ослеплен очима. Того ж не разумѣша нечестивый, яко господу годѣ, тако и будет, яко же во оны дни Иерусалим пленен бысть мерским царем Навходоносором вавилонским за их согрешение, но не до конца прогневается господь, ни в веки враждует.

Л. 215
об.

Слышав же безбожный царь Мамай и нача дьяволом палим бысть, непрестанно ратуя на христианство. Нача глаголати ко своим упатом, и князем, и уланом, яко «хощу аз тако творити, како Батый. Аз князи

²⁰ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, с. 215.

²¹ Л. А. Дмитриев. Вставки из «Задонщины» в «Сказании о Мамаевом побоище»... с. 431.

²² Р. П. Дмитриева. Проект серии монографических исследований — изданий памятников древнерусской литературы. — ТОДРЛ, т. XI. М.—Л., 1955, с. 491—499.

их иждену, а котóрыя грады их красны, тех хощу видети тѣхо и безмятежно».

Но рука божия высока. По малых же днех и по глаголах его царь Мамай перевезеся великую реку Волгу со всеми силами своими. И многи орды совокупѣ с собою, глаголя им яко обогатѣете русским златом. И пойдѣ на Русь сердѣтуя, яко лев пыхая, и яко неуголимая ехидна. Добиде же до устья реки Воробнежи, приидѣ, || и распусти рать свою, и заоведа им, глаголя, яко «ни един вас не пашет хлѣба: бѣдите готóви на Русскую зѣмлю, на хлѣбы».

Слышав же то Олег, князь Рязанский, яко царь Мамай близ кочѣет, а идет на Русь с ратью, стоит на Воробнеже, а идет на великаго князя Димитрия Ивановича. Бѣсть же у Олга, князя Рязанскаго, скѣдость ума во главе и сатана ухипрѣние вложи в сердце его. Нача посылать посла своего к Мамаю царю со многуо чѣстѣю и з дары. Ярлык же свѣй писа к нему сѣце: «Восточному царю Мамаю твой посаженый присяжник Олг Рязанский. Слышах тя господина многомилостива, хощеши итти на Русь, на своего посаженника и службника, на князя Димитрия Московскаго, огрозѣтися ему хощеши. Ныне же, господине, приити ти время есть, злата и сребра наболнися земля его. И тако бо вем, всесвѣтлый царю, яко кроток естъ человек Димитрий. Егда же услышит имя ярости твоея, то отбежит от тебе в дальний оток, где есть мѣсто пусто и неключимо. Злато же и богатство все бѣдет в твоих руках. Мене же, раба твоего, царю пощадѣ держава твоя. Аз бо Русь велики устрашаю и князя Димитрия. Но и не то одно царю, егда о своѣй обидѣ || и твоим именем погрожу ему, а он о том не радит, еще де град мой, Коломну, взял за себя. Да о том бѣвем молю тя, царю, не презри молѣния моего». Ярлык списав, посла же не послав. Но посла посла свой к великому и к велеречивому и к велеумному Олгирду Литовскому, смысливше худым своим умом, и писа грамоту сѣце: «Великому князю Олгирду Литовскому Олег Рязанский пишя радоватися. Ведаю яко издавна мыслил еси на Московскаго князя Димитрия изогнати его, а Москвою владѣти. Ныне же приспе время нам, яко великий царь Мамай идет на него и хощет пленити зѣмлю его. Ныне же приложимся и мы к нему, да тебе даст Москву и инныя присяжныя города, а мне даст Коломну и котóрыя близ Муром и Володымер. Ты же и аз пошлем послы своя к нему и дары, елико имам какія. И пиши кнѣги ему елико сам вѣси паче мене. Аз же писах, но не послах: хощу заедно с тобою и жду твоего поклицаря».

Приидѣ же посол и вѣдст грамоту Волгерду от Олга. Олгерд же прочѣт грамоту и рад бѣсть и похвалив друга своего Олга великою похвалою. И посла посла свѣй к царю, и дары безчисленныя, и к нему писав сѣце: «Великому || восточному царю Мамаю князь Волгерд Литовский. Много слышах, господине, что хощеши улус свѣй казнити и Московскаго князя Димитрия. Да того ради молю тя, царю, яко обиду сотвори Ольгу Рязанскому, а мне тако ж пакости деет. Но молим тя оба державе царствия твоего, видит твое смотрѣние нашу грубость отъ Московскаго князя Димитрия».

Всѣ же глаголют лѣстѣю на великаго князя Димитрия и рекучи в себе: егда услышит имя царѣво и нашу присягу к нему, и он отбежит в Великий Новград, или на Двину. А мы сѣдем на Москвѣ и на Коломне. А егда царь не придет и мы ему болшая сих срящем. Царь же возвратится и мы княжѣние московское разделим: инѣе к Вилне, а иное к Рязани. Но и ведаем, яко царь имать ярлыкѣ дати нам и родом нашим. Но сами ся не ведаху, что глаголют, яко несмысленни и млѣди умом, аки не вѣдущѣ божия силы и владычня смотрѣния: бог дает власть, ему же хощет. По

истинне бо рече: Аще кто держится добродетели, то не может безо многих врагов быть.

Князь же Димитрий Иванович, образ смиренномудрия нося и смирения во высѡких ищет, еще не чюявше бывших || сих, иже совещаша на него ближнии его. О таковых бо рече пророк: не помысли ближнему своему зла, то тебя не постигнет зло. Той же паки рече: ров изры, ископа и впадется в яму, юже содела, сам впадется в ню. л. 217
об.

Придоша же книги по сорченному словеси от Олгерда Литовскаго и от Олга Рязанскаго к безбожному царю Мамаю, и дары многоценныя вдаша ему, и книги писанныя.

Безбожный же возрев на писания и рече: «Лестию си писаше». И нача думати со алпаусты своими. Они же разумеша яко прилежно писание их,^a и рече царь: «Аз чаях яко они с московским князем воедино совокуплены будут на мя. Ныне же разумею, яко разность между ими велика есть, имам убо на Русь быти». Послов же тех чествовах и отпусти их. И написанье им написах: «Ольгирду Литовскому и Ольгу Рязанскому. Елико писасте ко мне, узнах. А на дарех ваших хвалю вам, колико хочете Русския земли и вотчины, тем вас одарю, толко присягу ко мне имейте. Ныне же сретите мя со своими силами, где успеете. Да одолеете своего недруга. Мне ваша помочь не добре надобна. Аще бы хотел, то и своею силою и древний Иерусалим пленил бых. Но чести вашей хочу. А моим именем и вашею рукою || распужен будет князь Димитрий Московский. Да огрозится имя ваше во странах ваших. А мне бо достойт победити царя себе подобна и довлеет ми царская честь. Сиче князем своим рцйте». л. 218

Послы же возвратишася восвойси и поведаше, яко царь здравит и велми хвалит. Он же возрадовавшася о суетном привете скудным своим умом. Что убо сих нареку! Аще бо врази были себе, то о себе бы брань сотворили. Ныне же сия глаголы что есть! Едина вера и едино крещение, а к поганому приложилися и вкупе з безбожным хотят гонити православную веру. О таковых бо рече Патерик: по истинне бо отсекошася своя маслина и присадишася к дикой маслине. И тако сии безбожныи отвергошася веры христианския и прилепишася к безбожному.

Олг же нача паче поспешиват и посылати послы к Мамаю царю. И рече: «Падвизайся скоро». О таковых бо рече писание о неразсужденных: пути беззаконных не спеют, но збирают себе досады и понос, правы же пути спеют. Ныне же сего Олга наречем втораго Святополка.

Слышав же то князь Димитрий Иванович, яко грядет на него безбожный царь Мамай, и не уклонима рать на Христову веру, поревновав злому Батыеви. Князь же великий Димитрий Иванович || опечалився вельми о безбожном нахождении, и став пред иконою, иже стоит возглавии ему, и пад на колену, поклонися, нача молитися пред образом божийм. И рече: «Аще, господи, смею молитися, смиренный раб твой, прости уныние мое, на тя уповаю, боже мой. Разверзи, господи, печаль мою! Ты бо еси свидетель нам, владыко, и не сотвори нам, яко же отцем нашим, яко же наведе на град наш злаго Батия! И еще тот страх и трепет в нас велик есть. Ныне же, господи, не до конца прогневайся на ны. Вем бо, яко мене ради грешнаго, хочещи истребити землю Русскую. Аз бо согреших пред тобою паче всех человек! Сотвори, господи, ради слез моих милость свою и укрепи сердце мое ко свирепому, яко же возвысився Езекию. И рече: на господа уповах и не изнемогу». л. 218
об.

^a В ркп. иж.

И посла по брата своего по князя Владимира Андреевича. Он же бе во своей державе в Боровске. И посла по вся воеводы и поместныя князи. Князь же Владимир Андреевичъ приехав вбързе во град Москву, и мнози князи и воеводы съехашася. Князь же великий Димитрий Ивановичъ поим брата своего, князя Владимира, и иде ко преосвященному митрополиту Киприяну. И рече: «Веси ли, господине, отче, настоящую беду на нас, яко Мамай царь идет на нас || в неукротиме образе и ярости?». Преосвященный же митрополит Киприан рече великому князю Димитрию: «Повеждь ми, господине, чим еси не исправился ему?». Князь же великий Димитрий Ивановичъ рече: «Исправих бо ся, отче, всем да велика к нему по уставу отец своих, но еще и ббле того воздах ему». Преосвященный же митрополит рече великому князю: «Видиши ли, господине, поупчением Божиим и наших ради грехов идет пленить землю Русскую. Но вам подобает, князем русским, тех утолти ради христианскаго народа четверицею и сугубою, дабы не разрушил Христовы веры. Аще не смирится, то господь гордым противится, смиренным же дает благодать и господь бог смирит его, яко же иногда случися великому Василию в Кесарии: идый на него злый преступник ис Перс злых, хотя разорити град его. Он же помолися богу со всеми христианы и собраше злата много, дабы отступника утолти. Он же ббле возярився. И господь посла на него вбина своего Меркурия. Он же уби гонителя мечем невидимо. Ныне же возми, господине, злата, колико имаши, и пошли к нему исправися ему еще».

Князь же великий Димитрий Ивановичъ, слышав от архиепископа и иде з братом своим в казну свою, || и взем злата много. И нача избирати юных от двора своего. Избра юношу доволна смыслом, именем Захарию Ташкова. И дав ему доволно злата и два толмача, умеюща языку ельлинскому, и отпусти ко царю.

Захария же, дойде земли рязанския, и слышав то, яко Олыг Рязанский и Олгерд Литовский приложилися к Мамаю царю. И посла к великому князю тайно посла. Князь же великий, слышав то, з братом своим нача сердцем своим двизатися, оба ярости и горести наполнися. Став, нача молитися: Господи боже мой, на тя надеюся вправду. Ты бо еси волю творыши любящим тя. Аще ми враг пакости деет, то подобает мне противу его итти, яко искони есть враг христианству. Но сии друзи мои и ближнии мои тако на мя умыслиша. Суди, господи, по правде между их и мною, аз бо ни единого сотворих зла им, разве чести и даров от них приимах и им воздах. Но суди, господи, по правде моей, да скончается злоба грешных!

Поим же брата своего, князя Владимира, и иде вторбе ко преосвященному митрополиту Киприяну, и поведи ему как приложилися и совокупилися з Мамаем два князи: рязанской и литовской. И рече преосвященный митрополит Киприан: «То и сам паки, княже, веси, кою обиду сотворил еси им?» || Князь же великий, прослезився, и рече: «Аз есмь, господине, грешный человек пред богом, а к ним ни единою чертою не преступих по отец своих уставу. Но и сам, отче, веси яко доволен есмь вотчиною своею, но к ним кою обиду сотворил, не вем, что ради умножися стужающии ми».

Преосвященный же митрополит рече к великому князю: «Просвети, господине, очи свои веселием. Ты сам, господине, разумееш закон божий, кто творя правду, не подвижутся на него человецы, яко праведен господь и правду возлюбил. Ныне обидоша мя, аки пси мнози пустошнии, суетно и тщетно поучаються. Ты же именем господним противися им и господь правдив, — будет ти помощник. Аще ли ничто от всевидящаго его ока где можеша избыти и от крепкия руки его».

Князь же великий Димитрий Ива́новичъ з братом своим князем Влади́мером и со всіми русскими князи и воеводы яко устави́т стра́жу тверду. И посла́ша на сторо́жу крѣпкія юноши: Родиона Ржевскаго, Васи́лья Тупика, и повеле им ехати блі́з орды и до Быстрыя сосны. И повеле им языки добыва́ти, дабы истинно слы́шали ца́рево хоте́ние.

Грамоты же разослав князь великий по всем градом: «Да будите готови на брань и збирайтесь на Коломну || битися з безбожными агаряны, вси бо на мя собращася сопостати. Но по́мощію божию и молитвами пречистыя богородицы изы́дем к нѣм во стрѣтѣние». Сторожи же в полѣ замедлиша. Он же другіе сторожи посла и повеле им вскоре возврати́тися. А послал Кли́мента Поляни́нова, да Ива́на Свяслова, да Григо́рья Судока и иных мно́гих с ними. Они же сретоша Васи́лья Тупика еще близ Оки реки, ведуще языкъ к великому князю. Языкъ же пове́да великому князю, яко неложно і́дет ца́рь на Ру́сь, совокупився со многими ордáми, и еще с нѣм совокупилися О́льг Рязáнский и О́льгерд Литовский. Не спешитъ бо ца́рь того ради, яко бсени ждѣт: хо́щет бѣти на русскія хлѣбы.

Князь же великий Димитрий се слы́шав не ложно тако́бе воста́ние безбо́жных, и нача утешáтися о бозе, и укрепляя брата своего князя Влади́мира, и все русскія князи, глаголя їм та́ко: «Бра́тия моя, русстии князи, и воево́ды и боля́ря! Гнездо есмя князя Влади́мира Ки́евского, иже изведе нас от стра́сти ельлинския, ему же открь́л е́сть господь правосла́вную ве́ру, яко же оному стратилáту, и па́ки он же запове́да нáм ту ве́ру крѣще держа́ти и побора́ти^а по ней. Но аз, бра́тия, за ве́ру христиа́нскую гото́в || есми ўмрети!». И рече князь Влади́мир Андреевичъ и все русскія князи: «Воистинну, господине, зако́нную за́пове́дь крѣпко совершаеши и свято́му евангелию послѣдуеши. Пи́сано бо е́сть: «аще кто постра́жет за имя мое, аз упокою его». Мы же, господине, гото́вы есмя все умрети и головы своя сложити за Христо́ву ве́ру и за святыя церкви и за твою оби́ду, вели́кого князя».

Князь же великий Димитрий Ива́новичъ, слы́шав от брата своего и от всех русских князей, яко дерза́ют и побора́ют по правосла́вной ве́ре Христо́ве. Князь же великий рече всем князем и воево́дам бѣти на Успе́ньев день пречистыя богородицы на Коло́мну, яко да приберѣм полки и да́м коему́ждо полку воево́ду.

В то́ же время́ приспѣша князи белозѣрстии, подбѣни су́ть во́ином крѣпким, вельми доспешны и конны воински наряжены. Под нѣми князь Фѣдор Семѣновичъ Белозѣрской, князь Семѣн Миха́йловичъ, да князь Андре́й Ке́мской, да князь Гле́б Ка́рголомской. И приидо́ша князи яросла́встии со всіми си́лами: князь Андре́й Яросла́вский, князь Рома́н Прозбро́вской, князь Лѣв Сѣрпуховский, князь Дми́трей Росто́вский и инѣе мно́гие князи. Убо же, бра́тия, стук стучит и гром гремит. В сла́вном граде Мос́кве стучит рать москoвская вели́каго князя Димитрия Ива́новича. ||

О хождѣнии в Троицкой монастырь вели́кого князя Димитрия Ива́новича и о благословѣнии и о пророчестве святаго отца Сѣргия.

Князь великий Димитрий Ива́новичъ, взял с собо́ю брата своего, князя Влади́мира Андреевича и мно́зи князи, и боля́ре великия, и і́де в монастырь святы́я Троицы ко свято́му игу́мену Сѣргию. И шѣд, получи́ благословѣние от него и от всея оби́тели его. И скоро хоте итти от него к Мос́кве. Моли́ же его святы́й Сѣргий, вели́каго князя, да быша у них во оби́тели слушал обедни. И приспе тогда день святых мученик Флора и Лавра. По сконча́нии же обедни моли́ его святы́й Сѣргий со всею братье́ю мнѣхи, дабы у них вкуси́л хлѣба на трапѣзе со всіми князи и боля́ры.

^а В ркп. поварати.

Князю же великому нужно бе, не хотя слѹшати литургии, ни хлеба вкусити у препадобнаго Сѣргия. И прискочѣше бе ту к нему вѣстницы сице глаголюще, яко царь Мамай с татары бѣжится на Русь. И молящуся князю святому, дабы его отпустил немедленно. Святой же сице рече ему о замедленіи: «Се тебе, князь, сѹть бо поспешитися святою Троицею. Бѹдет ти венѣц носѣти великія сия победы, но ни еще не поминувших
л. 222 ти летех, а и инем уже мнозем плетѹще венцы. Токмо ты сотвори || послушаніе».

Слѣшав же се князь от святого и боляря, и вкуси хлеба, и сотвори волю его, вшед в трапѣзу з братом своим и со всеми князи и боляры, и вкуси хлеба святѣя обѣтели.

Святой же Сѣргий повеле в то время воду свящати со образа святых мученик Флора и Лавра и скоро принести к себе. Князь же великий скоро от трапѣзы востав. Преподобный же окропи его тою святою водою и все воинство его. И даст ему знамение — крест Христов. Глаголя сице: «Поиди, господине сыну ѣмя нарѣк господа нашего Исуса Христа, то да будет ти помощь сия». Потом же тако рече ему: «Имаши побѣдѣть враги своя и здрав восвойси возвратитися».

Князь же великий, прослезився. И испроси у него благословения дара. Преподобный же Сѣргий рече ему: «Елико ти довлѣет твоему господству, что ти бѹдет прибоже? И рече ему князь великий: «Дай ми, отче, два некія мниха воеводы от полку своего, то и ты с нами пособствуй». И рече ему преподобный старец: «А ких, господине?». Рече же ему князь великий: «О двою братех, о брянских болярех — Пересвѣт и брат его Ослебя». Преподобный же повеле им скоро готовитися. Они же яко ведомо сѹть ратници, послушаніе скоро сотвориша. Преподобный же ||
л. 222 об. Сѣргий даст ѣм в глennyх оружїе, вместо нетлѣнных, и мнѹг тверд дослѣх, крест Христов нашѣт на схилах их, и повеле им вмѣсто дослѣха возлагати на себя. И даст их в рѹце великому князю, и рече ему: «Се ти оружицы, а твои излюбленницы». И рече ѣм: «Мір вам, братія моя! Постражите яко дбблии воины Христовы». И всему православному христианству даст Христово знамение. И даст им мир и благословеніе.

Князь же великий Димѣтрій Иванѹвичь обвеселися сердцем, не повѣда никому же, еже рече ему старец, и поѣде ко граду Москве, аки некое многоценное сокровище обрѣте, радуясь о благословеніи старца.

Приѣде же во град Москву и поѣм брата своего, князя Владѣимира, и ѣде ко пресвященному митрополѣту Кипрїяну и повѣда ему единому, еже рече святѣй старец ему, и како даша ему благословеніе. Пресвященннй же митрополѣт рече ему: «Никому же, господине, не поведай сего».

Князь же великий ѣде в ложницу свою, яко же вечеру сѹщу. Приспѣвшу же дни четвертку месяца августа в 22 день на память святых мученик Агафѹника и Аѹппа. Восхоте уже изѣти князь Димитрїй Иванѹвичь
л. 223 прѹтиву безбожных печенѣг, || и поѣм брата своего, князя Владѣимира, и ѣде в церковь Пресвятѣя богородицы, и став пред образом господним, и согнѹв рѹце свои к персем, и рече во умилѣнии сердца, слѣзы от очию его яко истѹчник проливается, глаголя: «Молѹ ти ся, боже пречѹдный, владыко страшный и кроток, войстинну еси царь славе, помѣлуй нас грѣшных! Егда унываем от скорбѣй наших и к тебе прибегаем: единому спасѣтелю нашему. Тебе бо лѣпо есть мѣловать и спасати нас, под твоєю бо рукою есмы. Вѣм бо, господи, оставляющему нас, нам тебя взыскающим». И иная многая ему глаголюще и молящеся. Приѣм псалом 34 и рече: «Суди, господи, обѣдящая мя и возбрани борѹщая мя, приими оружие и щѣт и востани в помощь мне, да постыдѣтся и посрамѣтся являющей рабѹм твоим злая. Дай же ми, господи, помощь на прѹтивныя, да и те

познают славу имени твоего». И паки иде пред образом чудотворных иконы Пречистой царицы богородицы, юже Лука евангелист писал при животе ея. И нача умилно вещати ко пречистому образу, и рече: «О, чудотворная госпоже царице, всего живота человеческого кормилица! Тобю познахом истинного бога нашего, рождышагося от тебе. Не дай же, господи, в разорение || града нашего поганому царю Мамая, ниже осквернити святую твою церковь. Моли сына своего и бога нашего, владыку творца и содателя нашего, и даст нам господь руку свою, смирит сердце врагом нашим, и не будет рука их высока, и свою помощь послы нам, госпоже, и нетленную свою ризу давню одеемся, и не страшливи будем к ранам их. И молитвою еже к сыну своему помолись за ны, яко твои есмя раби. Ты бо, госпоже, богом рожденна еси, родителя же твоя единого Авраама внуцы с нами. Вем бо, госпоже, яко хощеши нам дати помощь на противныя враги. Онé бо не исповедают тебе, владычице. Но аз на твою помощь надеюся, подвизаюся противу безбожных сих. Да будет умолён тобою сын твой и бог наш!».

л. 223
об.

И иде ко гробу блаженного новаго чудотворца Петра и любезно рече: «О, преподобне отче чудотворный святителю! И по смерти жив еси, чюдеса твориши непрестанно. Ныне бо ти приспе время молитися за ны ко общей владычице всех. Днесь бо злыя вещи належат нам, погании бо идут на мя, раба твоего, и крепко ополчшася на град твой Москву напрасно вооружаются. Тебе бо господь прояви последнему роду нынешнему, еже господь тя светло, яко свещу на свещнице, и тебе подобает молитися о нас, да не приидет на ны рука грешника. || Ты бо правый наш водитель еси и страж, яко от твоею есмя паствины».

л. 224

Скончав молитву и поклонився митрополиту. Он же благослови его и отпусти его, и даст ему Христово знамение на челе. Послав же освященных соборы с крýлосом во градныя врата, во Фрбловския, в Константино-бленския, и в Никольския врата со честными кресты и с чудотворными иконами. Да всяк же воин благословен будет.

Князь же великий Димитрий Иванович пбиде з братом своим в церковь небеснаго воеводы архистратига Михайла и много молився святому образу его, и приступив ко гробом православных князей, прародителей своих, рекучи: «Воистину есте хранителие и православныя веры поборницы. Аще имате дерзновение ко господу, помолитися и о нашем унынии, яко велико востание приключися на нас. И аз ныне убо и вы подвизайтесь с нами». И сия рек, изыде из церкви.

Княгиня же великая Евдокья и княгиня князя Владимира, и иных православных князей княгини с воеводскими женами ту стояше и провожаше всякаго служиваго чина, бояждо своего мужа, во слезах захлипашеся ко сердечному, ни едина не может словеси во слезах рещи. Княгиня же великая Евдокья отдаст конечное целование государю своему, великому князю Димитрию. А во слезах не может слова промолвити. Князь же великий Димитрий мало удержався от слез, не прослезился || народа ради, а сердцем кровно плача, тешаше свою княгиню великую. И рече: «Жено, аще господь по нас, то кто может на нас зло помыслити». И прочие княгини и боярони и воеводския жены, коя своим князем и бояром отдаша конечное целование и возвратишася с честью.

л. 224
об.

Князь же великий Димитрий Иванович вступи во златокоеванное стремя и сяде на своего любимаго коня. Все же князи и воеводы на свои кони изседоша. А солнце со входа светит в путь его, и ветрец тих и тепл по них веет. Уже бо тогда яко соколы от златых колбодц рвахуся. Выехали князи белозерстии ис каменнаго города Москвы своим полком. Урядни бо полцы их видети, яко достоин им избивати стадо лебядиное, бé бо храбро воинство их. Князь же великий Димитрий Иванович рече

брату своему князю Владимиру Андреевичю и иным князем и бояром и воеводам: «Братия моя милая! Не пощадим живота своего за веру христианскую и за святые церкви, за землю Русскую!».

И взговорит князь Владимир Андреевич: «Господине князь Димитрий Иванович! Воеводы у нас велми крепцы, а русская удалцы велми сведомы, имѣют под собою борзы кони, а доспѣхи имеют велми тверды, злаченыя калантыри и буданы булатныя, и комчары фрязьскія, корды ляцкия, сулицы немецкия, щиты черленныя, копья злаченыя, сабли булатныя. А дорѣга им велми сведома, берѣза им по Оке рече изготѣвлены, хотят гѣловы своя сложить за веру христианскую и за обиду государя великаго князя».

Князь же великий Димитрий Иванович отпусти брата своего, князя Владимира Андреевича на Брашево дорогою. А белозерския князи отпусти Болвановскую дорогою, рекше Деревенскою. А сам поиде на Котлы. Спереди ему солнце сияет и добре грѣет, а по нем короткий ветрец вѣет. Не пошли бо того ради единою дорогою, яко не вместитися им.

Княгиня же великая Евдокѣя с своею снохою и с иными княгинями и воеводскими женами взыде на златовѣрхней свой терем в набережной, и сяде под южными окны и рече: «Уже бо конечное зрю на тебя, великаго князя». А в слезах не может слова сих рещи. Слезы бо от очию лиются, аки рѣчныя быстрины. Воздохнув печально, спѣв рече свои к персем и рече: «Господи боже великий, прѣзри на мя, смиренную, сподоби мя еще видети государя своего, князя славнаго во чловецех великаго Димитрия Ивановича. Дай же, господи, ему помощь от крепкия руки твоея. Да побѣдит противныя своя. Не сотвори, господи, якоже за мало лет || брань была на рече на Калке христианом с татари от злаго Батия. От Калининскаго побѣща до Мамѣево рати 160 лет. От таковоыя же беды и ныне, господи, спаси и помилуй! Не дай же, господи, ныне погнѣнъ оставшему христианству. От тое бо рати Русская земля уныла, ни на ково же надежды не имам, токмо на тебя, всевидящаго бога. Аз же, унылая, имею две отрасли: князя Василья, да Юрья. Но еще и те мали суть. Егда повѣет ветр им с юга, или з запада, то не могут терпети, ни на что же опираяся. Или их зной поразит, такоже им погнѣнъ. А противу сему что сотворим! Возврати им, господи, отца их по здорѣву, то земля их здорѣва бѣдет. А он во веки царствует». Князь же великий Димитрий Иванович поят с собою от сурѣжан, рекше от гостѣй, яко 10 мужѣй, повѣдания ради далних земель, да аще что случит господь бог, те же имѣют повѣдать в далних землях, яко гостѣбницы сущѣ. 1-го гостя — Василья Капицу, 2 — Сидора Олферьева, 3 — Константина Болкова, 4 — Козму Ковѣрю, 5 — Семѣна Кортонѣса, 6 — Михайла Самарѣева, 7 — Тимофея Весакова, 8 — Дмитрея Чернаго, 9 — Ивана Шиха, 10 — Дементия Сарѣева.

Тогда возвѣяша силнии ветри по дороге ширѣе || и воздвигошася величии князи, а по них русския сынове спѣшно грядут аки медвяные чаши пити и стебли винны ясти грядут, хотят укупить чѣсти славнаго имени в веки земли Русской великому князю Димитрию слѣти. А громко ворганы бьют, тихо с поволокою ратныя трубы трубят, многогласно и чѣсто кони ржѣют. Звенит слава по всей земли Русской великовечне бьют.

В Великом Новеградѣ стоят мужи новгородцы у Святых Софѣи Премудрости божии. А рекучи между собою таково слово: «Уже нам, братие, на помощь не поспети к великому князю Димитрию Ивановичю, уже бо яко орли слетѣлися со всея Русския земли, съѣхались дивныя удалцы храбрых своих пытати».

Не стук стучит, ни гром гремит. По зоре стучат и гремят русския удалцы. Князь Владимир Андреевич вѣзится чрез Оку реку на Крас-

ном перевёзе в Бóровце. Князь великий Димíтрий Ива́нович прииде на Колóмну на пáмьть святаго отца Моисе́я Му́рина, в сре́ду а́вгуста в 28 день. И ту бы́ша мнози князи и боля́ря, и воево́ды, и рáтницы стрето́ша его на рэ́чке на Сэ́вке. Епископ же Евфíмий стрéте его во вратéх градных со честными кресты и с чудотворными ико́нами, и со всём крýлосом, оградив || его крестом и молитву сотвори: «Спаси, боже, лю́ди своя вёсь до конца».

л. 226 об.

Во у́трий же день князь великий повеле всем воеводам в́ыхехати на́ поле Девíчые и всём лю́дем снимáтися в четверг а́вгуста в 29 день на пáмьть Усекновения честных главы Иоáнна Предтечи.

По заутрене нача́ша мнози глáси трубы рáтныя гласíти и варга́ны те́путь. И стязи реву́т наволочáния в саду Памфíлове. Сынове же ру́ския наступáют по́ле Колóменское, я́ко нéмошно кому же презре их.

Князь же великий, в́ыхехав з братом своим, и ви́дев мно́жество лю́дей, возра́довася рáдостью и обвесели́ся сердцем, урядив коему́ждо полку воево́ду. А себе приём князи Белозэ́рския, храбри бо суть в рáтное время. А бра́ту своему, князю Влади́миру, да́ст Яросла́вския князи. С пра́вую же руку себе урядив бра́та своего, князя Влади́мира Андре́евича. А с ле́вую ру́ку себе урядив князя Гле́ба Друче́вскаго. Передово́й же по́лк Дмíтрий Всеволож да бра́т его Влади́мир. Колóменскаго же полку воево́да Миккула Васи́льевич. Влади́мирскаго полку воевода князь Рома́н Прозоровской. Юрьевскаго полку воево́да Тимофе́й Волу́евичь. Костромскаго полку воевода Ива́н Радио́нович Квашня. || Переясла́вской воевода Андре́й Сири́кизов. У князя Влади́мира воево́да Дани́ло Белеу́т да Константи́н Ко́нонович, Меще́рьской, воево́да князь Федор Еле́цкой. Му́ромския же князь Ю́рьи и князь Андре́й.

л. 227

Князь же великий Димíтрий Ива́нович, урядив полки и повеле им за Оку реку вози́тися, запове́дав же вся́кому человеку и рече: «Кто ни по́йдет по земли Рязáнской и по улúсом их, да никто не приткнется ни ко еди́ному vláсу в земли их». Са́м же взем благосло́вение от епископа Колóменскаго и повезе́сь за Оку реку. И посла трех стороже́й избранных вíтязей и рече им: «Нолны своима очима ви́дитесь с тата́рскими полки». А посла Семéна Ме́лика, да Игна́тья Кре́ня Бромутина, да Петра Го́рскаго, Ка́рпа Олэ́ксина, Петра́ Чю́рикова и иных многих посла с ними. И рече князь великий бра́ту своему князю Влади́миру: «Поспешим, бра́тие, проти́ву безбожных сих. Не утулим лица своего от погáных. Аще и смерть случи́тся нам, до́ма живучи еди́нако умрети же. А смерти во бра́ни не избы́ти. Всяк бо иды́и путе́м, призы́вая и бога на помощь и сродники своя, русския князи Бори́са и Гле́ба».

Слы́шав же князь О́льг Рязáнский, что князь Димíтрий Ива́нович собра́ мно́го || рáти и идет во стрéтение безбо́жному царю Мама́ю, а сердцем не опално и твердою своёю ве́рою крепко хочет с погáными ви́детися, имея упова́ние на бога вседержителя. Князь же О́льг Рязáнский нача преходити от ме́ста на место и глаголати со своими боля́ры: «Началному делу неудо́бь быти разумну. Аще бо мо́чно послати ко многоразумному Во́лгирду таковаго вестника, ка́ко мы́слити нам, уже бо заступили́ пути на́ша. Но аз убо по пра́вилом ча́ях, я́ко не подобáет вели́кому князю ру́сскому проти́ву безбожных итти. Ныне убо что здумал! Откуда бо себе по́мощи чаёт, я́ко проти́ву трех нас вообружился!». И рекóша ему боля́ре его: «Мы слы́шахом, княже, за 15 дней до сего дне и не сме́ли тебе пове́дати. Ска́зывают в вотчине его есть калуге́р свят, и́менем Серге́й, и прозорли́в велми. Тот де ево благосло́вил, ору́жил проти́ву нам. Да ещё де и от своих калуге́ров дал ему пособники».

л. 227 об.

Слы́шав же то князь О́льг Рязáнский, устращи́сь сердцем и рече: «Падéся мыслию». Нача боя́ться бога и серди́товати на бо́яр своих: «Почто́

а. 228 вы мне прежд сего дни не сказа́ли, дабы шѣд, умоли́л нечестиваго царя, ничтоже бо зла сотвори́л Рѹсской земли, но изгуби́х || ум сво́й. И не аз еди́н оскуде́х умом, боле́ мене е́сть Во́лгирд и то́т ся продѹмал. Мене же боле́ его бог възыщет: он бо имѣет закон Гугниваго Петра, аз же разумех истинныя вѣры закон. Но что ра́ди зло сотвори́х!» Того бо ради рече: «Аще раб не соблюдет за́поведи господина своего, би́ен будет». Ныне убо аз что сотвори́х и которому вда́хся. Ныне убо что здумаете ми! Приложил бо ся великому князю и побарал бых по нем, то отнюдь не примет мя. Веда́ет бо мою измену. Аще ли приложю́ся царю, то поистине древний гонитель буду на правосла́вную вѣру Христову, яко же иногда Святополк жива земля пожрѣт мя. Аще ли господь по них, то кто на них мо́жет зло дѹмати. Но еще молитва о́наго прозорли́ваго мнѣха к богу. Или ни еди́ному по́мощи не сотворю, то впредь како могу от обоих прожѣти? Ныне же кому господь поможет, к тому и присягнуу.

а. 228
об. Ольгирд же по реченному словеси и урѣку совокупил литвы много и варяги и жемо́иты, и по́иде на по́мощь к Мама́ю царю. При́иде же в Оду́ев, и слы́шав яко О́льг убо́яся итти. О́льгирд же пребы́сть в Оду́еве не подви́жесе ни́гдѣже. И нача размышля́ти сѹетныя своя по́мыслы и ви́дев совокупле́ние свое || ра́зно, нача рва́тися и сердитовать, и нача има́ти па́кы своя, ели́ко не доста человеку ума своего и мудрости, то всуе требовати чю́жаго ума и мудрости. «Николи ж бо Литва ху́лима от Рязáni. Ныне же изведе мя от ума О́льг Рязáнский, а сам преже мене погѣбе. Ныне убо пребуду зде, до́нде же услы́шу побѣду князя Димитрия Московскаго».

а. 229 В то́ же время слы́шав князь Дмитрей Бря́нский и князь Андре́й Полоцкый Во́лгирдовичи, что вели́ко належа́ние князю Димѣтрию Моско́вскому от безбожнаго царя Мама́я. И рече князь Андрей Во́лгирдовичь: «Идем и мы з бра́том своим вели́кому князю Димитрию на́ по́мощь». И писал грамоту к бра́ту своему князь Дмитрею: «Веси ли, бра́те мой ми́лый, отко́ле отец наш отве́рзе нам от себе. Но па́че отец наш небесный присво́и нас к себе, и даст нам господь закон свой ходи́ти по нем, отрешит нас пусто́шныя сѹеты. И что возда́дим ему проти́ву такова́го дарова́ния. Сконча́ем, бра́те, по́дви́г добродѣи́вный ко Христу, но по́идем, брате, на́ по́мощь к вели́кому князю Моско́вскому. Вели́ка бо ему, бра́те, туга належи́т от погáных тата́р. Но еще отец наш побора́ет по них, О́льг Рязáнский приво́дит их на Рѹсь. На́м же подобáет пророчество соверши́ти. Бра́тие посѣбни́цы быва́йте в беда́х. || Мы же, бра́те, помы́слим, что на́м отцу проти́витися. Евангелист Лука рече усты спаси́теля нашего: «Пре́дани бу́дут де́ти роди́телями на́ смерть и бра́тиею своѣю, и мертвѣят и имени моего ра́ди. Претерпе́вый же до конца, той спасен бу́дет». Но изле́зем, бра́те, от пла́вающаго на́с и присади́мся истинному винограду плодови́тому и христи́янско дилѣ́тельному руко́ю христовою. Ныне убо подви́за́емся, бра́те». Проче́т же князь Димѣтрий гра́моту и нача пла́каться от ра́дости сердца своего и рече: «Господи вла́дыко живо́ту моему! Да́й же, господи, раба́м своим хотѣние соверши́ть к сѣм почестѣм по́дви́га добра́го, е́же открь́л еси брату моему старѣ́йшему!». И отписа гра́моту бра́ту своему, князю Андре́ю: «Днесь, господине, гото́в есми по твоему наказáнию и ко́лько есть во́инства моего, гото́ви вку́пе со мнѣю, божиим промы́слом совокупле́ни быша и иныя люди бра́ни ради нале́жаша от дуна́йских варя́г. Ныне же слы́шах, бра́те, приидо́ша бо ко мне медоко́рмцы съ Сѣвера и ска́жут уже вели́каго князя Димѣтрия Ива́новича на Дону, яко ту уж день пребы́сть и ту хощет жда́ть сыро́йдец злых. И подобáет ти отити к Сѣверу и совокупи́мся ту, под коим путѣм отца своего утай́мся, да не возбранѣ́тся нам бра́нь трудно».

По малых же днех снидошася желанною || два брата со всеми силами своими. И сии веру свою видевше и возрадовашася, яко же Иосиф с Вениамином, видевше у себе множество людей и единосердечное уряжение, яко нарочиты суть ратницы. л. 229
об.

Приспеша же на Дон вборзе и набахаша великаго князя на Дону на вренем березе стояща. И ту совокупшася велицыи князи. Князь же великий Димитрий з братом своим велми возрадовашася великой силе божией, яко неудобь быти мшну такому востанию, яко дети оставиша отца и поругашеся ему, яко же иногда волсви Ироду. Князь же великий Димитрий многими дарами почти их, идяху в путь свой, радуящеся и веселящеся о святем душе, земного же ничто же помышляюще, но всего отвергбшася, чающе се все иново времени. Рече бо им князь Димитрий Иванovich: «Братия милая, которыя ради потребы приидоште ко мне, воистинну есте ревнители отца нашего Авраама, яко тайны Лбтовы вскоре испыти и подобни есте доблественному великому князю Ярославу, яко той отшти обиду вскоре брату своему». С тем же отослав князь великий ко преосвященному митрополиту Киприяну и рече: «Яко Волгирдовичи приидоша ко мне на посббь со мно||гими силами. А отца своего оставиша поругана». л. 230

Скоро же вестник приехав ко преосвященному митрополиту Киприяну. Архиепископ же, став пред образом господним, и прослезись от радости, нача молитву творити: «Господи, владыко человеколюбче! Яко сопротивнии наши ветри на тишину предлагаеши». И послав во вся соборы церковныи и во обители святых, и повеле молитву творити день и ночь. Борзее всех посла во обитель игумена Сергия, яко аггели молитвы их послушают.

Княгиня же великая Евдокья, слышав толико божие милосердие, и много милостыни сотворяша уббгим. Сама же непрестанно ходяще по церквам день и ночь. Но се паки оставим.

Князь же великий быв на месте реченном Березе. Приспешше же дни четвертку, на память святаго пророка Захарии, сентября в 5 день и на память сродника своего убиеие князя Глеба Владимирича. Приехаша же два от сторожей: Петр Горский да Карп Алексин и приведоша язык нарочит, яко от вельмож тех царевых. Тот же язык поведа великому князю, яко царь на Кузmine гати, но ожидает Олга Рязанскова и Олгида Литовскаго: «Твоего же собрания и стретения царь не знает. А три дни иматъ быти на Дону».

Князь же великий вопросы о силе его. Он же рече: || «Несть мощно никому же исчести силы его». Князь же великий нача думати з братом своим и с новонареченною братиею, с литовскими князи: «Зде ли нам пребыти или Дон перевеземся?» И рекоша ему Волгирдовичи: «Аще хощеши крепкаго бою, то повели сего дни возитися реку, да не будет ти ни единого мыслящаго назадъ. Всяк биетса безо лъсти. А велицей силе его не веровать, яко не в силе бог, в правде. Ярослав перевезесь реку, Святополка победи. И прадед твой, Александр князь, перевезесь реку, короля победи. И ты нарек бога, тако же твори. Аще побием поганых, то все живи будем. Аще они нас побикют, то все же общую смерть приимем — от простых людей и до князей. Мы убо, господине, видим, яко множество избранных витязей в войску твоём». л. 230
об.

Князь же великий повеле войску своему Дон возитися. Сторожи же мнози ускоряют, яко близатся татарова. Мнози же русския удалцы возрадовались, зря своего желаннаго подвига, егб же на Руси вжелеша. За многие же дни приидоша на то место мнози волцы, по вся ноци вают непрестанно. Грозб же велика есть: слышат храбрым полком сердца утвержаёт. И мнози воробы собрашася необычно, не умолкающе || грают. л. 231

Галицы же своєю речью говорят. И мнози орли от устья Дону приспеша. Лисицы на кости брешут, ждучи дни гробова, богом изволеннаго, вонь же имать пастися множество трупа человеческого и кровопролития аки морским водам. От такового страха великаго древа преклоняются и трава постигается. И мнози от обоих унывають, видяще пред очима смерть.

Поганни же начаша студом омрачати о погибели живота своего. Правобернии же челоуцы паче процветаша, чаше бнаго совершеннаго обетования и прекрасных венеч от Христа бога вседержителя, о них поведа преподобный старец. Вестницы же ускоряют, яко ближаются поганые. Уже бо напрасно прибеже в сторожей в 7 час дни в субботу. Прибеже Семён Мелик з дружиною своєю и за ними гнашеся мнози от татар. И толь напрасно и безстыдно гнашеся до полков великаго князя. И увидевше полцы, возвратишеся скоро к царю своему и повешаша ему: «Русския князи ополчашася. При Дону много множество людей». Сколко же видеша, но и четверо того боле повешаша. Он же, нечестивый, разжен бысть дьяволом, напрасно крикнувше и рече: «Коло великия || силы моя!»

л. 231
об. Аще сего не одолею, то како могу возвратитися восвойси!». И повеле напрасно вооружатися. Семён же Мелик повешает великому князю, яко же царь бредет на Гусине броду: «Уже бо одна ночь между их полками и нашими. Да подобает тебе, великому князю, вооружатися сево дни. Утре бо рано ускоряют на нас татаровя».

Князь же великий Димитрий Иванович з братом своим, князем Владимиром и с новонареченною братиею, с литовскими князи, именем Дмитрей Боброкъ, родом Волынец. И тот бе нарочитый воевода и полководец велики по достоянию, и полцы уряди, елико где кому по достоянию стояти. Князь же великий поем брата своего, князя Владимира и литовския князи, и воеводы, и вся местныя князи. И въехав на высокое место, и виде образ святый, иже Иисус воображен во христианских знаменах, аки солнце светящеся. И стези рекут новоначалнии простирающеся аки облацы, тихо трепещуще хоругви, аки живы пахутся, и доспеси русския, аки воды по вся ветры колеблются, шеломы на главах их златом украшенны, аки утренняя заря во время ведряно солнца све^а || «Поведайти ми победу сию». Рече же князь Владимир: «По милости божии и пречистыя его богоматере, молитвами и помощию сродник ваших, Бориса и Глеба, и молением русскаго святителя Петра и его способника, игумена Сергия, и всех святых молитвами супостаты наши побеждени суть, а мы спасхомся. Слышавше же то князь великий, и став на нозе свои и рече: «Сий день, иже сотвори господь, возрадуемся в оны». И привешаша ему конь крбток. Он же вседе на него и иная ему глаголюща многа к ним и рече, И въехав на побоище. И виде много множество побито воинства его, а поганых четверо того боле побитых. И обратився к Волынцу и рече: «Брате Димитрей! Войстинну разумлив еси и неложна примета твоя. Подобает ти всегда быти воеводою». И нача з братом своим и с новонареченною братиею своєю, с литовскими князи, || и со иными оставшими ездити по побоищу, а сердцем кричаше и слезами омывашеся. Наехав на место, идеже лежат Белозерския князи, вси вкупе посечени. И ту лежит близь Микула Васильевичъ. Над ними же став государь проплакався и рече: «Братия моя, князи русския! Аще имеете дерзновение ко богу, молитесь и о нас. Да вкупе будем с вами». И паки на иное место приехавше. И найде своего наперстника, Михайла Андреевича Бренка, и близ его Семёна Мелика, крепкаго сторожа. Близже им Тимофей Волуевичъ, и ту тоже близ Пересвет чернец близ нарочитаго богатыря лежаща. Видев же сего князь великий и рече: «Видите ли, братия, своего зачинал-

^а В ркп. пропуск.

щика. Тѣмъ бо победи подобна себе человека. Отъ негоже было пѣти многѣмъ горькую чашу». Стоявъ же князь великій за Дономъ въ семь дней, дондеже разобраща христіанская телеса, || с нечестивыми. Христіан же похраниша кѣлько успѣша, нечестивыя же повержены зверемъ на расхищеніе. л. 233

А поганому царю Мамаю отселе збѣжавшу и добеже, идеже есть градъ Кафа. Имя же свое потайл бѣше. И познанъ бѣсть некоимъ гостемъ, купцомъ фряскимъ. Ту и убиенъ бѣсть. Удалцы восплескаша в татарскихъ узорочьяхъ, везучи в землю свою уюсы и насычи, бугай кони, и волы, и велбуды, мѣды и вина, и сахара.

Превознесѣся слава русская над поганыхъ землю. Ревутъ рѣзи великаго князя по всемъ землямъ. Пойде же вѣсть по всемъ градамъ — ко Орначу и Крымю, к Кафе и к Желѣзнымъ вратѣмъ, и к Царюграду на похвалу: Русь бо поганыхъ одолѣша на поле Куликово на рѣчкѣ на Непряднѣ.

Воздадимъ хвалу Русской землѣ, кѣмъ градъ глава всемъ градамъ! Владиміръ и Ростовъ хвалу воздаютъ со всеми грады, прославляючи милость Божию во веки векомъ. Аминь.

(Knihovna Narodního musea v Praze, IX.E.60, л. 215—233).

съчести шыми . хрѣтии нѣ похрано ша исѡ
 лыко устѣша . Нечести шити по шотѣ
 мы затвремъ нарасти цѣниги . а по
 царю мамаю шелѣ зыѣ жаша и дѣлѣ
 же и дѣлѣ бѣсть градъ кафа . имѣти шот
 пошамъ къ . . . познаѣ въстѣ же
 коймъ гостемъ изъ цѡмъ фрѣскимъ . тѣ
 іукиенъ въстѣ . у дѣлѣ дѣлае са шѣ
 тѣснѣ узорчѣи дѣлѣи взѣмлю свою у юстиа
 сычи бугай кони и шолы и дѣлѣу дѣлѣи
 вина йсахары . [Препознестѣ слава рускам
 и дѣлѣи землѣю . рѣдѣтъ рози велика и шѣ
 по шѣмъ землѣмъ . Пойдѣмѣ о шѣсть по шѣ
 мѣ градѣмъ ко орнѣчи и кернѣмъ йсаѣѣ .
 и іежелѣ знымъ прѣтомъ , и іеѣрѣю градѣ
 на по шѣлѣ . руси во поганнѣ шѣлѣша ,
 на полѣ шѣлѣи шѣлѣ . на рѣчѣи шѣнѣ прѣдѣ
 не . Познѣдимъ хвалѣ русеи шѣи землѣ .
 шѣи градѣ глаѣи шѣлѣмъ
 градѣмъ владимирѣ іро
 шѣи хвалѣ познѣи
 шѣи градѣи просла
 шѣи мѣлѣи шѣи во
 шѣи шѣи шѣи .

В. К. ЗИБОРОВ

Хронографический вид Печатного варианта Основной редакции Сказания о Мамаевом побоище

Списки так называемого Печатного варианта Основной редакции Сказания¹ разделяются на несколько групп. Так, например, два списка (БАН, 16.13.2 и ГПБ, F.IV.228) отличаются от остальных тем, что имеют особое окончание — здесь читается короткий рассказ о торжественном возвращении великого князя Дмитрия Ивановича в Москву после победы на Куликовом поле.² Этот короткий рассказ носит явно вставочный характер. В число списков этого вида Печатного варианта Сказания можно включить еще четыре, ранее не отмечавшихся, исследователями списка: ГБЛ, ф. 228, собр. Пискарева, № 169, XVII в.; ЛОИИ, ф. 11, № 143, XVII в.; ГПБ, собр. Вяземского, F 6, XVII в.; ГПБ, Q.IV.216, XVII в. Все эти списки представляют собой хронограф Сергея Кубасова либо в его полном составе, либо часть хронографа.

Рассматривая список Печатного варианта Сказания о Мамаевом побоище БАН, 16.13.2. (Едомский летописец), С. К. Шамбинаго отметил, что начало текста в этом списке носит сводный характер. Он писал: «Близость этого вступления к соответствующему в 1 ред. Сказания, упоминание в числе союзников Ягайла, тогда как во всем дальнейшем изложении будет действовать Ольгерд, заставляет предположить, что в оригинале могло не быть случайно вступления и писец воспользовался для дополнения вступлением первой редакции. Тем более что в дальнейшем изложении следов влияния 1 ред. — нет».³

Прежде всего отметим, что такое же вступление, как и в Едомском летописце, читается во всех перечисленных нами выше списках Печатного варианта Сказания. Кроме того, характер этого вступления таков, что возводить его особенности к Киприановской редакции (1-й ред., по классификации С. К. Шамбинаго) нет достаточных оснований: текстуальных совпадений между этим вступлением и Киприановской редакцией по существу нет. Но мы имеем возможность указать конкретный текст, откуда в протограф перечисленных нами выше шести списков Печатного варианта Сказания было заимствовано добавление во вступлении и известие о возвращении великого князя Дмитрия Ивановича в Москву.

¹ Характеристику особенностей этого варианта см.: С. К. Шамбинаго. «Повести о Мамаевом побоище». СПб., 1906, с. 279; Л. А. Дмитриев. Обзор редакций Сказания. — В кн.: Повести о Куликовской битве. М., 1959, с. 458—459.

² Л. А. Дмитриев. Обзор редакций Сказания, с. 459—460 (здесь же опубликован текст этой вставки).

³ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище, с. 278—279 (здесь же опубликован текст вступительной части Сказания).

Одним из источников хронографа Кубасова был текст, близкий к тексту рукописи ГПБ, Q.IV.88; он лег в основу как хронографической, так и летописной части хронографа Кубасова. Рукопись ГПБ, Q.IV.88 представляет собой конволют XVII в., содержит хронографический (хронограф ред. 1512 г.) и летописный тексты. Часть этой рукописи датируется первой третью XVII в.⁴ В ней помещен летописец, в тексте которого читается небольшой по объему рассказ о событиях 1380 г.⁵ Этот небольшой рассказ о событиях 1380 г. и послужил источником двух отмеченных выше дополнений, которые характерны для шести списков Печатного варианта Сказания. Кроме этих двух дополнений, в рассматриваемых нами шести списках Сказания имеется по сравнению с остальными списками Печатного варианта еще одна вставка — перечень имен убитых на Куликовом поле. Вставка эта, характерная для рассматриваемых 6 списков, также восходит к тексту, близкому к тексту рукописи ГПБ, Q.IV.88. Необходимо отметить, что писцы различных списков по своему читали имена убитых, искажая их написание и сокращая их число.

Работа составителя хронографа Кубасова над текстом Сказания о Куликовской битве происходила следующим образом: в основу был положен один из списков Печатного варианта (наиболее близок текст Ермолаевского списка) и дополнен известиями 1380 г. из летописца, один из списков которого находится в рукописи ГПБ, Q.IV.88.

Необходимо отметить, что компилятивность является характерной особенностью работы составителя хронографа Кубасова и она прослеживается не только на примере текста Сказания, но и на протяжении всего летописного текста, например в статье «О составлении азбуки по языку словенскому и о преведении книг со греческих на словенский язык».

Составитель хронографа Кубасова чаще всего механически соединял имеющиеся у него тексты. Особенностью текста Сказания, входящего в состав летописной части хронографа Кубасова, является то, что составитель его, работая над составлением большого произведения, каким может считаться хронограф Кубасова, уделял мало внимания самому Сказанию. Пример с хронографом Кубасова говорит о том, что тот или другой вариант Сказания часто появлялся в связи с составлением самостоятельного произведения, например хронографа или летописи.

Итак, хронографический вид Печатного варианта Основной редакции Сказания о Мамаевом побоище принадлежит составителю хронографа Кубасова. Составитель хронографа включил в свое произведение Печатный вариант Основной редакции Сказания, дополнив этот текст заимствованиями из рассказа о Куликовской битве типа читающегося в рукописи ГПБ, Q.IV.88. Дополнения носили чисто механический характер, они даже не были согласованы по смыслу с остальным текстом. Время составления этого вида Сказания определяется временем составления хронографа Кубасова — вторая половина XVII в.

Ниже публикуется текст рассказа о битве на Куликовом поле.

О Мамаеве нахожени на Русь и о грозном побоищи

Лето. 6888. Поиде князь ордынский Мамай, а с ним все князи ордынсти со всеми доми^а и силоми тотарскими на Русь к Москве на великого князя Дмитрея Ивановича. Еще ж к тому нанял рать: безсермяны, арь-

л. 874
об.

⁴ Несколько вариантов филигрании «кувшинчик». См.: Гераклитов, № 641, 642 — 1622 г., № 639 — 1622 г., № 495 — 1629 г., № 496 — 1628—1630 гг.

⁵ Текст 1380 г. из рукописи ГПБ, Q.IV.88 см. ниже.

^а В ркп. воми.

мены, фряги, черкасы, ясы, бртасы. Князь великий Ягайло Литовский ||
 л. 875 со всею Литвою, и жемоти, и ляхи, и немцы поиде Мамаю ж на помощь.
 Князь великий Олг с Момаю же и с литвою водиначестве. Князь же ве-
 ликий Дмитрий Иванович собра воя многи и с ним брат его князь Воло-
 димер Ондреевич. Ины многи русти князи и боляре придоша к нему на
 помощь, новгородцы и псковичи приидоша к нему ж на помош. Бысть же
 у великого князя Дмитрея войско 100 тысящей, а князей которые ему
 служат 70 тысящ. И поиде князь великий со всеми рускими князи и вое-
 воды со всеми силами противу безбожного Момаю, уповаю на милость
 божию, вниде [в] землю тотарскою за Дон. Придоша к великому князю
 Дмитрею на Дон на помощ литовския князи: князь Ондрей Полотцкой
 да князь Дмитрий Трубецкой Олгирдовичи со всеми силами своими.
 л. 875 Бе же за Доном поле чисто на усть Непряды реки. || Тут спустишась
 об. руские полки з безбожными печенеги, и бысть силно и грозно побоише
 сентября в 8 день. И поможе бог руским князь, побииша Момаеву рать
 всю на голову, безчисленное многое множество, толко сам Мамай сам
 четверть з бою утече. Много ж русских князей и бояр убиенных, се имена
 их: князь Иван, князь Федор Торускиева брат его князь Мстислав, князь
 Федор, князь Дмитрий Александрович Манастырев, Тимофей Василевич
 околничей да племянник его Микула Василевич, Семен Михайлович, Ва-
 силей Перфиревич, Михайло Коргоша Иванович, Иван Олександрович,
 Ондрей Серке, Волуй Окатевич, Михайло Бренко, Лев Морозов, Семен
 Мелик, Дмитрий Мичин,⁶ Александр Пересвет, Ослябя. Стоя же князь
 великий Дмитрий Иванович на костех тотарских, а крестьян убиенных
 л. 876 погребати повеле. И поиде князь великий Дмитрий || Иванович и з бра-
 том своим со князем Володимером, и со оставшими вои к Москве, Ли-
 товским же князем воздаде честь и дары великие. Резанцы же великому
 князю Дмитрею пакость деюше. Князь же великий восхоте на князя
 Олга послати. Князь же Олге побеже и со княгинею и з боляры, а ря-
 занцы великому князю добили челом. Князь же великий Дмитрий Ива-
 нович и з братом своим со князем Володимером Ондреевичем, и со
 оставшими князи и воеводы, и воинством придоша к Москве, дал бог
 здоровы. И сретоша их архимориты, игумены и протопопы, и весь све-
 щеннически чин, иночески со кресты и с чюдными образы. Потом же
 князи и бояре, и весь народ, таж и великая княгиня Евдокея и своими
 детми и с прочими княгинями и з болярынями, и вси единогласно славу
 богу возсылаюше, избавльшого их от попрасного Мамаево нахождения.
 Великому князю Дмитрею Ивановичу честь ово даюше, яко победителям,
 таж и протчим князем, и боляром, и всему воинству честь воздаюше
 л. 876 по достоянию. || А приде князь великий к Москве лета 6889 октября
 об. 10 день, воя разпусти в дома их. Того же лета приде к Москве Пимин
 митрополит, поставлен. Прежреченный окоянный Мамай прибеже в орду,
 и собра опять воя многи, и поиде паки на Русь. Приде на него царь имя-
 нем Токтомыш от Синея орды, силен; и состави с Момаем сечю велику и
 грозно побоише, и одоле Тохтамыш Мамаю, и победи, воинство его разби.
 Мамай побеже в Кофу, и тамо убиен бысть от некоего купца фрязина.
 А Тахтамыш седе в орде на царстве.

(ГПБ, Q.IV.88, л. 874 об.—876 об.).

⁶ Мичин исправлено на Минин.

О. А. БЕЛОБРОВА

О миниатюрах Куликовского цикла в Житии Сергия Радонежского

Центральным литературным памятником куликовского цикла по праву считается Сказание о Мамаевом побоище. Это произведение переписывалось на протяжении столетий и нередко украшалось миниатюрами. Изучению миниатюр рукописных списков Сказания посвящена обширная литература.¹ Не остались также без внимания иконы и гравюры, изображавшие эпизоды Сказания.² Однако тема Куликовской битвы не исчерпывалась ни в литературе, ни в изобразительном искусстве одним Сказанием о Мамаевом побоище. В частности, события Куликовской битвы отражены и в Житии Сергия Радонежского в особой главе. Но если Сказание о Мамаевом побоище иллюстрировалось многократно, то Житие Сергия Радонежского сопровождалось миниатюрами гораздо реже. Нам известно всего четыре лицевых списка Жития: один в составе Древнего летописца, второй половины XVI в., под 1392 г. (БАН, 31.7.30. т. II, л. 376—441 об., далее *H*) и три в единичных списках: ГБЛ, ф. 178, № 8663, кон. XVI—нач. XVII в. (далее *E*), БАН, 34.3.4, кон. XVII—нач. XVIII в. (далее *E*₁) и ГПБ, собр. Вяземского, F.125 (миниатюры без текста), середины XVIII в.

Миниатюры списка *E* давно введены в научное обращение. Еще в XIX в. было выпущено литографское издание, иллюстрации в котором получили вид контурных прорисей.³ В 1933 г. из этого списка были из-

¹ С. К. Шамбинаго. Повести о Мамаевом побоище. СПб., 1906; Сказание о Мамаевом побоище. С предисловием С. К. Шамбинаго. Изд. ОЛДП (вып. СХХV), 1907; Е. Ф. Хилл. Один вновь обнаруженный лицевой список древнерусского памятника. Cambridge, 1958; Л. А. Дмитриев. 1) Обзор редакций Сказания о Мамаевом побоище. — В кн.: Повести о Куликовской битве. Изд. подгот. М. Н. Тихомиров, В. Ф. Ржига, Л. А. Дмитриев. М., 1959, с. 449—480; 2) Описание рукописных списков Сказания о Мамаевом побоище. — Там же, с. 481—500; 3) Миниатюры «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XXVI. М.—Л., 1966, с. 239—264; 4) Лондонский лицевой список «Сказания о Мамаевом побоище». — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 155—179.

² Б. Соколов. Св. Дмитрий Солунский и Мамай в духовном стихе и на иконе. — Этнографическое обозрение. М., 1909, № 2—3, с. 182—185; В. В. Филатов. Изображение «Сказания о Мамаевом побоище» на иконе XVII в. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 397—408; И. П. Снегирев. Лубочные картинки русского народа в московском мире. М., 1861, с. 70—71; Д. А. Ровинский. Русские народные картинки, кн. II. СПб., 1881, № 303—304; А. Г. Сакович. Русская народная картина XVIII века «Мамаевое побоище». — Сообщения Гос. Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, вып. V. М., 1975, с. 79—102.

³ Житие преподобного и богоносного отца нашего Сергия Радонежского и всяя России чудотворца. В литографии св. Троице-Сергиевой лавры, 1853. Воспроизведение миниатюр списка *E* в виде контурных прорисей встречаем в трудах историков русской культуры — Ф. И. Буслаева, П. Н. Третьякова, Б. А. Рыбакова, А. В. Арциховского, Н. Н. Воронина и др.

даны более 20 цветных репродукций,⁴ которые с этих пор стали повторно воспроизводиться в учебниках, обзорных трудах, монографиях в качестве иллюстраций к историческим событиям XIV—XV вв.⁵ Высокую оценку миниатюрам списка *Е* дали в свое время А. В. Арциховский,⁶ А. Н. Свири⁷ и другие исследователи.

Для изучения этого материала принципиально важны соображения Д. С. Лихачева о повествовательном пространстве как выражении повествовательного времени,⁸ о повествовательной емкости в изображениях.

Более ранний по времени список *Н* недавно сопоставлялся с *Е* О. И. Подобедовой.⁹ Ею было установлено при этом, что каждой миниатюре в *Н* (всего их здесь 77) соответствуют от 5 до 7 миниатюр в *Е* (где всего их 651) и что при сходстве выбора иллюстрируемых сюжетов их интерпретация различается. Исследовательница, идя, по-видимому, вслед за В. П. Зубовым,¹⁰ предположила, что список *Н* восходит не только текстуально, но и миниатюрами «Повести о преподобном Сергии» к прижизненному епифаниевскому протографу Жития, хотя нам и неизвестно, был ли он лицевым. В ходе рассуждений О. И. Подобедовой для нас важна отмеченная ею независимость миниатюр в списках *Н* и *Е*.

Что касается более позднего списка *Е*₁, то он, напротив, целиком зависит от лицевой рукописи *Е*, с которой он, по-видимому, и был скопирован, возможно по царскому заказу: рукопись *Е*₁ происходит из собрания книг, «которые приняты из дому государыни царевны Наталии Алексеевны» и вошли в собрание Петра I.¹¹ В этом списке скопированы не все миниатюры (работа миниатюриста обрывается на л. 317), но глава «О победе еже на Мамае и о монастыри иже на Дубенке» полностью проиллюстрирована (л. 282 об. и след.).

Поздний лицевой список ГПБ, собр. Вяземского, F 125 (его ошибочно относили к XVII в., но филиграни его бумаги — 1750—1760-х гг.) отличается от средневековых и манерой исполнения и тем, что работа художника предшествует в нем работе переписчика текста, так и не прикоснувшегося к рукописи.¹² В этом списке, как оказалось, одна миниатюра посвящена Куликовской битве (нами не привлекается).

⁴ Древнерусская миниатюра. 100 листов миниатюр с описанием и статьями М. В. Владимирова и Г. П. Георгиевского. М., 1933.

⁵ Например, Н. К. Гудзий привлек 2 миниатюры списка *Е* для иллюстрирования «Повести о житии и преставлении великого князя Дмитрия Ивановича» (Н. К. Гудзий. Хрестоматия по древней русской литературе XI—XVII веков. Изд. 4-е. М., 1947, с. 176, 181), в то время как этот памятник сам по себе имеет миниатюры в составе Древнего летописца (БАН. 31.7.30, т. II, л. 328 об.—345); изображение Куликовской битвы из списка *Е* (л. 246) находим в кн.: Очерки истории СССР. Период феодализма IX—XV вв., ч. II. М., 1953, цветная вклейка между с. 224—225.

⁶ А. В. Арциховский. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944, с. 176—198 и др.

⁷ А. Н. Свири. Древнерусская миниатюра. М., 1950, с. 98—101.

⁸ Д. С. Лихачев. Куликовская битва в миниатюрах XVI в. — В кн.: Повесть о Куликовской битве. Текст и миниатюры лицевого свода XVI в. (в печати).

⁹ О. И. Подобедова. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965, с. 266, 270—274.

¹⁰ В. П. Зубов. Епифаний Премудрый и Пахомий Серб. (К вопросу о редакциях «Жития Сергия Радонежского») — ТОДРЛ, т. IX. М.—Л., 1953, с. 145—158. Буквенное обозначение лицевых списков Жития Сергия Радонежского сделано нами с учетом разбивки на редакции Жития, принятой В. П. Зубовым.

¹¹ Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела БАН СССР, вып. 1. XVIII в. М.—Л., 1956, с. 295—298, 388.

¹² Этот список отмечен в картотеке акад. Н. К. Никольского в Рукописном отделе БАН по упоминанию в кн.: Описание рукописей кн. П. П. Вяземского. СПб., 1902, с. 129—130. О списке, *Е*₁ под старым № 72 сообщает и Н. П. Барсуков

Гораздо полнее тематика куликовского цикла отражена в лицевых списках Жития Сергия Радонежского XVI и XVII вв. — *H*, *E* и *E*₁.

Следует отметить различное назначение списков *H* и *E*. Рукопись *H* содержит свод исторических известий и летописных повестей, в котором «Повесть о преподобном Сергии», помещенная под 1392 г. (год смерти Сергия), не одинока; достаточно припомнить, что о Куликовской битве в рукописи *H* повествуется и под 1380 г. В ряду других томов Лицевого летописного свода рукопись *H* представляет собой часть упорядоченной истории русского государства, освященной церковью и небезразличной к жизнеописаниям ее покровителей, среди которых важное место принадлежало Сергию Радонежскому.

Рукописная же книга *E* была богато украшенным списком одного только жития Сергия. Вероятно, лицевой список *E* был изготовлен специально для Троице-Сергиевой лавры, где почитание основателя монастыря было особенно высоко и где эта книга, хранившаяся более 300 лет в ризнице, выполняла главным образом реликварную роль.

Оба лицевых списка Жития Сергия, *H* и *E*, были уникальными и по замыслу, и по исполнению, и по назначению. Это определило, с одной стороны, высокий художественный уровень их оформления, а с другой — их недоступность, ограниченность круга их читателей и ценителей. Отсюда практическая невозможность копирования современниками и *H* и *E*. В этом смысле список *E*₁ — совершенно исключительное явление, возникшее, вероятно, как заказ для царской библиотеки в конце XVII в.

Лицевые списки Жития Сергия Радонежского *H* и *E*, как уже отмечалось выше, относятся к разным редакциям агиографического памятника. В частности, текст списка *H* лаконичнее, чем в списках *E* и *E*₁. В *H* всего девять глав, в *E* их 30. Привлекающая наше внимание глава названа в *H* «О составлении монастыря на Дубенке», а в *E* — «О победе еже на Мамае и о монастыре иже на Дубенке» и сопровождается в первом случае четырьмя, а во втором — девятнадцатью миниатюрами. В пространным тексте главы списка *E* уделено внимание диалогу между великим князем и Сергием, но отсутствует, например, известие о Пересвете и Ослябе, «зело умеющих ратному делу», как сообщается о них в списке *H*. Но и там, где текст в *H* и *E* сходен или даже идентичен, изображения в миниатюрах различны. В *H* сцена битвы (л. 430) всего одна; при сопоставлении ее с миниатюрами из *E* (л. 246, 246 об.) очевидна отмеченная О. И. Подобедовой насыщенность и даже известная перегруженность изображения. В *E* сцены битвы разворачиваются последовательно представленными эпизодами: построение войск противников (л. 244—244 об.), присылка Сергием «борзоходца» (л. 245), начало выступления воинства в. к. Дмитрия Ивановича против Мамаея (л. 245 об.) и, наконец, сама битва (см. вкл., рис. 1, 2, 3). С точки зрения военных реалий (оружие, снаряжение и т. д.) миниатюры *E* подробно рассматривались А. В. Арциховским. Исследователь, кроме того, заметил, что в изображении Куликовской битвы (л. 246)¹³ представлены летающие с небес вооруженные копьями ангелы (хотя в тексте жития этот мотив отсутствует), и предположил, что иллюстратор списка *E* был знаком с летописным рассказом, в котором фигурируют ангелы-пособники победы.

(Источники русской агиографии. СПб., 1882, стб. 514—521). В его труде отмечен еще один лицевой список Жития Сергия, собр. Царского, № 686 (ныне ГИМ, собр. Уварова, № 1110; см.: Леонид, архимандрит. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания гр. А. С. Уварова, ч. 2. М., 1893, с. 400), с 30 «картинами» работы А. Флорова, 1845 г., который нами не привлекался.

¹³ А. В. Арциховский ссылается на л. 243, следуя нумерации листов по литографскому изданию, которая не совпадает с нумерацией листов рукописи.

В Лицевом же летописном своде (Древний летописец, БАН. 31.7.30, т. II, л. 91) изображение Куликовской битвы, сопровождающее названный А. В. Арциховским текст, отнюдь не отличается буквальностью в воспроизведении рассказа. Миниатюра скомпонована еще более плотно и сжато, чем в *Н*.

Привлеченные нами изображения Куликовской битвы совершенно не похожи одно на другое. Их сопоставление позволяет заметить отсутствие канонического образца, хотя мы были бы вправе ожидать сходства, например, между миниатюрами одного и того же тома Древнего летописца (ср. л. 91 и 430).

Внутренне напряженная, но в целом статичная композиция летописного рассказа (л. 91) и две гораздо более динамичные житийные миниатюры показывают разнообразие решений, которые были доступны художникам рукописных книг в конце XVI—начале XVII в. Нет никакого сомнения, что батальные сцены в миниатюрах лицевых списков Жития Сергия Радонежского XVI и XVII вв. создавались в лучших традициях своего времени, не без воздействия таких памятников, как Сказание о Мамаевом побоище и др.

Б. Н. ДВИНЯНИНОВ

Сочетание «свычай и обычай» в переводах «Слова о полку Игореве» и у Пушкина

Герой «Слова о полку Игореве» буй тур Всеволод, брат Игоря, в пылу сражения забывает все: и свои раны, и княжескую честь, богатство и почести, и отцовский золотой престол града Чернигова, «и своя милья хоти, красныя Глѣбовны, свычая и обычая!».¹ Что означает выражение «свычая и обычая» и как его нужно переводить?

Несмотря на, казалось бы, предельную выразительность и емкий лаконизм, сочетание «свычая и обычая» у переводчиков и исследователей «Слова» вызывает различные толкования. Еще В. А. Жуковский, доверяя вкусу и опыту вдумчивого читателя, оставил оборот «свычая и обычая» без перевода, лишь изменив его грамматически (о «свычае и обычае»). За В. А. Жуковским последовали, незначительно варьируя, И. Новиков («свычаи да обычаи», 1938), В. И. Стеллецкий («свычаи и обычаи», 1944), С. Ботвинник («обычаи, свычаи», 1952), считая, что в контексте это выражение не требует расшифровки. Однако большинство переводчиков предлагают свое толкование слов «свычая и обычая»: «милые прихоти, обычаи и приветливость» (первые издатели); «ласку и приветливость» (В. Капнист, 1809—1813 гг.), «нрав и обычай» (М. Деларю, 1834); «утехи... и ласковый обычай» (А. Майков, 1870); «обиход и обычай» (С. Шервинский, 1934); «совет и привет» (Г. Шторм, 1934); «и привет, и любовь» (Н. Рыленков, 1963); «ласкою-обхождением» (А. Степанов, 1967). Н. Заболоцкий, по-видимому чувствуя затруднение, оборот «свычая и обычая» исключил из своего стихотворного переложения (1946). Д. Лихачев, Л. Дмитриев и О. Творогов, видимо учитывая тот факт, что в памятниках XI—XII вв. слова «свычай» и «обычай» рано стали восприниматься как синонимы и сочетались со словом «любъве» («любъве и обычая» в Изборнике 1073 г. или «любви и съвычаи» в Златоуструе XII в.), перевели «свычая и обычая» как «любовь и ласку».²

По наблюдениям В. П. Адриановой-Перетц, «свычая и обычая» как «тавтологическое сочетание не имеет точных соответствий в памятниках XI—XII вв.».³ Обычно слова «свычай» и «обычай» употреблялись в XII—XIII вв. порознь, причем слово «обычай» встречается чаще, и оно богаче оттенками (в значениях: привычка и обхождение отдельного человека; душевный склад и характер; нрав и обычай; быт и жизненный уклад; естественное и природное свойство — примеры даны у В. Л. Виноградовой).⁴

¹ Слово о полку Игореве. Л., 1967. Изд. 2-е. (Б-ка поэта, Большая серия), с. 48.

² Там же, с. 59.

³ В. П. Адрианова-Перетц. «Слово о полку Игореве» и памятники русской литературы XI—XIII веков. Л., 1968, с. 98.

⁴ Словарь-справочник «Слова о полку Игореве», вып. 4. Составитель В. Л. Виноградова. Л., 1973, с. 15—17.

Словосочетание «свычай и обычай» относится к числу синонимических пар, образцы применения которых в качестве одного из художественных средств языка «Слова о полку Игореве» были исследованы А. П. Евгеньевой.⁵

Соглашаясь с В. П. Адриановой-Перетц, О. В. Творогов определяет оборот «свычая и обычая» как «обычное сочетание двух синонимов».⁶ Истолкование этого выражения в переводах «Слова о полку Игореве» в определенной степени зависит от того, ставится ли при этом задача дать поэтическое переложение или научный перевод «Слова».

Для современного русского языка сочетание «свычай и обычай» — явление устаревшее, чаще всего встречающееся в областных народных говорах. В 17-томном академическом Словаре современного русского литературного языка в статье на слово «свычай» с пометой «устаревшее и областное» приводятся два примера с оборотом «свычай и обычай, свычай-обычай»: «Пришла с тобою распротиться. Прискучил мне твой свычай и обычай, Нашла себе я мужа помоложе. Мей, Псковитянка, I, 2. Хоть велик человек был Карп Алексеич, хоть велики стали достатки его, но не хватало ему по деревенскому свычаю-обычаю настоящей силы-важности. Печер. В лесах, III, 5».⁷ В. А. Козырев привел из современных народных говоров примеры употребления устойчивого словосочетания «свычай и обычай» в значении «любовь и ласка»: «Свычай и обычай — 'пожелание счастливой жизни: любовь, согласие, дружба, лад'. Совет вам дъ любовь, свычий и абычий. Брян. Трубч. (авт.) Жывити хърашо, па звычьчу и абычьчу. Брян. Карач. (авт.)».⁸ Исследователем приводится также пример употребления этого словосочетания в ином значении: «Свычьи и обычьи — фразеологизм 'обычай, привычки'. А тунгузы... те так и оставили свое наречче, свычьи и обычьи. Сиб. (КСРНГ)».⁹

Словари XVIII—начала XIX в.¹⁰ не знают этого парного сочетания, не отмечено оно и в картотеке Словаря XVIII века Института русского языка АН СССР (Ленинград). В картотеке зафиксировано другое сочетание «нравы и обычай» (в сочинениях Кантемира, Феофана Прокоповича, Радищева и др.).¹¹

На этом фоне особый интерес приобретает употребление выражения «свычай и обычай» у Пушкина в «Капитанской дочке». Гринев, вспоминая свои детские годы, говорит об отце, который ежегодно выписывал, читал и перечитывал «Придворный календарь», о том, что чтение это вызывало в нем «удивительное волнение желчи». Поэтому, продолжает он, «матушка, знавшая наизусть все его свычаи и обычаи, всегда старалась засунуть несчастную книгу как можно подальше».¹²

⁵ А. П. Евгеньева. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII—XX вв. М.—Л., 1963, с. 292 и др.

⁶ Слово о полку Игореве, с. 489.

⁷ Словарь современного русского литературного языка, т. 13. М.—Л., 1962, стб. 452.

⁸ В. А. Козырев. Словарные параллели к лексике «Слова о полку Игореве» в современных брянских и других народных говорах. — В кн.: Брянские говоры. Л., 1975, с. 101.

⁹ Там же. «КСРНГ» — Картотека Словаря русских народных говоров (Словарный сектор Института русского языка АН СССР, Ленинград).

¹⁰ Рукописный лексикон первой половины XVIII века. Подгот. к печати и вступ. статья А. П. Аверьяновой. Отв. ред. Б. А. Ларин. Л., 1964; Словарь Академии Российской. Изд. 2-е. СПб., 1822, т. IV, VI.

¹¹ Автор глубоко признателен сотрудникам Института русского языка АН СССР А. П. Евгеньевой, О. Е. Березиной и Ю. Ф. Денисенко за консультации и предоставленную возможность пользоваться материалами институтских картотек.

¹² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. VI. М.—Л., 1950, с. 396.

В изданиях сочинений Пушкина сочетание «свычай и обычай» обычно не комментировалось. В комментариях и исследованиях по «Слову» ссылок на «свычай и обычай» из «Капитанской дочки» также нет. В Словаре языка Пушкина приведена лишь цитата из «Капитанской дочки».¹³ Нет ссылки на «свычай и обычай» у Пушкина и в 17-томном академическом Словаре современного русского литературного языка (т. 8 и 13).

Откуда заимствовано Пушкиным, Меем, Печерским сочетание «свычай и обычай» — из живой языковой практики своего времени или же из «Слова о полку Игореве»?

В годы, когда писалась «Капитанская дочка» (1833—1836), Пушкин уделял много внимания «Слову о полку Игореве». Известно, что он хотел перевести «Слово» и занимался исследованием памятника, оставив свои замечания и высказывания о «Слове» в «Набросках статьи о русской литературе» (1830), в статье «О ничтожестве литературы русской» (1834), в заметке «Песнь о полку Игореве» (1836).¹⁴ В творчестве Мея «Слово о полку Игореве» также занимает большое место: с 1841 по 1850 г. он работал над переводом «Слова». В его переводе рассматриваемое словосочетание передано в чтении оригинала: «... забыл... красной Глебовны обычай и свычай».¹⁵ Вполне вероятно поэтому, что и у Пушкина, и у Мея сочетание «свычай и обычай» восходит к тексту «Слова о полку Игореве». Откуда оно появилось у Мельникова-Печерского, сказать трудно.

Как же понимают этот фразеологизм Пушкин, Мей, Мельников-Печерский?

Если у Мея «свычай и обычай» можно толковать двояко: и как «любовь и ласка», и как «привычки и обычай», то у Пушкина оборот этот имеет только значение «привычки и обычай». Также только второе значение имеет этот фразеологизм в тексте Мельникова-Печерского. Можно высказать предположение, что таков же смысл словосочетания «свычай и обычай» и в «Слове о полку Игореве». Автор «Слова» соотносил его не только с женой «буя тура Всеволода», но и обобщал им круг всех личных, частных и общечеловеческих устремлений князя, забытых им в пылу сражения.

¹³ Словарь языка Пушкина, т. 3. М., 1959, с. 72.

¹⁴ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти т., т. VII. См.: Н. К. Гудзий. Пушкин и работе над «Словом о полку Игореве». — В кн.: Пушкин. Сборник статей. М., 1941, с. 260—291.

¹⁵ Л. А. Мей. Слово о полку Игоря, сына Святославова, внука Олегова. — В кн.: Слово о плъку Игоревѣ. Подлинный текст, его прозаический перевод и художественные переводы и переложения русских поэтов 19-го и 20-го вв. М., 1938, с. 146.

и востлаи
и востлаи
слеза миглюще . поможемоу бже млати
ми прѣ
дрса медчюу пагола да

и исе въ крѣсти
и исе въ крѣсти
и исе въ крѣсти
и исе въ крѣсти

Рис. 1. Поединок инокa Пересвета и татарского богатыря Тсмир-Мурзы (БАН, 31.7.30, т. II, л. 89 об.).

Итак о инокиах терсеи въ послѣушниихъ пріѣ
игоумена сергіа поиде противъ татаръ

Рис. 2. Призыв князя Дмитрия Ивановича к битве и благословение русского, войска иноком Пересветом (БАН. 31.7.30, т. II, л. 90).

Рис. 3. Начало сражения и успокоение инока Пересвета
БАН, 31.7.30, т. II, л. 90_об).

Рис. 1. Куликовская битва. Миниатюра из Жития Сергия Радонежского XVI в. Древний летописец (БАН, 31.7.30, т. II, л. 430).

ТАКО СРЪЗНУВШЕА . ЛНШ ГАТ СЕСА ПА
 ДЛАХУ И БГЪ ПОМОГШУ СЕЛНКОМУ ПО
 ВЪ ДОНОСНОМЪ ДМИТРЕИ . И ПОКЕ ЖДЕ
 НИ БЫША ПОГАНІИ ТА
 ТІА РОПЕ . И КОНЕ
 ЧНѢ И ПАГЪ БЕ
 ПРЕДАНИ
 БЫ
 Ш
 А
 :
 :

СМЕ.

Рис. 2. Куликовская битва Миниатюра из Жития Сергия Радонежского XVI—XVII в (ГБЛ, фонд 178, № 8663, л. 246).

И аи оура зѣише ѿ . аи ѿгагелсана
длахоу ивѣ помогшоу великомоу по
вѣдоносному дмитрею . и пожеже
ни быша поганіи іа
іа роуе . и коні
чи іа пагѣе
преданн
бы
и
а
:
сѣ.

Рис. 2. Куликовская битва. Миниатюра из Жития Сергия Радонежского XVI—XVII в. (ГБЛ, фонд 178, № 8663, л. 246).

согнать теньского доуьшиишиже
стномеритовыхалежца .

Рис. 3. Куликовская битва. Миниатюра из Древнего летописца
БАН. 31.7.30, т. II, л. 91).

М. Д. КАГАН-ТАРКОВСКАЯ

Легенда о перстне в сборниках Ефросина, книгописца Кирилло-Белозерского монастыря

Мотив о потерянном, проглоченном рыбой и возвращенном кольце широко известен в песнях, сказках, легендах, письменных произведениях античности, средневековья, новой литературы.¹ В этих границах можно указать как на наиболее известные — легенду о Поликратовом перстне Геродота и балладу «Поликратов перстень» Ф. Шиллера.

Легенды о том, как кольцо, драгоценный камень, ключ, проглоченные рыбой, чудесным образом найдены рыбаком, поймавшим рыбу, или возвращены владельцу с помощью животного (кошки, собаки), или отданы кому-либо самой рыбой, распространены в фольклоре многих народов востока и запада.² На Руси этот мотив бытует как элемент сказок со сложным сюжетом.³

В литературе древней Руси XVII в. предмет, проглоченный рыбой и возвращенный, встречается в «Повести о папе Григории», источник которой следует искать где-то в западных легендах.⁴ Ключ от кельи (или пещеры) затворника Григория, брошенный в море (или реку), найден в рыбе в тот момент, когда Григория избрали папой.⁵

К разряду этих же сюжетов относится евангельский рассказ о том, как Христос заплатил сборщикам дань золотой монетой, которую по его предсказанию нашел во рту пойманной рыбы Петр: «...спед на море, верзи удицу и юже преже имеша рыбу, возми и отверзи уста ей, обрящещи стартир, той взем даждь им за мя и за ся».⁶

Текст Евангелия положен в основу толкования, читающегося в двух сборниках XV в., переписанных рукою монаха Кирилло-Белозерского мо-

¹ А. Веселовский. Славянские сказания о Соломоне и Китоврасе и западные легенды о Морольфе и Мерлине. СПб., 1872, с. 132—133; J. Künzig. Der im Fischbauch wiedergefundene Ring in Sage, Legende, Märchen und Lied. — In: Volkskundliche Gaben. John Meier zum siebenzigsten Geburtstage dargebracht. Berlin—Leipzig, 1934, S. 85—103. (Далее сокращенно: Künzig). (Благодарю И. Г. Левина, который указал мне работу Кюнцига и дал ряд советов по теме статьи).

² Н. П. Андреев. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929, № 736; А. Аарне, S. Thompson. The types of Folktale. Helsinki, 1964, N 736 A.

³ А. Н. Афанасьев. Русские народные сказки, т. 2. М., 1957, с. 51—52, № 191 (Волшебное кольцо); т. 3, с. 349, № 566 (Сказка про перстень о двенадцати винтах); А. М. Смирнов. Сборник великорусских сказок архива Русского географического общества, вып. 1. Пг., 1917, с. 191, № 34 (Иван купеческий сын и царевна Машенька); с. 418, № 141 (Сказка о Иване царевиче).

⁴ Текст «Повести о папе Григории» в составе Римских деяний переведен с польского; по мнению А. Н. Пыпина, источник Повести, встречающейся вне текста Римских деяний, — византийский, см.: А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей. — Учен. зап. имп. Академии наук, 1858, IV, с. 195.

⁵ Н. К. Гудзий. К истории легенды о папе Григории. — ИОРЯС, 1914, кн. 4.

⁶ Евангелие от Матфея, XVII, 27; W. Aly. Volksmärchen Sage und Novelle bei Herodot und seinen Zeitgenossen. Göttingen, 1921, S. 90; Künzig, S. 97.

настыря Ефросина. Текст начинается вопросом: «Что есть еже повеле Христос во вреци удицу в море?». В ответе повествуется, что в Иерусалиме был закон, по которому каждый, достигший пятнадцати лет, должен был платить дань, а Христу как раз исполнилось пятнадцать лет. «Статир», найденный в рыбе и отданный Петром данщикам, был золотым перстнем, который бросил в море римский царь, написав на нем «время и час». По этой надписи «уведано бысть», что рыба попала из Рима в Иерусалим за три часа.

Толкование ефросиновских сборников отличается от евангельского рассказа: в Евангелии действует взрослый Христос, в толковании он — юноша, только что вышедший из отрочества, в Евангелии чудо совершается в Капернауме на берегу Тивериадского озера, в котором Петр ловит рыбу, у Ефросина местом действия оказывается Иерусалим. Эти изменения придают толкованию апокрифические черты, особенно заметные при сравнении его с традиционными толкованиями этого же евангельского текста, встречающимися в древнерусских сборниках и выдержанными в духе христианской символики: «... море есть мир, уда — слово божие, а статир — крест господен, а еже за мя и за ся — Петр идяше распятися стремглав»,⁷ или «рыба — Христос, статир — крест господен, на нем же хотяше и он распятися, и Петр».⁸

В ефросиновских сборниках никакой символики или иносказания, свойственных жанру толкований, нет. Перед нами приуроченное к евангельскому рассказу сюжетное повествование, маленькая легенда. Отношение к этому занимательному сюжету лучше всего выразил сам Ефросин, пересказав его в другом своем сборнике: «Царь римьский купался, да сронил перстень, и рыба взяла, въ Иерусалим прешла в два часа. Петр ее изымал и обрел в ней статир, рекше перстень, и дал данщику в дань за Христа и за ся по господню повелению, се же при Христе здеяся».⁹

В пересказе Ефросина акцент сделан не на евангельском рассказе, а на легенде о перстне, потерянном римским царем и чудесным образом найденном в рыбе. Легенда эта заимствована древнерусской письменностью скорее всего из западных христианских источников и восходит к такого рода легендам, примакающим к евангельскому рассказу, где бросание и нахождение кольца не связано с действиями жертвы и покаяния, как это присуще другим сюжетам, содержащим мотив кольца-рыбы, а выступает как чудо бога или святого. Например, в немецких сказках: священник Конрад мыл руки в Рейне при переправе и потерял кольцо. Через год он присутствовал при рыбной ловле в этом же месте, и в чреве пойманной рыбы было найдено его кольцо. Графиня Пфальцская потеряла обручальное кольцо в долине реки. Рыбак принес в город форелей, в одной из них повараенок обнаружил кольцо графини. В португальской сказке: св. Антоний заставлял героя удить рыбу, в первой же оказывается драгоценное кольцо. Возможно, что ситуация, когда римский царь специально бросает кольцо в море, навеяна преданиями, объясняющими обычай обручения с морем венецианского дожа.¹⁰

В древнерусской письменности легенда о перстне известна в пяти списках: XV в. — ГПБ, собр. Кирилло-Белозерское, № 6/1083, л. 234—234 об. (K₁); 9/1086, л. 527 об.—528 об. (K₂); 101/1178, л. 29 об.—30 (K₃); XVI в. — ГПБ, собр. Погодина, № 1025, л. 73—74 (П); XVII в. — ГПБ, Q.XVII.79 (собр. Толстова, II, 442), л. 376—377 (Т).

⁷ ГПБ, собр. Погодина, № 1558, XVII в., л. 47—47 об.

⁸ ГПБ, собр. Соловецкое, № 508 (205) (205/205), XVII в., л. 421.

⁹ ГПБ, собр. Кирилло-Белозерское, № 22/1099, XV в., л. 342—342 об.

¹⁰ Künzig, S. 96, 97.

Два первых списка (K_1 , K_2) написаны Ефросином и почти идентичны.¹¹ Третий (K_3) находится в сборнике, содержащем каталог Кирилло-Белозерской библиотеки XV в.;¹² его особенность — гаплографический пропуск фразы: «... сущу же господу нашему Исус Христу 15 лет». В списке XVI в. (Π) пропущены дальнейшие слова: «15 лет от рожества его». Младшие списки (Π и T) изданы А. Н. Пыпиным как сводный текст.¹³

Евангельская цитата претерпела в легенде некоторую стилистическую обработку. В старших списках K в вопросе пропущены слова «отверзи уста ея» и «взем», вероятно, для того, чтобы не дублировать текст ответа. С другой стороны, здесь, как и в Евангелии, нет имени Петра. Иначе обстоит дело в младших списках: имя Петра вставлено в текст вопроса, а в список Π добавлены и слова «отверзи уста ея».

По-разному читается во всех трех текстах конец:

K_1 , K_2 K_3	Π	T
... яко трети часы обретеся рыба въ Иерусалиме.	... яко трети часы обретесь во Иерусалиме.	... яко трети часы из Рима обретеся перстень во Иеруса- лиме.

Дополнения и пропуски младших списков представляются нам вторичными по отношению к тексту старших списков XV в.

Легенда о перстне публикуется по одному из ефросиновских списков (K_2) с разночтениями по всем остальным.

Текст

¹Что есть ², еже ³ повеле || Христос ⁴ воврещи ⁵ удицю в море и ⁶ емь, рече ⁷, рыбу ⁸, обрящещи ⁹ статир и ¹⁰ дажь ¹¹ за мя и за ся.

Толк ¹². Сице бысть закон во ¹³ Иерусалиме ¹⁴, да ¹⁵ дасть кыждо человек дань по возрасту 15 лет. ¹⁶Сущу же ¹⁷ господу нашему Исус Христу ¹⁸ 15 лет ¹⁹ от рожества его ²⁰, вопросиша ²¹ от него дань ²². И рече ²³ Петру: «Верзи ²⁴ удицю в море, и еже ²⁵ имешь ²⁶ рыбу ²⁷, отверз ²⁸ ея уста ²⁹, обрящещи статир, и изем даждь ³⁰ за мя и за ся».

В то же время в Риму царь изрони в море ³¹ перстень ³² злат и написаша ³³ время и час. Петр же по повелению ³⁴ Христову ³⁵ сътвори ³⁶ и даде дань ³⁷, обретоша же ³⁸ на немь ³⁹ написание ⁴⁰ || ⁴¹ римскаго царя ⁴², и написаша, в ня ⁴³ же время и час, и ⁴⁴ уведено ⁴⁵ бысть, яко трети часы ⁴⁶ обретеся ⁴⁷ рыба ⁴⁸ въ Иерусалиме ⁴⁹.

(ГПБ, собр. Кирилло-Белозерское, № 9/1086, л. 527 об.—528 об.).

¹¹ Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРЛ, т. XVII. М.—Л., 1961, с. 130—168.

¹² Н. Никольский. Описание рукописей Кирилло-Белозерского монастыря, составленное в конце XV века. СПб., 1897, с. XIII—XV, XXVII—XXX.

¹³ Памятники старинной русской литературы, вып. 3. СПб., 1862, с. 89.

¹⁻² Вопрос, что есть K_3T ; От Еуаглия вопрос, что есть Π . ³ нет K_3 ; доб. рече Π . ⁴ господь K_3 ; доб. Петру T . ⁵ вврещи K_1 ; доб. Петру Π . ⁶ нет K_3 . ⁷ слово вставлено сверху строки K_1 ; нет Π . ⁸ доб. отверзи уста ея и Π ; доб. и T . ⁹ доб. в ней $K_3\Pi$. ¹⁰ нет T . ¹¹ дай же Π ; даждь T . ¹² Ответ ΠT . ¹³ въ K_1 . ¹⁴ Ерусалиме K_3 . ¹⁵ нет Π . ¹⁶⁻¹⁹ нет K_3 . ¹⁷ тогда T . ¹⁸⁻²⁰ нет Π . ²⁰ доб. и T . ²¹ впросиша K_3 ; восприсиша T . ²² дань Π . ²³ доб. господь T . ²⁴ вверзи $K_3\Pi T$. ²⁵ яже T . ²⁶ иметь Π ; имешь K_3T . ²⁷ доб. и T . ²⁸ отверзи $K_3\Pi T$. ²⁹ доб. и ΠT . ³⁰ дай же $K_3\Pi$. ³¹ доб. с руки K_3 . ³² доб. свои T . ³³ доб. и T . ³⁴ повелею T . ³⁵ доб. и Π . ³⁶ сотвори $K_3\Pi T$. ³⁷ доб. и T . ³⁸ нет Π . ³⁹ перстне T ; доб. римскаго царя Π . ⁴⁰ писание K_1K_3T . ⁴¹⁻⁴² нет Π . ⁴² псаля K_3 . ⁴³ не ΠT . ⁴⁴ нет K_3 . ⁴⁵ увидено K_1 ; уведано ΠT . ⁴⁶ доб. из Рима T . ⁴⁷ обретесь Π . ⁴⁸ нет Π ; перстень T . ⁴⁹ Ерусалиме K_3 , слово надписано над строкой K_3 .

Н. А. КАЗАКОВА

«Татарским землям имена»

В сборниках Софийской библиотеки, № 1464 и 1465, датированных первой третью XVI в., находится статья, начинающаяся словами: «Татарским землям имена». Вот ее текст: «Татарским землям имена: Самархант, Чагадаие, Хорусани, Голустани, Китаи, Синяя орда, Шираз, Испаган, Орначь, Гилян, Сизь, Шарбан, Шамахи, Савас, Арзуноум, Телфизи, Тевриз, Гурзустани, Обези, Гоурзии, Багдат, Темирькабы, рекше Железная врата, Орда Болшая, Крым, Васьторокан, Сарай, Азов, Калмакы, Ногаи, Шибаны, Казань».¹

Вопрос об источнике этой статьи решается путем ее сопоставления с «Повестью о Темир-Аксаке», возникшей в начале XV в. и сохранившейся в большом количестве списков в летописях и сборниках XV—XVII вв.² В Повести рассказ о походе Тимура (Тамерлана) в 1395 г. к русским пределам предпослано перечисление завоеванных им стран. «А се имена тем землям и царствам, — читаем мы в Повести, — их же попленил Темирь Аксак: Чагадае, Хурусане, Голустани, Китаи, Синяя орда, Ширазы, Испаган, Орначь, Гилян, Сизь, Шибран, Шамахи, Савас, Арзунум, Тефлизи, Тевриз, Гурзустани, Обези, Гурзии, Багдатель, Темирькабы, рекше Железная врата, и Асурию и Вавилонское царство, иде же Навходносор был, иде Иерусалим пленил и трех отрок, и Севастию, иде же мучени 40 мученик, и Армению Великую, иде же был Григорей епископ и Дамаск великий и Сарай великий».³

Перечень завоеванных Тимуром стран почти полностью совпадает с перечнем нашей статьи. Следовательно, ее источником явился приведенный отрывок из «Повести о Темир-Аксаке». Составитель статьи произвел переработку отрывка в двух местах. Заголовок перечня Повести: «А се имена тем землям и царством, их же попленил Темирь Аксак» он заменил новым заголовком: «Татарским землям имена». Новый заголовок означал новую цель произведения: вместо перечисления завоеванных Тимуром стран дать перечисление «земель», подвластных татарам. В соответствии с новым замыслом составитель статьи отсек названия последних в перечне Повести стран и городов — Ассирия, Вавилонское царство, Севастия, Армения Великая, Дамаск великий, Сарай великий. Он это сделал, возможно, потому, что во время составления статьи Армения, Междуречье Тигра и Евфрата, так же как и Малая Азия, с территорией которых связываются почти все названные географические объекты, входили в состав Турецкой империи, а не в ареал татарской власти; но, может быть, по-

¹ ГНБ, Софийское собр., № 1465, л. 238 об.

² О «Повести о Темир-Аксаке» см.: В. П. Гребенюк. Повесть о Темир-Аксаке. Автореф. канд. дис. М., 1971.

³ ПСРЛ, т. XXV. М.—Л., 1949, с. 222.

следняя часть перечня была отсечена в силу того, что она содержала такие архаические названия, как Ассирия и Вавилонское царство. Отсеченная последняя часть перечня Повести была заменена новой (начиная со слов «Орда Болшая»), включающей названия географических объектов, которые, очевидно, во время составления статьи находились под властью татар.

Когда же возникла интересующая нас статья? Сборник Софийского собр., № 1465, датируется на основании водяных знаков началом XVI в., № 1464—20—30-ми гг. XVI в.⁴ Следовательно, статья возникла не позднее этого времени. Косвенным датирующим признаком является нахождение в обоих сборниках другой статьи — «Европейской страны короли», представляющей собою перечень европейских монархов. Содержание последней статьи позволяет установить, что она была составлена между 1506 и 1523 гг.⁵ Поскольку обе статьи однотипны (перечни, имевшие целью дать читателю в одном случае справку о странах Востока, в другом случае — Запада), постольку можно предположить, что они возникли более или менее в одно время. Итак, предположительная датировка статьи «Татарским землям имена» — начало XVI в.

Какие же сведения давала русским читателям XVI в. интересующая нас статья? Для ответа на этот вопрос необходимо произвести идентификацию названий географических объектов, имеющих в статье, с названиями, употребляющимися в научной литературе в настоящее время.

Самархат — Самарканд
 Чагадае — Чагатайский улус
 Хорусани — Хорасан
 Голустани — Гюлистан
 Китай — Кара-Китай
 Синяя орда — Белая Орда
 Шираз — Шираз
 Испаган — Исфахан
 Орначь — Ургенч
 Гилян — Гилян
 Сизь — Сис в Киликийской Армении
 Шарбан — Шабран
 Шамахи — Шемаха
 Савас — Сивас-Севастия
 Арзуноум — Эрзерум
 Телфизи — Тбилиси
 Тевриси — Тебриз

Гурзустан — область Грузии?
 Обези — Абхазия
 Гоурзии — Грузия
 Багдат — Багдад
 Темиръкабы, рекше Железная врата —
 Дербент
 Орда Болшая — Большая Орда
 Крым — Крым
 Васьторокан — Тмутаракань?
 Сарай — Сарай
 Азов — Азов
 Калмаки — Калмыкия
 Ногаи — Ногайская орда
 Шибаны — земля «шибанских татар»
 (узбеков)
 Казань — Казань.⁶

Не беря на себя задачу полного анализа географических наименований, читающихся в статье «Татарским землям имена» (это задача историка географических знаний), отметим, что под «землями» в ней подразумеваются как страны (например, Грузия), так и отдельные области какой-либо страны (например, Хорасан, область Ирана) и даже города (например, Тебриз, Эрзерум, Тбилиси и др.). У составителя статьи отсутствует также должная четкость в представлении о протяженности ареала

⁴ Н. А. Казакова. Хождение во Флоренцию 1437—1440 гг. (Списки и редакции). — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 79.

⁵ Н. А. Казакова. «Европейской страны короли». — Исследования по отечественному источниковедению. М.—Л., 1964, с. 420—421.

⁶ При идентификации названий статьи названиями, употребляющимися сейчас, мы пользовались аналогичной работой, произведенной И. И. Срезневским и Л. В. Черепниным применительно к перечню стран и городов, читающемуся в «Повести о Темир-Аксаке» (см.: И. И. Срезневский. Хождение за три моря Афанасия Никитина в 1466—1470 гг. — Учен. зап. второго отделения Академии наук, 1856, кн. II, вып. II, с. 233—242; Л. В. Черепнин. Отражение международной жизни XIV—начала XV в. в московском летописании. — В кн.: Международные связи России до XVII в. М., 1961, с. 245).

татарской власти. Если географические объекты последней, добавленной вместо отсеченной части перечня (напомним, что были добавлены наименования Орда Большая, Крым, Васьюрокан, Сарай, Азов, Калмакы, Ногай, Шибаны, Казань) в начале XVI в. действительно находились под властью татар, то этого нельзя сказать о всех объектах предыдущей, заимствованной из перечня «Повести о Темир-Аксаке» части, например, фигурирующие в этой части области Ирана и Азербайджана, которые в конце XIV—начале XV в. были завоеваны монголо-тюркскими ордами Тимура (и поэтому могли рассматриваться тогда в какой-то степени как «татарские земли»), в начале XVI в. входили в состав Иранского государства Сефевидов. Но несмотря на отмеченные изъяны географических представлений статьи, она давала хотя и краткую, но вместе с тем достаточно полную справку-перечень «земель» Востока, известных русским книжникам со слов, вероятно, дипломатов и особенно, конечно, купцов. Статья «Татарским землям имена» как бы суммировала имеющиеся в России начала XVI в. сведения о составе «земель» Средней Азии, Прикаспийского региона, Закавказья и Кавказа, Северного Причерноморья и Поволжья. Что касается понятия «татарские земли», то оно было сборным и применялось для обозначения стран, областей и городов, входивших в состав очерченного нами большого региона Востока. Это понятие по своему характеру аналогично существовавшему в древнерусской письменности понятию «немцы», которое означало жителей не только Германии, но и стран Северной Европы.

Статья «Татарским землям имена» интересна не только для изучения истории географических знаний в России, но и для характеристики четых (предназначавшихся для чтения) сборников начала XVI в.

Р. П. Дмитриева, специально занимавшаяся изучением четых сборников XV—XVI вв. трех крупнейших монастырских библиотек — Троице-Сергиевской, Волоколамской и Кирилло-Белозерской, установила, что во второй половине XV в. складывается тип сборников, условно названный исследовательницей энциклопедическим. Для сборников этого типа характерны две основные черты: многоплановость тематики и наличие значительного количества мелких статей, имеющих часто справочное назначение.⁷ В первой половине XVI в. наблюдается эволюция четых сборников в направлении их специализации с преобладанием какой-то одной тематики.⁸

Интересующие нас сборники Софийской библиотеки № 1465 и 1464 почти одинаковы по составу, причем первый как более ранний является, очевидно, протографом второго, более позднего. На л. 1 сборника № 1465 имеется помета «Кирилова монастыря», свидетельствующая о принадлежности сборника библиотеке Кирилло-Белозерского монастыря. На сборнике № 1464 аналогичной пометы нет. Но, очевидно, он возник также в Кирилло-Белозерском монастыре: за это говорит совпадение содержания обоих сборников, их хронологическая близость, а также последующее нахождение в составе Софийской библиотеки, в которую часть рукописей поступила из библиотеки Кирилло-Белозерского монастыря.

Сборники Софийской библиотеки № 1464 и 1465 наряду с обязательными для четых сборников церковно-учительными статьями включают много статей исторических (Палей историческая, Судьи израильские, Цари самарийские, группа статей о Феррарско-Флорентийском соборе) и географических (Имена ветров, Имена великих гор, О граде Египте, Та-

⁷ Р. П. Дмитриева. Четыре сборники XV в. как жанр. — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1972, с. 150—180.

⁸ Р. П. Дмитриева. Волоколамские четые сборники XVI в. — ТОДРЛ, т. XXVIII. Л., 1974, с. 202—203.

тарским землям имена, Европейской страны короли и др.), а также тексты Хождения Игнатия Смолянина в Царьград и Хождения во Флоренцию 1437—1440 гг.⁹ Это дает основание квалифицировать наши сборники как имеющие историко-географический уклон.

Географические статьи обоих сборников, как правило, краткие и рассчитаны на то, чтобы дать читателю фактографическую справку. Типичным примером подобных статей является статья «Татарским землям имена». Любопытно, что в обоих сборниках ей непосредственно предшествует статья «Европейской страны короли», содержащая, как мы уже говорили, перечень европейских монархов и дающая представление о системе европейских государств. Помещение в сборниках обеих статей рядом свидетельствует о наличии у составителей сборников стремления дать читателям взаимосвязанные справки о странах Запада и Востока. Появление в русской письменности начала XVI в. статей «Европейской страны короли» и «Татарским землям имена» — показатель возрастающего интереса русских книжников и читателей к «чужим» землям и желания дать о них систематизированные сведения, что в свою очередь было обусловлено расширением в конце XV—начале XVI в. сношений Русского государства с другими странами.

Создание за короткое время в первой трети XVI в. в Кирилло-Белозерском монастыре двух историко-географических сборников свидетельствует о том, что в стенах монастыря велась интенсивная работа по собиранию и переписке памятников не только духовной, но и светской письменности и что Кирилло-Белозерский монастырь являлся в рассматриваемое время своего рода культурно-просветительным центром.

⁹ Описание сборников см.: Д. И. Абрамович. Софийская библиотека, вып. III. СПб., 1910, с. 270—276.

Д. М. БУЛАНИН

Лексикон Свида в творчестве Максима Грека

Ученые неоднократно высказывали предположение, что часть книг, которыми Максим Грек пользовался в России, он привез с собой из Греции. Первым, кто попытался наметить репертуар подсобной библиотеки Максима, был С. Белокуров.¹ Наибольший интерес в списке книг, составленном С. Белокуровым, представляет Лексикон Свида, поскольку эта византийская энциклопедия X в. едва ли не единственное светское сочинение, которое было под руками у ученого афонца. Трудami целого ряда ученых (А. А. Покровский, А. И. Соболевский, В. С. Иконников, А. И. Иванов, Н. В. Сеницына) был выявлен основной корпус переводов Максима Грека из Свида.

Тем не менее до сих пор нет работы, в которой были бы подытожены наблюдения указанных ученых. Неясно, когда, для кого и при каких обстоятельствах Максим Грек переводил статьи из Лексикона; не проводилось также глобальное изучение оригинальных сочинений писателя с целью выявить отдельные заимствования из византийской энциклопедии; наконец, не было окончательно установлено, каким изданием (или рукописью) Лексикона пользовался Максим.² В настоящей работе мы попытаемся ответить на некоторые из поставленных вопросов; в Приложении 2 на основании новейшего издания Лексикона А. Адлер мы приводим список переводов и заимствований Максима из Свида.

Целый ряд переводов Максима Грека из Свида можно определенно связать с именем известного деятеля первой половины XVI в. В. М. Тучкова-Морозова, с которым, как известно, писатель был близок до собора 1525 г. До сих пор в науке было известно, что для него Максим перевел комплекс из четырех статей:³ «Повесть о Оригене» (Иванов, № 75), «Повесть о Иове» (Иванов, № 76), «Повесть о Аврааме» (Иванов, № 74), «Повесть о Мелхиседеке» (Иванов, № 77). Во всех списках эти переводы существуют в виде единого комплекса. Именно в таком порядке они перечисляются в сопроводительном послании В. М. Тучкову, которое и позволяет утверждать, что именно для него Максим перевел указанные

¹ С. Белокуров. О библиотеке московских государей в XVI столетии. М., 1898, с. 301—304.

² Необходимость решения всех поставленных вопросов, связанных с использованием Максимом Греком Лексикона Свида, была отмечена уже в сообщении А. А. Покровского «Один из греческих источников сочинений Максима Грека». — В кн.: Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества, т. III. М., 1902, протоколы, с. 27—28.

³ В скобках указываем номер статьи по кн.: А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969.

статьи;⁴ не случайно, видимо, этот комплекс переводов оказался у А. М. Курбского, родственника В. М. Тучкова.⁵

Нам удалось обнаружить другой комплекс переводов из Свиды, который Максим Грек адресовал В. М. Тучкову.⁶ В данном случае некоторые из переводов Максим снабдил собственными комментариями. Большая часть переводов вновь обнаруженного комплекса была опубликована в казанском издании сочинений Максима Грека под заглавием «Толкование некоторых мест св. Писания».⁷ Перечислим эти статьи (отсылки на соответствующие места Лексикона Свиды см. в Приложении 2, 1): 1) «Вопрос: сей день, его же сотвори господь» (III, 49—50); 2) «Вопрос: како полагает Павел первых апостолох, таже пророков?» (III, 50—51); 3) «Повесть о Сатане» (Иванов, № 92); 4) «Сказание о Серухе» (Иванов, № 80); 5) «Вдела сиречь пиавица»;⁸ 6) «Что есть мерзость запустения?» (III, 51); 7) «Что есть покоище?» (III, 51—52); 8) «Вопрос: что есть глаголемое Павлом апостолом: душевен же человек не приемлет, яже духа?» (III, 52—53); 9) «Вопрос: что есть вопль Содомов и Гоморов умножися?» (III, 53).

Укажем, на основании чего мы связываем обнаруженную нами группу переводов с именем В. М. Тучкова. Давая свои комментарии к переводной статье «Покоище», Максим Грек пишет: «Потщимся и сами, имя рек государь, бога ради всею силою достигнути таково пребожественное царство и покоище» (III, 52). Так читается в казанском издании сочинений Максима Грека; так же читается во всех рукописях, кроме одной (ГПБ, F.XVII.13, л. 85 об.), в которой сохранилось первоначальное обращение к адресату: «Потщимъся и самы князь государь» и т. д. Подобное обращение («князь государь») характерно для других посланий Максима В. М. Тучкову. До нас дошли три послания Максима Грека этому адресату: 1) «Сказание об Альде Мануччи» (Иванов, № 362); 2) сопроводительное послание к переводам статей об Оригене, Иове, Аврааме, Мелхиседеке; 3) «Поучение к некоей знатной особе» (Иванов, № 195).⁹ Обратим внимание на обращения Максима к своему адресату: «Князь государь мой Василие Михайлович», «а я тебе, государю моему» («Сказание об Альде Мануччи»),¹⁰ «государь князь Василей Михайлович» (сопроводительное послание),¹¹ «благороднейший князь Василие Михайловиче» («Поучение к некоей знатной особе»).¹²

Как видим, писатель дважды обращается к В. М. Тучкову «князь государь» или «государь князь» (в двух случаях эта формула раздваивается: «государь» и «князь»). Именно эта форма обращения, характер-

⁴ П. М. Строев. Библиологический словарь и черновые к нему материалы. СПб., 1882, с. 205.

⁵ РИБ, т. XXXI. СПб., 1914, стб. 495.

⁶ Мысль о том, что отдельные статьи из второго комплекса переводов написаны для В. М. Тучкова, выдвинул В. С. Иконников в своей книге «Максим Грек и его время» (Киев, 1915, с. 576).

⁷ Сочинения преподобного Максима Грека, ч. III. Казань, 1862, с. 49—53. В дальнейшем ссылки на это издание (ч. I—III. Казань, 1859—1862) приводятся в тексте.

⁸ Часть этой маленькой статьи опубликована А. И. Ивановым (Литературное наследие Максима Грека, с. 174, примеч. 15), который называет ее «странным вопросом».

⁹ В. Ф. Ржига правильно указал на обращение («Василие Михайловиче»), которое позволяет считать статью посланием В. М. Тучкову, в чем почему-то усомнился А. И. Иванов. См.: В. Ф. Ржига. Неизданные сочинения Максима Грека. — Byzantinoslavica, Praha, 1935—1936, t. VI, p. 94.

¹⁰ Г. Геннади. О типографском знаке альдинских изданий. (Из сведений Максима Грека). — Библиографические записки, 1858, т. I, № 6, с. 185.

¹¹ П. М. Строев. Библиологический словарь... с. 205.

¹² ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264, л. 296 об.

ная только для посланий В. М. Тучкову, позволяет утверждать, что ему был предназначен комплекс переводов из Свида, который мы обнаружили.¹³ Более того, с аналогичной заменой обращения к В. М. Тучкову на безличное «имя рек» мы встречаемся в послании к этому боярину, которое сопровождает переводы статей об Оригене, Иове, Аврааме, Мелхиседеке. В Богоявленском сборнике обращение читалось так: «государь князь Василей Михайлович», а в рукописи ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264 (об этих рукописях подробнее см. ниже), обращение заменено на безличное «имя рек».¹⁴ Видимо, такая замена объясняется каким-то нежеланием Максима Грека вспоминать имя В. М. Тучкова. Далее мы попытаемся объяснить это обстоятельство.

Первая и вторая группы переводов из Свида, которые Максим Грек сделал для В. М. Тучкова, имеют тенденцию объединяться вместе в рукописной традиции и осложняться некоторыми другими переводами из Свида. При всем том только эти два комплекса обладают твердостью структуры. Для выяснения этой структуры обратимся к рукописям. Указанные комплексы переводов вместе или порознь сохранились в следующих рукописях.

1. ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264 (далее Румянцевский — *P*). Сборник сочинений Максима Грека. 322 л., в четверку, между 1551—1555 гг.¹⁵

2. ГПБ. F.XVII.13 (далее Публичный 1 — *П1*). Сборник. 117 л., в лист, вторая половина XVI в.¹⁶

3. ГПБ, Q.I.219 (далее Публичный 2 — *П2*). Сборник сочинений Максима Грека. 568 л., в четверку, конволют из двух рукописей XVI и середины XVII вв.¹⁷ Интересующие нас статьи находятся в части XVI в. Листы в части XVI в. перепутаны, правильный порядок: л. 1—452, 460, 453—459, 461—482, 484—555, 557, 556 об., 556, 558—566, 567 об., 567, 568.¹⁸

4. Сборник Костромского Богоявленского монастыря, № 829 (далее Богоявленский — *B*). Сборник утрачен, но частично описан П. М. Строевым.¹⁹ По данным П. М. Строева, 315 л., в четверку, начало XVII в.

5. ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 495/514 (далее Соловецкий — *C*). Сборник сочинений Максима Грека. 726 л., в лист, 1660 г.²⁰

6. Поморское собрание сочинений Максима Грека (известно 12 спи-

¹³ Заметим, что форма обращения к адресату в «Послании к начальствующим правоверно» (именно: «добрейший Василе» — П, 346) заставляет усомниться в том, что адресатом послания был В. М. Тучков, как полагали некоторые исследователи.

¹⁴ П. М. Строев. Библиологический словарь..., с. 205; Н. В. Сяницына. Максим Грек в России. М., 1977, с. 67.

¹⁵ Подробнее о Румянцевском сборнике см.: Н. В. Сяницына. Максим Грек в России, с. 248—261.

¹⁶ Перечень статей сборника см.: К. Калайдович, П. Строев. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей... графа Федора Андреевича Толстого. М., 1825, с. 19—20. О датировке рукописи подробнее см.: Н. Н. Розов. Похвальное слово великому князю Василию III. — Археографический ежегодник за 1964 год. М., 1965, с. 280.

¹⁷ Перечень статей см.: К. Калайдович, П. Строев. Обстоятельное описание..., с. 390—400. О датировке рукописи подробнее см.: Д. М. Буланян. Комментарий Максима Грека к словам Григория Богослова. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 278.

¹⁸ Л. 483 переписан тем же характерным почерком, что л. 538—554, однако точно фиксировать его место затруднительно, поскольку конец статьи, на которой обрывается л. 483 («Повесть о Сатане»), в рукописи отсутствует.

¹⁹ П. М. Строев. Библиологический словарь..., с. 205—207.

²⁰ Отдельные статьи перечислены в кн.: Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии, ч. I. Казань, 1881, с. 486—497.

сков).²¹ Мы пользуемся рукописью ГБЛ, ф. 209, собр. Овчинникова, № 131 (далее Овчинникова — *O*). 784 л., в четверку, между 1705—1721 гг.²² К рукописи этой, как показало исследование А. Т. Шашкова, восходят прочие рукописи Поморского собрания.²³

7. ЦГИА, ф. 834, оп. 4, № 1622 (далее Архивный — *A*). Сборник сочинений Максима Грека. 341 л., в четверку, 20-е гг. XVII в.²⁴ Порядок листов перепутан, правильный порядок: л. 1—37, 71, 38—53, 118—130, 54—70, 72—105, [139—146, 148, 150, 149, 147], 273—335, 338—341, 336, 337, 106—117, 132—138, 151—165, 245, 166—220, 246—253, 221—245, 254—272.²⁵

8. ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 338 (далее Ундольского — *У*). Сборник сочинений Максима Грека с добавлением других статей. 428 л., в четверку, XVIII в.²⁶

Расположение и состав статей, переведенных из Свиды и находящихся в перечисленных рукописях, наглядно видны на таблице (см. с. 284). Как видно на таблице, второй комплекс переводов из Свиды представлен в трех вариантах: в 1-м варианте, который мы считаем первоначальным, статьи о Сатане и о Серухе как бы вклиниваются в середину всего комплекса (*П1, П2, Б*); во 2-м варианте эти статьи идут в начале всего комплекса (*С, O*); наконец, в 3-м варианте статьи о Сатане и о Серухе также находятся в начале, но они сокращены и объединены вместе (*A, У*). Начнем с последнего, 3-го, варианта.

Он встречается в двух сборниках сочинений Максима Грека — Архивном и Ундольского. Сборники эти можно считать двумя видами одного и того же собрания, которое не выделено Н. В. Сеницыной, хотя она называет сборник Ундольского в числе собраний, сохранившихся в единственном списке. Дело в том, что в Архивном сборнике оказались перепутаны буквально все листы, и только восстановление их истинного местоположения показывает близость, хотя и не идентичность, двух сборников (см. Приложение 1). Симеон Моховиков, переписчик сборника Ундольского, на л. 244 об. расписался сам и воспроизвел писцовую запись своего оригинала: «А сия книга болшая преподобнаго отца нашего Максима Грека списана съ его руки преподобнаго тоя же великия обители живоначальныя Троицы преподобнаго отца нашего Сергия чудотворца иже

²¹ Перечень списков см.: Н. В. Сеницына. Максим Грек в России, с. 278; А. Т. Шашков. Поморский кодекс сочинений Максима Грека. — В кн.: Источниковедение и археография Сибири. Новосибирск, 1977, с. 93. Из Поморского собрания второй комплекс переводов заимствован в собрании, составленном в XIX в. для Т. Ф. Большакова (перечень списков см.: Д. М. Буланин. Комментарии Максима Грека к словам Григория Богослова, с. 288, примеч. 83). В дальнейшем списки собрания Т. Ф. Большакова, не дающие индивидуальных чтений, не учитываются.

²² Датировка рукописи принадлежит А. Т. Шашкову.

²³ А. Т. Шашков. Поморский кодекс сочинений Максима Грека, с. 111. Перечень статей Поморского собрания по рукописи ГИМ, собр. Хлудова, № 74, см. в кн.: А. Попов. Описание рукописей и каталог книг церковной печати библиотеки А. И. Хлудова. М., 1872, с. 158—174. Отметим, что Н. В. Сеницына называет Поморское собрание «Старообрядческим собранием». Мы пользуемся термином А. Т. Шашкова.

²⁴ Водяные знаки типа Гераклитов, № 873 (1622 г.); Лихачев. Вод. зн., № 4245 (1603 г.).

²⁵ Обоснование правильного порядка листов в рукописи *A* см. в Приложении 1. В квадратные скобки заключены листы, местоположение которых фиксируется гипотетически. На л. 131 находится конец какого-то послания, которое не удалось отождествить с известными сочинениями Максима Грека.

²⁶ Описание рукописи см. в кн.: С. Белокуров. О библиотеке..., с. ССXLIII—ССXLVI.

в Маковце на Радонеже реце скимноиноком Варлаамом Самарийским в лето 7148...».

Как нам указала Н. В. Синицына (за что мы ей весьма признательны), нельзя утверждать на основании этой записи, что сборник Ундольского восходит к авторизованному собранию сочинений Максима Грека. Нельзя, следовательно, утверждать, что сокращение статей о Сатане и Серухе в собрании, представленном сборниками Архивным и Ундольского (далее мы называем это собрание Архивным 2),²⁷ принадлежит самому Максиму. В собрание Архивное 2 входят как ранние сочинения Максима Грека, так и сочинения, относящиеся к последнему периоду жизни писателя.²⁸ Отметим также, что собрание это не было таким четким по структуре, как прижизненные собрания сочинений Максима.²⁹ Так что данных, позволяющих говорить о новом прижизненном собрании Максима Грека, пока нет. Архивный сборник, передающий, видимо, более полно собрание Архивное 2, был переписан с дефектного оригинала: так, например, «Послание утешительно ко князю Димитрию о терпении в скорбех» (Иванов, № 188) не отделено от предшествующих переводов из Свиды даже заглавием (л. 239); статья «Сказание о Июде предатели на Аполинария» (Иванов, № 167) вообще начинается с полуслова (л. 30 об. — заглавие у этой статьи отсутствует и в У); кроме того, в А отсутствует нумерация глав, а нумерация в У несомненно вторичное явление.³⁰ Далее, как видно в Приложении 1, в конце собрания Архивное 2 последовательность статей не совпадает в сборниках А и У. Неясно, входили ли в первоначальный корпус собрания Архивное 2 главы 22—25 сборника У,³¹ которые отсутствуют в А. Наконец, в структуре собрания Архивное 2 нельзя проследить единую связующую мысль автора, как это удалось сделать Н. В. Синицыной по отношению к другим прижизненным собраниям писателя.³²

Как мы указывали, в собрании Архивном 2 статьи о Сатане и о Серухе помещены перед прочими статьями второго комплекса. Общность рукописей А и У особенно ярко видна по сокращению статей о Сатане и Серухе, но иллюстрируется и другими примерами: АУ «еликих претерпеша», ППЗСО «еликих терпеша», АУ «любовь любими», ПЮ «любо-

²⁷ В отличие от Архивного собрания, обнаруженного Н. В. Синицыной (Максим Грек в России, с. 276—277). Далее в названиях собраний мы следуем книге Н. В. Синицыной.

²⁸ Если основываться только на статьях, общих для А и У, то к последнему периоду относятся следующие статьи: «Послание к благоверному царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси» (Иванов, № 217, датировку см.: В. Ф. Ржигала. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, с. 72); «Сказание отчасти недоуменных неких речений в слове Григория Богослова» (Иванов, № 260, датировку см.: Д. М. Булантин. Комментарий Максима Грека к словам Григория Богослова, с. 283—284); «Исповедание православной веры Максима инока из Святыя горы...» (Иванов, № 242, датировку см.: Н. В. Синицына. Максим Грек и Савонарола. — В кн.: Феодальная Россия во всемирно-историческом процессе. М., 1972, с. 153).

²⁹ О прижизненных собраниях Максима Грека см.: Н. В. Синицына. Максим Грек в России, с. 161—186. По невыработанности структуры собрание Архивное 2 можно сравнить только с Румянцевским сборником.

³⁰ Нумерация глав в У мы считаем вторичной, поскольку под одной главой нередко объединяются сочинения различного содержания (например, главы 3, 9, 10 и др.).

³¹ Глава 26 определенно не входила в собрание Архивное 2, потому что, во-первых, она отсутствует в А, а, во-вторых, в У она следует за писцовой записью Симеона Моховикова, которая завершает статью собрания Архивное 2.

³² Может быть, отсутствием четкости состава собрания Архивное 2 следует объяснять сокращение статей о Сатане и Серухе, поскольку сокращение носит механический характер.

вию любими»; АУ «иудеи в землю», ПІСО «иудеи внидоша в землю»; АУ «строит от Духа», ПІСО «строит а Духа».³³ Можно предположить, что сокращенной редакции статей о Сатане и Серухе должен был предшествовать вариант, в котором эти статьи помещены полностью в начале прочих статей второго комплекса, т. е. 2-й вариант по нашей классификации.

Вариант этот представлен сборниками СО. Для них характерно несколько особенностей: во-первых, в данном случае второй комплекс переводов соединяется с первым, причем между ними помещены еще три статьи, переведенные из Свида: «Повесть о рахманех» (Иванов, № 83), «Повесть о Креме, государе болгарском» (Иванов, № 84), «Сказание о Велисарии стратиге» (Иванов, № 82); во-вторых, за переводами из Свида, как в 3-м варианте, следует «Послание утешительно ко князю Димитрию о терпении в скорбех». Поморское собрание сочинений Максима Грека, представителем которого является О, в соответствии с исследованием А. Т. Шашкова восходит к Соловецкому собранию, к которому добавлены статьи из Троицкого собрания,³⁴ а также из книг «древле письменных». К числу этих последних и относятся переводы из Свида, а также Послание князю Димитрию.

Как мы говорили, к сборнику О восходят все рукописи Поморского собрания. Через всю рукопись проходит тщательная киноварная правка. Мы рассмотрели эту правку только в переводах из Свида и можем сказать относительно текста этих статей, что правка производилась по смыслу, а не на основании другого источника.³⁵ Следовательно, источник переводов из Свида был один. Мы имеем основания утверждать, что источник этот был общим у О и С.

Составитель Соловецкого сборника Прохор Шопин пишет в предисловии, что рукопись «писана... с трех преже писаных книг, от различных писарей, и те преже писанья книги точию до 15 слова друга к друзей согласны, прочее же смесны. Аз же писах, что в первой книзе обретох и потом из вторья приписовах, такожде и с третие и сиде во едино совокупих» (л. 3 об.). Просмотр сборников сочинений Максима Грека не дает возможности указать на собрания, которые бы имели сходство до 15 слова. Однако следует указать, что основной источник С по составу статей был близок собранию в 151 главу.³⁶ На другой возможный источник С мы укажем ниже.

Что касается переводов из Свида, то в С переводы эти восходят к тому же источнику, что и в О: СО «ему же претяаше отец», П2 «ему же претяаше»;³⁷ С «доблий подвижник», О «доблий поистине», РП2 «доблий поистине подвижник»; С «до Авраама лета 3705», О «до

³³ Отметим, что перемещение статей «Покоище» и «Душевен человек» в У из конца комплекса в начало (также пропуск статьи «Вошь Содомы и Гоморры») — индивидуальная особенность рукописи, которая не мешает принципиальной близости сборников А и У.

³⁴ Об этих собраниях подробнее см.: Н. В. Сидицына. Максим Грек в России, с. 265—271, 273—274.

³⁵ Примеры из первого комплекса: «богомерзский еретики» исправлено на «богомерзати еретици», «опрашати хребет» на «обращати хребет», «аше же не отдаждь» на «аше же не отдаси»; примеры из второго комплекса: «конец всему азбуку греческому» исправлено на «конец всея азбуки греческия», «не вкушающих свиных мяс» на «не вкушающих свиных мяс», «вошь Содомов и Гомор» на «вошь Содомов и Гоморов». Ср. другие наблюдения А. Т. Шашкова (Поморский кодекс сочинений Максима Грека, с. 109).

³⁶ В собрание в 151 главу «укладываются» следующие главы С: 1—62, 64—117, 119—143, 156, 158—161 (в том числе главы 129—134, которые имеются только в собрании в 151 главу и в С), однако порядок глав в обоих случаях различен.

³⁷ В Р ошибочно «престааше». Греческому оригиналу соответствует СО.

Авраама лето 1705», *П1П2* «до Авраама лета 3745»;³⁸ *П1П2АУ* «Пръвее апостоли, второе пророкы. Въпрос (*П2* «толк»). Како (*П2* «так») полагает Павел», *СО* «Вопрос. Како полагает Павел (*О* «апостол»)».³⁹ Следует отметить, что *О* не может восходить к *С*, так как, во-первых, в *С* отсутствует статья, которая имеется в *О* («вдела—грех»), во-вторых, этому противоречат следующие чтения: *РП2О* «Сида сына египетскаго», *С* «Сида египетскаго»; *П1П2О* «иному коему оружию», *С* «иному оружию»; *П1АУО* «егда убо довершаем», *С* «егда убо совершаем».

В *О* сохранился шов между двумя комплексами переводов из Свиды. Первый (статьи об Оригене, Иове, Аврааме, Мелхиседеке) завершается словами, которые читаются также в *Р*: «Сия вся преведошася от премудрыя книги греческия глаголемыя Суидас Максимом иноком Греком святогорским». Второй комплекс, к которому присоединены статьи о рахманах, Креме, Велисарии, открывается словами: «Повесть преведесея от книги глаголемыя Суидас Максимом иноком Греком». Таким образом, в *О* эти слова отнесены только к очередной статье о рахманах. Видимо, первичное чтение сохранилось в *С*, где перед статьей о рахманах читается: «Повести различны преведошася» и т. д., т. е. слова эти относятся ко всем последующим статьям из Свиды. Это позволяет утверждать, что три дополнительные статьи (о рахманах, Креме, Велисарии) присоединены сначала ко второму комплексу переводов и лишь затем соединились с первым комплексом. Так обстоит дело со 2-м вариантом второго комплекса переводов.

Близок к *СО* сборник *В*, описанный П. М. Строевым. В *В*, как в *СО*, второй комплекс переводов вместе со статьями о рахманах, Креме, Велисарии присоединен к первому. Судя по указаниям П. М. Строева, в этом сборнике шов между первым комплексом и остальными статьями был еще более очевиден. Здесь слова «сия вся преведошася от премудрыя книги греческия глаголемыя Суида», которые должны завершать первый комплекс переводов (*РО*), поставлены в качестве заглавия к статье о рахманах. Однако в отличие от *СО* в *В* к первому комплексу присоединен не 2-й, а 1-й вариант второго комплекса переводов. Очевидно, *В* в истории текста переводов из Свиды занимает промежуточное место между *СО* (2-й вариант второго комплекса) и 1-м вариантом второго комплекса, который мы считаем изначальным.

В наиболее «чистом» виде этот вариант сохранился в *П1*. Как мы указывали, в этом случае статьи о Сатане и Серухе как бы вклиниваются между прочими статьями второго комплекса. Сборник *П1* уже был предметом внимания ученых. В частности, по нему В. Ф. Ржига опубликовал уникальное сочинение Максима Грека «Послание великому князю Василию III» (Иванов, № 227);⁴⁰ Н. Н. Розов опубликовал по этой рукописи «Похвальное слово Василию III» (см. выше, примеч. 16). К сожалению, сборник Публичный 1 — только фрагмент некогда пространной рукописи: он начинается с тетради 60, а поскольку в тетрадях рукописи по 8 листов, в *П1* отсутствуют начальные 472 листа. Обстоятельство это крайне огорчительно, так как, судя по всему, этот сборник — одна из 3 рукописей, которыми пользовался Прохор Шошин, составитель Соловецкого сборника.

На протяжении всего Соловецкого сборника на полях проставлены параллели к отдельным местам из сочинений Максима Грека (параллели

³⁸ Греческому оригиналу соответствует *П1П2*.

³⁹ Греческому оригиналу соответствует *П1П2АУ*.

⁴⁰ В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI века, с. 111—116.

эти записаны почерком, которым переписан *C*) с ремарками «рядом», или «рядом сице», или «в старой книге». Две подобные параллели имеются к переводам из Свиды. Так, в тексте *C* читается «святителище», а на поле отмечено: «рядом: святителище» (л. 696 об.). Как раз эту ошибку мы встречаем в *ΠΙ*. В другом месте (л. 697 об.) в *C* читается «во ушеса господа Саваофа», а на поле: «рядом сице: господа Саваоф» с фитой под титлом. Именно такое написание находим в *ΠΙ*. Видимо, оно объясняется греческим текстом, где еврейское слово «Саваоф» не склоняется (*χυριου Σαβαωθ*).⁴¹ К сожалению, к другим сочинениям Максима Грека, входящим в состав *ΠΙ*, параллелей в *C* не приведено. Все же можно предположить, что рукопись с 1-м вариантом второго комплекса была у Шошина. В *ΠΙ* второй комплекс переводов осложнен еще несколькими статьями из Свиды (о Велисарии, «Апостольское житительство» — Иванов, № 266, «Сказание о Давиде пророке» — Иванов, № 81), однако они не мешают цельности второго комплекса.

1-й вариант второго комплекса, хотя и в осложненном виде, представлен также в сборнике *Π2*. От второго комплекса переводов сохранился только один лист (л. 483), который к тому же попал не на свое место, а также статья о Серухе, которая по кодикологическим условиям не может быть оторвана от предшествующего «Сказания о Промифее» (Иванов, № 79), как известно, не входящего во второй комплекс. Исходя из единственного сохранившегося листа, относящегося ко второму комплексу переводов, можно сказать, что начало статьи о Сатане вклинивается в прочие статьи комплекса, как это обычно имеет место в 1-м варианте. Помимо первого комплекса переводов (об Оригене, Иове, Аврааме, Мелхиседеке) в *Π2* имеется ряд дополнительных переводов из Свиды. Кроме названной статьи о Прометее, это переписка Анастасии мученицы и Хрисогона исповедника (Иванов, № 90, а-г), статьи о Давиде и Велисарии.⁴² Все это следует отнести на счет индивидуальных особенностей рукописи, которая в отношении неотработанности состава во многом напоминает Румянцевский сборник.⁴³

Мы предполагаем, что история текста рассмотренных переводов из Свиды прошла следующие этапы: *ΠΠ2* → *B* → *CO* → *AУ*, т. е. первоначальным является 1-й вариант второго комплекса статей, 2-й вариант — это уже последующая обработка текста, от которой зависит последний, 3-й, вариант. Это иллюстрируется следующими чтениями. 1-й вариант: «Алфо(ю) да ω-м себе именуеть тем образом: алфа първое писма есть азбучку греческому сице образуемо а, а конец всему азбучку греческому

⁴¹ Видимо, сюда же можно присоединить еще один случай сверки текста в *C* с текстом *ΠΙ*. Напротив слов «Андриянова царя» на поле в *C* отмечено: «Адрианова», причем, видимо, к этой глоссе также относятся слова на нижнем поле листа (л. 696 об.): «Писано против старой книги». В *ΠΙ* как раз читается «Адрианова», а в *ОАУ* — «Андриянова».

⁴² Здесь же (л. 540 об.—541 об.) помещен маленький отрывок «О раю» (Иванов, № 307, ср. *ΠΙ*, 210—211), который, как мы установили, является выпиской из Иоанна Дамаскина (PG, т. 94. Parisiis, 1864, col. 910—914, 915—918). Отрывок этот неотделим от предшествующего перевода из Свиды (Переписка Анастасии мученицы и Хрисогона исповедника) и, видимо, первоначально следовал в конце всех переводов, так как в Свиде этот отрывок отношения не имеет (ср. гипотетически восстанавливаемый порядок статей в *Π2* в таблице, с. 284).

⁴³ Особенности *Π2* иллюстрируются следующими индивидуальными чтениями в переводах из Свиды: *Π2* «дебелство», *PCO* и глосса в *Π2* «ядрство»; глосса в *Π2* «в летех 18-х», *RP2CO* «на лета 18»; *Π2* «бог бо на небо», *PCO* «бог бо на небеси» (в *C* глосса «на небо»); *Π2* «умре отец», *PCO* «измер отец»; *Π2* «в Египет отиде», *PCO* в «Египет ступил»; *Π2* «бог понаказав», *PCO* «бог постращав»; *Π2* «начало всем суца», *ΠCOAУ* «начало суца всем».

ω есть большее» (*Π2*);⁴⁴ 2-й вариант: «Алѳою первое писмя есть азбучку греческому сиде образуемо а, а конец всему азбучку греческому ω есть большое» (*СО*);⁴⁵ 3-й вариант: «Алѳою первое писмя есть азбучку греческому о есть большое» (*АУ*). В контексте статьи имеет смысл лишь текст 1-го варианта; 2-й и 3-й варианты последовательно искажают текст статьи. Далее, 1-й вариант: «Такожде и конецъ им (тварем, — *Д. Б.*) и съвршение, тѣи бо създад вся словом своим всесилным, тѣи съвршити хочет вся, рекше на пръвую красоту их възвратити» (*Π1*),⁴⁶ 2-й и 3-й варианты: «Такоже и конецъ им и совершение, тои бо создал вся, рекше на первую красоту их възврати» (*СОАУ*).

О том, что 1-й вариант второго комплекса переводов является изначальным, свидетельствует также окружение, в котором мы его встречаем в рукописях. Появление этого варианта как будто фатально влечет за собой другие статьи, связанные с именем В. М. Тучкова.⁴⁷ Так, в *Π1* за переводами из Свиды следует послание о типографском знаке Альда Мануция (л. 86—86 об.); в *В* помимо этого послания имеется сопроводительная записка В. М. Тучкову, о которой мы уже говорили. Сравним подобный конвой в *Р*, где он, однако, окружает первый комплекс переводов.

В том, что 3-й вариант восходит ко 2-му, помимо приведенных выше различий⁴⁸ убеждает также конвой. Как в *СО*, за переводами из Свиды в собрании Архивном 2 (сборник *А*) следует Послание к князю Димитрию, причем Послание вместе с переводами из Свиды в *О* связываются по происхождению в единое целое (попали в *О* из книг «древле письменных»). Однако ряд чтений свидетельствует о связи 3-го варианта не только со 2-м, но и с 1-м вариантом. Во-первых, бессмысленное сокращение текста об альфе и омеге в *АУ* может восходить не только к *СО*, но и к *Π1* (см. примеч. 44), то есть к 1-му варианту; во-вторых, сравним следующие чтения: *Π2АУ* «сыну человеческого», *Π1СО* «сыну человеку»; *Π1Π2АУ* «Первое апостоли, второе пророки», в *СО* фраза опущена;⁴⁹ *Π1АУ* «даже до лет Фаррин», *Π2СО* «до лет Фаррин»; *Π1АУ* «Вдела сиречь пиавица», в *О* фраза отсутствует.⁵⁰ Таким образом, 3-й вариант связан как со 2-м, так и с 1-м вариантами второго комплекса. Взаимоотношение рукописей, содержащих перечисленные переводы из Свиды, показано на схеме.

Из обзора рукописной традиции можно сделать несколько важных выводов. Статьи о Сатане и Серухе становятся органическими компонентами второго комплекса переводов, отправленного В. М. Тучкову, а не позднее добавленными статьями. Составление этого комплекса, видимо, хронологически следует за отправкой В. М. Тучкову первого комплекса переводов с сопроводительной запиской; второй комплекс, надо полагать, был составлен также позднее послания об Альде Мануции, поскольку в *Р* указанные сочинения имеются, а второй комплекс переводов отсутствует. Далее, отсутствие смысловой связи статей о рахманах, Креме, Ве-

⁴⁴ В *Π1* текст искажен следующим образом: «Алѳою да ω-м себе именует тем образом: алфа пръвое писмя есть азбучку греческому ω есть болшое».

⁴⁵ В *О* чтение протографа *СО* подновлено: «Алфа первое» и т. д.

⁴⁶ В *Π2* текст сокращен: «Такожде и конецъ им и съвршение, тѣи и съвршити хочет вся, рекше на пръвую красоту их възвратити».

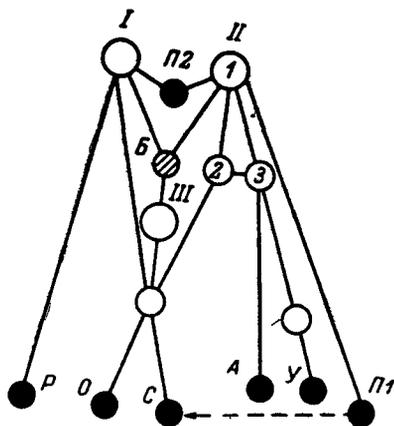
⁴⁷ Видимо, не случайно список 1-го варианта (*Π1*) сохранил, как мы показали выше, первоначальное обращение к адресату («князь государь»).

⁴⁸ Следует также отметить, что в 3-м варианте в последней фразе статьи о Серухе как будто отразилась «Повесть о Аврааме» («Авраам 14 лет был...»), что также свидетельствует о вторичности *АУ* по отношению к *СО*.

⁴⁹ Греческому оригиналу соответствует текст в *Π1Π2АУ*.

⁵⁰ В греческом тексте фраза отсутствует, как в *О*.

Схема взаимоотношения I и II комплексов переводов из Лексикона Свиды.
I комплекс. II комплекс. III статьи: о рахманах, о Креме, о Велисарии.

Примечание. Схема составлена на основании изучения только переводов из Свиды, поэтому она неизбежно упрощает связь между списками, в которые включены эти переводы. Полная стемма может быть составлена только после текстологического изучения всех сочинений Максима Грека по всем спискам.

лисарии со статьями второго комплекса, которые посвящены вопросам экзегетическим, заставляет признать их позднейшими добавлениями, сделанными, очевидно, самим Максимом. Впрочем, это не означает, что эти статьи Максим не мог перевести в первый период жизни в России, т. е. до собора 1525 г.

Когда же Максим сделал для В. М. Тучкова как первую, так и вторую подборку переводных статей? Есть все основания считать, что это произошло до собора 1525 г. Найденный Н. Н. Покровским более полный список Судного дела Максима Грека проливает свет на отношения Максима и В. М. Тучкова. Выясняется, что В. М. Тучков выступал на соборе 1525 г. в качестве прямого доносчика:⁵¹ «А Михайло Тучков бил челом великому князю... сын его Василей ходил к Максиму... его спроси. И Михайлов сын Василей великому князю сказал: Яз, государь, к Максиму был прихож и... мне грамоту греческую. И просился, государь, Максим у тебя наперед сего прочь, и ты его не отпустил, а молвил ему: Поживи еще здесь. И Максим говорил: Яз чаял, что благочестивый государь, а он таков, как прежних государей, которые гонители на христианство. И став Михайлов сын Тучкова Василей с Максимом с очей на очи говорил, что те речи про великого князя Максим говорил, что государь гонитель на христианство, как и прежние гонители. И Максим сказывает: Того не говаривал. И Василей говорил, что те речи у Максима слышел».⁵² После таких показаний более чем сомнительно, чтобы ученый грек поддерживал какие бы то ни было контакты с В. М. Тучковым.⁵³ Следовательно, переводы из Свиды для Тучкова сделаны были до 1525 г.

⁵¹ Новые материалы, касающиеся отношений Максима Грека и В. М. Тучкова использованы в работе: С. О. Шмидт. Новое о Тучковых (Тучковы, Максим Грек, Курбский). — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 129—141.

⁵² Н. Н. Покровский. Судные списки Максима Грека и Исака Собаки. М., 1971, с. 116.

⁵³ На наш взгляд, неубедительно предположение С. О. Шмидта (Новое о Тучковых, с. 139), что для Тучкова Максим Грек и позднее был авторитетом. Ссылка

Здесь уместно будет остановиться на переводах из Свиды, недавно обнаруженных Н. В. Синицыной и неизвестных ранее в науке. Переводы эти находятся в одной из тетрадей Румянцевского сборника сочинений Максима, который, как доказала та же исследовательница, подвергся собственноручной правке автора.⁵⁴ На л. 305—315 Румянцевского сборника Н. В. Синицына выделила 95 небольших отрывков, из которых ей удалось отождествить с соответствующими статьями Лексикона Свиды 77 отрывков.⁵⁵ Мы отождествили дополнительно 11 отрывков (см. Приложение, 2, I). Не установлен пока источник еще 7 статей. Остановимся на них подробнее.

Один из отрывков к Свиде отношения не имеет (по списку Н. В. Синицыной № 48), а является разъяснением автора к предыдущему (№ 47). Рассказав об аскетическом образе жизни киников, Максим замечает: «Что к сим речемь мы окааннии неситно прилежаще к всякому гортанному угодию и добытию богатства и стяжений всяческих» (л. 310). Подобное замечание делает Максим Грек к словам «Ираклита философа», которые, как установила Н. В. Синицына, заимствованы из Свиды (Иванов, № 206):⁵⁶ «Что противу сих возглаголет приготавлиаще себе всякое гортанное наслаждение, безответен есм. Пощади, господи, пощади».⁵⁷ Надо полагать, что со Свидой не связаны и другие два отрывка (№ 84, 85) — выписки из книг пророков Исаии и Даниила.⁵⁸ Наконец, еще две статьи, видимо, являются переводами, осложненными собственными добавлениями Максима Грека (№ 94, 95).⁵⁹ Не случайно они попали в конец подборки выписок из Свиды на л. 305—315. Предстоит отождествить еще две статьи (№ 5, 21).

Обнаруженные Н. В. Синицыной выписки из Лексикона крайне интересны, так как дают возможность проследить метод работы Максима со Свидой. Между тем, поскольку исследовательница ссылается на издание Лексикона И. Беккера, в котором статьи произвольно перегруппированы, цельной картины у нее не получилось. Обращение к новейшему изданию Свиды А. Адлер показало, что выписки в Румянцевском сборнике являются результатом последовательного просмотра Лексикона и отбора нужных автору материалов. Если мы отметим ряды отрывков, расположенных согласно последовательности текста Лексикона, то получим следующую картину:⁶⁰ № 1, 2—10, 11—12, 13—72,⁶¹ 73, 74, 75—76, 77—80, 81—86, 87—90, 91—92, 93.

на перевод толкований Златоуста, который был осуществлен Максимом и переписан в 1544—1545 гг. по повелению В. М. Тучкова, явно недостаточна. Следует признать, что данных об отношениях В. М. Тучкова к Максиму после соборов, осудивших писателя, у нас пока нет.

⁵⁴ Перечень автографов Максима Грека в *P* см.: Н. В. Синицына. Максим Грек в России, с. 248.

⁵⁵ Там же, с. 58—60.

⁵⁶ Там же, с. 57.

⁵⁷ А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека, с. 143.

⁵⁸ Небезынтересно отметить, что выписка из пророка Исаии (47, 11—15) неоднократно использовалась писателем в оригинальных сочинениях (I, 416; *P*, л. 25—25 об.). Ср. аналогичное использование переводов из Свиды.

⁵⁹ Отрывок № 94 Н. В. Синицына (Максим Грек в России, с. 60) справедливо сравнивает с отрывком № 65 («Сапог» — «Υπόβημα»). Стоит указать также статью «Λύβον σου τὸ ὑπόβημα» (Suidae Lexicon. Ed. A. Adler, pars 3. Lipsiae, 1933, p. 303. Далее ссылки на это издание даются в тексте, например: pars 3, p. 303), в которой дается отсылка на все ту же статью «Υπόβημα». Об отрывке № 95 (определение понятия «существо») подробнее см. ниже.

⁶⁰ Неотождествленные отрывки (за исключением № 94, 95) включаем в общий ряд.

⁶¹ Следует отметить, что в ряду 13—72 в двух местах (№ 60—66; 69—70) имеется отклонение от нормы, так как порядок статей должен быть: № 62, 61, 63, 64, 60, 66, 65; № 70, 69.

Как известно, львиная доля статей Свиды относится к классической древности.⁶² Между тем выписки Максима Грека носят преимущественно богословский, экзегетический характер. Имеются также статьи лексикографического характера, но, как верно отмечает Н. В. Сеницына, «поскольку средневековая лексикография, как и филология в целом, имела достаточно тесные связи с экзегезой, то в переведенных Максимом Греком статьях преобладают темы, толкующие значение ветхозаветных и новозаветных символов и понятий».⁶³

Более того, выписывая нужные ему статьи из Свиды, Максим достаточно последовательно исключает из них цитаты из классических авторов и другие античные реминисценции. Лишь несколько статей имеют отношение к классической древности, причем в них излагаются мифологические сюжеты, которые, видимо, Максим хотел использовать в своих обличениях «эллинства» (№ 2, 83). В связи с этим становится понятной цель, с которой Максим несколько раз перелистывал Лексикон и сделал выписки: из огромного материала, содержащегося в этой энциклопедии, ему нужно было выбрать то, что он мог использовать в своей работе.

К какому периоду творчества писателя относится подборка статей, обнаруженных Н. В. Сеницыной? Благодаря найденному нами второму комплексу переводов, которые Максим сделал для В. М. Тучкова, можно датировать и выписки в Румянцевском сборнике. Дело в том, что 5 из 9 статей, составляющих обнаруженный нами комплекс, предназначенный для В. М. Тучкова, входят в состав подборки Румянцевского сборника (по списку Н. В. Сеницыной это № 1, 23, 24, 64, 75). Логично представить себе работу Максима следующим образом: сначала он выписал интересующие его статьи из Лексикона (подборка в *P*), затем выбрал из них отрывки, составившие второй комплекс переводов для В. М. Тучкова.

Однако при этом следует отметить, что текстуральной связи между отрывками в Румянцевском сборнике и соответствующими статьями второго комплекса переводов нет. Видимо, при отправке переводов В. М. Тучкову текст подвергся вторичной обработке.⁶⁴ Следовательно, подборка статей в Румянцевском сборнике относится к периоду до 1525 г. Это соответствует наблюдениям Н. В. Сеницыной о составе Румянцевского сборника вообще и о переводах из Свиды в частности.⁶⁵ Н. В. Сеницына предполагает, что выписки из Свиды в Румянцевском сборнике можно связать с работой Максима над переводом Толковой Псалтири, так как «источником многих выбранных Максимом для перевода статей из Лексикона являются псалтырные фрагменты и толкования к ним разных авторов, чаще всего Феодорита».⁶⁶

Датировка подборки в Румянцевском сборнике позволяет предположительно датировать еще несколько переводов из Свиды. В подборке этой, в частности, помещен перевод статьи о Нероне (№ 76), отрывок статьи о Платоне (№ 61) и цитата из Иосифа Флавия, также взятая из Свиды (№ 41). Все эти статьи (статья о Платоне в расширенном виде) помещены отдельно в других местах того же Румянцевского сборника (см. соответственно Иванов, № 78, 86, 103). По аналогии со вторым комп-

⁶² Общую характеристику Лексикона Свиды см.: К. Krumbacher. Geschichte der Byzantinischen Litteratur. München, 1897, S. 562—570.

⁶³ Н. В. Сеницына. Максим Грек в России, с. 68.

⁶⁴ Видимо, подборка в Румянцевском сборнике рассматривалась автором как черновик, поскольку как только какая-то статья вычленяется из подборки, она вторично редактируется. Ср. наблюдения Н. В. Сеницыной (Максим Грек в России, с. 69).

⁶⁵ Там же, с. 67.

⁶⁶ Там же.

лексом переводов для В. М. Тучкова можно думать, что сначала была сделана подборка, а потом указанные статьи были отредактированы, дополнены и помещены отдельно. Вряд ли этот процесс вторичной обработки можно отодвигать далеко от времени составления подборки в Румянцевском сборнике, т. е. до 1525 г.

Что касается статей из Свиды на л. 170 об.—171, которые все имеются также в подборке на л. 305—315 (№ 20, 43, 75, 55), то по поводу них можно высказать следующие два предположения. Может быть, это результат просмотра Лексикона, подобный подборке на л. 305—315, поскольку указанные четыре статьи расположены в алфавитном порядке, т. е. как в Лексиконе. Но возможно и другое предположение: может быть, это первоначальный вариант второго комплекса переводов для В. М. Тучкова, позднее отброшенный, поскольку, во-первых, статьи эти имеют общее заглавие («От книги тльковья»), во-вторых, одна из статей позднее вошла в число переводов второго комплекса («Вошь содомский» — № 75).⁶⁷

Исследование метода работы Максима Грека над Лексиконом Свиды открывает путь к изучению другого сборника, связанного с его творчеством, — Синодального (ГИМ, Синодальное собр., № 791), подробно исследованного Б. М. Клоссом.⁶⁸ В Синодальном сборнике прослеживается тот же метод обработки источников — метод, который заключается в собирании выписок, необходимых автору для дальнейшей работы. В частности, Б. М. Клосс отметил выписки из Хроники Георгия Амартола на л. 95—102 об., которые можно связать с именем Максима Грека именно благодаря сходному методу работы с источником, методу, который характерен для работы Максима над Свидой. Далее Б. М. Клосс отмечает (л. 142—142 об.) выписки, которые Максим Грек включил в свое «Слово на латинов...» (Иванов, № 134). Среди этих выписок отметим цитату из Иоанна Златоуста, источник которой установил Б. Шульце.⁶⁹ Кроме того, Б. М. Клосс отметил две цитаты из «Диоптры» Филиппа Пустычника. Мы здесь нашли две выписки из Свиды (см. Приложение 2, I. № 62, 102). Источники остальных выписок в Синодальном сборнике еще предстоит установить.

К какому времени следует отнести выписки, обнаруженные Б. М. Клоссом в Синодальном сборнике? Их можно датировать еще точнее, чем подборку выписок из Свиды в Румянцевском сборнике. Как мы указали, в числе выписок имеются такие, которые позднее вошли во вторую часть «Слова на латинов...» (Иванов, № 134). Однако в Синодальном сборнике

⁶⁷ Следует отметить еще две выписки из Свиды, которые находятся в *P* и которые несомненно предшествуют оформлению первого комплекса переводов для В. М. Тучкова. Это черновые переводы статей о Мелхиседеке (л. 131 об., 134 об.). Дело в том, что Лексикон Свиды посвящает Мелхиседеку три статьи (pars 3, p. 357—358 — M544, 545, 546). На л. 131 об. переведена целиком статья M546 в отличие от окончательного варианта статьи первого комплекса, где опущены слова: «ὅστις ἴμερονος — ἰγ' ἔτη», опущены, потому что дублируют сведения, сообщаемые в M544. Так что нужно полагать, Максим Грек сначала сделал буквальный перевод двух статей о Мелхиседеке (M544, 546), а при включении переводов в первый комплекс опустил лишнюю информацию.

⁶⁸ Б. М. Клосс. Максим Грек — переводчик повести Энея Сильвия «Взятие Константинополя турками». — В кн.: Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1974 г. М., 1975, с. 55—61. Как указал С. Н. Азбелев (К сравнительному изучению повестей о завоевании Константинополя турками. — В кн.: Сравнительное изучение литератур. Л., 1976, с. 19), Б. М. Клосс в этой работе повторил открытие, сделанное В. Ф. Ржигой (Кто перевел краткую повесть о взятии Константинополя турками? — *Slavia*, 1934, гоф. XIII, сеф. 1, s. 105—108). Синодальный сборник датируется периодом до 1543 г.

⁶⁹ В. Schultze. Maxim Grek als Theologe (*Orientalia Christiana analecta*, N 167). Roma, 1963, S. 111—112.

имеется целиком первая часть «Слова на латинов...» (Иванов, № 133 — л. 103 об.—109 об., 126—142). Следовательно, подборка выписок в Синодальном сборнике относится к промежутку времени между написанием первой и второй частей «Слова на латинов». Это первые годы пребывания Максима Грека в России, так как в «Слове на латинов», обращаясь к Федору Карпову, он пишет: «Ниже дыхати убо имею празности, объят в труде преведения Псалтыри» (I, 237). Итак, выписки Максима Грека в Синодальном сборнике относятся к тому времени, когда он переводил Толковую Псалтырь.⁷⁰

Помимо выписок, вошедших во вторую часть «Слова на латинов», другие заметки из Синодального сборника также отразились в оригинальных сочинениях Максима Грека. В частности, среди выписок из Амартола имеется заметка о происхождении названия Иерусалим — вопрос, который, видимо, интересовал Максима и который разбирается в статье о Мелхиседеке, переведенной из Свида. Об этом же пишет Максим в «Послании к некоему мужу на обеты некоего латынина-мудреца» (Иванов, № 169), а также попутно в других сочинениях (III, 235—236, ср. II, 325—326; III, 247). Далее, среди выписок из Амартола встречается рассказ о том, что «небесную мудрость» изобрел Сиф, причем дается ссылка на Иосифа Флавия.⁷¹ К этому вопросу Максим Грек неоднократно возвращается в своих сочинениях (I, 358, 476—477; III, 235). Б. М. Клосс отмечает также, что в одной из выписок из Амартола упоминаются рахманы, статью о которых из Свида также переводил Максим Грек. Одна цитата из Свида, которую мы обнаружили в Синодальном сборнике (изречение: «Большую ползу в мир вводит философ мужь, неже царь благ»), использована писателем в его послании Федору Карпову (Иванов, № 153—I, 357). Большая часть упомянутых сочинений принадлежит к раннему периоду творчества Максима Грека. Учитывая, что наряду с этим в Синодальном сборнике есть еще несколько оригинальных произведений Максима, также относящихся к раннему периоду творчества писателя, датировку подборки выписок можно считать доказанной.

Что касается подборки выписок из Свида в Румянцевском сборнике, то к ней также несколько раз писатель обращался в своих оригинальных сочинениях (см. Приложение 2, II, III). Однако обычно Максим вновь использовал греческий оригинал Лексикона, минуя рассмотренную подборку. Отметим несколько моментов, характеризующих метод работы писателя с этим источником. Как правило, единожды обратившись к Лексикону, Максим еще несколько раз возвращается к этому источнику на протяжении одного сочинения. Проиллюстрируем это на примере «Послания к некоему иноку, бывшему во игуменех, о немецкой прелести, глаголемой фортуне, и о колесе ея» (Иванов, № 161, ср. Приложение 2, II, № 3). Здесь писатель останавливается, в частности, на вопросе о происхождении астрологии: «Вемы бо, яко сидевая прелесть от Зороастра⁷² и древних волхвов, бывших у персян, начало име, иже научиша небесным и звездным движением строитися человеческим всем вещем...»

⁷⁰ Можно предположить, что приблизительно к тому же времени относится подборка статей из Свида в Румянцевском сборнике. Это еще одно подтверждение мысли Н. В. Сеницыной о связи подборки Румянцевского сборника с переводом Толковой Псалтыри.

⁷¹ Аналогичный рассказ имеется в Свида (pars 4, p. 348—Σ295), однако здесь нет ссылки на Иосифа Флавия. Поэтому в тех случаях, когда Максим Грек делает отсылку на Иосифа Флавия, можно с уверенностью говорить, что рассказ взят из Амартола (I, 476—477; III, 235).

⁷² Так в казанском издании, в рукописях же «от Зороастра и Тана» (Х. Лопарев. Описание рукописей императорского Общества любителей древней письменности, ч. III. СПб., 1899, с. 225), что ближе к статье Свида.

ю же прелесть прияша убо вседушно египтяне, а от них же еллини» (I, 448). Это воспроизведение статьи Свиды «Ἀστρονομία». Ниже Максим Грек цитирует статью Свиды «Γόχη»,⁷³ несколько неудачно вкладывая две цитаты в уста «премудрого некоего христианского философа» (I, 450), неудачно потому, что цитаты эти взяты из Полибия и Фукидида. Еще ниже Максим вновь обращается к Свиде, когда пишет, что даже внешние философы осуждают Эпикура, говоря: «Эпикурово злейшее учение и сие есть, яко и вся тварь сия счастьем неким, а не хотением и судом Божиим, правится» (I, 451).⁷⁴

Как видим, Максим Грек не стесняется порой выписывать цитаты из Свиды, которые относятся к античной древности. Это не противоречит тому, что мы сказали выше о его преимущественном внимании к статьям энциклопедии, которые носят богословский характер. Дело в том, что из материала, относящегося к классической культуре, он выбирает только то, что соответствует его собственному христианскому мировоззрению. Уже в подборке выписок в Румянцевском сборнике он, например, сделал такую выписку из статьи Свиды о киниках, которую можно смело вложить в уста христианскому философу: «Неким внешним философом любо бе еже скудне жительствовати брашны тонкими, сиречь неухыщренными преобидети славу и богатства и благородства, неци же былиами точию и студеною водою упитахуся и глаголаху: богу единому сущее есть ни единого требовати, подобити же ся ему желающим малых требовати» (P, л. 310). Аналогичный характер носит цитата из Платона, анекдоты об Аристиппе и Архиаде, также заимствованные из Свиды.⁷⁵

По поводу использования Лексикона Свиды в оригинальных сочинениях Максима Грека следует отметить еще одно обстоятельство. Де Боор доказал в своей работе, что в числе источников Лексикона Свиды была Хроника Георгия Амартола, которая, правда, по его мнению, отразилась в энциклопедии через посредство собрания эксерптов Константина Порфирогенита.⁷⁶ Собрание это — «Περὶ ἐκκλησιαστικῶν» посвящено специально вопросам богословского содержания. Поскольку Максим Грек обращает внимание именно на такого рода статьи Лексикона, неудивительно, что ряд статей Свиды, переведенных Максимом или отразившихся в его сочинениях, имеется в составе Хроники Амартола. Как мы говорили, в связи с обнаружением Б. М. Клоссом выписок из Амартола, которые принадлежат Максиму Греку, можно считать доказанным, что под руками у писателя был этот источник. Поэтому иногда бывает затруднительно решить, откуда попали те или иные сведения в сочинения Максима: из Свиды или из Амартола. В таких случаях в Приложении мы даем отсылки к тому и другому источнику.

Отвлекаясь несколько в сторону, хочется сказать, что, исходя из наличия под руками у Максима Грека Хроники Амартола, можно отыскать

⁷³ Обращение к Свиде в данном случае может быть важно для истории астрологической терминологии. Ср.: Л. С. Ковтун. Планида — фортуна — счастное колесо (к истории русской идиоматики). — ТОДРЛ, т. XXIV. Л., 1969, с. 327—330.

⁷⁴ А. И. Клибанов использует цитату из Свиды для характеристики собственных взглядов Максима на философию Эпикура, что, как видим, не совсем точно (А. И. Клибанов. Реформационные движения в России в XIV—первой половине XVI вв. М., 1960, с. 361).

⁷⁵ См. подробнее: Д. М. Булантин. Источники античных реминисценций в сочинениях Максима Грека. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 67—79.

⁷⁶ C. de Boor. Die Chronik des Georgius Monachus als Quelle des Suidas. — Hermes, Bd 21 (1886), S. 1—26. Ср.: C. de Boor. Suidas und die Konstantinische Excerptsammlung. — Byzantinische Zeitschrift, Bd XXI (1912), S. 381—424; Bd XXIII (1920), S. 1—127.

целый ряд реминисценций Хроники в сочинениях писателя.⁷⁷ Возможно, помимо Хроники Амартола у Максима Грека была какая-то позднейшая историческая компиляция, однако для установления этого необходимы дальнейшие изыскания. Предстоит также установить, был ли у Максима только славянский перевод Амартола (из которого сделаны выписки в Синодальном сборнике) или также греческий оригинал. На последнюю возможность как будто указывает рассказ Максима Грека о поэтессе Кассии в «Послании к некоей княгине» (Иванов, № 199—Р, л. 299), рассказ, который отсутствует в славянском переводе Хроники.⁷⁸

Возвращаясь к использованию Максимом Лексикона Свиды в оригинальных сочинениях, следует попытаться ответить еще на один вопрос. Как мы показали выше, большая часть переводов из Свиды относится к первому периоду его творчества, т. е. до 1525 г. Когда же Максим Грек использовал Свиду в своих собственных произведениях? Оказывается, в абсолютном большинстве случаев это ранние произведения или произведения, которые пока не поддаются точной датировке.⁷⁹ К последним можно отнести также такие переводы из Свиды, как «Сказание о Промифее» (Иванов, № 79), «Сказание о Давиде пророке» (Иванов, № 81), «Послания Анастасии мученицы к Хрисогону исповеднику и его ответы» (Иванов, № 90),⁸⁰ «Похвала Адаму пръвъзданному» (Иванов, № 85),⁸¹ «Сказание о таланте» (Иванов, № 91), «Повесть о соборе, хотевшем установить, дабы попы и диаконы, иподиаконы без жен были» (Иванов, № 93), а также отождествленная Н. В. Сеницыной статья «О посте» (Иванов, № 206). Как известно, после осуждения и заточения в Иосифо-Волоколамский монастырь у Максима Грека были отняты все книги. О возвращении книг он неоднократно просил в позднейших посланиях. Был ли возвращен Максиму Лексикон Свиды? Бесспорных случаев, когда Максим использовал Лексикон в сочинениях, написанных после соборов 1525 и 1531 гг., немного, поэтому следует остановиться на них более подробно.

Н. В. Сеницына отметила характерную особенность собраний сочинений Максима Грека, которые он интенсивно составлял в последние годы

⁷⁷ Помимо случаев, указанных выше, а также в Приложении 2, отметим следующие рассказы, которые находят аналогии в Хронике Амартола (ссылки даем на издание: Georgii Monachi chronicon. Ed. C. de Boor, vol. 1—2. Lipsae, 1904): 1) de Boor, p. 480—481 = «Похвальная словеса к некоему пречюдному древнему мученику, его же имя неведомо» (II, 450—451); 2) de Boor, p. 506—507 = «О Спиридонии чудотворци» (III, 269—271); 3) de Boor, p. 621—I, 171—173 (рассказ о том, как обратившийся в христианство мусульманин посрамил приверженцев ереси Севера); 4) de Boor, p. 659—660 = I, 383—384; III, 251 (рассказ о том, как император Маврикий погиб за свой грех от руки Фоки); 5) de Boor, p. 698—699 = I, 88—89 (рассказ о том, как Магомет обманул свою жену, сказав ей, что в минуты приступа болезни к нему сходит архангел Гавриил). Ср. также по поводу глоссы об Орфее к «Слову обличительну на агарянскую прелесть и умыслившего ея сквернаго пса Моамефа» (Иванов, № 142) замечания в работе: Д. М. Буланин. Источники античных реминисценций в сочинениях Максима Грека, с. 75—76.

⁷⁸ Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Theophanes continuatus, Ioannes Cameniata, Symeon Magister, Georgius Monachus. Ed. I. Bekker. Bonnæ, 1838, p. 790. У Амартола и у Максима Грека сходна форма имени поэтессы — «Айкасия». См. подробнее в кн.: I. Rochow. Studien zu der Person, den Werken und dem Nachleben der Dichterin Kassia. Berlin, 1967, S. 3—19.

⁷⁹ Аналогии из Свиды, помещенные нами в разряд «Dubia», не могут быть использованы для датировки сочинений Максима Грека.

⁸⁰ Поскольку эти статьи присоединяются в *П1* и *П2* к первому и ко второму комплексам переводов, сделанных для В. М. Тучкова, можно предположить, что они также относятся к периоду до 1525 г.

⁸¹ Исходя из того, что все прочие переводы из Лексикона в *Р* относятся к периоду до 1525 г., можно предположить, что тогда же была переведена и эта статья.

жизни: за редким исключением он не включал в них произведения, написанные в первые годы пребывания в России. Поэтому, например, сейчас можно считать решенным многолетний спор Н. А. Казаковой и А. А. Зимина о времени написания одного из сочинений Максима («Слово душеполезно зело внимающим ему. Беседует ум к души своей, в нем же и на лихоимство» — Иванов, № 232) в пользу А. А. Зимина,⁸² поскольку Слово вошло в гипотетически восстанавливаемое собрание в 25 глав.⁸³ К Слово в рукописях имеется ряд любопытных глосс, бесспорно принадлежащих самому автору. Из этих глосс объяснение слова «псин» восходит к Лексикону Свиды.⁸⁴ Это во-первых.

Во-вторых, в подборке выписок из Свиды, которую обнаружила Н. В. Сеницына в Румянцевском сборнике, последняя (№ 95) статья посвящена определению понятия «существо». Ни Н. В. Сеницыной, ни нам не удалось подобрать в Лексиконе Свиды точной аналогии к этому отрывку. Однако одну фразу отрывка можно связать со статьей Лексикона «*ὄβσῑα*»: ⁸⁵ «Существо же есть вещь самобытна, стоятелна, не требующи инога к составлению» (Р, л. 315). Ту же фразу встречаем в «Слове отвещательном о исправлении книг русскихх...» (Иванов, № 122), сочинении, которое бесспорно принадлежит к поздним словам Максима Грека. Но в «Слове отвещательно» фраза эта попала не непосредственно из Свиды, а из подборки в Румянцевском сборнике, поскольку здесь имеется и та часть отрывка, которая отсутствует в Лексиконе Свиды. Следовательно, при написании своих поздних сочинений Максим Грек мог пользоваться подборкой в Румянцевском сборнике.

Наконец, в-третьих. Среди сочинений Максима Грека, которые А. И. Иванов отнес к числу переводов из Свиды, имеются две небольшие статьи: «Строки Сивилы пророчицы о втором преславном пришествии Спаса Христа» (Иванов, № 88) и «Сии строки тоя же Сивилы о страстях Спасовых» (Иванов, № 89). Нам удалось установить, что в действительности эти произведения переведены Максимом из комментария Людовика Вивеса к Августину Аврелию.⁸⁶ Однако Сивиллам писатель посвятил еще одну статью — «Сказание о Сивиллах, колико их есть было» (Иванов, № 87). Эта статья действительно частично переведена из Свиды, причем можно предположить, что к статьям Свиды о Сивиллах автор обратился, следуя тому же комментарию Вивеса, который неоднократно, говоря о Сивиллах, ссылается на Лексикон. А. И. Иванов вслед за А. И. Соболевским⁸⁷ высказал весьма убедительное предположение, что переводы Сивиллиных стихов, ошибочно отождествленные А. И. Ивановым, должны были служить приложением к его «Слову на агарянскую прелесть и умыслившего ея сквернаго пса Моамефа». Если это так, то

⁸² Последняя работа, в которой разбирается этот вопрос: А. А. Зимин. Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV—XVI в.). М., 1977, с. 260—261.

⁸³ О собрании в 25 глав см.: Н. В. Сеницына. Максим Грек в России, с. 167—169.

⁸⁴ Другие глоссы к этому и предыдущему (Иванов, № 165) слову нельзя бесспорно связать со Свидой (ср. Приложение 2, III, № 15, 16).

⁸⁵ Следует, впрочем, отметить, что указанное определение «существа» имело широкое распространение и помимо Свиды. Ср., в частности, «Краткое изъяснение православной веры патриарха Анастасия и Кирилла Александрийского» (PG, t. 89. Parisiis, 1865, col. 1401), также в «Диалектике» Иоанна Дамаскина (PG, t. 94. Parisiis, 1864, col. 564).

⁸⁶ Д. М. Булантин. Об одном из источников сочинений Максима Грека. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 432—433.

⁸⁷ А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. Библиографические материалы. — СОРЯС, т. LXXIV, 1903, № 1, с. 275; А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека, с. 75.

все три статьи о Сивиллах, включая переведенную из Свиды, написаны в поздний период творчества писателя, к которому относится «Слово на агарянскую прелесть». Однако это не более чем гипотеза.

Можно в принципе предположить, что к позднему периоду относятся переводы статей из Свиды о Велисарии и Креме (следовательно, и о рахманах, так как в рукописях они идут в виде единого комплекса). Дело в том, что именно в поздний период творчества Максим Грек уделял большое внимание проблемам государственного управления, которым посвящены статьи о Велисарии и Креме.⁸⁸ Однако это также не более чем гипотеза. Таким образом, за исключением глоссы о «псине» нет ни одного бесспорного случая, когда бы Максим Грек обратился в последний период творчества к Лексикону.⁸⁹ Может быть, Лексикон Свиды так и не вернулся после 1525 г. в руки владельца. Тогда источник глоссы о «псине» следует искать в какой-нибудь ранней подборке выписок из Свиды, подобной подборке в Румянцевском сборнике. Для окончательного решения вопроса материала пока недостаточно.⁹⁰

В заключение вернемся к списку книг, которыми, по мнению С. Белокурова, Максим Грек мог пользоваться в своем творчестве. Исследователь высказал предположение, что у Максима было первое миланское издание Свиды Дмитрия Халкондила (1499 г.).⁹¹ Благодаря критическому изданию А. Адлер есть возможность решить этот вопрос окончательно. Просмотр переводов Максима Грека показал, что у него определенно не было издания Свиды Альда Мануция (1515 г.), на возможность чего также указывал С. Белокуров. Переводы Максима регулярно отклоняются от чтений рукописи А, положенной в основу альдовского издания (pars 1, p. XI). Так, в статье о Мелхиседеке после слов «от семени Авраамля» в А вставлено: «*μὴδὲ γενεαλογεῖσθαι τὸ παράπαν*»; в статье об Оригене в А нет текста, начиная со слов: «Съи Ориген отца име Леониду»; в статье о Сатане в А опущено слово «*οἱ δαίμονες*» в тексте «изначала създашася беси»; в статье о Серухе в тексте «образы и иконами» А меняет «*ἀνδριάσι*» на «*ἀνδράσι*» и т. д.

С другой стороны, переводы нашего писателя сближаются с группой списков G1TN, от которых зависит издание Халкондила (pars 5, p. 277), не совпадая, однако, целиком ни с одним из них (ближе всего к G). Так, в GTMB и у Максима Грека статья «Авва» (Синицына, № 14) следует после статьи «Аввакум» (Синицына, № 13), в прочих списках порядок обратный; в статье «Похвала Адаму пръвъзданному» у Максима

⁸⁸ Любопытно, что в тех случаях, когда статья о Велисарии попадает в рукописи отдельно (без сопровождения статей о рахманах и Креме), как в Троицком собрании и собрании в 151 главу, она входит туда в другой редакции. Однако последовательность редакций указать затруднительно.

⁸⁹ Скудость сведений об использовании Свиды в последний период творчества становится особенно удивительной, если учесть, что Лексикон никак не отразился в «Толковании именам по алфавиту» (Иванов, № 120). Отметим также, что аналогии из Свиды к «Сказанию отчасти недоуменных неких речений в слове Григория Богослова» и «Посланию об античных мифах» (Иванов, № 260, 344), которые мы привели в работе «Комментарии Максима Грека к словам Григория Богослова», носят слишком общий характер, чтобы их можно было отнести даже к разделу «Dubia».

⁹⁰ Отметим, что важный вопрос о хронологии переводов и заимствований Максима Грека из Свиды был поставлен уже при обсуждении сообщения А. А. Покровского (Один из греческих источников..., с. 28).

⁹¹ С. Белокуров. О библиотеке..., с. 303. Заметим, что Е. Л. Немировский (Возникновение книгопечатания в Москве. Иван Федоров. М., 1964, с. 79) ссылается на несуществующее издание Свиды 1484 г. В ссылке дается номер (№ 15135) по справочнику Л. Хайна (L. Hain. Repertorium bibliographicum, in quo libri omnes ab arte typographica inventa usque ad annum MD. Berlin, 1925), под которым значится издание 1499 г.

Грека и в GIT: «до Авраама лета 425», в прочих опущено «ἔτη»; там же у Максима Грека и в GIT: «до Константина Великого», в прочих опущено «μεγάλου»; в статье «Яко же мех на слане» (Синицына, № 22) слова «Феодоритово, толк» есть только в I (маргиналия в M) и у Максима Грека; у Максима Грека и в ATFV статья «Велфегор» (Синицына, № 11) кончается словами «почитаем бяше», в прочих статья имеет продолжение; статья «Везек — молония» (Синицына, № 77) есть только в GIT; в статье об Иове у Максима Грека и в GIM: «но неизреченную Спаса нашего силу», а в AV: «ἀλλὰ κατὰ»; в статье «Яко миро на главе» (Синицына, № 55) у Максима Грека и в G: «благоухание съдевает», в прочих: «ἐδοξίαν»; в статье о Сивиллах у Максима Грека и в G: «Тибуртия», в прочих: «Τιγούρτια» и т. д.

Но, с другой стороны, в статье о Креме у Максима Грека: «связан был истяжется», AGITM: «δοθεῖς»; в статье «Диопетес» (Синицына, № 2) у Максима Грека: «в мыслех прельщенных», в GIT: «ἐν πάσας ἀκοαῖς в статье об Оригене у Максима Грека: «и скорописцов приставив ему семь и множайших доброписцов», а в G: «καλλιγράφους... ταχυγράφους»; в статье о Сивиллах у Максима Грека: «от колена блаженнейшаго Ноя», в GM нет: «γένους τοῦ»; там же у Максима Грека: «в различных странах и летех», а в G: «χρονοῖς καὶ τόποις»; в статье «Възнесите господа бога нашего» (Синицына, № 9) слова «καὶ προσκυνεῖτε» и до конца статьи отсутствуют в G. Все эти различия объясняются только в одном случае — если у Максима Грека было под руками издание 1499 г., так как все отклонения переводов Максима Грека от чтений того или иного списка соответствуют отклонениям издания 1499 г. Окончательно в этом нас убеждает статья «Велиар» (Синицына, № 78), которая не вошла даже в издание А. Адлер, однако читается в издании 1499 г.

Таким образом, вопрос о том, что у Максима Грека было под руками издание Свиды 1499 г., можно считать решенным. Может быть, со временем удастся выявить тот самый экземпляр, который принадлежал писателю. Может быть, тогда удастся окончательно решить многие проблемы, о которых мы упоминали.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

СОСТАВ РУКОПИСЕЙ СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ МАКСИМА ГРЕКА

АРХИВНОЕ 2¹

ЦГИА, ф. 834, оп. 4, № 1622 — А²

л. 1—24 об. «Сказание о господе нашем Иисусе Христе, о смерти и о погребении его, и о восстании, и о вознесении, и о Пилатове послании к Тивернию, кесарю римскому» (без нач.) (Иванов, № 113).

ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 338 — У

л. 119 (глава 1). «Сказание о господе нашем Иисусе Христе...».

¹ Названия статей приводим в соответствии с перечнем в книге А. И. Иванова

² Порядок листов в рукописи А восстанавливается на основании сравнения с последовательностью статей в У. В двух случаях порядок листов может быть указан ошибочно. Во-первых, л. 139—150 об., на которых находится «Слово о том, яко промыслом божним, а не звездами и колесом счастья вся человеческая устроятся» без начала и конца, мы поместили вслед за «Сказанием отчасти 3 песни Анны пророчицы» (л. 100—105 об.) исключительно из-за смысловой близости. Во-вторых, возможны два варианта расположения л. 132—138, 151—165, 245, 166—220, 246—253, 221—226 с одной стороны, и л. 273—335, 338—341, 336, 337, 106—117 — с другой стороны. Помещая вторую группу листов перед первой, мы

л. 24 об.—28. «Сказание о иже свышнем мире и о спасении душ наших господу помолимся» (Иванов, № 263).

л. 28—30 об. «Понеже взыскание бысть и о том, бог бе рождейся чесо ради естества чин, и ина повесть к сему же» (Иванов, № 300).

л. 30 об.—34. «Сказание о Июде предатели на Аполинария» (без нач.) (Иванов, № 167).

л. 34—35. «Сказание, который убо грех первый в человеческом естестве» (Иванов, № 253).

л. 35. «Ответ к вопросившему: кому, рече, преже всех с небес грамота сослана бысть» (Иванов, № 174).

л. 35—36. «Сказание о венцах свадебных» (Иванов, № 291).

л. 36—37 об., 71. «Сказание ко отрицающимся на поставлении и клещущимся своим рукописанием русскому митрополиту и всему священному собору, еже не приимати поставления на митрополию и на владычество от римскаго папы латынския веры и от цареградского патриарха...» (Иванов, № 225).

л. 71—71 об., 38—51. «Послание к некоему другу, в нем же сказание 3-х неких взысканий, нужных всякому рачителю книжному» (Иванов, № 312).

л. 51—53 об. «Сказание, како знаменоватися крестным знамением» (без кон.) (Иванов, № 315).

л. 118—125 об. «Послание о смиреннии к бывшему митрополиту Даниилу, уже низвержену» (Иванов, № 249).

л. 125 об.—127 об. «Толкование от псалма 103-го (102), строка: обновится яко же орлу юность твоя» (Иванов, № 255).

л. 127 об.—128 об. «От премудрости Соломона» (Иванов, № 295).

л. 128 об.—129. «Словеса воставлятельна к покаянию» (Иванов, № 176).

л. 129—130 об., 54—62. «Послание к благоверному царю и великому князю Иоанну Васильевичу всея Руси» (Иванов, № 217).

л. 62—62 об. «О том, како подобает входить во святыя божия храмы» (Иванов, № 126).

л. 62 об.—63 об. «Другой перевод тех же строк по собранию речей» (Иванов, № 127).

л. 63 об. Краткая статья о денежных единицах (Нач.: «Цата, толк: грощ...»).

л. 63 об.—64 об. «Начало слову сему, еже о звездах...» (Иванов, № 159).

л. 143 (глава 2). «Сказание о иже свышнем мире...».

л. 145 (глава 3). «Понеже взыскание бысть...».

л. 146 об. «Сказание о Июде...».

л. 148 об. (глава 4). «Сказание, который убо грех первый...».

л. 149. «Ответ к вопросившему...».

л. 149 (глава 5). «Сказание о венцах свадебных».

л. 149 об. «Сказание ко отрицающимся на поставлении...».

л. 151 (глава 6). «Послание к некоему другу...».

л. 158 (глава 7). «Сказание, како знаменоватися...».

л. 161 (глава 8). «Толкование от псалма 103-го...».

л. 162. «От премудрости Соломона».

л. 163 (глава 9). «Словеса воставлятельна к покаянию».

л. 163. «Послание к благоверному царю...».

л. 169 (глава 10). «О том, како подобает входить...».

л. 169 об. «Другой перевод тех же строк...».

л. 169 об. Краткая статья о денежных единицах.

л. 169 об. «Начало слову сему, еже о звездах...».

только получаем возможность не отрывать л. 226 и 227 и следующие. В любом случае (поместим мы первую группу листов перед второй или наоборот) последовательность статей в А будет в этом месте отличаться от последовательности глав в У. Мы исключили из описания л. 131 и об., на котором находится конец неотожествленного нами послания.

л. 64 об.—68. «О освящении воде на заутрии святых богоявлений» (Иванов, № 281).

л. 68—70 об., 72. «Слово о покаянии» (без середины) (Иванов, № 175).

л. 72—73. «На несытное чрево и бесчисленных зол виновно иночествующим» (Иванов, № 179).

л. 73 об.—74. «Слово Григория Богослова к Филагрию ответно» (Иванов, № 39).

л. 73 об.—74. «Григория Богослова о Кесарии, брате его» (Иванов, № 38).

л. 74—75. «Сказание о птици-неясыти» (Иванов, № 359).

л. 75—76 об. «Повесть о римском юноше» (Иванов, № 102).

л. 76 об.—82 об. «Сказание отчасти недоуменных неких речений в слове Григория Богослова» (Иванов, № 260).

л. 82—91. «О соборах вселенских» (Иванов, № 343).

л. 91—91 об. «О поставлении иерарха на орлеце» (Иванов, № 290).

л. 92—93 об. Иоанна Златоуста и Василия Великого «О приносимой фирмиаме» (Иванов, № 31, 50).

л. 93 об.—95 об. «От Деяний апостолских толкование» (Иванов, № 265).³

л. 95 об.—100. «Поучение к некоей знатной особе» (Иванов, № 195).⁴

л. 100—105 об. «Сказание отчасти 3 песни Анны пророчицы» (без кон.) (Иванов, № 154).⁵

л. 139—150 об. «Слово о том, яко промыслом божим, а не звездами и колесом счастья вся человеческая устроятся» (без нач. и кон.) (Иванов, № 158).

л. 273—300. «Слово обличительно, вкупе и разврацательно, лживаго писания Афродитяна, персянина зломудреннаго» (Иванов, № 166).

л. 300—323 об. «Слово отвечаательно о исправлении книг русских...» (Иванов, № 122).

л. 323 об.—335, 338—341. «Исповедание православной веры Максима инока из Святыя горы...» (Иванов, № 242).

л. 341—341 об., 336. «Словеса сия сотвори творец книги сея о себе, в темницы затворен и скорбя, ими же себе утешаше и утвержаше в терпении» (Иванов, № 241).

л. 336—337 об. «Сказание о венце Спасове» (без кон.) (Иванов, № 279).

л. 337 об. «О свитце, его же пишут в руке Спасове» (без нач. и кон.) (Иванов, № 297).

л. 106. «Сказание о богородичне имени» (Иванов, № 280).

л. 170 (глава II). «О освящении воде...».

л. 172 об. (глава 12). «Слово о покаянии».

л. 175 (глава 13). «На несытное чрево...».

л. 176. «Слово Григория Богослова к Филагрию ответно».

л. 176 об. «Григория Богослова о Кесарии, брате его».

л. 176 об. (глава 14). «Сказание о птици-неясыти».

л. 177 (глава 15). «Повесть о римском юноше».

л. 178. «Сказание отчасти недоуменных неких речений...».

л. 181 об. (глава 16). «О соборах вселенских».

л. 185 об. (глава 17). «О поставлении иерарха на орлеце».

л. 186. Иоанна Златоуста и Василия Великого «О приносимой фирмиаме».

л. 187 об. (глава 18). «Исповедание православной веры...».

³ Как установила Н. В. Синецкая (Максим Грек в России, с. 57), отрывок этот заимствован из рукописи, содержащей 16 слов Григория Богослова.

⁴ Послание В. М. Тучкову (см. выше).

⁵ А. И. Иванов ошибочно определил статью как № 157.

л. 106—106 об. «Учение Великого Василия, яко достоит бегати всею душею и всею силою пьянства» (Иванов, № 28).

л. 106 об.—113 об. «Молитва к пресвятей богородицы, в ней же отчасти винословие о страсти Спасове» (Иванов, № 347).

л. 113 об.—115. «Сказание, кая слова рекл бы Петр, отвергся Христа и плакася горко» (Иванов, № 293).

л. 115—116. «Похвальная словеса о преподобнем Иоанне, нареченном Тревеликом» (Иванов, № 335).

л. 116—116 об. «Похвальная словеса о божественней Фомаиде, мечем убитей от своего свекра» (Иванов, № 336).

л. 116 об.—117 об. «Похвальная словеса о некоторей добропобедней мученице, ей же имя Потамия, еже толкуется Речная» (Иванов, № 337).

л. 132—135. «Вопрошение известно от неких: почто от тридневнаго воскресения Христова до Фомины субботы не воздвизают пречистыя хлеба...» (Иванов, № 278).

л. 135—138 об., 151—165 об., 245—245 об., 166—182 об. «Беседа души и уму по вопросу и ответу, о еже откуду страсти ражаются в нас, в нем же и о божественном промысле и на звездочетцов» (Иванов, № 165).

л. 182 об.—220 об., 246—253. «Слово душеполезно зело внимающим ему. Беседует ум к души своей, в нем же и на лихоимство» (Иванов, № 232).

л. 253—253 об., 221—226 об. «Послание Ивана Златоустаго, еже посла от заточения в Кукузе Кирияку епископу и тому сущу в заточении утешения ради» (Иванов, № 51).

л. 227—235. «Послание на безумную прелесть и богомераскую мудрствующих, яко погребания для утопленнаго и убитаго бывають плодотворительны стужы земных прозябений» (Иванов, № 172).

л. 235—239. Второй комплекс переводов из Свиды.

л. 239—245 об., 254. «Послание утешительно ко князю Димитрию о терпении в скорбех» (Иванов, № 188).

л. 254—262. «Послание к начальствующим правоверно о исправлении...» (Иванов, № 218).

л. 262—272 об. «Ответы на разные вопросы религиозно-нравственного порядка» (Иванов, № 272).

л. 196 (глава 19). «Вопрошение известно от неких...».

л. 197 об. (глава 20). «Послание на безумную прелесть...».

л. 202 (глава 21). «О свитце, его же пишут в руке Спасове».

л. 202 об. «О богородичне имении».

л. 202 об. «Сказание о венце Спасове».

л. 203. Второй комплекс переводов из Свиды.

л. 205 об. (глава 22). «Сказание к глаголющим, яко во всю светлую неделю солнце не заходя стояло, и того ради глаголють един день всю светлую неделю» (Иванов, № 171).

л. 208 об. (глава 23). «Совет к собору православному на Исака жидовина, волхва и чародея и прелестника» (Иванов, № 129).

л. 210 (глава 24). «Слово обличительно на агарянскую прелесть и умыслившего ея скверного пса Моамефа» (Иванов, № 142).

л. 236 (глава 25). «Слово 2-е о том же к благоверным на богоборца пса Моамефа, в нем же и сказание отъчасти о кончине века сего» (Иванов, № 143).

л. 244 об. Писцовая запись Симеона Моховикова.

л. 245 — пустой.

л. 246 (глава 26 — проставлена только в оглавлении). «Описание божественных плоти Христовы и совершенного возраста его» (Иванов, № 98).

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

ПЕРЕВОДЫ И ЗАИМСТВОВАНИЯ МАКСИМА ГРЕКА ИЗ ЛЕКСИКОНА СВИДЫ

Условные сокращения:

- Горский — [А. Горский, К. Невоструев]. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки, т. II, ч. 2. М., 1859.
- Иванов — А. И. Иванов. Литературное наследие Максима Грека. Л., 1969.
- Ковтун — Л. С. Ковтун. Лексикография в Московской Руси XVI—начала XVII в. Л., 1975.
- Лопарев — Х. Лопарев. Описание рукописей императорского Общества любителей древней письменности, ч. III. СПб., 1899.
- Ржига — В. Ф. Ржига. Опыты по истории русской публицистики XVI века. Максим Грек как публицист. — ТОДРЛ, т. I. Л., 1934, с. 5—120.
- Синицына — номер перевода по списку в кн.: Н. В. Синицына. Максим Грек в России. М., 1977, с. 58—60.
- P* — ГБЛ, ф. 256, собр. Румянцева, № 264.
- П1* — ГПБ, F.XVII.13.
- П2* — ГПБ, Q.I.219.
- C* — ГПБ, собр. Соловецкого монастыря, № 495/514.
- Син. — ГИМ, Синодальное собр., № 791.
- Унд. — ГБЛ, ф. 310, собр. Ундольского, № 488.
- de Voog — Georgii Monachi Chronicon. Ed. C. de Voog, v. 1—2. Lipsae, 1904.
- [] — границы текста, переведенного Максимом Греком.

1. Переводы¹

- ¹ Ἀββᾶ (pars 1, p. 2—3 A10) ὑπὸ πνεύματος κινούμενος]. Синицына, № 14.
- ² Ἀββακούμ (pars 1, p. 3 A12) ἐγείρου]. Синицына, № 13.
- ³ Ἀβελ (pars 1, p. 5 A30) ἀπεβλήθη]. Синицына, № 15.
- ⁴ Ἀβραάμ (pars 1, p. 9—11 A69), p. 11 εἰς δικαιοσύνην] [ἐνενήχοντα — ἕτερον ρ]. Иванов, № 74. Статья входит в 1-й комплекс переводов.
- ⁵ Ἄγγελος [ἄγγέλους (pars 1, p. 23 A196). Синицына, № 16.
- ⁶ Ἀδάμ (pars 1, p. 43—46 A425), p. 43 нет [καὶ πρὸς — νοήματα], p. 44 нет [καὶ βασι — διαίται], p. 45 Κωνσταντίνου τῆ]. Иванов, № 85.
- ⁷ Ἀδικία (pars 1, p. 51 A 484) εἰδώλοισ]. Синицына, № 17.
- ⁸ Ἄλλη δόξα ἡλίου (pars 1, p. 108 A1171). Синицына, № 18.
- ⁹ Ἀνάστασις (pars 1, p. 188 A2079) στάσις]. Синицына, № 19.
- ¹⁰ Ἀποστολικὴ πολιτεία (pars 1, p. 322 A3560). Синицына, № 20, в другой редакции в *P*, л. 170 об.—171 (Иванов, № 266) в составе комплекса из 4 статей (о нем см. выше), в другой редакции статья присоединена в *П1* ко 2-му комплексу переводов.

¹ Переводы перечислены в порядке, соответствующем изданию Свиды А. Адлер (Suidae Lexicon. Ed. A. Adler, pars 1—5. Lipsiae, 1928—1938), ссылки на которое приводятся в тексте. Стилистические отклонения от оригинала не отмечаются. За помощь в работе над Свидой благодарим И. А. Щерба.

11. Ἄσχος ἐν πάλῃ (pars 1, p. 384 A4177) ἀνεγείνατο]. Синицына, № 22.
12. Αὐτή [αὐτή ἡ ἡμέρα (pars 1, p. 418 A4469)]. Синицына, № 23. В другой редакции статья входит во 2-й комплекс переводов.
13. Βάρεις ἐλεφάντιναι (pars 1, p. 454 B115) ὁ θεός]. Синицына, № 91.
14. Βέλλα (pars 1, p. 463 B197)]. Синицына, № 24. В другой редакции статья входит во 2-й комплекс переводов.
15. Βέλυγμα ἐρημώσεως (pars 1, p. 463—464 B200, 202), p. 464 ἀνῆρέθραν]. Статья входит во 2-й комплекс переводов (III, 51).
16. Βεελεφεγώρ (pars 1, p. 466 B226) ἐτιμάτο]. Синицына, № 11.
17. Βεζέκ (pars 1, p. 466 B227)]. Синицына, № 77.
18. Βελίар. Только в издании 1499 г. Синицына, № 78.
19. Βελιάριος (pars 1, p. 467 B233)]. Иванов, № 82. Статья присоединяется к 1-му и 2-му комплексам переводов, отдельно в другой редакции в собраниях Троицком, в 151 главу, Большаковском, в рукописи Унд. и вторично в II2, л. 385—385 об.
20. Βίβλοι θεοῦ (pars 1, p. 470 B276)]. Синицына, № 25.
21. Βίος (pars 1, p. 472 B294), нет [καὶ μετ' ὀλίγα], нет [οἰκονομίας — ὠφέλειαν], τὸν κοσμικόν]. Синицына, № 26.
22. Βούλγαροι [ὅτι τοὺς Ἀβάρις (pars 1, p. 483—484 B423) ποιῶν]. Иванов, № 84. Статья присоединяется к 1-му и 2-му комплексам переводов.
23. Βραχμῶν (pars 1, p. 493—494 B524), p. 493—494 [ὅτι οἱ Βραχμῶνες — λέγουσιν] [καὶ ποιήσαντες — ἡ χώρα], затем p. 493 [Βραχμῶν — διαλέκτω]. Статья присоединяется к 1-му и 2-му комплексам переводов. Иванов, № 83.
24. Γεγγέλ (pars 1, p. 512 G103) πόλις]. Синицына, № 27.
25. Γῆ ζώντων (pars 1, p. 522 G229) λύπη]. Синицына, № 28.
26. Δαυὶδ (pars 2, p. 9—10 Δ94, 95), p. 10 нет [καθώς — πλημμελία], [τοῦ δὲ — δεξιμένου], [οὗτος — ἐθεράπευσεν], p. 10 ἐθνῶν]. Иванов, № 81. Статья присоединена ко 2-му комплексу переводов в П1 и к 1-му и 2-му комплексам в П2.
27. Δεξιὰ κυρίου (pars 2, p. 21 Δ225) γραφή]. Синицына, № 29.
28. Διαθήκη [διαθήκη καὶ (pars 2, p. 57 Δ563) Χριστόν]. Синицына, № 30.
29. Δίκαιος (pars 2, p. 94 Δ1072)]. Синицына, № 31.
30. Δικαιώματα (pars 2, p. 96 Δ1082) παραβαίνοντες]. Синицына, № 32.
31. Διοπετέс (pars 2, p. 111—112 Δ1187)]. Синицына, № 2.
32. Διψῶ [τὸ ἐπιθυμῶ (pars 2, p. 122 Δ1307) διψῶν]. Синицына, № 3.
33. Δόξα θεοῦ (pars 2, p. 129 Δ1367)]. Синицына, № 33.
34. Δυναστην (pars 2, p. 146 Δ1577)]. Синицына, № 34.
35. Ἐγκρουφίας [τὰ δὲ (pars 2, p. 197 E131)]. Синицына, № 35.
36. Ἐκστασις (pars 2, p. 231 E623) ἐξεστράπη]. Синицына, № 36.
37. Ἐκτετιναγμένων (pars 2, p. 232 E641)]. Синицына, № 37.²
38. Ἐως οὐ ἀνταναρεθῆ ἡ σελήνη (pars 2, p. 325 E1905)]. Синицына, № 4.
39. Ἡμέρα δυνάμεως (pars 2, p. 567 H296)]. Синицына, № 38.
40. Ἡμέρα ἐπαγωγῆς (pars 2, p. 567 H297)]. Синицына, № 38.
41. Ἡμέραν πονηρᾶν (pars 2, p. 567 H298)]. Синицына, № 39.
42. Ἡμέρα πονηρά (pars 2, p. 568 H299)]. Синицына, № 40.
43. Ἡράκλειτος [ὅτι (pars 2, p. 583 H471)]. Иванов, № 206. Входит в собрания Соловецкое, в 151 главу, Большаковское, рукопись С.
44. Ἰώβ (pars 2, p. 650—652 I471), нет p. 652 [οὐ κατὰ — παρανόλημα]. Иванов, № 76. Статья входит в 1-й комплекс переводов.
45. Ἰώσηπος (pars 2, p. 654—655 I503), p. 655 [γίνεται. Синицына, № 41. В другой редакции в P, л. 131 об.—132 (Иванов, № 103)].
46. Θарсеис (pars 2, p. 684—685 Θ54), p. 685 προπεσεῖσθαι ἐνώπιον τοῦ θεοῦ]. Синицына, № 87.
47. Θарсеис (pars 2, p. 685 Θ55)]. Синицына, № 42.
48. Θεούς (pars 2, p. 700 Θ189)]. Синицына, № 88.
49. Θεοί (pars 2, p. 700 Θ190)]. Синицына, № 89.
50. Θεοδέριχος (pars 2, p. 712 Θ297)]. Синицына, № 90.
51. Καία [ἢ ὄντως (pars 3, p. 13 K151)]. Синицына, № 43. В другой редакции в P, л. 170 об. в составе комплекса из 4 статей.
52. Κακῶν (pars 3, p. 14 K176)]. Синицына, № 44.
53. Κατάπαυσις (pars 3, p. 53 K697)]. Статья входит во 2-й комплекс переводов (III, 52).
54. Καирός (pars 3, p. 85 K1190) μου]. Синицына, № 45.
55. Κέρας (pars 3, p. 97—98 K1368, 1370)]. Синицына, № 81.
56. Κέρας τοῦ δικαίου (pars 3, p. 98 K1371)]. Синицына, № 82.

² Исправляем отождествление Н. В. Синицыной, исходя из принципа, по которому, как мы установили (см. выше), Максим Грек делал выписки из Свиды. В Лексиконе дается отсылка к статье «Ἰγιοὶ θεοῦ» (по нашему списку № 98).

57. Κλῆρος [ὅτι (pars 3, p. 133 K 1784). Синицына, № 6.
 58. Κλῆροι (pars 3, p. 134 K1791). Синицына, № 7. В другой редакции Синицына, № 46.
 59. Κραυγή Σοδόμων (pars 3, p. 183 K2351). Синицына, № 75. В другой редакции в P, л. 171 в составе комплекса из 4 статей, в другой редакции статья входит во 2-й комплекс переводов.
 60. Κουρισμός [ἤρεσκε (pars 3, p. 214 K2712) χρήζειν]. Синицына, № 47.
 61. Λάκκος (pars 3, p. 229 Δ61) ταλαιπωρίας]. Синицына, № 49.
 62. Δέβης [παρὰ (pars 3, p. 242 Δ219). Синицына, № 50. [καὶ Ἰεζεκιὴλ в другой редакции в Син., л. 120—120 об.
 63. Λυκάων (pars 3, p. 293—294 Δ797). Синицына, № 83.
 64. Μακάριος (pars 3, p. 309 M55) ἐστέ]. Синицына, № 51.
 65. Μάμωνας (pars 3, p. 316 M128). Синицына, № 86.
 66. Μάμμα [καὶ ἡ ἀνωθεν (pars 3, p. 316 M129). Синицына, № 52. В другой редакции в P, л. 106 об.
 67. Μεγαλειδέκ (pars 3, p. 357—358 M544 ὀνομασθεῖσα Ἱερουσαλὴμ], M546 τῆς Διθύσης], [ὑποστρέφοντι M545). Иванов, № 77. В другой редакции в P, л. 131 об. — M546, в другой редакции в P, л. 134 об. — M544 ὀνομασθεῖσα Ἱερουσαλὴμ]. Статья входит в 1-й комплекс переводов.
 68. Μεμυαλωμένα (pars 3, p. 360 M578). Синицына, № 93.
 69. Μονόκερω (pars 3, p. 409 M1228). Синицына, № 53.
 70. Μόσχος Διβάνου (pars 3, p. 413 M1280). Синицына, № 92.
 71. Μωρία διὰ Χριστοῦ (pars 3, p. 419 M1339). Синицына, № 54.
 72. Μύρον ἐπὶ κεφαλῆς (pars 3, p. 428 M1450). Синицына, № 55. В другой редакции в P, л. 171 в составе комплекса из 4 статей.
 73. Νέρων (pars 3, p. 455—456 N254), p. 455—456 [ὅτι Νέρων — προστάξεως], затем p. 455 [οὗτος — ἐαυτόν]. Иванов, № 78. В другой редакции p. 455 [ὅτι Νέρων — p. 456 προστάξεως]. Синицына, № 76.
 74. Νυκτικόραξ (pars 3, p. 486 N583), нет [τὰ γὰρ οἰκόπεδα ἐρείπια φασιν]. Синицына, № 74.
 75. Ὀλοολυξέτω πίτυς, ἐτι πέπτωκε κέδρος (pars 3, p. 519 O192). Синицына, № 56.
 76. Ὅρος (pars 3, p. 562 O626) ὕψος]. Синицына, № 57.
 77. Ὁριγένης (pars 3, p. 616—622 Q182, p. 616—617 τῶν λοιπῶν], p. 617—618 [κατὰ τοῦτον — τὸν λόγον], Q183).³ Иванов, № 75. Статья входит в 1-й комплекс переводов.
 78. Ὁσαννά (pars 3, p. 624 Q215) σώσον δὴ]. Синицына, № 58.
 79. Παφνούσιος (pars 4, p. 72 П828). Иванов, № 93. Входит в собрания Синодальное, Трицкое, в 151 главу, Поморское и Большаковское, в рукописи П2, С, Унд., ИРЛИ, колл. М. Ф. Першина, № 13.
 80. Περιτομή (pars 4, p. 111 П1325). Синицына, № 59.
 81. Πλαζίν (pars 4, p. 139 П1692). Синицына, № 62.
 82. Πλάτων (pars 4, p. 142—144 П1709), сначала p. 142—144 [καὶ πάλιν ὁ αὐτὸς Πλάτων φησιν, нет [καὶ τὸν αἰεὶ — ἀνηρημένους], затем p. 142 [ὅτι ὁ Πλάτων — κάκιστον]. Иванов, № 86. В другой редакции Синицына, № 61, p. 143—144 [ὁ αὐτὸς περὶ τῶν λήξεων — ἰέναι].
 83. Προμηθεύς (pars 4, p. 214 П2506) ἐτη γ'. Иванов, № 79.
 84. Προσηλυτοὶ (pars 4, p. 225 П2682). Синицына, № 63.
 85. Πρῶτων ἀποστόλων, δεύτερον προφήτας (pars 4, p. 248 П2968). Синицына, № 64. В другой редакции статья входит во 2-й комплекс переводов.
 86. Πτέρυγες περιστερᾶς (pars 4, p. 252 П3016). Синицына, № 73.
 87. Σατανᾶς (pars 4, p. 329—330 Σ151). Иванов, № 92. Статья входит во 2-й комплекс переводов, в другой редакции в P, л. 107.
 88. Σερούχ (pars 4, p. 343 Σ253), нет [τῆς μέσης τῶν ποταμῶν χώρας]. Иванов, № 80. Статья входит во 2-й комплекс переводов.
 89. Σίβυλλα Χαλδαία (pars 4, p. 354—355 Σ361) p. 354 περιέχοντα], нет [ἀλλὰ καὶ — αὐτῇ], далее сокращенно p. 354—355 [ὅτι Σίβυλλαι — Ἀβρουναία]. Иванов, № 87. Входит в собрания Трицкое, в 151 главу, Поморское, Большаковское, в рукописи С, Унд., P.
 90. Σιών [Σιὼν ἐπουράνιος (pars 4, p. 365 Σ468) πολιτεία]. Синицына, № 79.
 91. Σισότης (pars 4, p. 367 Σ484). Синицына, № 80.
 92. Συκοφάντης (pars 4, p. 455 Σ1332) Ἰὼβ τὸν θεόν]. Синицына, № 60.⁴
 93. Τάλαντον (pars 4, p. 497—498 T34), p. 498 νοὶ δὲ ἰβ'], далее [Τάλαντον δὲ — χάρις], далее [ὅτι — ρχε']. Иванов, № 91. Входит в собрания Хлудовское (Никифоровский и Бурцевский виды), Синодальное, в 151 главу, Поморское, в рукописи П2, С.
 94. Ὑπνος (pars 4, p. 666 Y443) κύριος]. Синицына, № 66.

³ Статья Q183 переведена Максимом Греком с многочисленными пропусками, которые мы не отмечаем.

⁴ Н. В. Синицына дает ошибочную ссылку на статью о Сатане (Σατανᾶς).

95. Ὑπόδημα (pars 4, p. 669 Y481). Синоцифна, № 65.
 96. Ὑπόδηματα (pars 4, p. 669 Y482). Синоцифна, № 65.
 97. Ὑσσωπος (pars 4, p. 683 Y681). Синоцифна, № 67.
 98. Γιοὶ θεοῦ (pars 4, p. 684 Y695). Синоцифна, № 8.
 99. Ὑφούτε [Δαβὶδ (pars 4, p. 689 Y769). Синоцифна, № 9.
 100. Ὑψώθητι (pars 4, p. 689 Y770) σοῦ]. Синоцифна, № 10.
 101. Φάλεχ (pars 4, p. 694 Ф45). Синоцифна, № 68.
 102. Φιλόσοφος (pars 4, p. 734 Ф419). Син., л. 160.
 103. Φωνὴ καὶ κραυγὴ (pars 4, p. 756 Ф657) ἐκἐκράξα]. Синоцифна, № 70.
 104. Φῶς (pars 4, p. 757—758 Ф671), отрывок p. 758 [Φῶς καὶ — ἐμοῦ]. Синоцифна, № 69.
 105. Φρέαρ διασφορᾶς (pars 4, p. 760 Ф697). Синоцифна, № 71.
 106. Φοῖνιξ (pars 4, p. 770—771 Ф798), нет [καὶ Φοῖνιξ — ἴππων]. Синоцифна, № 12.
 107. Χεῖρα [Χεῖρας θεοῦ (pars 4, p. 800—801 X238) μου]. Синоцифна, № 72.
 108. Ἐπιστολὴ Ἀναστασίας τῆς μάρτυρος πρὸς Χρυσόστονον (pars 4, p. 831—833 X574). Иванов, № 90.
 109. Ψυχικός ἀνθρώπος (pars 4, p. 853 Ψ167) σποδός]. Синоцифна, № 1. В другой редакции статья входит во 2-й комплекс переводов.

II. Займствования¹

1. «Послание к великому князю Василию Ивановичу, написанное в качестве предисловия к Толковой Псалтыри в 1519 г.» (Иванов, № 215).
 а). II, 296 [Благ убо воистину — злых же не виновен] = pars 4, p. 142 (Π1709) = I № 82 = de Boor, p. 85.
 б). II, 304 [Ориген есть, иже и Адамант наречеса] = pars 3, p. 616 (Q182) = I № 77; II, 305 [Ориген иже всем нам осла] = pars 3, p. 619 (Q182).
 в). II, 306 [Аполлинаруй бо цветяше — Афанасиа] = pars 1, p. 304 (A3397).²
 2. «Господину Федору Карпу Ивановичу радоватися» (Иванов, № 153).
 а). I, 357 [болши ми — царь благий] = pars 4, p. 734 (Ф419) = I № 102.
 б). I, 358 [Сифа — астрологию твою] = pars 4, p. 348 (Σ295) = de Boor, p. 10.
 в). I, 364—365 [великий Феодосий — послушающий им сигклитиков] = pars 2, p. 694 (Θ144).
 3. «Послание к некоему иноку, бывшему во игуменех, о немецкой прелести, глаголемой фортуне, и о колесе ея» (Иванов, № 161).
 а). I, 448 [Вемы бо — планитом и звездоу] = pars 1, p. 393 (A4257).
 б). I, 450 [Счастье у эллинов — кому бываюет случаема] = pars 4, p. 613 (T1234).
 в). I, 451 [осуждающе Епикура — правится] = pars 2, p. 364 (E2406).
 4. «Послание к некоему мужу поучительно на обеты некоего латынина-мудреца» (Иванов, № 169).
 а). III, 235—236 [царствова Мелхиседек — именовася] = pars 3, p. 357—358 (M544) = I № 67 = de Boor, p. 102—103.
 б). III, 236 [Авраам сый — сподобися] = pars 1, p. 10 (A69) = I № 4 = de Boor, p. 93.
 5. «Слово на хульники пречистыя божия матери» (Иванов, № 149). I, 500 [с Копронимом — есть достойна] = pars 3, p. 176 (K2286) = de Boor, p. 751.
 6. «Послание утешительное к некоему Константину» (Иванов, № 192).
 а). P, л. 35—35 об. [Тъи в корабли — есть спасение] = pars 1, p. 355 (A3909).
 б). P, л. 35 об. [Съи бо множайших — благочестивыша] = pars 1, p. 375 (A4102).³
 7. «Слово отвещательно о исправлении книг русских...» (Иванов, № 122).
 III, 70—71 [существо же — к составлению] = pars 3, p. 592 (O961). Ср. Синоцифна, № 95.
 8. «Сказание о псинах» (Иванов, № 94).
 а). II, 49—50 [Шсин есть — преже зрельства] = pars 4, p. 663 (Y407), ср. pars 4, p. 844 (Ψ71).
 б). II, 50 [Смоковница есть — на землю] = pars 1, p. 207 (A2308).

¹ Сочинения Максима Грека по возможности перечисляем в хронологическом порядке, ссылки на номера переводов даем по нашему перечню с указанием раздела Приложения 2.

² Та же цитата из Филосторгия еще дважды приводится в Свиде, но в одном случае на первое место ставится Василий Великий (pars 1, p. 458 B150), а в другом Григорий Богослов (pars 1, p. 541 Γ450). Следовательно, цитата у Максима Грека взята из A3397.

³ Рассказы эти опубликованы в работе: Д. М. Буланин. Источники античных реминисценций в сочинениях Максима Грека. — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1979, с. 77—78.

III. Dubia

1. «Послание к великому князю Василию Ивановичу, написанное в качестве предисловия к Толковой Псалтыри в 1519 г.» (Иванов, № 215).
 а). II, 301 [комар к елефанту по притчи являясь] = pars 2, p. 245 (E814).
 б). II, 305 [епископ бе Кесарии, ср. pars 2, p. 472 (E3737)].¹
2. «Слово противу тшачахизм а звездозрением предрицати о будущих и о самовластии человеком» (Иванов, № 152).
 I, 417 [Диагора, нареченного безбожного] = pars 2, p. 53 (A524).
 3. «Господину Федору Карпу Ивановичу радоватися» (Иванов, № 153).
 I, 359 [явльшимся ему крестом — сим побеждай] = pars 3, p. 321 (M171) = III № 4 = III № 5a = de Voog, p. 487—488.
 4. «Сказание отчасти 3 песни Анны пророчицы» (Иванов, № 154). P, л. 12 об. [до еже с небесе звания великаго Константина] = pars 3, p. 321 (M171) = III № 3 = III № 5a = de Voog, p. 487—488.
 5. «Слово о том, яко промыслом божим, а не звездами и колесом счастья вся человеческая устроятся» (Иванов, № 158).
 а). I, 382—383 [по явлением — недруга своего] = pars 3, p. 321 (M171) = III № 3 = III № 4 = de Voog, p. 487—488.
 б). I, 392 [генефлялогов] — ср. pars 1, p. 514 (Г131).
 6. «Послание к некоему князю, слово поучительно о прелести звездочетстей и утешительно живущим в скорбех» (Иванов, № 160).
 I, 443—444 [Манасия царя — человеколюбца бога и владыку] ср. pars 3, p. 317 (M133) = de Voog, p. 235—236.
 7. «Послание великому князю Василию III» (Иванов, № 227).
 Ржига, с. 115 [Серебряными копии ратуи и вся победиши] = pars 1, p. 341 (A3788).
 8. «Послание к некоему мужу поучительно на обеты некоего латынина-мудреца» (Иванов, № 169).
 III, 231 [Еще варафрум — винутие] ср. pars 1, p. 453 (B99—101).
 9. «Поучение съкращено всякому обуреваемому в море житейском» (Иванов, № 202).
 P, л. 274 об. — 275 [два бо zde жительствова — даже до конца съвршаемо] ср. pars 1, p. 472 (B274) = I № 21 = de Voog, p. 334—335.
 10. «Сказание инока Максима Грека Святогорца против глаголющих Христа во священство ставили» (Иванов, № 170).
 Ср. Лопарев, с. 221, ср. pars 2, p. 620—625 (I229).
 11. «Толкование именам по алфавиту» (Иванов, № 120).
 Ковгун, с. 331 (№ 255) ср. pars 3, p. 607 (Q43).
 12. «Слово обличительно на еллинскую прелесть» (Иванов, № 131).
 а). I, 68 [ниже мурии убелитися, коли умываем] = pars 2, p. 165 (A1125).
 б). I, 75 [Ового убо — псов] ср. pars 3, p. 283 (A683).
 в). Глосса к словам «академейским хитрословным высокоумием» (I, 76)² [Академия двор бысть во Афинех, преславно училище, в нем Платон философ приходя учаше ученики своя]. Ср. pars 1, p. 73 (A774).
 13. «Слово обличительно на агарянскую прелесть и умыслившего ея сквернаго пса Моамефа» (Иванов, № 142).
 I, 83—84 [сияние бо — тако реку, свет]. Ср. pars 2, p. 325 (E1907).
 14. «Слово на арменское зловерие» (Иванов, № 145).
 I, 176—177 [В лета тьмы — божество его не пострада]. Ср. pars 1, p. 411 (A4413).
 15. «Беседа души и уму по вопросу и ответу, о еже откуда страсти ражаются в нас, в нем же и о божественном промысле и на звездочетцов» (Иванов, № 165).
 Глосса к слову «иктером» (II, 72) — Горский, с. 553 [иктер — человеце] ср. pars 2, p. 628 (I279).
 16. «Слово душеполезно зело внимающим ему. Беседует ум к души своей, внем же и на лихоимство» (Иванов, № 232).
 Глосса к слову «еллевором» (II, 13) — Горский, с. 554 [еллевор — кручины]. Ср. pars 2, p. 241 (E771).³
 17. «Слово о неизглаголаннем божии промысле, благости же и человеколюбии, в том же и на лихоимствующих» (Иванов, № 222).
 II, 189 [Ламех — Селану] ср. pars 3, p. 231 (A83) = de Voog, p. 45—46.

¹ Ср.: А. А. Покровский. Один из греческих источников сочинений Максима Грека. — В кн.: Древности. Труды Славянской комиссии Московского археологического общества, т. III. М., 1902, протоколы, с. 27.

² Глосса имеется в Троицком и Поморском собраниях сочинений Максима Грека. Приводим ее по рукописи ГБЛ, ф. 304, собр. Троице-Сергиевой лавры, № 200, л. 473.

³ Вероятность заимствования этой глоссы из Свида увеличивается, если сравнить ее с аналогичной статьей в подборке выписок в P (I № 97).

Переводы Максима Грека из Свиды в рукописной традиции

<i>P</i> (л. 100—106 об.)	<i>Π1</i> (л. 82—86)	<i>Π2</i> (л. 542—554 об., 483, 538—541) ¹	<i>B</i> ²	<i>C</i> (л. 688—697 об.)	<i>O</i> (л. 753—765)	<i>A</i> (л. 235—239)	<i>У</i> (л. 203—205 об.)
Об Оригене		Об Оригене	Об Оригене	Об Оригене	Об Оригене		
Об Иове		Об Иове	Об Иове	Об Иове	Об Иове		
Об Аврааме		Об Аврааме	Об Аврааме	Об Аврааме	Об Аврааме		
О Мелхиседеке		О Мелхиседеке	О Мелхиседеке [О рахманах] [О Креме]	О Мелхиседеке О рахманах О Креме	О Мелхиседеке О рахманах О Креме		
		О Прометее					
		О Серухе					
		О Давиде					
	О Велисарии	О Велисарии	О Велисарии	О Велисарии	О Велисарии		
	Апостольское жительство						
	О Давиде						
	Сей день, его же сотвори гос- подь	[Сей день, его же сотвори гос- подь	Сей день, его же сотвори гос- подь				
	Первое апостоли	Первое апостоли	[Первое апо- столи]				

						Что есть покоище?
						Душевен человек
О Сатане	О Сатане (начало)]	О Сатане	О Сатане	О Сатане	О Сатане (отрывок)	О Сатане (отрывок)
О Серухе		О Серухе	О Серухе	О Серухе	О Серухе (отрывок)	О Серухе (отрывок)
			Сей день, его же сотвори господь			
			Первое апостоли	Первое апостоли	Первое апостоли	Первое апостоли
Вдела-грех		Вдела-грех		Вдела-грех	Вдела-грех	Вдела-грех
Мерзость заупустения		[Мерзость заупустения]	Мерзость заупустения	Мерзость заупустения	Мерзость заупустения	Мерзость заупустения
Что есть покоище?		[Что есть покоище?]	Что есть покоище?	Что есть покоище?	Что есть покоище?	Что есть покоище?
Душевен человек		[Душевен человек]	Душевен человек	Душевен человек	Душевен человек	Душевен человек
Вопль Содома и Гоморры		[Вопль Содома и Гоморры]	Вопль Содома и Гоморры			
	[Переписка Анастасии мученицы и Хрисогона О раю]					

Примечания. Названия статей приводятся в сокращении.

¹ В скобках — статьи, находящиеся на листах, местоположение которых восстанавливается гипотетически.

² В скобках — статьи, не отмеченные в описании П. М. Строева и восстанавливаемые по аналогии с другими рукописями.

Е. П. СЕМЕНОВА

И. А. Хворостинин и его «Словеса дней»

Фигура Ивана Андреевича Хворостинина, писателя первой четверти XVII в., неоднократно привлекала внимание исследователей. И. А. Хворостинин был одним из первых русских стихотворцев. Кроме того, он оставил повесть о событиях Смуты «Словеса дней и царей и святителей московских, еже есть в России». Повесть эта довольно любопытна не только как воспоминания очевидца о событиях Смутного времени, но и как яркий пример повышенного интереса писателей начала XVII в. «к интерпретации событий, а не к их фиксации».¹

С. Ф. Платонов первым систематизировал и всесторонне исследовал материалы о Хворостинине.² Он характеризовал Хворостинина как человека, имевшего крайне беспокойный характер, отличавшегося большим самомнением, неудовлетворенного своей судьбой и своим окружением, человека, тяготившегося московской жизнью, интересующегося «латинскими» книгами, хотевшего бежать в Литву.

Из какой семьи произошел человек, считающий, что он «учением всех преодолел» и «жити ему на Москве не с кем, все люд глупый», как складывалось общественное положение рода Хворостининых?

Хворостинины принадлежали к захудалой ветви ярославского княжеского рода.³ Только политика Ивана Грозного, опиравшегося на малознатное дворянство, открыла перед родом Хворостининых широкую дорогу служебного продвижения. Иван Хворостинин (дед писателя) получил чин боярина накануне опричнины в 1562 г., незадолго до своей смерти.⁴ С этого времени начинается быстрый взлет Хворостининых.

Несколько умных и талантливых детей князя Ивана Хворостинина — Дмитрий, Андрей и Федор сделали «карьеру» благодаря службе в опричнине. В трудах по истории опричнины среди имен прочих опричников мы встречаем имена Дмитрия Ивановича Хворостинина и Андрея Ивановича Хворостинина (отца писателя). Оба они входили в командный состав опричной тысячи.⁵

Архивные документы свидетельствуют, что к концу XVI в. Хворостинины становятся обладателями больших земельных богатств. Так, Столбцы Московского стола сообщают, что в 1604 г. И. А. Хворостинин вывел в поход против Самозванца 14 человек конных. А это означает, что он имел 1400 четвертей земли в одном поле, т. е. был крупным

¹ Д. С. Лихачев. Человек в литературе Древней Руси. М., 1970, с. 11.

² С. Ф. Платонов. Древнерусские сказания и повести о Смутном времени XVII в. как исторический источник. СПб., 1913, с. 230—240.

³ В. Б. Кобрин. Состав Опричного двора Ивана Грозного. М., 1960, с. 79.

⁴ Р. Г. Скрынников. Начало опричнины. Л., 1966, с. 153.

⁵ Там же, с. 259.

землеладельцем. Его двоюродный брат Иван Дмитриевич Хворостинин выставил в это же войско 35 человек конных.⁶

Борис Годунов, сам преуспевший в годы опричнины, придя к власти, в числе близких людей сохраняет Хворостининых, своих соратников по опричной и «дворовой» службе (куда также входили бывшие опричники).

В 1604 г. мы встречаем юного Ивана Андреевича Хворостинина в чине стольника у царевича Федора Борисовича Годунова.⁷ При дворе Лжедмитрия Хворостинин служил в должности кравчего. Высокий пост кравчего открывал молодым дворянам прямую дорогу в бояре.

Времени благоденствия Хворостинина вскоре, однако, пришел конец. При Василии Шуйском он был сослан за близость к полякам и Самозванцу в Иосифо-Волоколамский монастырь.

Укрепление Романовых на престоле для Ивана Хворостинина означало жизненную катастрофу. Его карьера, столь стремительно начавшаяся при Годунове и Самозванце, была практически кончена. Романовы, никогда не имевшие отношения к опричнине, естественно, не питали дружеских чувств к бывшим опричникам и их детям. Должность стольника, которую И. А. Хворостинин, взрослый, умудренный опытом человек, занимает при Романовых, не шла ни в какое сравнение с почетными должностями, бывшими у него, тогда еще очень юного, при Самозванце. В этом и заключается одна из причин неудовлетворенности Ивана Хворостинина своим положением.

События Смутного времени и судьба самого Хворостинина, его взлет и падение явились той почвой, на которой сложился Хворостинин-писатель. Наиболее известен он как автор повести «Словеса дней и царей». Творчество Хворостинина в последние годы снова привлекло к себе внимание исследователей, как советских, так и зарубежных, и стало предметом дискуссий.⁸

I

В таких произведениях о Смуте, как Повесть Катырева-Ростовского или «Сказание» Авраамия Палицына, их авторы стремятся подробно описать события, запечатлеть на бумаге пережитое ими в бурные годы. Это детальные, со многими именами и подробностями, рассказы о крупнейших сражениях тех лет, восстании Болотникова, ополчении Минина и Пожарского, осаде Москвы и ее освобождении.

Иную картину мы видим в повести И. А. Хворостинина, которая имеет как бы два вступления. Первое — обширное повествует о том, как Русская земля «благочестием всех преодолел» после крещения Владимиром. Вступление написано, очевидно, с использованием апокрифических сказаний об Адаме и Еве, летописного предания об апостоле Андрее и летописного же рассказа о крещении Руси. Второе вступление значительно короче. Автор заявляет, что хочет описать поступки «пастырей наших». Собственно повествование начинается с описания голода 1601—1603 гг. в правление Бориса Годунова. Далее Хворости-

⁶ ЦГАДА, ф. 210, Столбцы Моск. стола, № 1074, стб. 12, л. 41, 52.

⁷ Там же, л. 52.

⁸ См.: Edvard L. Keenan. The Kurbskii—Grozniĭ Apocrypha. The Seventeenth Century genesis of the «Correspondence» attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Harvard University Press, Cambridge, Mass., 1971; Д. С. Лихачев. Курбский и Грозный — были ли они писателями? — РЛ, 1972, № 4, с. 202—209; Р. Г. Скрынников. Переписка Грозного и Курбского. Парадоксы Эдварда Кенана. Л., 1973.

нин пишет о делах Бориса Годунова, его смерти и погребении, о гибели Федора Годунова, воцарении Самозванца. Его рассказ о событиях насыщен характеристиками политических деятелей, авторскими отступлениями, цитатами из канонических текстов, риторическими отступлениями, вопросами, обращениями к читателю, так что внешние события остаются лишь фоном. Они не излагаются подробно, автор как бы предполагает, что эти события хорошо известны читателю. Он старается показать свое место в этих событиях, выразить свою оценку поступков государственных деятелей. О многих фактах, упоминаемых в повестях современников, Хворостинин говорит лишь намеком, вскользь, а другим, незначительным происшествиям уделяет большое место.

Характеристика Лжедмитрия сопровождается, по существу, описанием одного, весьма второстепенного факта его деятельности — строительства дворца и беседы Самозванца по этому поводу с «неким юношей». О приходе на Русь поляков при Василии Шуйском писатель говорит скороговоркой, но подробно рассказывает о том, как Шуйский «с чародеи бытие свое познавая», и вставляет попутно в повествование длинную молитву. Тушинцам в повести посвящено лишь несколько слов.

Значительная часть «Словес» посвящена патриарху Гермогену. Гермоген — главный герой Хворостинина. Автор расточает ему всяческие похвалы, называет «праведником, мучеником и страдальцем Христовым», подчеркивает, что Гермоген был против избрания Владислава, говоря, что это избрание не принесет пользы Руси, и твердо отказывался признать Владислава царем, пока тот не примет православия. За это Гермогена заточили в Чудов монастырь. При сожжении Москвы поляками Гермоген умер «по многом страдании и тесноте». Хворостинин повествует о том, как, придя в Чудов монастырь после изгнания поляков из Москвы, он ищет могилу Гермогена и, найдя ее, молится у его гроба. Это самая живая часть повести.

Далее автор вновь переходит к излюбленным рассуждениям. Ему говорят, что Гермоген призывал народ к борьбе с поляками и тем самым он виновен в кровопролитиях на Руси. Хворостинин и сам убежден в том, что «не достоин духовну человеку суцу дерзати на кровопролитие поучением». Да и Гермоген лично при Хворостинине отвергал обвинения в подстрекательстве к кровопролитиям. Хворостинин рассказывает, как в поисках истины он обращается за разъяснениями к рязанскому архиепископу Феодориту.

Композиционно повесть делится на четыре части: это рассказ о Борисе Годунове и его царствовании, рассказ о Лжедмитрии (включая и эпизод с юношей, обличающим Самозванца), краткий и недоброжелательный рассказ о Шуйском и, наконец, рассказ о патриархе Гермогене.

Борис Годунов, Самозванец, Гермоген — вот три основных «героя» Хворостинина. Однако не следует забывать и о самом авторе, который очень активно действует в повести. Ему сообщают об убийстве Федора Годунова. Он выступает с обличительной речью против Самозванца. Его уговаривают друзья изменить Шуйскому. К нему обращается патриарх Гермоген, оправдываясь от обвинений в измене. Хворостинин плачет на могиле Гермогена и настойчиво пытается понять смысл его поступков.

Субъективность повествования, стремление к некоторому психологизму в характеристиках составляют отличительную черту Хворостинина как писателя. Он стремится осознать происходящие события, выразить свой взгляд на них в какой-то новой, нетрадиционной форме. Этому стремлению, впрочем, постоянно сопутствует настойчивое желание продемонстрировать свою «образованность», начитанность в старой литературе и канонических текстах.

Обратим внимание на следующее, казалось бы, чисто стилистическое явление. В изложении Хворостинин все время прибегает к антитезам, противопоставлениям. Но в то же время это и отражение, «осмысление» событий. Ведь противоречив и мир, окружающий Хворостинина. Годунов в глазах современников — убийца царевича Димитрия и в то же время мудрый правитель. Гермоген — защитник «благочестия», но одновременно его осуждают как виновника кровопролитий.

Противоречивы характеристики и других политических деятелей, занимающие важное место в произведении Хворостинина.

Отмеченная противоречивость характеристик персонажей усиливается свойственным Хворостинину построением фразы. Один из излюбленных стилистических приемов этого автора состоит в том, что и отдельную фразу, и целый период он строит по принципу антитезы. Вот, например, как он описывает голод 1601 г.: «... и растлеваемо богатство, красота и слава оскудеваше, и родоначалие владыческое преиде от земли нашея, изриновени быша от любве человеколюбия, оскудеша грады, оскудеша люди, не оскуде мерзость людская и возрасте плод греха».⁹

Это как бы развернутая многоэтажная антитеза — все благое, доброе исчезает («растлеваемо», «оскудеваше», «преиде», и далее дважды повторенное «оскудеша»), дурное же, напротив, укрепляется и растет («не оскуде мерзость... и возрасте плод греха»).

А вот Хворостинин рассказывает о Борисе Годунове: «...аще и не научен сый писанием и вешем книжным, но природно свойство целоносно имея»;¹⁰ «Аще и лукав сый нравом и властолюбив, но зело и боголюбив».¹¹

Создается впечатление, что Хворостинин стремится дать опровержение каждой фразе, им уже сказанной, каждому предложению, выражению найти противопоставление. Нанизывание в одной фразе перечислений, эпитетов, придаточных предложений неожиданно обрывается предложением, полностью противоречащим всему сказанному выше. Иногда погоня за эффектной антитезой приводит к искажению и даже разрушению смысла высказывания. Так, в характеристике Бориса Годунова мы находим ряд параллельных, взаимно уравновешенных перечислений достоинств царя:

Церкви многие возгради	и	красоту градскую веле- лением исполни
Лихоимцы укроти;	самолюбных погубив, областем странным страшен показася и	мудрость жития мира сего... облечеса и при- им славу и честь от царей,—

но сразу же за этим рядом следует неожиданный, немотивированный переход: «... и озлоби люди своя и востави сына на отца и отца на сына и сотвори вражду в домах их».¹²

Иногда это стремление к обязательному «отрицательному» параллелизму в одной фразе доходит просто до нелепости. Хворостинин пишет о Лжедмитрии: «Тако законопреступник, иноческий обругатель, и все-славного царя Ивана сына нарек себе, и мерзость запустения в сердце

⁹ И. А. Хворостинин. Словеса дней и царей... — РИБ, т. XIII. СПб., 1909, стб. 531.

¹⁰ Там же, стб. 532.

¹¹ Там же.

¹² Там же.

имея, и острою смысла, учением книжным себе давно искусив, и оскверни престол царский».¹³

Хворостинин перечисляет все преступления Самозванца: Лжедмитрий и преступил закон, и «иноческий обругатель», и присвоил себе царское имя. Этот все возрастающий по степени эмоциональности перечень «злodeяний» справедливо увенчивается главным преступлением Самозванца: «... и оскверни престол царский», но перед этим автор вдруг вспоминает, что Лжедмитрий «учением книжным себе давно искусив», и вставляет это положительное качество Самозванца в контекст обличительных тирад.

Это искусственное, механическое соединение положительных и отрицательных качеств Лжедмитрия характеризует Хворостинина как писателя, литературно-эстетические возможности которого оказались значительно ниже тех литературно-стилистических идеалов, к которым он упорно стремился.

Характеристика Самозванца перекликается с характеристикой его в Хронографе 1617 г.: «Быть бо убо человек зломысловесен и ко книжному прочтанию борзозрителен, но не на благо, правом же лукав и скверноумен».¹⁴

В данном случае есть объяснение: «не на благо» научен был Лжедмитрий грамоте. Сопоставление этих двух характеристик позволяет допустить, что Хворостинин был знаком с соответствующим местом Хронографа и переделал его в своей повести отнюдь не лучшим образом.

Мы рассмотрели один из приемов, связанных с восприятием и осмыслением Хворостининым событий. Этой же цели служат и некоторые другие стилистические приемы. Риторическая патетика, своеобразное «плетение словес» традиционны для большинства повестей о Смутном времени. Характерны они и для повести Хворостинина. Часто встречаются здесь патетически звучащие вопросы, восклицания, обращения, сравнения. Например, говоря о Василии Шуйском, Хворостинин восклицает: «О властолюбец сый, а не боголюбец! точию хотя прославитися на земли, а не на небеси. И что человеческое естество весть хотение свое?».¹⁵

Подобный же прием мы находим и в его плаче о патриархе Гермогене. Этот плач построен на применении анафоры, что также характерно для стиля Хворостинина.

«Где положиште от еретик пострадавшего Христа ради нашего учителя, рцыте нам?»

Где покоище словесное лежит в вас, где царя небесного сокровенная драхма положена, где священный, отлученный без вины церковный сосуд положен бысть, где воин и заступник веры нашей, повествуите нам?»

Где бодрствующая спит мысль по бозе, где сладкого глаголения наша сокровенно положено, где вечное положенное богатство, где искушенное серебро, сокровенно в вас лежит, где точащая истинная золотая честная уста, да не утаите неутаенного?»¹⁶

Мы видим здесь нарочитое применение анафоры (все десять фраз начинаются с вопросительного местоименного наречия *где*). Гермогену дано 12 определений. Повторенная три раза просьба ответить придает плачу законченность и стройность.

«Словеса» словно специально созданы для чтения вслух. Построение периодов повести можно рассмотреть на примере того же плача о Гермогене. Плач четко делится на три периода. В первом периоде вопрос *где?* повторен один раз, во втором уже четыре, а в третьем — уже пятикратное повторение.

¹³ Там же, стб. 536.

¹⁴ РИБ, т. XIII, стб. 1290—1291.

¹⁵ И. А. Хворостинин. Словеса..., стб. 542.

¹⁶ Там же, стб. 555.

Где ?	→	рцыте нам?
Где ?	}	→ повествуите нам?
Где ?		
Где ?		
Где ?		
Где ?	}	→ да не утаите неутаенного?
Где ?		
Где ?		
Где ?		

Градация вопрошаний *где?*, произносимых на «вдохе», разрешается прѣсбой-«выдохом»: «повествуите нам».

Еще один пример. Хворостинин пишет о Василии Шуйском: «Сей убо присноглаголемый владыка и царь наш неверствием от многого сетования объят бысть, и в буйство преложися, и праведное существо изменив, ложная шептания во уши своя от неискусных приемля, на свое достойное подвижесе и свои люди оскорби злосердием творя». Монотонное перечисление глаголов: «объят бысть», «преложися», «приемля», «подвижесе», «оскорби» обрывается коротким завершением периода — «злосердием творя».

Однако стиль Хворостинина производит впечатление сухого и напыщенного. Почти полностью отсутствуют сложные составные эпитеты, красочные метафоры, так характерные, например, для «Иного сказания» или Повести Катырева-Ростовского. В «Словесах» Хворостинина полностью отсутствуют элементы сюжетного повествования, художественного описания сражений, описания внешности тех деятелей, характеристики которых он дает. Обращает на себя внимание следующее: стиль повести как бы нарочно противопоставляется автором летописному стилю. В «Словесах» нет ни одной даты, Хворостинин избегает называния имен, стараясь не упоминать никого, кроме самых высокопоставленных особ. Так, например, говоря о Самозванце, Хворостинин только один раз в самом начале называет его по имени: инок Григорий. Далее он предпочитает говорить «царь» или же «законоотступник».

Стремление оторваться от всего конкретного, «абстрагировать» свою повесть невольно заставляет вспомнить о явлении абстрагирования в языке церковной литературы XIV—XV вв. (в пору «второго южнославянского влияния»).¹⁷

Но и этот, казалось бы, чисто стилистический прием имеет свое объяснение: Хворостинин просто не может писать иначе, слишком памятна современникам его роль фаворита Лжедмитрия, все себе позволяющего и всех презирающего. Подмена конкретного описания событий высокой риторикой закономерна и естественна.

Стремление к абстрагированию — это не только желание показать свою «книжность» и говорить высоким стилем, но и единственная для Хворостинина возможность писать о Смуте, избегая «скользких» поворотов темы.

Стиль повести вполне соответствует тому представлению о ее авторе, которое складывается при изучении его биографии: это человек образованный, книжный и весьма гордящийся своей ученостью, высоко ценящий свои дарования, напыщенный и самодовольный, презирающий окружающих. Но в то же время Хворостинин-писатель стремится замаскировать собственное поведение, выставить себя человеком благочестивым и высоконравственным. И прием абстрагирования, и высокий, напыщенный стиль «Словес» как нельзя лучше способствуют выполнению

¹⁷ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1969, с. 109—121.

этой сложной задаче. Этой же цели служит и прием антитезы, столь любимый автором. Противоречиво все, весь мир — значит, противоречивы и наши поступки и характеры, значит, о них нельзя судить однозначно.

II

Сочинения Хворостинина известны в очень малом числе списков. Бедна и рукописная традиция «Словес» — до сих пор было известно только два списка второй половины XVII в. Это рукопись ГПБ Q.IV. 172 и рукопись ГИМ, собр. Забелина, № 474 (857). Списки тождественны и в обеих рукописях не имеют конца, обрываясь на одном и том же месте.¹⁸ Незначительные разночтения свидетельствуют, что списки переписывались независимо друг от друга примерно в одно время (см. схему 1).

Текст повести был впервые опубликован С. Ф. Платоновым в 1891 г.¹⁹ по рукописи Публичной библиотеки.

В Рукописи ГПБ повесть Хворостинина занимает листы 1—15.²⁰ Повесть написана двумя почерками конца XVII в. Первый почерк (А) — скоропись, приближающаяся к полууставу (л. 1—5 об., 6 об., 7), второй почерк (Б) — четкая скоропись, черные чернила (л. 6, 7 об.—15 об.). Начало л. 6 об. написано почерком Б: «...и сяде пес смрадный на престоле, а не царь, но законопреступник и хулник иноческого жития, а не владыка, ни князь крепостной управив²¹ (управив зачеркнуто в тексте, далее пробел в полторы строки, — Е. С.)... но вси от страха его смятоспаса... Иже живет и дыхание дая человеком...²² Слышав ту стояше юноша некий, иже ему любим бе и печася присно о его спасении паче же всех человек под областью его, — отложи страх без боязни и на того вооружся...» (пробел до конца страницы).

Следующая страница (л. 7) почерком А: «...и вооружився яко на сущаго змия на мысль его наступив...» — до конца листа 7 тот же почерк А.

Л. 7 об.: начало написано почерком А (6—7 строк). Затем идет почерк Б до конца повести. «...и ты ли злая помыслил еси на меня? остави свое правление моему любочестию (А). Он же рече: никакже о царю, еже к тебе благосердия отрекохся...» (Б) и далее этим же почерком Б до начала л. 15 об., т. е. до конца повести.

Очевидно, сначала повесть была переписана с дефектной рукописи почерком Б, а затем начало и кусок из середины повести были дописаны другим переписчиком (почерк А). Конец же повести они найти не смогли.

Рукопись ГИМ, собр. Забелина, № 474 (857) — второй известный список повести Хворостинина — был открыт М. Н. Сперанским.²³ «Словеса

¹⁸ ГПБ, Q.IV.172: «О Христе возлюбленный брате наш и сослужителю нашего сми...». ГИМ, собр. Забелина, № 474 (857): «О Христе возлюбленный брате наш и сослужителю нашего смирения...».

¹⁹ Памятники древней русской письменности, относящиеся к Смутному времени. — РИБ, т. XIII. СПб., 1909, стб. 525—558.

²⁰ Описание рукописи см. там же, с. XVIII—XIX.

²¹ Слово «управив» (зачеркнутое) и текст далее написаны почерком А. Слово «управив» в начале строки встречается 12-ю строками ниже: «...яко златоточный простертнем управив» (далее пробел в тексте). Переписчик, очевидно, начал писать не с той строки; поняв свою ошибку, он зачеркнул «управив».

²² Далее пробел в тексте рукописи в полстроки.

²³ На этот список мне указала Н. С. Демкова. Описание рукописи см. в кн.: Отчеты ГИМ за 1916—1925 гг. М., 1926, с. 19, Приложение II; см. также: М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева, Сокровища древней письменности и старой печати. Под ред. М. Н. Тихомирова. — Труды ГИМ. Памятники культуры,

дней и царей» занимают л. 1—18. Далее на л. 18 — «О владении Москвою литовскими людьми и паки о взятии ее» (гл. 168 Хронографа 1617 г.), л. 23—266 — «Новый летописец». Текст рукописи ГИМ в основном совпадает с текстом рукописи ГПБ, за исключением одного абзаца.

В рукописи ГИМ (л. 7) пропущен абзац: «... иже живет и дыхание дая человеком... и на того вооружся».²⁴ Если учесть, что в рукописи ГПБ этот же абзац переписан с пробелом (см. выше), то становится очевидным, что обе копии делались с дефектной рукописи. Переписчики рукописи ГПБ писали, сменяя один другого. Дойдя до непонятого абзаца, переписчик оставил чистое место и стал писать дальше. Затем другой переписчик вписал то, что смог разобрать. Переписчик же рукописи ГИМ просто выбросил непонятное место и слил две фразы в одну: «... яко золотным простертием управив и вооружився яко на сущаго змия на мысль его наступив».²⁵ Можно составить следующую схему:

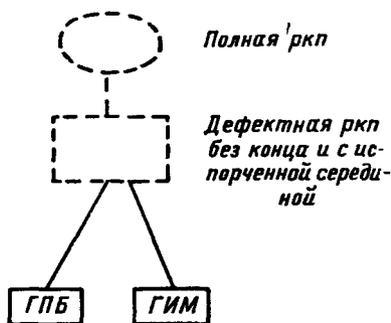

Схема 1.

Помимо двух давно введенных в научный оборот списков, в датских архивах хранится еще один список сочинения И. А. Хворостинина «Словеса дней и царей и святителей московских еже есть в России».²⁶

Это рукопись Королевской библиотеки в Копенгагене № 4, KbL SAM Li, № 6 1552^c, 4° (Новое королевское собрание).²⁷

Рукопись датируется серединой XVII в. Наиболее близкие аналогии ее водяным знакам — «Лилия на щите» — Гераклитов, № 214, 1660 г. (у водяного знака нашей рукописи отсутствуют литеры CD) и, особенно, — Тромонин, № 636, 1644 г.

В рукописи 51 лист. Листы 1—14 занимает «Летописец написан выбором из старых летописцов, что учинилося в Московском государстве и во всей русской земле в нынешняя последняя времена». Основной текст Летописца написан одним почерком. Начинается он со смерти митрополита Петра в декабре 1326 г., а кончается основной текст 1643 годом, после чего на л. 14 об., под этим текстом приписано уже другим почер-

вып. XXX. М., 1958, с. 45; Н. С. Демкова, Р. П. Дмитриева, М. А. Салмина. О текстологическом изучении древнерусских повестей. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 175.

²⁴ И. А. Хворостинин. Словеса..., стб. 537.

²⁵ ГИМ, собр. Забелина, № 474 (857), л. 7.

²⁶ Впервые на существование этого списка указал Ю. Н. Щербачев, но рукопись не была им исследована и описана, см.: Ю. Н. Щербачев. Датский архив. — ЧОИДР, 1893, кн. 1, отд. I, с. III (примеч.). На это замечание Щербачева мне любезно указала Н. С. Демкова.

²⁷ Пользуясь случаем, выражаю благодарность датскому профессору Кнуту Расмуссену, любезно приславшему фотокопию рукописи.

ком сообщение о смерти Михаила Федоровича в 1646 г. и о начале царствования Алексея Михайловича. Кончается текст Летописца сообщением о событиях 1648 г., которое обрывается на середине фразы в конце листа.

Листы Летописца, так же как и листы «Словес», перепутаны. Следует читать в таком порядке: л. 9 об., 11, 11 об., 10, 10 об. — ... (очевидно, здесь пропуск листа), 13, 13 об., 12, 12 об., 14, 14 об.

На л. 8 об. единственная приписка на полях почерком конца XVII в. «Изменника ево Бориса Годунова» (относящаяся к сообщению об убийстве царевича Димитрия).

Сообщения Летописца очень кратки, неполны и лишены какой бы то ни было авторской оценки. События Смутного времени освещены крайне скупо. Пропущенный лист, очевидно, содержал события с 1613 по 1619 г.

На л. 15—51 — сочинение Хворостинина. Список также не имеет конца, но обрывается значительно раньше, чем в рукописях ГПБ и ГИМ.

Повесть Хворостинина написана одним почерком, близким к почерку Летописца. Если вспомнить, что основной текст Летописца кончается январем 1643 г., а приписанный текст кончается 1648 годом, то, принимая во внимание филигранны, можно предложить датировку рукописи серединой XVII в. (40-е—60-е гг.). Список этот, очевидно, самый ранний из трех известных нам.

На полях л. 23—38 имеются многочисленные приписки, сделанные одним и тем же почерком, отличным от почерка основного текста рукописи. Приписки эти традиционны для своего времени и отмечают основные события повести или краткое содержание отрывка, к которому относятся, например: «О законопреступном царстве Григориеве» (л. 27 об.), «Царство Василиево» (л. 37 об.),²⁸ «О убиении царевича Димитрия» (л. 28 об.),²⁹ «О соблазнении и братоненавидении» (л. 24 об.), «О озлоблении» (л. 25)³⁰ и т. п. На л. 24, 28, 29, 31 тем же почерком сделаны приписки вверху: «Царство Борисово» (приписки наполовину обрезаны при переплетении рукописи). Вверху л. 38 также имеется приписка «О плаче в царстве Василиево». На л. 23 (вверху) и 32 об. (внизу) имеются неразборчивые приписки. На л. 32 об. — 33 нумерация цифирью «16—15». На полях л. 47 об. сбоку приписка другим почерком: «Бед господь спасе», на л. 48 об.—49 третьим почерком приписка: «от — по», с л. 41 об. по л. 47 с пропуском л. 46 идет владельческая запись, сделанная почерком более позднего времени (очевидно, XIX в.): «Сия книга, глаголемая святцы, Бориса Алексеева Сего (так в ркп., — Е. С.) Кузнецова».

С л. 45 об. по л. 48 об. в рукописи перепутаны листы. Читать текст следует так: л. 45 об., 47, 47 об., 46, 46 об., 48, 48 об. Пропуск л. 46 при чтении владельческой записи говорит о том, что листы рукописи были перепутаны позднее, чем была сделана запись.

²⁸ В ркп ГПБ в этом месте приписка (единственная) — «О царе Василии Шуйском».

²⁹ Любопытно, что это единственное место повести, где Хворостинин говорит, хотя и косвенно, об убийстве Годуновым царевича Димитрия: «Тело же преждевременного царя Бориса ис храма изринути повеле, и бе дивно видение: мертвеца оного чело во гробе бесчестно полежа, иже уби сына господина своего, нелепо глаголя нань...».

³⁰ В отличие от ркп ГПБ, в которой, как уже говорилось, приписок нет (кроме одной), в ркп ГИМ приписки имеются. Они сделаны двумя почерками, отличными от почерка самой рукописи. Одни — сбоку, другие же — бледными чернилами почерком XIX в. — по верху листов ркп. По содержанию приписки аналогичны, но не тождественны полностью припискам датской рукописи. Количественно приписок в рукописи ГИМ значительно меньше.

Путаница листов рукописи (л. 9 об.—14 об. и л. 45 об.—48 об.), а также поздняя владельческая запись сами по себе мало о чем говорят, но позволяют предположить, что поскольку владелец XIX в. Кузнецов — русский, то, значит, рукопись попала в датский архив совсем поздно.

Текст повести по датскому списку (далее: *Д*) имеет ряд разночтений со списками ГПБ и ГИМ. Эти разночтения можно сгруппировать следующим образом.³¹

1. Разница в заголовках.

а)

Список ГПБ

Словеса дней и царей и святителей московских, еже есть в Росии. Списано вкратце, предложение историческо, написано бе ко исправлению и ко прочитанию благочестие любящих. Составлено Иваном дуксом.

Сие князь Иванова слогу Андреевича Хворостинина.

Список Д

Словеса дней и царей и святителей московских, еже есть в Росии. Списано вкратце, предложение историческо, написано бе ко исправлению и ко прочитанию благочестие любящих. Составлено Иваном дуксом.

Предисловие имуще сидево.

б) После двух предисловий основной текст повести отделен в списке *Д* подзаголовком «О Москве». Этого нет в текстах ГПБ и ГИМ.

2. Использование списков ГПБ и ГИМ затруднялось наличием дефектных мест (см. выше). Теперь появляется возможность заполнить пробелы, так как в списке *Д* эти места даны полностью.

ГПБ, л. 6, стб. 536

Святыня сохранение царю и обыдет престол его вправду. Лепее есть... премудрости чювство слава же старым седины. Сокрушени и досаждение в сокровищах чрева.

стб. 537

...а не владыка, ни князь крепостию управив (зачеркнуто в ркп, — *Е. С.*), но вси от страха его смятшася.

стб. 537

...яко златоточный простертием управив иже живет и дыхание дая человеком. Слышав ту стояше юноша некий иже ему любим бе...

стб. 537

...отложи страх без боязни и на того вооружся и вооружився яко на сущаго змия...

Д, л. 30

Милости на сохранение царю и обыдет престол его вправду. Лепо есть юнотам мудрости чювство, слава же старцам седины. Украшения и досаждения утыкаются злых язвы же в сокровищах чрева.

л. 31

...а не владыко, ни князь крепостию украшен и все воследетвоваше ему и блядословяше вкупе вси. Ни един глаголя мужественно вопреки, но вси от страха его смятшася.

л. 31 об.

...яко златоточны простертием украсив и велми похвалися о сих, а не о бозе, иже живот и дыхание дая человеком. Сие ж слышав ту стоящ юноша иже ему много любим бе...

л. 32

...отложи страх без боязни на того вооружився яко на сущаго змия...

3. К следующей группе разночтений можно отнести фразы и отдельные слова, которые есть в датском списке, но которые отсутствуют в списках ГПБ и ГИМ. Так, например:

³¹ Текст цит. по РИБ, т. XIII. Разночтений в списках ГПБ и ГИМ практически нет.

ГПБ, л. 3, стб. 530

...пастырей наших детели без расчезения на среду предложити и остроzeniu любительно исправление не велики убо рекшу етери месту быти устроена еже бы вложить любовь в душу вашу, ваше бо слышети дело се и вашей души прекрасней достойно есть великодушных муж и безкровных мучеников и победоносцов речеточством праводелательное.

л. 6, стб. 536

...муж яр претворяет свары. Сие же оставим и о подлежащем побеседуем.

В последнем примере налицо более точная библейская цитата в списке Д. Аналогичный пример:

ГПБ, л. 11 об., стб. 548

...слезами же святитель лице, ризи же и браду мочаше древяго Арона ходяще на ометы одежды его...

Д, л. 22

...пастырь наших детели без расчезения на среду предложити и остроzeniu любительно к величеству сласенному возвести пастырское благое исправление не велику убо бе рекшу етери месту быти устроения еже бы вложить любовь в душу вашу, ваше бо слышащих дело се и вашей прекрасной души достойно есть, аз же убо аще и многи дни томим и привлекаем к любви великодушных муж и безкровных мучеников и победоносцов речеточством праводелательное.

л. 30 об.

...муж яр притворяет свары. Терпеливый же и грядущая укротит. Терпелив муж укротит суд, нечестивый же воздвизает паче. Сие же оставим и о подлежащем побеседуем.

Д, л. 46

...слезами же святитель лице, ризи же и браду мочаше, ибо видети умиленно видение: слезы и умиления его яко миро сходящее на браду браду древяго Арона сходяще на ометы одежды его...³²

А вот пример менее значительных разночтений:

ГПБ, л. 1, стб. 525

...иже искони от вседержителя бога превышная мудрость сын безначальное слово, иже слову датель, — той бо всех нас зиждитель и господь...

Д, л. 15 об.

...иже искони от вседержителя бога превышная мудрость сын безначальное слово иже слову датель и благодарению податель, — той бо всех нас зиждитель и господь...

Есть несколько небольших дополнений и в списке ГПБ—ГИМ, например:

ГПБ, л. 3, стб. 529

...блаженного Владимира, сына Святослава, внука Игорева, правнука же Рюрика.

Д, л. 20 об.

...блаженного Владимира, сына Святослава, правнука же Рюрика.

Писец датского списка, очевидно, просто по рассеянности выпустил слова «внука Игорева», необходимые по смыслу предложения.

В ряде мест слова переставлены местами:

ГПБ

...яко добру совесть имамы веры...

Д

...яко добру совесть веры имамы...

Часто замена слов дает более правильное чтение в датском списке, например:

³² См. псалом 132, ст. 2—3. В тексте рукописи ГПБ — явное нарушение смысла, вызванное пропуском части фразы и механическим слиянием двух оставшихся частей.

ГПБ, л. 11 об. (стб. 547)

...инии от славных наших мнози приложиса к нам и совесть товарище к нам, яко властодержца нам несть.

л. 6 об. (стб. 536)

...и тако законопреступник, иноческий обругатель, и всеславного царя Ивана сына нарек себе.

л. 1 об. (стб. 527)

Что творите, окаянии? Сотворите едино покаяние, познайте прегрешения ваша, помилуйте наготу свою!

Д, л. 45 об.

...инии от славных наших мнози приложиса к нам и советы творяще к нам яко властодержца нам несть.

л. 30 об.—31

...и тако законопреступник иноческий образ поверг и всеславного царя Ивана сына нарек себе.

л. 17 об.

...Что сотворите, окаянии? Сотворите едино покаяние, познайте прегрешения ваша, покрыите наготу свою!

Любопытно отметить целый ряд примеров явно неправильного прочтения писцами (и списка Д, и списка ГПБ) текста оригинала. То, что эти ошибки одинаковы, может говорить о дефектах тех рукописей, с которых писались наши списки.

«...и никто же ми не невъру сему писанию, не мни мене гордящимся» (ГПБ, л. 3 об.; Д, л. 21 об.). Издатели текста (РИБ, т. XIII) исправили на «не неверуй».

«...руку на уста положи, охапая ея от мене в нечеловечных коварствах...» (ГПБ, л. 7 об.; Д, л. 34 об.). Издатели текста исправили на «охапая».

К сожалению, в датском списке текст обрывается еще раньше, чем в русских списках, на словах «...яко очима сердечныма своима разсматривает преосвященных митрополит и епископов и освящен...» (конец листа).³³

Из приведенных выше примеров разночтений видно, что датский список, более ранний, чем русские (оба последней трети XVII в.), писался с более исправной копии текста повести Хворостинина. Можно составить следующую приблизительную схему:

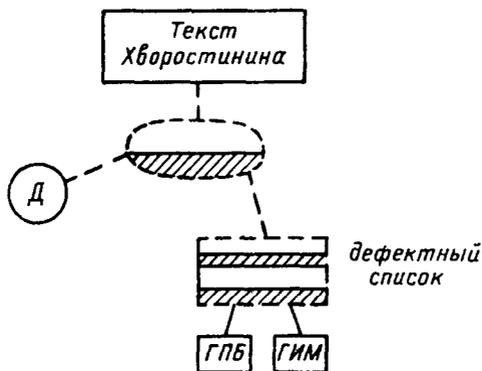

Схема 2.

Уже тот факт, что датская рукопись содержит третий и более ранний список повести И. А. Хворостинина, делает ее интересной для исследования. Наличие разночтений и возможность заполнить пробелы русских списков подчеркивает необходимость введения датского списка в научный обиход.

³³ См. ркп ГПБ, л. 13 и РИБ, т. XIII, стб. 551, 6 строка снизу. Любопытно, что и этот обрыв происходит на абзаце, касающемся патриарха Гермогена. (В рукописях ГПБ и ГИМ обрыв текста на эпистолии патриарха Гермогена).

Е. Н. КЛИТИНА

Симон Азарьин

(Новые данные по малоизученным источникам)

Настоящая работа написана на основе Вкладной книги Троице-Сергиева монастыря в списке 1639 г. (запись вкладов в ней продолжена до 30-х гг. XVIII в.)¹ и описей монастыря 1641 г.² и 1701 г.,³ являющихся ценнейшими комплексными первоисточниками по истории монастыря. Они не в полной мере изучены исследователями жизни и творчества писателя XVII в. Симона Азарьина и содержат сведения, значительно расширяющие наши знания о нем.

В первую очередь нужно остановиться на сведениях биографического характера, которые в основном можно извлечь из Вкладной книги монастыря. В главах книги «Троицкие келари» и «Троицкого Сергиева монастыря братья» содержатся широко известные данные о вкладе 1 марта 1624 г. в Троице-Сергиев монастырь слугою княжны старицы Ирины Ивановны Мстиславской Саввой Леонтьевым сыном Азарьиным, по прозвищу Булат, 50 рублей и о пострижении его за вклад в монастырь под монашеским именем Симон (л. 146 об., 266 об.).⁴ Однако записи Вкладной книги монастыря раскрывают и еще не менее значительные биографические сведения о Симоне Азарьине. Кому служил Савва Леонтьевич Азарьин? Князья Мстиславские являлись потомками Гедимины, выехавшими в Москву в 1526 г. и получившими в вотчину и в удел волость Юхть, бывший удел ярославских князей Юхотских.⁵ Князья Мстиславские были тесно связаны с Троице-Сергиевым монастырем, вклады их в монастырь поступали в XVI и XVII столетиях, первый вклад был

¹ Рукопись, Загорский музей, № 5560, т. I, № 5559, т. II. Текст 1639 г. и список в копии 1673 г. подготовлены к печати в 1971 г., составители: Е. Н. Клитина, доктор исторических наук Т. В. Николаева, редактор академик Б. А. Рыбаков; составители указателей: Л. М. Спирина, Т. Н. Манушина (указатель имен), Г. А. Макаровская (указатель географических названий), М. С. Сысоева (указатель предметно-терминологический). См.: Е. Н. Клитина. Вкладные книги Троице-Сергиева монастыря. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 288—293.

² Загорский музей, № 289, 883 л. 32×21,5 см, скоропись, филигранный столб (Гераклитов, № 1137, 1639—1640 гг.), ворота (Гераклитов, № 41, 1638 г.), гербы (близки № 124, 1644 г. и № 173, 1650 г. Гераклитова). Копии: а) составлена в Троице-Сергиевой лавре, 2-я пол. XIX в. (рукопись — Загорский музей, № 187), б) составлена С. Н. Дурылиным, Ю. А. Олсуфьевым, М. Ю. Олсуфьевым, 1919—1923 гг. (рукопись — ГБЛ, ф. 173, II, № 225, М. 7397).

³ ЦГАДА, ф. 237, Монастырский приказ, оп. 1, ед. хр. 27, 513 л., ед. хр. 40, 441 л., скоропись.

⁴ Арсений. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотечарей Троице-Сергиевой лавры, СПб., 1868.

⁵ С. Б. Веселовский. Исследования по истории опричнины. М., 1963, с. 129.

записан под 1551 г. Вклады старицы княжны Ирины Ивановны записаны под 1605, 1607, 1624, 1635 гг. В 1605 г. она дала вклад по царице княгине Александре, по-видимому, по царице Ирине, жене царя Федора Иоанновича, монахине Новодевичьего монастыря. Можно предположить, что и Ирина Ивановна Мстиславская была инокиней того же монастыря. В 1640 г. дан вклад Иваном Борисовичем Черкасским уже по самой княгине (л. 476 об.—479).

Вкладная книга содержит перечень вкладов рода Азарьиных, записанных в главе «Государева двора розных чинов люди» под 1640—1642 гг. По ним выявляются государев стремянной конох Иван Леонтьев сын Азарьин, слуга боярина Ивана Никитича Романова Михайло Леонтьев сын Азарьин, жена Михайлы Степанида, постригшаяся в Хотьковский монастырь под именем Соломонии, а также государевы стремянные конохи Катламан и Юмран Олферьевы, последний назван братом Симона Азарьина (л. 371—372 об.). Среди вкладов Ивана и Степаниды Азарьиных по Михайле Азарьине записано Евангелие на престольное.⁶ Примечательны две вкладные записи на нем: 1) «Помяни, господи, инока Илариона, Мавру, Михаила, Лукьяна. По ним же сие Евангелие дано вкладом в среднюю церковь Спешствия святого духа, в предел Ивана Предтечи (оборот верхней крышки переплета), 2) «Сия книга глаголемая Евангелие на престольное дана вкладу в дом живоначальные Троицы и великих чюдотворцов Сергия и Никона по Михайле Леонтьеве сыне Азарьине 148-го году марта в 25 де» (на л. 1—21). Представляется, что обе эти записи связаны между собою. И не называет ли первая запись имена родителей и братьев Симона Азарьина?⁷

Итак, ясно вырисовывается служилый род Азарьиных. Их служба в знатнейших княжеских и боярских родах и при дворе царя несомненно давала благоприятное покровительство. Не этим ли объясняется довольно быстрое продвижение по служебной лестнице Симона Азарьина: постриженный в 1624 г., он в 1634 г. — уже казначей крупнейшего монастыря.

Сведения Вкладной книги монастыря дают основание еще для одного предположения. Известно, что Симон Азарьин был подвергнут опале и в феврале 1655 г. был отправлен в Кириллов монастырь сеять муку в монастырской хлебне. Причины гонений на него изучены достаточно глубоко.⁸ Но когда Симон Азарьин мог вернуться в Троице-Сергиев монастырь? Наиболее вероятно, что это был 1657 год. Именно с июня этого года по ноябрь 1658 г. после долгого перерыва последовал ряд крупных и ценных вкладов Симона Азарьина в Троице-Сергиев, Хотьковский и Махрицкий монастыри (л. 147—148).

Вкладная книга монастыря 1639 г. и опись 1641 г. были составлены в период казначейства Симона Азарьина, и в них можно найти наиболее полные и конкретные данные о его деятельности.

Опись 1641 г. явилась результатом ревизии монастыря «государевой» комиссией, возглавляемой окольным Федором Васильевичем Волинским. Она дает описание всего имущества монастыря в последовательности ведения его отдельными монастырскими службами и содержит

⁶ Загорский музей, № 2487.

⁷ Отметим, что человек с именем Леонтий мог при пострижении взять имя Иларион, так как оба они значатся в «Соборе отцев Киево-Печерских», отмечаемом церковью 28 августа.

⁸ Н. К. Никольский. К истории наказания писателей в XVII веке. — Библиографическая летопись. СПб., 1914; Д. Скворцов. Дионисий Зобнинский. Тверь, 1890; Н. М. Уварова. Симон Азарьин как писатель середины XVII века. Автореф. канд. дис. М., 1974.

огромный фактический материал по организации монастырского хозяйства. Ревизия монастыря была крупным правительственным мероприятием, результатом ее явилась не только опись, но и копиянные книги монастыря с копиями публично-правовых актов и грамот на владения монастыря, поступившие от частных лиц.⁹ Копийные книги скреплены дьяками комиссии Волинского. Деятельность комиссии нашла отражение в повести Симона Азарьина «О новоявленных чудесах Сергия Радонежского», ей посвящено чудо 24-е «О окольникове, иже не исправя сердца своего к чудотворцу Сергию, приехав монастыря считати». И как в чуде окольниковый Волинский пришел от непризнания монастырских властей и гордости к покаянию и смирению, так, по-видимому, и в действительности был достигнут компромисс и монастырские власти смогли выразить свое отношение к политике царского правительства, направленной на ограничение монастырского землевладения. В копиянной книге публично-правовых актов, сохранившей в своем составе копиянную книгу монастыря 1614—1615 гг., составленную при архимандрите Дионисии,¹⁰ было помещено предисловие из нее, в котором приводится текст I части 75-й главы Стоглава 1551 г., мотивирующий неотъемлемость прав церкви на землевладение. Та же глава включена и в предисловие Вкладной книги монастыря 1639 г. — документ, сосредоточивший в себе сведения о монастырских богатствах, подтверждающий и отстаивающий права монастыря на эти богатства. Такова была позиция Троице-Сергиева монастыря, и таковы общественно-политические взгляды Симона Азарьина, принадлежавшего к монастырским властям, бывшего третьим лицом в монастыре после настоятеля и келара.

По материалам описи 1641 г. ясно представляется фигура Симона Азарьина — казначей крупнейшей и экономически мощной феодальной организации; он стоит непосредственно во главе казны, ему подчинены ризная, книгохранительная и оружейная казна, погребная служба во главе с ризничим, книгохранителем, оружейным и погребным старцами. Опись казны (л. 319—473) составляет самостоятельный раздел и содержит подробное описание имущества, принятого Симоном Азарьиним. Один краткий перечень его дает представление о разносторонней деятельности, большом богатстве и власти, сосредоточенных в руках казначея: кресты, панагии, иконы нагрудные; «образа» (иконы живописные); книги; предметы бытового назначения из золота и серебра, с драгоценными камнями (кубки, чарки, ковши, перстни, серьги и т. п.); «рухлядь» (шелк, бархат, алтабас и т. п.); столовая посуда, оловянная и деревянная; краски, олово, железо; оружие и пушечные запасы; попоны, медведи, полсти, ковры, седла; деньги и долговые денежные обязательства; запасы рыбы, соли, меда, пряностей. Все имущество названного характера — вкладное, оставшееся «после братии», выполненное в монастыре, купленное — проходило через казну и казначея и в значительной мере по его решению передавалось в ризницу, книгохранительницу, церкви, шло на продажу, оставалось в казне. Таким образом, казначей имел непосредственное отношение к комплектованию ризничного собрания и библиотеки Троице-Сергиева монастыря.

Несомненно, что наряду с традиционностью в его решении немалое значение имело понимание задач комплектования лицом, возглавлявшим монастырскую казну. Эстетические позиции Симона Азарьина можно

⁹ ГБЛ, ф. 303, № 528, 530, 532.

¹⁰ Л. И. Ивина. Копийные книги Троице-Сергиева монастыря XVII в. — Записки Отдела рукописей Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, вып. 24. М., 1961, с. 5—44.

проследить на конкретном материале описи. При нем систематически пополнялись новыми предметами утвари Троицкий собор и ризница. В описи же казны встречаем следующие записи о вещах, поступивших при Симоне Азарьине: об иконе «Явление богоматери Сергию» — «... по сказке казначая Симона обложена золотом казенным» (л. 335 об.), о кресте-мощевике Александра Булатникова — «...делал тот крест бывшей келарь старец Александр в своем золоте, а камене и жемчюг монастырские казны» (л. 334), «кубок серебрян чеканой золочен, с кровлею, на кровле человек с щитом, по кровле и по пузу личинки крыласты, ... куплен из монастырские казны» (л. 350 об.), «кубок-орех индейской... дача келаря старца Александра, а серебро и золото монастырские казны» (л. 351), «поручи, по камке червчатой шиты золотом да серебром, на них шит образ пречистые богородицы Благовещение... куплены из монастырские казны» (л. 356). Не менее интересны сведения о предметах, выбывших из казны в эти годы. Так, кубок «положен в серебро» к окладу на раку Никона, яхонт дачи Александра Булатникова отдан «в ризное оплечье, что передельвала старица Доминикия Волкова» (л. 463 об.), жемчуг и золото казны «изошли» на изготовление окладов, крестов.

Вкладная книга монастыря дополняет данные описи; в ней записаны вклады Симона Азарьина 1649, 1650 и, в основном, 1657 и 1658 гг. в Троице-Сергиев, Хотьковский и Махрицкий монастыри (л. 147—148). Это высокохудожественные ценности, при создании или приобретении их несомненно сказывалось знание русского искусства и отношение к нему самого вкладчика. Среди них: серебряный кубок, чеканный травами, с кровлею; кубок яшмовый в серебряной оправе с чеканными кровлей и стояном, иностранной работы, с надписью на кубке: «Келарь старец Симон дал вкладу в дом живоначалные Троицы и великим чудотворцом Сергию и Никону»;¹¹ икона «Сергий Радонежский в деянии» в серебряном окладе, золотые кресты, иконы в драгоценных окладах.

Итак, ясно прослеживаются художественные интересы и деятельность Симона Азарьина, направленные на увеличение и сохранение монастырского собрания художественных ценностей. Они воспринимаются как продолжение деятельности архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия, образ которого Симон Азарьин создал в своем Житии архимандрита Дионисия Радонежского. Это Дионисий собирает в монастыре искусных мастеров, иконописцев, книгописцев, сребросечцев, швцов, заботится о создании новых и обновлении старых произведений искусства. Образ Дионисия является для Симона Азарьина идеалом и примером для подражания.

Описи и вкладные книги Троице-Сергиева монастыря являются источниками первостепенного значения для изучения вопросов складывания и состава библиотеки Симона Азарьина. Они значительно пополняют сведения, известные по последним исследованиям.¹²

Данные Вкладной книги убедительно говорят о том, что книжный интерес был присущ всему роду Азарьиных. В уже упомянутых вклады Азарьиных в Троице-Сергиев монастырь записаны 17 печатных и 8 рукописных книг, вложенных 25 марта 1640 г. Иваном и Степанидой

¹¹ Загорский музей, № 260; Т. В. Николаева. Каталог иностранного серебра в собрании Загорского музея (в печати); Леонид. Надписи Троицкой лавры. СПб., 1881, с. 68, 69.

¹² Н. М. Уварова. 1) О составе библиотеки Симона Азарьина. (Ж постановке вопроса). — В кн.: Проблемы жанра и стиля в русской литературе. Сборник трудов. М., 1973; 2) Симон Азарьин как писатель середины XVII века.

Азарьиными по брате и муже Михайле Азарьине (л. 371—372). Вполне вероятно, что и Симон Азарьин имел книги уже ко времени пострижения своего в монастырь. Деятельность же Симона Азарьина на посту казначея дала в его распоряжение огромный книжный фонд. Об этом говорят материалы описи 1641 г. Через казну в основном проходили все книжные поступления в монастырь: купленные, переданные в дар, оставшиеся «после братии». Из казны они шли в церкви монастыря, ризницу, книгохранительницу, большая же часть поступлений оставалась в казне и предназначалась для продажи или раздачи в приписные монастыри и приходские церкви. Для подтверждения этих положений приводим данные описи. В 1634 г. при вступлении в должность казначея Симон Азарьин принял 47 книг, к 1641 г. в казну поступило еще 269 рукописных и печатных книг (л. 335 об. — 344) и 183 выбыло (л. 460—462 об.). Примечательно, что за несколько больший период в книгохранительницу монастыря поступило только 105 книг (л. 307—311). Среди почти 500 книг, прошедших через казну, оказалось 55 книг из библиотеки архимандрита монастыря Дионисия (38 в наличии и 19 проданных, но 2 из них числятся и в одной, и в другой группе), 36 книг, оставшихся «после братии», вкладные книги троицкого слуги Алексея Тиханова. Нужно отметить, что состав книг казны по содержанию весьма разнообразен, с довольно большим числом книг светских.

Итак, в ведении и распоряжении Симона Азарьина было огромное книжное собрание, оставленное в казне для продажи и раздачи; несомненно, что оно явилось одним из источников комплектования его личной библиотеки.

Книги Симона Азарьина можно разделить на две группы: вложенные им в монастырь и взятые в монастырь после его смерти.

Из Вкладной книги монастыря известны две книги, поступившие в монастырь как вклады от бывшего келаря старца Симона Азарьина в 1658 г.: «Псалтырь с песньми и со избранными псалмами печатная на большой бумаге, во Псалтыре и в песнях по полям против речей знаменовано в лицах... да книга Службы и житие чудотворцов Сергия и Никона на большой бумаге, печатная, в той же книге приписаны новые чудеса книжным писмом, с начала у тое книги в малой и большой службе в стихерах на трех листах по полям против речей писано ж в лицах» (л. 148). Псалтырь сохранилась до настоящего времени,¹³ на ней две вкладные записи: 1) «Лета 7167 году сию книгу Псалтырь налойную дал вкладом в дом живоначалные Троицы бывшей келарь старец Симон Азарьин» (на обороте верхней крышки переплета); 2) «Лета 7167 году сию книгу Псалтырь дал вкладом в дом живоначалные Троицы и Троицко ж Сергиева монастыря бывшей келарь старец Симон Азарьин по себе и по своих родителей внаследие вечных благ и будущего ради покоя» (по листам).

Опись Троице-Сергиева монастыря 1701 г. приписывает ко вкладу Симона Азарьина еще 6 печатных книг, якобы вложенных им в 1640 г. (ед. хр. 27, л. 265—265 об.). Эта запись является явной ошибкой, которая легко выясняется при сопоставлении ее со Вкладной книгой монастыря (л. 371—372) и описью книгохранительницы 1641 г. (л. 308 об.). При этом устанавливается, что за Симоном Азарьиным записана часть книг, вложенных в 1640 г. Иваном и Степанидой Азарьиными по Михайле Азарьине. Эта ошибка тем легче была допущена, так как во вклад-

¹³ Псалтырь. Москва, 4 июня 1634 — ГБЛ. Отдел редких книг, Троицк. отд. 4, № 1735, инв. 3917. Выявление книг Симона Азарьина в Отделе редких книг ГБЛ и аннотация печатных книг здесь и далее выполнены Т. Н. Каменевой.

ных записях на книгах, данных по Михайле Азарьине, не упоминаются имена вкладчиков. Опись 1701 г. называет вкладом Симона Азарьина еще и псалтирь с воследованием, она записана и в числе вновь прибывших книг описи книгохранительницы 1641 г., но без какого-либо указания на имена. Данные описи 1701 г. представляются сомнительными. Следовательно, безошибочно можно говорить только о двух прижизненных вкладах книг Симоном Азарьиным в Троице-Сергиев монастырь.

О книгах, взятых в монастырь после смерти Симона Азарьина, можно судить по материалам описи 1701 г.¹⁴ В ней в описи книгохранительницы (ед. хр. 27, л. 238—287) приведен список книг, оставшихся после смерти Симона Азарьина (л. 272 об.—276 об.).¹⁵ Списку предшествует заголовок: «Да книг вкладных, что остались после бывшего келаря старца Симона Азарьина. И написаны особы меж главами». Список содержит наиболее полные сведения о келейной библиотеке Симона Азарьина. Представляется следующий путь ее движения: в 1665 г. после смерти владельца она поступила в казну, а в 1674—1676 гг. вместе с другими книгами казны — в книгохранительницу монастыря.¹⁶

В список включено 97 книг, записанных в 95 глав (глава — статья описания, в двух главах записано по две книги, в остальных — по одной), в их числе 67 рукописных, 26 печатных и 4 — точно не определяющихся.¹⁷

¹⁴ Опись составлена в Троице-Сергиевом монастыре по указу Петра I и грамоте Монастырского приказа. Как и опись 1641 г., она дает комплексное описание монастыря.

¹⁵ Список дан в Приложении к статье.

¹⁶ Составители описи 1701 г. пользуются описью книгохранительницы 1695 г., в ней прослеживается путь ее складывания и вместе с тем история комплектования библиотеки монастыря во второй половине XVII в. В основе лежит опись 1650-х гг. (л. 238 об.—269); в ней в свою очередь определяется пласт описи книгохранительницы 1641 г. (л. 238—259 об.) и опись поступлений до конца 1650-х гг. (л. 259 об.—269), среди них — новые вклады в монастырь этого времени и в основном книги, поступавшие в монастырь ранее и по тем или иным причинам ушедшие из монастыря и затем возвращенные в него, или книги, оставшиеся в казне. В числе книг, поступавших в монастырь ранее, записаны и книги, вложенные Иваном и Степанидой Азарьиными в 1640 г. и ошибочно приписанные составителями описи ко вкладу Симона Азарьина под заголовком: «Да дачи казначея старца Симона Азарьина в дом живоначальные Троицы по брате своему Михайле Азарьине печатных и писменных книг во 148 году» (л. 265—265 об.), и книги, непосредственно идущие за ними, также раннего, до 1650-х гг., поступления в монастырь под заголовком: «Да старых харатейных книг» (л. 265 об.—269). Опись 1650-х гг. дополняется списками книг, поступавших при сменяющихся друг друга книгохранителях — Иосифе Нижегородце (упоминается в 1658—1662 гг., см.: Арсений. Летопись наместников, келарей, казначеев, ризничих, экономов и библиотекарей Троице-Сергиевой лавры), Иоасафе Константиновском (упоминается в 1673 г., см.: Арсений. Летопись...), Герасиме Махрицком, Васьяне (в тексте описи упоминается 1676 г.), Геронтии, Феофиле (последние четыре у Арсения в «Летописи» не упоминаются). Перечень книг библиотеки Симона Азарьина помещен в описи книг, поступивших при Герасиме Махрицком. Примечательно, что, начиная от Иоасафа Константиновского, основу новых поступлений, что отмечено описью, составляли книги, пришедшие в книгохранительницу из казны и ризницы монастыря.

¹⁷ За списком книг Симона Азарьина следует перечень еще 7 книг (6 из них записаны в одной главе), им предпослан заголовок, содержание которого позволяет с одинаковым основанием считать их или книгами, оставшимися после Симона Азарьина в составе его библиотеки, или книгами, выявленными в книгохранительнице монастыря при отписывании ее книгохранителем Герасимом Махрицким книгохранителю черному священнику Васьяну. Заголовок и перечень книг следующие: «Да против прежних отписных книг написано шесть книг, а на них числ не написано. Книга Трефолю писменой в полдесть. Книга Святы писменные в четверть. Книга Апостол писменой в полдесть, ветх. Книга Сборник харатейной в четверть. Книга Псалтир писменная в полдесть, заставицы и строки писаны золотом. Книга Беседы евангелские, оболочена в затылок, писменная, ветха. Всем одна глава. Книга Часослов печатной, в десть».

Часть библиотеки Симона Азарьина сохранилась до наших дней.¹⁸ Взяв ее за основу и сопоставив с описанием 1701 г., можно установить общие признаки книг из библиотеки Симона Азарьина.

На них всех имеются вкладные записи единого содержания: «Лета 7173 дал в дом живоначальные Троицы в Сергиев монастырь сию книгу (далее не на всех книгах следует название, — *Е. К.*) келарь старец Симон Азарьин во веки неотемлемо никому»; записи расположены на нижнем поле листов, написаны через лист, скорописью и, по-видимому, являются автографом Симона Азарьина. (Наличие их позволяет дать следующее толкование заголовку списка книг в описи 1701 г.: книги вкладные, но вместе с тем остались «после Симона Азарьина»; не означает ли эта формулировка того, что библиотека была подготовлена к вкладу, но передать ее монастырю владелец не успел, и книги поступили в казну как выморочное имущество).

Заголовок списка книг в описи 1701 г. говорит о том, что книги Симона Азарьина «написаны особы меж главами», т. е. они не были включены в общий порядковый счет и имели свою собственную нумерацию. И действительно, на обратной стороне верхней крышки переплета проставлены буквенной цифирью номера глав, соответствующие порядку записи книг Симона Азарьина в описи 1701 г. Наиболее вероятно, что нумерация книг была проведена при поступлении их в монастырскую казну в 60-е гг. XVII в. Та же группа книг Симона Азарьина определяется и в описи книгохранительницы монастыря 1723 г.¹⁹ (ближайшей к описи 1701 г. из дошедших до наших дней), в ней они записаны в той же последовательности за главами 769—856, эти номера глав также проставлены на книгах Симона Азарьина на обороте верхней крышки переплета или на первом форзацном листе.²⁰

В описи 1701 г. указан и еще ряд обязательных элементов описания книг Симона Азарьина: содержание, способ создания (рукописная или печатная), формат, язык.

Все названные признаки позволяют точно привязать книги Симона Азарьина, дошедшие до нашего времени, к описи 1701 г. и отметить следующие существенные моменты.

К 1701 г. из библиотеки Симона Азарьина выбыло не менее 4 книг за следующими номерами учета 60-х гг. XVII в.: одним из 2-х — 21-м или 22-м, одним из 5-ти — 37-м, 38-м, 39-м, 40-м, 41-м, одним из 10-ти — 72-м, 73-м, 74-м, 75-м, 76-м, 77-м, 78-м, 79-м, 80-м, 81-м, одним из 9-ти — 89-м, 90-м, 91-м, 92-м, 93-м, 94-м, 95-м, 96-м, 97-м.

Пометы монастырского учета 60-х гг. XVII в. и 1723 г. отсутствуют на 9 существующих в настоящее время рукописях, утративших подлинные переплеты и защитные листы.²¹ Все они сопоставляются с описью 1701 г. по другим отмеченным выше признакам.

¹⁸ См.: Арсений. Описание славянских рукописей библиотеки Троице-Сергиевой лавры. М., 1878; Леонид. Сведения о славянских рукописях, поступивших из книгохранительницы Троицкой Сергиевой лавры в библиотеку Троицкой духовной семинарии в 1747 г. М., 1887; К. Калайдович, П. Строев. обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся... в библиотеке... Федора Андреевича Толстова. М., 1825, с. 574; А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII веков. СПб., 1903, с. 103—104; Л. Н. Пушкин-Карев. Рукописи житийного содержания ЦГАЛИ.— ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, с. 549.

¹⁹ ГБЛ, ф. 304, № 822.

²⁰ На книгах, принадлежавших Симону Азарьину, проставлены номера монастырского учета второй половины XVIII в. и XIX в.; они в настоящей статье не рассматриваются.

²¹ ЦГАДА, ф. 187, ед. хр. 36; ГБЛ, ф. 304, № 6, 634; ф. 173, № 174, 203, 223, 224, 201; ГПБ, О.1.52.

О двух рукописях нужно сказать особо.

Одна из них — известный сборник, в состав которого входят «Повесть о разорении Московского государства и всея Российские земли...»,²² извлечение из сочинения польского историка Александра Гваньини и т. д. (ГБЛ, ф. 173, № 201). Сборник переплетен заново в XVIII в., его листы подрезаны, так что на нем нет ни вкладной записи, ни номеров XVII в. и 1723 г. Однако сопоставление содержания сборника со статьями описания 1701 и 1723 гг. говорит о бесспорной его принадлежности библиотеке Симона Азарьина. (Содержание сборника по первым трем произведениям: Список игуменов Троице-Сергиева монастыря, Повесть о Крестном монастыре, Повесть о Разорении Московского государства и всея Российския земли, в 4°; статья описания 1701 г.: «Книга Сборник, в начале степенным игуменом Троицкого Сергиева монастыря», предполагаемая глава 60-х гг. XVII в. — 47; статья описания 1723 г.: «Книга Сборник писменной, в полдествь, в начале степенным игуменом Троицкого Сергиева монастыря, и о Кресном монастыре, и Повесть о разорении Московского государства и всеа Росииской земли», глава 810).

Вторая рукопись — Святцы, в 8° (ГПБ, О.1.52; из библиотеки Ф. А. Толстого); она, по-видимому, также была переплетена заново в XVIII в. и утратила при этом номера монастырского учета XVII в. и 1723 г. но вкладную запись Симона Азарьина сохранила. Однако в списке книг 1701 г. святцев, соответствующих настоящим по содержанию или размеру, нет. Сомнений же в принадлежности их библиотеке Симона Азарьина не возникает, поэтому возможны следующие два предположения: указанные Святцы могут быть одной из 4 рукописей, выбывших из библиотеки Симона Азарьина к 1701 г., или же это они названы в числе 7 книг, записанных вслед за списком книг, оставшихся после Симона Азарьина, и в этом случае все они входили в его библиотеку. На Святцах есть и вторая запись, владельческая, говорящая о принадлежности их доли после Симона Азарьина Ивану Алексеевичу Воротыньскому (умер в 1679 г., а вклад его в Троице-Сергиев монастырь 1670 г. значится во Вкладной книге монастыря).

Сопоставление существующих рукописей с описательными статьями 1701 г. позволяет точно определить Книгу о строении ратном и о всяком зелейном пороховом уставлении и ядрах пушечных верховых (предполагаемая глава 60-х гг. XVII в. — 44, глава 1723 г. — 807) как «Воинский устав царя Василия Иоанновича Шуйского 1607 года» (Казань, Науч. б-ка им. Н. И. Лобачевского, № 4550; на рукописи проставлены указанные номера и имеется вкладная запись Симона Азарьина установленной формы).²³

И еще об одной рукописи — Часословце (ГБЛ, ф. 304, № 354). Она не проходит в списке книг, оставшихся после Симона Азарьина, но несомненно ему принадлежала. На ней имеются две владельческие записи: «Сия книга Чесослов живоначальные Троицы Сергиева монастыря келаря старца Симона Азарина» и «Чесослов живоначалныя Троицы Сергиева монастыря келаря старца Симона Озарина». Скоропись первой записи близка к почерку вкладных записей Симона Азарьина.

Итак, можно говорить о келейной библиотеке Симона Азарьина, в состав которой входило не менее 102 или даже 109 книг. Библиотека срав-

²² Сочинение, белой автограф Симона Азарьина, см.: Н. М. Уварова. Симон Азарьин как писатель...

²³ Указанные данные сообщены заведующим Отделом рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского В. В. Аристовым, он же сообщает, что рукопись поступила в Казань в составе собрания Г. А. Потемкина-Таврического.

нительно хорошо сохранилась, 51 книга из нее известна на настоящее время.²⁴

Тематический состав библиотеки Симона Азарьина весьма разнообразен: произведения исторические и литературные, большое число учебных книг, произведения протестантские, книги богослужебные, книги на греческом, польском и немецком языках. Подбор книг библиотеки в определенной мере раскрывает личность и самого Симона Азарьина.

Летописец «со многими изыскиванными приписями» (гл. 10), по-видимому, мог бы раскрыть своеобразную творческую лабораторию писателя, его стремление изучить и осмыслить русскую историю, о том же говорит и наличие в библиотеке Космографии (гл. 94 или 95), книги «История еллинских писателей» (гл. 66), сочинений Александра Гваньини (гл. 47), Георгия Писиды (гл. 37 или 38).

В библиотеке находилась одна Псалтирь на русском, греческом и польском языках, другая — на русском и греческом (гл. 1, 11), Канонник, Часослов, Октоих и литургия на греческом языке (гл. 52, 72, или 73, 76, или 77, 75, или 76), «Камень» и «Космография» на польском языке (гл. 20, 94 или 95), Лексиконы на немецком и польском языках, Азбука польская (главы 95 или 96, 92 или 93). Вероятно, Симон Азарьин и знал, и изучал греческий, польский и, возможно, немецкий языки. Наличие же в библиотеке русских грамматик, азбук, лексиконов (гл. 34, 35, 67, 68, 86) характеризует его как человека, постоянно совершенствующего свои знания русского языка. Исключительный интерес представляет также наличие в библиотеке Симона Азарьина сборника языковедческого характера, в составе которого находится один из списков «Толка языка половецкого» (гл. 49).²⁵

В библиотеке представлена большая группа сочинений протестантских, направленных против католицизма, лютеранства, униатства, учения Феодосия Косого и русского еретичества, — самостоятельные рукописи и в составе сборников. Среди них «Сказание вкратце о латынех, како отступила от православных патриархов и извержены быша от первенства святаго» (гл. 90 или 91), Сказание о Флорентийском соборе 1439 г., принявшем унию об объединении церковью восточной и западной, и низложении митрополита Исидора, подписавшего унию (гл. 90 или 91, 80 или 81), шкрипт-протест группы православных членов Берестийского собора против принятия унии 1596 г. (гл. 36), сочинения Константина Острожского, борца против унии (гл. 71), сочинения униатского проповедника Кассиана и Катехизис Симона Будного, сторонника реформации Мартина Лютера, с «обличительными словами» на их ересь (гл. 51), трактат Ивана Наседки против протестантства (гл. 26, 37 или 38), сочинения Иосифа Волоцкого и Зиновия Отенского (гл. 8, 23). Целенаправленность подбора протестантских сочинений и систематическое пополнение библиотеки сочинениями и переводами XVII в. говорят о большом значении, придаваемом Сином Азарьиним полемической борьбе с различного рода религиозными концепциями и его глубоким знаниях этого вопроса.

По библиотеке Симона Азарьина можно судить об укреплении культурных связей с Украиной, Литвой; она активно пополняется изданиями

²⁴ ГБЛ, ф. 173, № 8, 10, 32, 38, 61, 81, 83, 140, 147, 167, 172, 174, 177, 188, 195, 199, 201, 203, 213, 219, 223, 224, 232, 233, ф. 304, № 6, 37, 62, 70, 151, 195, 354, 379, 383, 430, 445, 634, 689, 697, 709, 714, 810, 811, 812; ГБЛ, Отдел редких книг, МДА, 1608 и 1292, № 6494; Троице-Сергиева лавра, № 2588, 2598; Вифанская духовная академия, № 2629; ЦГАДА, ф. 187, ед. хр. 36; ГПБ, О.1.52; Науч. б-ка им. Н. И. Лобачевского в Казани, № 4550.

²⁵ М. П. Алексеев. Словари иностранных слов в русском азбучковике XVII века. Л., 1968, с. 25.

или рукописными книгами киевскими, виленскими, львовскими. Показателен в этом свете факт наличия в библиотеке Симона Азарьина Патерика Киево-Печерского редакции Иосифа Тризны, в статье его описания в описи 1701 г. подчеркивается, что он «нововывезен ис Киева» (гл 5). Симоном Азарьиным, по-видимому, были организованы перевод и переписки книг, поступивших с запада. Так, в его библиотеке были Зерцало Богословия Кирилла Транквиллиона, напечатанное в Почаеве, и «Зерцало Мирозрительное... и другое Зерцало о благословении, списываны с печатных литовских» (гл. 60, 27), «Камень» на польском языке и он же рукописный на русском языке (гл. 20, 4).

В библиотеке представлены и собственные сочинения Симона Азарьина, хотя вызывает недоумение отсутствие в ней Жития Дионисия. Не было ли оно одной из 4 рукописей, выбывших из библиотеки к 1701 г.? Однако нужно отметить, что среди известных списков Жития принадлежавшего библиотеке Симона Азарьина нет.²⁶

В целом библиотека Симона Азарьина собрана владельцем сугубо целенаправленно и отвечает его писательским интересам, запросам как лица духовного и крупного деятеля православной церкви.

Итак, изучение делопроизводственных документов XVII—начала XVIII столетия дало возможность более глубоко раскрыть жизнь и деятельность Симона Азарьина, примечательной личности своего времени, поставить вопрос о преемственной зависимости его основных общественно-политических и эстетических взглядов от архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия Зобниновского и, наконец, установить наиболее полный состав личной библиотеки Симона Азарьина.

²⁶ См.: О. А. Белоброва. Портретные изображения Дионисия Зобниновского. — В кн.: Сообщения Загорского государственного историко-художественного музея-заповедника, вып. 3. Загорск, 1960, с. 176.

ПРИЛОЖЕНИЕ

**СПИСОК КНИГ БИБЛИОТЕКИ СИМОНА АЗАРЬИНА
ПО ОПИСИ КНИГОХРАНИТЕЛЬНИЦЫ ТРОИЦЕ-СЕРГИЕВА МОНАСТЫРЯ
1701 г.**

Листы	Название	Номер по учету 60-х гг. XVII в. ¹	Номер по описи 1723 г.	Современный шифр
л. 238	Да в книгохранительной казне старых и новых печатных и письменных книг			
л. 272 об.	Да книг вкладных, что остались после бывшего келаря старца Симона Азарьина. И написаны особы меж главами			
	Книга на трех языках, в десть, письменная	1	769	ГБЛ, ф. 173, № 10
	Книга Уложение соборное, в десть, печатная ²	2 (?)	770	
	Книга Лествица, письменная, толковая, в десть	3	771	ГБЛ, ф. 173, № 38
	Книга письменная, в десть, на Касьянову ересь, именуема Камень	4	772	ГБЛ, ф. 173, № 83
	Книга Патерик Печерской полной, письменной, в десть, нововывезен ис Киева	5	773	ГБЛ, ф. 304, № 714
	Книга Шестьдней Василия Великого, в ней же Песни Песням, толковое, в десть	6	774	ГБЛ, ф. 173, № 32
л. 273	Книга Андреягис, письменной, в десть	7	775	ГБЛ, ф. 304, № 151
	Книга преподобнаго Зиновия на новоявльшюся ересь, в десть	8	775	ГБЛ, ф. 173, № 61
	Книга именуема Рушка, в десть Григорья архиепископа Селунскаго на латынь	9	776	ГБЛ, ф. 173, № 81
	Книга Летописец со многими изыскиваными приписями, в десть, в начале от Гранографа	10 (?)	—	
	Псалтирь греческая речь, а другая руская, в десть	11	778	ГБЛ, ф. 173, № 8
	Книга Макария Египетина, в полдесть, печать литовская ³	12	779	ГБЛ, Отдел редких книг, МДА, № 6494
	Книга Златоуст Освящение, в полдесть, печать литовская ⁴	13 (?)	780	
	Книга о Варламе и Иоасафе, в полдесть, печатная ⁵	14 (?)	781	
	Книга Канонник, печать литовская, в полдесть, на всю седмицу, с кондаки и с ыкосы	15 (?)	782	
л. 273 об.	По прежним книгам отписан был Канонник печатной переплетен надвое, в полдесть, а по досмотру одна книга	16 (?)		

¹ Номера книг по монастырскому учету 60-х гг. XVII в. указаны существующие и предполагаемые.

² Уложение царя Алексея Михайловича. М., 29 I 1649. Помета в описи 1723 г.: «Соборное уложение взято рязанским епископом Гавриилом, бывшим архимандритом Троице-Сергиева монастыря, в Санкт-Петербург».

³ Макарий Египетский. Беседы. Вильно, 1627.

⁴ Иоанн Златоуст. О священстве. Львов, 1614.

⁵ История о Варлааме и Иоасафе. Кутейн, 1627.

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

Листы	Название	Номер по учету 60-х гг. XVII в.	Номер по описи 1723 г.	Современный шифр
л. 273 об.	Книга Шестоднев, письменной, в полдесть	17	784	ГБЛ, ф. 304, № 383
	Псалтирь толковая, в полдесть	18	785	ГБЛ, ф. 173, № 140
	Книга Аввы Дорофея, печать литовская ⁶	19	786	ГБЛ, Отдел редких книг, МДА, № 1608, 1292
	Книга, именуемая Камень, на польской язык	20 (?)	787	
	Пролог в лицах, мучение святых, в полдесть	21 (?)	—	
	Книга преподобнаго Иосифа Вологодткого, именуема Просветитель	22 (?)		
	Книга житие пресвященнаго Филиппа митрополита, в полдесть	23	789	ГБЛ, ф. 173, № 172
	Книга Толкование апостольское церкви, в полдесть	24	790	ГБЛ, ф. 304, № 697
	Книга 47 глав, изложение известное на ереси, в полдесть	25 (?)		
	Книга 47 глав, изложение известное на ереси, в полдесть	26	792	ГБЛ, ф. 173, № 177
л. 274	Книга Зерцало мироозрительное, в ней же и дру гое Зерцало о благословении, списываны с печатных литовских	27	793	ГБЛ, ф. 304, № 195
	Книга служба и житие Зосимы и Саватия Соловецких, в полдесть	28 (?)	794	ГБЛ, ф. 304, № 634
	Книга Соборник, в полдесть, писана уставом	29 (?)	—	
	Книга Соборник ж, в полдесть, писан уставом, в начале о седми соборех	30	795	ГБЛ, ф. 173, № 195
	Книга Соборник скорописной, в полдесть, в начале Аврамя Антиохискаго	31	795	ГБЛ, ф. 304, № 709
	Книга приходящих от розных вер	32	797	ГБЛ, ф. 173, № 188
	Псалтирь письменная, в полдесть, перевод Максима Грека	33	798	ГБЛ, ф. 304, № 62
	Книга Грамматика, печать московская, в полдесть ⁷	34 (?)	799	
	Книга Грамматика, печать московская, в полдесть ⁸	35	800	ГБЛ, Отдел редких книг, Вифанская дух. акад., № 2629
	Книга, именуемая Шкрит, в полдесть, Синодобезустеннаго, печатная	36 (?)	801	
л. 274 об.	Книга 14 глав на икоборцы, в ней же Слова Григория Писидискаго	37 (?) (38) (?)		ГБЛ, ф. 173, № 174
	Книга Лечебник, в полдесть	38 (?)	—	
	Книга Старчество полное с приписными словами, в полдесть, письма устав	39 (?)		
	Книга Старчество полное с приписными словами, в полдесть, письма устав	40 (?)	803	
	Книга Вертоград душевных, в полдесть, печать киевская ⁹	40 (?)	804	
		41 (?)		

⁶ Аввы Дорофея. Поучения. Типография лавры. Киев, 1628, первое издание. (Приплет: Агапита диакона. Главизаны поучительныя к Юстиниану царю. Типография лавры. Киев, 1628, первое издание).

⁷ Мелетий Смотрицкий. Грамматика. М., 2 II 1648.

⁸ То же.

⁹ Вертоград душевный. Типография братская. Вильно, 1620.

П Р И Л О Ж Е Н И Е (продолжение)

Листы	Название	Номер по учету 60-х гг. XVII в.	Номер по описи 1723 г.	Современный шифр	
л. 274 об.	Книга Обиход кириловской в полдесть	41 (?) 42 (?)	805		
	Книга осмочасная преподобнаго Иоанна Дамаскина о житии его	43	806	ГБЛ, ф. 173, № 147	
	Книга о строении ратном и о всяком зелейном пороховом уставлении и ядрах пушечных верховых, в полдесть ¹⁰	44	807	Казан. науч. б-ка им. Н. И. Лобачевского, Отдел рук. и редк. кн., № 4550	
	Книга в полдесть, Составление Фомы о подражении добродетелей, переведено наново	45	808	ГБЛ, ф. 173, № 167	
	Книга в полдесть, вопросы и ответы з датцкими немцы	46(?)	—		
	Книга Соборник, в начале степенным игуменом Троицкого Сергиева монастыря ¹¹	47 (?)	810	ГБЛ, ф. 173, № 201	
	Книга в полдесть царевича Иоасафа о житии его	48	811	ГБЛ, ф. 304, № 689	
	Книга Соборник; писан с князь Семеновы книги Шаховского, в полдесть, в коже	49	812	ГБЛ, ф. 173, № 213	
	Книга послос московских к турскому салтану, в полдесть	50	813	ГБЛ, ф. 173, № 219	
	л. 275	Книга, именуемая Катихисис на богохульнаго еретика Мартиниана Лютора, на полях мечены слова обличительны на его ересь; в ней же другая книга Касьяна еретика. Имущим разомом благовестны чести книги, еже опчим ересь обличит	51 (?)	814	ГБЛ, ф. 173, № 223
		Книга Канонник, в полдесть, печатной, на греческом языке	52 (?)	815	
		Книга Евангелие, письменное, в четверть	53	816	ГБЛ, ф. 304, № 70
		Книга Апостольское деяние и седм соборных посланий толковых, переплетен, долгонек	54 (?)		
Книга Грамматика, письменная, в четверть, в начале Мерило праведное		55 (?)	817		
Книга Ирмолой с Октаем и Стихираль знаменной, Октай полной знаменной певчей		56	819	ГБЛ, ф. 304, № 430	
Книга Троицник, письменной, в четверть		57	818	ГБЛ, ф. 173, № 233	
●	Книга Житие преподобнаго Иосифа Волоцкого	58 (?)	820	ЦГАДА, ф. 187, ед. хр. 36	
	Книга Апоколиписис, в четверть, харатейной	59 (?)	821	ГБЛ, ф. 304, № 6	
	Книга Зерцало мирозрительное, печатная, в четверть ¹²	60 (?)	822		

¹⁰ Воинский устав царя Василия Иоанновича Шуйского 1607 года.

¹¹ Статья описания в описи 1723 г. следующая: «Книга Соборник письменной, в полдесть, в начале степенным игуменом Троицкого Сергиева монастыря, и о Кресном монастыре, и Повесть о разорении Московского государства и всеа Росийской земли».

¹² Зерцало Богословия Кирилла Транквиллиона. Почаев, 1618, или Диоптра, Кутейн, 1652 и 1654.

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

Листы	Название	Номер по учету 60-х гг. XVII в.	Номер по описи 1723 г.	Современный шифр	
л. 275 об.	Книга Стихараль харатейной, в осьмушку, в начале Страсти Господни	61 (?)	823		
	Книга Алфавит духовный, письменной, в четверть	62 (?)	824		
	Книга Соборник, письменной, в четверть	63	1027 ¹³	ГБЛ, ф. 304, № 812	
	Книга Святцы скорописные с летописцем	64 (?)	826		
	Книга Собрание краткие науки, в четверть, печатной ¹⁴	65 (?)	—		
	Книга История еллинских списателей, в переплете, долгонька	66 (?)	827		
	Книга Грамматика, в четверть, печатная, Мелетия Смотрискаго ¹⁵	67 (?)	828		
	Книга Грамматика, в четверть, печатная, Зизаниева ¹⁶	68 (?)	829		
	Книга Святцы, в четверть, обиход естеством, в начале Пасхалия	69 (?)	830		
	Книга Соборник, в четверть, в начале служба воскресная	70 (?)	831		
	Книга письменная, 6 глав князь Константина Острожского о христианском житии и о вере	71	832	ГБЛ, ф. 173, № 232	
	Книга Часословец, в четверть, греческая печать	72 (?)	833		
	л. 276	Книга Святцы с летописцем, письменные, в осьмуху	73 (?)	—	
		Образ Макария Калязинского, в осьмушку, в начале молитвы	74 (?)	—	
		Книга-тетратка, вечерня и утреня и литургия, греческая печать	75 (?)	835	
		Книга Октай, греческая печать, в четверть	76 (?)	836	
		Книга Молитвы плачевны вечерни, печать литовская, в четверть.	77 (?)	837	
Книга Октай знаменной, в осьмушку		78 (?)	838		
Книжица в четверть, литовская, о образех и о крестех и о протчих		79 (?)	—		
Книга о чудесах пресвятая богородицы и о московских митрополитех и о чудесах их, в полдесть		80 (?)	840	ГБЛ, ф. 304, № 811	
Книга Шестоднев, письменная, в десть		81 (?)	841	ГБЛ, ф. 304, № 379	
Книга Миняя общая, печатная, в полдесть ¹⁷		82	841		
Книга Трефолой, письменной, в четверть		83 (?)	—		
Книга Патерик, харатейной, в десть		84 (?)	843		
		85	844	ГБЛ, ф. 304, № 307	

¹³ В описи 1723 г. за № 1027 записано: «135 книг полдестеевых письменных разными имяны, ветхи, на всех одна глава».

¹⁴ Петр Могила. Собрание краткой науки об артикулах веры. Львов, 1646 или Киев, 1645.

¹⁵ Мелетий Смотрицкий. Грамматика. М., 2 II 1648.

¹⁶ Лаврентий Зизаний. Грамматика. Евье, 1619.

¹⁷ Миняя общая. М., 1618. Иосифа Кириллова.

ПРИЛОЖЕНИЕ (продолжение)

Листы	Название	Номер по учету 80-х гг. XVII в.	Номер по описи 1723 г.	Современный шифр
л. 276	Книга Алексикон, печать литовская, в полдесть ¹⁸	86 (?)	845	
	Две книги Анфавиты, письменные, один в полдесть, а другой в десть, обею одна глава	87	846	ГБЛ, ф. 173, № 199, в 4 ^о
	Книга письменная, в полдесть, соборной церкви Владимирской и о митрополитех владимирских	88	847	ГБЛ, ф. 304, № 810
л. 276 об.	Книга О новых чудесах великого чудотворца Сергия, письменная, в полдесть	89 (?)	849	ГБЛ, ф. 173, № 203
	Книга Сборник, письменной, в полдесть	90 (?)		
	Книга Осадное сидение, письменной, в полдесть	91 (?)	850	ГБЛ, ф. 173, № 224
	Книга Осадное сидение, письменной, в полдесть	91 (?)	851	
	Книга Азбука польская	92 (?)	852	
		93 (?)		
	Книга, печать польская, в четверть	93 (?)	853	
		94 (?)		
	Книга Козмография на польском языке, в полдесть	94 (?)	854	
		95 (?)		
	Книга ветха, в десть, немецким и польским языком ¹⁹	95 (?)	855	
		96 (?)		
	Книга Стихараль на 8 гласов, в осьмушку	96 (?)	856	
		97 (?)		
	Книга Октай знаменной, в четверть	98	1031 ²⁰	ГБЛ, ф. 304, № 445
	Книга Пролог с марта по сентябрь, в дву книгах, печатной, в десть ²¹	99		ГБЛ, Отдел редких книг, Троице-Сергиева лавра, № 2588, 2598

(ЦГАДА, ф. 237, Монастырский приказ, оп. 1, ед. хр. 27, л. 272 об.—276 об.).

¹⁸ Лексикон, Киев, 1627 или перепечатка — Кутейц, 1653.

¹⁹ Статья описания в описи 1723 г. следующая: «Книга Алексикон, в десть, немецким и польским языком, печатная».

²⁰ В описи 1723 г. за № 1031 запись большой группы ветхих книг.

²¹ Пролог март—май. М., 17 III 1662; Пролог июнь—август. М., 17 III 1662.

Л. В. СОКОЛОВА

Две русские редакции XVII века Повести об Аполлонии Тирском

Повесть об Аполлонии Тирском,¹ восходящая к эллинистическому роману II—III в. н. э., пришла в русскую литературу в XVII в. Она была переведена с польского языка в составе сборника «Римские деяния». На русской почве повесть, выделившись из состава «Римских деяний» (далее: РД), претерпела настолько существенные изменения, что о двух русских редакциях исследователи долго говорили как о двух переводах, причем даже с разных языков: с польского (о повести в составе РД или выписанной оттуда) и с чешского (о тексте, отличном от входящего в РД и встречающемся исключительно вне состава РД: в отдельных списках или в составе литературных сборников непостоянного состава). Проведенное нами сравнение чешской и польской редакций с двумя русскими текстами подтвердило мнение чешских ученых М. Мурко и Ю. Поливки,² что был один перевод повести на русский язык, и именно в составе РД.³ К тексту, входящему в РД,⁴ восходит и текст, отличный от него, опубликованный по одному из списков Н. С. Тихонравовым.⁵ Это две русские редакции XVII в. Повести об Аполлонии Тирском. Мы будем называть эти редакции соответственно редакцией РД (далее: ред. РД) и Тихонравовской редакцией (далее: ред. Т). Название «Тихонравовская» принято в связи с тем, что эта редакция была известна в литературе преимущественно по публикации Н. С. Тихонравова, хотя список, положенный ученым в основу публикации, не является лучшим ни по древности, ни по качеству текста.

В XVIII в. и та и другая редакции продолжали переписываться, на их основе возникали новые переработки, которые довольно устойчиво делятся на две группы в зависимости от того, к какой редакции они восходят.

¹ В русских списках повести, так же как в польских и чешских, главный герой носит имя «Аполлон». Тем не менее по традиции русских и советских медиевистов мы будем называть его «первоначальным» именем — Аполлоний, которое читаем в латинской редакции.

² J. Polívka. Ještě slovo k románu o Apollonovi, králi Tyrském. — In: Drobné příspěvky literárně-historické, č. I—IV. Praha, 1894; M. Murko. Die russische Übersetzung des Apollonius von Tyrus und der Gesta Romanorum. — Arch. f. slavische Philol., Berlin, 1892, Bd 14, H. 3. Позднее к их мнению присоединился и Н. Нильсон: N. A. Nilsson. Die Apollonius-Erzählung in den slavischen Literaturen. — Труды по славянской филологии, изд. русским институтом при Стокгольмском университете, т. 3, Uppsala, 1949.

³ Подробней об этом см.: Л. В. Соколова. Об источнике перевода повести об Аполлонии Тирском. — ТОДРЛ, т. XXXII. Л., 1977, с. 342—355.

⁴ См.: Римские деяния (Gesta Romanorum). ОЛДП, вып. V. СПб., 1877, с. 1—61.

⁵ Н. С. Тихонравов. Повесть об Аполлоне Тирском. — В кн.: Летопись русской литературы и древностей, т. I, ч. 2. М., 1859, с. 6—33.

В данной статье мы остановимся на сопоставлении двух первых русских редакций повести, стремясь охарактеризовать те изменения, которые внес в текст ред. РД создатель ред. Т.

О различии указанных редакций писали Ю. Поливка, М. Мурко, касался этого вопроса также Н. Нильсон. Тем не менее изучение данного вопроса нельзя считать законченным.

Работа Ю. Поливки⁶ в основном лишь устанавливает сумму отличий двух редакций. Автор не «всматривается» в редакционные изменения, не анализирует их. М. Мурко,⁷ как бы продолжая работу Ю. Поливки, пытается классифицировать изменения, внесенные в текст повести создателем ред. Т. Он выделяет частичную русификацию и христианизацию повести, кроме того, отмечает стилистическое своеобразие новой редакции: детально анализирует церковнославянский язык этой редакции, указывает на характерные для этого текста синонимические ряды и плеонастические выражения.

Но стилистическое своеобразие ред. Т нельзя свести только к указанным языковым особенностям. Автор пересказывает произведение не просто другим языком, но и в иной стилистической манере, с ориентацией на определенные литературные каноны своего времени. Кроме того, анализируя язык повести вне «стилистической системы»⁸ произведения, автор не всегда видит художественное назначение языковых средств.

Это побуждает вновь вернуться к рассмотрению различий двух русских редакций XVII в. Повести об Аполлонии Тирском. Мы охарактеризуем идеологическую позицию автора ред. Т и отметим некоторые стилистические особенности этой редакции.

Прежде всего о том, что М. Мурко назвал христианизацией повести (*Die Christianisierung des Werkes*).

Правильнее, на наш взгляд, говорить не о христианизации произведения, а о привнесении в текст языческой в своей основе повести новых (по сравнению с ред. РД) христианских мотивов и элементов.

Вкрапление в текст «христианских» добавлений началось еще в латинской «Истории».⁹ В западнославянских редакциях повести хотя и были значительно сокращены языческие элементы, основа повести осталась языческой, поэтому и здесь наблюдается смешение христианских и дохристианских мотивов. Русский переводчик (ред. РД) передает эту двойственность понятий и представлений. Но свое христианское мировосприятие он выражает в конце повести следующим замечанием: «Сие было до воплощения господа бога и Спаса нашего Иисуса Христа, егда идола почитаемы были от язык» (ред. РД, с. 61).¹⁰

В ред. Т значительно возрастают христианские мотивы, а также активизируется христианская позиция самого автора. Она выражается, например, в авторских «комментариях», подчеркивающих дохристианское время действия в повести: «... понеже [бе] тогда безбожное время, сквернии [бо] идоли почитахуся, вси же творяху по воли своего сердца, скотски [лагодящи] своей плоти» (с. 7); или: «... понеже в то время многобожие

⁶ J. Polívka. Ještě slovo k románu o Apollonovi...

⁷ M. Murko. Die russische Übersetzung des Apollonius von Tyrus...

⁸ И. П. Еремин. Новейшие исследования художественной формы древнерусских литературных произведений. — В кн.: Литература Древней Руси. (Этюды и характеристики). М.—Л., 1960, с. 237.

⁹ См. об этом: Т. И. Кузнецова. Сказочный роман. «История Аполлония, царя Тирского». — В кн.: Античный роман. М., 1969, с. 140—141.

¹⁰ Здесь и далее текст ред. РД цитируется по указанному изданию ОЛДП. Текст ред. Т цитируется далее по указанному изданию Н. С. Тихонравова. В единичных случаях и в тот и в другой текст вносятся необходимые исправления по другим спискам. Такие исправленные слова выделяются квадратными скобками.

бысть, и чистыя вдовы вместо [жрецов] (се есть попов) [употребляху]» (с. 20).

Дохристианское время действия в повести автор подчеркивает также заменой определения «греческий», относящегося к царю Антиоху, на «еллинский», которое имело дополнительное значение — «языческий».

Интересна и замена общехристианских и католических обозначений храма (и в том и в другом случае следов западноевропейской обработки повести), а также слова «боги» на соответствующие слова-синонимы со стилистической окраской, служащие для обозначения языческого храма и языческих богов, например: «храм идольский» (ред. Т, с. 8) вместо «костел» (ред. РД, с. 5), «кумирница» (ред. Т, с. 30) вместо «божница» (ред. РД, с. 57), «кумирам» (ред. Т, с. 31) вместо «богам» (ред. РД, с. 58), и т. д.

И тем не менее, вполне сознавая и даже подчеркивая, что действие повести происходит во времена язычества, автор ред. Т вводит в текст новые мотивы христианства. Рассуждениям и поступкам героев он придает христианский характер. Так, если в ред. РД говорится лишь, что Аполлон, получив в Тарсе известие о смерти дочери, сильно опечалился и покинул город, то в ред. Т добавлено к этому, что перед отъездом из Тарса Аполлон «разда скудетствующим много злата в милостыню по дщери своей» (ред. Т, с. 25). Тарсиса, жалуясь в причитаниях на свою судьбу, в ред. Т говорит о том, что она предпочла бы ожидающему ее бесчестию смерть, если бы не боялась «суда самоубийц» (ред. Т, с. 29). Вероятно, речь здесь идет о Страшном суде и тех муках, которые якобы ждут самоубийц.

Психологические обоснования поступков или душевного состояния, присутствовавшие в ред. РД, заменяются в ред. Т ссылкой на вмешательство дьявола. Вот несколько примеров.

В ред. РД Тарсиса, уговаривая Аполлона преодолеть свою печаль, мотивирует это так: печаль губит человека, поэтому, как пишут философы, мудрый человек должен уметь справиться с ней, надеясь на лучшее и помня, что печаль сменяется радостью. В ред. Т печаль — дьявольское наваждение, а ссылка на высказывания философов заменяется ссылкой на «писание», которую читатель был вправе понять как традиционную ссылку на Священное писание: «Здрав буди, человеце славный и государю добрый, да будет печаль твоя далече от тебе, рече бо ся в писании: муж мудр укрепляет свое сердце, да не внидет пакостник ума унынием, иже его омрачает и в конечную погибель отсылает. Мудрыя бо притчи располагают и многа жития предразумевают» (ред. Т, с. 26—27).

Христианская позиция отличает и некоторые авторские сообщения. Если в ред. РД говорилось, что после смерти жены «от тое тоски впала мыслию в сердце его (Антиоха, — Л. С.) красота дщери его, и нача дщерь свою любити...» (ред. РД, с. 3), то в ред. Т это влечение Антиоха объясняется кознями дьявола: «И в том стужении впаде ему от дьявола в сердце злая мысль о дщере красоте» (ред. Т, с. 7).

Аналогично и в другом случае: согласно ред. РД, увидев дочь, Антиох поразился ее красоте «и от великой радости пал взнак на землю» (РД, с. 6). В ред. Т иначе: «И в таковой красоте видево ю царь, отец ея, таковым желанием от врага уязвися, яко от разгорения паде на землю» (ред. Т, с. 8).

Отметим также замену мн. ч. «боги» на ед. — «бог» (везде, где это позволяет текст), а также дополнительно вставленные автором ред. Т обращения героев к единому богу и ссылки на него, например: «Отче мой, да весть твоя любовь, яко завещахся пред богом ждати моего государя, великаго короля Аполлона, в чистоте» (ред. Т, с. 20); «О человеце, убойся бога великаго пролити кровь безвинные девицы, иже отмщения не будет»

(ред. Т, с. 22), и т. п. Но в сцене жертвоприношения в Ефесе мы находим языческое «боги»: «Милостивые божи» (с. 31); «...даю сие приношение богом» (с. 31); «...хваляю вас, божи» (с. 31) и т. д.

Иногда соединение языческих элементов с христианскими встречается даже в одной или в соседних сценах, например: граждане Ефеса, язычники, вслед за сценой жертвоприношения Аполлона в храме, прославляют тем не менее «бога всемогущего», узнав о встрече Лучницы со своим супругом. Отметим, что в ред. РД в соответствующем месте говорится о «пировании по всему граду с различными потехами».

Подобные противоречия в повести наглядно показывают непоследовательный характер ее «христианизации». Автор не христианизует повесть в строгом смысле этого слова, что мы видим, например, в другой переработке текста РД (список ГПБ, О.ХV.5), а лишь, как бы забываясь порой, наделяет героев чертами, типичными для христиан, или сам рассуждает с христианских позиций.

Иначе обстоит дело со стилистической переработкой повести. Она проводилась последовательно и целенаправленно.

Перевод повести относился к числу пословных, причем отдельные слова остались без перевода. Поэтому текст нестрелл разного рода полонизмами, лексическими и синтаксическими. Перед составителем ред. Т стояла задача приблизить текст к русскому читателю, как бы «завершить» начатый перевод. Но он отнюдь не ограничился этим. Следуя в изложении событий за своим оригиналом, древнерусский книжник пересказывает текст в иной стилистической манере, «улучшая» его в соответствии с литературными тенденциями своего времени, следуя литературным традициям, постоянно встречающимся в произведениях древнерусской литературы рассматриваемого периода независимо от жанра. Поэтому стилистическое своеобразие Тихонравовской редакции интересно не только для изучения литературной истории Повести об Аполлонии Тирском, но и для характеристики стилистических особенностей других произведений XVII в., написанных или пересказанных в том же стиле.

Итак, что же именно характеризует стиль ред. Т? Начнем с характеристики языка. Как уже указывалось, ред. РД — это пословный перевод повести на русский язык, содержащий немало лексических и синтаксических полонизмов. Автор же ред. Т пересказывает повесть церковнославянским языком, языком «высокой», церковной литературы. Такой способ изложения хотя и не характерен для светских повестей XVII—XVIII вв., но не является индивидуальной особенностью нашей повести. Аналогичное явление отметила, например, В. Ф. Покровская, описывая одну из русских редакций рыцарского романа о Петре Златых Ключей, имеющую самостоятельное название — «Повесть о Бруне». Она отмечала, что «языковая форма, в которую облечено повествование, полна своеобразия и поражает какой-то особой архаичностью лексики и синтаксических построений, свободно и непринужденно выдержанной от начала до конца. Обильные церковнославянизмы, глагольные формы далекого прошлого истории русского языка, двойственное число, дательный самостоятельный и т. п. встречаются на каждой строке».¹¹

Другая и главная особенность языка ред. Т — до предела повышенная эмоциональность, экспрессивность в отличие от более «эпического» повествования ред. РД.

Здесь широко употребляемы такие стилистические фигуры эмоционального стиля, как риторические восклицания и риторические вопросы.

¹¹ В. Ф. Покровская. Повесть об испанском королевиче Бруне и его супруге Мелеонии. (К истории переводной литературы XVII века). — ТОДРЛ, т. IV. М.—Л., 1940, с. 184.

Иногда они выстраиваются в целые ряды параллелей, в которых риторические восклицания чередуются с риторическими вопросами.

Вот внутренний монолог Феофила, которому приказано убить Тарсису: «О злочастный и бедный рабе! В кий час ты родися, яко в таково зло вдан бысть? О стужение злое и печали полное! Како ми и за какую вину убити такуюю девицу прекрасную, и благородную, и благоразумную и пролити кровь неповинную?» (ред. Т, с. 22).

А вот причитания Тарсисы: «О боже, боже мой! Како мя прегорькую и злочастную в злых моих оставил мя еси? О случаю злополучный, немилостивый! И како на мя испустил еси своя стрелы и злосердым копием пробол еси мое сердце? . . Почто ми, боже, родитися попустил еси и родившуюся почто с матерью моею в море не ввергоша? . . .» и т. д. (ред. Т, с. 23).

Очень характерным является для ред. Т прием «нанизывания синонимов», также призванный усилить эмоциональность изложения. Он будет рассмотрен ниже в связи с другой стилистической особенностью ред. Т.

Следующая особенность языка ред. Т — ритмическая организация текста и глагольная рифма, возникающие, как правило, в речах персонажей. Например:

«Лутче ми не точию женою,
ниже кралевною слыти,
нежели при твоей воли быти» (ред. Т, с. 7).

«Тако убо цесарь нача дщерь свою любити,
яко ни мало времени возможе без нея быти» (ред. Т, с. 7).

«Аще же волку свою сотвориши,
к тому мя живу не узриши» (ред. Т, с. 7).

«Кто печальну человеку беды его воспоминает,
той пребольшее сокрушение сердцу его прилагает
и болезнь обновляет» (ред. Т, с. 26).

Интересно, что в одной из редакций чешской повести А. Брюкнером также была обнаружена глагольная рифма.¹² Он даже ставит вопрос о стихотворном оригинале, но отвечает на него отрицательно, приходя к выводу, что перед ним — рифмованная проза.

И наконец, отметим в ред. Т различные аллитерации, единоначатия, являющиеся принадлежностью экспрессивно-эмоционального стиля и восходящие к стилю «плетения словес». Эта звуковая игра хотя и встречается в нашей повести, не является характерной для нее. Здесь видим лишь самые элементарные ее проявления:

«О презлое злоключение мое!» (ред. Т, с. 29).

«Почто мя на свет породила и по рождению почто не ввержена
вкупе в море с тобою?» (ред. Т, с. 29).

Рассмотрим теперь некоторые стилистические особенности Тихоновской редакции, характерные для более широкого круга произведений русской литературы XVII в.

Во-первых, это тенденция к «ращению словес» (в качестве термина мы используем выражение одного из древнерусских книжников). Проявляется она в стремлении к словесной полноте произведения, к его «словесной сытости», по выражению Елифания Премудрого. Но эта тенденция ред. Т вовсе не является стилистическим подобием «плетения словес», хотя и имеет с ним, видимо, генетическую связь.

¹² А. Brückner. Böhmsche Studien. Abhandlungen und Texte. — Arch. f. slav. Philol. Berlin, 1886, N 11, H. 1, S. 87—88.

«Ращение словес» происходит, во-первых, за счет плеоназма. Здесь можно отметить такие его проявления, как прием «нанизывания синонимов» и тавтологические обороты, усиливающие эмоциональность повествования.

Прием «нанизывания синонимов» заключается в частом и при этом целенаправленном использовании синонимических рядов, которые создаются двумя путями: добавлением к имеющемуся в тексте слову его синонимов или перестройкой предложения (например, заменой подчинения сочинением), в результате которой образуется синонимический ряд.

В ред. РД читалось, например: «Тогда королева начаша... велики плакать и закричала гласом великим» (с. 6). В ред. Т текст изменяется: «Цесаревна же нача горько рыдати, и плакати, и вопити великим гласом» (с. 8).

На этом примере можно увидеть сразу оба способа образования синонимического ряда: к слову «рыдати» добавляется его синоним «плакати»; слово «закричала» заменяется словом «вопити», синонимичным двум первым глаголам, но сохраняющим и значение замененного слова. Кроме того, меняется и грамматическая форма: глагол «вопити» употреблен в инфинитиве, тогда как слово «закричала» стояло в прошедшем времени.

Приведем пример плеоназма другого рода. В ред. РД читаем: «Тогда Тарсия долго жаловала мамки своей и взяла за обычай, что как скоро пришла из школы, никогда не ела, дондеже прежде бывает на мамкине гробе и там плакалась горько о мамке своей милой...» (с. 35). В ред. Т горе Тарсисы описывается иначе. Первая фраза приведенного описания: «Тогда Тарсиса долго жаловала мамки своей» передается следующим образом: «Тогда Тарсиса нача горько рыдати отца своего, и матери, и добрыя своя мамы. И по мнозем неутешном плачи погребу ю близко моря». Вторая фраза ред. РД «... и взяла за обычай, что как скоро пришла из школы... плакалась горько о мамке своей милой» передается в ред. Т так: «... и положи завет себе входя и исходя от училища над гробом ея плакати». А далее еще две фразы варьируют эту мысль: «И тако шествуя в училище, такоже и исходя, рыдая и плача над гробом Лигории... И тако всегда в сокрушении бе и печали безмерней» (с. 21).

«Ращение словес» происходит в ред. Т также за счет стремления к словесной насыщенности предложения. Автор добавляет все возможные в данном контексте определения, дополнения, обстоятельства.

В ред. РД читаем, например, такую фразу: «Князь Антагор утешал ю, глаголя...» (с. 42). В Тихонравовской редакции повести эта фраза, вводящая прямую речь в текст, значительно разрастается: «Князь Антагор премудрый умилися к жалостному ея молению и рече ей с честью словеса утешительная...» (с. 24). Фраза из пяти слов становится фразой из пятнадцати слов. Здесь добавлены определения лиц и их действий: князь Антагор — премудрый, моление — жалостное, рече — с честью, словеса — утешительная.

Диктуются ли потребностями смысла эти добавления? Едва ли. Добавляются самые трафаретные, стереотипные, «постоянные» определения, иногда даже не совсем подходящие в том или ином контексте (вместо определения «премудрый» уместнее было бы «милосердный» или «добронравный»), в другом случае подобные добавления порождают тавтологическое сочетание («жалостное моление»).

Следовательно, это стремление к лексическому богатству предложения, а не к его семантической полноте.

Отметим, что многочисленные оценочные определения добавляются и в обращения. Проиллюстрируем это несколькими параллелями из текста обеих редакций.

В ред. РД читаем такое обращение короля Аполлона к Антиоху: «Здрав буди, Антиоше, королю и цесарю неодолеемый!» (с. 8). В ред. Т это обращение превращается в похвалу царю Антиоху: «Здрав буди, благополучный, и славный, и великий, и пресильный цесарю Антиоше!» (с. 9).

А обращение Лучницы к своему супругу: «Королю Аполлоне!..» (ред. РД, с. 59) заменяется в ред. Т таким метафорически-галантным обращением: «О предрагий мой свете и прелюбезный государю, кралю Аполлоне!» (с. 31).

«Ращение словес» вызывается также стремлением автора ред. Т объяснить мотивы и цели поступков персонажей, желанием дополнить, разъяснить какие-либо сообщения. При этом, как пишет Р. Б. Тарковский, отмечая аналогичное явление в русских редакциях первого перевода басен Эзопа, «... все такие включения... предельно стереотипны и самые ближайшие, какие только могут подсказываться ситуацией».¹³

Например, фраза ред. РД «бысть яко мертва» поясняется в ред. Т следующим образом: «Никоим же удом подвижена, ниже дыхание в ней обретеса» (с. 17).

В ред. РД сказано, что купивший Тарсису у разбойников содержатель публичного дома «ввел ю в дом свои ко иным девицам-полоянкам» (с. 39). В ред. Т добавлено к этому: «... нечестнаго ради своего и злаго прибыточества» (с. 23).

Вторая стилистическая особенность ред. Т — принцип «максимализма».

О. В. Творогов, предложивший этот термин при анализе стилистических особенностей «Сербской Александрии», писал: «Суть этого приема в том, что автор с помощью устойчивых эпитетов подчеркивает необыкновенную силу чувства (радостен зело, печаль велика), грандиозность события (сеча зла, победа велика) и т. д.»¹⁴

«Максимализм», который перерастает, на наш взгляд, рамки конкретного приема и является одним из основных принципов, тенденций этого стиля, можно условно разграничить на предметный максимализм, максимализм описаний и максимализм изображений.

Предметный максимализм заключается в стремлении автора подчеркнуть многочисленность (а точнее, бесчисленность), обилие каких-либо предметов. Так, вместо фразы РД «И тако повеле Аполлон полной корабль пшеницы насыпать и немало злата и сребра и риз драгих взявше» (с. 12) в ред. Т читаем: «... повеле корабль насыпати пшеницы многое множество, взя с собою злата и сребра бесчисленно и драгоценных вещей» (с. 11). А фраза ред. РД «... и дал ему великое (из польского wielki — большой, — Л. С.) имение» (с. 61) передается в ред. Т следующим образом: «... и даде ему премногие дары и обогати его зело» (с. 32).

Максимализм описаний проявляется в ред. Т в экспрессивности характеристик, в стремлении автора подчеркнуть необыкновенность и исключительность качеств, чувств, а также значительность, величие со-

¹³ Р. Б. Тарковский. Эстетическая ассимиляция басенного жанра. (Повествовательные редакции первого перевода Эзопа). — В кн.: Новые черты в русской литературе и искусстве (XVII—начало XVIII в.). М., 1976, с. 213.

¹⁴ О. В. Творогов. Стилистические особенности романа об Александре Македонском. — В кн.: Александрия. Роман об Александре Македонском по русской рукописи XV века. М.—Л., 1965 (серия «Литературные памятники»), с. 182.

бытий с помощью определений. Определения в ред. Т не случайно поэтому выражаются прилагательными превосходной степени: «превозрастен», «прелюбезна», «превеликих родов чада», «премудрая и прекрасная», «пресияющую красоту», «пресветлое лицо» и т. д. В этом же ряду оказываются и такие слова как «великосильный», «многославутый», «неизреченный» и под.

Но нередко автор находит нужным даже к определениям подобного рода добавить усиливающие обстоятельства степени — «зело» или «вельми»: «зело премудрая и прекрасная» — сказано о жене Антиоха; «вельми прекрасная» — так охарактеризована Лучница. Ср. также «вельми красна», «печальна зелено» и мн. др. Столь же показательны для характеристики «максимализма» в повести определения отвлеченных понятий с помощью прилагательных «великий», «велий», «зельный»: «великая радость», «в славе велицей», «велий срам», «веселие велие», «глад велий», «зельная печаль» и т. д.

Необыкновенную силу чувств, их исключительность автор характеризует не только через эпитеты, но и создавая экспрессивные сцены, в которых герои проявляют глубину своих чувств. Это максимализм изображений.

Так, например, Лучница укоряет Аполлона за его намерение покинуть ее: «И то так не станется, — говорит она в ред. РД, — где ты будешь, тамо и аз буду» (с. 26). Создатель Тихонравовской редакции добавил к этому: «Аще ли не возьмешь, то сама зую» (с. 17). Если в ред. РД Лучница лишь выражает готовность повсюду следовать за мужем, то в ред. Т героиня скажет: «Готова есмь с тобою и умерети» (с. 16).

Или такой пример. В знак печали по умершей жене Аполлон дает обет 9 лет не выходить из корабля. В Тихонравовской редакции он обрекает себя на 20-летнее плавание. И еще один интересный пример. Радость Аполлона, нашедшего свою дочь, описывается в РД весьма сдержанно: «Восташе, мило обнял ю и закричал, яко лев, великим гласом, глаголя: „Идите, мои милые приятели, веселитесь со мною, ибо дочь мою погубиющую обрел еси“» (с. 55—56). Составитель ред. Т описывает эту сцену более подробно и с повышенной эмоциональностью, стремясь тем самым показать необычность, исключительность охватившего героя чувства: «Аполлон возрев, яко лев, воплем крепким горько возрыдав, паде на дочь, яко бездушен, и много вопия, рыдая. Егда же укрепися, зря дочь, известуяся о ней, обымая и лобзая ее и от радости в познании, от слез же в злоключениях, недоумеая, что глаголати, возопи же гласом великим: „Приидите, братия моя, и друзи, и бед моих сострадалицы! Возвеселитесь со мною днесь, понеже возлюбленную мою единородную дочь, юже погубих, обретох“» (с. 29—30).

Отметим, что принцип «максимализма» характерен и для ред. РД, но в гораздо меньшей степени. Здесь мы встречаемся преимущественно с максимализмом описаний. Этого рода «максимализм» не чужд и польской повести, но в еще меньшей степени.

И наконец, третья стилистическая особенность ред. Т — драматизация повествования.

Иногда она достигается введением кратких, типа ремарок, указаний на действия, жесты или мимику героя. Так, перед ответом Аполлона на загадку Антиоха составитель ред. Т добавляет от себя: «Слышав же Аполлон таковое гадательство, поддержа лице свое дланию, бысть бо яко во ужасе» (с. 10).¹⁵

¹⁵ Как отмечает А. С. Демин, подробное описание движений, поз и жестов было новой стилистической особенностью изображения человека в литературе XVII в.,

Чаще же драматизация повествования усиливается за счет более подробного, чем в РД, описания происходящего, введения новых диалогов, указания на действия и поведение героев при этом, которые автор вводит, стремясь к большей эмоциональности повествования. В результате в ред. Т больше появляется «сцен», в которых герои действуют и говорят, заменивших авторские сообщения о происходящем в ред. РД.

Так, в ред. РД после сцены оживления Лучницы следует краткое сообщение о ее полном выздоровлении и о том, что врач Тиримон удочерил ее: «По малом времени исцелела от той немощи та королевна и была такова прекрасна, что ее чудности всяк дивовался, увидев ю. Мистр Церимон взял ю себе за дочь» (с. 32). В ред. Т этот эпизод драматизирован, введен диалог между врачом и Лучницей, при этом указывается, что Лучница неутешно рыдает, а Тиримон утешает ее: «Другую же тысящу златых положи кралевне и рече: „Радуйся, здрава [будучи], великая кралевна!“. Она же рече, слезящи: „Здрав буди и ты, живородателю мой, и приими мя, сиротствующую и вдовствующую в чадо свое, яко есть великочестна роду и царская жена; что же ми бысть — не вем, и где супруг мой возлюбленный“. Тиримон же утешая ю словесы и различными повестыми, она же неутешно рыдая. Живши же ей ту многое время, дохтур же Тиримон име ю яко свою дочь» (с. 19—20).

Еще один пример. В ред. РД читаем: «И жертвовал Аполлон златой венец, что обрел дочь свою, дочь же его, Тарсия, такожь принесла на жертву златую коруну, яко обрела отца своего милого» (с. 57). Намного подробней изложен этот эпизод в ред. Т. Здесь не только вводится прямая речь, не только описываются действия героев, но, что особенно интересно, характеризуется душевное состояние персонажей во время этой сцены: «Егда же к ней Аполлон, яко первейшей властелине, прииде и предаде ей венец [злат] в приношение кумиром, глаголя: „Мати великая, помолися; даю сие приношение богом, яко дочь мою возлюбленную обретох сию“, — и указав ей на Тарсису. Она же восприимше венец, возложи на главу свою, сама же с пренежением едва от слез удержася. Прииде же и Тарсиса, подаде другой венец златый, глаголя: „Приими сие, честнейшая, в дар, яко даде ми вышний промысел обрести прелюбезнаго отца моего“» (с. 30—31).

Итак, для Тихонравовской редакции Повести об Аполлонии Тирском, возникшей в XVII в. в результате переработки древнерусским книжником русского перевода повести, характерны более христианизированная позиция пересказчика и такие стилистические особенности, как использование церковнославянского языка, языка «высокой», церковной литературы, повышенная эмоциональность повествования, тенденция к «ращению словес», т. е. стремление к словесной полноте произведения, принцип «максимализма», выражающийся в стремлении к напряженности повествования, к экспрессивности, эмоциональности характеристик и повествования в целом, и, наконец, драматизация изложения, возникающая в результате более подробного, детального изображения происходящего, введения в текст новых эпизодов и подробностей, а также речи персонажей.

Подобные явления, в частности до экзальтации повышенная эмоциональность, экспрессия повествования, стремление к словесной полноте произведения, частое использование приема «нализывания синонимов»

см.: А. С. Демин. Русская литература второй половины XVII—начала XVIII века. М., 1977, с. 42—57.

и т. д., были отмечены Д. С. Лихачевым как принадлежность экспрессивно-эмоционального стиля конца XIV—начала XV вв.¹⁶

Каково же в таком случае взаимоотношение двух этих стилей?

Вопрос этот пока не решен. Видимо, эмоциональный стиль беллетристических и исторических произведений XVII в. имеет только генетическую связь со стилем «плетения словес». Мы обнаруживаем здесь многие приемы последнего, но уже сильно формализовавшиеся и являющиеся его слабым и часто плохим отображением. Так, многочленные синонимические ряды у Епифания Премудрого, его напряженные поиски слова были оправданы. По словам Л. А. Дмитриева, это «не плетение ради плетения... за этой риторичностью лежит глубокое, искреннее чувство любви и восхищения автора своим героем».¹⁷

В Тихомировской же редакции Повести об Аполлонии Тирском прием «нанизывания синонимов» употребляется ради красоты слога, как ее понимали книжники XVII в., и «ращение словес» происходит ради самих словес, а не их смысла. Восторженные или умиленные характеристики персонажей (почти не отличающиеся друг от друга) вызваны не столько восхищением автора героями, сколько стремлением придать своим произведениям более литературный характер, выдержать их в том стиле, который был каноном для составителя ред. Т.

Подводя итог, отметим, что переработка, которой повесть подверглась под пером русских книжников XVII в., преследовала не только ограниченную задачу русифицировать язык произведения, но и существенно изменить поэтику повести, приблизить ее к литературному стилю русских произведений XVI—XVII вв. В той же литературной манере были переработаны и некоторые другие повести — Повесть о Бове, Повесть о Петре Златых ключей.

На страницах этих повестей уже в XVII в. перед русским читателем раскрывался новый «литературный мир», в котором движущими силами являлись не столько военные перипетии или исторические события, сколько частные судьбы героев и их чувства. Правда, герои эти и несут на себе печать некоей «историчности» — это все короли далеких стран, но не их общественное положение и не их государственные деяния вызывают интерес к ним читателя, а их удивительные судьбы, радости и горести, которые выпадали на долю любящих и разлученных героев.

¹⁶ Д. С. Лихачев. Поэтика древнерусской литературы. Л., 1967, с. 86—91, 114—118.

¹⁷ Л. А. Дмитриев. Нерешенные вопросы происхождения и истории экспрессивно-эмоционального стиля XV в. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 80.

Т. А. БРУН

Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста»

В литературе второй половины XVII в. значительное место занимают произведения областного литературного творчества, повествующие о событиях местного значения, о местных святых и церковных реликвиях.¹ В этой местной литературной продукции выделяется группа повестей и сказаний о явлениях чудотворных икон и крестов, о истории и чудесах святынь местных церквей и монастырей. Этот обширный материал изучен пока довольно мало.²

Мы публикуем одну из таких повестей, относящуюся к святыне Троицкого женского монастыря в Муроме, — «Повесть о чудесах Виленского креста». В научный оборот эта Повесть до сих пор введена не была, хотя и публиковалась в периодических изданиях Владимирской губернии. В 1899 г. она была издана краеведом Н. П. Травчатовым во «Владимирских губернских ведомостях», а в 1903 г. перепечатана им же в Трудах Владимирской ученой архивной комиссии.³ Эта публикация имеет характер пересказа, неточно воспроизводит текст, поэтому мы считаем целесообразным дать новое издание Повести, тем более что она является безусловно интересным памятником муромского литературного творчества второй половины XVII в.

В Повести рассказывается о приобретении муромским купцом Богданом Цветновым у жителя Арзамаса, сына боярского Василия Сергеева, сына Микулина, драгоценного на престольного креста для построенного им Троицкого монастыря и о чуде, сотворенном этим крестом, — предсказании судьбы Василия и спасении его из плена.

Композиционно Повесть построена следующим образом. Первая часть — рассказ о встрече Богдана и Василия и о передаче креста. Она написана от третьего лица, но обнаруживает след устного рассказа самого Богдана: «И он, Богдан, усумневся, не искус ли какой хочет учинити на до мною?» (разрядка моя, — Т. Б.). В виде «вставной новеллы» в первую часть входит рассказ Микулина о том, как им был найден крест, как во сне Василий услышал голос, требовавший, чтобы

¹ См. о местных литературах XVII в. во Введении к книге Е. К. Ромодановской «Русская литература в Сибири первой половины XVII в. Истоки русской сибирской литературы» (Новосибирск, 1973, с. 3—6).

² Библиографию последних работ по сказаниям и повестям о чудотворных иконах см. в статье А. А. Турилова «Малоизвестные памятники ярославской литературы XIV—начала XVIII в. (Сказания о ярославских иконах)». — Археографический ежегодник за 1974 г. М., 1975, с. 168.

³ Владимирские губернские ведомости, 1899, № 34, часть неофициальная, с. 3—4; Н. П. Травчат о в. Материалы для истории Муромского Троицкого женского монастыря. — Труды Владимирской ученой архивной комиссии, кн. V. Владимир, 1903, с. 51—53. Список, по которому издавалась Повесть, Травчатовым не указан.

он передал крест в Муром, угрожая в случае неповиновения пленом. Вторая часть — рассказ о пленении Василия, о его спасении «от поганных татарских рук» и о возвращении на родину — также написана от третьего лица и также выдает свое происхождение от устного рассказа, но уже не Богдана, а Василия: «И лежал я в том леску до ночи, . . . и где на стан наиду. . .» (разрядка моя, — Т. Б.). Видимо, автор, соединя слышанные им рассказы участников событий в книжную повесть, не сумел полностью перевести повествование из первого лица в третье. Однако у него достало навыка литературной работы, чтобы внести в Повесть некоторую книжную окраску. Он умело связал рассказы Богдана и Василия перечислением реликвий, содержащихся в кресте, и упоминанием, что крест «и донныне. . . обретается» в соборе Троицкого монастыря (последняя фраза показывает, что Повесть написана не сразу по совершении событий), а также обработал фактический материал в духе религиозного провиденциализма, как мы покажем ниже.

Оба действующих лица Повести — муромец Тарасий Борисов Цветнов, по прозванию Богдан, купец гостиной сотни, и арзамасец сын боярский Василий Сергеев Микулин — реально существовавшие люди.

Семья Цветновых (Цветных) была известна в XVII в. как одна из самых богатых купеческих семей Мурома. Борисом Семеновичем Цветным и его сыном Богданом была построена деревянная Троицкая церковь в центре Мурома, напротив Благовещенского мужского монастыря.⁴ В 1642—1643 гг. Богданом Цветновым на ее месте была поставлена каменная церковь⁵ и устроен женский монастырь,⁶ в котором в 1648 г. Цветнов построил каменную надвратную Казанскую церковь.⁷ На протяжении 40—50-х гг. XVII в. Богдан делал богатые вклады в Троицкий и другие муромские монастыри: позолоченные чаши, Евангелие в дорогом окладе, кресты и даже колокола и башенные часы.⁸ Один из таких вкладов и послужил поводом для создания Повести о Виленском кресте.

Имя второго героя Повести — арзамасца Василия Микулина — пока в исторических источниках нами не обнаружено. Но имена его отца, дядьев, теток, двоюродных братьев, бабки и деда неоднократно встречаются в арзамасских документах XVI—начала XVII в., изданных С. Б. Веселовским.⁹ Дед Василия, Иван Гаврилов Микулин, к 1595 г. уже умер, так как 14 февраля 1595 г. его жена Варвара пишется вдовой «с детми с Петрушкою, да с Трофимком, да с Томилком, да с Серешкою».¹⁰ Младший «Серешка» — отец Василия.

Из всех четырех братьев «сыном боярским» у С. Б. Веселовского именуется один Петр, все остальные значатся просто как помещики. В Повести же сын Сергея Василий назван тоже сыном боярским и соответственно этому званию участвует в отдаленных походах в Литву и

⁴ Упоминается как уже существующая в Писцовой книге города Мурома (Описи Баргенева) 1637 г., опубликованной в отрывках в кн.: Владимирский сборник. Материалы для статистики, этнографии, истории и археологии Владимирской губернии. Сост. и изд. К. Тихонравов. М., 1857, с. 157.

⁵ В книге «Монастыри, соборы и приходские церкви Владимирской епархии, построенные до начала XIX столетия», под ред. В. В. Косаткина (Владимир, 1906, ч. 1, с. 267), опубликованы надписи, высеченные в медальонах при входе в Троицкую церковь: «Лета 7150 августа 21 дня начата бысть сия церковь созида- тся во имя живоначалныя троицы. . .», «Совершена же бысть сия церковь 7151 года августа 6 дня тцанием и снисканием гостинныя сотни торговаго человека Тарасия Борисова сына по реклому Богдана Цветного. . .».

⁶ Монастыри, соборы и приходские церкви. . ., с. 267.

⁷ Там же, с. 269.

⁸ Там же, с. 53, 272—274.

⁹ С. Б. Веселовский. Арзамасские поместные акты 1578—1618 гг. М., 1915.

¹⁰ Там же, с. 623.

Крым.¹¹ Однако Сергей Микулин был поверстан в 1614 г. на службу под Новгород, видимо, уже как сын боярский. (На службу он то ли не явился, то ли сбежал, и поместье его наполовину или на треть было конфисковано, но в следующем 1615 г. отписанная часть была ему возвращена за примерную службу в новом походе, а сидевшего на его земле Ивана Стрешнева велено было «выслати вон часа того».)¹² Так что Василий мог унаследовать звание сына боярского от отца. Именно в этом качестве он и принимает участие в походах в Литву и в Крым.

Разгром русских войск под Конотопом 28 июня 1658 г. известен как одно из печальнейших событий русско-литовской войны: в плен было взято около пяти тысяч русской конницы.¹³ Однако о взятии Вильны Василий Микулин говорит в 1658 г. как о событии, происшедшем «в прошлом-де во 165-м году», а фактически Вильна была взята русскими войсками 29 июля 1655 г. и «сильно пострадала при этом от разорения».¹⁴ Конечно, Василий мог в своем рассказе ошибиться на 1—2 года. Но вспомним, что именно эта часть Повести, где говорится об обретении креста, дана от первого лица в отличие от основного текста, переданного в третьем лице. Отметим также, что все события Повести мотивируются исключительно реалистически: крест найден в церкви оброненным при поспешном грабеже, привезен домой как военная добыча; Василий уходит от татар только благодаря своей смекалке и выносливости. В эпизоде же явления креста Василию «в сонном видении», изъявления им желания находиться в Муроме и предсказания судьбы Василия ясно виден церковно-литературный штамп, широко распространенный в произведениях такого типа.¹⁵ Этот эпизод — результат творчества автора Повести, который придавал своему произведению характер церковно-книжный. Действительные же события предположительно можно восстановить следующим образом.

Сын боярский из служилой арзамасской семьи в 1658 г. должен был идти на военную службу. Может быть, материальное положение семьи было не очень благополучным, экипировка же стоила немалых денег.¹⁶ Видимо, именно тогда и пришлось обратиться в деньги драгоценный крест, добытый в литовском военном походе. Конечно, могли быть и другие причины, по которым Микулину пришлось расстаться с крестом. Очевидно одно: реализован он был именно в это время. (Относительно происхождения креста тоже имеются некоторые сомнения. Наличие среди заключенных в нем мощей частей останков Евфросиньи Суздальской, Ефрема Новоторжского и Макария Желтоводского указывает, может

¹¹ В таких походах могли участвовать только дети боярские, городовые и выборные. Обыкновенные помещики составляли гарнизон своего города и службу несли на местах, см.: В. О. Ключевский. История сословий в России. Лекция XVI. — Соч., т. 6. М., 1959, с. 403—405.

¹² С. Б. Веселовский. Арзамасские поместные акты..., с. 517—518.

¹³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. VI, т. II. М., 1961, с. 50—51.

¹⁴ П. Н. Батушков. Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-Западного края. СПб., 1890, с. 255.

¹⁵ Ср., например, с Повестью о явлении и чудесах Унженского креста — произведением той же муромской литературы первой половины XVII в. В этой Повести крест являет двум сестрам — Марфе и Марии — свою волю находиться в церкви архангела Михаила на реке Унже «в тонце сне», см.: Русская повесть XVII в. Сост. М. О. Скрипиль. Л., 1954, с. 48—53.

¹⁶ Вот, например, какое описание службы боярского сына с поместным окладом 350 четей приводит из Коломенской десяти 1577 г. В. О. Ключевский: «...быти ему на службе на коне в панцире, в шеломе, в саадаке (с луком и стрелами), в сабле, да три человека (боевые холопы) на конех, в пансырех, в шапках железных, в саадаках, в саблех с копыи, да три кони простые, да человек о мерине в кошу». — В. О. Ключевский. История сословий..., с. 405.

быть, на более близкую его родину — Владимирскую или Нижегородскую епархию. В таком случае версия о чужестранном происхождении креста выдумана для большей авторитетности святыни).¹⁷

По какой-то причине Василий не хотел продавать крест в местную церковь и предпочел увезти его в Муром — город, экономически довольно тесно связанный с Арзамасом. Богатый муромский купец мог быть хорошо известен в Арзамасе (Василий в Повести сам говорит, что слышал о Богдане и раньше), тем более что его церковностроительная деятельность создала ему славу угодного богу, богоизбранного христианина (недаром его крестное имя Тарасий было вытеснено прозвищем Богдан). Именно ему-то и повез продавать крест Василий Микулин. Повесть же заменила это прозаическое событие типичным церковно-литературным мотивом. Однако след денежной сделки в Повести остался, правда, «вывернутым наизнанку»: Богдан дает Василию деньги, но тот не берет «страха ради божия».¹⁸

Автором Повести скорее всего мог быть кто-нибудь из причта Муромского Троицкого монастыря, человек, заинтересованный в пропаганде святыни своего собора. Конкретность произведения, его историческая достоверность, а также следы использования автором рассказов участников событий говорят о том, что Повесть была написана вскоре (но не сразу) после совершения событий, еще при жизни современников Богдана и Василия, видимо в последней трети XVII в.

Повесть о Виленском кресте сохранилась только в поздних списках, не ранее 60—70-х гг. XVIII в. Она встречается только в сборнике постоянного состава, включающем произведения муромского цикла: Повесть о Петре и Февронии, Житие князя Константина Муромского, повесть об Ульянии Осорбиной, о явлении Унженского и Виленского крестов. Таких сборников нам известно 16.

Списки Повести о Виленском кресте распадаются по своим разночтениям на 2 группы. Обе они, видимо, отстоят от авторского текста одинаково, сохраняя его в одних случаях лучше одна, в других — другая. Текст второй группы отличается некоторой архаизацией языковых форм («аз» вместо «я», формы аориста и т. п.).

За основу при издании Повести взят текст, относящийся к первой группе, так как она более многочисленна, — из сборника ИРЛИ, собр. Каликина, № 39, последней четверти XVIII в., л. 12—15 об. Варианты подведены по спискам, обозначенным следующим образом:

<i>I группа.</i>	ГБЛ, собр. Никифорова (ф. 199), № 473, л. 168—171, XIX в.	A
	ГБЛ, собр. Буслаева (ф. 396), № 10, л. 10—13 об., посл. четв. XVIII в.	B
	ГПНТБ СО АН СССР, собр. Тихомирова, № 473, л. 97—100 об., посл. четв. XVIII в.	B

¹⁷ Даже если крест действительно был привезен из Литвы, это еще не говорит о том, что он был там сделан. Для этого времени есть много данных о бытовании в Литве книг, икон и прочих ценных вещей, привезенных из России.

¹⁸ Параллель к нашей реконструкции возможных событий находим в Повести о построении нового девича монастыря в Ярославле: «Главное действующее лицо повести — посадский человек, государевой гостинной сотни гость, земский староста Василий Лыткин, который „берегучи град от разорения и мирских людей жалючи, свои многие животы за мир истощил...“. Лыткин дан в повести в образе страдальца за город, и подвиг его не остался без награды: именно ему, в обход архимандрита Спасского монастыря, приносит захваченный в Романове образ поручик Стравинского полка Яков Любский и дарит его безвозмездно. Действительность была прозаичнее: из грамоты патриарха Гермогена от 28 июня 1610 года узнаем, что Лыткин оказался единственным, кто был в состоянии уплатить выкуп „литвину греческой веры“ Любскому». — А. А. Турилов, Малоизвестные памятники ярославской литературы..., с. 173.

	ГИМ, Симоновское собр., № 66, л. 29 об.—31, XIX в.	Г
	Муромский филиал Владимиро-Суздальского музея-заповедника, № 28260, л. 12—16 об., XIX в.	Ж
	Муромский филиал Владимиро-Суздальского музея-заповедника, № 28259, л. 50—54 об., XIX в.	З
	ГИМ, собр. Уварова, 4°, № 1148, л. 81 об.—85 об., посл. четв. XVIII в.	К
	ГИМ, Музейское собр., № 645, л. 24—31, посл. четв. XVIII в.	Н
	ГПБ, собр. Колобова, № 312, л. 64—67 об., 3-я четв. XVIII в.	О*
	ГПБ, собр. Тиханова, № 424, л. 54 об.—58, посл. четв. XVIII в.	П*
II группа.	ГИМ, собр. Уварова, 4°, № 1237 (1070), л. 120—124, посл. четв. XVIII в.	Д
	Загорский историко-художественный музей, инв. 852-рук., л. 14—18 об., кон. XVIII в.	Е
	Отдел редких книг и рукописей Науч. б-ки Моск. гос. ун-та, ркп. № 9, л. 99—101 об., кон. XVIII в.	И
	ГИМ, собр. Уварова, 4°, № 1150, л. 19—22 об., 3-я четв. XVIII в.	Л

К изданию не привлечены еще два известных нам списка: Науч. б-ка Саратовского гос. ун-та, собр. Шляпкина, № 367 и ГИМ, Музейское собр., № 517. Первый был нам недоступен, а второй содержит много индивидуальных чтений, что сильно перегрузило бы издание.

ПОВЕСТЬ О ВИЛЕНСКОМ КРЕСТЕ

^{1,1} Повесть о чудесах честного ²и животворящего³ креста господня⁴, ¹² иже взят в ⁵литовском⁶ граде⁷ Вильне ⁸сыном боярским⁹ арзамасцем¹⁰ Василием ¹¹Сергеевым сыном¹² Микулиным¹³ и ¹⁴принесен¹⁵ во ¹⁶град¹⁷ Муром, ¹⁸иже изволил быти в Троицком¹⁹ девичье²⁰ монастыре²¹. В²² лета²³ 7166-м²⁴ году²⁵ в ²⁶июле²⁷ месяце²⁸ в субботный день ²⁹в³⁰ Муроме³¹ гостиной³² сотни торговой³³ человек³⁴ Богдан Борисов сын Цветнов³⁵ того дня прилучилося ему³⁶ итти³⁷ от церкви ³⁸божий³⁹ от вечерняго⁴⁰ пения ко двору своему⁴¹. И ⁴²как будет⁴³ он⁴⁴ Богдан⁴⁵ против улицы своей, по обычаю⁴⁶ обратися⁴⁷ к соборной⁴⁸ церкви помолитися⁴⁹, и ⁵⁰против улицы || ⁵¹его Богдана⁵² сидящу человеку⁵³. И ⁵⁴увидя⁵⁵ его⁵⁶, ¹² об.

* Подведение вариантов по спискам О и П проведено Р. П. Дмитриевой. Пользуюсь случаем поблагодарить ее и М. Д. Каган за помощь в подготовке статьи.

^{1, 1-21} Сказание о честном и животворящем кресте господни, како изволил быти в Муроме в девичье монастыре в церкви живоначальной троицы О. ²⁻³ Нет АК. ⁴ Нет АВВГЖЗКН. ⁵ во А. ⁶ Нет АК; литовских Н. ⁷ городе ВГЗК; городех Н; доб. е Н. ⁸⁻⁹ Нет АК. ⁹ боярским Л. ¹⁰ Нет З; арзамаским Ж; доб. а И. ¹¹⁻¹² Нет БВГДЕЖЗИЛН. ¹³ Доб. арзамаским З. ¹⁴ Нет И. ¹⁵ принесе И. ¹⁶ в АК. ¹⁷ Нет АК. ¹⁸⁻²¹ и ныне есть в Троицком девичьи (девиче К) монастыре АК. ¹⁹ Нет БВГДЕЖЗИЛМ. ²⁰ девичьем З. ²¹ Доб. в церкви живоначальной троицы БЕИ; доб. живоначальной троицы ВГДЖЗИЛН. ²² Нет АKN; Во О. ²³ лето БДЕЖЗИЛ; доб. от сотворения мира ДЕИЛ; нет О. ²⁴ 166-м О. ²⁵ Нет АДЕКЛ; доб. а от рождения Христова в лето 1658 А; доб. от рождения же по плоти бога слова 1658 ДЕИЛ. ²⁶ во А; лет ДЕИЛ. ²⁷ июне А; июле К. ²⁸⁻²⁸ месяца июля ЕЛ; месяца июня И; месяце июле О. ²⁷ июне А; июля Д. ²⁸ Нет Д. ²⁸⁻²⁹ в день субботный ДЕИЛ. ²⁹⁻³¹ муромец ДЕИЛ. ³⁰ во; доб. граде З. ³² гостиная О. ³³ купеческий ДЕИЛ. ³⁴ Доб. именем ДЕИЛ. ³⁵ Цветной А. ³⁵⁻³⁶ по случаю своему ДЕИЛ; нет О. ³⁷ иде ДЕЛ; иже И; шел О. ³⁸⁻⁴⁰ божественнаго АК. ³⁹ божией ДИЛ. ³⁹⁻⁴¹ по вечернем пении в дом свой ДЕИЛ. ⁴²⁻⁴⁴ внегда быти ему ДЕИЛ. ⁴³ Нет З. ⁴⁵ Богдану ДЕИ; нет Л; доб. Цветнов О. ⁴⁶ Доб. своему О. ⁴⁷ обратившися Л. ⁴⁸ соборной ДЕИЛ. ⁴⁹ помолися ДЕИЛ; помолися Н; доб. и паки (тако И) иде ДЕИЛ. ⁵⁰ где К; доб. се А; доб. ту ДЕИЛ. ⁵⁰⁻⁵³ Нет АДЕИКЛ. ⁵¹⁻⁵² Нет П. ⁵² Нет О. ⁵²⁻⁵³ сидящий человек ДЕИЛ; некоторый человек К; сидел человек О. ⁵⁴ который К. ⁵⁵ увидев ДЕИЛН; видя П. ⁵⁶ Доб. Цветнова АК.

той⁵⁷ человек⁵⁸ пошел⁵⁹ за ним⁶⁰ в улицу⁶¹, и постигши⁶² ево⁶³, остановил⁶⁴ и вынул⁶⁵ из шапки оболочен⁶⁶ в бумаге крест поклонной⁶⁷ скован в серебре⁶⁸, позлащен⁶⁹ камением⁷⁰ и жемчугом⁷¹ украшен⁷². И той⁷³ крест⁷⁴ дает⁷⁵ ему⁷⁶ Богдану⁷⁷: «Приими⁷⁸ сей животворящий крест⁷⁹, ибо⁸⁰ изволил⁸¹ он⁸² у тебя быти⁸³». И⁸⁴ он⁸⁵ Богдан⁸⁶, не приняв⁸⁷ креста⁸⁸, спроси⁸⁹ ево⁹⁰, коего града⁹¹, и какова⁹² чину⁹³, и⁹⁴ кто именем⁹⁵. И тот⁹⁶ человек ему Богдану⁹⁷ сказал⁹⁸ про себя⁹⁹: «Я де¹⁰⁰ града Арзамаса сын боярской¹⁰¹, зовут² Васильем³ Сергеев сын⁴ Микулин⁵». И он Богдан⁶ усумневся⁶, не искус⁷ ли какой хочет⁸ учинити надо мною⁹, и¹⁰ спросил¹¹, что сей¹² за крест. И¹³ он || Василей учал¹⁴ ему¹⁵ Богдану¹⁶ сказывати¹⁷ с великими слезами¹⁸:

¹⁹В прошлом²⁰ де во²¹ 165-м²² году²³, как²⁴ великому государю²⁵ бог²⁶ поручил²⁷ взять литовский²⁸ град²⁹ Вилну³⁰, и³¹ я³² тут³³ же³⁴ был³⁵ на³⁶ службе. И³⁷ как³⁸ вошли³⁹ в тот град⁴⁰ многия⁴¹ люди воинския⁴² и вошли⁴³ в литовскую⁴⁴ церковь, такожде⁴⁵ и я⁴⁶ вошел⁴⁷, хотя что взяти, и⁴⁸ до мене⁴⁹ все⁵⁰ побрано⁵¹, толко⁵² де увидел⁵³, лежит⁵⁴ на помосте церковном⁵⁵ сронен сей⁵⁶ животворящий⁵⁷ крест⁵⁸. И⁵⁹ я⁶⁰ ево поднял⁶¹ и⁶² привез его⁶³ в Арзамаской уезд к себе⁶⁴ в дом⁶⁵, и⁶⁶ стоял⁶⁷ сей животворящей⁶⁸ крест⁶⁹ в клетке моей⁷⁰ по то⁷¹ время, как⁷² в нынешнем⁷³ 7166-м⁷⁴ году⁷⁵ по указу⁷⁶ великого государя⁷⁷ нашу братью учили⁷⁸ высылать

^а в ркп. доб. и далее зачеркнуто сына. ^б в ркп. доб. и далее зачеркнуто не приняв креста.

⁵⁶⁻⁵⁸ Нет АДЕЙКЛО. ⁵⁷ Нет БВЗ. ⁵⁹ тече ДЕЛ; пошед З; иде И. ⁶⁰⁻⁶¹ поскорю ДЕИЛ. ⁶² постигши А; постигну Б; постигши И; постигше Л. ⁶³ того ДЕЛ; то И. ⁶⁴ останови И; остановил К; останови Л. ⁶⁵ вынул ВГ; выняв ДЕИ; вынял К; вынев ЛО. ⁶⁶ облочен АК; облочен ДЕИЛ; нет О. ⁶⁷⁻⁶⁸ Нет И. ⁶⁷⁻⁷² Нет З. ⁶⁹ Нет КЛО. ⁷⁰⁻⁷¹ Нет Д. ⁷¹ жемчуги ИЛНО. ⁷²⁻⁷⁸ Нет ДЕИЛ. ⁷³ тот О. ⁷⁴ Нет К. ⁷⁵ дающе ДЕИЛ; даст О. ⁷⁶ Нет БВЖ. ⁷⁷ Доб. глагола ДЕИЛ; доб. Цветнову О. ⁷⁸ Доб. де НО. ⁷⁹ Доб. господень ДЕИЛО. ⁷⁹⁻⁸¹ изволил бо ДЕИЛ. ⁸⁰ Нет НО. ⁸¹ Доб. ди О. ⁸² оный ДЕИЛ. ⁸²⁻⁸³ тебе вдатися ДЕИЛ. ⁸⁴ Но АК. ⁸⁵ той ДЕИЛ. ⁸⁶ Нет О. ⁸⁷ принел А. ⁸⁸ крест ДЕИЛ; доб и А. ⁸⁹ спросил АН; спросив ВГЖЗ. ⁹⁰ Доб. сына боярскаго БВН. ⁹¹ Доб. еси ДЕИЛ. ⁹² Нет К. ⁹³ чина ДЕИЛ; доб. человек Ж. ⁹⁴⁻⁹⁵ како ти есть имя ДЕЖЛ. ⁹⁶⁻⁹⁸ Он же, отвещав (отвещав И), рече ему ДЕИЛ. ⁹⁶ той ВО. ⁹⁷ Нет АКО. ⁹⁸⁻⁹⁹ Нет ДЕИЛ. ⁹⁹ Доб. что АО. ⁹⁹⁻¹⁰⁰ Аз есмь ДЕИЛ.

¹ дворянской О. ² имянем А; имя ми есть ДЕИЛ; зовуся З; зовом Н; нет О. ³ Василий АДЕИЛО. ⁴ Доб. прозванием ДЕИЛ. ⁵ Митулин К. ⁶ усумневся А; усумневся И; усумневся Н; усумневся О. ⁷ искушает И. ⁸⁻⁹ ми учинити ДЕИЛ. ¹⁰ Доб. паки ДЕИЛ. ¹¹ вопросы; доб. его ДЕИЛ. ¹² се АК. ¹³ Тогда ДЕИЛ. ¹⁴ нача АДЕИЛ; стал О. ¹⁵ Нет АП. ¹⁶ Доб. подробну ДЕИЛ; нет ОП. ¹⁷ разсказывати И. ¹⁸ Доб. глаголя АЛ. ¹⁹⁻²³ Нет О. ²⁰⁻²¹ Нет АДЕИЛ. ²¹ Нет К. ²² 7165 АКЛ; 7065 ДЕИ. ²³ годо ИЛ. ²⁴ егда АДЕЛ; негда И; доб. де О; доб. господь П. ²⁵ царю И; доб. царю ДЕ; доб. господь О. ²⁶ Нет П. ²⁷ поручи ЕИЛ. ²⁸ литовской АКН. ²⁹ город АКН. ³⁰ Вилну К. ³¹ а ВКН. ³² он ВКН; аз ДЕИЛ; доб. Василей АВЖЖН. ³³ Нет О. ³⁴ де О; нет БВКЛН. ³⁵ бех ДЕЛ; бег И. ³⁶ Доб. той же О. ³⁷ А БЖЗ. ³⁸ тогда ДЕИЛ. ³⁹ взошли Д; возшли ЕЛ; возышли И. ³⁹⁻⁴⁰ Нет ДЕИЛ. ³⁹⁻⁴³ Нет Н. ⁴⁰ город А. ⁴¹ Нет ДЕИЛП. ⁴¹⁻⁴² вои ДЕИЛ. ⁴²⁻⁴³ Нет ДЕИЛ. ⁴³ пошла А. ⁴⁴ Доб. землю и И. ⁴⁵ тамо же ДЕИЛ. ⁴⁶ аз ДЕИЛ. ⁴⁷ взошел АД; возшел ЕЛ; восшел И; шшел О. ⁴⁸ но А; то и О. ⁴⁹ Доб. уже ДЕИЛ. ⁵⁰ Доб. де Н. ⁵¹ Доб. было ДЕИЛ. ⁵² точию ДЕИЛ. ⁵³ увидех ЕИЛ; доб. что О; доб. я П. ⁵⁴ лежаш ДЕИЛ; нет АКП. ⁵⁵⁻⁵⁶ Нет ДЕИ. ⁵⁶ Нет Л. ⁵⁷ честный АК. ⁵⁸ Доб. господень ДЕИЛ. ⁵⁹ Нет Н; доб. тут О. ⁶⁰ ту ДЕИЛ; доб. де ВГЖЗК. ⁶¹ поднел В; подняв ДЕЛОП; доб. взя себе Д; доб. взях к себе Е; доб. взял к сему И; доб. взях себе Л. ⁶² Нет О. ⁶³ Нет ЗЛО; доб. с собою П. ⁶³⁻⁶⁴ Нет ДЕИЛ. ⁶⁴ Доб. в деревню О. ⁶⁵ Доб. свой ДЕЛ; доб. свой шел И; доб. в деревню Н. ⁶⁶ Нет И. ⁶⁷ бе поставлен ДЕИЛ; доб. де НО. ⁶⁷⁻⁶⁹ Нет ДЕИЛП. ⁶⁸ честный АК. ⁷⁰ Нет ДЕИЛ. ⁷¹ оно ДЕИЛ. ⁷²⁻⁷⁵ на другой год О. ⁷³ Доб. во АК. ⁷⁴ 166-м АВЖЖН; 7066-м Е. ⁷⁵ годо Л. ⁷⁵⁻⁷⁶ указом ДЕИЛ. ⁷⁷ Доб. повелено ДЕИЛ; доб. и царя З. ⁷⁷⁻⁷⁹ поехал паки К. ⁷⁸ Нет ДЕИЛ.

ти⁷⁹ на⁸⁰ службу. ⁸¹И как⁸² я⁸³ стал⁸⁴ убираться⁸⁵, || и⁸⁶ слышу⁸⁷ впросонье⁸⁸ л. 13
об.
к⁸⁹ себе таков⁹⁰ глас⁹¹: «Василей⁹², возми⁹³ сей⁹⁴ крест⁹⁵ и⁹⁶ отвези⁹⁷ ево
из дому своего⁹⁸ во⁹⁹ град¹⁰⁰ Муром и отдай ^{III.} Богдану Цветнову², из-
волил³ он⁴ животворящий крест⁵ быти в⁶ Муроме в девичье⁷ монастыре⁸
в церкви⁹ живоначальный¹⁰ троицы». И я¹¹ не поверил¹² тому¹³, поставил¹⁴
в сонное мечтание¹⁵. И¹⁶ после того¹⁷ во второй¹⁸ день¹⁹ впросонье²⁰ та-
ков же²¹ глас слышу²², и тому²³ также²⁴ не поверил²⁵ и ни во что вме-
нил²⁶. И²⁷ за два дни до²⁸ поезду²⁹ моего³⁰ на службу³¹ спящу мне³² в по-
лудни³³, и во сне также³⁴ глас бысть³⁵ ко мне³⁶ с великим прещением
и грозою³⁷: «Отвези³⁸ сей³⁹ крест⁴⁰ и⁴¹ не держи⁴² в дому своем⁴³. Аще⁴⁴ не от-
везеши, ⁴⁵где он ⁴⁶изволил быти⁴⁷, зле ⁴⁸пленен будеши⁴⁹, а⁵⁰ за ослуша-
ние⁵¹ наказан || будеши». И я⁵² убоялся⁵³ того⁵⁴ страшного прещения⁵⁵, л. 14
пришел⁵⁶ к тебе: прими⁵⁷ сей животворящий крест господень⁵⁸, не сом-
невайся⁵⁹ ни⁶⁰ о⁶¹ чем⁶². Кто бы⁶³ мне велел такое⁶⁴ многоценное сокровище
отдать тебе⁶⁵, аще⁶⁶ бы не сам он изволил⁶⁷ тако⁶⁸ быти⁶⁹? Я⁷⁰ тебя⁷¹ и
⁷²не знаю⁷³, толко⁷⁴ про тебя⁷⁵ слышал⁷⁶.

⁷⁷И он⁷⁸ Богдан⁷⁹, слыша⁸⁰ от него⁸¹ Василия⁸² такая⁸³ речи⁸⁴, та-
кожде⁸⁵ со слезами ⁸⁶той⁸⁷ животворящий⁸⁸ крест⁸⁹ принял⁹⁰, а ево⁹¹
Василия⁹² взял⁹³ в дом свой и⁹⁴ стал⁹⁵ ему давать⁹⁶ потребная от богат-

⁷⁹ высылать ДЕЙЛН. ⁸⁰ в К. ⁸¹⁻⁸⁴ Нет Н. ⁸² вегда ДЕЙЛ; доб. де К.
⁸³ мне ИЛ; нет АДЕК. ⁸³⁻⁸⁵ еще не поехал АК; приспе время ити в путь сей
ДЕЛ; приспе время ити в путь свой сей И. ⁸⁴ учал; доб. на службу О. ⁸⁵ смыш-
ляется Н; смышляга О; доб. на службу Ж; доб. на службу государеву З. ⁸⁶ Доб.
в ноши спящу мне ДЕЙЛ. ⁸⁷ слыша АК; слышах ДЕЛ; слышал И. ⁸⁸ во сне
АК; впросонии ДЕЙЛ. ⁸⁸⁻⁹⁰ Нет АК. ⁸⁹ Нет О. ⁹¹ Доб. глаголющ ко мне
АК. ⁹² Василе К. ⁹³ Доб. де Н; нет О. ⁹⁴ Доб. животворящий О.
⁹⁵ Доб. из дому своего ДЕЙЛ. ⁹⁶ Нет О. ⁹⁷⁻⁹⁸ Нет АДЕИКЛ. ⁹⁹ в АКНО.
¹⁰⁰ грат; доб. в И; город НО; нет АК.
III, 1-3 Нет Е. ² Цветному БО; Светному И; доб. яко А; доб. зане ДЕЙЛ.
³ изволил А; изволи ДИЛ; доб. де В; доб. ди О. ⁴ той БВГЖН; оный ДЕЙЛП;
сей ЗО. ⁴⁻⁵ Нет АК. ⁵ Доб. господень ДЕЙЛ. ⁶⁻⁷ Нет АК. ⁷ девичьем
ГЗ. ⁸⁻⁹ Нет АЗК. ¹⁰ святых АК. ¹¹ Аз ДЕЙЛ; доб. де БВГЖНО.
¹² уверяя ДЕЙЛ; уверил И. ¹³ сему З; еже И. ¹³⁻¹⁵ Нет АК. ¹⁴ постави Л;
доб. себе О. ¹⁶ Нет ДЕЙЛ. ¹⁶⁻¹⁷ Потом же паки ДЕЙЛ; нет АК. ¹⁷ Доб.
времени О. ¹⁸ вторую АК; второе ДЕЙЛ. ¹⁸⁻²¹ Нет Ж. ¹⁹ ночь АК.
²⁰ во сне ДЕЙЛ; нет К; доб. же О. ²² услышал А; слышах ДЕЛ; слышал И; услы-
шел К; доб. но АК. ²³ то АК. ²³⁻²⁶ в мечтание поставил АК. ²⁴ Нет О.
²⁵ поверя ДЕЙЛ. ²⁶ поставил ВГН; вмени ДЕЙЛ; доб. и за мечтание сочел З.
²⁷ Доб. уже ДЕЙЛ. ²⁸ Нет АК; по З. ²⁹ отъезду АДЕИКЛП; отъезде З.
³⁰ моем З. ³⁰⁻³¹ Нет АДЕИКЛП. ³¹⁻³² Нет АК. ³²⁻³³ Нет АВВГДЕЖЗ-
ИКЛМНО. ³³⁻³⁴ Нет ДЕЙЛ; паки с прещением АК. ³⁵ слышу О. ³⁵⁻³⁶ во
сне Б; нет О. ³⁶⁻³⁷ повелевающ АК. ³⁷ Доб. сидевый ДЕЙЛ. ³⁸ отвезти А;
отвести К. ³⁹ Доб. животворящий О; нет АК. ⁴⁰ Доб. Христов в Муром АК.
⁴¹ Нет А. ⁴¹⁻⁴³ Нет К. ⁴² держати А. ⁴⁴⁻⁴⁸ сего не сотвориши АК.
⁴⁵⁻⁴⁷ Нет П. ⁴⁶⁻⁴⁷ быти соизволил ДЕЙЛ. ⁴⁷ Доб. то О. ⁴⁸⁻⁴⁹ погибнеши ДЕЙЛНО.
⁵⁰ и АЗК. ⁵¹ послушание И; доб. твое О. ⁵² аз; доб. зело ДЕЙЛ; доб. де БВГНО.
⁵³ убоаяся АДИ; убоая ЕЗЛНП; убоаяся К. ⁵⁴ сего ДЕЙЛ; нет Н; доб. и О.
⁵⁴⁻⁵⁵ Нет ДЕЙЛНО. ⁵⁵ Доб. и А. ⁵⁶ пришед БВГЖ; привез ДЕЛНО; привес И.
⁵⁷ Доб. убо ДЕЙЛ. ⁵⁷⁻⁵⁸ Нет АК. ⁵⁸ Доб. и О. ⁵⁹ сумневайся АДЕИКНО.
⁶⁰ не И. ⁶¹ в АК. ⁶² чесом ДЛ; доб. же АДЕИКЛ. ⁶²⁻⁶⁹ Аще бы не сам
изволил зде быти, то кто бы мне велел таковое сокровище тебе отдати А. ⁶³⁻⁶⁹ аще
не сам, изволил отдати ти К. ⁶⁴ таковое БДЕЙЛ. ⁶⁵ Доб. велел В. ⁶⁶⁻⁶⁷ не
бы соизволил сам он Е; не бы сам он соизволил Л. ⁶⁷ соизволил Д; не зivioлил И.
⁶⁸ Нет О. ⁶⁹ Доб. да А; доб. и како бы К; доб. а О. ⁷⁰ Аз ДЕЙЛ; доб. де БН; доб. о К;
доб. бо Л. ⁷¹ вас АКО; тебе ДЕЙЛ. ⁷² Нет ЗК. ⁷²⁻⁷³ ведом был К. ⁷³ Доб. а. З.
⁷³⁻⁷⁶ Нет АК. ⁷⁴ точию ДЕЙЛ. ⁷⁵ тебе ДЕЙЛ. ⁷⁶ слышах ДЕЙЛ.
⁷⁷⁻⁷⁸ Когда же З. ⁷⁹ Доб. Цветков О. ⁸⁰ услыша АК; слышах ДЕЙЛ; слышах ЛО.
⁸¹ Нет А; онаго БВГЗ. ⁸² Нет ДЕЙКЛНО. ⁸³ сидевый ДЕЙЛ. ⁸⁴ слова
АК. ⁸⁵ и АЗК; доб. тако З; тако же Н. ⁸⁶⁻⁸⁹ Нет БК. ⁸⁷ оный ДЕЙЛ;
тот К. ⁸⁸ честный АК. ⁸⁹ Доб. господень ГДЕЗИЛНО. ⁹⁰ приял ДЕЙЛ;
прием О. ⁹¹ Нет А. ⁹² Доб. Миклуина ДЕЗИЛНО. ⁹³ взяв ДЕЗЛО.
⁹⁴ Нет ЛН. ⁹⁵ нача АДЕЙЛ; учал НО. ⁹⁶ даяти ДЕЙЛ.

ства⁹⁷ своего⁹⁸. Он⁹⁹ же страха ради божия¹⁰⁰ ничего не принял^{IV, 1} и² поиде³ в путь свой⁴ на службу⁵.

6 Тарас⁷ же ⁸по прозванию⁹ Богдан¹⁰ той животворящий¹¹ крест господень со многою честию¹² и молебным пением¹³ поставил¹⁴ в девичье¹⁵ монастыре¹⁶ || в церкви¹⁷ живоначальных троицы¹⁸ на правой стороне¹⁹ на налое²⁰, где и донныне благодатию божиею²¹ обретается²². И²³ в том животворящем кресте господни²⁴ сокровенной²⁵ благодати²⁶ божией²⁷ святых²⁸ и целбоносных²⁹ мощей³⁰ подписано тако:

31 Часть древа³² жезла³³ пророка Моисея³⁴.

Риза³⁵ преподобного³⁶ Сергия Радонежского³⁷.

Риза³⁸ Ефрема Новоторжского³⁹.

Трости⁴⁰ Антония Римлянина⁴¹.

Гробы⁴² Гурия и Варсонофия⁴³ Казанских⁴⁴.

Персть⁴⁵ Евфросинии⁴⁶ Суждалских⁴⁷.

Гроб⁴⁸ Макария Желтоводского⁴⁹.

И⁵⁰ в том же⁵¹ 7166-м⁵² году⁵³ будет он Василей⁵⁴ на службе великаго государя, и волею божиею под Копотопом⁵⁵ на бою⁵⁶ взяли⁵⁷ ево⁵⁸ Василия⁵⁹ в полон⁶⁰ крымския татары⁶¹ и отвезли⁶² в Крым. И был⁶³ он⁶⁴ || у них⁶⁵ в Крыму⁶⁶ от осени⁶⁷ и⁶⁸ до великаго поста⁶⁹, и будучи⁷⁰ в плену⁷¹, безпрестанно⁷² со слезами⁷³ бога⁷⁴ молил⁷⁵ и каялся⁷⁶, прощения прося⁷⁷ о ослушании⁷⁸ своем⁷⁹ и о протчем согрешении, ⁸⁰и животворящаго креста⁸¹ силу на⁸² помощь призывал⁸³, чтобы⁸⁴ ево избавил⁸⁵ от поганых татарских рук.

И преступя⁸⁶ всякой⁸⁷ страх⁸⁸ и ⁸⁹надежду⁹⁰ твердо⁹¹ возложи⁹² на

97 имения АДЕИКЛ. 98 Доб. Но АК. 99-100 Нет АК.

IV, 1 взял АК; прият ДЕ; приял ИЛ; приел Н; взяв О. 2 Нет НО. 3 иде ДЕЗЛ. 4 Нет А. 4-5 Нет О. 5 Доб. государеву З. 6-8 Нет И. 6-9 И той О. 7 Тарасий АДЕЛН. 8-9 имянуемый ДЕИЛ. 10 Доб. Цветнов О. 11 Нет АК. 12-13 Нет ЖЗ. 14 постави ДЕИЛН. 15 девичьем ГЗО; девичий ДЛ; девичей И; девиче Н; нет АК. 16 монастырем И; монастыри Н. 16-17 Нет АЖК. 17 церковь И; доб. святых О. 18-20 Нет А. 18-21 Нет КО. 19 стране ЛП. 20 аналое З; аналогии ДЕИЛ. 20-22 Нет ДЕИЛН. 21 Христовою АК. 22-27 Благодати же сокровенно в том кресте О. 22-30 Сокровенно святых мощей в том кресте, на котором А; В том кресте обретается сокровенно святых мощей благодатию Христовою, на коем К. 23 А ВЗН. 24 господнем И. 25 сокровенна ДЕИЛ. 26 благодать ДЕИЛ. 27 Нет БВГДЕЖЗИЛН. 28-29 Нет БП. 29 целебных И. 30 Доб. и ДЕИЛ; доб. обретается З. 31-32 Древо О. 32 Нет БВГЖП. 33-34 Моисеова АДЕИО. 34 Доб. 1 А. 35 Ризы АК. 36 Нет ДЕИ. 37 Доб. 2 А; доб. чудотворца Б. 38 Ризы АК; доб. преподобнаго А. 39 Новоторжскаго О; доб. 3 А. 40 Трость ДЕИЛО; доб. преподобнаго Б. 41 Доб. 4 А. 42 От раки АВГК. доб. преподобных А; доб. части ВГ; доб. преподобнаго К. 43-46 Нет И. 44 Доб. 5 А; нет В. 45 Перст АЗ; Персти Б. 47 Суздальския З; Суздальских И; Суздальския К; доб. 6 А. 48 От раки АВГЖЗК; доб. часть АГК. 49 Желтовоцкаго З; Желтовоцкаго Н; доб. 7 А; доб. Чудо И; доб. чудотворца Л. 50 Нет З. 51 Доб. в Л. 52 166-м БВЖН; 7066-м Е; 7067-м И; нет О. 53 годе Е; доб. как О. 53-54 он Василий быв А; бывшу ему Василию ДЛ; бывшему Василию И. 55 Доб. под городом О. 56 Доб. оный Василий И. 57 вят; доб. был ДЕИЛ. 57-59 Нет АДЕИЛ. 58 Нет К. 60 плен А. 60-61 крымскими людьми ДЕИЛ. 61 люди О. 62 отвезен ДЕИЛ. 63-65 Нет ДЕИЛ. 64 Нет О. 65-68 Нет БВГЖЗК. 66 плену А. 67 есени ДЕЛ. 68 Нет АДЕЗИКЛНОП. 69 Доб. в 7167-м годе ДИЛ; доб. в 7067-м годе Е; доб. 166-го году Н. 69-70 Бывшу же ему ДЕИЛ. 70 Доб. у них О. 71 полону ЕО. 72 непрестанно АДЕИКЛ. 72-73 Нет АЗК. 72-74 господу богу со слезами ДЕИЛ. 74 богу АЗКО. 75 молился АДЕИКЛО. 75-76 каяся и ДЕИЛН; нет О. 77 просил О. 77-79 за свое ослушание О. 78 Доб. во всем И. 80-83 и призывая на помощь животворящаго креста господня З. 81-82 на силу и О. 82 в К. 83 призывая БВЖК; призывавше ДЕИЛО; доб. выну ДИЛ; доб. и Н. 84 дабы АК. 84-85 избавил его бог АК. 86 пренебрег АК; преступя З. 86-88 страх всячески (всяческий ЕЛ) ДЕИЛ. 87 Нет АК. 88 Нет ДЕЗИЛ. 89-91 Нет АК. 90-92 возложив твердо (тверду О) ДЕИЛО. 92 возложась АК; возложил БВГЖЗ; возложих Н.

силу⁹³ животворящаго⁹⁴ креста⁹⁵ и верова⁹⁶, яко⁹⁷ по наказании⁹⁸ сотворит⁹⁹ ему милость¹⁰⁰, пошел^v.¹ Ис Криму с вечера и² шел³ всю ночь. И к свету увидел⁴ в стороне лесок малой чапыжничек⁵, и отбежав⁶, лег⁷ в том⁸ леску⁹. И часу¹⁰ в пятом дни¹¹ виде¹², по стопе¹³ его¹⁴ гонят татарове¹⁵ два человека, и¹⁶ тот лесок пробежали.¹⁷ И¹⁸ лежал¹⁹ я²⁰ в том леску²¹ до ночи²², и пред вечером²³ татарове²⁴ || назад пробежали²⁵, а сами браня²⁶ по-своему²⁷: «Ушол де гаур²⁸ маскаран²⁹ Василей»³⁰. И³¹ в другую ночь пошел³² на³³ Русь³⁴, питался³⁵ травкою³⁶ и корением³⁶, и³⁷ где на стан³⁸ наиду³⁹, как⁴⁰ шли⁴¹ крымския⁴² люди⁴³ и метали кости, и тем⁴⁴ питался⁴⁵.

И помощью животворящаго⁴⁶ креста⁴⁷ вышел в черкаские города⁴⁸, и⁴⁹ ис полону⁵⁰ пришед⁵¹ в город⁵² Муром⁵³, молился⁵⁴ животворящему⁵⁵ кресту⁵⁶, и⁵⁷ про все⁵⁸ он⁵⁹ Василий⁶⁰ сказал⁶¹, еже ему⁶² случися⁶³. Ко-нец⁶⁴ и⁶⁵ богу слава⁶⁶, творящему⁶⁷ дивная и преславная чудеса⁶⁸.

⁹³ помощь АК. ⁹⁴ Нет АК. ⁹⁵ Доб. святаго А; доб. господня ДЕИЛО.
⁹⁵⁻¹⁰⁰ Нет АК, ⁹⁶ веруя; доб. крепко ДЕИЛ. ⁹⁷⁻⁹⁸ Нет О. ⁹⁹ сотвори О.
¹⁰⁰ Доб. и тако ДЕИЛ.
^v, ¹ поиде; доб. Василий З. ² Нет З. ³ шед ДЕИЛ. ⁴ увиде Д; увидев ЕИЛ. ⁵ чапыжничек БЕЖОП; чапышничек Г; чепышничек И. ⁶ отшел АК; подбежав З; доб. и И. ⁷ лех И. ⁸ Нет АК. ⁹ лесу А; нем ДЕИЛ. ¹⁰ часу И. ¹¹ дня ЕЗИЛ. ¹² виде А; видит ВГКП; видел Л; видех И; доб. что О. ¹³ стопам З. ¹⁴ Нет О. ¹⁴⁻¹⁶ гонящих татар двух (двох Л) человек, им же ДЕИЛ. ¹⁵ татарова Н. ¹⁷ пробежавшим ДЕИЛ. ¹⁷⁻²¹ Ему же Василию во оном лежащу даже ДЕИЛ. ¹⁸ Доб. он З. ¹⁹ был О; доб. де БВГЖН. ²⁰ он О; нет З. ²¹ лесу А. ²² ноши АДЕИЛ. ²³ Доб. те же О. ²⁴ татары З. ²⁵ пробежаша ДЛ. ²⁶ браняще ЕИЛ. ²⁷ Нет И; доб. языку О. ²⁷⁻³⁰ Гаур (Глур Е) марсака, то есть ушол ДЕЛ; Гаур маскаран, ушол де Василей З; Гоур марсана, то есть ушол по Василей И. ²⁸ глур Г. ²⁹ маскара Н; маска и он О. ³⁰ Нет А. ³¹ Нет АИО; доб. он Василий ДЕЛ; доб. я Василей Н. ³² поиде ДЕИЛ. ³³ в О. ³⁴ Доб. шедши (шедше Е; шетше И) же путем ДЕИЛ; доб. и О. ³⁵ питаяся ДЕЗИ; питася Л. ³⁶ кореньями З; кореньем К. ³⁷ а ДЕИЛ. ³⁸ станех ДЕИЛНО. ³⁹ наиде А; найдет О; находил; доб. кости ДЕИЛ. ⁴⁰ яже ДИЛ; иже Е. ⁴¹ шедше ДЕЛ; шетше И. ⁴² римския О; доб. воинския ДЕИО; доб. воинские ЛН. ⁴³⁻⁴⁴ меташа, ими ДЕИЛ. ⁴⁴ Доб. он О. ⁴⁵ питася ДЕИЛ. ⁴⁶ честнаго АК. ⁴⁷ Доб. господня ДЕИЛО. ⁴⁸ города АГ; грады ДЕИЛ. ⁴⁹ Нет АК. ⁴⁹⁻⁶⁸ в дом свой прииде и сия вся сказывал, яже ему случилось, а сам он Василей Микюлин, вышедши ис полону, молился животворящему кресту, служил молебн, идучи в дом свой О. ⁴⁹⁻⁵⁰ из плену АЗ; потом ДЕИЛ; доб. и ВКН. ⁵¹ пришел ВКН; прииде ДЕИЛ. ⁵¹⁻⁵² во град ДЕЗИЛ. ⁵³ Доб. с радостью (радостию ЕЛ) великою и ДЕИЛ; доб. и З. ⁵⁴ помолился; доб. с верою и любовию ДЕИЛ; помолвися З. ⁵⁵ Нет ЗК. ⁵⁶ Доб. господню АК; доб. господню, иже крепкою своею силою изъязвше его от поганых рук неприятельских и приведе по свое отечество ДЕИЛ; доб. господню, и благодарив бога за его великое милосердие, яко избавил от злых босурманов З. ⁵⁷⁻⁵⁸ вся сия ДЕИЛ. ⁵⁹ Доб. ему АК. ⁶⁰⁻⁶⁶ еже ему по вручении креста господня реченному Богдану бывшу на службе случшася (случившася И), сказал в сущую истину в прославление того животворящаго креста господня, еже есть в честь и славу в троице единому богу ДИ; еже ему случшася на службе по вручении креста господня реченному Богдану, сказал сущую истину в прославление того животворящаго креста господня, еже есть в честь и славу в троице единому богу Е; еже ему Богдану бывшу на службе случшася, сказал в сущую истину в прославление того животворящаго креста господня, еже есть в честь и славу в троице единому богу Л. ⁶¹ росказал А; рассказав З. ⁶² с ним З. ⁶³ случилось З. ⁶³⁻⁶⁵ Нет АК. ⁶⁴⁻⁶⁸ Нет З. ⁶⁷ сотворшему АБВГДЕЖЗИКЛН. ⁶⁸ Доб. Во веки веком. Аминь. АК; доб. Аминь. ВГ.

Э. МАЛЭК

К изучению древнерусского перевода «Повести о купце» Б. Будного

«Повесть о купце, который заложился с другим о добродетели жены своея» принадлежит к числу произведений, переведенных во второй половине XVII в. с польского языка. Оригиналом перевода была прозаическая обработка сюжета девятой новеллы 2-го дня «Декамерона» Боккаччо, выполненная в конце XVI столетия польским гуманистом Бениашем Будным.¹

А. Н. Пыпин, с которого начинается изучение повести,² ошибочно отождествляет текст Будного с польской стихотворной версией того же сюжета, озаглавленной «*Historia barzo piękna o Barnabaszu. Jako się ten zasny kupiec z drugim kupcem na snotę żony swojej założył o zakład piętały*». Это анонимное произведение было впервые напечатано в 1571 г. в краковской типографии Вижбенты, а уже в 1583 г. в той же типографии появилась его прозаическая обработка, т. е. «*Historia krotofilna o kursu, który się z drugim założył o snotę żony swojej*» Б. Будного, которая и послужила непосредственным источником русского перевода. Будный сохраняет амплификации и пропуски анонимного автора, целью которых было смягчение некоторых, показавшихся скабрёзными деталей текста Боккаччо. Ср., например, сцену в спальне: в «Декамероне» Амбросий разглядывает тело спящей красавицы, с трудом сдерживая охватившую его похоть; у Будного сцена лишена чувственности — герой смотрит на раздевающуюся даму сквозь щель сундука без каких бы то ни было греховных помыслов. Из других изменений отметим еще усиление роли бабы, помогавшей Амбросию проникнуть в комнату купеческой жены, и другое расположение акцентов в концовке новеллы. Кроме того, Будный изменил имена действующих лиц: так, Бернабо Ломеллино из Генуи превращается в Викентия, а Гиневра (Секюран) — в Флорентию (Иствана). В целом, однако, проза Будного намного лучше воспроизводит итальянский оригинал, чем поэтическая версия анонима. По мнению Ю. Кржижановского, «Повесть о купце» Б. Будного — это незаурядное произведение, отличающееся интересным сюжетом, лаконичностью изложения, простым и ясным языком.³

Русскому переводчику, как будет показано ниже, в основном удалось сохранить достоинства оригинала. И хотя факт этот давно известен (кроме А. Н. Пыпина упоминал о русском переводе и опубликовал фраг-

¹ См.: J. Krzyżanowski, *Romans polski wieku XVI*. Warszawa, 1962, s. 227—230.

² А. Н. Пыпин. Очерк литературной истории старинных повестей и сказок русских. СПб., 1858, с. 277—278.

³ J. Krzyżanowski, *Romans polski...*, s. 229—230.

мент русского текста С. Л. Пташицкий⁴), сведения об этом интересном памятнике не вошли ни в один из учебников по древней русской литературе, несмотря на то что в каждом из них переводной беллетристике XVII в. уделяется много внимания.

Из советских медиевистов только О. А. Державина заинтересовалась «Повестью о купце», так как списки этого сочинения встречаются вместе с фацециями и новеллами из «Великого Зеркала», монографическим изучением которых исследовательница занималась.⁵ Рассматривая повесть в контексте переводной новеллы, исследовательница пришла к выводу, что перевод «Повести о купце» был выполнен в процессе работы над русской версией фацеций, а так как один из ее списков находится в старейшем кодексе первого перевода фацеций, то мы имеем право отнести возникновение русского варианта повести к концу XVII в.

О. А. Державиной принадлежит заслуга открытия 4 новых списков памятника, не отмеченных библиографией В. П. Адриановой-Перетц и В. Ф. Покровской «Древнерусская повесть. Библиография истории русской литературы» (вып. 1. Л., 1940, с. 281). Таким образом, в настоящее время известно уже 8 списков «Повести о купце». Из них 3 датируются концом XVII в. (1 — ГПБ, Q. XVII.12 (Толст. II, 47); 2 — ГПБ, Соловецкое собр., № 242/242; 3 — Собр. Дрезденской корол. б-ки, № 6 (Of. 90)), пять — XVIII в. (4 — ГИМ, собр. Барсова, № 2346; 5 — ГПБ, F. XV.34; 6 — ГПБ, Q. XVII.170; 7 — ГИМ, собр. Соколова, № 75; 8 — БАН, 45.5.30).

Кроме того, Державина издала полностью текст «Повести о купце» по списку БАН, 45.5.30 (далее: *Б*).⁶ К сожалению, опубликованный список не сохранил первоначального текста перевода, а лишь его позднейшую обработку, на что, впрочем, указала сама исследовательница, характеризуя сборник, в составе которого находилась «Повесть о купце» как «подновленный вариант второго перевода фацеций», где «переписчик стремится развить изложение за счет дополнительных слов, эмоциональных эпитетов, сравнений и проч.»⁷

Архетип перевода лучше всего сохранился в списках конца XVII в. из рукописного собрания ГПБ, Соловецкое собр., № 242/242 (далее: *С*) и Q. XVII.12 (далее: *Q*). Однако ни один из них не является авторским текстом. В списке *С* встречаются пропуски смысловых слов, нет в нем также заключительного виршика. В списке *Q* видны следы работы переписчика над текстом перевода: он приписывает на полях рукописи лучшие лексические варианты перевода; к примеру, если в основном тексте польскому *z miasta* соответствует «с места», то на полях тем же почерком добавлено «от града»; в другом месте польское слово *szufladę* передано в виде «шуфляду», а на полях добавлено «шкатулу», и т. д. (Отметим, что в других списках, в том числе и в опубликованном Держави-

⁴ С. Л. Пташицкий. Обзор материала по истории средневековой светской повести в Польше. — ИОРЯС, т. IV, 1902, кн. 1-2, с. 88. 355-357

⁵ О. А. Державина. 1) Рассказы о женщинах и их хитростях в польских и русских фацециях XVII в. — В кн.: Славянская филология, т. II. М., 1958, с. 273—307; 2) Фацеции. Переводная новелла в русской литературе XVII века. М., 1962, с. 17, 33, 44 и др.; 3) «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965, с. 5, 167, 172.

⁶ О. А. Державина. Фацеции..., с. 174—185. В издании допущены некоторые неточности и ошибки. Несколько ошибок может быть отмечено в передаче заключительного виршика. Здесь переводчик был скован стремлением сохранить ритм и рифму оригинала, поэтому чаще, чем в основном тексте, оставляет не переведенными польские слова «нецнота», а не «но цнота», «припадком», а не «при падком», как читает О. А. Державина.

⁷ О. А. Державина. Фацеции..., с. 96.

ной списке *В*, почти все исправления уже внесены в основной текст). Если, однако, не принимать во внимание помет переписчика, то следует признать, что для решения вопроса об отношении русского перевода к его польскому источнику лучше всего привлечь именно список Q как более полный и дающий во многих случаях лучшие чтения, чем *С*.

О. А. Державина, характеризую русский перевод «Повести о купце», не говорит, на какой из списков опирается, ни разу также не сопоставляет русского текста с польским, зато часто сравнивает сюжет новеллы с «Декамероном». Поэтому ее выводы не могут быть признаны окончательными и нуждаются в уточнении.

Текст повести Б. Будного был взят русским переводчиком, по всей вероятности, из одного из изданий начала XVII в. (1614 или 1632 г.), где она помещалась вслед за «Апофегматами» того же автора. Впрочем, оба названных издания не обнаруживают существенных отступлений от не дошедшего до нас первого издания.

Итак, чтобы как можно лучше охарактеризовать степень зависимости перевода от оригинала, следует сопоставить самый близкий к архетипу список «Повести о купце» с польским печатным текстом. Мы будем пользоваться изданием 1614 г.

Действие новеллы Будного происходит в купеческой среде, и принадлежностью героев к этой социальной группе объясняются многие детали сюжета. Согласно поэтике жанра внимание автора сосредоточено на главных героях, все остальные действующие лица составляют фон или орудие действия главных героев. Переводчик сохраняет эту особенность подлинника. Главные герои названы по имени, указано место их жительства и ведущие черты характера, ср.: «некоторый Амбросии от города Пляцентии, человек непостоянный и блудный» («*niejaki Ambroży z Placentiej, człowiek płochy a wszeteczny*»), «некто Викентии именем от града Еневы, человек благопостоянный и благоразумный» («*niejaki Wincenty z Genewy, człowiek stateczny i kupiec nieladajaki*»), все остальные — это точнее не определенные «некие» люди: «купцы некоторые» («*niektorzy kursu*»), «оная баба» («*ona baba*»), «некоторый человек богатый» («*niektory człowiek bogaty*»).

«Повесть о купце» лишена элемента чудесного. Все поступки героев мотивируются вполне реальными причинами: злодейство Амбросия — его непостоянством и желанием провести Викентия, судьба Флорентии — приговором мужа и ее незаурядными личными способностями, раскрывающимися постепенно по ходу действия, и т. д. Перевод и здесь следует за оригиналом (позднейшие обработки, усиливая тенденциозность повести, все дурные поступки героев объясняют дьявольским прельщением).

Существенную роль в развитии сюжета новеллы играет прямая речь. Так, диалог купцов о женской верности является завязкой действия, а пространные, не лишенные лиризма монологи осужденной обманутым мужем Флорентии хорошо раскрывают внутреннее состояние героини: ее недоумение, переходившее постепенно в обиду, и отчаяние. Переводчик и здесь идет за оригиналом, сохраняя как функцию диалогов и монологов, так и их стиль, например:

Ona pytała przyczynę: «Dla czego by to kazał uczynić, ponieważ się nie czuję, w czym bym mu winna była». «Jaś nie wiem, miła Pani» — powiedział on sługa — «wy to lepiej wieście». Tam go ona prosiła <...> ubrała się w on chłopski ubior lamentując a narzekając

Она же вопрошала вины. || «Чего ради то муж мой повеле сотворити, понеже отнюдь не вем, в чем была ему виновата». Слуга же отповеда, что не вем, за что гнев его на ню. Тамо моляше его госпожа <...> одеваясь во ону мужескую одежду, печалуючи

na nieszczęście swe, mówiąc: «I cożem ci wżdy, moj miły Wincenty, tak złego jako żywa uczyniła, żeś tak srodze a bez żadnej przyczyny nade mną rozkazał się srożyć? Ażatem ci kiedy wiare swą w czym przestąpiła? Ażażes zawsze ze mnie nie miał powolnej żony? Ażatem ja tobie pilnym swym staraniem ku dobremu mieniu wiernie nie pomagała? Ażaż mię też tym był Bog upośledził, żebym ci nadobnych dziattek nie narodziła i one cnotliwie wychowała...»

и нарекаючи на нещастие свое, рекущи: «О, что я тебе когда, мой любимый Викентий, так злое сотворила, понеже так люто безо всякие вины надо мною повелел еси учинити? Или когда тебе || веру в чем преступила, или всегда еси не имел мене послушной жены, или я тебе прилежным своим попечением добраго имения верно не хранила, или меня бог тебе уничижил, дабы я тебе прекрасных детей не породила и их благовейно не воспитала...» (л. 92 об.—93 об.).

Отличительной чертой стиля прозы Будного является ее лапидарность. Сюжет передан так, что от него нечего отнять или прибавить. Переводчик бережно отнесся к тексту оригинала, в результате чего русский читатель получил произведение, почти не уступающее ему по своим достоинствам. Отметим лишь несколько пропусков, которые, однако, не искажают смысла рассказа, но придают изложению еще большую лаконичность.

Wincentego gryzła ta mowa niepo-mału, jakoż z tym niedobrze żartować, ale żeby jakiego złego mniemania że nie swej nie uczynił, rzekł: «Chcę ja nadto gardło swe sadzić, że tego nie dowiedziesz».

«...o co was pilnie pilnie proszę, wszak się ja też W. M. z żadnej posługi nigdy nie wymawiam ani będę, bo iż mam barzo niepatrzne mieszkanie, tedy się boję tej chudoby swej tam zostawić».

Викентия тая речь велми уязвила. «Хощу я за то голову свою положить, что ты того доводу не учинишь» (л. 88 об.).

«...o чем тебя вседушна молю, понеже около дому моего имею неласкавых сосед и злое жилище, и того ради опасаясь вещей моих тамо оставити» (л. 90).

Встречаются также, хотя очень редко, изменения, которые приводят к смысловой порче подлинника. Ср., например:

O moje namilsze corki! Wiem ci, że z przyrodzenia nie będziecie ku żadnej złej rzeczy skłonnemi, ale niestety, komuż ich więcej będzie już uczyć, napominać, przestrzegać? O nie chciał tego Pan Bóg, abych była pierwej zdechła, aniżlim te dziewczeczki porodziła...

О, мои возлюбленные девицы! Вем убо, яко с рожения своего до всякой злой вещи приклонены. О горе мне бедной! Кому их будет учити, наказывати и призирати? О не изволил того господь бог, да бых первее была умерла, нежели тые девицы породила... (л. 93 об.).

Пропуск (возможно, сознательный) в первом предложении отрицательной частицы «не» приводит к появлению антифеминистических акцентов, а замена показавшегося слишком грубым *abych zdechła* словами «да бых... была умерла» носит стилистический характер. Однако поправки такого рода единичны, в остальном русский перевод точно воспроизводит польский оригинал.

Сказанное выше не означает, однако, что перевод абсолютно безупречный. Стремление сохранить стиль оригинала путем верного отражения синтаксиса и семантики первоисточника оборачивается обилием полонизмов. Чаше всего имеем дело с калькированием предложных конструкций; ср. «до жены... написати» (л. 89), «вошла... до клетки» (л. 91), «ехал до места Парижа» (л. 91 об.), «при той речи был» (л. 87), «чрез ночь» (л. 89 об.). В двух случаях польские союзы просто написаны русскими буквами: «Что бовем может быти человеку» (л. 87 об.), «не имел ничего написати, *ани*... чего наказывати» (л. 89).

Еще больше количество полнзначных слов, переданных русскими буквами: крам, клейноты, место (в значении 'город'), довод, шуфляда, скрыня, казала (т. е. 'велела'), упросила, добре ся радил (т. е. 'справлялся') и т. п. Большинство из них, правда, общепонятно и встречается также в текстах оригинальных, но буквализм перевода приводит иногда к появлению ошибок, затемняющих смысл текста, например:

...aby one tę skrzynię kazala
wnieść do swej lożnice.
...a z nimi żadnych zgoła spraw
nie mieli...
...zwierzył się jej wszystkiego przed-
sięwzięcia...

...дабы тое скрыню повелела
внести до своего ложа... (л. 90 об.).
...с ними жадных дел не имели...
(л. 88).
...зверился ей всего намерения
своего... (л. 89 об.).

С другой стороны, переводчик пытается приблизить некоторые элементы быта к русскому читателю, вводя русскую фразеологию: obgazy — «иконы», prosił tedy Wincenty z żoną Florentyną — «купец Викентий со женою своею Флорентиею били челом».

Особо следует оговорить концовку повести. У Будного рассказ о похождениях Флорентии заканчивается сообщением о том, что Амбросий был повешен за ребро в лесу, а она вместе с мужем покинула Александрию и вернулась в родной город. Баба, помогавшая Амбросию, тоже получила бы наказание, но раскаялась в своем поступке и покончила жизнь самоубийством. Такая развязка, острая и неожиданная, хорошо сочетается с сюжетом и повествовательной манерой «Повести о купце». Русскому переводчику она показалась, однако, явно недостаточной, поэтому он сочинил мини-эпilog следующего содержания: «Потом Викентий з женою своею Флорентиею поживе много лет в богатстве великом. Повесть же сия (славна и доньне) в тех странах в памяти держится. Конец повести».

Таким образом, русский вариант новеллы уподобился другим памятникам переводной беллетристики: «Повести о Петре Златых Ключей», «Повести об Аполлоне Тирском», «Повести о кесаре Оттоне» и др., в которых повествование доводится до смерти главных героев. Ср., например, заключительные строки первого из названных произведений: «Князь же Петр с княгиною своею, с прекрасною кравежною Магиленою, стал жить в добром совете и в великой любви. Отец же его, князь Вольфанг, пожил немного время, преставися и с княгиною своею Петрониюю. А князь Петр жил после отца своего 80 лет и преставися. А после ево остана сын и правил княжение отца своего так мудро, как и отец его, князь Петр».⁸

В целом следует положительно оценить работу неизвестного переводчика, который, за немногими исключениями, бережно отнесся к сюжету и стилю оригинала. Таким образом, русский читатель второй половины XVII в. познакомился с одним из лучших произведений польской ренессансной прозы, восходящим, как известно, к самому «Декамерону».

* * *

«Повесть о купце» пользовалась на Руси довольно большой популярностью, а ее восприятие шло двумя путями: с одной стороны, наблюдаем стремление сохранить как можно лучше текст перевода (списки Q, C и ГПБ, Q.XVII.170), с другой — многочисленные попытки редактирования повести. К последним следует отнести список B, озаглавленный «По-

⁸ Цит. по: В. Д. Кузьмина. Рыцарский роман на Руси. Бова, Петр Златых Ключей. М., 1964, с. 331.

весь утешная и прилога достойная о двух купцах и о залоге добродетельных ради жены и о злом и лукавом вымысле единого и о злостьючимом убожестве другого» со следами сильной стилистической и идейной правки, список ГИМ, собр. Соколова, № 75, «О купце, заложившемся о чести жены», который представляет, как пишет О. А. Державина, особую редакцию повести,⁹ и список ГПБ, F.XV.34, отражающий, по-видимому, переходный этап, предшествующий фольклоризации повести («Повесть чудна, како жена избавила мужа своего от смерти»).¹⁰ Все названные выше редакции сохранились в списках XVIII в. и, вероятно, тогда же возникли.

Большой интерес представляет также список Дрезденской королевской библиотеки, № 6 (Of.90) (далее: *Д*). Он озаглавлен «Повесть о двою купцах зело полезна о Викетии, иже бысть от града Еневы, да о Амбросии, иже бысть от града Пляцентии; един со другим билися об великии заклад о добродетели жен своих» и является самой ранней из ныне известных переделок новеллы. На этой редакции остановимся несколько подробнее.

Стилизация заглавия повести отражает, как оказалось, сознательное, хотя не всегда выдержанное в деталях, редактирование текста. Правка затрагивает здесь как сюжет, так и стиль повести. Приведем несколько примеров.

В списке *Q* реплика Амбросия Викентию, защищающему доброе имя своей жены, вводится просто: «На те слова Викентиевы возвестил Амбросий...». В списке *Д* появляются элементы открытого морализирования, отсутствующие в архетипе перевода. Ответ Амбросия сразу же объясняется дьявольскими кознями: «И тем похвальным Викентиевым словам супостат диявол позавиде. Купец Амбросий, иже от града Пляцентии, воста и нача глаголати...». Речь Амбросия разрастается в пространное обвинение непостоянных женщин, которые «мяхкая глаголалия и плясания радостныя творят» и с юношами «вселюбезно во блудных похотях пребывают и всяки дарами оных юнош дарят». В результате утверждение, что легковых женщин без особого труда можно прельстить «дарами, всегдашними советами, частым пребыванием со юноши» (*Q*), превращается в тезис о том, что «гораздо с трудом такову нашу жену купеческую мочно обрести, которая бы к таковому дьявольскому совету не пристала и со юноши во своей младости не пребывала, и дарами бы их не дарила, и к прелести бы их себе не вдавала».

Автору переделки несомненно хорошо известна антифеминистическая струя древнерусской литературы (повести о женской злобе и др.). Напрашивается здесь и другая параллель: «Повесть о Савве Грудцыне». Ведь «уловляше» юного Савву «лстивыми словесы к падению блудному» именно купеческая жена, а «уязвляет» ее «к скверному смешению блуда» тот же супостат дьявол. Таким образом, автор переделки предстает перед нами как приверженец традиционной повествовательной манеры.

Вмешательство редактора в текст повести проявляется также в свободной трактовке сюжета произведения. Итак, с одной стороны, имеем дело с пропусками (пропущен, например, эпизод о службе Флорентии у некоего богатого человека в Каталонии и об их поездке в Александрию, к турецкому султану, вследствие чего появление героини при дворе султана слабее мотивировано), с другой — с интерполяциями. Интересным примером расширения повести является введение в текст монолога

⁹ О. А. Державина «Великое Зерцало»... с. 172.

¹⁰ О. А. Державина. Фацеции... с. 76.

изгнанной жены Викентия пространной молитвы к Богородице: «И потом, воздев руце ко... матери божи, сице вопияше и глаголюще: „О все-милостивая || госпоже царице и богородице, мати господа вышняго! Внуши, услыши глас мой и вопль и стенание сердца моего, и слезы, проливаемые ко господу богу и тебе, помощнице и наставнице всего мира. Призри на мя убогую и вскоре и внезапно обнищавшую рабу свою, буди мне наставница тверда и путеводительница, о мати божия, царица и богородица! Благоволи же, господи боже мой, едине веры тайная сердца моего мужеви моему, рабу твоему Викентию, сие незлобие яве возвестити».

Особенно разрослась концовка повести. В списке *Д* занимает она больше трех листов, в то время как в *Q* — только четыре строки. Сообщение о том, что Викентий с женою «поживе много лет в богатстве великом», превращается в пространный рассказ о жизни счастливых супругов, об их нищелюбии и благородстве: «...и начаша жити в велицей радости и веселии, слава и благодарствуя бога. И от имения своего начаша милостыню творити, и рабы и рабыни своя добре наделяти, и вся убогия и хромья и слепыя и бедныя в дом свой приводити и питати». Викентий и Флорентия не забыли никого из тех, кто им помогал. Больше всех посчастливилось слуге, пожалевшему свою госпожу. Господа начали его «любити и жаловати, яко сына своего единороднаго, и вся имения ему вручиша».

Приведенные примеры достаточно ясно, как кажется, показывают приемы работы редактора. Повесть переделана в духе нравоучительной письменности. Тенденциозность пронизывает весь текст с заглавия до заключительной стихотворной сентенции: «Зрите, любимицы, яко правда от смерти избавляет, иже кто ея в себе крепче сокрывает». Морализаторская установка проявляется в бесконечном противопоставлении добродетели и порока, в постоянном подчеркивании, что рано или поздно благородный поступок будет вознагражден, а зло наказано.

В настоящей статье мы старались доказать, что «Повесть о купце» Б. Будного в древнерусском переводе анонимного автора — это незаурядный памятник светской беллетристики второй половины XVII в. Дальнейшего всестороннего изучения требуют прежде всего лишь кратко охарактеризованная нами литературная история повести и ее атрибуция.

Л. А. ИТИГИНА

Новый список «Комидии притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого

Пьеса Симеона Полоцкого «Комидия притчи о блудном сыне» известна в четырех списках XVII—XVIII вв. и в большом количестве более поздних. Один из ранних списков, с отдельными поправками самого автора, находится в ГИМ, Синодальное собр., № 287.¹ По этой рукописи неоднократно публиковался текст пьесы.² Однако изучение других списков «Комидии» также представляет определенный интерес, так как они позволяют судить и о популярности произведения, и о сферах и целях его распространения.

В этой связи хочется обратить внимание еще на один ранний список «Комидии притчи о блудном сыне» — список XVII в., не учтенный исследователями: ГПБ, собр. ОЛДП, Q.490. Он находится в составе сборника-конволюта конца XVII—начала XVIII в. Сборник представляет собой рукопись сложного состава, в 4°, размером 15,5×19,5, почерки разные, в поврежденном кожаном переплете XVIII в., без корешка, на 242 листах. В конце приложено оглавление, составленное в XIX в.

Впервые к этому сборнику обратился Д. С. Лихачев в связи с публикацией найденного им «Стиха о жизни патриарших певчих» и охарактеризовал содержание той части конволюта, в которую включен текст «Стиха».³ Та часть конволюта, которая содержит «Комидию притчи о блудном сыне», находится в первой половине сборника на л. 64—90.⁴ Она состоит из трех тетрадей, в первой из которых 12 листов, во второй — 8, в третьей — 6 (один выпадает). На л. 64 помещен фрагмент евангельского сказания о том, как удавился Иуда, с пометой на верхней части л. 64 об.: «Евангелие от Матфея». Далее на л. 65—90 следует текст пьесы, который дошел не полностью, обрываясь на словах: «...но и отец мой не вñѣ...». Не хватает финальной части монолога блудного сына и эпилога. Чернила черные и коричневые. Почерков несколько. Все они — скоропись конца XVII в. На л. 67 и 70 просматривается водяной знак — голова шута с пятью бубенцами, который приближается

¹ Подробное описание этого и некоторых других списков см.: А. С. Демина. Симеон Полоцкий. «Комидия притчи о блудном сыне». — В кн.: Русская драматургия последней четверти XVII и начала XVIII века. М., 1972, с. 313—324.

² См., например: Симеон Полоцкий. Комидия притчи о блудном сыне. Подгот. текста А. С. Демина. — Там же, с. 313—324; Симеон Полоцкий. Избр. соч. Подгот. текста, статьи и коммент. И. П. Еремина. М.—Л., 1955 (Серия «Литературные памятники»), с. 163—188; Н. С. Тихонов. Русские драматургические произведения 1672—1725 гг., т. 1. СПб., 1874, с. 296—323.

³ Д. С. Лихачев. «Стих о жизни патриарших певчих». (Демократическая сатира конца XVII века). — ТОДРЛ, т. XIV. М.—Л., 1958, с. 423.

⁴ На этот список нам любезно указала Н. С. Демкова.

к № 467 в альбоме Н. П. Лихачева⁵ и датируется 1668 г.; на л. 78—86 — герб Амстердама, подобный № 3547 из того же альбома и относящийся к 1689 г.

Таким образом, этот список весьма близок ко времени написания пьесы (1673—1678). Возможно, этим и объясняется отсутствие в нем тех смысловых ошибок, присущих другим, более поздним спискам, подробный анализ которых дает в своей работе А. С. Демин.⁶

До сих пор нет единого мнения по поводу того, почему в пьесе (во всех ее списках, включая авторизованный список ГИМ, Синодальное собр., № 287) слуги вместо обычной здравицы «Многа лета» произносят «Не многа лета». Н. С. Тихонравов и И. П. Еремин считали это опечаткой и внесли соответствующие исправления в свои издания текста. По мнению А. С. Демина, никакой ошибки тут нет: пение «Не многа лета» должно, по авторскому замыслу, подчеркнуть ироническое отношение слуг к своему хозяину — блудному сыну. В данном списке встречаются оба варианта написания. Возможно, в начале переписчик написал так, как ему казалось логичнее (т. е. «многа лета»), в дальнейшем же текст сохраняет исходное «не многа лета».

Особенностью нового списка является и то, что в отличие от других он начинается с сокращенного названия «Комидии» — «О блудном сыне», которое выполнено крупными буквами, кинovarью. Затем на той же строке написано: «Прилог», а после текста пролога вновь дается название пьесы, теперь уже более полное, но неточное. На сей раз оно графически расчленено на две части: в первой строке читаем «Комидия», ниже — «Притча о блудном сыне». Переписчик выделил слово «Комидия», по-видимому, решив, что это определение жанра, а «Притча о блудном сыне» и есть само название пьесы. Вероятно, список переписывался людьми, не искушенными в драматургии, поэтому и ремарки в тексте в большинстве случаев никак не выделяются.

Судя по всему, этот список был переписан «для себя», для чтения. Причем для чтения благочестивого: не случайно он входит в рукопись, содержащую отрывок из Евангелия (Ев. от Матф., гл. 27). Это — первый этап жизни текста.

Позднее, в XVIII в., «Комидия притчи о блудном сыне» оказалась в конволюте, где под одним переплетом были собраны рукописи разных десятилетий конца XVII—начала XVIII в., содержащие произведения естественнонаучного, назидательного и остросатирического характера: «Космография», «Толкование о целовании Евангельском», «О новгородских еретиках», «Премудрость Соломонова (о планетах)», «Мирские притчи», начало «Поучения Златоуста на Пасху», «Толкование Соломона о том, что он нажил богатство, но не нашел хорошего наследника»; «Стих о жизни патриарших певчих»; «Стих покаянный усердно внимающим»; «О девстве и чистоте», старообрядческая «Повесть зело страшная ко брэдобрителям», «Епистолии или предисловие, како писать грамотки всякого типа к людям и патриарху», Повесть о Бове королевиче и др.

На этом, втором, этапе бытования «Комидия притчи о блудном сыне» вошла в сборник, весьма характерный для рукописной книжности конца XVII—начала XVIII в., составленный человеком, отдающим предпочтение произведениям старой традиции.

⁵ Лихачев, Бум. мельн., ч. II, с. 169.

⁶ А. С. Демин. Симеон Полоцкий..., с. 316—317.

Е. М. ШВАРЦ

Повесть о Григории Чудотворце и идольском жреце в Усть-Цилемских рукописных сборниках

«Великое Зерцало», памятник переводной письменности XVII в., содержит в своем составе множество отдельных повестей, представляющих несомненный интерес для истории древнерусской литературы, но до сих пор не изученных ни в области их бытования на славянской почве, ни в области источников этих отдельных произведений. К их числу относится новелла, озаглавленная в первом переводе «Великого Зерцала» как «Бог идолскаго жерца некрепкий даже повелением святаго чудотворца Григория Неокесарийскаго проглагола, сице узрев, оный жрец верова истинному богу» (прилог 6 главы «Бог»), во втором переводе эта новелла называется «О святем Григории чудотворце и о навращении идольскаго жреца» (гл. 131).¹ Эта новелла редко встречается в рукописных сборниках отдельно от полного состава «Великого Зерцала»: нам известны еще лишь два варианта ее текста; первый обнаружен участниками археографической экспедиции Ленинградского университета, в числе которых находился автор данной работы, летом 1973 г. в селе Усть-Цильма. Он был озаглавлен «Слово о святем Григории, како крести идольскаго жерца» (в дальнейшем — Слово).² Второй вариант текста интересующей нас новеллы из житийной части «Великого Зерцала» находится в другом усть-цилемском сборнике, также XIX в., и называется «Повесть о святем Григории Чудотворце и о жерце идолстем» (в дальнейшем — Повесть).³ Интересен состав обоих сборников, содержащих Слово и Повесть: первый (шифр копии: ИРЛИ, Усть-Цилемское новое собр., № 368) включает в свой состав «ряд повестей из патериков, „Старчества“, Пролога, фацеций, в том числе печорские (по-видимому, мяндинские⁴) редакции „Повести о царе Аггее“..., об Акире Премудром, ... „Повесть Августина-епископа о обретенном старце“ (одно из чудес блаженного Августина)».⁵ Второй, содержащий Повесть (шифр: ИРЛИ, Усть-Цилемское собр., № 72), состоит из новелл «Великого Зерцала», старообрядческих стихов и полемических старообрядческих сочинений.⁶ Тексты Слова и Повести отличаются как от прилога 6 главы

¹ См.: О. А. Державина. «Великое Зерцало» и его судьба на русской почве. М., 1965, с. 274.

² Н. С. Демкова. Отчет об археографической экспедиции на Печору. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 357—360. Автор приносит глубокую благодарность Е. К. Ромодановской, указавшей на близость усть-цилемского Слова к новелле «Великого Зерцала».

³ Описание см. в кн.: В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники. Сыктывкар, 1961, с. 122.

⁴ Об И. С. Мяндине см. ниже.

⁵ Н. С. Демкова. Отчет..., с. 358.

⁶ В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники, с. 122.

«Бог» первого, наиболее близкого к польскому оригиналу перевода «Великого Зеркала», так и от текста 131-й главы второго, более позднего перевода.⁷

Настоящая работа посвящена выяснению соотношений Слова и Повести с обоими переводами «Великого Зеркала», соотношению Слова и Повести между собой и выяснению источника сюжета этого интересного памятника, не привлекавшего до сих пор внимания исследователей. Также мы постараемся проследить бытование интересующего нас сюжета в славянской традиции. В качестве источников использованы помимо двух указанных усть-цилемских рукописных сборников один из семи существующих полных списков первого перевода «Великого Зеркала» — рукопись ГПБ, ф. 550, Пгр. 1382,⁸ а также изданный О. А. Державиной второй перевод. Для сравнения привлечены другие рукописи ГПБ (см. ниже).

Тексты рассказа о крещении идольского жреца в прилоге 6 первого перевода «Великого Зеркала» и в главе 131 второго перевода отличаются друг от друга значительным числом разночтений (около 100 на сравнительно небольшой текст). 131-я глава более распространена по сравнению с прилогом 6, опускает в имени святого Григория — «Неокесарийский», транслитерирует название гор как «Алпес» (прилог 6 — как «Алпис»). Основное число разночтений приходится на лексические варианты и изменение порядка слов. В отношении смысла происходящего и порядка следования событий оба перевода повести, находящейся в составе прилогов и глав «Великого Зеркала», ничем существенным друг от друга не отличаются.

Слово и Повесть из усть-цилемских рукописных сборников помимо лексики и порядка слов отличаются от переводов «Великого Зеркала» тем, что обе опускают описание места действия и причины, побудившей святого Григория Чудотворца провести ночь в языческом храме. Сравним начало Повести:

Слово	Повесть	1 пер. «Вел. З.»	2 пер. «Вел. З.»
Сеи святыи Григории Чюдотворец некогда идыи путем во град, и обь-вечерися, и не аная, камо возлещи ношь ту, и абие узре капище аполоново, не бе бо иного места ко упокоению. И вниде святыи Григории в капище то.	Святыи Григории Чюдотворец некогда шествуя путем, обь-вечерися, и не обрешаше виталища, где бы пребыти нош, бе бо место пусто, и внезапно узре невдалече капище идольское, в коем стояше кумир аполонов. Святыи же Григории вниде в капище спати до заутра.	Святый Григорий Неокесарийский чюдотворец зимою чрез горы Алпис идуще, прииде на верх горы, не имеюще же нигде храмины, бысть тамо капище аполоново, тамо вниде и обношеваше ту.	Святый Григорий чюдотворец, грядый чрез горы Алпес в зимнее время и прииде на верх гор и не возиме ко упокоению где стати обители, но точию тамо бе аполлонова кумирница. Ста в ней святый и преношева.

Кроме упоминания о том, что путь Григория Чудотворца лежал через Альпы в зимнее время, усть-цилемские Слово и Повесть опускают еще и упоминание о дальнейшей судьбе языческого жреца после его крещения. (Повесть добавляет рассказ о судьбе «домашних его»).

Слово	Повесть	1 пер. «Вел. З.»	2 пер. «Вел. З.»
Святыи же Григории огласи его, и крести во имя	Святыи же Григории научи его вере христиаьн-	Святый Григорий огласи его, егда же постоянно	... Григорий ... сотвори его катехумена, сиречь огласи

⁷ О. А. Державина. «Великое Зеркало». ..., с. 27 и след.

⁸ Описание см.: О. А. Державина. «Великое Зеркало». ..., с. 155—156. Текст прилога 6: л. 88 об.—89 об.

Отца, и Сына, и Святаго духа, и научи и, како творити заповеди божи, и отпусти его с миром.

стеи, и крести его в реце, и отпусти во свои его дом. Он же моли его, дабы шел в дом и осветил домашный его. Святый же иде и крести вся домашныя его во имя Отца и Сына и Святаго духа.

в богобоязни пребываше, крести его, по сем же бысть диакон.

преддверие крещения, нарече именем христианским, и, видев его крепко ко Христу прилепившася, крести его во имя Отца и Сына и Святаго духа. И толико сей благочестно и благоверно поживе, яко по святем Григории престолу его наместник быв.

Итак, Слово и Повесть несомненно восходят к тексту «Великого Зеркала», но отличаются от обоих переводов, с одной стороны, сокращением, обобщением изложения событий, а с другой — конкретизацией фактов. Следовательно, можно рассматривать Слово и Повесть как «отдельные» усть-цилемские редакции текста «Великого Зеркала». Нет признаков, по которым можно было бы с уверенностью судить о том, к какому именно переводу «Великого Зеркала» восходят «отдельные» редакции, так глубоко проведена в них редакторская переработка исходного текста. Но все же, по нашему мнению, отсутствие титула святого — Неокесарийский — в усть-цилемских «отдельных» редакциях может указывать на их близость к главе 131 второго перевода.

Перейдем к сопоставлению Слова и Повести между собой.

Повесть отличается, во-первых, выбором лексики — более обиходного, свиженного характера по сравнению с книжным, высоким стилем Слова. Приведем несколько примеров (первый — из Слова, второй — из Повести): [бес] изыде — бежа; [святой] пребысть [ту ночь] — проспа [до завтра]; в Слове св. Григорий назван «калугером». Помимо лексики, Повесть отличается от Слова интерпретацией некоторых событий описываемой истории, причем интерпретацией, характерной, как нам кажется, для поздней старообрядческой литературы, безыскусной и тенденциозной.

Рассмотрим несколько примеров:

Слово

...и вниде святый Григорий в капище то...
...пребысть святый Григорий ту ночь и завтра иде в путь свои...

Повесть

... святый же Григорий вниде в капище спати до завтра...
... святый же проспа до завтра и идяше путем...

Редактор Повести распространяет прямой речью моление жреца возвратить его бога:

Слово

...абие погна вслед святого Григория, постигнув и, паде на ногу святого, моля его возвратити, дабы по обычаю паки истукан аполонов творил ответы...

Повесть

...погна скоро в'след его и постиже, абие нача вопити: «Помилуй мя, человеце божи, возврати ми бога моего. Почто лишил еси последняго ми достояния, им же аз приобретаю пищу и одеяние себе же и детям моим»...

Редактор Повести конкретизирует причину, побудившую св. Григория написать письмо статуе Аполлона:

Слово

... послушав же Григории моление жерца, абие сед, написа епистолию сиче...

Повесть

... святыи же Григории умилосердися на плачь жерца, паче же провиде яже о нем хотящее быти, написа епистолию сиче...

Редактор Повести распространяет ее конец по сравнению с текстом Слова, доводя ситуацию до полного завершения:

Слово

... святыи же Григории огласи его, и крести во имя Отца, и Сына, и Святаго духа, и научи и, како творити заповеди божия, и отпусти его с миром.

Повесть

... святыи же Григории научи его вере християнстей, и крести его в реце, и отпусти во свои его дом. Он же моли его, дабы шел в дом и освятил домашныи его. Святыи же иде и крести вся домашныи его во имя Отца и Сына и Святаго духа.

Очевидно, что Слово и Повесть по отношению друг к другу являются разными редакциями одного — «отдельного» — типа повести, возникшей на основе «Великого Зеркала». Мы не беремся судить об авторе редакции Слова, отметим только, что в сильно поновленном языке ее встречаются такие древние черты, как причастная форма «удивль», чего нет ни в обоих переводах «Великого Зеркала», ни в Повести: «Удивль же ся жрец сему, помысли в себе, глаголя...», несколько раз повторена форма местоимения м. р. ед. ч. вин. п. «и». Ярко выраженный бытовой, обиходный, конкретный стиль Повести позволяет высказать предположение о возможном авторе редакции, отраженной в ней.

Оба рассматриваемых нами произведения — «отдельные» редакции — содержатся в сборниках, переписанных рукой Ивана Степановича Мяндина. Это был один из самых образованных и известных переписчиков Усть-Цильмы второй половины XIX в. В. И. Малышев, занимаясь исследованием усть-цилемской обработки «Повести о царевне Персике»,⁹ выделил следующие особенности деятельности печорских переписчиков второй половины XIX в.: активное отношение к материалу, поновление языка, внесение новых черт в содержание, отражающих новые условия жизни, сокращение описательной части и опущение подробностей. Изложение при этом становится проще, стройнее, язык — яснее и ближе к народно-разговорной речи. Все эти перечисленные признаки мы можем отнести к усть-цилемским редакциям (сравнительно с их несомненным прототипом — «Великим Зеркалом»), и особенно к Повести. Вполне вероятно (и этого же мнения придерживался В. И. Малышев),¹⁰ что именно наиболее известному и до сих пор уважаемому в Усть-Цильме Ивану Степановичу Мяндину и принадлежала редакция Повести. Может быть, это удастся доказать с осуществлением коллективной работы по исследованию редакций нескольких повестей, содержащихся в сборниках руки И. С. Мяндина.

Рассказ о крещении св. Григорием идольского жреца бытовал на славянской почве помимо «Великого Зеркала» еще и в составе минейного жития Григория Неокесарийского, помещенного под 17 ноября. Рассмотрим интересующий нас эпизод этого жития как возможный источник

⁹ В. И. Малышев. Усть-Цильмская обработка «Повести о царевне Персике». — В кн.: Исследования и материалы по древнерусской литературе. М., 1961, с. 326—337. «Повесть о царевне Персике», исследованная В. И. Малышевым, также находится в сборниках руки И. С. Мяндина.

¹⁰ Ссылаемся на личную беседу летом 1975 г.

«отдельных» редакций нашей повести, не касаясь текстологии всего жития в целом.

Текст минейного жития, автором которого является Григорий Нисский, обнаружен нами в шести славянских и одной греческой рукописи ГПБ, шифры: Соф. 1319, 1336, 1359, Сол. 504/523, Q.I.265, F.I.255,¹¹ греч. 465.¹² Для изучения интересующего нас эпизода было привлечено издание Миней Четых митрополита Макария,¹³ подготовленное к печати критическое издание греческого «Жития и похвалы Григорию чудотворцу епископу Неокесарийскому» Григория Нисского,¹⁴ а также издание трудов Григория Нисского J. P. Migne.¹⁵

Мы установили, что тексты рукописей Софийской библиотеки (1319, 1336, 1359) и Соловецкой библиотеки 504/523, а также текст из макарьевских Миней восходят к одному оригиналу, все они повторяют несколько ошибок их общего образца: «... не бо его послушаша беси послушаша овомом...»,¹⁶ «... донде не беша беша от кудурница (излезли)...»¹⁷ и т. п.

Две другие из привлеченных нами для сравнения рукописей ГПБ Q.I.265 и F.I.255 отличаются от рукописей Софийской и Соловецкой библиотек главным образом лексикой. Интересный пример: в рукописях Q.I.265 и F.I.255 служитель языческого храма назван «прозманарием». Этот редкий грецизм (от *προσφυάριος* «церковный сторож, служка») употреблен здесь для передачи другого греческого слова: *ψευδάρης*.

Сопоставим несколько отрывков текста из обеих групп рукописей друг с другом, а также с переводом греческого текста Жития:

Соф. 1336

... [Григорий] проходя пустыне путем, иже есть к граду, вечеру суцу и туча велики бывша, в храм вълезе с въслед его ходящими, а храм его словяше служба велика бесом, а от них приставником влѣхвованием поспешение неприазнио много...

Q.I.265

... оставляет убо пустыню и к граду ведущим путем грядяше, дъневи преклоняющюся, и солнцу постизающу на зохождение, гром и молния и дождеде велиции быша, входить убо великии в прилежащи пути храм идольский, в нем же служение и чести многы бесом, и от них чяры и волшвение много служащим бываше...

Греческий текст:¹⁸ «... и вот, проходя путем от окраины в город, достигнутый наступившим вечером и захваченный дождем, очутился с сопутствующими ему внутри некоего святилища. Святилище же это было из известных тем, что в него случалось хождение богов, которым служили храмовые прислужники, получая от них пророчания...».

¹¹ Палеографическое описание см.: Д. И. Абрамович. Софийская библиотека, т. II. СПб., 1907; Е. Калайдович, П. Строев. Описание библиотеки Ф. А. Толстого. М., 1825; Описание рукописей Соловецкого монастыря, т. II. Казань, 1881. Все рукописи датируются XVI в., за исключением ГПБ, Соф. 1336, которая датируется концом XV в.

¹² XIII в. Описание см.: Е. Э. Гранстрем. Каталог греческих рукописей ленинградских хранилищ. Вып. 5. — ВВ, М., 1964, № 25, с. 198.

¹³ См.: ВМЧ, ноябрь, тетрадь 11. М., 1911.

¹⁴ Благодаря любезной помощи болландиста г-на М. Ван-Эсброка в нашем распоряжении оказалось подготовленное к печати критическое издание греческого текста «Жития...» Григория Нисского (издатель Н. G. Heil): *Gregorii Nysseni Opera. Vita Gregorii Thaumaturgi*. Bd X. Brill, Leiden.

¹⁵ PG, t. 46. Paris, 1858, col. 893—958. Разночтения с текстами греч. 465 и издания оказались незначительными.

¹⁶ Издатели Миней предлагают конъектуру: «зова» вм. «овомом» по «οὐδαμοῦ... ὑπακούοντων αὐτοῦ τῶν δαιμόνων τῇ ἐπικλησίᾳ».

¹⁷ Конъектура издателей: «кумиряница» вм. «кудурница» по «πρὶν ἐξοικισθῆναι τοῦ εἰδωλείου».

¹⁸ Перевод наш. — Е. III.

Соф. 1336

...дръзну утръ в храм влести...

Q.I.265

...дръзну не токмо на праг на-
ступити страшнаго их храма, но и
в онь внити и обнощевати...

Греч.: «...осмелился находиться внутри святая святых (ἀνάκτορον)...».

Соф. 1336

...и паки узре, яко же и прежде
видел, донде не беша от кумирница
излезли...¹⁹

Q.I.265

...и видеть, яко же и прежде,
донде же не изгнани быша, възшеб-
ное мечтание и виды некия бесовь-
ския...Греч.: «...вновь увидел, как видел раньше до изгнания из капища (εἰ-
δολεῖον) демонов...».

По нашему мнению, эти две группы рукописей представляют две (минейные) редакции одного перевода исследуемого памятника (назовем их макарьевской и немакарьевской). Характерная для обеих редакций ошибка позволяет нам думать, что Житие Григория Чудотворца в них восходит к одному славянскому источнику: передавая греческий текст «*πάντα ἀπειλῶν τὰ δεινότερα*», т. е. 'угрожая всем самым ужасным, всеми лютыми', рукописи дают: «запрещающая (претя)... всеми людьми», что является несомненной, ошибкой-переосмыслением переписчика.

Уже при поверхностном сравнении минейных редакций и «отдельных» редакций «Великого Зеркала» заметно, что вторые короче, динамичнее и конкретнее отрывка из Жития. Опускаются подробности, замедляющие развитие действия, и в то же время смысл конкретизируется редакторскими вставками. Сравним еще одно место:

Минейная макарьевская
(Соф. 1336)

... [Григорий] влезе в храм кумирск с теми, иже беша с ними, бесы ту абие наречением Иисуса Христа ужаси, а знамением креста оскверньныи скварами въздух очистив, по обычаю си преиде ту ночь, хвалами и молитвами пребдев, да ся премени на молитвенныи храм, иже огнушен тогда требньныи кровми и службами. Тако ту ночь тогда препроводив, заутра поиде путь си блаженныи...

1 пер. «Вел. З.»

... тамо вниде и обнощеваше ту...

2 пер. «Вел. З.»

...ста в ней [кумирнице] святыи
и пренощева...

Слово

...и вниде святыи Григории в капище то. Ощутив же бес пришествие святого, живыи во идоле аполоновом, абие изыде ис капища и невидим бысть. Пребысть святыи Григории ту ночь и заутра иде в путь свои...

Повесть

...Григории вниде в капище спати до заутра. Егда же бес ощути святого пришествие, дух абие бежа от кумира, гоним силою божиею. Святыи же проспа до заутра и идяше путем...

Можно встретить повествование о Григории Чудотворце и о языческом жреце также и в «Книге житий...» Димитрия Ростовского.²⁰ Источники, которыми он пользовался, — Григорий Нисский и св. Иероним. Но основным источником для него служило, как и для минейных редак-

¹⁹ Конъектура издателей макарьевских Миней.²⁰ Книга житий святых на сентябрь, октябрь и ноябрь. Киев, 1689, л. 524—530.

ций Жития, сочинение Григория Нисского. И хотя Димитрий Ростовский не делал подстрочного перевода, а допускал и необходимые для передачи иноязычного текста отклонения в построении фраз, и сокращения отдельных мест, дополнения сведениями из других источников и собственными интерпретациями,²¹ мы все же можем отнести его повествование к группе минейных редакций.

Сравним теперь факты, о которых рассказывают редакции: в минейных — место действия «храм кумиреск», «храм идольский» (имя «идола» не названо); в «Великом Зерцале» и «отдельных» — «капище (или «кумирница») аполлоново». В минейных — в храме обитает множество бесов, которых Григорий изгоняет и которые затем являются служителю; в «Великом Зерцале» и «отдельных» — в «идоле аполонове» (он же «истукан аполонов») живет один бес, дающий пророчества (в 1 пер. «Великого Зерцала» и Повести это делает сам Аполлон). В минейных редакциях жрец, узнав о ночном пребывании в храме христианина, приходит в ярость и угрожает Григорию побоями и властями; по «Великому Зерцалу» и «отдельным» редакциям жрец жалобно умоляет святого вернуть его богу дар пророчества потому, что это — его, жреца, последнее достояние (Повесть: «...им же аз приобретаю пищу и одеяние себе же и детям моим»). В минейных редакциях Григорий пишет в ответ на просьбу жреца короткое повеление на обрывке книги (τμήμα τοῦ βιβλίου): «Григорие, сатане: велю, влези»; в «Великом Зерцале» и «отдельных» редакциях святой пишет целое послание, «эпистолию» (1 пер. «Великого Зерцала»: «Григорий Аполлону. Повелеваю ти возвратитися на свое место и творити, еже обыкл еси». 2 пер. «Великого Зерцала»: «Григорий Аполлону. Произволяю и даю тебе волю, возвратися на место и твори, еже обыкл еси». Слово: «Аполлону истукану повелеваю аз, Григории, возвратитися на свое место и по обычаю давать ответы». Повесть: «Аз, Григории, раб Исуса Христа, повелеваю тебе, духу: возвратися на первое место и подавай ответы, яко же и прежде»). В «Великом Зерцале» и его «отдельных» редакциях, в отличие от минейных, жрец перед крещением был оглашен.

Итак, ни греческое Житие, написанное Григорием Нисским, ни его славянский перевод не могли быть источником повести, лежащей в основе новеллы «Великого Зерцала». Можно предположить, что Слово и Повесть сверялись с минейным рассказом из жития Григория Чудотворца, обычно присутствовавшим в Минеях и Прологах под 17 ноября, или, вернее, в «отдельных» редакциях контаминировались два рассказа об одном и том же событии — крещении идольского жреца из «Великого Зерцала» и минейного текста. Косвенным свидетельством этой гипотезы служит отсутствующее в обоих переводах «Великого Зерцала» и присутствующее в «отдельных» и минейных редакциях сообщение об отшествии «беса» из храма сразу же по приходе святого, а также лаконичность изложения напрасного жертвоприношения и последующей беседы жреца с «бесом», которая объединяет «отдельные» редакции с минейными и противопоставляет их переводам «Великого Зерцала».

Перейдем теперь к рассмотрению источников текста, лежащего в основе новеллы «Великого Зерцала» и ее «отдельных» редакций.

Известно несколько источников для жизнеописания Григория Неокесарийского;²² из них только три содержат рассказ о крещении идольского

²¹ Об особенностях стиля Димитрия — составителя «Книги житий» см.: Сергий, архиепископ. Полный месяцеслов Востока. Т. I. Восточная агиология. Владимир, 1901, с. 2.

²² См., например: Православная богословская энциклопедия под ред. проф. А. Лопухина, т. IV. Пг., 1903, с. 633.

жреца: ²³ это 1) «Βίος καὶ ἐγκώμιον ῥηθὲν εἰς τὸν ἅγιον Γρηγόριον τὸν θαυματουργόν, γεγόμενον ἐπίσκοπον τῆς Νεοκαισαρίας», 2) «Повесть о славных деяниях блаженного Григория епископа Неокесарийского», сохранившаяся на сирийском языке, и 3) сообщение Руфина в его дополнениях к переводу на латинский язык Церковной истории Евсевия Кесарийского.

«Житие и похвала, произнесенная в [честь] Григория Чудотворца, бывшего епископом Неокесарии», написанное Григорием Нисским, уже отмечено нами в качестве источника — это греческий оригинал славянских минеинных редакций.

Сирийская «Повесть о славных деяниях...» ²⁴ имеет некоторые сходные черты в изложении фактов с обоими переводами «Великого Зеркала» и «отдельными» редакциями: в храме обитает один, а не множество демонов. Жрец, услышав о пребывании в храме святого, не разгневался, а лишь «побежал к блаженному Григорию... и сказал ему: „Если ты прикажешь богу, который почитается жителями этой страны, а теперь твоею молитвою изгнан, и он [снова] войдет в свое место, то я приду и сделаю учеником Бога, которого ты проповедуешь“». ²⁵ Епископ пишет на дочке: «Григорий, ученик Христа, идолу. Войди в твое место».

Но ближе всего к «Великому Зеркалу» повествование Руфина. В нем единственном появляется Аполлон. Жрец вместо гневных угроз, «оплакивая отнятую у него возможность стяжания, настоятельно просит возвратить все в прежнее состояние». ²⁶ Текст письма по Руфину: «Григорий Аполлону: позволяю тебе возвратиться в свое место и делать то, что ты привык [делать]». Руфин сообщает, что жрец перед крещением был оглашен.

Таким образом, мы предполагаем, что основой для повести «Великого Зеркала» послужили комментарии Руфина к латинскому переводу Церковной истории Евсевия Кесарийского.

Следует отметить, что польские списки «Wielkie Zwierciadło przykładow», ближайšie к первоначальному переводу «Великого Зеркала», содержат указания на источники собранных примеров («прилогов»). ²⁷ В интересующем нас случае указано в качестве источника: «Евсевий». Но в Церковной истории Евсевия Памфила не только не упоминается чудо крещения жреца храма Аполлона, но и сам Григорий Неокесарийский коротко упоминается несколько раз, обычно как ученик Оригена. Можно предположить, что редактор польского, или даже латинского, оригинала архетипа «Великого Зеркала», выбирая пример для житийной части сборника из латинского перевода Церковной истории, сделанного Руфином, не отметил того, что поучительный рассказ о превосходстве истинного бога над Аполлоном принадлежит не автору — Евсевию Памфилу, а его переводчику и комментатору Руфину.

Латинский текст комментария Руфина хорошо известен в науке. Исследована, хотя и не до конца, текстология «Великого Зеркала». Текст

²³ Сведения из книги проф. Н. И. Сагарды «Святой Григорий Чудотворец, епископ Неокесарийский, его жизнь, творения и богословие. Патрологическое исследование» (Пг., 1916).

²⁴ Русский перевод проф. Н. И. Сагарды см. в его кн.: Творения святого Григория Чудотворца, епископа Неокесарийского. Пг., 1916, с. 1—17.

²⁵ См.: там же, с. 5.

²⁶ Die Griechischen Christlichen Schriftsteller der Ersten drei Jahrhunderte. Eusebius. Bd II, t. II. Leipzig, 1908, S. 954—955. Пер. проф. Н. И. Сагарды.

²⁷ П. В. Владимиров. Великое Зеркало. Из истории русской переводной литературы XVII века. М., 1884, с. 37 и след. Новейшие сведения о ближайших польских изданиях см.: B. Walczak-Sroczyńska. Wielkie Zwierciadło przykładow — dzieje tekstologiczne. — Slavia orientalis, 1976, N 4, s. 493—508.

усть-цилемских редакций, восходящих к «Великому Зерцалу» и через него к Руфину, обнаружен нами только в двух списках, впервые публикуемых в данной работе.

**Слово о святем Григории,
како крести идольскаго жреца**

Сеи святыи Григории || Чюдотворец некогда идыи путем во град, и л. 6
об. обьвечерися, и не зная камо возлещи ношь ту, и абие узре капище аполоново, не бе бо иного места ко упокоению. И вниде святыи Григории в капище то. Ощутив же бес пришествие святаго, живыи во идоле аполоновом, абие изыде ис капища и невидим бысть.

Пребысть святыи Григории ту ношь и заутра иде || в путь свои. По л. 7 обычаю же вниде в капище аполоново идольский жрец, приступи ко идолу аполонову, хотя прияти ответ, и многу^а мольбы и жертвы принес и не получи ответа. Точию слыша некоего, глаголюща к нему: «Что при- л. 7
об. тужаеши мне? Аз ни себе могу помощи, яко некии калугер обнощева zde, отгна мя. Аще хощеши, постизи и, и аще ми || повелит Григории, возвра- л. 8 щуся на место свое и паки буду творити ответы по обычаю». Се же слы- шав, жрец абие погна вслед святаго Григория, постигнув и, паде на ногу л. 8
об. святаго моля его возвратити, да бы по обычаю паки истукан аполонов творил ответы. Послушав же Григории моление жерца, абие сед, написа л. 8 епистолию сиче: || «Аполону истукану повелеваю аз, Григории, возврати- л. 8 тися на свое место и по обычаю давать ответы». Жрец же, егда приим л. 8
об. епистолию, возвратися в капище аполоново и положи пред истуканом ту епистолию, и абие нача паки давати ответы живыи во идоле бес. Удивль л. 9 же ся жрец сему, помысли в себе, глаголя: «Како раб бога вышняяго || л. 9
об. точию обнощева, и мой бог избежа от места, и паки повеле, и возвра- л. 9 тися. Воистину, мы вси прельщаемся, яко несть бог Аполон». И абие л. 9 скоро потече вслед святаго Григория и постиже и. И пад на ногу его, л. 9 глаголя: «Рабе бога вышняго, настави мя, како спасуся». Святыи же л. 9 Григории огласи его, и крести во имя Отца, и Сына, и Святаго духа, и л. 9 научи и, како творити заповеди || божия, и отпусти его с миром.

(ИРЛИ, Древлекранилище, Усть-Цилемское новое собрание, № 368, л. 6 об.—9).

**Повесть о святем Григории Чюдотворце
и о жерце идолстем**

Святыи Григории Чюдотворец некогда шествуя путем, обьвечерися, л. 52 и не обреташе виталища, где бы пребыти нош, бе бо место пусто, и вне- л. 52 запу узре невдалече капище идольское, в коем стояше кумир аполонов. л. 52
об. Святыи же Григории вниде в капище спати до заутра. Егда же бес л. 53 ощути || святаго пришествие, дух абие бежа от кумира, гоним силою л. 53 божиею. Святыи же проспа до заутра и идыше путем. По отшествии же л. 53 святаго прииде жрец идольский по обычаю вопросити Аполона. И не бе л. 53 ответа от кумира, и недомышляше, почто убо Аполон не даяше никакого л. 53 ответа. Уведев же яже о святем Григории, яко обнощева ту, и сего ради л. 53 бог их гласа пророскаго^б лишися, || погна скоро в'след его и постиже, л. 53 абие нача вопити: «Помилуй мя, человеце божии, возврати ми бога мо- л. 53 его. Почто лишил еси последняго ми достояния, им же аз приобретаю

пищу и одеяние себе же и детям моим». Святыи же вопросы вину вопля его. Он же со мною скорбию сказа печаль свою и, пад на ногу, с плачем моляся о возвращении бога^в его дар гласа. Святыи же Григории^г ||
 л. 53
 06. умилился на плачь жерца, паче же провиде яже о нем хотящее быти, написа епистолию сице: «Аз, Григории, раб Исуса Христа, повелеваю тебе, духу: возвратися на первое место и подавай ответы, яко же и прежде». И вда ему грамоту. Жрец же, егда возвратися в капище и ста пред аполоновым истуканом и прочте епистолию, абие Аполон нача давати ответы, якоже и первие. Жрец же ужасен бысть о бывшем || чюдеси и помысли в себе, яко «истиннии раби истиннаго бога колико больши есте богов наших, и со страхом послушают их, кольми паче бог их больши и высши есть». И абие тече вслед святаго Григория и пад на ногу его, моля его, да скажет ему о силе бога своего. Святыи же Григории научи его вере християньстей, и крести его в реце, и отпусти во свой его дом. Он же моли его, да бы шел в дом || и освятил домашныя его.
 л. 54
 06. Святыи же иде и крести вся домашныя его во имя Отца, и Сына, и Святаго духа.

(ИРЛИ, Древлекранилище, Усть-Цилемское собрание, № 72, л. 52—54 об.).

^в Так в ркп. ^г В ркп. по ошибке дважды повторено Святыи же.

С. В. ФРОЛОВ

«Иногда переводу Лукошкovo»

Опыт исследования

Одним из существенных недостатков в изучении древнерусской музыки является скудость опубликованных или выявленных наукой источников по основным проблемам исследований. Как это ни парадоксально, из многих тысяч хранящихся в нашей стране певческих рукописей XI—XVII вв. введены в научный обиход или в какой-то мере получили широкую известность считанные десятки. Подобное положение чрезвычайно затрудняет дальнейшую исследовательскую работу, а подчас приводит к искажениям и ошибкам в решении тех или иных вопросов истории древнерусской музыки. Так, например, обстоит дело с изучением композиторской деятельности русских головщиков XVI—XVII вв. Наиболее достоверными документальными источниками в этой области можно считать два памятника творчества Федора Крестьянина: «Стихиры Евангельские» и «Фиты разводные», получившие известность благодаря изданию и исследованию выдающегося советского музыковеда М. В. Бражникова.¹ Все остальные сведения о головщиках-распевщиках русского средневековья почерпнуты из полемических и учебного назначения музыкально-теоретических сочинений XVII в.² Другие же источники либо недостоверны, либо требуют дополнительной проверки и уточнения.

Мы не можем согласиться с мнением Н. Д. Успенского, атрибутирующего целый ряд произведений в рукописях второй половины XVII—начала XVIII в. головщику Опекалову. Ни в одной из исследованных Н. Д. Успенским рукописей вовсе не сказано, что действительно существовал «новгородский мастер» XVI в. Опекалов. По свидетельству самого Успенского, об Опекалове не сохранилось никаких биографических сведений. «Факт его существования выводится только на основании часто встречающейся с середины XVII в. в певческих рукописях пометы „Опекаловское“».³ Поэтому более достоверной представляется атрибуция сочинений с пометой «Опекаловское» певческой школе реально существовавшего в XVII в. Тверского Опекаловского монастыря.⁴

Неубедительной представляется и другая гипотеза Н. Д. Успенского об авторстве «русского мастера пения XV века Маркелла Безбородого» в кафизмах из рукописи XVIII в.⁵ Эта гипотеза не выдерживает критики

¹ М. В. Бражников. 1) Федор Крестьянин. Стихиры. — В кн.: Памятники Русского музыкального искусства, вып. 3. М., 1974; 2) Статьи о русской музыке. Л., 1975, с. 59.

² Музыкальная эстетика России XI—XVIII веков. Под ред. А. И. Рогова. М., 1973, с. 40—44, 65—77, 96—102.

³ Н. Д. Успенский. Древнерусское певческое искусство. М., 1974, с. 170—184.

⁴ И. Ф. Безуглова. Опекаловский распев. 1977 (машинопись), с. I—IV. Рукопись хранится в Ленингр. ордена Ленина гос. консерватории.

⁵ Н. Д. Успенский. Древнерусское певческое искусство, с. 154—170.

хотя бы потому, что ни в одном из списков кафизм (они, кстати, существуют в нескольких распевах) не указано имя Маркелла Безбородого. О конкретной атрибуции какого-либо из распевов кафизм упомянутому новгородскому мастеру XVI в. можно будет говорить лишь тогда, когда будут найдены списки с заметками или примечаниями, «прямо и непосредственно» указывающими имя распевщика.⁶

Между тем в результате ведущейся в последнее время изыскательской работы были выявлены новые произведения выдающихся русских головщиков Федора Крестьянина, Логгина (Коровы?), Ивана (в иночестве Исайя) Лукошки.

Несколько праздничных стихир распева Федора Крестьянина и Логгина было обнаружено З. М. Гусейновой в певческом сборнике избранного состава ГПБ, Соловецкое собр., № 690/751, первой половины XVII в. Кроме того, «перевод Крестьянинов» указан в интереснейшем крюковом сборнике ГПБ, Софийское собр., № 492, первой трети XVII в. В этом же сборнике выделены специальными пометами распевы Демества, Пути, Верха, «Крилоное» многолетие царю Борису Феодоровичу и распев Троицкого монастыря. Атрибуция произведений Федору Крестьянину в данной рукописи несколько усложнена. Указание — «Перевод Крестьянинов» проставлено не у какого-то конкретного произведения, а приписано другим почерком на нижнем поле листа (л. 347), с которого начинается Стихирарь праздничный. На этом же листе помещено несколько праздничных стихир. Поэтому трудно с точностью установить, что в данном случае распел Федор Крестьянин: начальные стихиры на листе с припиской, весь Стихирарь праздничный, отдельные избранные стихиры, или его творчеству принадлежат лишь распевы некоторых «тайнозамкнутых» начертаний, содержащихся в крюковых строках Стихираря? Ответить на эти вопросы, очевидно, можно будет лишь после тщательного изучения самой рукописи, сравнения распевов Стихираря с распевами других Стихирарей этой же эпохи и более ранних, а также после сличения этих распевов с крюковой строкой нескольких праздничных стихир Федора Крестьянина в списке ГПБ, Соловецкое собр., № 690/751.

Произведения Ивана Лукошки были найдены в трех рукописях. Еще в 60-е гг. в Центральном Государственном Архиве Карельской АССР А. М. Ратьковой в рукописи № 38 середины XVII в. были обнаружены Ипакон в распеве Ивана Лукошки. Несколько ранее в Москве была выявлена еще одна рукопись с его произведениями. В одном из разделов певческого сборника второй четверти XVII в., ГБЛ, ф. 210 (собр. В. Ф. Одоевского), № 1 — «Стихиры болшим роспевом на владычии праздники и песнопения триодей постной и цветной и обиходные» — помещено несколько песнопений, сопровождающихся пометой «ин перевод Лукошков».⁷ Третий из памятников творчества Ивана Лукошки был найден нами в рукописи Софийского собр. ГПБ. Рассмотрим его подробнее.

В крюковом певческом сборнике 50-х гг. XVII в.,⁸ в одном из разделов Обихода постного под общим заглавием «На преждеосвященной ли-

⁶ М. В. Бражников. Федор Крестьянин. Стихиры, с. 128.

⁷ См.: И. М. Кудрявцев. Рукописные собрания Д. В. Разумовского и В. Ф. Одоевского и архив Д. В. Разумовского. Описание. М., 1960, с. 137—138.

⁸ ГПБ, Софийское собр., № 480, XVII в., 50-е гг. (филигранны: Гераклитов, № 41—47 — 1638—1650 гг., № 377, 378 — 1650—1651 гг.; Лауцавичюс (E. Laucevicius. Popierius Lietuvoje XV—XVIIa. Vilnius, 1967) № 3425 — 1652 г.; Хивуд (E. Heawood. Watermarks mainly of the 17th and 18th Centuries. Hilversum, the Paper Publications Society. 1950) № 844 — 1644 г.); 320+1 л., в 4-ку (20×16 см); переплет — доски, покрытые тисненой кожей, с двумя медными застежками; на л. 1 и 159 орнаментальные заставки растительного орнамента (подраж. старопечатному). Содержание: л. 1 — Ирмологий с Розниками; л. 67 — Октоих; л. 120—

торгии по паремному чтению» — л. 208, помещены три распева прокимна «Да ся исправит молитва моя» (см. вкл., рис. 1, 2). Первый распев не имеет никаких обозначений, второй распев помечен введенной в текст полууставной записью «Иного пѣреводу», а чуть ниже этой записи (она является нижней строчкой текста на л. 208) скорописью добавлено «Лукошково». Непосредственная близость этих двух указаний в рукописи позволяет их объединить и читать целиком как «Иного пѣреводу Лукошково». Третий распев, как и второй, помечен введенной в текст записью «Иного знамени», но никаких других дополнений не имеет.

Таким образом, в рукописи помещены три распева на один текст, второй из которых приписан Ивану Лукошке. При этом переписчик (или составитель сборника) ясно осознавал, что здесь изложены подряд три разных распева. Пометы «Иного пѣреводу» и «Иного знамени» не оставляют на этот счет никаких сомнений. Вместе с тем даже поверхностное сравнение этих песнопений обнаруживает между ними определенные черты сходства. Приблизительно одинакова общая структура всех трех распевов. Она определена членением текста прокимна на три неравные строки. В рукописи это членение обозначено точками в тексте и кадансами в крюковой строке. Краткий текст прокимна имеет в первом распеве следующее деление на предложения, разграниченные точками:

Да ся исправит молитва моя, яко и кадило предо тобою.
Воздеяние руку моюю.
Жертва вечерняя.

Во втором распеве — Лукошкове — исчезает точка между 1-й и 2-й строками. В третьем же, наоборот, сохраняется эта точка, но не проставлена другая, перед 3-й строкой. Вместе с тем все кадансы в первом и третьем распеве очень схожи и, вероятно, равны в интонационном значении и в своей заключительной функции независимо от исчезновения точки в третьем распеве. Поэтому структура первого и третьего распевов должна быть одинаковой. Несколько отличается от них распев Ивана Лукошки. В нем грань между 1-й и 2-й строками текста стирается не только отсутствием точки, но и нечеткостью, размытостью в этом месте каданса. Однако начальные построения строк необычайно схожи во всех трех распеве. Вообще черты сходства между ними преобладают над чертами различия. Это можно установить на основании сравнения некоторых числовых показателей, извлеченных методом статистического анализа.

Во всех трех распеве совпадают по длительности или взаимозаменяемы между собой по функции и ритмическому рисунку более половины знаков, расположенных над соответствующими слогами текста или в соответствующих разделах пространственных внутрислоговых распевов. В первом распеве 118 знаков, во втором — 110, из них функционально близкими являются 71, а 47 абсолютно тождественны. В соотношении второго и третьего распевов (сумма знаков третьего — 87) функционально близки 48 знаков, из них 40 тождественны. Между первым и третьим распевом близость выражена соответственно числами 50 и 31 знак. Знаковые различия, своего рода разночтения в крюковых строках трех распевов обнаруживаются не в «опорных» разделах формы (зачин, каданс), а в от-

раздел смешанного состава (Богородичны, Крестобогородичны, Светильны, Стихиры Евангельские, Тропари, Блаженны, Подобны и др.); л. 159 — Обиход (в составе: Всеобщее бдение, Лигургия Иоанна Златоуста, Постный обиход и др.).

Столповое знамя с редкими киноварными пометами, встречаются фрагменты путевой нотации. Текст раздельноречный.

дельных внутрислоговых распевах. Наиболее очевидны они в распевах фитных начертаний над словами «тобою», «моею», «вечерняя».

Сложные взаимоотношения между тремя распевами создают определенную трудность в их оценке. Данные три распевы и факт их осознанного совместного расположения можно рассматривать двояко.

Во-первых, исходя из традиционных представлений о многораспевности, их можно считать тремя принципиально различными произведениями, а указанные черты сходства отнести на счет средневековых законов песнетворчества в культуре знаменного пения. Можно предполагать, что для музыкантов той эпохи незначительные с современной точки зрения разночтения в интерпретации одного текста имели чрезвычайно важное значение, но были немислимы без сохранения необходимых элементов тождества. В любом новом произведении всегда сохранялся некий изначальный, неизменный для данного текста стереотип мелодии — инвариант. Распевщики же только переинтонировали этот инвариант каждый по-своему, но основу его сохраняли.⁹

Во-вторых, можно предположить, что в данной рукописи помещено несколько редакций одного из распевов на текст «Да ся исправит...».

В первом случае распев Ивана Лукошки следовало бы расценивать как самостоятельное авторское произведение, во втором же случае Лукошке приписывалась бы только редакторская работа над данным музыкальным произведением. Выяснить эти взаимоотношения между распевами помогают соответствующие примеры из той же рукописи — Софийское собр., № 480 и ряд дополнительных материалов.

В нашей рукописи содержится более сорока примеров вариантов распева одного текста. Рассмотрим некоторые из них.

В Обиходе (Всенощное бдение) текст псалма «Благослови душе моя господа...» сопровождается двумя распевами: первый не обозначен (л. 159), второй распев помечен особым заголовком «А сий псалом Кирилова монастыря» (л. 160).

1 2

1 2

Сопоставляя эти два распева, можно обнаружить моменты полного совпадения знаков (отмечены непрерывной линией) и разделы, где знаки совпадают по ритму и близки по высоте, чаще всего это взаимозаменяемые знаки (отмечены пунктирными линиями). Как видно из примера, различия между двумя распевами незначительны и обнаруживаются

⁹ Наиболее полно подобные представления раскрыты в работе: А. В. Преображенский. Культурная музыка в России. Л., 1924, с. 10—23.

прежде всего во внутрислоговых мелодических построениях, роль которых в данном примере невелика. Здесь возникает ощущение редакционных изменений во втором распеве, т. е. распев Кириллова монастыря можно считать редакцией первого распева из той же рукописи.

В качестве другого примера приведем два распева «надгробного» припева на текст «Блажимо тя веси...». Первый распев (л. 189 об.) помещен в рукописи без каких-либо дополнительных указаний; второй (л. 170) отмечен припиской в тексте «Иного зна́мени».

1	л	л	л	л	л	л	л	л	л
2	л	л	л	л	л	л	л	л	л
	бла	жи	мо	тя	ве	си	ро	ди	

1	л	л	л	л	л	л	л	л	л
2	л	л	л	л	л	л	л	л	л
	бо	го	ро	ди	це	де	во	прв	бла же н нч

В этом примере обнаруживается лишь одно случайное совпадение. Само местоположение совпадающих знаков свидетельствует о незначительности, несущественности их для двух различных самостоятельных распевов. Поэтому в данном случае следует говорить не о редакциях, а о существовании двух принципиально различных явлений в музыкальной интерпретации одного текста, т. е. о произведениях.

Каковы же критерии, позволяющие провести границу между редакцией и самостоятельным произведением? Анализ всех примеров много-распевности в данной рукописи Софийского собрания и ряд дополнительных материалов позволили нам наметить следующие положения.

В пределах одного интонационного стиля (Столповой знаменный, Демественный или Путевой распевы) и конкретной исторической эпохи (не более 30 лет) самостоятельными произведениями можно считать такие музыкальные интерпретации одного текста, которые в сопоставлении обнаруживают некоторую независимость своей структуры (хотя чаще всего она подчиняется структуре общего текста), самостоятельность кадансов, внутрислоговых распевов, фит и др. Не берутся в счет только совпадения начальных оборотов строк текста и речитативов. Основными показателями самостоятельности произведений следует считать 2 условия: различие кадансов и внутрислоговых распевов в соответствующих разделах формы. Помимо приведенного выше примера укажем несколько самостоятельных произведений в данной рукописи на тексты: «Все упование мое...» — 2 произведения (л. 211), «Взбраненный воеводе...» — 2 произведения (л. 212 об.) и др.

Несоблюдение двух основных условий в определении самостоятельности различных распевов на общий текст служит основанием считать эти распевы редакциями. Таковы в нашей рукописи два распева на текст кенаника «Хвалите господу с небес...» (л. 196, 199), три распева на текст причастья «Вкусите и видите...» (л. 210—210 об.). Редакциями же следует считать и три распева прокимна «Да ся исправит молитва моя...», включая и распев Ивана Лукошки.

Возникает вопрос: редакции какого произведения на текст прокимна «Да ся исправит...» помещены в рукописи Софийского собрания?

Просмотр различных списков данного прокимна в рукописях начала XVI—конца XVII в. — всего около тридцати списков — дал основание предполагать существование по крайней мере трех музыкальных произведений на данный текст в указанных хронологических границах. Условно назовем эти произведения Знаменным, Путевым и Киевским. Знаменный распев стиха представлен в более чем двадцати списках, располагающихся почти по всем двадцатилетиям рассматриваемого исторического периода. Путевой был обнаружен только в списке последней четверти XVI в.¹⁰ Киевский распев был найден в рукописи конца XVII в.¹¹

Замечательной особенностью знаменного произведения явилось его интонационное развитие, проявившееся в последовательности исторических редакций. В просмотренных списках было выявлено по крайней мере восемь таких редакций в следующей последовательности: 1 — ранняя редакция в рукописи начала XVI в.;¹² 2 — две редакции второй половины XVI в.;¹³ 3 — редакция начала XVII в.;¹⁴ эта же редакция обнаружилась и в первом распеве прокимна по рукописи Софийского собр., № 480; 4 — две редакции — Ивана Лукошки и третий распев «Иного знамени» из рукописи Софийского собр., № 480 — середины XVII в.; 5 — две редакции конца XVII в.¹⁵

Интонационная переработка, прослеживающаяся в этих этапных редакциях, проявилась в очень интересной форме. Каждые две ближайшие по времени редакции обнаруживают все черты сходства, но по мере поэтапного отдаления уходят от более ранних на такую степень различия, что в них начинают преобладать черты различий. Количественный рост редакционных изменений приводит к новому качеству. Поэтому, сопоставляя редакции крайних исторических этапов — начала XVI в. и конца XVII в., очень трудно обнаружить между ними сколько-нибудь заметное сходство. Скорее, их следует признать различными музыкальными произведениями. Такое интонационное перерастание в пределах одного произведения, очевидно, было возможно только в результате того, что с появлением каждой следующей этапной редакции предыдущие выходили из употребления, а каждое дальнейшее редакционное изменение основывалось на ближайшем по времени распеве.

Таким образом, редакция Ивана Лукошки представляет собой один из исторических этапов в художественной жизни Знаменного распева прокимна «Да ся исправит молитва моя».

В заключение следует отметить, что, приводя отдельные примеры многораспевности из рукописи Софийского собр., № 480, мы не исчерпали всего заслуживающего специального внимания материала. Нами не было рассмотрено пять распевов на текст стихирь «Душеполезную сверши воше четверодесятницу» (л. 230—232). Мы также не коснулись замечательной приписки на л. 209 об. — «Телегина, да Юрева», которая, возможно, указывает имена распевщиков второго и третьего из помещенных здесь трех распевов на текст «Ныне силы небесныя», т. е., возможно, вводит в науку еще неизвестные ныне имена русских головщиков.

¹⁰ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 618/875.

¹¹ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 628/885.

¹² ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 572/821.

¹³ ГПБ, Соловецкое собр., № 276/277; Кирилло-Белозерское собр., № 569/826, 616/873 и др.

¹⁴ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 665/922.

¹⁵ ГПБ, Кирилло-Белозерское собр., № 632/889, 640/837, 628/885.

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

Е. А. ФЕТ

Прологи в собрании Пушкинского Дома

В настоящее время в собрании Пушкинского Дома находится значительное количество древнерусских Прологов в списках XV—XVIII вв.¹ Они весьма разнообразны, иногда уникальны по составу и содержат, в частности, интересные русские статьи. Надо заметить, что здесь рассматриваются собственно Прологи — сборники устойчивого состава, причем принадлежащие древней рукописной традиции. При этом не учитывается масса сборников, включающих отдельные статьи из Пролога или целиком состоящих из проложных выписок.²

Приводимая ниже характеристика 32 Прологов Пушкинского Дома является предварительной. В свое время архимандрит Сергей установил существование двух редакций русского Пролога в зависимости от состава его агиографического отдела.³ Между тем Пролог на Руси, каким мы его видим в огромном количестве списков, начиная с XIII в., несомненно своей частью имеет правоучительные статьи, состав которых несомненно должен учитываться.⁴ При этом обнаруживается значительное разнообразие вариантов в пределах обеих редакций. Однако история текста Пролога подробно еще не изучена, и в предлагаемом описании рукописи разделяются на две редакции, выделенные Сергием. Известные трудности представляет также описание славянских статей в Прологах, так как их состав и история появления в Прологе окончательно не определены.⁵

Цель данной заметки, таким образом, — дать общую картину Прологов Пушкинского Дома и указать их наиболее интересные особенности. Для удобства описания сначала рассматриваются Прологи на сентябрьскую, а затем на мартовскую половины года.

¹ В. И. Малышев. Древнерусские рукописи Пушкинского Дома. (Обзор фондов). М.—Л., 1965.

² Некоторые из них (например, Усть-Цилемское собр., № 149, Верхнепечорское собр., № 60, Вологодское собр., № 70) представляют собой собрания выписок уже из печатных Прологов. Точно так же не отмечается в описании Пролог Мезенского собр., № 82, конец XVIII в. (за июнь—август) — список с одного из печатных изданий после 1659 г.

³ Сергий, архимандрит. Полный месяцеслов Востока. Т. 1. Восточная агиология. М., 1875, с. 242—263.

⁴ На это указывал также Н. Ю. Бубнов: Н. Ю. Бубнов. Славяно-русские Прологи. Методическое пособие по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР, вып. 1. М., 1973, с. 276.

⁵ Высказывались, в частности, предположения о русском происхождении некоторых слов на великие праздники и их предпразднества (Макарий. История русской церкви, т. III. СПб., 1888, с. 211—212; Е. В. Петухов. Материалы и заметки из истории древней русской письменности, 1. Киев, 1894, с. 13—14), а также «Слова Иларiona о пользе душевной» (Н. К. Никольский. Материалы для современного списка русских писателей и их сочинений. (X—XI вв.). СПб., 1906, с. 105—106).

Прологи на сентябрьскую половину года

I редакция

1. Колл. В. Г. Зыкина, № 31, кон. XIII—нач. XIV в., пергамен. Отрывок Пролога, содержащий часть текста на 6 сент.¹

2. Колл. В. Н. Перетца, № 36, 2-й четверти XVI в. Представляет собой часть текста I редакции — чтения с 1 окт. по 12 нояб. Под 4 нояб. — летописное Сказание об освящении церкви св. Софии в Киеве. Перед текстом Пролога — Чудеса Казанской иконы богородицы.

3. Колл. В. Н. Перетца, № 17, 2-й половины XVI в., на сентябрь—февраль. Под 5 сент. читается память «Убиение Глебово князя рускаго» без сказания, 4 нояб. — Сказание об освящении церкви св. Софии, 14 февр. — «Память преподобного отца нашего Кирила учителя словенску языку» без жития. После текста Пролога помещены «Чудо св. Николы о Васильи сыну Агрикове како избави от срачин» (л. 287—291) и «Месяца ноября 27 въспоминание знамени бывша иконоу пречиста владычица наша богородица в великом Новеграде» (полный вариант),² (л. 291—294).

4. Колл. В. Н. Перетца, № 51, 2-й половины XVI в., на сентябрь—26 февраля. Русские памяти и сказания: 5 сент. — «Убиение Глеба в Смоленске» без сказания, 4 нояб. — Сказание об освящении церкви св. Софии, 26 нояб. — память «Священа бысть церкви св. Георгия иж есть в Киеве на горах...» без сказания, 30 нояб. — «Проявление крещения всеа Руския земля св. апостола Андрея...». На л. 1—9 приписка: «Сию книгу пролог положил в доме пресвятей богородицы честнаго ея введения Иван Ермолин сын Боранин и на помин по родител своих».

5. Пинежское собр., № 56, XVI в., на сентябрь—февраль. Русские статьи: 5 сент. — Сказание об убийении Глеба (нач.: «Бысть убо по убийению св. страстотерца великаго мученика Бориса...»), 4 нояб. — Преставление Варлаама Хутынского (первый вариант I редакции жития),³ 26 нояб. — память «Освящения церкви св. Георгия», без сказания.

II редакция

1. Усть-Цилемское собр., № 146, середина XVI в., на сентябрь—февраль. Содержит следующие славяно-русские статьи: 5 сент. — «Убиение Глеба» (нач.: «Глеб святой мученик князь руский бе сын Володимерь...»), 16 сент. — житие св. Людмилы, бабы св. Вячеслава, 28 сент. — Страсть св. мученика Вячеслава, князя чешского;⁴ 26 нояб. — Сказание об освящении церкви св. Георгия (нач.: «Блаженный приснопамятный всеа Руския земля князь Ярослав...»), 30 нояб. — «Проявление крещения Руския земля св. апостола Андрея», 14 февр. — «Житие Кирилла-философа и учителя словенского». Это комплекс сказаний, вошедший во II редакцию.

2. Карельское собр., № 220, XVI в., на сентябрь—февраль. Содержит те же славяно-русские статьи, что и № 1, с добавлением под 20 сент. Жития Михаила Черниговского и бодрина его Феодора (ростовская редакция).⁵

3. Пинежское собр., № 51, 1-й половины XVI в., на сентябрь—февраль. Русские и славянские статьи те же, что и в № 1 (отсутствует житие Кирилла-философа). Кроме того, под 6 нояб. — Преставление Варлаама Хутынского (второй вариант II редакции), под 27 нояб. — «Слово о знамени святых богородицы еже содея в Новеграде». Под 6 дек. вставлено «Чудо св. Николы о Васильи сыну Агрикове». Текст Пролога представляет сокращенный вид II редакции, количество нравоучительных статей наполовину уменьшено.

4. Усть-Цилемское собр., № 177, 2-й четверти XVII в., на сентябрь—февраль. Славяно-русские статьи те же, что в № 1 (Житие Кирилла-философа помещено под 21 февр.).

5. Пинежское собр., № 53, 2-й четверти XVII в. Содержит текст II редакции с 26 сентября по февраль и, за исключением утраченных, те же славяно-русские статьи, что и в № 1. Эта рукопись представляет собой первую часть годового

¹ Подробно описан: Л. П. Жуковская. Пергаменные рукописи Пушкинского Дома. — ТОДРЛ, т. XXIV. М.—Л., 1969, с. 375—376.

² Л. А. Дмитриев. Житийные повести русского Севера как памятники литературы XIII—XVII вв. Л., 1973, с. 115—119.

³ Там же, с. 13—19.

⁴ О житиях чешских святых в составе некоторых Прологов Пушкинского Дома см.: В. Ф. Мареш. Проложные жития чешских святых в рукописях Пушкинского Дома. — ТОДРЛ, т. XXI. М.—Л., 1965, с. 381—382.

⁵ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития. (Обзор редакций и тексты). М., 1915, с. 110—111.

Пролога (продолжением ее являются Прологи Пинежского собр., № 54 и № 55 на мартовскую половину года).

6. Пинежское собр., № 468, 2-й четверти XVII в. Содержит чтения с 4 октября по 5 декабря. Под 26 и 30 нояб. те же статьи, что в № 1. К тексту Пролога приложены писаные почерком XVII в.: «Беседа отца с сыном», «О злых женах выписано изо Пчелы», «Поучение к женам да будут молчаливы».

7. Северодвинское собр., № 3, 2-й четверти XVII в. Содержит неполный текст II редакции с 20 сентября по февраль. Список дефектен. Под 14 февр. — Житие Кирилла-философа.

8. Усть-Цилемское собр., № 148, 2-й четверти XVII в., на декабрь—февраль. 14 февр. читается Житие Кирилла-философа.

Интересной особенностью некоторых Прологов Пинежского собр. является своеобразное «смешение» редакций, происходившее, очевидно, в результате того, что у переписчика под рукой были неполные списки Прологов различных редакций. Таковы:

9. Пинежское собр., № 363, последней четверти XV в. Содержит чтения с 12 сентября по 5 февраля (сначала по II редакции, с середины ноября — по I редакции). Славяно-русские статьи: 16 сент. — Житие св. Людмилы, 20 сент. — «Страсть Михаила Черниговского и Феодора боярина его», 28 сент. — «Страсть св. Вячеслава чешского», 26 нояб. — «Освящение церкви св. Георгия», без сказания, 30 нояб. — «Проявление крещения Русския земля...» (вставка из II редакции).

10. Пинежское собр., № 52, конец XV—начало XVI в., на сентябрь—февраль. Список II редакции, в котором на 26 сентября—30 ноября вставлен кусок текста I редакции. Содержит под 5 сент. особое «Сказание об убийении Глеба» (нач.: «Володимер князь великий всея Руси...»), 16 сент. — Житие св. Людмилы, 4 нояб. — «Сказание об освящении церкви св. Софии», 26 нояб. — «Освящение церкви св. Георгия», без сказания, 14 февр. — Житие Кирилла-философа. Под 30 нояб. другим почерком приписана статья «Проявление крещения русския земли...», под 6 дек. помещены 5 чудес св. Николы.

11. Пинежское собр., № 128, конец XVI—начало XVII в., на сентябрь—февраль. Чтения за сентябрь, октябрь и декабрь — II редакции, на ноябрь, январь и февраль — I редакции. Соответственно под 5, 16 и 28 сент. помещены те же славянские и русские статьи, что и в № 1, 4 нояб. — «Сказание об освящении церкви св. Софии в Киеве», 26 нояб. — память «Освящению церкви св. Георгия», 20 сент. — «Страсть св. Михаила черниговского» (ростовская редакция).

В сентябрьских Прологах представляет интерес русское по происхождению «Слово на Покров святяя Богородицы о видении святых Андрея и Елифания», которое находится под 1 окт. во всех списках.⁶ Оно вошло в первую редакцию в составе того первоначального комплекса нравоучительных статей, который был в XII в. присоединен к переводному Синасарю и положил начало существованию собственно русского Пролога. Отметим также извлечения из Беседы Козмы Пресвитера болгарского, вошедшие во II редакцию Пролога:⁷ «Слово Козмы прозвитера о мнисех не хотящих быти с черньци ни прилежати страде монастырской» под 10 дек. (в № 1, 5, 6, 8, 10, 11), «Слово Козмы прозвитера к епископом и попом, пасущим стадо Христово» под 21 янв. (в № 1, 5, 7, 8, 10), «Слово о наказании всякому хотящему спастися» под 7 нояб. (в № 1—6, 9).

Прологи на мартовскую половину года

I редакция

Пинежское собр., № 129, 2-й половины XVI в., на март—август. Содержит следующие русские статьи: 2 мая — «Пренесение мощей святых Бориса и Глеба» (в 1415 г.), 3 мая — «Успение преподобного отца нашего Феодосия игумена Печерского», 12 мая — «Сказание об освящении киевской Десятинной церкви», 30 мая — «Пренесение мощей преподобного Феодосия игумена Печерского», 15 июля — «Память благоверного князя Владимира», 24 июля — «Страсть святою новоявленою мученику Бориса и Глеба» (первая проложная редакция).⁸

II редакция

1. Колл. В. Н. Перетца, № 32, 2-й четверти XVI в., на март—август. Славяно-русские статьи: 4 марта — «Пренесение мощей св. Вячеслава чешского», 27 апр. — «Слово о Исакии мнисе печерском», 2 мая — «Пренесение мощей святою мученику

⁶ Сергей. Святый Андрей Христа ради юродивый и праздник Покрова пресвятяя Богородицы. — Странник, 1898, т. 3, с. 393—425.

⁷ Ю. К. Бегунов. «Слова» Пресвитера Козмы Болгарского в составе Пролога. — Slavia, časopis pro slovanskou filologii, roč. XXV, seš. 3. Praha, 1966, s. 380—391.

⁸ Н. Серебрянский. Древнерусские княжеские жития..., с. 83—85.

Бориса и Глеба» (в 1072 г.), 3 мая — «Успение преподобного отца нашего Феодосия», 10 мая — «Слово о черноризцы исходящем из монастыря», 11 мая — «Память прп. о. н. Мефодия епископа моравского», 23 мая — «Обретение честного тела прп. о. н. Леонтия епископа ростовского» (первая редакция жития),⁹ 26 мая — «Слово како дьявол изводит до отпетья из церкви человека», 27 июня — «Слово о Мартине мнсе иже бе в Турове в церкви святоу мученику един о бозе», 11 июля — «Успение блаженны Ольги княгине», 12 июля — «Сказание о мученике Варяге и сыне его Иоанне», 15 июля — «Успение блаженнаго и великаго князя Владимира», 24 июля — «Страсть святоу мученику Бориса и Глеба» (вторая проложная редакция). Память Мефодия Патарского под 20 июня в этом и остальных списках ошибочно названа памятью Мефодия Моравского.

2. Вологодское собр., № 30, последней четверти XV в., на март—август. Славянские и русские статьи те же, что в № 1, за исключением слов на 10 мая и 27 апр. Отмечается краткость правоучительного состава (на каждый день помещено по одной назидательной статье).

3. Колл. В. Н. Перетца, № 8, конец XV—начало XVI в. Содержит чтения с 18 марта по август. Славяно-русские статьи те же, что в № 1 (за исключением «Слова об Исакии мнсе Печерском» и утраченной статьи под 4 марта).

4. Колл. В. Н. Перетца, № 34, 1-й половины XVI в., на март—август. Кроме обыкновенно помещаемых во II редакции славяно-русских статей (тех же, что в № 1, причем «Слово о черноризце...» перенесено под 12 мая) в нем читаются: 12 мая — «Память прп. о. н. Сидора юродивого Христа ради ростовского чудотворца», 15 мая — «Принесение мощи святого святителя отца нашего Исаия епископа ростовского чудотворца», 23 мая — «Память прп. о. н. Никиты столпника Переславского чудотворца», 28 мая — Житие Игнатия, епископа ростовского.

5. Пинежское собр., № 164, 1-й половины XVI в., с чтениями на 20 марта—15 августа. Славяно-русские статьи те же, что в № 1 (за исключением утраченной под 4 марта).

6. Карельское собр., № 219, 1-й половины XVI в., на март—август. Содержит те же славяно-русские статьи, что и № 1.

7. Пинежское собр., № 165, середины XVI в., на май—июнь. Славяно-русские статьи те же, что читаются в эти месяцы в № 1. Кроме того, под 23 мая помещено Житие Игнатия Ростовского.

8. Усть-Цилемское собр., № 147, середины XVI в., содержит чтения с 12 марта по август. Славяно-русские статьи те же, что в № 1 (статья под 4 марта утрачена). Начиная с мая перед памятными святым читаются стихи.¹⁰

9. Колл. В. Н. Перетца, № 66, 2-й половины XVI в., на март—июнь. Содержит те же славянские и русские статьи, что читаются в эти месяцы в № 1, и, кроме того, под 28 мая — Житие Игнатия Ростовского.

10. Карельское собр., № 221, последней четверти XVI в., на июнь—август. Под 27 июня, 11, 12, 15, 24 июля читаются те же русские статьи, что и в № 1.

11. Северодвинское собр., № 120, 1590 г., на март—май. Славяно-русские статьи те же, что читаются в эти месяцы в № 1.

12. Колл. В. Н. Перетца, № 80, 1597 г., на март—август. Содержит те же славяно-русские статьи, что и № 1, за исключением «Слова о черноризце» под 10 мая. «Слово о Исакии мнсе» читается 29 апр. Под 1 авг. помещено «Слово великаго князя Андрея Боголюбскаго о милости божии» (отрывок Сказания об установлении праздника Спаса).

13. Колл. В. Н. Перетца, № 88, 1619 г., на июнь—август, стихной. Под 27 июня и 11, 12, 15, 24 июля содержит те же русские статьи, что и № 1.

14. Пинежское собр., № 54 (на март—май) и № 55 (на июнь—август), 2-й четверти XVII в. Составляют годовой Пролог вместе со списком того же собрания № 53. Содержат те же славяно-русские статьи, что и № 1, и, кроме того, под 11 авг. — «Принесение мощем святоу мученику Христову Бориса и Глеба» (в 1191 г.).

15. Пинежское собр., № 289, 1-й трети XVII в., на март—август. Представляет собой соединение текстов обеих редакций. Чтения на март—апрель и июль—август идут по II редакции (под 4 марта, 27 апр., 11, 15, 24 июля — те же славянские и русские статьи, что и в № 1), на май—июнь — по I редакции. Соответственно под 2 мая помещено «Сказание о перенесении мощей Бориса и Глеба» в 1115 г., 3 мая — «Успение прп. о. н. Феодосия игумена Печерского монастыря», 12 мая — «Сказание об освящении киевской Десятиной церкви», 20 мая — «Принесение первое новоявленную святоу мученику Бориса и Глеба» в 1072 г. (нач.: «Совокупив-

⁹ В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871, с. 4—10.

¹⁰ Вопрос о редакциях стихных Прологов до сих пор не изучался, поэтому данный Пролог, как и Пролог колл. В. Н. Перетца, № 88, рассматривается в общем перечне, тем более что они обнаруживают явную зависимость от II редакции.

пешя князи Изяслав, Святослав, Всеволод...»), 31 мая — «Сказание о перенесении мощей прп. Феодосия Печерского».

Среди нравоучительных статей в Прологах мартовской половины года можно отметить «Поучение св. Климента Охридского на Преображение господне» (под 6 авг. во всех Прологах), а также «Слово Козмы прозвитера о хотящих ити в черны ризы», которое встречается в Прологах II редакции либо под 17 марта (№ 1 и 6), либо под 20 марта (№ 4, 5, 9, 11, 15).

Приписки в текстах Прологов немногочисленны и, к сожалению, плохой сохранности. Приведем в заключение запись писца в конце Пролога 1597 г. (ИРЛИ, колл. В. Н. Перетца, № 80, л. 384 об.):

«О бозе почел и написал на Шиялнге у святого великого мученика и славнаго чудотворца Георгия в дом изволением небснаго отца и научением единогоднаго сына и поспешением святого духа въ славу святых троипа верною и многогрешною рукою раб божии поп Козма, в царство правовернаго царя богом избраннаго и богом почтеннаго великаго князя Феодора Ивановича всея Русии самодержца и при архиепископе Ионе Вологодцком и Великопермьском в лета 7105 месяца июня в 22 день святого священномученика Евсевия епископа Самосатского, и буде где описался или негораздо написал нерасмотрением грубо, и вы, бога ради, кто чести станет, исправите, и простите, и благословите, а не клените. А вас самих господь бог благословит, и простит, и помянет в царствии своем. Аминь».

В. П. БУДАРАГИН

Новое пополнение Северодвинского собрания Древлехранилища

В июне—июле 1977 г. совместная экспедиция Пушкинского Дома АН СССР и Научной библиотеки Ленинградского университета продолжила археографическое обследование Северной Двины. В состав экспедиции входили научные сотрудники В. П. Бударагин, И. И. Гумницкий, Н. И. Николаев, аспирант Д. М. Буланин, студенты филологического факультета С. И. Николаев и М. П. Лепехин. Количество участников позволило вести поиски двумя самостоятельными группами, что, безусловно, расширило возможности экспедиции.

Мы начали работу в Красноборском районе, где помимо районного центра обследовали населенные пункты по реке Уфтюге (Куликово, Уфтюгу, Белую Слуду, Березонаволоок). Ни рукописей, ни старопечатных книг в деревнях по Уфтюге обнаружить в этом году не удалось. В самом Красноборске единственным нашим приобретением стала прорись 1-й половины XIX в. «Сошествие во ад», подаренная нам А. С. Вострых. В витрине красноборского школьного музея демонстрируется Устав о христианском житии 80-х гг. XIX в., украшенный заставками и переписанный белослудским книжником Федором Сметаниным. Имеются какие-то рукописи и у хранителя музея П. И. Тушицына, показать их нам он, однако, отказался. Выяснилось, что сохраняется еще у наследников значительная часть архива последнего красноборского переписчика и художника Н. П. Шестакова. Хотелось бы надеяться, что в будущем эти материалы пополнят имеющийся уже в Древлехранилище архив художника; пока нам была передана фотография Н. П. Шестакова последних лет его жизни.

Несколько более успешными были поиски рукописей в Верхнетоемском районе. Правда, в деревнях Сефтринского и Сойгинского сельсоветов держателей рукописной старины обнаружить не удалось. Судьба книг умершей несколько лет назад «зырянки» А. С. Гурьевой, у которой в Сойге видел И. А. Третьяков лицевую рукопись, по-прежнему неизвестна. У соседей Гурьевой по дому нам удалось приобрести только две принесенные с чердака старопечатные книги. Дальняя сефтринская деревня Бакино была когда-то полностью старообрядческой и поддерживала связи с Качемом и Борком. Сейчас жителей в Бакино не осталось, и только предание сохраняет память о прежней книжной традиции этих мест. Ниже по Двине, в с. Афанасьевском, очередное обследование деревень позволило приобрести лишь два Устава о христианском житии в списках XIX в. и несколько деловых бумаг Е. Е. Барановой, известной нам по прежним экспедициям.

В с. Нижняя Тойма, как всегда, радушно встретила нас А. Г. Третьякова. Мы до сих пор не имеем точного представления о ее книжном собрании, но на протяжении нескольких лет Анна Григорьевна бескорыстно помогает археографам в их работе. На этот раз она передала в Древлехранилище сборную рукопись XIX в., большая часть которой была написана в 30-е гг. поморским полууставом и представляет собой «минейную» редакцию Жития Андрея Юродивого. В конце XIX в. к рукописи были приплетены сказания Ивана Пересветова о взятии Царьграда и о царе турском Махмете, Сказание о лестовке и др. От нее же мы получили сборную рукопись XVII—XVIII вв. (содержащую, в частности, каноны Зосиме и Савватию Соловецким, Тихвинской и Новгородской Знамения богородичным иконам), Чин исповедания и сборник поведенальный XIX в.

Из других нижнетоемских находок необходимо отметить несколько сборников духовных стихов в списках XX в., подаренных Е. В. Пакулиной из д. Березник; письмо Матвея Вежливцева «ото всей братии» с жалобами на духовного отца Александра Утинкова последней трети XIX в. и орнаментированный лист Месяцеслова XVIII в. от С. Г. Третьякова; привезенные из Качема список 2-й половины XIX в. Прения живота и смерти (6-й ред.), озаглавленный «Поучение Иоанна Златоуста о войне», Месяцеслов XVIII—XIX вв. и Устав о христианском житии с пасхалией от 1849 г. Известный интерес представляет Миней служебная избранная на август, переписанная во 2-й половине XIX в. и содержащая под 16 августа повесть Константина Порфирогенита о послании ко Авгарю нерукотворенного образа Христа (с указанием о переводе повести Максимом Греком). Рукопись эта по своему оформлению полностью совпадает с привезенной из Нижней Тоймы ранее Минеей на сентябрь—октябрь (Северодвинское собр., № 220) и, очевидно, завершает годичный круг. На корешке рукописи те же инициалы ЕМ (Егор Меньшиков?), что и на сентябрьской Минее. Возможно, в данном случае мы имеем дело с остатками книжного собрания известного нижнетоемского художника и книгочех Е. И. Меньшикова.

Наиболее успешной была, однако, для экспедиции последняя неделя поисков, когда мы завершали в Пучуге обследование Верхнетоемского р-на и одновременно работали в селах Борок и Топса Виноградского р-на. Пучужские три рукописи были найдены в д. Кодима, и среди них выделяется весьма разнообразная по составу сборная рукопись последней трети XVII—3-й четверти XIX в., на листах которой сохранились два новых для нас имени представителей местной рукописной традиции Ивана Карушева и Анны Ивановны Третьяковой. В этой же рукописи повесть из Великого Зеркала об отце с сыном переписана и проиллюстрирована И. Ф. Колодкиным. В состав рукописи входят: Сказание о Индийском царстве, Житие князя-инока Игнатия Вологодского (Углицкого) и Алексея человека божия (2 списка), Житие и мучение Евстафия Плакиды, слова Семена Денисова о пренесении мощей Зосимы и Савватия и «Яко время прекращено есть», Чудо об оживленной курице, Сказание «киим святым каковые благодати исцеления от бога даны и когда памяти их», стихи о умилении души и о молодой юности, выписки из Пролога, Кормчей, из слов и поучений Исаака Сирина, Ефрема Сирина, Василия Великого и мн. др.

В лицевом сборнике начала XX в. имеется сто миниатюр в красках, и он представляет собой несколько иной тип северодвинских лицевых рукописей, чем встречавшиеся в местной традиции ранее. Сборник содержит Чудо Георгия о змие, повести из Пролога и Великого Зеркала,

сказание «о седмицах» жизни человеческой, Григориево видение, Страсти Христовы и другие памятники.

В с. Борок наши находки пополнились еще 8 рукописями, одна из которых — свод комментированных выписок на 583 листах из Цезаря Барония, — очевидно, вышла из-под пера М. М. Останина. В сборной рукописи рубежа XIX—XX вв. из д. Зауята апокрифические сказания о несчастливых числах месяцев, о власти архангелов, о двенадцати трясавицах соседствуют с выписками из домоводческих книг полезных бытовых и медицинских советов. В числе боревских находок Слово Андрея Денисова в неделю мясопустную, избранные каноны, Псалтырь, Устав о христианском житии, выписки «старицы Файны» из Потребника иноческого и других книг.

В с. Топса экспедицией было найдено 37 рукописей XVI—XX вв. Большая их часть хранилась у Н. С. Антушевой (д. Кургомень), А. Ф. Бекетовой (д. Березник), В. Ф. Зыкова (д. Бредовица). Самая древняя наша находка — это два фрагмента Триоди цветной середины XVI в. От М. А. Шалагиной мы получили в дар сборник сказаний о богородичных иконах Черногорского (Красногорского) монастыря, переписанный в 70—80-х гг. XVII в. и переплетенный в XIX в. топецким мастером И. С. Точиловым. Основная часть сборной рукописи XVIII в. посвящена сочинениям инока Авраамия, причем его Челобитная царю Алексею Михайловичу представлена здесь какой-то особой редакцией. Кроме послания Авраамия к боярыне Морозовой, его сочинения «о антихристовой пестрообразной прелести», выписок из других его полемических произведений тем же почерком переписаны в рукописи сочинения протопопа Аввакума «О пресвятой Богородице» и Записка о второй пустозерской казни. Далее следуют выписки из Хождения игумена Даниила, Великого Зеркала, Пролога, поучение о матерной брани, Житие и страдание Киприана и Устины, мученицы Дросиды, исчисление лет от Адама до Христа и т. п.

В списках более позднего времени дошли до нас Симеона Полоцкого стихотворное предисловие, похвала и стих Иоасафа царевича из печатного издания Истории о Варлааме и Иоасафе (Москва, 1680), Повесть о патриархе александрийском Иоакиме (из Хождения Трифона Коробейникова), Страсти Христовы, Цветник священноинока Дорофея, Мартыново увещание, старообрядческое сочинение против Петра I и «лжепатриархов» от Никона до Адриана, Сказание о лестовке, стихи духовные, послание «Премногомилостивому государю и благодетелю, мною грешным, Василью Стефановичу господину Ашиткову», орнаментированные Святцы и Месяцесловы, отрывок службы Артемию Веркольскому, помянники И. И. Истомина и О. И. Косцова.

Экспедиция этого года была юбилейной для Северодвинского собрания. Созданное в Древлехранилище в 1967 г., оно насчитывает теперь 471 рукопись XV—XX вв. Результаты последней экспедиции (всего было найдено 67 рукописей XVI—XX вв. и 32 издания кирилловской печати XVII—XX вв.) еще раз подтвердили плодотворность и оправданность многократного археографического обследования районов с развитой рукописной традицией в прошлом. И вполне вероятно, что в ближайшие годы поиски рукописной и печатной старины на Северной Двине принесут новые находки, позволят расширить наши представления о истории и культуре этого края.

Г. В. МАРКЕЛОВ

Прибалтийские находки 1977 года

В декабре 1977 г. автором этой заметки была совершена очередная поездка за рукописями в Латвию и Эстонию. В Древлехранилище Пушкинского Дома к 1977 г. уже имелось свыше 500 рукописей, найденных в разное время на территории Прибалтики и входящих в Причудское и Латгальское собрания и коллекцию И. Н. Заволоко. Районы поисков рукописей уже достаточно известны, а во время предыдущих экспедиций были заведены прочные дружеские знакомства с местными держателями рукописной старины. Таким образом, маршрут моей новой поездки проходил по знакомым местам.

Поиски свои я начал в Тартуском районе Эстонской ССР на Чудском озере в прибрежных деревнях Воронья, Казепель, София, Большие и Малые Кольки. Затем обследовал населенные пункты Йыгеваского района — г. Муствее, деревни Рая, Кикита, Тихотка. Здесь не раз бывали экспедиции Пушкинского Дома, поэтому рассчитывать на особо интересные находки не приходилось. Более или менее ценные книги сейчас концентрируются в деревенских старообрядческих моленных, которые еще действуют почти в каждой деревне. У населения сложилась традиция: по кончине владельца его книги и рукописи наследники передают в общинную моленную, откуда получить их в научное пользование очень затруднительно.

Большую часть рукописей мне удалось найти в деревнях Малые Кольки и Казепель. Житель д. М. Кольки И. П. Козырев на чердаке своего дома нашел и подарил Древлехранилищу рукописи, принадлежавшие нескольким поколениям его семьи, о чем свидетельствуют, в частности, пометы на Сборнике начала XX в. (№ 181).¹ В них, между прочим, имеются памятные записи о рыболовстве на Чудском озере, о хождении в Петроград на заработки в 1917 г., о начале войны 1914 г., об учении славянской грамоте детей и т. п. В сборнике-конволюте (№ 172), подаренном Козыревым, в рукописи первой трети XIX в. содержатся повести и выписки из Великого Зеркала, Патериков, Пролога, Пчелы, Альфы и Омеги, Щита веры и других книг. В этом же сборнике авторское поморское (?) сочинение о власти духовной и истинном покаянии. В других козыревских рукописях содержатся в списках, составленных местными переписчиками, разные слова и поучения, каноны и молитвы, Скитское покаяние, Аптека духовная и др. Сборник апокрифов XIX в. (№ 173), в который входят вариант Беседы трех святителей, апокрифы об Адаме и Каине, о кресте спасовом, о двух разбойниках, о Ноевом ковчеге, о червленом яйце, о кадиле, о 30 сребрени-

¹ Номер в скобках обозначает шифр рукописи Причудского или Латгальского собраний или коллекции И. Н. Заволоко, смотря по месту приобретения.

ках и другие, я приобрел у наставника д. Казепель П. И. Толстова. От него же был получен и Сборник духовных стихов (№ 175), содержащий стихи о пустыне, о потопе Ноевом, о рождестве Христовом и редкий Стих Георгия Храброго. Последний представляет собой любопытный вариант к опубликованному Бессоновым.² Кстати, все три имеющих в Дривлекранилище списка этого стиха находятся в прибалтийских собраниях. Рукописи были приобретены также у Е. М. Перфенчук (д. София), И. Д. Сыциковой, Л. И. Кузнецова (оба из д. Казепель). Всего Причудское собрание пополнилось на 10 номеров.

В г. Тарту я пытался найти следы библиотеки и архива старообрядческого общезнательства на Ряпиной мызе (1710—1722 гг.). Как известно, основанное Феодосием Васильевым общезнательство было по доносу предателя разгромлено, специальная воинская команда вывезла остатки книг в Юрьевскую Успенскую церковь в 1722 г.³ Однако поиски мои оказались неудачными. В XVIII в. Успенскую церковь перестроили, тогда же, очевидно, ряпинский архив был уничтожен. Во всяком случае, в осмотренных мною кладовых действующего храма старинных документов и книг не оказалось.

Важным подспорьем для изучения истории местной рукописно-книжной традиции является использование сохранившихся архивных актов. В этом смысле повезло Причудскому собранию, поскольку в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР в г. Тарту находится большое количество материалов XVIII—XX вв., касающихся жизни русского населения — староверов на западном берегу Чудского озера. Деятельность деревенских общин находилась под пристальным вниманием властей, осуществлявших полицейский и духовный надзор, применявших карательные санкции в своем стремлении предотвратить «укоренение и распространение раскола» в Дерптском уезде. В тартуском архиве в фондах Канцелярии Лифляндского генерал-губернатора (ф. 296), Дерптской управы благочиния (ф. 1880), в Архиве Эстляндского гражданского губернатора, Секретное отделение (ф. 29) и других фондах мне довелось просмотреть немало актов, свидетельствующих о настойчивых попытках причудцев сохранить свою культурную самобытность, несмотря на жестокие репрессии властей. Любопытно, что в ряде документов встречаются упоминания или даже целые списки древних книг, реквизируемых или уничтоженных во время обысков. Ни миссионерская пропаганда, ни обыски и угрозы не могли остановить распространение «вредных и опасных» книг среди причудцев. Во время репрессивных акций властей в деревнях спасали самое ценное — книги, и их-то прежде всего пытались выявить и ликвидировать, вслед за высылкой самих книжников, уездное начальство. Думается, что более подробный анализ тартуских архивных документов очень важен, так как он позволит выявить новые сведения по истории рукописно-книжной традиции Причудья, дополнив тем самым данные фондов территориального собрания.

После поисков в Причудье я направился в Латвию, в г. Резекне. Здесь у местного жителя А. Т. Бурова с 1974 г. хранился замечательный рукописный сборник XVIII в. литературно-исторического содержания. Мне удалось приобрести эту рукопись. В сборнике (№ 114), переписанном выговскими книжниками, оказалось большое количество памятников древнерусской литературы, среди них: Сказание о Мамаевом побоище распространенной редакции, редко встречающиеся повести о богородичных иконах — Воронийской (Череповецкой), Выдропуской, Тетюшской, Толг-

² П. Бессонов. Калеки переходные, вып. 2. М., 1861, с. 514—524.

³ См.: И. Н. Заволоко. История церкви Христовой. Рига, 1936, с. 152—153.

ской и Иверской; Сказание о белом клобуке; Повесть о посаднике Щиле; Повесть о Тимофее Владимирском; чудеса Николы Зарайского; Пчела (свыше 230 изречений); Повесть о царице и львице; 42 повести из Великого Зеркала; 45 повестей из Патериков, Лавсаика, Старчества; Притчи о некоем царе, о теле человеческом и др.; Прения живота и смерти; Житие царицы Пульхерии; ветхозаветная книга Эсфирь; апокрифы об Авгаревом образе Спаса нерукотворного, о 12 снах царя Мамера, вопросы Антиоха и ответы Елифания; главы из жития Андрея Юродивого; Деяния и мучения Андрея Первозванного; Сказание Ивана Пересветова о Махмете Салтане; обширные выписки из Хронографа 1617 г.; многочисленные слова и поучения, в том числе «Слово о душе» — разновидность стихов покаянных, и другие произведения.

Тексты ряда памятников Сборника подвергались некоторой обработке, очевидно, поморскими авторами. Например, в Сказании о Мамаевом поборнице имеются незначительные вставки, местами текст расширен риторическими оборотами. В содержании этого и подобных ему сборников отчетливо виден замысел составителей, стремившихся объединить разнообразные по жанрам произведения в один четкий сборник — «тезаурус», однородную библиотечку избранных памятников.

В г. Резекне были приобретены и другие рукописи — Сборник 1821 г. крестьянина И. Емельянова (№ 115), содержащий, между прочим, повесть о богатом новгородце немилостивом, о купце, заколовшем младенца, о видении Макарием черепа жреца, о двух враждовавших братьях, из Великого Зеркала и др. Из 6 рукописей, пополнивших в этом году Латгальское собрание, отмечу еще Травник XIX в. (№ 112), содержащий описание более 60 видов растений и их целебных свойств. В рукописи также приведены народные заговоры.

Поездка моя завершилась в г. Риге, где я должен был встретиться с И. Н. Заволоко и получить от него партию рукописей и документов для пополнения его коллекции в Пушкинском Доме. Ныне коллекция Заволоко насчитывает около 300 рукописей XV—XX вв.⁴ Иван Никифорович продолжает вести активную собирательскую деятельность, ежегодно он пополняет свой фонд десятками новых находок, и это после того, как четыре года назад он передал в Пушкинский Дом основную часть своего собрания.

И на этот раз И. Н. Заволоко передал в Древлекранилище много ценных рукописных материалов. Среди них объемистый лицевой сборник XVIII в. (№ 257), содержащий 235 (на каждом листе) оригинальных миниатюр, представляющих собой иллюстрации в красках к текстам из Шестоднева (изображения животных и баснословных существ), к Повестям из Великого Зеркала («списатели», всадники, воины, бытовые сцены, женщины в крестьянских нарядах и т. п.) и рисунки, изображающие загробные муки грешников и бесов. Иллюстрации отличаются экспрессией, сдержанным колоритом, характерными для старинных русских лицевых книг, и в то же время являются замечательным образцом народного изобразительного творчества XVIII в. Этот сборник был в числе рукописей, собранных И. Н. Заволоко еще до войны, и вновь вернулся к нему уже только накануне моего приезда.

Из рукописей, переданных Иваном Никифоровичем, перечислю: сборники разнообразных выписок полемического, литургического и уставного содержания (№ 267, 268), краткие святцы-календарь с покаянной припиской писца (№ 262), домашний лечебник писковича Богданова 1877 г.

⁴ Подробнее о всей коллекции И. Н. Заволоко в Пушкинском Доме см. наш обзор — наст. изд., с. 377—387.

(№ 264), стих преображенцев Павлу Прусскому против самосводных браков (№ 265), настенный лист со стихирами и величаниями на крюках (№ 269), выписки по истории белокриницкой иерархии (№ 263). Характерным свойством рукописей является их явная принадлежность местным прибалтийским переписчикам из среды русских староверов.

В коллекции Заволоко много материалов архивно-актового характера, касающихся Причудья и Латгалии. На сей раз я привез интересные и в бытовом смысле и для изучения причудской рукописно-книжной традиции письма за 1880—1920-е гг., адресованные к известному причудскому деятелю, книжнику и иконописцу Г. Е. Фролову (№ 270). В письмах из разных концов страны содержатся темы актуальной старообрядческой полемики, переписка об изготовлении икон и рукописных книг в Причудье, чему немало способствовала в свое время деятельность Фролова. Любопытны письма к нему старообрядческого издателя типографа Л. А. Гребнева (№ 271) по поводу издания в 1915 г. в селе Тушка книги Фролова «Путь к прощению». Пополнился и архив бывшего причудского иконописца П. М. Софронова новыми письмами, автобиографией и его статьей об иконописи (№ 282), найденными Иваном Никифоровичем.

Латгальские материалы коллекции Заволоко, доставленные в декабре 1977 г., содержат рукописные сборники местных книжников И. Ф. Гуценко (№ 278) и В. С. Гудкова (№ 279). В последнем, между прочим, имеется список Повести о 12 снах Мамера и записи личных наблюдений небесных «знамений». Любопытна рукопись с изложением прений двинского наставника М. А. Власова с австрийскими поповцами в 1914 г., закончившимися в пользу двинчанина.

Ряд документов, собранных в последнее время Заволоко, относится к истории рижской старообрядческой Гребенщиковской общины: это документы о статусе общины, богадельни и больницы, уставы, правила и инструкции для попечителей, циркуляры и секретные постановления об особых мерах против раскольников за период с 1835 по 1865 г. (№ 260), полицейский донос о незаконной раздаче продуктов нуждающимся, проведенной в 1884 г. на Грезенбергской даче, принадлежавшей Гребенщиковской общине (№ 266), описания рукописей и книг общинной библиотеки, сделанные И. Н. Заволоко в 1960 г.

Среди переданных И. Н. Заволоко материалов есть немало таких, которые характеризуют многогранную деятельность этого незауряднейшего человека. Это его личная переписка с В. И. Малышевым, Ф. А. Каликиным, Г. Е. Фроловым, П. М. Софроновым, латгальскими и причудскими книжниками, деятелями советской науки и московскими и ленинградскими библиотеками. Хочу выразить уверенность, что формирование этой коллекции еще не завершилось и что советская наука благодаря эффективной собирательской работе И. Н. Заволоко обогатится еще многими новонайденными памятниками древней литературы.

Прибалтийская экспедиция 1977 г. принесла Дрeвлехранилищу Пушкинского Дома 39 новых номеров. В целом прибалтийский фонд — около 580 рукописей Латгальского и Причудского собраний и коллекции И. Н. Заволоко — является одним из крупных и интересных территориальных фондов Дрeвлехранилища. И перспективы археографических поисков здесь еще далеко не исчерпаны.

Р. Г. ПИХОЯ

Археографические экспедиции Уральского университета в 1974—1976 гг.

Исторический факультет Уральского государственного университета им. А. М. Горького с 1974 г. проводит систематическое обследование Среднего Урала с целью выявления книжно-рукописной традиции края и изучения культуры горнозаводского населения Урала XVIII—XIX вв.¹ Первая такая экспедиция состоялась в 1974 г. совместно с археографами Московского государственного университета под руководством старшего научного сотрудника И. В. Поздеевой.

Необходимость собирания и скорейшего изучения старопечатных и рукописных книг, сохранившихся на Урале, привела к созданию в 1975 г. при кафедре истории СССР (досоветского периода) археографической лаборатории. В настоящее время лаборатория занимается обучением студентов, участвующих в экспедициях, ведет работу по описанию собраний старопечатных и рукописных книг Свердловской области, готовит и проводит экспедиции.

Сотрудники лаборатории разрабатывают учебные планы подготовки студентов, специализирующихся по полевой археографии, и участвуют в проведении практических занятий по археографии, чтении лекций по истории русской церкви и старообрядчества, по древнерусской литературе (о круге чтения людей Древней Руси), спецкурсе по культуре Древней Руси и истории книгопечатания в России. На практических занятиях студенты учатся датировать и описывать рукописные и старопечатные книги. Описание отдельных книжных собраний Свердловской области, история культуры горнозаводского населения Урала, прошлое уральского старообрядчества становятся темами курсовых и дипломных работ студентов кафедр истории СССР.

Занятия со студентами-археографами проводят преподаватели университета (В. П. Викторов, А. И. Серов, Г. А. Рунева, Р. Г. Пихоя, В. И. Байдин). Кроме того, к занятиям привлекаются ученые из других научных центров: И. В. Поздеева (МГУ), А. И. Рогов (Институт балканистики и славяноведения АН СССР), В. А. Оборин (Пермский университет), Ю. К. Бегунов (Пушкинский Дом АН СССР), А. Х. Горфункель (ЛГУ).

¹ Первые археографические экспедиции в Уральском университете организовывались филологическим факультетом в 50—60-е гг. на территории Свердловской и Пермской областей. См.: В. В. Кусков. Североуральская археографическая экспедиция 1959 г. — ТОДРЛ, т. XVIII. Л., 1962, с. 432—433 (43 старопечатные и 42 рукописные книги XVI—нач. XX вв., собранные экспедициями филологического факультета, переданы в отдел редких книг и рукописей научной библиотеки университета).

В Свердловской области и в самом Свердловске имеются свои хранилища рукописных и старопечатных книг: в Нижнетагильском краеведческом музее, Государственном архиве Свердловской области, Государственной областной публичной библиотеке им. В. Г. Белинского, Свердловском областном краеведческом музее. Так, силами лаборатории составлено машинописное описание старопечатных и рукописных книг библиотеки им. В. Г. Белинского. В фондах этой библиотеки выявлено 9 рукописных и 25 старопечатных книг XVIII—XIX вв. Среди них рукописный Песенник первой четверти XIX в., содержащий тексты 263 песен, Житие Василия Нового и Григориево видение (1819 г.), лицевой сборник (1865 г.), содержащий выписки из Апокалипсиса, Зонара, «Звезда пресветлая» второй половины XIX в., 4 крюковых рукописи XVIII—XIX вв. (Праздники конца XVIII в., Праздники и обиход конца XVIII в., Ирмологий конца XIX—начала XX в.). Из хранящихся здесь старопечатных книг отметим «Деяния...» Цезаря Барония (ч. 1, М., 1719), Библию (М., 1756), Евангелие учительное (Клинцы, 1786), Три диоптры (Кутеино, 1786).

Значительное число рукописных и старопечатных книг находится в Свердловском областном краеведческом музее. Рукописная часть этого собрания была описана Е. И. Дергачевой-Скоп.² Следует отметить, однако, что в ее описание не вошли крюковые рукописи: Праздники конца XVIII в., Праздники первой трети XIX в., украшенные поморским орнаментом. Из других рукописей, не упомянутых Е. И. Дергачевой-Скоп, укажем Четвероевангелие XVI в. с четырьмя миниатюрами евангелистов, Цветник («Вечеря духовная») XVIII в. В настоящее время работа по описанию старопечатных и рукописных книг краеведческого музея ведется сотрудниками библиотеки музея.

Книги кириллического шрифта и русские рукописи имеются также в фондах Государственного архива Свердловской области (ГАСО),³ образовавшихся в результате поступления документов из церквей, от уральских краеведов, и в фонде Уральского общества любителей естествознания. В настоящее время сотрудниками лаборатории ведется работа по дальнейшему выявлению и описанию рукописных и старопечатных книг среди документальных материалов ГАСО. Так, в фонде церкви белокрыницкой иерархии⁴ обнаружены рукописная Синтагма Матфея Властаря начала XVIII в.,⁵ Сборник конца XIX в., содержащий Стоглав, выписки из Кормчей, Вопросание Кирикова, сказание о Каменном монастыре, «Поучение к попам» Серапиона Владимирского, хиротония Иоасафа Пермского и др.⁶ Отметим также восемь крюковых рукописей XVIII—начала XX вв.

Из старопечатных книг этого фонда особенно интересен Апокалипсис — фрагмент из Нового Завета с Псалтырью, напечатанного Иваном Федоровым в 1580 г. в Остроге. Апокалипсис вклеен в конволют конца XVIII—начала XIX в.⁷

Интерес археографов к собраниям книг и рукописей не должен ослабевать, дальнейшее их изучение поможет выявить еще много ценного и полезного. Вместе с тем необходимо продолжать поиски рукописей и ста-

² Е. И. Дергачева-Скоп. Старинные рукописные книги в хранилищах Свердловска. — ТОДРЛ, т. XXVI. Л., 1971, с. 339—342.

³ Кроме того, в этом архиве имеются также иноязычные книги и рукописи.

⁴ ГАСО, ф. 75.

⁵ ГАСО, ф. 75, оп. 1, д. 12.

⁶ Там же, д. 3. В описании Е. И. Дергачевой-Скоп сборник упомянут под № 33 и назван Стоглавом без указания состава: Е. И. Дергачева-Скоп. Старинные рукописные книги. ..., с. 342.

⁷ ГАСО, ф. 75, оп. 1, д. 2. Состав рукописей конволюта под № 25 описан Е. И. Дергачевой-Скоп (Старинные рукописные книги. ..., с. 341).

ропечатных книг, что позволит расширить круг источников по истории и культуре горнозаводского Урала. С этой целью систематически организируются археографические экспедиции в города и районы Среднего Урала. Первая экспедиция, проведенная в 1974 г. совместно Уральским и Московским университетами, явилась хорошей школой для уральских археографов и одновременно развеяла сомнения относительно перспективности поисков. Был составлен план дальнейшего обследования Среднего Урала. Привезенные из первой экспедиции 12 рукописных и 27 старопечатных книг поступили в фонд научной библиотеки Уральского университета. Среди находок были Поморские ответы XVIII в., сборник апокрифов XIX в. (сны царя Мамера, Макариево видение), Ирмологий аполинейный первой половины XVIII в., старообрядческое сочинение XIX в. об одежде. Были найдены также старопечатные книги XVII в. — Апостол 1638 г., Службы и житие Николая Чудотворца 1643 г., Трефологион (сентябрь—ноябрь) 1637 г., Библия 1663 г. Во время первой поездки была произведена разведка и уточнены перспективы работы в городах Невьянске и Нижнем Тагиле, а также в Кировоградском и Шалинском районах Свердловской области.

Вторая экспедиция была организована летом 1975 г. Ее участники (студенты и преподаватели Уральского университета) работали в Верхотурском, Гаринском, Тугулымском, Шалинском районах области, а также в Невьянске и Нижнем Тагиле. Из экспедиции было привезено 40 рукописей и 31 старопечатная книга. Главной находкой летней экспедиции стал Хронограф XVII в. 3-й редакции (ред. 1620 г.). Пометы на Хронографе свидетельствуют, что он попал в Сибирь уже в XVII в. Запись латиницей сообщает: «Sii granograf Osipa Grigmeewa sina Sibiriaga», а русскими буквами ниже: «189 года августа в 21 день». Из других находок следует отметить рукописные Олонецкие ответы начала XX в., сборник XVIII—начала XIX в., в котором содержатся апокрифические повести о Богородице, фитник 1836 г., Ответы на вопросы перекрещенцев начала XX в., два сборника духовных стихов XIX и XX вв. Старопечатные книги представлены Треником 1639 г., Псалтырью 1636 г., Уставом 1641 г., Евангелием 1677 г.

В январе 1976 г. была организована зимняя экспедиция. Несмотря на то что она длилась всего неделю, благодаря тщательной ее подготовке были получены важные для дальнейшей работы результаты. Проведенная разведка ряда районов Свердловской области (Красноуфимского, Артинского, Ревдинского и Первоуральского) позволила более конкретно определить места работы будущих экспедиций.

Из рукописей, привезенных зимней экспедицией, особенно интересен небольшой сборник — «Выписки, нравочения разговоров 1837-го года, марта 20-го дня». Он содержит краткий летописец Невьянского завода со сведениями об истории города с 1702 по 1863 г. Здесь, в частности, сообщается о строительстве Невьянской башни в 1732 г. Это пока единственное датированное сообщение источников о данном событии. В «Выписках» упоминается крестьянская война под руководством Е. И. Пугачева, излагаются факты из истории города, уральского старообрядчества. В этом же сборнике помещен «разговор между книжником и мальчиком», свидетельствующий об отношении старообрядцев к царской власти, администрации, просвещению. Сборник составлен в рабочей среде между 1837 и 1863 гг., причем одна его часть — летописец — была создана невянянскими рабочими. С середины XIX в. сборником владела рабочая династия Овчинниковых; представительницей этой династии, Афанасией Варфоломеевной Овчинниковой, он и был передан археографам. Важное значение для истории уральского старообрядчества имеет другое приобретение, сделан-

ное в январе 1976 г., — Соборное уложение II старообрядческого собора часовенного согласия 1922 г.

В результате зимней экспедиции и отдельных поступлений в течение зимы и весны 1976 г. отдел редких книг и рукописей научной библиотеки Уральского университета получил около 100 рукописей и около 50 старопечатных книг XVII—начала XX вв.

С 5 июля по 5 августа 1976 г. археографическая лаборатория Уральского университета продолжила полевые исследования на территории Среднего Урала. В ее состав вошли научные сотрудники и студенты университета. Из 30 участников 14 уже имели опыт работы в предшествующих экспедициях. Отряд, руководимый сотрудником научной библиотеки Уральского университета Н. А. Литвиновой, работал с 5 по 19 июля в г. Нижнем Тагиле и его окрестностях. В настоящее время г. Нижний Тагил — крупнейший промышленный центр области с полумиллионным населением, а в прошлом был одним из центров старообрядцев часовенного согласия, потому находки рукописных и старопечатных книг здесь нередки. Обстоятельством, заставившим торопиться с проведением исследований в Нижнем Тагиле, стало массовое жилищное строительство, в ходе которого сносятся и перестраиваются старые районы города и нередко гибнут уже ненужные новым владельцам книги.

За две недели нижнетагильским отрядом были получены 41 рукописная и 38 старопечатных книг XVII—XX вв. Успешной работе отряда во многом способствовало то, что этот район был хорошо изучен за время предшествующих поездок. Участники экспедиции не только сами были хорошо осведомлены о местных книжниках, но и те в свою очередь были уже знакомы с археографами, с целями и задачами их работы. Порой в дар библиотеке Уральского университета передавались целые книжные собрания. Так, житель села Большая Лая Г. М. Витюнин передал археографам книги, собранные его родителями, Максимом Родионовичем и Марфой Ивановной Витюниными. В настоящее время библиотека Витюниных, насчитывающая 37 рукописных и старопечатных книг, выделена в отделе редких книг и рукописей как образец крестьянской библиотеки. Среди книг Витюниных рукописный сборник XVII в., содержащий житие Кирилла Новозерского, сочинения об антихристе, Поморские ответы XVIII в., полемический сборник XIX в., 5 крюковых рукописей XIX в.

Среди старопечатных книг и рукописей, найденных в самом Нижнем Тагиле, сборник начала XIX в., в который включены повести об Иоанне, архиепископе Новгородском, об избрании апостолов Матфея и Андрея Первозванного, Ефрема наказание о покаянии и др., Цветник XIX в., со статьями об антихристе, Сборник духовных стихов начала XX в., Повесть о Варлааме и Иоасафе начала XIX в., крюковые Азбука и фитник XIX в.

Несмотря на то, что в Нижнем Тагиле и его окрестностях найдено уже немало рукописей и старопечатных книг, есть основания полагать, что археографическое обследование этого района необходимо продолжить и в дальнейшем.

В это же время, с 5 по 19 июля 1976 г., другой отряд археографической экспедиции под руководством младшего научного сотрудника В. И. Байдина работал в Красноуфимском, Нижнесергинском и Ревдинском районах Свердловской области. Исторически старообрядчество здесь связано с заводами, существовавшими с XVIII в. Хорошие результаты дал поиск в Красноуфимском районе. Среди находок — рукописная Псалтырь XVI в. и печатный Часовник 1618 г. Было обнаружено довольно много «четых» книг. Это «Монастырская опись» середины XIX в., рассказывающая о разорении саратовским губернатором старообрядческого Средне-Никольского монастыря, Цветник начала XIX в., «Благочестивая

беседа философа к людям» середины XIX в., Алфавит духовный конца XIX в., большое количество полемических сборников (среди которых выделяется один, середины XIX в., излагающий историю появления австрийского священства с позиций старообрядца-беспоповца, а также содержащий сочинения против табака, картофеля и др.), сборник слов и поучений Иоанна Златоуста конца XVIII в., сборник первой четверти XIX в., содержащий Повесть о царице и львице, Повесть о семи отроках эфесских, Великое Зерцало начала XIX в., Повесть о епископе Магдебургском конца XIX в. Кроме того, был найден прекрасно выполненный лицевой сборник конца XVIII в., украшенный 48 миниатюрами и содержащий апокрифические жития Василия Нового и Иосифа Прекрасного, а также Григориёво видение. Из крюковых рукописей особенно интересен певческий сборник середины XVII и конца XVIII в. — Октоих и Ирмологий; древнейшая часть этого сборника содержит «беспометное» письмо.

В Артинском и Нижнесергинском районах также сделаны интересные находки: сборник конца XIX в., содержащий сочинения об антихристе, о юноше, ковавшем крест патрикию, канонический сборник начала XX в., два сборника духовных стихов конца XIX в., значительное число крюковых рукописей XIX в. (в том числе Октоих середины XIX в., украшенный великолепными миниатюрами и заставками).

Исследования в Красноуфимском, Артинском, Нижнесергинском и Ревдинском районах продолжаются.

Третий отряд экспедиции (руководитель — доцент Р. Г. Пихоя) обследовал населенные пункты на границе Шалинского и Пригородного районов. В прошлом здесь существовали многочисленные кельи, связанные со знаменитыми скитами на Веселых горах, местом почитания различных направлений уральских старообрядцев, прежде всего часовенных. Существовали здесь и белокриницкие монастыри.

Несмотря на то что археографы Уральского университета работали в этих местах впервые, удалось сделать ряд интересных находок, среди которых следует выделить в первую очередь рукописный сборник XVII—XVIII вв., содержащий сочинения о крещении и причащении, наказание к детям духовным, выдержки из сочинений Иосифа Волоцкого, Иоанна Златоуста, Иоанна Лествичника и др. Кроме того, был обнаружен прекрасный лицевой Апокалипсис середины XVIII в. Многочисленные миниатюры Апокалипсиса испытали влияние гравюры петровского времени и характеризуются очень высокой техникой исполнения. Любопытно отметить, что миниатюры позволяют судить об отношении их автора к реформам начала XVIII в. Так, на одной из них среди всадников, преследуемых «небесным воинством», нетрудно узнать самого Петра I. В Шалинском районе получены также рукописная Повесть о Варлааме и Иоасафе XIX в., печатный Апостол 1631 г. Поиски здесь представляются весьма перспективными и будут продолжены в дальнейшем.

По окончании работы в Шалинском районе участники отряда продолжили обследование сел Невьянского и Пригородного районов. Здесь были найдены печатная Триодь постная 1607 г., сборник XIX в., содержащий поучение «великого мудрого старца», нравоучение «како подобает чтити отца и мать», Ответы Мартыновы начала XX в.

Заключительный этап экспедиции был посвящен ознакомлению с условиями и перспективами работы в Златоустовском, Кыштымском, Уфалейском, Нязепетровском и Миасском районах Челябинской области (начальники отрядов — доценты Ю. К. Бегунов и Р. Г. Пихоя). Выбор этого региона объясняется тем, что в истории Свердловской и Челябинской областей очень много общего. Старообрядчество здесь, как и в Свердловской области, было связано в прошлом с горными заводами.

Из этой поездки привезено несколько старопечатных книг: Требник (М., 1623 г.), напрестольное Евангелие (М., 1633 г.), Маргарит Иоанна Златоуста 1641 г., Кормчая (Варшава, 1785 г.), Часовник (Кутеино, 1790 г.). Из рукописных книг — Апокалипсис седмитолковый конца XIX в., Уфалейский сборник конца XIX в., содержащий Сказание о разорении Соловецкого монастыря, «о смерти закоренелого грешника», послания дьякона Федора, Цветник конца XIX в., лицевой сборник середины XIX в., содержащий Апокалипсис, поучения Иоанна Златоуста, сказание «о лжеучителях», и др. Получены также крюковые рукописи — Ирмологий XVIII в., певческие сборники XIX в.

В результате летней экспедиции 1976 г. собрание отдела редких книг и рукописей научной библиотеки Уральского университета пополнилось 176 рукописными и 129 старопечатными книгами (по состоянию на 1 сентября 1976 г.) и насчитывало 331 рукописную и 323 старопечатные книги XVI—XX вв.

В результате обследований районов Среднего Урала, проведенных лабораторией, удалось составить (почти в окончательном виде) археографическую карту Свердловской области. Полученные во время экспедиций рукописные и старопечатные книги образовали в отделе редких книг и рукописей университетской библиотеки территориальные собрания (Артинское, Красноуфимское, Нижнетагильское, Шалинское и др.). Кроме того, рукописные и старопечатные книги постоянно поступают от коллекционеров, пополняя Свердловское собрание отдела редких книг и рукописей.

Продолжая археографические исследования на Урале в связи с изучением истории культуры горнозаводского населения Урала XVIII—XIX вв., следует шире привлечь кадры и к сбору и к исследованию рукописного наследия прошлого — специалистов-лингвистов, фольклористов, искусствоведов.

Т. Ф. ВОЛКОВА

Отчет об археографической экспедиции в Усть-Цилемский район Коми АССР

В августе 1977 г. впервые состоялась археографическая экспедиция Сыктывкарского государственного университета в Усть-Цилемский район Коми АССР.¹ Как известно, работа в этом районе была начата еще в 1935 г. В. И. Малышевым, и под его руководством в течение многих лет сотрудники Сектора древнерусской литературы и Древлехранилища ИРЛИ занимались тщательным археографическим исследованием как самого села Усть-Цильма, так и всего комплекса населенных пунктов по рекам Печоре и Пижме.² С 1972 г. в эту работу включились студенты-филологи Ленинградского гос. университета. Последняя ленинградская археографическая экспедиция на Печору состоялась в 1973 г.³ Сейчас Усть-Цилемское собрание рукописей Пушкинского Дома насчитывает около 800 рукописей XVI—XX вв.

Экспедиция Сыктывкарского университета была задумана как непосредственное продолжение этой многолетней работы. Главной задачей экспедиции было выяснение современного состояния некогда богатейшей рукописной традиции на территории Усть-Цилемского района, фиксация сохранившихся старопечатных и рукописных книг, сведений о писцах, миниатюристах, владельцах библиотек. Эта работа могла бы дать дополнительный материал к тем наблюдениям над культурой и бытом усть-цилемцев в XVI—XIX вв., которые были сделаны В. И. Малышевым на основании всестороннего археографического обследования Усть-Цилемского района.⁴

Работа велась главным образом в селе Усть-Цильма и комплексе деревень, примыкающих к нему: Чукчино, Карпушевке, Коровьем ручье и др. Было также обследовано несколько деревень по реке Пижме: Замежное, Скитская, Боровское. За годы, прошедшие со времени последней ленинградской экспедиции на Печору, в Усть-Цильме многое изменилось: нет в живых ряда известных хранителей рукописной и старопечатной книги (Г. В. Вокуева, В. И. Лагеева, Е. И. Тороповой и др.), почти прервалась

¹ В экспедиции работали А. Н. Власов, М. А. Зверева, Л. И. Кузьмина, А. Г. Мальцева, М. В. Мелихов, В. А. Мельникова, В. В. Муравьева, Е. В. Хлыбов, руководитель — Т. Ф. Волкова.

² См. отчеты об экспедициях ИРЛИ АН СССР на Печору в следующих томах ТОДРЛ: VII, XI, XII, XV, XVI, XVII, XVIII, XXIV, XXVII.

³ Об экспедициях ЛГУ на Печору см.: Т. А. Махновец, Е. К. Пиотровская, Л. В. Ярошенко. Поездка за рукописями на Печору летом 1972 г. — ТОДРЛ, т. XXIX. Л., 1974, с. 351—352; Н. С. Демкова. Отчет об археографической экспедиции на Печору. — ТОДРЛ, т. XXX. Л., 1976, с. 357—360.

⁴ В. И. Малышев. Усть-Цилемские рукописные сборники XVI—XX вв. Сыктывкар, 1960.

традиция переписывания рукописей. Попытки установить судьбу некоторых рукописных собраний не всегда были успешными. Удалось найти лишь остатки некоторых собраний, с их новыми владельцами установлен контакт.

По-прежнему бережно хранят рукописные и старопечатные книги С. Н. Антонов (д. Скитская), Ф. Е. Чупрова (с. Усть-Цильма), Т. Л. Мындина (с. Замежное). Они доброжелательно относятся к археографам и в свое время передали немало рукописей в Древлехранилище ИРЛИ. Сейчас их собрания состоят в основном из изданий старообрядческих типографий XIX—XX вв. и рукописей того же времени. Среди них особенно распространены каноны, духовные стихи и сборники выписок из различных книг, популярных в среде старообрядчества.

В процессе работы экспедиции было зафиксировано более десяти книжных коллекций, представляющих научный интерес, выявлен ряд новых владельцев рукописей, работа с которыми ранее не велась. В результате работы экспедиция приобрела 8 рукописных книг XVIII—XX вв. и 1 старопечатную книгу XVII в. Среди приобретенных рукописей несколько Псалтырей, выписки из Устава, святцы, каноны. Эти немногочисленные находки интересны главным образом как часть большого фонда усть-цилемской рукописной книжности. Они подтверждают и дополняют уже сделанные ранее наблюдения над развитием рукописной традиции на Печоре.

Наибольший интерес среди приобретенных рукописей представляет Псалтырь конца XVIII в. (на бумаге 1722 г.), в 4-ку, написанная поморским полууставом и украшенная изящными киншварными инициалами.

Работа экспедиции проходила в трудных условиях. Многочисленные фольклорные и этнографические экспедиции, работающие каждый год в этом районе, а также наезды частных собирателей старины привели к тому, что усть-цилемские книжники сейчас менее охотно вступают в контакт с археографами, недоверчиво относятся к просьбам показать книги. Поэтому с особой благодарностью хочется назвать имена нескольких человек, активно помогавших работе экспедиции: Е. И. Хозяиновой, В. И. Осташева, В. Н. Кошельковой, Л. А. Алексеевой.

Экспедиция 1977 г. на Печору показала, что Усть-Цилемский район считать «закрытым» для работы археографов было бы преждевременным. Нуждается в окончательном выяснении состав ряда зафиксированных книжных коллекций. Поставлено на учет несколько изданий XVII в. с интересными владельческими записями. В целом особенно интересных рукописных находок (ранних рукописей, сборников литературного характера) в этом районе сейчас ожидать трудно. Однако отдельные интересные приобретения безусловно еще возможны.

Большое учебно-воспитательное значение имела экспедиция для студентов-филологов СГУ. Она стала отличной проверкой их знаний по истории края, древнерусской литературе, палеографии и хорошей практической школой овладения методикой исследования старинной русской книги.

Г. В. МАРКЕЛОВ

Коллекция рукописей И. Н. Заволоко в Древлехранилище Пушкинского Дома

Коллекция рижского собирателя древнерусских рукописей Ивана Никифоровича Заволоко представляет собой единый комплекс разных историко-культурных документов XV—XX вв., включающий как древнерусские книги, так и актовый материал XIX—XX вв., объединенный в одно неразрывное целое не столько волей собирателя, сколько географической общностью их приобретения — Прибалтикой. Изучая историю и культуру русского населения Прибалтики, нельзя не учитывать материалов, собранных Заволоко. По существу он один сделал то, что было бы под силу коллективу ученых, — создал целое территориальное собрание рукописей, найденных в Латвии (Рига, Латгалия) и Эстонии (Причудье). Причем это вторая его коллекция — первая пропала во время войны.

Иван Никифорович Заволоко родился в г. Режице (ныне Резекне) в 1897 г. С детских лет увлекся книгами, окончил в 1927 г. Пражский университет, где в семинаре имени Н. П. Кондакова он на всю жизнь заинтересовался русскими древностями и археографическими исследованиями. Вернувшись в Ригу, Заволоко активно занялся регистрацией и собиранием памятников древнерусской культуры, разъезжал с просветительско-собирательской целью по разным районам Прибалтики, издавал журнал «Родная старина», организовал кружок Ревнителей старины, издавал книги по древней русской истории, искусству и старообрядчеству, духовные стихи и мн. др. Имя его становится широко известно в русской старожильческой среде Латвии и Эстонии, всем тем, кто, как и он, отстаивал свою национальную самобытность. Результатом его археографических изысканий, кроме собранной им коллекции лицевых рукописей, стала находка второго известного списка «Слова о погибели земли русской».¹ С 1940 г. И. Н. Заволоко не мог заниматься научно-практической деятельностью.

Вернувшись в 1958 г. в Ригу, И. Н. Заволоко близко познакомился с В. И. Малышевым, который предложил ему снова заняться собиранием книжной старины. Громадный научный и духовный авторитет И. Н. Заволоко в Прибалтике вновь обеспечил ему успех в собирании. Венцом его поисков стало открытие в 1967 г. Пустозерского сборника автографов Аввакума и Епифания. В 1968 г. И. Н. Заволоко передает рукопись в дар Пушкинскому Дому.² И. Н. Заволоко неоднократно участвовал в научной

¹ Ныне рукопись хранится в Древлехранилище Пушкинского Дома, оп. 24, № 26. См.: В. И. Малышев. О втором списке «Слова о погибели Руския земли» (история открытия). — *Slavia*, Praha, 1959, год. XXVIII, seš. I, s. 69—72.

² ИРЛИ, Древлехранилище, оп. 24, № 43. Об истории находки см. статью И. Н. Заволоко в изд.: Пустозерский сборник. Автографы сочинений Аввакума и Епифания. Л., 1975, с. X—XIV.

работе Сектора древнерусской литературы Пушкинского Дома, ездил в археографические экспедиции Института. Начиная с 1974 г. в Древлехранилище Пушкинского Дома учреждается новый фонд — коллекция И. Н. Заволоко. В том году поступило 166 рукописей XV—XX вв., в 1975 г. — 74, в 1976 г. — 16, в 1977 г. — 26 рукописей и в 1978 г. — 21 рукопись. Вместе с рукописями Причудского и Латгальского собраний они составляют ценнейший прибалтийский фонд в Древлехранилище.

Кроме Пушкинского Дома И. Н. Заволоко передавал свои находки в ГПБ, ГБЛ, в музеи и архивы Риги, Тарту, Резекне.

В общем обзоре невозможно упомянуть обо всех достоинствах коллекции, скажу только, что имя Ивана Никифоровича вполне сопоставимо с именами таких знатоков и корифеев древнерусской книжности, как В. Г. Дружинин, Ф. А. Каликин, В. И. Малышев.³

В Древлехранилище Пушкинского Дома имеется машинописная опись рукописей коллекции. Ниже предлагается обзор содержащихся в фонде произведений.

Древнерусская повествовательная литература представлена в коллекции следующими списками: повести — о Тимофее Владимирском, № 33 (XIX в.), Никодима Типикариса, № 8 (XVIII в.), о Никоне (из жития Корнилия Выговского), № 245 (XIX в.), о происхождении хмеля, № 182 (XIX в.), сказание Ивана Пересветова о царе турском Махмете, № 231 (XIX в.); Жития русские — Александра Свирского, № 1 (1672 г.), Антония Римлянина, № 1 (1672 г.), Ефросиньи Полоцкой, № 19 (XIX в., отрывки), Корнилия Выговского (пахомиевской редакции), № 16, 245 (XIX в.), боярыни Морозовой и Евдокии Урусовой (с «надсловием»), № 231 (XIX в.), Пафнутия Боровского, № 34 (XIX в., отрывки).

Раздел русских слов и поучений включает: Кирилла Туровского Слово о расслабленном, № 13 (XVIII в.), похвальные слова Александру Свирскому, № 1 (1672 г.) и Антонию Римлянину (там же), Максима Грека слово о настроении и бесчиниях царей, № 293 (XX в.), выписки из его же слов, № 45 (XX в.), слова на перенесение мощей Николы Мирликийского, № 254 (XX в.), на преставление Савватия Соловецкого, № 2 (XIX в.), поучение отца духовного к чаду «от словес Златоустовых», № 231 (XIX в.), к забывающим помянуть души сродников, № 59 (XIX в.), о злых страстях, № 305 (XIX в.).

В коллекции имеются русские церковно-служебные произведения: службы богородичным иконам — Владимирской, № 1 (1672 г.), Казанской, № 6 (XVIII в.), Федоровской, № 16, 126 (XIX в.), Тихвинской, № 16 (XIX в.), святым Александру Свирскому, № 1 (1672 г.) и Антонию Римлянину (там же), Зосиме и Савватию Соловецким, № 16 (XIX в.), новым московским чудотворцам, № 109 (XVII в.), № 16 (XIX в.), Сергию Радонежскому, № 10 (XVIII в.), № 16 (XIX в.), служба на освящение церкви св. Георгия в Киеве, № 184 (XIX в.).

Апокрифические памятники: Беседа трех святителей, № 5 (XVIII в.), вопросы и ответы Псевдо-Афанасия князю Антиоху, № 56 (XIX в.), № 253 (XX в.), жития Василия Нового и Григориево видение (с оригинала, 1558 г.), № 2 (XIX в.), Ильи Пророка, № 13 (XVIII в.), Петра и Павла (там же), Иерусалимский свиток, № 41 (XX в.), № 27

³ О научной и изыскательской деятельности И. Н. Заволоко см. статьи: Ju. K. Вегингов. Ivan Nikiforovič Zavaloko. — Die Welt der Slaven. Jahrg. XIV, Heft I. Wiesbaden, 1969, S. 103—112; В. И. Малышев. Иван Никифорович Заволоко. (К 75-летию со дня рождения). — ТОДРЛ, т. XXVII. Л., 1973, с. 461—462.

(XIX в.), молитва арх. Михаилу, № 24 (XIX в.), № 74 (1973 г.), послание Лентула римскому Сенату об облике Христа, № 8 (XVIII в.); Сказания: Афродитианово, № 13 (XVIII в.), о 12 пятницах, № 41 (XIX в.), № 305 (XX в.), о страстях Иисуса Христа, № 24 (XIX в.), № 45 (XX в., отрывки), о поклонении волхвов, № 181 (XIX в.), о нерукотворном образе Христа, № 13 (XVIII в.), № 254 (XX в., о плащанице Авгаря, об обретении образа «иже в Камулиянех», принесение его в Константинополь), Сон Богородицы, № 41 (XX в.), № 305 (XX в.), Хождение Богородицы по мукам (там же), Что сотворил бог, а что бес, № 42 (1930 г.), «эпистолия» апостола Павла № 2 (XIX в.).

В рукописях коллекции И. Н. Заволоко содержатся произведения переводной агиографии: жития — Алексея человека божия, № 1 (1672 г.), № 33 (XIX в.), Андрея Критского, № 30 (XIX в.), Андрея Юродивого, № 58 (XIX в., отрывки), св. Георгия, № 6 (отрывки), № 13 (XVIII в.), чудо его о змее, № 288 (XIX в.), Григория Амиритского, № 11 (XVIII в.), Димитрия Солунского, № 13 (XVIII в.), Екатерины великомученицы, № 1 (1672 г.), Козьмы и Дамиана, № 13 (XVIII в.), Максима Исповедника, № 11 (XVIII в.), Марии Египетской, № 1 (1672 г.), Мины великомученика, № 5 (XVIII в.). Николы, № 6 (XVIII в., чудеса), Нифонта Кипрского, № 54 (XIX в.), Сильвестра, папы римского, № 11 (XVIII в.), 40 мучеников севастийских, № 13 (XVIII в.), Спиридона (там же), Федора Тирона, № 6 (XVIII в.), страсти Виктора и Стефана, Кантомона и Неофита, Потипа отрока, Тульяна и Василисы, № 45 (XX в.), Харлампия мученика, № 6 (XVIII в.), № 33 (XIX в.).

Переводные повести и сказания: об Агее царе, № 293 (XIX в.), об Адаме и Еве, № 257 (XVIII в., иллюстрированное сказание), «Аптека духовная», № 305 (XIX в.), о бесе в непокрытых сосудах, № 19 (XIX в.), № 45 (XX в.), о бесе, девиц украшающем, № 19 (XIX в.), о блудном старце (из Патерика Египетского), № 293 (XIX в.), о Варлааме и Иоасафе, № 39 (1905 г.), из Великого Зеркала, № 6, 257 (XVIII в.), № 19, 24, 127, 180 (XIX в.), № 45 (XX в.), о 12 друзьях человека, № 231 (XIX в.), о дочери иерея идольского, № 185 (XIX в.), об Иверской иконе Богородицы, № 2 (XIX в.), № 45 (XX в.), о купце и жене его, № 27 (XIX в.), легенда об оживленной курице, № 254 (XX в.), о лестовке, № 106 (1871 г., настенный лист), о Макарии Египтянине, № 5 (XVIII в.), о Матроне христианке, № 19 (XIX в.), о милостивом человеке, № 26 (XIX в.), о загробных муках грешников, № 257 (XVIII в., лицевое), о некоей старице и постнице, № 5 (XVIII в.), пономаря церкви в Хонех, № 13 (XVIII в.), о происхождении иконы Богородицы троеруцицы, № 243 (XIX в.), о ризе Богородицы Влахернской, № 13 (XVIII в.), о ризном украшении, № 26 (XIX в.), о Софии премудрости божией, с толкованиями, № 69 (XX в.), об Удоне Магдебургском, № 58 (XIX в.), о Федоре купце, № 27 (XIX в.), из Шестоднева, № 257 (XVIII в., лицевое).

Переводные слова и поучения: Анастасия Синайского, № 13 (XVIII в.), № 2 (XIX в.), Афанасия Александрийского, № 164 (XIX в.), № 129 (XX в.), № 39 (1905 г.), Василия Великого, № 13 (XVIII в.), № 164 (XIX в.), № 45 (XX в.), аввы Дорофея № 165 (XIX в.), Евагрия мниха, № 5 (XVIII в.), Ефрема Сирина, № 5, 13 (XVIII в.), № 165 (XIX в.), Иоанна Златоуста, № 6, 13 (XVIII в.), № 2, 15, 23, 27, 61, 163—165, 185, 231 (XIX в.), № 39, 45, 253 (XX в.), Ипполита папы римского, № 39 (XX в.), Кирилла блаженного, № 249 (XIX в., настенный лист), Кирилла Философа, № 2 (о хмеле), № 24 (XIX в.), Макария отца «главизны», № 129 (XX в.), Максима Исповедника, № 109 (XVII в., иноческие), Никона Черногорца, № 129 (XX в.), Нила Синайского, № 45 (XX в.), Фе-

дора Студита, № 5 (XVIII в.), № 63 (XIX в.). Целый сборник слов и поучений — № 13 (XVIII в.) содержит произведения: Аммония мниха, Андрея Иерусалимского, Андрея Критского, Аркадия Кипрского, Василия Селевкийского, Германа св., Григория Богослова, Дионисия Александрийского, Елисея пророка, Епифания Кипрского, Иоанна Богослова, Иоанна Дамаскина, Иоанна Евхаетского. Иоанна мниха, Иоанна экзарха болгарского, Исидора Пелусийского, Исихии пресвитера, Иульяна Тавийского, Кирилла Иерусалимского, Кирилла мниха, Климента епископа, Козмы пресвитера, Константина Порфиrogenита, Леонтия пресвитера, Севериана Авалского, Прокла патриарха, Тарасия архиепископа.

Анонимные слова и поучения: о гордых, № 231 (XIX в.), инокам, № 33 (XIX в.), на иудеев, № 288 (XIX в.), о матерной брани, № 26, 231 (XIX в.), о молитвах, № 33 (XIX в.), в неделю 50-ю, № 5 (XVIII в.), о некоем боярине Иоанне, № 34 (1894 г.), Николе похвальное слово, № 17 (XIX в.), о нужных потребах, № 23 (XIX в.), об Осии царе, № 39 (1905 г.), на Преображение Христово (там же), о почитании книжном, № 33 (XIX в.), о почитании родителей и попов, о играх, о умилении души, № 254 (XX в.), о прелести диаволе, № 23 (XIX в.), против чревобесия, пьянства и лености, № 27 (XIX в.), на Рождество Богородицы, № 181 (XIX в.), № 39 (1905 г.), на Рождество Христово, № 5 (XVIII в.), № 27 (XIX в.), № 34 (1894 г.), перевод с греческого, 1651 г.), № 254 (XX в., против бесовских игрщ), к священникам, № 184 (XIX в.), на Успение, № 181 (XIX в.), о христианском житии, № 14, 33 (XIX в.), о явлении ангела господня в пустыне, № 23 (XIX в.).

Книги и выписки из книг: Апостола, № 15, 21, 305 (толкового), № 164 (XIX в.), Арифмологии, № 8 (XVIII в.), Барония, № 23, 30 (XIX в.), Ветхого Завета, № 40 (1919 г.), Евангелие — тетр, лицевое, № 291 (ок. 1900 г.), из Евангелия, № 127, 165, 166 (XIX в.), № 45 (XX в.), Звезды пресветлой, № 19, 31 (XIX в.), Златоуста, № 10 (XVIII в.), № 24, 166 (XIX в.), Иконописного подлинника, № 51 (XVIII в.), Катехизиса, № 48 (XVIII в.), № 24, 190 (XIX в.), № 40 (1919 г.), Книги о вере, № 6 (XVIII в.), № 24 (XIX в.), № 34 (1894 г.), Кормчей, № 15, 33, 24, 164, 221 (XIX в.), № 34 (XIX в.), № 45 (XX в.), № 40 (1919 г.), «Лебедь», № 30 (XIX в.), Маргарита, № 165 (XIX в.), Никона Черногорца, № 40 (1919 г.), Номоканона, № 15, 33, 166, 221 (XIX в.), № 34 (1894 г.), Патерик скитский (в 320 главах), № 2 (XVII в.), из патериков: азбучного, № 10 (XVIII в.), № 34 (1894 г.), лицевого, № 257 (XVIII в.), скитского, № 34 (1894 г.), № 164, 231 (XIX в.), Потребника, № 33, 221 (XIX в.), № 40 (1919 г.), Поморских ответов, № 49 (XVIII в.), № 24 (XIX в.), Пролога, № 2, 24, 127, 164—166, 231 (XIX в.), Псалтыри, № 6 (XVIII в.), Пчелы, № 6 (XVIII в.), № 34, 164 (XIX в., выписки), из Старчества, № 50 (XVIII в.), № 24, 30, 34, 231 (XIX в.), № 40 (1919 г.), Стоглава, № 164 (XIX в.), Страстей Христовых, № 24 (XIX в.), Тропника, № 231 (XIX в.), Щита веры, № 33 (XIX в.), Шестоднева, № 31 (XIX в.).

Тематические выписки из разных книг: о брэдобритии, № 21 (XIX в.), № 268 (XX в.), о браках, № 24 (XIX в.), о бесноватых (с молитвами), № 18 (XIX в.), о грехах, родстве, церковном пении, № 268 (XX в.), о еретиках, № 8 (XVIII в.), № 14, 20, 24 (из Иосифа Волоцкого) (XIX в.), о Илие и Епохе, № 12 (XVIII в.), об иконе Одигитрии, № 24 (XIX в.), о исповеди, № 8 (XVIII в.), о крестном знамении, № 21 (XIX в.), 254 (XX в.), о крещении, № 8, 11 (XVIII в.), № 24 (XIX в.), № 268 (XX в.), о милости, посте, перстосложении, об Алексее человеке божьем, о Страшном суде, № 165 (XIX в.), о написании имени Христа, № 12 (XVIII в.), о новоженах, № 221 (XIX в.), о Никоновых нововведе-

ниях, № 12 (XVIII в.), № 166 (XIX в.), о покаянии, № 8 (XVIII в.), № 165, 166, 221 (XIX в.), о последних временах, № 23 (XIX в.), о причастии, о вере, о мире, о любви, № 166 (XIX в.), о пьянстве, № 24 (XIX в.), о солдатах с орлами, № 187 (XX в.), о солнце, о памяти усопших, № 183 (XIX в.), о табаке, чае, кофее и самоварах, № 183 (XIX в.), 34 (1894 г.), № 187 (XX в.), о троице, о честном кресте, главе Адама, яйце, купине, иконах, спасовом образе, № 2 (XIX в.), о христианском житии, № 11 (XVIII в.), № 188 (XX в.), о церковных тайнах, № 8 (XVIII в.).

Жанры посланий и притч представлены в коллекции Заволоко следующими списками: послание Филофея старца к дьяку Мисюрю Мунехину, № 33 (XIX в., выписки), Нила Черноризца к Хариклею пресвитеру, № 15 (XIX в.), № 40 (1919 г.), Игнатия Антиохийского, № 71 (XX в.); притчи: Варлаама о богатых, № 33 (XIX в.), о вечери, № 26 (XIX в.), о Лазаре, № 257 (XVIII в., лицевая).

Толкования: на Апокалипсис, № 12 (XVIII в.), Лестовки, № 23 (XIX в.), на Псалтырь, № 10 (XVIII в.), № 129 (XX в.), св. Софии, № 69 (XX в.), 71 правила Карфагенского собора, № 222 (XIX в.), чая, кофея, картофеля и табака, № 23 (XIX в.).

Стихи: об Адаме и Еве, № 37 (XX в.), об ангеле-хранителе, № 43 (1934 г.), о св. Антонии, № 38 (XX в.), «арабский», № 45 (XX в.), о блудном сыне, № 2 (XIX в.), о Богородице, № 2 (XIX в.), о Борисе и Глебе, № 2, 28 (XIX в.), о Варваре мученице, № 37 (XX в.), воспоминательный о смерти, № 2 (XIX в.), № 37 (XX в.), о временной жизни сей, № 43 (1934 г.), о втором пришествии, № 37 (XX в.), гора Афон, № 47 (XX в.), о Георгии храбром и царевне Лисафее Агапиевне, № 28 (XIX в.), о десяти заповедях, № 43 (1934 г.), о душе (там же), о душевном спасении, № 2 (XIX в.), Иоасафа царевича, № 37 (XX в.), Иосифа прекрасного, № 28 (XIX в.), «Как уныло запевае...», № 36 (1895), кафоликов, № 32 (XIX в.), о кончине века сего, № 32 (XIX в.), о Лазаре, № 163 (XIX в.), о матерной брани, № 32 (XIX в.), монашеский, № 32, 36 (XIX в.), № 43 (1934 г.), надгробные (на крюках), № 75 (XVII в.), в неделю цветную, № 32 (XIX в.), Николе, № 37 (XX в.), нищей братии, № 38 (XX в.), обличительное стихотворное послание некоему бывшему инокю «Посреди богонсажденных деревьев долго жившему...», № 34 (1826 г.), ответ Павлу Прусскому против самосводных браков, № 265 (XIX в.), о памяти смертного часа, № 37 (XX в.), о папе римском мужичка-дурачка Кирилушки, № 66 (XX в.), псалмов переложение, № 43, 47 (XX в.), печального странника, № 38 (XX в.), плачи — Адама, № 37 (XX в.), Богородицы при Распятии, № 28 (XIX в.), девиц по московской обители (там же), пустытника по обители в Москве, № 46 (XX в.), трех отроков, № 37 (XX в.), узника, № 28, 32 (XIX в.), № 43 (1934 г.), о потоке Ноя, № 32 (XIX в.), о прелести мира, № 43 (1934 г.), о пустыне, № 2 (XIX в.), № 37 (XX в., два варианта), о пьянице, № 43 (1934 г.), «разговор к честным отцам», № 42 (1930 г.), «разговор о чае чужестранца из китайского царства» (там же), о рае, № 2 (XIX в.), о расслабленном, № 37 (XX в.), «рифмы воспоминательны об Андрее Денисовиче», № 2 (XIX в.), на Рождество Христово, № 28, 32 (XIX в.), № 37, 43, 47 (XX в.), о Сионе, № 46 (XX в.), «О слабостях и невоздержании в последние времена», № 64 (XX в., сатира народная), о смертном часе, № 2 (XIX в.), № 37 (XX в.), о смирении, № 43 (1934 г.), о Содоме, № 46 (XX в.), странницы (там же), о Страшном суде, № 2 (XIX в.), № 38 (XX в.), о умилении души, № 2 (XIX в.), № 37 (XX в.), умиленный, № 37 (XX в.), о умолении матерью своего дитяти, № 38, 46 (XX в.), «Утреннее размышление о бо-

жем величестве» М. В. Ломоносова, № 43 (1934 г.), о юности, № 28 (XIX в.), акростих «Гавриила Скачкова», № 63 (XX в.). Кроме того, более 30 стихов традиционного содержания находятся в Сборнике № 10 (XVIII в.).

Значительное место в коллекции И. Н. Заволоко занимают произведения старообрядческой литературы. Среди них сочинения писателей XVII—XX вв.: Аввакума протопопа, 5-я челобитная, № 245 (XIX в.), Авраамия инока послание к боярыне Морозовой, № 231 (XIX в.), челобитная царю, № 5 (XX в.), Алексея Самойловича «Меч духовный», № 53 (XVIII в.), Власова М. А. «Кое-что относящееся к общему молению и браку» (выписки на тему сочинений Я. С. Порозова), № 68 (XX в.), Гнусина С. Пандекты, ч. IV, № 57 (XIX в.), Денисова Андрея — о вере (выписки), № 33 (XIX в.), о Гоге и Магоге, № 16 (XIX в.), житие Мемнона Холмогорского, № 246 (XIX в.), послание к Леонтию Федосеевичу о священстве 1730 г., № 7 (XVIII в.), Слово на зачало 106 от Матфея, № 16 (XIX в.), толкования I послания апостола Павла к коринфянам (там же), Денисова Семена «Виноград Российский», № 12 (XVIII в.), № 246 (XIX в.), жизнеописание его, № 12 (XVIII в.), разные выписки, № 4 (XVIII в.), о форме всякого креста, № 52 (XVIII в.), Евстратия Федосеевича послание от 1753 г., № 11 (XVIII в.), Зайцевского А. Я. ответы на вопросы московских купцов 1786 г., № 247 (XIX в.), Ивана Алексеева ответ о тайне покаяния, № 16 (XIX в.), Комиссарова А. А. «Книга — вечная правда» 1895 г., № 70 (XX в.), Надеждина А. А. осмидневная беседа 1888 г., № 61 (XX в.), Спиридона Иванова о раздоре в крещении, № 7 (XVIII в.), № 14 (XIX в.), выписки из его сочинений, № 4 (XVIII в.), Спиридона Потемкина слово о нечувственных христианах, № 9 (XVIII в.), Федора дьякона повести об Аввакуме, Лазаре и Епифании, № 34 (1894 г., открыток), о Петре и Евдокиме (там же), послания об антихристовой прелести, № 2, (XIX в.), к некоему брату Иоанну, № 9, 12 (XVIII в.), № 20 (XIX в.), Федора Кузьмина (ветковского), выписки, № 4 (XVIII в.), Феоктиста инока соловецкого сказание о царстве Антихриста, № 21 (XIX в.), Шевелина Ивана (Наседки) Предание остальцев благочестия и два послания, № 253 (XX в.).

Старообрядческие полемические и апологетические сочинения: «Апология о тайне брака», № 63 (XX в.), об Антихристе, № 12 (XVIII в., поморское), № 241 (XIX в.), о беглопоповцах, № 284 (XIX в.), о брадобритии, № 24 (XIX в.), о браках, № 11 (XVIII в.), № 67, 224. (XX в.), против браков, № 248, 253 (XX в., федосеевские), о бегствующем иерействе, № 7 (XVIII в.), выговские послания — № 7 (XVIII в.), № 14 (XIX в.) (о благоверии и крещении), № 10, 11 (XVIII в., соборное), выписки по истории белокрыницкой иерархии, № 263 (XIX в.), «главы к строящим исполнение церковное», 1760 г., № 7 (XVIII в.), о грехе прелюбодеяния, № 15 (XIX в.), «Допрос о вере оренбургского купца 1667 года» (так!), № 29 (XIX в.), о евхаристии, 1756 г., № 8 (XVIII в.), о именах церкви, № 17 (XIX в.), о имени «сопротивном», № 9 (XVIII в.), «Исповедание древнего благочестивого предания», № 12 (XVIII в.), история «откуда и како прияха власть прощения крестити». № 288 (XIX в.), «Книга, глаголемая Возбранник на дерзающих себя умерщвлять», № 16 (XIX в.), Книга об обетах и приказаниях божиих, 1757 г., № 7 (XVIII в.), Кормишина Г. К. «Беседы и прения с Л. Ф. Пичугиным», № 292 (1910 г.), о крестном знамении, № 5 (XVIII в.), о молитвах очистительных, № 7 (XVIII в.), о кресте и крестном знамении, № 9 (XVIII в.), о надписании живоворящего креста, № 179 (XIX в.), о Новосибирских староверах, № 44

(1936 г.?), Обличение нынешнему роду (стародубское послание 1836 г.), № 25 (XIX в.), 253 (XX в.), обличения Артамона Анкудиновича (двинского наставника), 1837 г., № 253, о осквернении и очищении дома, № 7 (XVIII в.); послания — братии о скандале на Преображенском кладбище со «старцем» Филаретом, № 285 (ок. 1883 г.), московских старообрядцев к федосеевцам, № 11 (XVIII в.), некоего против православия, 1708 г., № 21 (XVIII в.), об объединении разных согласий и раздорах, № 183, 284 (XIX в.), поповцев З. Нижникова и Е. Ф. Табакова (Витебск) в Латгалию об объединении, № 295, 296 (1910-е гг.), в Пруссию иноку Ионе, 1861 г., № 253 (XX в.), постановления соборов в Москве, Польше и Прибалтике, № 25 (XIX в.); поучение о святителевой мантии, № 9 (XVIII в.), против попов, иерейства и священства, № 7, 11 (XVIII в.), прошения — митавских староверов, № 165 (XIX в.), сибирских (от 1821 г.), № 17 (XIX в.), Разговор проповедника с юношей, № 55 (XIX в.), Разговор священника Иоанна со старообрядцем Симеоном, № 14 (XIX в.), о «Разностях» в церкви (там же), о тайнах крещения, № 7 (XVIII в.), и покаяния — там же и № 15 (XIX в.), «Устав польский» 1751 г., № 287 (XIX в.), федосеевские статьи 1809 г. против браков (там же), «Чин оглашения» Преображенского кладбища, XVIII в. (там же), духовный гимн (слова О. М. Андреева, муз К. Н. Галковского), № 194 (XX в.), сочинения о церковных реформах от царя Алексея Михайловича до Николая I, № 34 (1894 г.), речь Екатерины II на конференции Сената и Синода 15 IX 1763 о раскольниках, № 283 (XIX в.), выписки В. Т. Красникова из сочинений Г. Есипова, № 35 (1895).

Из числа старообрядческих рукописей выделяется уникальный сборник соборных постановлений Выго-лексинского общежительства с духовными завещаниями Семена Денисова, Петра Прокопьева, Даниила Викулова и других в автографах, за 10—40-е годы XVIII в. (№ 3). Сборник, без сомнения, представляет собой значительный фрагмент выговского архива и является ценнейшим памятником раннего старообрядчества. В настоящее время часть рукописи готовится к публикации. Привожу содержание сборника полностью:

Соборное постановление о посте; постановление 1719 г. о принятии к исповеди за руками выговских деятелей, постановление 1702 г. об избрании Андрея Денисова настоятелем; Послание старца Пафнутия в Лексинскую обитель о благочестии; Правила 1713 г. для Лексинской обители; Устав 1719 г. Лексинскому общежительству; Правила 1718 г. для Лексинской обители; Устав для Лексинской обители; Послание Даниила Викулова к инокине Пелагее с сестрами о бесполезных дружбах; Чин для общежительной братии, случившейся в отхожих промыслах; Правила для братии общежительств; «Роспись о управлении ко спасению благочестия»; Духовная Петра Прокопьева; Завещание Петра Прокопьева; Предсмертное обращение Петра Прокопьева к Семену Денисову; Надписание прощательное Даниила Викулова; Прощальное слово, сказанное Даниилом Викуловым за 5 часов «до исхода жития»; Установление лексинским жителям о «схождении со своими родственниками беседовати»; Установления «братиям на службах дальних и ближних бывающим»; Послание о запрещении самовольных занятий на отхожих службах; Соборное уставление 1726 г. за руками выговских деятелей; Выписки из Номоканона, Кормчей и т. п., регламентирующие правила иноческой жизни, уставные статьи 1732 г. за руками выговских деятелей; Постановление о исповеди; статьи уставные 1731 г. за руками выговских деятелей; «Предел постникам на службах»; «Предел на рыбных ловитвах»; Определение «како на Паже, Пурнозере и в прочих службах

пребывати»; Уставления келарю; Приговор о казначейской службе; Обязанности наряднику; «Городничего службы»; Правила пребывающим «на пристанищах»; Об одеждах; Правила псалтырникам; Наставления надзирательнице; Повеление быть надзирательницей в грамотной келии Наумовне; общесоборное определение о пищах; «Предел братии на промыслах морских»; «Предел... пребывающим на Печерском промысле»; Общесоборное определение на Чаженскую службу; «Определение братии, сущим на Чаженге: Архипу, Михаилу и Никите»; Наставление «постникам» на Чаженге; «Общесоветное установление, како и кому о вверенных попечение имети»; Установление в Каргополь на Чаженскую службу старице Фотинии и сестрам; Соборное решение о соблюдении постановлений в Выговской пустыни; «Объявление о благочинии пустынным»; Постановления 1725 г. о новоженях; Постановление о любодейнии и пьянстве; Послание скитянам о прилежной молитве богу и сочинении ответов Неофиту; Постановление 1742 г. о записи в двойной оклад; Соборное определение о молитве за императора Петра II; Перечень посланий Мануилу Петрову о всеобщих бдениях в скитах; Соборное определение о наложении поста по случаю требования рекрутов, установления таможи и кабака; Послание 1731 г. о молитве по случаю голода; «О образах честного и животворящего креста»; Послание 1731 г. десятскому Боровского скита о посте и поклонах; Послание в Шелтопорожский скит Илие Ефимовичу о записи в двойной оклад; «1737 года октября 14 старец Филипп перед собором духовного правления отрицался...».

Особо следует выделить в коллекции И. Н. Заволоко материалы, относящиеся к истории русского старожильского населения в Прибалтике и к истории местной рукописно-книжной традиции. Латгальские материалы: Варковский собор 1831 г., изложение, № 22 (XIX в.), № 253 (XX в.), Власова М. А., двинского наставника, сборники сочинений и выписок, № 68, 274, 300 (XX в.), Корзинина Т. С., сборник 1919 г., № 40, 291 (Евангелие — тетр, лицевое, ок. 1900 г.), Грязнова В. С. сочинение «О браках и степенях родства» и письмо к Г. Е. Фролову, № 299 (1929 г.), Гущенко И. Ф., сборники сочинений и выписок, № 195, 252, 278 (XX в.), постановления соборов, № 25 (XIX в.), № 219 (1872 г.), 284 (1884 г., Режица), № 293 (XX в.), письма к И. Н. Заволоко Лудзенского наставника В. С. Гудкова, № 279 (XX в.), Карпушенко П. И., портрет, № 198. Мастюлина И. С., латгальского наставника, «Рассуждение о последних днях», № 251 (XX в.), Мидунецкого А. Г., двинского поэта-самоучки, стихи, № 192 (1933 г.), Михайлова Д. Д., двинского наставника, сборники, выписки, сочинения и письма, № 70—73, 158, 197, 256 (XX в.), Суворовых Е. С. и М. Е. послания, письма и выписки, № 283, 284, 293 (XIX—XX вв.), история двинского старообрядчества, № 197 (XX в.), письма XIX—XX в. обрядового и бытового содержания, № 290, Тарутинского А. С. послание и выписки против лихоимания и процентной добычи, № 286 (XIX в.),

Причудские материалы: сборники, сочинения, переписка и другие рукописи известного причудского наставника и иконописца Г. Е. Фролова, № 99, 102, 153, 189, 206, 207, 253, 270—272, 291 (за 1880-е—1929 гг.), рукописи К. А. Малышева (д. Кикита), № 154, 275 (XX в.), архивные документы и выписки по Причудью, № 155, 174, 212, 306, 308, в том числе редкие фотографии, № 12, 273, 299 (снимки и описание «нарочной» свадьбы д. Городищи Печерского р-на, 1933 г.), переписка И. Н. Заволоко с Е. В. Рихтер (Таллин) об этнографии Причудья и др., № 205.

Есть в коллекции документы о рижских старообрядцах:

о Гребенщиковской общине, № 236, 260, 261, 266 (XIX в.), Материалы секретного совещательного комитета по делам раскольников, из канцелярии рижского архиепископа Платона и тому подобные архивные бумаги, № 141—143, 145—150 (XIX—XX вв.), сочинения рижских старообрядцев Алексеева П. И. и Ваконьи И. У., № 42, 199, 301 (XX в.). Старообрядцы Прибалтийского края упомянуты также в документах XIX в.: № 144, 171, 175, 235, 236, 298, 302.

Русская средневековая наука представлена в коллекции И. Н. Заволоко следующими рукописями: выписки по философии, грамматике, риторике, № 12 (XVIII в.), № 15, 18 (XIX в.), лечебник псковича А. А. Богданова, 1871 г., № 264, описание Иерусалима, № 2 (XIX в.), исторические выписки: № 167 (XVIII в., о Скифии из Хронографа), по истории раскола, № 25, 33 (XIX в.), № 223 (о прибалтийских общинах), хронологические таблицы, изложения ветхозаветных событий и родословцы, № 7, 9 (XVIII в.), «Хронограф, сиречь летописец курляндско-литовский» (Дягучаевская, или Дегучкая, летопись), № 73 (XX в., копия).

Певческие рукописи: Азбука, № 92 (XIX в.), № 255 (XX в.), Горвосходный холм, № 289 (XIX в.), Ирмологий, № 76 (XVII в.), № 87, 90, 91 (XIX в.), ирмосы Пещного действа, № 256 (XX в.), каноны на 12-е праздники, № 95 (XX в.), Обиходник, № 243 (XVIII в.), Октоих, № 108 (XV в., без крюков), № 75 (XVII в., с русскими величаниями), № 83, 84 (лицевые), № 229 (XIX в.), Праздники, № 78 (XVIII в.), № 86, 89, 230 (XIX в.), Псалом 136, № 104 (XX в.), Псалмы двам недели, № 97 (XX в.), Сборник учебно-теоретических и полемических сочинений о знаменном пении, № 94 (XX в.), Сборник певчий, № 79 (XVIII в.), № 93 (XIX в.), Стихирарь месячный, № 77, 80, 81 (XVIII в.), № 85 (1819 г., лексинского письма), стихира: Богородице, № 138 (XX в.), Мелании Римляныни, № 184 (XIX в.), надгробная И. А. Ковылину, № 102 (XX в.), Успению, № 269 (XX в.); стихи на крюках: об Исаином пророчестве, № 103 (XX в.), о пьянице, глас 6, № 100, о смерти, № 101 (оба 1892 г.); Триодъ постная и цветная, № 88 (XIX в.), № 96 (XX в.).

Богослужебные рукописи: акафисты, каноны и службы — Алексею человеку божию, № 1 (1672 г.), ангелу-хранителю, № 119 (XIX в.), Богородице, № 138 (XX в.), «Великий», № 6 (XVIII в.), за единоумершего, № 258 (XVIII в.), № 191 (XX в.), Екатерине великомученице, № 1 (1672 г.), Иоанну Крестителю, № 6 (XVIII в.), № 126 (XIX в.), Иоанну Лествичнику, № 120 (XIX в.), кресту, № 2 (XIX в.), в Лазареву субботу, № 16 (XIX в.), Марии Египетской, № 1 (1672 г.), Моисею пророку, № 126 (XIX в.), Николе, № 6, 75 (XVIII в.), № 232 (1864 г.), Одигитрии (там же), Пасхе, № 109 (XVII в.), № 118 (XIX в.), Петру и Павлу, № 10 (XVIII в.), покаянный Андрея Критского и Федора Студита, № 24 (XIX в.), № 189 (XX в.), Покрову и Успению, № 126 (XIX в.), на разлучение души от тела, № 119 (XIX в.), Троице, № 232 (1864 г.), Хионии мученице, № 118 (XIX в.), в цветную неделю, № 16 (XIX в.), часам господским, № 112 (XIX в.), каноны, тропари, кондаки, икосы, воскресны, величания и т. п., № 109 (XVII в.), № 115, 116, 121—123, 173 (XIX в.), № 232 (1864 г.), № 45, 131, 140 (XX в.), молитвы: кресту, № 234 (XIX в.), заклинательные и запрещающие, № 302 (XX в.), пасхалии, № 113 (XIX в.), № 45 (XX в.), Псалтырь с воследованием, № 233 (1867 г.), Святцы, № 110 (XVIII в.), № 111, 262 (XIX в.), № 130, 132 (XX в.), Статьи вселенские, № 124 (XIX в.), стихиры великопостные и триодные, № 136 (XX в.), указатель служб полиелеосных, № 176 (1862 г.).

Канонические произведения, уставы: Алексея Комнина об обручении и бракосочетании, № 220 (XIX в.), Арсения Уральского, № 72 (1945 г.), выговский, № 16 (XIX в.), № 139 (XX в., о пении), о звоне праздничном, № 16 (XIX в.), о крещении, № 137 (XX в.), трапезный Иосифа Волоцкого, № 19 (XIX в.), о постах, № 20 (XIX в.), священническая присяга патриарха Иоакима, № 178 (XIX в.), чины: бракосочетания, № 224 (XX в., бесполовский), венчания, № 185 (XIX в.), иконостасный, № 242 (XVIII в.), № 51 (XVIII в., правила иконописания), исповеди, № 10 (XVIII в.), № 135 (XX в.), «како самому себя причастити», № 117 (XIX в.), погребения, № 6 (XVIII в.), № 16, 128 (XIX в.), № 45, 133 (XX в.), принятия «раскольников», № 14 (XIX в.), «правила о волхвующих» — против языческих примет, суеверий и обрядов, № 304 (1826 г.). Эсхатология: о знамениях Антихриста, № 8, 12 (XVIII в.), № 15, 33, 60 (XIX в.), сказание о нем, № 293 (XIX в.), пророчества — Исаино, № 2 (XIX в.), Мефодия Патарского, № 24 (XIX в.). Синодики: Иова, № 16 (XIX в.), семей Козловских, Лежневых, Сопляковских, Тархановых, № 10 (XVIII в.), общий помянник, № 186 (XIX в.). Скитское покаяние, № 170 (XVIII в.), № 119 (XIX в.).

Лицевые рукописи: изображения 4 евангелистов из Евангелия, копия с изд. — М., 1651, № 291 (ок. 1900 г.), Иоанна Дамаскина, № 83, 84 (1818 г.), птицы Сирия, № 85, 177 (XIX в.), царя Давида, № 233 (1867 г.), исцеление расслабленного, № 249 (XIX в., настенный лист), рисунок И. Ф. Гущенко к легенде об оживленной курице, № 254 (XX в.), лицевой сборник, № 257 (XVIII в.), содержащий 235 оригинальных рисунков в красках.

Орнаментация рукописей представлена в коллекции И. Н. Заволоко продукцией в основном поморской школы книгописания — характерные для ее стиля рамки-заставки в красках и золоте, инициалы, вязь и т. п. содержатся в рукописях: № 53, 57, 82 (22 титульных листа), № 84 и 85 (Лексинского письма 1818 и 1819 гг.), № 106, 229, 230, 240, 241, 243, 245, 246 (XVIII—XX вв.).

Орнаменты прибалтийских и других писцов: № 5, 14, 22, 40, 48, 49, 63, 65, 77, 78, 81, 86—88, 96, 97, 100, 101, 104, 167, 186, 231, 233, 269, 278 (XVII—XX вв.). Кроме того, имеются изображения перстосложений и крестов, № 9 (XVIII в.), № 49, 179, 228 (прориси литья), № 234 (XIX в.), № 252 (1909 г., лабиринт строк басни о Троице). Настенные листы XIX—XX вв.: № 100, 101, 104, 106, 107, 250 (литография Сытина «Бракоборы», 1884 г.), 308 (1911 г. издания). Книжные гравюры: № 168 (XVII—XVIII вв., в том числе С. Ушакова), № 259 (XIX в., с изображением российских гербов и панорамы Петербурга). Приветственные адреса со стилизованными рамками: № 157, 276 (XX в.). В коллекции имеются материалы, собранные И. Н. Заволоко по иконографии Софии Премудрости Божией, № 214, боярыни Морозовой, № 213, альбом современных иконописцев «изографов» с цветными репродукциями работ П. М. Софронова, К. А. Павлова, С. Т. Быкодорова, И. И. Михайлова, Н. Яшвилей, № 218, альбом снимков поморского орнамента, № 240, прориси книжных украшений, № 193. Уникально собрание И. Н. Заволоко прорисей икон XVIII—XX вв., № 12, 105, 169, 244. Отмечу Иконописный подлинник № 242 в списке XVII в.

Среди многочисленных приписок, записей и помет на рукописях коллекции следует выделить владельческую помету писателя князя Ивана Андреевича Хворостинина, № 167 (XVII в.), запись XVII в. некоего Леонтия Андреевича с просьбой поминать убиенных сродников (там же),

вдового попа Никифора Тимофеева сына Пономарева Пермитина, № 109 (XVII в.), некоего Ивана Посникова, № 242 (1705 г.) и мн. др.

Наконец, важную часть коллекции составляют документы личного архива, отражающие многогранные интересы и разностороннюю деятельность И. Н. Заволоко. Это прежде всего его переписка: с Ф. А. Каликиным (об иконописании и реставрации, о поморском литье, об археографических поисках, о посещении Выга и Лексы в 1909 г. и т. д.), № 160, 203, 214, 226—228, 281, с В. И. Малышевым, № 203, 227, 281 (письма касаются актуальных вопросов археографической практики, истории прибалтийских старообрядцев и пр.), Д. Д. Михайловым, А. Лашковым, М. А. Власовым, Е. В. Рихтер, Г. Е. Фроловым, П. М. Софроновым, А. И. Мазуниным, В. В. Лукьяновым, А. А. Невским, А. Л. Мурниковым, Ю. К. Бегуновым, С. С. Гейченко, А. Ф. Белоусовым, Н. Н. Розовым, А. С. Мыльниковым, Е. Л. Немировским и многими другими деятелями отечественной и советской культуры, № 158, 159, 203, 205—207, 213, 227, 237, 281.

В архиве собирателя находятся материалы по истории рижского кружка Ревнителю старины, № 156, 211, 276, 277, 308, статьи и заметки И. Н. Заволоко, № 156 (по знаменному распеву, иконописи, о древнерусском зодчестве, истории письменности и т. д.), № 162 (о находке Пустозерского сборника автографов Аввакума и Елифания), № 200, 201, 307 (о Максиме Греке, о Житии Аввакума и др.), № 214 (на тему «София Премудрость Божия»), № 225 (о поморских рукописях), № 215 (филигранология), № 216, 277 (древнерусское узорное шитье), уже упомянутый собранный им альбом «Современные изографы», № 218, уникальные материалы об иконописце из Причудья Пимене Софронове, № 161, 217, 282, материалы о Новосибирской старообрядческой секте «III-й Израиль», № 208, 209, квалифицированные описания собраний древних книг И. В. Дорофеева, М. А. Власова, Д. Н. Першина, хранящихся в книжнице Гребенщиковской общины, № 280,⁴ «Травник», составленный в 1947 г. в пос. Няндомы, № 303 и мн. др.

К марту 1978 г. коллекция И. Н. Заволоко насчитывала 303 единицы, и нет сомнения, что она еще будет пополняться. Материалы ее говорят сами за себя. Рукописи, найденные Иваном Никифоровичем и подаренные в Древлехранилище Пушкинского Дома, навсегда оставят имя его в истории отечественной науки.

⁴ См.: И. Н. Заволоко. Собрание рукописей и старопечатных книг Д. Н. Першина и И. В. Дорофеева в Рижской гребенщиковской общине. — ТОДРЛ, т. XVI. М.—Л., 1960, с. 567—569.

Н. С. ДЕМКОВА

Древнерусские рукописи и старопечатные книги в некоторых собраниях США

Информация о древнерусских (и древнеславянских) рукописях в архивохранилищах и библиотеках США в настоящее время является весьма краткой и абсолютно не полной.¹ Единого каталога славянских рукописей в США не существует, в лучшем случае в опубликованном каталоге русских рукописей одной какой-нибудь коллекции (например, в каталоге собрания Б. Килгура в библиотеке Гарвардского университета) кратко описываются (или перечисляются) и древнерусские материалы. Иногда описание древнеславянских материалов имеется в «рабочем» каталоге библиотеки, воспроизведенном фототипически (так обстоит дело в Библиотеке Ньюберри в Чикаго и в нью-йоркской Публичной библиотеке), иногда — и это более всего распространено — краткие сведения об имеющихся рукописях рассыпаны по соответствующим разделам тематического каталога, как это сделано в Библиотеке Конгресса, и для того, чтобы найти древнерусские рукописи, практически нужно просмотреть весь каталог хотя бы Отдела редких книг; рукописи же могут оказаться и в других местах.²

Предлагаемый ниже вниманию исследователей обзор древнерусских рукописей в библиотеках США также неполон и неравномерен по характеру освещения материала: выбор собраний для обзора был обусловлен возможностями работы именно в этих библиотеках, а тщательность изучения рукописей зависела от времени нахождения (чаще всего весьма непродолжительного) автора в тех или иных библиотечных центрах.

¹ См. обзор имеющихся описаний рукописей, хранящихся в библиотеках США, в кн.: Ю. К. Бегунов, Н. Ф. Бельчиков, Н. П. Рождественский. Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей. М.—Л., 1963, с. 286—289, 322, 325. Этот обзор основан на данных двух печатных описаний, опубликованных в США и содержащих сведения о 22 рукописях: *Census of medieval and renaissance manuscripts in the United States and Canada by Seymour De Ricci with the assistance of W. J. Wilson*, vol. I—II. New York, 1935—1937 (далее: *Census*); *A guide to archives and manuscripts in the United States*. Edited by Ph. M. Hamer. Yale University Press, New Haven, 1961 (далее: *A guide*). Отметим сразу же, что кроме двух томов описания Де Риччи, указанных в Справочнике, существует и третий том, содержащий указатели (*Census*, vol. III. *Indices*. New York, 1940), а также опубликовано Дополнение к описанию (*Supplement to the Census of medieval and renaissance manuscripts in the United States and Canada*. Originated by C. U. Faye, continued and edited by W. H. Bond. New York, 1962; далее: *Supplement*). Данные описания Де Риччи не всегда точны, Путеводитель Хамера весьма лаконичен. См. также: Э. Г. Баскаков: 1) Документальные материалы по истории народов СССР в архивах и библиотеках США.— *История СССР*, 1959, № 2, с. 223—228; 2) Рукописные источники по русской истории в архивах США (по материалам нового Путеводителя по архивам и рукописным коллекциям США).— Там же, 1962, № 2, с. 217—219.

² Исключение представляет Отдел рукописей библиотеки Гарвардского университета, где описания славянских рукописей в каталоге сгруппированы вместе.

Хочется надеяться, однако, что даже эти выборочные сведения, будучи собраны вместе, сведения, полученные в результате просмотра самих рукописей и различных каталогов — печатных и библиотечных, могут пригодиться для дальнейшей работы славистов.

Одним из самых значительных в США собраний старинных славяно-русских рукописей располагает Гарвардский университет. В Библиотеке Хоугтона (*The Houghton Library*) в собрании ее Рукописного отдела находится богатейшая коллекция Б. Килгура, выпускника университета (1927 г.), сложившаяся в своей основной части в конце 1920-х гг.,³ и еще не описанный архив князей Белосельских-Белозерских, с частью которого — столбцами XVI—XVIII вв. — удалось познакомиться.

Отдел имеет собственную картотеку славянских и русских рукописей, которая помогла получить представление о ряде рукописных книг, существующих вне этих двух больших собраний и никак не отраженных в печатных описаниях.⁴ Однако весьма вероятно, что ряд материалов остался неучтенным, и, таким образом, перечень просмотренных рукописей, помещаемый ниже, может оказаться не полным.⁵

1. Служебная Миняя, XIV в., в 1°, 188 л., написана полууставом на грубом пергамене, в два столбца, с кинноварными инициалами и заглавиями; переплет — доски в коже, заставка — одна, посередине; по углам переплета — металлические «жуки». Некоторых листов в рукописи недостает (нет начала). В каталоге отмечен «старосербский язык» рукописи, и сама рукопись датирована XIII в.; отмечено также, что Миняя попала в библиотеку как «дар Имре де Вега». «Жития святых», которые, как отмечает каталог, имеются в рукописи, на самом деле в ней отсутствуют.

Дополнение к описанию Де Риччи указывает, что рукопись написана в монастыре св. Петки в Сербии в 6891 (1353) году, переплет XVI в. (см.: Supplement, p. 249). (MS Slavic 2).

2. Апостол, XVI в., в 8°, 595 л., написана полууставом; имеются 24 заставки, украшенные золотом; переплет — доски в коже, сохранилась одна заставка. Краткое описание рукописи см. в кн.: *The Kilgour collection*, E; здесь же воспроизведен л. 494. Рукопись дефектна: л. 584—587 — отсутствуют (Kilgour, E).

3. Ответ Ивана Грозного Яну Роките, XVI в., в 4°, 83 л. (пагинация постраничная); полуустав, переходящий в скоропись; филигрань — «вепрь»; переплет картонный. Начало: «Не хотел убо бых тебе слова подати...» (инициал «Н» нарисован синим). На рукописи сохранилась печать библиотеки Холмской духовной семинарии и следы другой печати, которая вытравлялась «*Collegii Lubl.*...»; на с. 3 запись (почерком XIX в.); «Рукопись XVI столетия, содержащая в себе Ответ царя Иоанна IV Васильевича Грозного, данный протестанту Яну Роките в 1570 году июля 18 дня, обретенная на чердаке Семинарии между прочими старыми отброшенными книгами и рукописями библиотекарем инспектором Семинарии священником Стефаном Семеновичем; г. Холм, 22 июня 1877 года, свящ. Стефан Семенович» (Kilgour, MS Russ. 19). Факсимильное воспроизведение рукописи: V. Tuminis. *Tsar Ivan IV's reply to Jan Rokita*. Mouton, The Hague—Paris, 1971.

4. Апокалипсис лицевой, первой половины XVII в., в 4°, около 200 л. (пагинация отсутствует), полуустав; переплет — доски в коже, сохранились заставки. Заглавие вязью: «Книги Апокалипсис, имеют слов 20, глав 72»; миниатюры изображают Андрея Кесарийского, Иоанна с Прохором, Христа, дающего книгу инок.

³ Печатное описание: *The Kilgour collection of russian literature (1750—1920) with notes on early books and manuscripts of the 16th and 17th centuries*. Harvard College Library. Cambridge, Mass. 1959 (далее: *The Kilgour collection*; при указании шифра хранения: Kilgour).

⁴ Сердечно благодарю доктора Даниеля Уо и доктора Эмили Далгарно за рекомендацию, данные мне для работы в Отделе рукописей университетской библиотеки, и за помощь в знакомстве с американскими библиотеками.

⁵ В перечень, как правило, включались только рукописи, просмотренные *de visu* (иногда данные каталога не совпадают с реальным содержанием рукописной книги). Порядок описания рукописей здесь и далее — хронологический, при указании шифра хранения (помещаем его в скобках, в конце описания каждой рукописи) следуем за обозначениями, принятыми в тех или иных библиотечных картотеках (MS — manuscript, MSS — manuscripts, Russ. — russian, Div. — Division, Typ. — Typographical, Misc. MSS — miscellaneous manuscripts и под.).

Краткое описание рукописи см.: Supplement, p. 249 (отмечено 148 листов, 75 миниатюр). (Kilgour, MS Russ. 15).

5. Псалтирь, XVII в., в 16°, 229 л., полуустав; в начале рукописи — миниатюра, изображающая царя Давида (XVIII в.); переплет — доски в коже, застежки. Начало рукописи реставрировано (Kilgour, MS Russ. 36).

6. Житие Зосимы и Савватия Соловецких, XVII в., в 4°, 348 л., полуустав; переплет — доски в коже, без застежек. Записи на верхней крышке переплета; 1) почерком начала XVIII в.: «Книга жития Зосимы и Саватия чудотворцев, казенная, дачи попа Илариона»; 2) другим почерком: «Нет, книга оная церковная»; 3) первый почерк: «Книга Жития Зосимы и Саватия, чудотворцов, казенная, дачи попа Лариона...». Краткое описание рукописи см.: The Kilgour Collection, F (Kilgour, F).

7. Столбцы XVI—XVIII вв. из архива Белосельских-Белозерских (110 столбцов); самый ранний столбец — № 1 — датируется 1543 г., поздние — 1775 г. (№ 106, 107). В Отделе рукописей хранится машинописный текст столбцов № 1—25, прочитанных доктором Д. Уо.

Основное содержание столбцов — земельные акты рязанского рода дворян Баклановских, начиная с 1543 г., выписки из писцовых книг, рядные записи, челобитные о земле; есть бумаги, связанные с родами Грязных, Сатиных, Луниных и др. Наибольший историко-литературный интерес вызывает столбец № 2, содержащий весьма краткий летописец конца XVI—XVII в. с перечнем событий от 1581 г. до 1619 г. (начало: «В лета 7079 приходил... [Девлет Гирей] и Москву пожег всю...»; конец: «В лета 7127 года приходил под Москву королевич Литовской Владислав») (MS Russ. 30).

8. Евангелие от Марка, XVIII в., в 4°, 150 л., полуустав, переплет — доски в коже, с застежками; на переплете — многочисленные пробы пера, отдельные буквы, цифры, одна из записей: «Modern Bulgarien» (MS Slavic 1).

9. «Устав о церковных чинех»; старообрядческая рукопись XVIII в., в 4°, 80 л.; написана полууставом на пергамене (использованы черные чернила и кинovarь); содержит устав («как достоин избирати епископа» и др.) и молитвы. Рукопись из библиотеки Белокриницких митрополитов; на л. 4—11 по нижнему полю идет владельческая запись «Дано вkladу в Белокриницкую Митрополию архиепископом Антонием Московским и Владимирским». Поздние владельческие записи сообщают, что рукопись поступила в библиотеку в 1933 г., а до этого она находилась в библиотеке д-ра В. Тэйера, которому была подарена другом на рождество в 1925 г. На л. 79—80 воспроизведена писцовая запись, сообщающая о написании пролога книги в Кирилло-Белозерском монастыре в 1588 г.: «В лето 7096 года, при благоверном царе и великом князе Феодоре Ивановиче всей Руси, и при святейшем патриархе Иеве, и при архиепископе Ростовском Варлааме, при игумене Кирилова монастыря Сергии тщанием и повелением старца Леониды Кирилова монастыря написана бысть книга сия Устав во обители пречистой богородицы честнаго ея усlenia и преподобнаго чудотворца Кирила рукою последнего во грешницех и грубее всех человек, Тихонца Федорова сына, именованна Азатскаго (так!). Молю же ся вам и прощения прошу бога ради, государи, отцы святии и братия, прочитая книгу сию, аще кто обрящет опись, или недопись, или за грубость ума некое прегрешение, или леностию не исправил или изнурил, и вы, государи, преподобнии отцы святии, яко совершени суще и разумни о сих, да исправите. Аз же, грешный, молю всех вас бога ради, государи, отцы святии, игумени, строители церковнии и внешнии икономи, по смерти моей, ими же весть бог судьбами совершить жизнь мою, впишите в Синодик и помяните душу мою окаянную, дабы молитвами вашими от бога милость некую получив и сподобил деснаго предстояния. Аз же, грешный, отнюд бездержновенен есмь, о сих за средоградие возбраняюще ми; и помяните мя, государи, отцы святии, грешнаго и неклокымаго раба во святых своих молитвах». Л. 80 об. — выписки (из «Чиновника архиерейскаго о переведении архиепископа из малого града в больший», «В часы пред литоргиею переведение архимандрита...»). (MS Slavic 4).

10. Апокалипсис, старообрядческая рукопись начала XIX в., в 4°, 90 л.; поздний полуустав; есть миниатюры; переплет картонный с заглавием: «Palladius Homilies». В состав рукописи входят и повести из «Великого Зерцала» (MS Tur. 593).

11. Сборная рукопись русских стихов и песен XVIII—середины XIX в., в 4°, состоящая из двух рукописей: первая (середины XIX в.) озаглавлена «Часть 1», содержит № 1—120, 222 с. (пагинация постраничная), вторая (первая половина XIX в.) — без пагинации. Обе рукописи содержат авторские и анонимные стихи, оды и песни времени русско-турецкой войны («На поход Российскаго флота в архипелаг в 1769 г...», «На победу, полученную над турками при Кагуле 1770 года...», «На завоевание Крымской линии», и др.), лирические («Стонет сизый голубочек», «Ладожская песня» и т. д.), фрагмент из фонвизинского «Послания к слугам моим», поэму солдата В. М. Муравьева «Солдатская жизнь» (1804 г.) и др. (Kilgour, MS Russ. 7).

12. Манифест Петра I, написанный 8 мая 1711 г. в Яворове, объявляющий о войне с Турцией; 2 л., в 1° (30×50 см), за подписью Петра, скрепленной государственной печатью (из бумаг В. П. Шереметева).⁶ (Kilgour, MS Russ. 39).

13. «Грамматика рускаго и немецкаго языков, написана чрез труд в Лондоне 1725 году Ивана Афанасьева»; в 4°, бумага с филигранью «Герб Амстердама», написана скорописью XVIII в. на 71 с. (6 с. чистых); переплет картонный.⁷ Рукопись поступила в Библиотеку 7 ноября 1898 г.; сохранился экслибрис библиотеки В. Блэка в Лондоне, 1826 г.⁸ Сочинение Ивана Афанасьева не упоминается в современных обзорах ранних (доломоновских) русских грамматик, «насчитывающихся единицами». (Kilgour, MS Russ. 5).⁹

Несколько рукописей, указанных в каталоге, не удалось посмотреть: документы 1606 г., связанные с воеводой Угро-Валахии Раду Сербаном (MS Slavic 3), документальные материалы 1691 г., касающиеся И. С. Мазепы (Kilgour, MS Russ. 106).¹⁰

Отдел рукописей Гарварда располагает также многочисленными документальными и литературными материалами более позднего времени: так, под шифром MS Russ. 100 F, например, находятся 14 больших папок, содержащих векселя, прошения XVIII—XIX вв., неопубликованные статьи, отдельные листы из рукописных книг; в коллекции Килгура хранится рукопись (Kilgour, MS Russ. 10), озаглавленная «Наталья Борисовна Долгорукая», которую составитель картотеки Отдела датировал XVIII в. и рассматривал как возможный автограф Долгорукой, но которая на самом деле является сборником стихов XIX в., содержащим список одноименной поэмы, две поэмы А. С. Пушкина («Кавказский пленник» и «Братья-разбойники»), «Исповедь Наливайки» К. Ф. Рылеева и др. Общеизвестно собрание автографов русских писателей XIX—XX вв., находящееся также в коллекции Килгура. Новые находки стали возможны в результате получения библиотекой богатейшего литературного архива З. А. Волконской (Kilgour, MS Russ. 46).

Старопечатные книги в библиотеке:

1. Апостол Ивана Федорова, Львов, 1574 (Kilgour, A).
2. Азбука Ивана Федорова. Львов, 1574. Единственный сохранившийся экземпляр. См.: факсимильное издание Р. О. Якобсона: R. Jakobson. Ivan Fedorov's Primer. — In: Harvard Library Bulletin, IX, winter 1955, N 1, p. 1—45, таблицы (Kilgour, B).
3. Библия Ивана Федорова. Острог, 1581 (Kilgour, C).
4. Евангелие (крупношрифтовое) Анисима Радিশевского [Москва, 1606]; без титульного листа и без выходных данных (Kilgour, D).

⁶ Манифест опубликован по другому подлиннику (ГБЛ, Музейное собр., № 1409-6, папка 1) в кн.: Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 11, вып. 1. М., 1962, с. 225—227.

⁷ «Грамматика» имеет практический учебный характер: она начинается сопоставительными таблицами букв русского алфавита (печатный и скорописный варианты) с их немецким произношением (латинская транскрипция); далее идут образцы падежных парадигм имен существительных и прилагательных, глагольные формы, наречия, числительные, которые рассматриваются вместе с немецкими параллелями.

⁸ Владелец рукописи В. Блэк (W. H. Black) — по-видимому, автор фундаментального каталога книг и рукописей сэра Илии Ашмоля в библиотеке Оксфордского университета (см.: W. H. Black. A descriptive, analytical and critical catalogue of the manuscripts bequeathed unto the University of Oxford by Elias Ashmole... Oxford, 1845).

⁹ См.: В. А. Успенский. Первая русская грамматика на родном языке. М., 1975, с. 7—10; см. также: Г. И. Кондакова. Анонимные грамматики XVIII в. и их авторы. — В кн.: Проблемы рукописной и печатной книги. М., 1976, с. 146—153.

¹⁰ Путеводитель Хамера указывает на имеющуюся в библиотеке коллекцию старых рукописных карт Сибири (A guide, p. 253).

Благодаря любезности проф. Р. О. Якобсона мне удалось бегло ознакомиться с двумя русскими рукописями его библиотеки:

1. Богослужебный сборник, в 4°, XVI в., без начала и переплета, содержит тропари и каноны; 2) «Стиховник» старообрядческий — запись духовных стихов и баллад «неким старцем» (1915 г.); в «стиховнике» есть заставки и иллюстрации к тексту (содержание: «Стих о Борисе и Глебе», «Гора Афон», «Плач Иосифа» и др.; сатирическая история о попе, конца XIX в., «Курьер из ада» и др.; в свое время сборник видел и изучал П. Г. Богатырев). Есть в библиотеке и редкие книги: Грамматика Мелетия Смотрицкого (М., 1643), «Лексикон трехязычный» Федора Поликарпова (М., 1704), сборник молитвословий XVIII в. киевской печати, «De ars poetica» Феофана Прокоповича (Могилев, 1786) с владельческими записями Ф. Калайдовича и О. Бодянского, и др.

Одна из крупнейших библиотек США — *нью-йоркская Публичная библиотека (The New York Public Library)* также располагает некоторым количеством русской рукописной и печатной старины.¹¹ Хотя полностью разобраться в сложностях каталога не удалось¹² (в основном из-за недостатка времени), просмотр доступных рукописных книг позволяет внести некоторые уточнения в «рабочий» каталог библиотеки, а также раскрыть содержание сборников, только отмеченных в нем.

1. Апостол-апракос, в 1°, написанный уставом, на тонком пергамене, XIV в., 296 л.; переплет — доски в коже, с вытесненной надписью «Книга глаголемая» (XVII в.?). Рукопись дефектна: нет листа между л. 113 и 114, а л. 294—295 (или с. 587—588 и 589—590, так как в рукописи идет постраничная пагинация) — поздняя голубая бумага XVIII в. Красочны инициалы и два заглавия рукописи, нарисованные в зверином стиле, со сложным плетением и включенными в орнамент человеческими фигурами. Начало: «Въ с(вя)тую и великую нед(б)лю Паскы, на в(о)скр(ѣ)с(е)ние г(о)с(под)а наш(е)го, Апостол отъ Дѣяний, зачало 1...» (MSS Div. № 119).¹³

2. И. К. Шушерин. «Известие о рождении и о воспитании и о житии святейшаго Никона патриарха»; рукопись в 4°, первой половины XVIII в., написана плохим полууставом, 224 л. (филигрань — «герб Амстердама»); переплет — доски в коже, без застёжек. На последнем, 224-м, листе четкой скорописью середины XVIII в. написаны хронологическая таблица жизни патриарха Никона и перечень созданных им «книг» («Его трудов и переводу книги»): «О создании Крестнаго монастыря (увещание)», «Кормчая», «Поучение о моровом поветрии», «Скрыжаль» (Slavic Reserve, 705430 A).

3. Молитвы и каноны, в 4°, написаны полууставом XVIII в. (середины?), 211 л., переплет — картонный, с золотым обрезом; на л. 120 — молитва за патриарха и церковные власти (перечень начинается 1589 и кончается 1718 г.), на л. 122 — молитва за монастырскую братию; фраза «Спаси, господи, и помилуй во с(вя)тогорских монастырех, и в русских... пребывающия отцы и братию нашу» была неправильно прочитана, без титла, и в каталоге библиотеки появилось название: «Славянские молитвы и каноны Востокоторского монастыря». Содержание: «Начало скитского покаяния», молитвы богородице, ангелу-хранителю, каноны (животворящему кресту, на исход души и др.). В рукописи 4 рисунка, изображающие восьмиконечный крест, с надписями из канона Григория Синаита и Козмы Маюмского (MSS Div., Slavic N 2, Eames collection, case 53).

¹¹ Отметим, что существующий в настоящее время «Список хранения» (Shelf List), воспроизведенный в ротационном издании (The New York Public Library. Research Libraries. Dictionary Catalog of the Manuscript Division, Vol. 1—2. Boston, Mass., 1967, далее: Dictionary Catalog), указывает 14 русских рукописей и 6 старопечатных книг (в описании Де Риччи в 1937 г. была зафиксирована только одна рукопись, см. далее № 1 нашего перечня).

¹² Часть рукописей числится за Отделом рукописей (Manuscripts and Archives Division), часть находится в специально выделенном «Славянском фонде» (Slavic Reserve). Кроме того, в состав библиотеки входит частная коллекция В. Спенсера (Spencer Collection), имеющая древнерусские рукописи.

¹³ Эта рукопись поступила в библиотеку в 1935 г. от книжного дельца-переплетчика и была единственной рукописью библиотеки, упомянутой в Описании Де Риччи (Census, vol. II, p. 1334, № 119), количество листов, указанных Де Риччи, — 303, неверно.

4. Поморские ответы, в 4°, поморский полуустав, второй половины XVIII в., 402 лл. (филигрань «Pro Patria»), переплет — доски в коже, застежки оборваны (Slavic Reserve, 705422 A).

В дополнение к древнерусским материалам следует отметить:

1. Весьма интересный сборник сочинений XVIII в., озаглавленный «Разность и приятность».¹⁴ Рукопись в 1°, 106 л., написана писарским почерком второй половины XVIII в. (филигрань «Pro Patria», литеры «SKW»), переплет картонный. Аккуратно переписанная книга начинается с посвящения (л. 1) «ея императорскому высочеству... великой княгине Екатерине Алексеевне» от имени А. П. Сумарокова («Умом и красотой, и милостью богиня... Минерва будь моя!») и сочинениями самого Сумарокова (л. 2—5 — «О первоначалии и созидании Москвы», затем идут его «Притчи», эпиграммы и письма, выписки из «Трудодобивой Пчелы»). За ними следуют переводы «из Гольберговых писем» (переводчики Иван Борисов и Андрей Нартов), басня Д. И. Фонвизина «Лисица-казнодей», загадки, выписки о травах (из «Экономического магазина»), надпись, сочиненная в 1754 г. М. В. Ломоносовым к раке Димитрия Ростовского, и его послание И. И. Ш[увалову] («Спасибо за грибы...»); на л. 103—104 — сказка — вариант повести XVII в. «Беседа отца с сыном о женской злобе» (начало: «Некогда у своего отца спрашивал сын...») (MSS Div. 264680 B).

2. «Описание сибирских казенных и партикулярных горных заводов, сочиненное в 1735 году генералом-лейтенантом от артиллерии и ордена святого Александра кавалером Георгом Вильгельмом де Генниным, с приложением карт всех заводских дистриктов и точным изображением как вновь сделанных его старанием, так и старых, исправленных им горных и заводских строений, также и собранных в Сибири разных натураллий, минералов и других курioзных вещей», в 1° (38 см), 114 л. Рукопись переплетена в две книги (заглавие первой: «Книга Сибирских горных заводов, часть I»); с цветными рисунками (данные каталога библиотеки, de visu не просмотрено, место хранения рукописи — Slavic Reserve, картотека указывает номер 753192 — 3 A).¹⁵

Кроме того, в собрании «Славянского фонда» хранятся три фотоконпии с подлинных рукописей XVI—XVIII вв.¹⁶ и ценные старопечатные книги:

Апостол Ивана Федорова (Львов, 1574), Библия Ивана Федорова (Острог, 1581), Псалтирь и Новый Завет (Вильно, 1600 г.), «Лексикон славно-русский и имен толкование» Паввы Берынды (Киев, тип. Печерской лавры, 1627), Учение и хитрость ратного строения пехотных людей (М., 1647);¹⁷ в Отделе рукописей хранится сочинение историка В. Н. Строева (8 л., в 1°, 1912 г.) «Веселовские: Авраам, Исаак и Феодор — русские государственные люди XVIII столетия» (MSS Div., box).

¹⁴ Краткое указание на рукопись, повторяющее сведения карточки каталога, находится в: Dictionary Catalog, vol. 1, p. 508.

¹⁵ Сочинение В. де Геннина, впервые изданное в 1937 г., было известно издателям по пяти спискам (см. «Археографическую справку» в кн.: Вильгельм Геннин и. Описание уральских и сибирских заводов. 1735. Предисловие М. А. Павлова. М., 1937, с. 633—634). Заглавие опубликованного списка из собрания ГПБ в Ленинграде (по-видимому, это был подносной экземпляр императрице Анне с собственноручной подписью де Геннина) заметно отличается от нью-йоркского, приводимого его текст: «Генералом-лейтенантом (*так!*) от артиллерии и кавалером ордена св(я)таго Александра Георгием Вильгельмом де Генниным собранная натуралии и минералии камер в Сибирских горных и заводских дистриктах, также чрез его о вновь строенных и старых исправленных горных и заводских строениях и протчих курioзных вещах, абрисы».

¹⁶ «Ответ Ивана Грозного Яну Роките» — копия рукописи XVI в., 83 л., в 4°, принадлежавшей частному лицу; теперь рукопись находится в Гарварде (см. выше); «Родословец» («Начало и корень великих князей российских»), XVII в., 14 л., в 8°, и «Летопись келейная» Димитрия Ростовского, XVIII в., в 4° (местонахождение оригиналов двух последних копий неизвестно).

¹⁷ Наряду с более поздними изданиями кириллицей (Катехизис. Киев, тип. Печерской лавры, 1712; Новый Завет. М., 1715; Библия, Киев, 1758), фонд располагает светскими книгами начала XVIII в.; Символы и эмблемата... (Amsterdam, 1705) и «География генералная, небесный и земноводный круги...» В. Варенуца (М., 1718). Книги, как и рукопись В. де Геннина, не были просмотрены de visu, сведения взяты из «Списка хранения».

В нью-йоркской Публичной библиотеке древнерусские рукописи есть также в известной частной коллекции редкой книги Вильяма Спенсера, поступившей в библиотеку в 1913 г. (владелец ее В. А. Спенсер, живший долгие годы в Париже, погиб на «Титанике» в 1912 г.):¹⁸

1. Евангелие от Луки, в 1°, устав XV в., 98 л. (филигрань — «вепрь»?); переплет — доски в коже, без застежек; рукопись украшена изысканными плетеными заставками (на л. 2 об. — миниатюра, изображающая Троицу; по высокой художественности исполнения, нежности красок и лиризму она напоминает известную икону Андрея Рублева) (Sl. ms. 1).

2. Четвероевангелие, в 4°, полуустав XV в., с изображениями четырех евангелистов; переплет ветхий — доски, скрепленные кожей; владельческая скрепа (на л. 3—4) вырезана (Sl. ms. 2).

3. Лествица Иоанна Лествичника, в 1°, полуустав XVI в., 210 л. (филигрань — «тиара»); переплет — доски в коже, с застежками, прекрасной сохранности; в начале рукописи — великолепная миниатюра, изображающая лестницу (используются золото и краски необычайной интенсивности). Владельческие записи: 1) скрепа (скоророписью начала XVII в.) «Книга, глаголемая Иван, писатель Лествицы, Рождества пресвятыя богородицы Коневского монастыря»;¹⁹ 2) на верхней крышке: «7211 г(ода) сия книга пресвященнаго Аврамя, митрополита Рязанского и Муромскаго, калейная»; 3) «Лета 7213, месяца ианнуария в 15 день, по указу пресвященнаго митрополита Аврамя Рязанскаго и Муромскаго отдана сия книга в церковь Гороховскаго уезду во обитель знамение пресвятыя богородицы в Красногирвискую пустыню при игумене Макарии з братью по своих родителях в вечное поминование» (Sl. ms. 3).

4. Сборник, в 4°, полуустав и скоропись середины XVII в., 308 л. (филиграни «кувшинчик» и «голова шута с 5 бубенцами»); переплет — доски в коже, одна застежка; в начале рукописи — изображение старцев в черном одеянии, преподносящих книгу. Заставки и инициалы черно-белые, имитируют украшения печатных книг. Содержание: «Азбукное учение осмочастное», «Лаодикийское послание», «Послание» Иоанна Дамаскина Козме Маюмскому, «Книга, глаголемая Небеса» Иоанна Дамаскина (Sl. ms. 4).

5. Житие Василия Нового с дополнениями, в 1°, полуустав, XVIII в., 377 л. (филигрань «Pro Patria»); переплет — доски в коже, застежка, тиснение золотом на корешке: «Выписки из Жития Василия Нового»; в рукописи много рисунков и цветных миниатюр. Содержание: Житие Василия Нового (л. 1—257), Синодик (л. 258—272), Великое Зерцало, Слово Палладия Мниха о втором пришествии, Слово об отвержении мира, память «Иоасафа пустычника, сына Авенира, царя Индийскаго» (л. 351—377). Владельческая запись (л. 1) сообщает, что книга — из «Площанской пустыни», дана иеромонаху Серапиону от московского купца Ивана Ивановича Адама «1782 года, генваря 25 дня». (Sl. ms. 5).

6. Праздники, на крюках, в 1°, поморский полуустав конца XVIII в., 287 л. (филиграни «Pro Patria» и «C & I Nonig»); переплет доски в коже, застежки не сохранились; заставки украшены золотом (Sl. ms. 6).

7. Праздники, на крюках, в 1°; под одним номером коллекции находятся 2 рукописи: первая — 168 л., вторая — 130 л.; во второй рукописи не все миниатюры раскрашены, в первой есть рисунок, изображающий (в круге) бога Саваофа и херувимов, поющих ему славу. Бумага, почерк и переплет обеих рукописей одинаковы: филигрань — французская лилия, почерк — поморский полуустав, переплет — доски в красном сафьяне с золотом, обрез позолочен. (Sl. ms. 7).

8. Сборник («цветник»), в 4°, полуустав, первая половина XIX в. (филиграни «1819» и «1839»), переплет — доски в коже, застежки не сохранились; многочисленные миниатюры на темы Апокалипсиса. Содержание: Страсти Христовы, повести

¹⁸ О коллекции В. Спенсера в целом см.: A guide to reference collections on the New York Public Library, compiled by K. Brown. New York, 1941, p. 256—257 (древнерусские рукописи здесь не упоминаются); The Spencer collection of illustrated books. [Revised Edition]. New York, 1928. См. также: Supplement, p. 330—331 (о славянских и русских рукописях коллекции здесь, как и в основном описании Де Риччи, также не упоминается).

¹⁹ Отметим, что это — вторая рукопись Коневского монастыря, встретившаяся нам во время археографических поисков: в 1963 г. в г. Сольцы Новгородской области нами была приобретена для Древлехранилища Пушкинского Дома у неграмотной вдовы местного наставника рукописей второй половины XV в. (Евангелие-апракос) с аналогичной владельческой скрепой начала XVII в. (книги «разошлись» из монастыря после его разрушения шведами в 1610 г.); см.: Н. С. Демкова, Н. Ф. Дробленкова. Археографическая командировка в Сольцы. — ТОДРЛ, т. XX. М.—Л., 1964, с. 412—414.

из Жития Василия Нового, мучения священномученика Харлампия, Слово Палладия Мниха о втором пришествии, мелкие выписки (Sl. ms. 8).

9. Апокалипсис, в 1°, полуустав первой половины XIX в., 213 л.; переплет — доски в коже, застежки не сохранились; владельческий штемпель «Киннель Вомп». На чистых листах рукописи (л. 1—7 и 209—213) к тексту Апокалипсиса добавлены письма середины XIX в. (денежные отчеты о продаже пшеницы и сукна, просьба о разрешении выдать замуж дочь и др.) и деловые записи 1894 и 1895 гг. (Sl. ms. 9).²⁰

Каталог печатных книг коллекции Спенсера сообщает о наличии в коллекции старопечатного Евангелия (М., 1606 г., печать «вольница» Анисима Радищевского) и двух изданий конца XVIII в., напечатанных кириллицей: «Книжица сия сборник...» (Киев, тип. Киево-Печерской лавры, 1770) и Менологий (М., 1784). Кроме того, в коллекции хранится книга 1745 г., изданная Санктпетербургской Академией наук, — немецкий текст истории коронации императрицы Елизаветы Петровны (перевод с русского) с гравюрами Соколова, Качалова, Вортмана, и «Житие остроумнаго Есопа» (XVIII в.).²¹

В Библиотеке Д. Пирпонта Моргана (*The J. Pierpont Morgan Library*), формировавшейся как собрание раритетов по истории книги,²² есть 4 древнеславянские рукописи.

1. Четвероевангелие, в 1°, 1492 г., 310 л.;²³ письмо уставное; переплет — доски в коже, застежки оборваны; рукопись богато орнаментирована (некоторые заставки и инициалы украшены золотом). На л. 308 запись писца о написании книги во время правления молдавского господаря Стефана III (1457—1504), прославившегося своей борьбой за целостность и независимость Молдавии: «Благоизволением отца и научением сына и съвршением святого духа учинися сий тетраевангель въ дни благочестиваго и христолюбиваго господина и от(ца) Стефана — воеводы, господарь земли Молдавской, и благочестивой его господжи (*гак!*) Марии, еже она желанием възжелдѣвши любви Христове, словес рачительница, потыцательна даде, и исписа той въ лето 7001, и съвершися месяца септеврия въ 30 день, и даде его въ молбу себе въ церкви в монастыри от(ца) Петреуци, идеже его храм Въздвижения честнаго креста. И спи(са)ся въ граде Сочавенстем, потруждением оног(о) грѣшнаго... (*имя неразборчиво*) диака, сына Гавриила презвитера».

На дополнительных листах голубой бумаги XVIII в., прикрепленных к рукописи, — записи о нахождении книги в церкви Бронницкого уезда Московской губернии (л. 310—310 об.), на л. 309 — неразборчивая запись: «князь... Егорлиных» (?). (М. 694).

2. Псалтирь с последованием, в 1°, на пергамене, XVI в. (?), 219 л., богато украшена; часть листов отсутствует (в начале рукописи и перед л. 110); переплет — доски в коже, сохранились обе застежки. Первоначальные владельческие пометы не обнаружены. В машинописной описи библиотеки указано: «Украшения в румынском стиле XVI в.; происходит из той же румынской библиотеки, что и рукопись № 694». На нижней крышке переплета запись XVIII в.: «Сия книга Псалтыр. Егор из монастыря Путнова». (М. 695).

3. Четвероевангелие, в 1°; конца XVI—начала XVII в., устав, 356 л.; переплет — доски в бархате, две застежки; запись XVIII в. датирует рукопись 1608 годом (филигрань — «вепрь»); владельческая скрепа 1831 г. о принадлежности книги Якову Александровичу Чернову. (М. 794).

4. Слова Симеона Нового Богослова (6 слов), в 4°, 117 л., вторая половина XIX в., поморский полуустав; переплет — доски в коже, застежки. (М. 704).

²⁰ В состав коллекции Спенсера входит жалованная грамота (2 л.) Павла I от 24 октября 1797 г. графу Мнишеку, бывшему маршалу Польши, на 2 деревни около Кременна — Колосово и Спиколлоса, с подписью-автографом. На грамоте помета: «В Коллегии иностранных дел запечатана ноября 16 дня 1797 года».

²¹ Dictionary catalog and Shelf-List of the Spencer Collection of illustrated books and manuscripts and fine bindings. Boston, Mass., 1971, vol. II, p. 883.

²² См., например: Catalogue of Manuscripts and Early Printed Books from the Libraries of William Morris, Richard Bennet, Bertram fourth Earl of Ashburnham, and other sources, now forming portion of the Library of J. Pierpont Morgan. London, 1906, 4 v.

²³ В описании Де Риччи ошибочно указаны дата — «1471» и количество листов — 287 (Census, vol. II, p. 1483, N 694).

В библиотеке Американского библейского общества (*The American Bible Society*) удалось познакомиться только с одной рукописью:

Евангелие от Матфея, XIV—XV вв., в 4°, 24 л.; написано полууставом на пергамене грубой выделки; рукопись является частью большого кодекса (содержит главы I—XXII, на листах внизу сохранилась старая пагинация: на л. 14 обозначение: «45»); переплет новый, картонный, выгеснено золотом: «Slavic ms. Matthew, I—XXII. Saec. XV vel. XV». Заглавие: «Благословение от Матфея» написано вязью, кинovarью; перед заглавием: «О, г(оспод)и, сп(а)си же часа, о г(оспод)и, поспеши же»; заставка плетеного орнамента. (35077. 13-63).

Есть в библиотеке и старопечатные русские книги:

1. Библия Ивана Федорова. Острог, 1581 (прекрасной сохранности, № 12980).
2. Апостол, [Вильно (?)], 1623; книга дополнена «соборником к двенадцати месяцам»; сохранились гравюры с изображениями евангелистов Матфея и Марка (№ 31651; ev. L.1. A.637).

Из поздних изданий кириллицей следует отметить Новый Завет, в 4° (Чернигов, 1748), с гравюрой Михаила Чернявского («Вознесение богородицы»). На последнем листе книги — владельческие записи: «Петарь Пабловичь, 1844»; «Младенъ Пабловичъ, 1854» (№ 49729, 520011).

Одно из крупнейших собраний славянских книг и рукописей в США — малоизвестное ученым *частное собрание нью-йоркского коллекционера П. М. Фекула*, которое удалось посмотреть благодаря любезности и научной заинтересованности сотрудников Славянского отделения Йельского университета. Коллекция П. М. Фекула (около 30 рукописей XIII—XVIII вв.) — часть его библиотеки, насчитывающей 20 000 томов, хранится в Библиотеке св. Марка в Главной теологической семинарии в Нью-Йорке (*The General Theological Seminary*). В собрании, с которым пришлось познакомиться очень бегло, находится много редких рукописей и книг: пергаменное Евангелие XIII в., роскошные лицевые рукописи XV—XVII вв., сборники севернорусских житий, «Повесть о Варлааме и Иоасафе» в рукописи XVI в. и др. славянские книги-инкунабулы (Осмогласник Швайпольта Феоля, например, редкие венецианские и московские издания и т. д.). Однако эти книжные сокровища П. М. Фекула практически недоступны исследователям.

Богатыми материалами по истории славянской, и в частности русской, старопечатной книги располагает известная *Библиотека Ньюберри (The Newberry Library)* в Чикаго, основанная в 1887 г.²⁴ Русские славянские материалы находятся здесь в основном в четырех собраниях, хранящихся в Отделе специальных коллекций: в коллекции Л. Бонапарта, в коллекции Е. Айера, в коллекции Д. Винга, в фонде отдельных поступлений. Особенно значительны коллекции славянских книг Л. Бонапарта и Д. Винга.

Луи-Люсьен Бонапарт (1813—1891), племянник Наполеона, дипломат, известный лингвист, пытался собрать в своей коллекции все грамматики европейских языков и грамматические сочинения. В предисловии к каталогу его библиотеки В. Коллинз писал: «В течение своей долгой жизни принц отдавал все усилия и таланты формированию того, что, как он надеялся, будет прекраснейшей лингвистической коллекцией, когда-либо

²⁴ В середине 1960-х гг. коллекция русских книг библиотеки была полностью продана в Хантер-колледж в Нью-Йорке (состав собрания зафиксирован в: *Check list of the Russian collection of the Newberry Library. Chicago, January 1965, репринт*).

собранный вместе».²⁵ Эти научные интересы Л. Бонапарта весьма удачно отразились на славянской части коллекции: в его собрании, приобретенном библиотекой, находятся многие русские грамматики-инкунабулы, буквари, почти все издания «Граматики» М. В. Ломоносова, русско-иноязычные словари,²⁶ русские старопечатные книги.

Коллекция Джона Винга складывалась как собрание раритетов по истории книгопечатания и книжного оформления.²⁷

Старопечатные книги Библиотеки Ньюберри:

1. Книга Нового Завета. Острог, 1580 (печатник Иван Федоров). (Wing, ZP 554. F.292, в каталоге указано ошибочно: ZP 554. K.83).

2. Книга Василия Великого о постничестве. Острог, 1594. (Wing, f. ZP 554. K.835).

3. Азбука Василия Бурцева. М., 1637 (в каталоге ошибочно: М., 1642). Перед печатным текстом вклеены 4 л. бумаги начала XVIII в., латиницей написан русский алфавит — славянские названия букв, их цифровое значение, начертание и произношение. (Воп. 12 462).

4. Грамматика Мелетия Смотрицкого. М., 1648. (Воп. 12 511).

5. Букварь языка славенска. Кутейна, 1653. (Воп. 13 152) (в каталоге ошибочно указано: «сербская книга»).

6. Григория Богослова Поучения, Василия Великого Беседы на Шестоднев, Афанасия Александрийского Слова на ариан и Иоанна Дамаскина книга Небеса. М., 1665 (перевод с греческого Елифания Славинецкого). (Wing, ZP 654, M. 852).

7. Синописис Иннокентия Гизеля. Киево-Печерская лавра, 1680 (case F.541.442). Внизу по листам скрепа скорописью конца XVII в.: «Книга околничего князя Юрья Федоровича Щербатова». На л. 1 штамп и экслибрис: «Bibliothèque de Tsarskoe Selo».

8. Букварь славяно-греко-латинский Федора Поликарпова. М., 1701. (Воп. 12 472).

9. «Лексикон трезязычный» Федора Поликарпова. М., 1704 с дарственной надписью Стефана Яворского Ивану Гавриловичу Беклемишову. (Воп. 2020).

10. Грамматика. М., 1721. (Воп. 12 510).

Кроме того, в библиотеке есть и ряд других изданий кириллицей XVIII в.: Псалтирь. Киев, тип. Печерской лавры, 1705 (Wing, ZP 754. K 542); Миней служебная за май. М., 1724 (в каталоге ошибочно: «1742»; Wing, ZP 754. M. 852); Молитвослов. Киев, тип. Печерской лавры, 1748 (Воп. 12 721); Новый Завет, без выходных данных, по филиграммам — конец XVIII в. (бумага 1793, 1799 гг.). (Воп. 12 586).

Есть в Библиотеке Ньюберри и две русские рукописи:

1. Жалованная грамота царя Михаила Федоровича [Якову] Меньшому Афанасьевичу Стрешневу от 28 июля 1626 г. о пожаловании его землей за верную службу во время осады Москвы в 1619 г. королевичем Владиславом. Подлинный свиток (48×25 см), бумага, скоропись, украшения — разрисованный чернилами инициал «В». Со сломанной печатью из красного воска. Писал грамоту дьяк Неупокой Кокошкин.²⁸ (Wing, MS+ZWI.626).

²⁵ Attempt of a Catalogue of the Library of the late prince Lois-Lucien Bonaparte by Victor Collins, v. 1—2. London, 1894, p. 1.

²⁶ В коллекции Л. Бонапарта находится весьма редкий параллельный «Греко-латино-немецко-славянский словарь» 1537 г. — один из старейших славянских словарей: *Lexicum symphonum quo quatuor linguarum Europae familiarum, Graecae scilicet, Latinae, Germanicae ac Sclavinicae concordia consonantiaque indicatur*. Basiliae, 1537. (Воп. 1784).

²⁷ См.: Dictionary catalogue of the history of printing from the John M. Wing Foundation in the Newberry Library [6 v.+3 v. of Supplement]. Boston, Mass., 1961.

²⁸ Искренне признательна доктору Г. Куперу за указание на эту грамоту. Имя адресата — Яков — установлено мною. Другая жалованная грамота Стрешневым, хранящаяся здесь же, — уже печатная: это грамота царей Ивана и Петра Тихону Никитичу Стрешневу от 30 января 1683 г. за службу во время «стрелецкого бунта»; печатный экземпляр, богато украшенный золотом и узорами, с рукописными вставками имени адресата и пожалований ему. В конце грамоты — подпись дьяка Автамона Иванова. (Wing, Ms+ZW. I. 683).

2. Крюковая служебная рукопись, третьей четверти XVII в., в 8°, 124 л.; писана полууставом, переплет — картон в лиловом бархате, верхняя крышка украшена пятью маленькими двуглавыми орлами из бронзы. Содержит: «Начало все-нощному бдению...» (л. 1—46 об.), «Припевы, певаемые на господские праздни-ки...» (л. 47—73 об.), «Воскресение Христово» из Осмогласника (л. 74—114), литургия Иоанна Златоуста (л. 115—124, без конца). Молитвы за (для?) царя Алексея, указанной в описании Де Риччи, здесь нет (есть молитвы Алексею митро-политу и Алексею, человеку божьему)²⁹ (рукопись дефектна — нет конца; посту-пила в библиотеку в 1913 г., подарок Е. Айер). (Case ms. v. 333. 647).

Поиски старых славянских книг, если не рукописей, в библиотеке Чикагского университета (*The Regenstein Library*) не были успешными: библиотека Регенштейн, активно формирующая свои фонды, не приобре-тает древнеславянских книг³⁰ (самая «древняя» русская книга библио-теки — «Воинский артикул» Петра Великого, 1715 г.). Просмотр коллек-ций профессоров университета — историка С. Харпера (1882—1943), одного из известных специалистов по русской истории, и теолога-византи-ниста Х. Виллоуби (1901—1962)³¹ также ничего не дал.

Крупнейшая библиотека США — *Библиотека конгресса* — почти не имеет древнеславянских или древнерусских рукописей: каталог Де Риччи в 1935 г. отметил наличие в библиотеке одного рукописного фрагмента — заглавного листа к «Шестодневу» Иоанна Экзарха Болгарского.³² Лист хранится сейчас в Отделе редких книг под другим номером (MS. № 62), написан в два столбца на пергамене (28×21 см), полууставом XV в., заставка — тератологическая, не докрашена.

Другая рукопись выявлена среди книг Отдела его сотрудницей гос-пожей Т. Кигоровской — «Триодь Цветная», с нотами, в 4°, около 200 л., по-видимому XVII в. (малое количество времени не позволило точно датировать филигрانی); рукопись из Збаража, владельческая запись 1771 г. (?) «Ивана Гуменюка» (шифра нет).

Третья рукопись зафиксирована в картотеке Отдела: А. Денисов. По-морские ответы. Рукопись в 1°, 800 л., полуустав поморский, вторая половина XVIII в. (филигрانی «ЯМСЯ», медведь с алебардой, «Pro Pat-ria», фамилии фабрикантов: «H. Wolven» и «J. Hessels»). Текст «Отве-тов» начинается только с л. 42 об. (заставка в поморском стиле, с золо-том); предыдущие листы содержат: указы Петра I и «инструкцию» (л. 1—12 об.), краткую историю «о ответах сих» (л. 13—26 об.), оглавление (л. 27—44). Экслибрисы — две чернильные печати; одна: «Завод И. П. Брысина в Коломне», другая «Library of Congress» (Vx 601. Д4, рукопись хранится вместе с Юдинской коллекцией).

²⁹ См.: Census, vol. I, p. 543. Следует отметить ошибку Де Риччи: он указал эту же рукопись на с. 535, датируя бумагу XVI в. (по-видимому, в разные места каталога попали две части (две карточки) одного библиотечного описания; инвен-тарный номер одинаков — 200 895).

³⁰ См. один из первых каталогов библиотеки: E. Goodspread, M. Spreng-ling. A descriptive catalogue of manuscripts in the libraries of the University of Chicago. Chicago, 1912, и один из последних (каталог новых приобретений 1975 г.): One hundred books and manuscripts recently acquired by the University of Chicago Library. A catalogue of an exhibition held at the Josef Regenstein Library, Spring 1975. The University of Chicago Library, 1975.

³¹ В бумагах С. Харпера хранятся его рабочие записи по средневековой рус-ской истории (box 34, folder 5—8), заметки и дневники путешествия в Россию в 1908 г., в частности, его беседа со Львом Толстым (box 25, folder 22). Коллек-ция Х. Виллоуби, состоящая из многих километров пленок греческих манускрип-тов, еще не разобрана, и каталога ее не существует. «Русские материалы» коллек-ции, с которой удалось познакомиться благодаря любезности хранителя д-ра Аллисона (коллекция находится в помещении Теологической школы универ-ситета), представлены одной иконой XVI в. «Въезд на ослиати» (новгородская школа, ранее — собственность Троице-Сергиевой лавры).

³² Census, vol. I, p. 228, № 90.

Старопечатные русские книги, по-видимому, имеются в этой колоссальной библиотеке,³³ но в каталоге Отдела редких книг их найти не удалось (для поисков русской старопечатной книги с помощью тематического генерального каталога необходима специальная длительная работа). Знакомство осенью 1975 г. с остатками Юдинской библиотеки, хранящейся в Отделе редких книг, позволило обнаружить только одну старопечатную книгу — «Граматику» Мелетия Смотрицкого (М., 1648).

В Отделе были также редкие русские книги, как первые издания «Слова о полку Игореве» (М., 1800) и «Путешествия из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева (СПб., 1790) — обе книги зафиксированы в картотеке и в печатном каталоге.³⁴ Однако ни ту ни другую посмотреть не удалось: их не оказалось на месте, на соответствующей полке хранения.

Выше уже отмечалось, что в Отделе редких книг находятся остатки Юдинской библиотеки, проданной в США в 1907 г.,³⁵ к сожалению, это именно остатки: богатейшее книжное собрание — 80 000 томов — составило основное ядро Славянского отдела библиотеки и было расформировано по тематическому принципу (журналы, издания XVIII в. и т. д. дополнили собой другие части библиотеки). Многие книги-дублеты пошли в обменный фонд, и сейчас юдинский экслибрис можно видеть на книгах в различных университетах США.

Документальные рукописные материалы хранятся в другом подразделении библиотеки — в Отделе рукописей. Именно здесь находятся дела русской церкви на Аляске³⁶ и частично документы путешествий русских на американский континент (по-видимому, тоже из Юдинской коллекции).

В Балтиморе в *Библиотеке Художественной галереи Генри Уолтерса (The Library of the Walters Art Gallery)* хранятся русские рукописи XVIII—XIX вв.,³⁷ одна из которых имеет отношение к древнерусским книгам: это сборник «апокрифических молитв» из библиотеки А. Сула-

³³ По указанию научной литературы известно, что в Библиотеке конгресса есть «Апостол» Ивана Федорова (М., 1564), см., например, дополнение В. Джерсона к публикации: R. O. Jakobson. Ivan Fedorov's Primer. — *Harvard Library Bulletin*, vol. IX, winter 1955, N 1, p. 41.

³⁴ См.: *Eighteenth century Russian Publications in the Library of Congress. A Catalog.* Prepared by Tatiana Fesenko. Library of Congress, Washington, 1961.

³⁵ Общий очерк о материалах и составе Юдинской библиотеки см. в кн.: Н. Н. Бакай. Замечательное книгохранилище в Восточной Сибири (библиотека Г. В. Юдина). М., 1896; А. V. Vabín. The Yudin Library, Krasnoirsk (Eastern Siberia). Washington, 1905. К сожалению, полного научного каталога библиотеки Г. В. Юдина, представляющей собой значительное явление в истории русской культуры, после этих обзоров сделано не было, и ее материалы, рассредоточенные по разным отделам Библиотеки конгресса, Национального Архива, многих американских университетов, не могут быть уже полностью выявлены. В Отделе редких книг нет каталога этого книжного собрания, купленного Библиотекой конгресса, и в справочниках, и в имеющихся печатных описаниях рукописей о Юдинской коллекции почти не упоминается. Сейчас уже можно сказать, что надежды Г. В. Юдина на сохранение его библиотеки в качестве мемориальной не оправдались. Об этих надеждах и обстоятельствах продажи библиотеки, о рукописных материалах Г. В. Юдина, хранящихся в Красноярском государственном архиве, см.: А. А. Преображенский. Коллекция Г. В. Юдина в Государственном архиве Красноярского края (краткий обзор). — В кн.: *Археографический ежегодник за 1958 г.* М., 1960, с. 267—292 (коллекция передана в ЦГАЛИ). См. также: И. Ф. Мартынов. Литературные рукописи из собрания Музея Приенисейского края в Библиотеке Академии наук СССР (обзор). — В кн.: *Археография и источниковедение Сибири.* М.—Л., 1975, с. 149—155.

³⁶ См.: *A guide*, p. 148.

³⁷ Искренне благодарю доктора Лириан Рендалл за предоставленную возможность ознакомиться с русскими рукописями библиотеки.

кадзева, который числится в библиотеке как славянская рукопись XI в. и иногда даже экспонируется на выставках как таковая.³⁸

Сборник Сулакадзева (шифр — W. 548, по описанию Де Риччи — № 369) написан на 16 неровных листах пергамена (размер 8×16 см) почерком, имитирующим полуустав и скоропись; переплет — картон в красном бархате, на нем — бумажная наклейка с нечитаемой надписью (заглавие?): «Ми. . . сув. . .».

Надписи и записи на рукописи на обороте верхней крышки переплета: 1) карандашом: «W. 548, De R. 369»; 2) голубыми чернилами печатными латинскими буквами (XIX в.): «CODEX SULAKASIANUS SLAVONICUS MEMRANECEUS DICTUS: соуборникъ. Const. fol.: 16.1v—16v. SAEC. XI°. CUM POSTILLIS APOCRYPHIS SULAKASIANIS»; 3) внизу слева теми же чернилами: «A. M. № 62»; 4) справа:

INV. 44

«Ex libris Henry Walters»; 5) на л. 1 (на нижнем поле): «Из библиотеки 1816 Александра Сулакадзева № 13»; 6) на л. 11—12 (на нижнем поле) скорописью XVII в.: «Служеб(никъ) отданъ»; 7) на л. 16 об. после окончания текста запись (на нижнем поле, киноварью): «Лѣта 6587 се улучил [с]ыи м(оли)твенникъ въ Тмуторокані іазъ, гръшныи, попъ княза Олга Светославича, а попин бывы[и] прошлыхъ летъ во Сватоі горе» (лист кончился). Продолжение записей идет в хронологическом порядке на внутренней стороне нижней крышки переплета: 8) «Лѣта 6822 благословихъ мѧ отцъ мѧ дховной Антонеи въ Рязані»; 9) скорописью, переходящей в бессмысленный узор: «Межи кнѣзь сы поме-стихъ кожные въ лѣто господне 6907, се князь Феодор Ростовский, сего жъ лѣта алфав. . .» (далее 1.5 строки неразборчиво).

Рукопись имеет заглавие (киноварью) на л. 1: «Соуборникъ»; далее идут тексты «апокрифических молитв» («Г(оспод)ъ щедръ и м(и)л(о)-стив. . .», «М(о)л(и)твы веч(е)рніа и др.), и поминания: 1) на л. 2 об. (на нижнем поле узким полууставом): «Помені въ светлемъ раі твоімъ днесь убіенаго раба своего Глеба і Бориса»; 2) на левом поле л. 7 об.: «Елену, Василиа, у Васи́ла и новоус(о)пшаго Ѡрослава»; 3) на правом поле л. 8: «кна[зя] Изаслава, Хіонію с рану (так!) хаганъ Лисавету, Анну, Настасію и Ігора».

Эта рукопись Сулакадзева упомянута в известной работе М. Н. Сперанского;³⁹ в рукописном каталоге библиотеки А. Сулакадзева она так и значилась под № 13: «Сборник молитв и заамвонных. В конце припись 1079 г. попа Тму-Тараканскаго, а в 1314 г. — Антонія, и в 1399 — Федора Ростовскаго. Припись 1015 г. любопытна. Начальный лист изображает Спасителя красками и золотом, сидящего на радуге; в устах (так!) два меча, в ногах — воскресающие. Пергамен старый, и, видно, много лет была эта рукопись в употреблении» (ГБЛ, ф. 310, № 871, л. 6 об.—7).

Описание рукописи полностью совпадает с балтиморским «Соуборником» за одним исключением: миниатюра в рукописи теперь отсутствует.

Кроме рукописи Сулакадзева библиотека располагает многочисленными бумагами из архива Екатерины II — автографами Екатерины и ряда ее приближенных (И. А. Остермана, Нессельроде, графа Воронцова и др., есть автограф Петра III — подпись на письме Фридриху

³⁸ В описании Де Риччи рукопись значится как подлинная древняя русская рукопись (XIV в.?), 16 л. (17×13 см); один из ранних владельцев ее — «Антоний Рязанский» (см.: Censur, vol. I, p. 817, N 369).

³⁹ М. Н. Сперанский. Русские подделки рукописей в начале XIX века (Бардин и Сулакадзев). — Проблемы источниковедения, V. М., 1956, с. 94.

Прусскому), 56 единиц хранения. Бумаги Екатерины были обнаружены в библиотеке случайно, при переезде в новое, вновь выстроенное для нее здание. На всех бумагах имеется помета, указывающая на предшественного владельца: «Из коллекции А. Трубникова» («Collection of A. Trubnikoff»). Некоторые бумаги хранят номера Коллегии иностранных дел (например, № 56, патент на звание секунд-майора, данный Антону Огару, имеет запись: «при запечатании в Коллегии Иностранных Дел № 1440, 1791 года»). Автографы хранятся в специальных бумажных папках с чернильным вензелем Екатерины II и представляют собой письма, инструкции, короткие записочки из обильной переписки Екатерины (по-русски, по-французски и по-немецки), в основном с графом Иваном Андреевичем Остерманом (о международных делах, о порядке подписания нот и вручения их иностранным послам и др.). Есть бумаги весьма ранние (поздравление, посланное из Киева, Фридриху Прусскому в связи со свадьбой его сестры Ульрики, от 31 августа 1744 г. за подписью: «Служебно преданная племянница Екатерина, велика княжна»; письмо генералу Ливену от 21 марта 1762 г. и др.) и написанные незадолго до смерти (так, № 47 — патент коллежскому советнику Яковлеву о награждении орденом Владимира III степени — подписан Екатериной 14 июля 1796 г.).

Ряд автографов Екатерины II — записки частного характера: извещения о невозможности аудиенции (простуда, болезнь руки — № 15, 34), обещание подарка (№ 27), распоряжения о судьбе ее протеже (№ 39, И. И. Бецкому (орфография подлинника): «Иван Иванович, отец сих девиц едит в Камчатку воеводою (*так!*), возьмите сих младенцев в девичий монастырь на моем содержании, покаместа им открыться. . . <прзб.> Екатерина»), другие — указания особой государственной важности (№ 29: «Как сии бумаги мне въверены, то попрошу их показать немногим и об них не говорить никому из чужестранных»; № 40: «Отправте князя Белосельскаго и напишите в ево инструкции, чтоб старался узнать мысли Сардинскаго двора о французской революции и суда писал о сем точно. . . Отправте графа Разумовскаго в Венну скарея»; № 14: «Секретное. Граф Иван Андреевич, секретные письма, находящиася (*так!*) у действительнаго статскаго советника Эпинуса, как разобранные, так и неразобранные, внесите ко мне. Пребываю всегда вам доброжелательная, Екатерина. В С. П. Бурге, 3 ноября 1787»).

Возможно, среди этих бумаг есть и неопубликованные письма. Следы начатой архивной обработки коллекции немногочисленны: письмо Екатерины от 22 февраля 1785 г. доктору И. Г. Циммерману, автору популярной в XVIII в. книги «Об уединении» (№ 36, 3 с., по-французски, черновик), сопровождается пояснительной заметкой архивариуса за подписью «А. Т.» (возможно, это сам А. Трубников), в которой сообщается о публикации перевода письма в статье А. Г. Брикнера в журнале «Русская старина», 1887, т. 54, с. 285.⁴⁰

Среди русских материалов библиотеки хранится богато орнаментированная жалованная грамота Павла I от 5 апреля 1797 г. тайному советнику Протасову за землю в Нижегородской губернии с подписью-автографом.

Находившаяся ранее в Балтиморе *Библиотека Роберта Гаррета*, предполагавшая, по данным каталога Де Риччи,⁴¹ фрагментом славянской

⁴⁰ А. Трубников — историк искусства, автор ряда работ, публиковавшихся в ежегоднике «Старые годы»: «Пенсионеры Академии Художеств в XVIII в.» (1907), «Материалы для истории царских собраний» (1912) и др.

⁴¹ См.: *Sensus*, vol. I, p. 869.

рукописи — 1 л. (30×22 см) из служебника XV в. южнославянского происхождения с миниатюрой на тему Вознесения, в 1941 г. была передана в Принстонский университет.⁴²

Совсем не встретилось старинных русских книг и рукописей на западном побережье США — в калифорнийских университетах — в Беркли (Сан-Франциско), Стенфорде, в Лос-Анджелесе, а также и в университете штата Вашингтон в Сиэттле.⁴³ Это не совсем объяснимый факт, так как на западном побережье издавна бывало много русских — промышленников, торговцев, поселенцев, и сейчас еще в северо-западном штате Орегон существуют большие общины русских старообрядцев.

Хотя в Беркли и в университете Калифорнии в Лос-Анджелесе нет старинных русских книг, однако и в том, и в другом университете находятся интересные воспроизведения документальных и литературных древнерусских материалов — остатки рабочих архивов историков.

Так, в Отделе специальных коллекций библиотеки Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе находится колоссальное собрание микрофильмов и фотокопий документов, принадлежащее раньше проф. Вальдемару Вестергаарду.⁴⁴ Национальный американский каталог рукописных собраний сообщает, что объем собрания — 30 коробок и 243 пленки микрофильмов, коллекция состоит из копий документов и писем XV—XIX вв., касающихся русско-скандинавских отношений и положения на Балтийском море.⁴⁵ Основу коллекции составляют копии документов 1480—1850 гг. из государственных архивов Копенгагена, Стокгольма, Гааги, Любека, Стральзунда, Гданьска, Лейпцига, Берлина и др.,⁴⁶ и значение ее определяется тем, что сохранившиеся материалы — копии 1930-х гг., сделанные до второй мировой войны, до уничтожения ряда архивов и собраний. Так, в коробке 26 находятся материалы по теме «Швеция и Россия в XVI в.», в коробке 25 — «Дания и Россия (1513—1519)», в коробке 22 — «Шведские посольства в Россию 1513—1557», и т. д. Многие из этих документов Датского архива в свое время публиковал Ю. Н. Щербачев,⁴⁷ и многие копии Вестергаарда и публикации Щербачева совпадают (письма Василия III датскому королю Христиану, указы послам и посольские речи и т. д.), но материалы архива Вестергаарда объемнее и богаче, так как разнообразнее его источники.

⁴² Supplement, p. 306.

⁴³ В библиотеке университета штата Вашингтон (The Suzzalo Library) в Сиэттле в Отделе специальных коллекций нам любезно показали только две книги XVIII в., напечатанные кириллицей: «Арифметику» Леонтия Магницкого (М., 1703) и «Дения св. апостол» (Киев, 1784). Кроме того, Отдел специальных коллекций располагает большим альбомом автографов европейских монархов, в том числе и русских царей; автографы представляют собой только подписи на документах — на «патентах» на чин или на свидетельствах об отставке. В альбоме есть автографы Елизаветы Петровны, Екатерины II, Павла, Александра I и Николая I; есть подписи и «оберштаймейстера» Петра Сумарокова, генерал-майора Василия Суворова, генерал-лейтенанта грузинского царевича Георгия (на «патенте» 1756 г.), письма немецких родственников Екатерины II, канцлера А. М. Горчакова и др.; почти все документы хранят русские номера Коллегии иностранных дел.

⁴⁴ Название коллекции: «Waldemar Westergaard collection of microfilms and photostats in Northern European History (Selections)».

⁴⁵ The National union catalogue of manuscript collections 1959—1961. Based on reports from american repositories of manuscripts. J. W. Edwards, publisher. Incorporated. Ann Arbor. Michigan, 1962, p. 439.

⁴⁶ См.: Fr. D. Scott. The Westergaard — Bjorn Collection in Honnold Library of the Clermont Colleges. — Scandinavian Studies, vol. 41, N 4, November 1969, p. 346—354.

⁴⁷ Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. СПб., 1897.

В Отделе редких книг научной библиотеки в Беркли (The Bancroft Library) не удалось разыскать ни одной старинной русской книги, но зато много ценных книг XVIII в., в основном из коллекции историка П. Н. Милокова, находятся в Главной библиотеке университета, доступной всем; это «Пращица» Димитрия Ростовского (М., 1752), его же «Розыск о раскольничьей брынской вере», Киево-Печерский патерик (издание середины XVIII в.), «Краткий российский летописец» М. В. Ломоносова (СПб., 1760) и многие другие.⁴⁸ К сожалению, богатейшая библиотека П. Н. Милокова расформирована и расчленена по тематическому признаку.

Особое внимание к библиотеке П. Н. Милокова было вызвано тем, что Путеводитель 1973 г. по коллекциям Беркли сообщал, что в собрании П. Н. Милокова, проданном университету, находятся не только книги, но и старинные документы и рукописи (подразумевалось, по-видимому, их типографское воспроизведение).⁴⁹ Для того чтобы восстановить первоначальный состав расформированной библиотеки, пришлось обратиться к исходному регистрационному листу коллекции, который удалось извлечь из библиотечного архива. Лист был извлечен не сразу, но он подтвердил суждения библиотекарей, что рукописей в коллекции не было. Неожиданно возникшая атмосфера археографических поисков дала эффект: не в библиотеках Беркли, а в учебном помещении Славянского отделения (Dwinelle Hall) были разысканы давно хранившиеся там фотокопии документов и литературных текстов XVII в. из собрания Главного архива Министерства иностранных дел (находится в ЦГАДА), связанного с историей Сибири: копия сборника XVII в. (120 л., в 4°), содержащего описание Тюмени (1639—1647) и списки служащих казаков, «Повесть о Ермаке» и «Сказание об Абалацкой иконе», «Чудо Николы Мирликийского томскому гражданину Григорию в 1694», грамота в Пелым воеводе Богдану Полеву (1596) и др. Вместе с копиями была найдена и книга «Уложение царя Алексея Михайловича» (М., 1649) с рукописными добавлениями (1,5 последних листа ее заполнено скорописью XVIII в. о составлении родословной «сказки» стольнику Ивану Федоровичу Журову в марте 1623 г. «по указу царя и великаго князя» Михаила Федоровича). Среди книг Славянского отделения была обнаружена и еще одна редкость: книга, принадлежавшая Ивану Сергеевичу Тургеневу (Ив. Е. Забелин. Описание: Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях. М., 1872). На книге теперь три экслибриса: И. С. Тургенева, Г. В. Юдина и университета Беркли.⁵⁰

Не было обнаружено русских старопечатных книг ни в библиотеке Стенфордского университета,⁵¹ ни в библиотеке Гуверовского института, однако в коллекции неразобранных старых книг (Russian miscellaneous) Гуверовского института, находящегося на территории университета, был найден комплект изданий А. И. Мусина-Пушкина 1790-х г. и среди них —

⁴⁸ В Главную общедоступную библиотеку Беркли попала даже английская книга о Петре I, 1698 г. издания! («The ancient and present state of Muscovy». London, 1698). Все эти книги в библиотеке Чикагского университета хранятся в Отделе специальных коллекций.

⁴⁹ См.: Guide to Special Collection University of California, Berkeley Library. Compiled and edited by Audrey E. Phillips. New York, 1973, p. 92—93: «Milukov Library... Books... manuscripts... Includes a collection of Russian empire laws from 1649, and other valuable documents».

⁵⁰ Пользуюсь случаем поблагодарить мистера Перкинса, библиотекаря Славянского отделения, за любезную помощь в поисках старинных русских книг в Беркли.

⁵¹ Упомянем, что в Стенфорде среди редких книг коллекции А. Бендера находится книга из библиотеки М. Н. Волконской: [И. И. Голиков. Деяния Петра Великаго, ч. I. М., 1788, с ее экслибрисом: «Ex libris princess Marie Wolconsky. Plus être que paraître. In deo spes mea». (DK 131. G6. v. 1)].

неизвестный ранее экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве».⁵²

Рукопись, представляющая интерес для изучения историографии «Слова о полку Игореве», была найдена в Колорадо в библиотеке Колорадского университета в городе Боулдере (*Norlin Library*) в Отделе редких книг.⁵³ Здесь хранится всего несколько изданий XVIII—начала XIX в., напечатанных кириллицей, в том числе «Книга кратких поучений о главнейших спасительных догматах и заповедех божиих» (М., 1795. Вх 345. К 55); «Патерик Печерский, си есть отечник» (Киев, тип. Печерской лавры, 1820. Вх 596. Р. 37; на л. 2 — владельческая запись: «Подарена книга сия в церковь Борковского погоста Старорусского уезда крестьянином погоста Борков Яковом Яковлевым Дружининым 1840 года, октября 4 дня»). Здесь же хранится и второе издание «Слова о полку Игореве» (1819), подготовленное к печати Яковом Пожарским (РГ. 3300. S6. 1819). Последние чистые листы этой книги (к книге прилетено 42 новых листа бумаги с датой «1822» и литерами «УФКП») были использованы в качестве записной книжки Н. Т. Беляевым, автором нескольких статей о «Слове о полку Игореве» и славянских древностях,⁵⁴ членом семинара Н. П. Кондакова в 1920-е годы и убежденным сторонником подлинности «Слова».

Запись на л. 1 датирует начало выписок Н. Т. Беляева: «27.XII.25 (9.1.26), окончив статью о Булатах (гл. II о харалуге по «Слову») получил Слово о полку Игореве. Н. Беляев»; записи заканчиваются (с. 37) замечаниями к докладу С. Н. Плаутина о «Слове» в июле 1948 г. Материалы Н. Т. Беляева представляют собой выписки (на 37 с.) исторического и комментаторского характера: он выписывал близкие фрагменты из «Задонщины» и «Песни о Роланде», и особенно обильно — из исландских саг (по-исландски и с подстрочником) и скальдической поэзии. Основное направление его выписок — общность «Слова» и западноевропейской средневековой поэзии, несогласие с гипотезой А. Мазона о создании «Слова» в XVIII в. (весьма характерны исторические выписки Н. Т. Беляева на с. 7—9 в связи с лекциями А. Мазона в 1937—1938 гг.).⁵⁵

Рассматривая в целом перечисленные выше американские собрания славянских рукописей и старопечатных книг, легко заметить, что на составе собраний закономерно отразилась специфика происхождения коллекций: коллекционировались иллюстрированные и хорошо переплетенные бумажные и древние пергаменные рукописи, поступали в коллекцию

⁵² Подробнее см.: Н. С. Демкова. Неучтенный экземпляр первого издания «Слова о полку Игореве». — ТОДРЛ, т. XXXIII. Л., 1978, с. 441—443. В том же собрании Гуверовского института находится рукопись нового времени, озаглавленная «Примечания. О Сибири». (Russ. misc. — 1913). Рукопись 30-х гг. XIX в., в 1^о, переплет картонный, бумага с литерами «ФКНГ», 170 л.; писарская копия авторского текста с авторскими исправлениями. Автор сочинения жил в Сибири более 26 лет, в разных ее частях, «намерение быть полезным» побудило его «написать некоторые примечания»: «Об улучшении благосостояния сибирских жителей», «О распространении в Сибири мануфактур, искусств и торговой промышленности», о киргизах и др. Из текста ясно, что автор подавал свою записку в «Омский комитет».

⁵³ Пользуюсь случаем выразить искреннюю признательность проф. Е. Сэмпсону, заведующему Славянским отделом Колорадского университета, и мистеру Е. Петривскому, сотруднику библиотеки, за неизменную помощь в моей работе по разысканию древнерусских рукописей и книг в библиотеках США.

⁵⁴ Н. Т. Беляев: 1) Харалужные мечи по «Слову о полку Игореве». — In: *Récueil d'études dédiées à la mémoire de N. P. Kondakov, «Seminarium Kondakovianum»*. Prague, 1926, p. 159—161; 2) Рорик Ютландский и Рюрик Начальной летописи. — «Seminarium Kondakovianum», III. Prague, 1929, p. 215—270 и др.

⁵⁵ Фотокопия материалов Н. Т. Беляева передана нами в Древлехранилище ИРЛИ АН СССР.

фамильные документы частных лиц; иногда древнерусская рукопись (или книга) путешествовала по миру как экзотическая редкость: ее дарили как раритет.

Обзор доступных древнерусских материалов из американских собраний⁵⁶ убеждает в том, что рассредоточенное по разным коллекциям сравнительно небольшое количество подлинных древнерусских рукописей и старопечатных книг, имеющееся в США, требует тщательного археографического, палеографического и лингвистического их описания. Эта работа должна охватить материалы всех библиотек США,⁵⁷ а главное, решить проблему «открытия» частных коллекций, скрывающих, возможно, уникальные тексты, крайне необходимые для движения вперед славянской культуры.

⁵⁶ Автор обзора пытался разыскать древнерусские материалы и в библиотеках Йельского и Колумбийского университетов (известно, что в библиотеке Йельского университета есть Острожская Библия Ивана Федорова), проверял каталоги отделов редких книг и специальных коллекций в университете Массачусетс (Амхерст) и в одном из старейших американских университетов — в Колледже Вильяма и Мэри (Вильямсбург, Вирджиния), однако самые «древние» русские материалы в них — это издания XVIII в.

⁵⁷ По сведениям Э. Г. Баскакова, «ценные рукописи, относящиеся к петровской эпохе истории России», имеются в коллекции Ю. Шайлера, хранящейся в Славянском отделе нью-йоркской Публичной библиотеки; часть коллекции Ю. Шайлера хранится в Корнельском университете; документы, подписанные Петром I и Екатериной II, — в историческом обществе г. Кливленд (см.: Э. Г. Баскаков. Документальные материалы по истории народов СССР в архивах и библиотеках США. — История СССР, 1959, № 2, с. 227, 228).

ЗАМЕТКИ

М. КРБЕЦ, Г. МОИСЕЕВА

Первое известие о Задонщине

В начале 1852 г. известный московский собиратель древнерусских рукописей В. М. Ундольский приобрел значительное количество рукописных книг, в числе которых оказался сборник середины XVII в. с входившей в его состав Задонщиной. В том же году Задонщина по этому списку была издана В. М. Ундольским.¹ В предисловии, написанном И. Д. Беляевым, было сказано о том, что это произведение является «явным подражанием» «Слову о полку Игореве», что автор Задонщины знал «Слово» «на память».²

Так в науку вошло неизвестное ранее произведение, посвященное победе русских на поле Куликовом в 1380 г. Позднее, в 1858 г., был опубликован второй, так называемый Кирилло-Белозерский, список Задонщины из сборника XVII в., хранящегося в Синодальном собрании.³

Но, оказывается, задолго до этих публикаций на Задонщину обратил внимание известный чешский славист, знаток древнерусских памятников Йозеф Добровский. В 1822 г. в «*Jahrbücher der Literatur*» Йозефом Добровским была опубликована большая рецензия на первые восемь томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина.⁴ Великий чешский славист не только излагал сведения об истории Руси, ее культуре и науке и высоко оценивал труд русского историка, но одновременно высказывал свою точку зрения по привлекавшим его внимание вопросам и сообщал свое мнение об известных ему многочисленных русских памятниках, с которыми он ознакомился, когда находился в Москве и в Петербурге в конце 1792—начале 1793 г.

Интересующий нас в данном сообщении отрывок рецензии Йозефа Добровского относится к V тому «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Йозеф Добровский говорит о культуре и о литературе времени Дмитрия Ивановича Донского и Василия Дмитриевича: «Nicht ohne Werth ist die poetische Beschreibung der Kulikower Schlacht, von einem Räsaner, dem Priester Sophronius, verfasst. Sie erinnert an das Wort von Igor. Die Lobrede auf Dimitrij den Donischen zeichnet sich durch

¹ Слово о великом князе Дмитрии Ивановиче и о брате его князе Владимире Андреевиче, како победили супостата своего царя Мамаю. Сообщено В. М. Ундольским. Предисловие И. Д. Беляева. — ВОИДР, М., 1852, кн. 14.

² Там же, с. XIII.

³ А. Смирнов. 3-й список «Задонщины» по Синодальному скорописному списку XVII века. — Русский филологический вестник. Варшава, 1890, т. XXIII, № 2, с. 268—288.

⁴ *Istoriija gosudarstva rossijskago, d. i. Geschichte des russischen Staates. Zweite verbesserte Ausgabe. Petersburg, 1818, 1819. VIII Bände in gr. 8. — Jahrbücher der Literatur, Wien, 1822, Bd 20, S. 214—258. Атрибуция этой рецензии в кн.: Miloslav Krbec, Miroslav Laiske. Josef Dobrovský. I. Bibliographie der Veröffentlichungen von Josef Dobrovský. Praha, 1970, N 314, S. 107.*

Stärke und Zartheit aus».⁵ («Имеет ценность поэтическое описание Куликовской битвы, составленное одним рязанцем, священником Софонием. Оно напоминает „Слово о полку Игореве“. Похвала Дмитрию Донскому отличается силой и нежностью»).

Приведенное Йозефом Добровским известие о «поэтическом описании Куликовской битвы» не могло быть почерпнуто из «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, так как в примечании о произведениях, в которых отражены события, связанные с Куликовской битвой 1380 г., Н. М. Карамзин пишет: «Мы имеем два описания сей войны: одно действительно историческое и современное, находящееся в Ростовской и других достоверных летописях, а другое напечатанное с разными отменами в Киевском Синописе и в Никоновской летописи, баснословное и сочиненное, может быть, в исходе XV века».⁶ Речь здесь идет о летописной повести о Куликовской битве и о Сказании о Мамаевом побоище. Н. М. Карамзин ни слова не говорит о сравнении названных им произведений со «Словом о полку Игореве». Следовательно, Йозефу Добровскому было известно иное, чем Н. М. Карамзину, «поэтическое описание» Куликовской битвы. Не подлежит сомнению, что это была Задонщина.

Какую же рукопись Задонщины знал Йозеф Добровский?

Некоторые «опознавательные сигналы» мы можем почерпнуть из кратких сведений об этом произведении Й. Добровского: это «поэтическое описание Куликовской битвы», оно написано «рязанцем Софонием», содержит «похвалу» Дмитрию Донскому, которая отличается «силой и нежностью».

В Национальном музее г. Праги сохранилось описание московских и петербургских рукописных собраний, сделанное Йозефом Добровским во время его пребывания в России в конце 1792—начале 1793 г. В перечне рукописей Патриаршего (Синодального) собрания, которое с 1786 г. по распоряжению Екатерины II хранилось в Кремле в помещении Синодальной конторы при церкви Двенадцати апостолов,⁷ в описи Йозефа Добровского читаем: «Catalogus librorum Slavic. et russicorum qui servantur in Bibliotheca Patriarchali Moscvae 3. Nov. 1792 describi coeptui a J. D.».⁸ В разделе «In 4to» под № 474 описан сборник, названный «Sobranie razn. poučenii běloruskago pisma».⁹

Обратимся к описанному в 1890 г. А. Смирновым так называемому списку Задонщины. Издатель писал: «3-й список Задонщины находится в скорописном сборнике XVII в., хранящемся в Московской Синодальной библиотеке под № 790. Этот сборник составлен на западнорусском наречии... и прислан в Синодальную ризницу с Патриаршего Двора, как значится в надписи на первом листе рукописи».¹⁰

Сведения, сообщенные А. Смирновым, полностью подтверждаются В. П. Адриановой-Перетц в описанных ею рукописных списках Задонщины: «Сборник б. Синодальной библиотеки (ныне Гос. Исторического музея) № 790, XVII в., белорусский».¹¹

⁵ Jahrbücher der Literatur, 1822, Bd 20, S. 243.

⁶ Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. V. Изд. 4-е. СПб., 1834, с. 10, примеч. 56.

⁷ М. В. Щепкина, Т. Н. Протасьева. Сокровища древней письменности в старой печати. М., 1958, с. 18.

⁸ M. Bartoš. Soupis rukopisů Národního Musea v Praze. Svazek II. Praha, 1927, s. 120 (J. Dobrovský. Poznámky z katalogů moskevských, IX, E. 37, p. 34).

⁹ Soupis rukopisů Národního Musea v Praze. IX. E. 37, p. 48.

¹⁰ А. Смирнов. 3-й список «Задонщины» по Синодальному скорописному списку XVII века, с. 269.

¹¹ В. П. Адрианова-Перетц. Задонщина. Текст и примечания. — ТОДРЛ, т. V. М.—Л., 1947, с. 197.

В заглавии и тексте Задонщины по Синодальному списку № 790 подчеркивается, что это «похвала» Дмитрию Донскому: «Сказание Сафона резанца, исписана русским князем похвала, великому князю Дмитрию Ивановичу и брату его Володимеру Ондреевичу». ¹² В пятом абзаце повести снова упомянуто об авторе и о созданной им «похвале»: «И здеся помянем Софона резанца, сего великого князя Дмитрея Ивановича и правнука святого князя Володимера Киевского и брата его Володимера Андреевича, их же помянем и похвалим гуслями и песнями и буйными словесы». ¹³

Таким образом, в своей краткой характеристике Задонщины по списку Синодальному № 790 Йозеф Добровский точно определил характер этого литературного произведения как похвалу Дмитрию Донскому, отличающуюся «силой и нежностью».

Итак, за тридцать лет до публикации В. М. Ундольским Задонщины и за семьдесят лет до введения в научный оборот А. Смирновым Синодального списка № 790 Йозеф Добровский ознакомился в Синодальном (Патриаршем) собрании со сборником, в котором был список этой повести. В 1822 г. в рецензии на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина он первым оповестил ученый мир о древнерусском поэтическом произведении, посвященном герою Куликовской битвы Дмитрию Донскому, указав на зависимость эстетической системы Задонщины от «Слова о полку Игореве».

¹² «Слово о полку Игореве» и памятники Куликовского цикла. (К вопросу о времени написания «Слова»). М.—Л., 1966, с. 550.

¹³ Там же, с. 551.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- ААЭ — Акты, собранные... Археографической экспедицией.
 АИ — Акты исторические.
 АН СССР — Академия наук СССР.
 АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в.
 АФЭиХ — Акты феодального землевладения и хозяйства.
 БАН — Библиотека Академии наук СССР (Ленинград).
 Брике — С. М. Briquet. Les filigranes. Paris, 1907.
 ВВ — Византийский временник.
 ВИ — Вопросы истории.
 ВЛ — Вопросы литературы.
 ВМЧ — Великие Минеи Четии, изд. Археографической комиссией.
 ВОИДР — Временник Общества истории и древностей российских при Московском университете.
 ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (Москва).
 ГВЛ — Галицко-Волынская летопись.
 Тераклитов — А. А. Тераклитов. Филиграния XVII века на бумаге рукописных и бумажных документов русского происхождения. М., 1963.
 ТИМ — Государственный Исторический музей (Москва).
 ГЛИМ — Государственный Литературный музей (Москва).
 ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ленинград).
 ГРМ — Государственный Русский музей (Ленинград).
 ДАИ — Дополнения к Актам историческим.
 ЖМНО — Журнал Министерства народного образования.
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.
 ИА — Исторический архив.
 ИЗ — Исторические записки.
 ИМЛИ — Институт мировой литературы им. А. М. Горького Академии наук СССР (Москва).
 ИОЛЯ — Известия Отделения литературы и языка Академии наук СССР.
 ИОРЯС — Известия Отделения русского языка и словесности Академии наук СССР.
 ИпоРЯС — Известия по русскому языку и словесности Академии наук СССР.
 ИРЛИ — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР (Ленинград).
 Клепиков. Филигр. и штемп. — С. А. Клепиков. Филиграния и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX веков. М., 1959.
 КСИИМК — Краткие сообщения и доклады Института истории материальной культуры Академии наук СССР.
 ЛГУ — Ленинградский государственный университет им. А. А. Жданова.
 ЛЗАК — Летопись занятий Археографической комиссии.
 Лихачев. Бум. мельн. — Н. П. Лихачев. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. СПб., 1894.
 Лихачев, Вод. зн. — Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899.

- ЛОИИ — Ленинградское отделение Института истории Академии наук СССР.
- МДА — Московская духовная академия.
- Н1Л, Н2Л, Н3Л, Н4Л, Н5Л — Новгородские первая, вторая, третья, четвертая и пятая летописи.
- ОИДР — Общество истории и древностей российских.
- ОЛДП — Общество любителей древней письменности.
- ОЛЯ — Отделение литературы и языка Академии наук СССР.
- ПВЛ — Повесть временных лет.
- ПДП — Памятники древней письменности.
- ПДПИ — Памятники древней письменности и искусства.
- ППС — Православный Палестинский сборник.
- П1Л, П2Л, П3Л — Псковские первая, вторая и третья летописи.
- ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.
- РИБ — Русская историческая библиотека.
- РЛ — Русская литература.
- СГГД — Собрание государственных грамот и договоров.
- СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук.
- СПб. ДА — Санктпетербургская духовная академия.
- С1Л, С2Л — Софийские первая и вторая летописи.
- Срезневский. — И. И. Срезневский. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893—1912.
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) Академии наук СССР.
- Тромонин — К. Тромонин. Изъяснение знаков, видимых на писчей бумаге... М., 1844.
- ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов СССР (Москва).
- ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (Москва).
- ЦГИА — Центральный государственный исторический архив в Ленинграде.
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.
- ЧОЛДП — Чтения в Московском обществе любителей духовного просвещения.
- РГ — J. P. Migne. Patrologiae Graeca.

СОДЕРЖАНИЕ

ИССЛЕДОВАНИЯ

	Стр.
<i>Г. М. Прохоров</i> (Ленинград). Культурное своеобразие эпохи Куликовской битвы	3
<i>Р. П. Дмитриева</i> (Ленинград). Был ли Софоний рязанец автором Задонщины?	18
<i>В. Ю. Франчук</i> (Киев). Отклики Задонщины в песнях, записанных для Ричарда Джемса	26
<i>В. В. Колесов</i> (Ленинград). Стилистическая функция лексических вариантов в Сказании о Мамаевом побоище	33
<i>А. А. Амосов</i> (Ленинград). Сказание о Мамаевом побоище в Лицевом своде Ивана Грозного. (Заметки к проблеме прочтения миниатюр свода)	49
<i>Л. А. Дмитриев</i> (Ленинград). «Книга о побоищи Мамаея, царя татарского, от князя владимерского и московского Димитрия»	61
<i>Г. А. Левинзон, И. П. Смирнов</i> (Ленинград). «На поле Куликовом» Блока и памятники Куликовского цикла	72
<i>Я. С. Лурье</i> (Ленинград). Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV—XVI вв.	96
<i>В. И. Охотникова</i> (Ленинград). Летописная редакция Повести о Довмонте в сборнике из собрания Уварова	116
<i>М. Ф. Антонова</i> (Ленинград). Некоторые особенности стиля «Жития Стефана Пермского»	127
<i>М. А. Салмина</i> (Ленинград). Повесть о нашествии Тохтамыша	134
<i>Е. И. Ванеева</i> (Ленинград). О едином происхождении русских списков Сербской Александрии	152
<i>Р. Б. Тарковский</i> (Борисоглебск). Экспрессивно-стилистические акценты в системе пословного перевода в России XVII в.	162
<i>Л. А. Софронова</i> (Москва). Поэтика школьного театра	176
<i>А. М. Панченко</i> (Ленинград). История и вечность в системе культурных ценностей русского барокко	189
<i>И. П. Смирнов</i> (Ленинград). О подделках А. И. Сулакадзевым древнерусских памятников. (Место мистификации в истории культуры)	200

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

<i>Г. Н. Моисеева</i> (Ленинград). К вопросу о датировке Задонщины. (Наблюдения над пражским списком Сказания о Мамаевом побоище)	220
<i>В. К. Зиборов</i> (Ленинград). Хронографический вид Печатного варианта Основной редакции Сказания о Мамаевом побоище	240
<i>О. А. Белоброва</i> (Ленинград). О миниатюрах Куликовского цикла в Житии Сергия Радонежского	243
<i>Б. Н. Деинянинов</i> (Тамбов). Сочетание «свychай и обычаёв» в переводах «Слова о полку Игореве» и у Пушкина	247
<i>М. Д. Каган-Тарковская</i> (Ленинград). Легенда о перстне в сборниках Ефросина, книгописца Кирилло-Белозерского монастыря	250
<i>Н. А. Казакова</i> (Ленинград). «Татарским землям имена»	253
<i>Д. М. Буланин</i> (Ленинград). Лексикон Свиды в творчестве Максима Грека	257
<i>Е. П. Семенова</i> (Ленинград). И. А. Хворостинин и его «Словеса дней»	286
<i>Е. Н. Клигина</i> (Загорск). Симон Азарьин. (Новые данные по малоизученным источникам)	298
<i>Л. В. Соколова</i> (Ленинград). Две русские редакции XVII века Повести об Аполлонии Тирском	313
<i>Т. А. Брун</i> (Москва). Муромская «Повесть о чудесах Виленского креста»	323
<i>Э. Малёк</i> (Лодзь). К изучению древнерусского перевода «Повести о купце» Б. Будного	332

<i>Л. А. Итигина</i> (Ленинград). Новый список «Комидии притчи о блудном сыне» Симеона Полоцкого	339
<i>Е. М. Шарц</i> (Ленинград). Повесть о Григории Чудотворце и идольском жреце в Усть-Цилемских рукописных сборниках	341
<i>С. В. Фролов</i> (Ленинград). «Иного перевода Лукошкова». Опыт исследования	351

ПО РУКОПИСНЫМ СОБРАНИЯМ

<i>Е. А. Фет</i> (Новосибирск). Прологи в собрании Пушкинского Дома	357
<i>В. П. Бударагин</i> . (Ленинград). Новое пополнение Северодвинского собрания Древлехранилища	362
<i>Г. В. Маркелов</i> (Ленинград). Прибалтийские находки 1977 года	365
<i>Р. Г. Пихоя</i> (Свердловск). Археографические экспедиции Уральского университета в 1974—1976 гг.	369
<i>Т. Ф. Волкова</i> (Сыктывкар). Отчет об археографической экспедиции в Усть-Цилемский район Коми АССР	375
<i>Г. В. Маркелов</i> (Ленинград). Коллекция рукописей И. Н. Заволоко в Древлехранилище Пушкинского Дома	377
<i>Н. С. Демкова</i> (Ленинград). Древнерусские рукописи и старопечатные книги в некоторых собраниях США	388

ЗАМЕТКИ

<i>М. Крбец</i> (Оломоуц), <i>Г. Моисеева</i> (Ленинград). Первое известие о Задонщине	406
Список сокращений	409